Журнал отечественной словесности

«Вологодская литература»

адресован мыслящей аудитории, имеющей вкус и осведомленной о высоком предназначении печатного слова, призванного быть словом правды, добра и любви

№10 издан на меценатские средства

Журнал делается на общественных началах и печатается за счет меценатской поддержки в размере типографского счета. Это около 70 тысяч рублей на печать одного номера

Журнал «Вологодская литература». Учредители и издатели Николаев А.В., Халов А.С.
Редколлегия: Ломковский А.В., Николаев А.В., Толстиков Н.А., Халов А.С.
Главный редактор Николаев А.В., тел. 931-500-88-44, e-mail: vl_classik@mail.ru
Директор издания Халов А.С., тел. 921-144-22-50, e-mail: ac_halov@list.ru
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ35-0031 от 1.07.2009, выдано управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Вологодской области.
Эл. версия ВЛ: www.vollit.narod.ru. Адрес редакции: 160013, Вологда, ул.Мишкольцская, 11а-19.
Тираж 450 экз. Формат 70х100/16. Цена свободная.
Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика», Вологда, Челюскинцев, 3. Заказ 5607

ОГЛАВЛЕНИЕ

Проза

Александр Кукушкин, Михаил Гуров
ALMA MATRIX,
или Служение игумена Траяна, очерки семинарии 3 стр.

Александр Ломковский
ОБНЕСЕННЫЕ БОГОМ, записки санитара. Часть I 106 стр.

Владимир Савич
ТАБУРЕТКА МИРА, роман в рассказах 138 стр.

Борис Грабовский
ПРОГУЛКА ПО ТАЙГЕ, записки охотника 165 стр.

Владимир Шнюков
ЭЛЕГИЯ, рассказ 203 стр.

Александра Мартьянова
ЛАВАНДА, рассказ 206 стр.

Александр Халов, рассказы 216 стр.

Елена Шарыпина, рассказы 230 стр.

Ефим Гаммер
АМДЕРМА - ЛЕЖБИЩЕ МОРЖЕЙ, роман ассоциаций 234 стр.

Стихотворения

Виктор Зайков, лирика 294 стр.

Взрослая детская литература

Александр Ломковский
ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОМАШКИ И ВИТАМИНКИ
ИЗ ВЕСЕЛОГО ПОСЕЛКА 303 стр.

Философская проза

Юрий Лифшиц
И МЫ, роман-CD 346 стр.

Наука и философия

Алексей Николаев
ТЕОДИЦЕЯ. Часть I. **Материя.** Часть II. **Душа** 393 стр.

Откуда авторы: Александр Кукушкин - Коломна, Михаил Гуров - Москва, Александр Ломковский - Вологда, Владимир Савич - Монреаль, Борис Грабовский - Вологда, Владимир Шнюков - Вологда, Александра Мартьянова - Вологда, Александр Халов - селение Высокая Поляна под Грязовцем, Елена Шарыпина - Вологда, Ефим Гаммер - Иерусалим, Виктор Зайков - Вологда, Юрий Лифшиц - Орск, Алексей Николаев - Вологда

Александр КУКУШКИН
Михаил ГУРОВ

ALMA MATRIX,
или СЛУЖЕНИЕ ИГУМЕНА ТРАЯНА

ОГЛАВЛЕНИЕ
Предвкушение игумена Траяна
Общие соображения игумена Траяна
Ночная охота игумена Траяна
Рыбалка игумена Траяна
Кулачные бои игумена Траяна
Кот игумена Траяна
Мудрость игумена Траяна
Обет игумена Траяна
Свобода слова игумена Траяна
Сумасшествие игумена Траяна
Тучность игумена Траяна
Тайна игумена Траяна
Смерть игумена Траяна
Красноречие игумена Траяна. Часть 1
Красноречие игумена Траяна. Часть 2
Красноречие игумена Траяна. Часть 3
Красноречие игумена Траяна. Часть 4
Красноречие игумена Траяна. Часть 5
Триалог о «Троице» Рублева

ПРЕДВКУШЕНИЕ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Виктор вытащил градусник и покачал головой - температура держалась уже целую неделю. Виктора слегка знобило, донимал кашель, и совсем не нравилась постоянная общая усталость. Хотелось пить горячий чай с лимоном и лежать на диване пред телевизором, но время было неподходящим - Виктор поступал в семинарию.

Он поворочался на кровати еще с полчаса, потом встал и вышел из общей спальни в «предбанник». Предбанник находился ровно посередине общежития первокурсников, прозванного «Чертогами», куда на время вступительных экзаменов заселили абитуриентов. В предбаннике было три двери, ведущих в спальни, и еще одна вела в душевые кабинки и туалет; даже ночью в предбаннике всегда горел яркий свет. Жмурясь от него, Виктор добрался до высокой гладильной доски, стоящей у дальней стены, оперся на нее и вдоволь накашлялся. Ох уж этот кашель! Сегодня из-за него на экзамене по пению Виктор не показал и половины того, что умеет. Да что там говорить, даже четверти не показал. Почти два года, на последних курсах университета, он брал уроки у преподавателя, учил сольфеджио, немного фортепиано, а главное - ставил себе голос, и тут этот кашель все испортил. Виктор знал, что экзамен он не провалил и уж на четверку наработал, но ему хотелось большего, ведь на экзамене сидел отец Матфей Мормыль. Сидел, щурился, хмурился и молчал. Иногда улыбался. Сейчас Виктор уговаривал себя, что должен радоваться самой возможности увидеть собственными глазами живую легенду, но перед экзаменом он надеялся произвести впечатление и пополнить хор отца Матфея, чтобы петь на службах патриарха и гастролировать по всему миру. Какая была возможность! Виктор снова закашлялся.

Говорят, через месяц после начала учебы состоится новое прослушивание, когда будут делить голоса между семинарскими хорами. Первым будет выбирать отец Матфей,

потом регенты трех академических хоров, а оставшихся безголосых поделят между тремя хорами Регентской школы - семинаристы там все равно для балласта, и так есть, кому петь. К тому времени нужно обязательно выздороветь. И еще нужно обязательно поступить. А если бы понравился отцу Матфею прямо сейчас, то мог бы уже идти вне конкурса, сдавал бы спокойно предметы на тройки и не нервничал. И где он успел простудиться? Виктор еще немного посидел в ярко освещенном предбаннике и около двенадцати пошел спать. Спалось ему плохо.

Наутро он чувствовал себя разбитым и сразу после завтрака направился подземным туннелем в библиотеку высыпаться. Попытка днем заснуть в общежитии заранее была обречена на неудачу, он выяснил это уже в первый день экзаменов: почти двадцать человек в одной комнате - не шутка. Спалось в библиотеке прекрасно, к обеду он был вполне человеком и задумался, чем бы заняться во второй половине дня. Можно было что-нибудь повторять, но завтра предстоял странный экзамен по психологии, о котором никто ничего не знал и о котором не предупреждали абитуриентов, так что готовиться было непонятно как. После психологии - языки, их Виктор не боялся, потом - сочинения и собеседование, которых, кажется, не боялся вообще никто, и только потом - главный экзамен по богословию. К нему действительно стоило готовиться, но в запасе были еще целые две недели, торопиться было глупо, тем более при температуре.

Виктор пошел в Семинарский сад. Абитуриенты отчего-то не очень любили в нем гулять, потому там всегда было тихо и спокойно. Находился Семинарский сад далеко; чтобы добраться до него, нужно было пройти через всю Лавру. Виктор не сразу уяснил для себя запутанное расположение семинарских корпусов, но теперь уже вполне неплохо ориентировался. Главное было понять, что есть два холма. На одном холме стоит Троице-Сергиева Лавра, и треть Лавры занимает Московская духовная Академия. В Академии есть главный корпус, который тоже называется Академией. В корпусе есть аудитории, административный этаж со всем начальством, большая столовая, храм, общежитие для первокурсников семинарии (Чертоги, где он теперь живет), общежитие для студентов Академии, актовый зал и Церковно-археологический кабинет. Рядом с Академией стоит еще один корпус - «изолятор», то есть поликлиника для студентов и преподавателей. И еще рядом - библиотека. В толстых монастырских стенах вокруг Академии помещается Иконописная школа.

На другом холме располагается Московская духовная семинария, находящаяся с Академией в таких же отношениях, как институт с аспирантурой. Размещается семинария в Семинарском корпусе, где расположены аудитории, храм, жилые комнаты и Регентская школа для девушек, желающих научиться руководить церковным хором. По какой-то странной традиции первый курс студентов семинарии живет в Чертогах Академии, и только потом перебирается в Семинарский.

Между холмами находится Переходной корпус, или «Переходник». В нем есть немного жилых комнат и еще типография, низко и едва заметно гудящая. Виктор прошел по Переходнику, попал в Семинарский корпус, вышел на улицу и оказался в саду. Небо было ясным, но солнце не пекло, август выдался на удивление спокойным и ровным. Неподалеку от маленькой часовенки, под ветвистыми яблонями вокруг красивого рокария стояли кругом зеленые скамейки, где можно было посидеть в тишине. Виктор нырнул с основной дорожки в глубину сада и через минуту был на ровной лужайке. На одной из скамеек сидел крупный, но не толстый монах и читал книгу. Виктор аккуратно стал пробираться на противоположную сторону, стараясь не нарушить его уединение, но тот сам живо окликнул его:

- Абитуриент?

- Да, батюшка.

- Как звать?

- Виктор.

- А я Сергий, иеромонах, преподаю основное богословие на первом курсе семинарии. Как экзамены, Виктор?

Виктору отец Сергий понравился - простой, открытый, судя по всему веселый.

- Пока только пение сдал и историю.

Отец Сергий предложил присесть рядом, и Виктор разглядел книгу своего нового знакомого - «Мифологии» Барта.

- Успешно?

- Вроде бы, - Виктор пожал плечами и раскашлялся.

- А, - понимающе кивнул отец Сергий, - отца Матфея с таким кашлем вам поразить

вряд ли удалось. Но не переживайте, на самом деле пение никому не нужно, а заболевают здесь все приехавшие. Климат такой, все время поддувает противный ветерок. Не догадался преподобный организовать монастырь на берегу Черного моря, был бы у нас сейчас Сергиев Посад вместо Сочи... А что по истории спрашивали?

- Было пять вопросов. Первый о Франции во время Термидорианского Конвента, второй о Хеттском государстве, третий о хозяйствовании в Византии последних двух веков и еще вопросы о России - о Марине Мнишек и о Крымской войне.

- Неплохие вопросы, - ответил отец Сергий. - Как всегда большой разброс по времени и государствам. Но вы не думайте, дальше сложнее не будет, история всегда у нас на серьезном уровне спрашивается.

- Батюшка, а не скажете, что за экзамен такой по психологии? Никто не знал даже, что он будет.

- Это все проделки Траяна, - хохотнул отец Сергий.

- Проректора по воспитательной работе? - переспросил Виктор. - Я еще не успел приехать в семинарию, уже наслушался про него в епархии до дрожи в коленках, столько мне про него рассказали.

- Да-да, его рук дело, он ввел, и он уговорил этот экзамен нигде не афишировать. Принимать психологию будет игумен Игнатий, его старый знакомый, который большую часть времени проводит в Академии наук, а готовиться не имеет смысла, поскольку Игнатий каждый год спрашивает разное. Но вы не переживайте особо-то, это не главный экзамен, главные - история, сочинения и богословие.

- А зачем отцу Траяну экзамен по психологии?

- Ох, ну кто же это знает? Он же у нас гений; чего ему в голову взбредет, никогда наперед не скажешь... Монстр.

Они проговорили еще почти час, отец Сергий оказался на удивление болтлив и с удовольствием пересказывал различные семинарские байки, начиная от привидения в Семинарском корпусе и заканчивая будто бы существующей привычкой игумена Траяна ставить свечки на панихидный столик за каждого отчисленного студента. Кроме того, отец Сергий пояснил абитуриенту, что в семинарии слово «брат» является ругательством, а Церковно-археологический кабинет нужен только для того, чтобы в него посылать. «Иди ты, брат, в ЦАК!» - зычно крикнул отец Сергий. Виктор смеялся от души и пытался не отставать, делясь различными историями из своей студенческой жизни. На прощание отец Сергий сказал, что гуляет в саду или после обеда, или после ужина и пригласил присоединяться.

К отцу Игнатию Виктору нужно было идти первым, экзамен начинался в девять. Сбегав после завтрака к мощам преподобного Сергия в Троицкий собор, у игнатиевской двери в конце коридора на втором этаже Академии он был уже за двадцать минут до начала. В коридоре сновали абитуриенты, изредка появлялся человек в кителе или подряснике, абитуриенты как по команде замирали, а семинарист, не видя их, быстро проходил мимо. Все нервничали. Игнатия не было, и потому Виктор начинал волноваться еще больше. Желающих сдать экзамен прибывало. Без пяти девять в коридоре показалась старенькая уборщица с ведром воды и тряпками и уверенно направилась к кабинету Игнатия. Ее пропустили. Подойдя к двери, она постучалась и неожиданно громко высоким голосом крикнула:

- Батюшка! Благословите убраться!

- Убирайтесь! - послышалось из кабинета в ответ.

Старушка открыла дверь, и Виктор увидел Игнатия, который, оказывается, все это время сидел у себя в кабинете. Игнатий поманил его пальцем, Виктор неуверенно сделал пару шагов.

- Ну же, отец, экзамен сдавать будем или как? - Игнатий, казалось, был разочарован нерешительностью абитуриента.

- Так ведь... уборщица, батюшка? - неуверенно спросил Виктор.

- То есть - не будем, да?

- Будем.

Виктор зашел и сел на предложенный стул. Игнатий примостился напротив за компьютером и стал с огромной скоростью барабанить по клавиатуре, изредка бросая быстрый взгляд на испуганного абитуриента. Бабушка мыла пол.

- Как вам наши Чертоги? - задавая вопрос, Игнатий на Виктора не смотрел.

- Общежитие? Нормально.

- Не лгите.
- Не лгу.
- Вам кажется нормальным, когда в комнате одновременно живут пятнадцать или двадцать человек?
- А что же делать, раз места больше нет.
- Ну почему же. Место есть, нет материала для моей докторской диссертации по психологии малых закрытых групп. Пару лет назад думали перестраивать Чертоги, но я отговорил Траяна, сославшись на докторскую, а он отговорил ректора, сославшись на необходимость тесного общения для первокурсников. Чтобы лучше друг друга узнали. Так и живем. Вы многих уже узнали?
- Не особенно.
- Что так? Обычно абитуриенты чрезвычайно общительны и знакомятся друг с другом в первые же несколько дней.
- Я приехал сюда поступать в семинарию, а не пить чай с утра до вечера и травить анекдоты. Лучше потратить это время на подготовку к экзаменам, а если поступлю, тогда со всеми и познакомлюсь.
- Вы знаете, чего вы хотите. Это хорошо. А чем занимаюсь в Академии я, знаете?
- Психологию преподаете?
- Нет, ее здесь преподают другие. Меня Траян специально приглашает на вступительные экзамены, чтобы составить ему психологические портреты будущих семинаристов. А потом я снова уезжаю, так что вы меня больше не увидите. И вы сейчас вовсе не на экзамене, а на простой беседе. Успокоились? Готовы?
- К чему?

Игнатий улыбнулся и начал задавать вопросы. Через полчаса Виктор неровной походкой вышел из кабинета, голова была тяжелой и клонилась к земле. Его окружили абитуриенты и попытались выспросить, как все происходило, но говорить Виктор не мог. Парень, которому нужно было заходить следующим, трижды перекрестился, прежде чем открыть дверь, а Виктор, опираясь о стену рукой, медленно побрел в Чертоги.

Вечером отец Сергий долго смеялся над викторовыми мучениями:

- На самом деле, раньше было куда хуже. Например, у вас ведь будет собеседование с комиссией, а два года назад его проводил лично Траян и, говорят, измывался над бедными парнями, как только мог. В одном году, знаете, проректор как-то вводил всех абитуриентов в ступор вопросом о чистоте их ногтей. Да-да, серьезно, он на собеседовании разговаривал о руках священника и их опрятности.

Виктор шел рядом с отцом Сергием по Семинарскому саду и не понимал, шутит тот или нет. Отец Сергий продолжил:

- Вы мне не верите? На подобную реакцию Траян и рассчитывал. Входит человек, собирающийся высокодуховно отвечать на вопрос, зачем он поступает в семинарию, а у него спрашивают, как он ухаживает за своими ногтями. И если тот делает такое же недоуменное лицо, как сейчас вы, то ему в жесткой форме втолковывают, что своими руками священник берет Тело Христово, чтобы раздать Его людям. Что своими руками он людей благословляет, отпускает им грехи, что его руки - это руки Бога в человеческом мире, как же за ними не следить?
- Ну, батюшка, я прямо не знаю, ваш Траян просто... какой-то...
- Вы думаете, я вам сейчас самое страшное рассказываю? - отец Сергий с трудом сдерживал себя. - Нет, совсем нет. Он как-то заставлял на собеседовании брюки снимать.

Виктор остановился, отец Сергий начал хохотать на весь сад.

- Как так брюки?
- А буквально, заставлял снимать.
- Зачем?

У отца Сергия от смеха текли по лицу слезы:

- Ой, не могу, вы бы видели себя со стороны, Виктор. Зачем брюки? Ну, понятно зачем, - он снова начал смеяться. - Про профессиональную болезнь священника слышали?
- Варикозное расширение вен?
- Да, вот Траян и доказывал поступающим, что они не могут быть священниками, если у них ноги больные. Ноги служителя Христова должны быть здоровыми, потому что этими ногами была покорена Римская империя, этими ногами ходит истина по земле и все такое.
- Но брюки снимать?

- Да не прямо же он так и говорил, мол, снимите брюки, - отец Сергий никак не мог отдышаться от смеха. - Просто заводил разговор о ногах. Не знаю, может, и предлагал штанины закатать, а может, и не было ничего такого, знаете, сколько баек про Траяна?.. Все, Виктор, не могу больше, вы меня убиваете своим простодушием, давайте тему менять, хватит про Траяна.

Они дошли до конца дорожки и повернули обратно.

- Как с языками у вас?

- В школе учил английский и французский, в университете французский позабросил, но, наверное, справлюсь.

- О, конечно, второй язык почти формальность, так, для галочки. Небольшой тест, перевод, пересказ, все просто. У нас подумывают ввести древний язык при поступлении, на выбор латынь или греческий, вот это будет проблема. Все-таки в школьной программе их нет, а большинство теперь поступают после школы. Ну, это в будущем и вас не касается.

Экзамен по языкам действительно оказался простым, Виктору даже удалось рассмешить комиссию пародированием шотландского акцента. А вот с сочинениями было сложнее, абитуриенты писали их два: большое на три с половиной часа и сочинение-экспромт на тридцать минут, причем писали их подряд. У всех были одинаковые темы, без возможности выбора. Когда в аудитории огласили большую тему, наступила странная тишина, тема была такой - «Почему православный не может любить творчество Ф.М.Достоевского». Минут сорок Виктор только перестраивался на волну «нелюбви» к Федору Михайловичу, причем чувствовал себя так, словно его выворачивали наизнанку. Потом накидывал мысли: отсутствие Церкви в романах, нездоровое наслаждение самобичеванием и покаянием, гипертрофированная чувствительность, почти католическая экзальтация, излишняя социальность, потом еще для полноты картины Виктор добавил эстетических претензий о корявости и мрачности мира Достоевского, а потом пытался из этих вымученных тезисов сотворить связный текст. По его собственным ощущениям получилось на четверку максимум.

Тема экспромта оказалась еще более непонятной: «Цензура в Церкви: pro et contra». После Достоевского думалось туго, а тема была явно провокационной. Виктор написал, что цензура быть должна, но одинаковая для всех. А не так, когда есть много разных цензур, когда на каждом приходе цензура своя, в каждом издательстве тоже, в каждом монастыре, в епархии. Все должно быть унифицировано. Сдавал Виктор сочинения с опаской и неуверенностью.

Но хуже всего оказалось на собеседовании, проходившем через два дня. У Виктора спросили, сколько ему лет. Он ответил, что двадцать два. У него спросили, сколько будет ему, когда он закончит семинарию. Виктор ответил, что двадцать семь. Будет ли он учиться в Академии, спросили у него. «Наверное», - Виктору перестали нравиться простые вопросы. «И во сколько же лет вы закончите Академию?» В тридцать. «А что потом?» Женюсь и рукоположусь. «В тридцать лет?» Да. «А во сколько лет по канонам нужно рукополагаться?» В тридцать. «А когда создавались эти каноны?» Полтора тысячелетия назад. «А во сколько лет тогда женились?» В... пятнадцать. «А во сколько уже имели внуков?» В тридцать. «А когда умирали?» Простите? «Какая была продолжительность жизни тогда?» Не знаю. «Тридцать лет». Да? «Да. То есть человек рукополагался незадолго перед смертью, когда уже имел внуков. Во сколько у вас будут внуки?» В пятьдесят. «И умрете вы приблизительно в каком возрасте?» В шестьдесят. «А рукополагаться нужно перед смертью и имея внуков?» Да, вы так сказали. «Так во сколько лет вам надо рукополагаться?» В пятьдесят? «Не знаем, а вам как кажется?» Виктор не знал, как ему уже кажется, и молчал. Комиссия тоже молчала. Тогда Виктор собрался с силами и сказал большую речь о призвании к священническому служению и о том, что он это призвание в себе чувствует. Его внимательно выслушали и отпустили, не задав больше ни одного вопроса. Оставалось сдать только богословие.

Экзамена по богословию боялись и ждали. Он всегда был последним, самым важным, сложным и в чем-то бесчеловечным. Все абитуриенты собирались в девять утра в аудиториях Академии на третьем этаже. Перед каждым ставился компьютер, и предлагалось элементарным нажатием мышки выбирать правильный ответ на вопрос. Когда студент нажимал на какой-нибудь вариант ответа, появлялся новый вопрос. Вариантов ответа

было пять, вопросы были непростыми, и их было много - экзамен продолжался до пяти вечера. Из аудитории можно было выходить три раза, но не более, чем на десять минут. С половины второго до двух все желающие могли пообедать в столовой.

В любой момент можно было сказать, что ты закончил тест, и результаты сразу же начинали обрабатываться. Итоговый балл высчитывался хитрым способом, учитывалось и общее количество верных ответов, и отношение верных ответов к неверным, и даже регулярность ошибок. Ходила байка, будто данную систему разработал московский НИИ, после того как однажды на экзамене какой-то хитрец просто тыкал все время в верхний ответ с максимальной скоростью и смог, во-первых, ответить на все вопросы - их будто бы было почти десять тысяч - и, во-вторых, набрать чуть ли не больше всех правильных ответов. Теперь такой фокус не проходил.

Вопросы чередовались из разных разделов: догматика, апологетика, литургика, патрология, церковное право, церковное искусство, миссиология, нравственное богословие, богословие основное, сравнительное богословие, сектоведение и какие-то еще, которые Виктор точно идентифицировать не мог. Вопросы были явно из семинарской программы, потому понять, что именно хотели выяснить этим тестом, было сложно. Ведь если человек не знает семинарской программы, значит, ему нужно идти учиться в семинарию, разве нет? Зачем тогда этот тест? Но Виктор сидел и старательно отвечал. Через час он заметил, что достаточно регулярно попадаются вполне простые вопросы, и решил, что ответы на них и будут цениться больше всего. Это его успокоило и придало сил. Виктор оказался единственным абитуриентом, кто досидел за компьютером до пяти часов вечера.

- Поступили? - отец Сергий был как всегда бодр и весел. Он почти налетел на Виктора, выскочив из-за густых кустов Семинарского сада.

- Так еще не объявляли результаты. Завтра в одиннадцать в актовом зале скажут.

- А по ощущениям? - отец Сергий скрутил и спрятал в карман рясы длинные темно-красные четки, переключившись с молитвы на беседу.

- По ощущениям думал, что совсем нет, но потом поговорил с другими ребятами и понял, что может быть и да. Они вообще все в страшном унынии.

- Значит, все нормально. Не волнуйтесь вы, Виктор, ведь главный отсев происходит не здесь, а раньше. На уровне приходского священника, потом на уровне настоятеля храма, потом у благочинного, у местного архиерея, а уж потом здесь, вы же все это проходили сами. Например, в этом году конкурс был всего 2,7 человека на место, совсем немного. Но если учесть всю цепочку от приходского батюшки, то выйдет, думаю, человек двенадцать на одно место, как это было во времена моего поступления. Тогда церковная жизнь была мало выстроена, провинциальных семинарий не было вообще, все шли сюда... А кроме того, переживать, когда ничего исправить уже нельзя, глупо... И вредно для пищеварения. Не переживайте о поступлении, переживайте о том, как будете здесь жить.

- Расскажите о стукачах.

- Что вы о грустном сразу? - сказал это отец Сергий ничуть не грустным голосом, а со своей обычной хитринкой.

- Надо же о чем-нибудь достойном переживать, вы сами говорите.

- Да, ну да. Их называют осведомителями, а не стукачами. Курсы большие, людей много, видеокамеры и прослушку ректор устанавливать запретил, он-то доверяет студентам. А Траян, понятное дело, наоборот. Вот и пользуется дедовскими методами, хотя сам их терпеть не может.

- Как это, не может терпеть?

- А он очень не любит своих осведомителей и просто пользуется ими как инструментом, а потом на последнем курсе отчисляет.

- Не может быть.

- Может-может, такой он у нас странный, батюшка игумен. Он считает, что человек, доносящий на собственных собратьев, не имеет морального права становиться священником. Собственно, с ним ведь и не поспоришь. Вам рекомендую точно так же относится к подобным ребятам - как к игре в кошки-мышки, без злобы. Они сами себя наказывают.

- Почему же они соглашаются быть стукачами, если знают, что будут отчислены?

- Из-за любви к игумену.

- Простите?

- Из-за любви к Траяну, к тому, что он делает, к его таланту, стилю, не знаю. Он ведь

может быть чрезвычайно обаятельным, вы даже не представляете, он же хамелеон. И умный очень. А кроме того, он фанатик, и это страшно заразительно для неокрепших душ молодых людей. Легко в восемнадцать-двадцать лет попасть под его очарование, не удержаться от любования им. Виктор, вы с высшим образованием - наверняка вас сделают старостой группы. А если так, то Траян обязательно будет с вами знакомиться лично, несколько бесед проведет, будьте осторожны, не поддавайтесь. Впрочем, как хотите.

- То есть как это?

- Ну, понимаете. Никто же незнаком с настоящим Траяном. С ним дружит только отец Владимир Фирсов, проректор по научной работе, и больше никто. Я вам сейчас рассказываю всякие страшилки про Траяна, а кто же знает, как все на самом деле. Может, он очень простой и искренний, а мы на него возводим напраслину? Может быть, его настоящего только его осведомители и знают? Может, это с их стороны подвиг такой, помогать ему ловить нарушителей, а потом отчисляться с последнего курса. Кто скажет? Так что, выпадет вам возможность узнать Траяна получше - узнавайте, он интересный человек. Только все-таки осторожнее.

Абитуриентов было много, но заполнить весь актовый зал они не могли, и оттого он выглядел так, словно должны были давать плохой спектакль, на который не продали все билеты. Никто не был ни в чем уверен, и никаких особых разговоров никто не вел. Все ждали объявления результатов. Наконец боковые двери открылись, пять человек в черных рясах поднялись на сцену и сели за стол. Один из них положил перед собой папку и сразу открыл ее. Среди монахов Виктор узнал отца Сергия и немного приободрился. Абитуриенты встали, ожидая сигнала к началу общих молитв, которыми в семинарии начиналось всякое дело, но монахи молиться не собирались и просто сидели за столом. Наконец тот, у кого была папка, подвинул к себе микрофон и предложил всем присесть.

- Сейчас я оглашу список поступивших в Московскую духовную семинарию, - сказал он, забыв представиться, но и без того всем стало ясно, что этот непримечательный человек и есть грозный игумен Траян. - Но прежде чем я это сделаю, хочется сказать следующее - если вы не услышите свою фамилию, знайте, что жизнь на этом не кончается.

Монах сделал паузу, опустил голову и начал медленно зачитывать. Первой фамилией была фамилия Виктора. Это был самый счастливый момент в его жизни. Виктор не мог думать, не мог ничего слышать, видеть или чувствовать, он просто сидел и был счастлив. Вокруг него рушились надежды непоступивших, ломались судьбы и жизни, а он сидел и глупо улыбался. Он - семинарист Виктор - просто сидел и улыбался.

После оглашения результатов был объявлен получасовой перерыв, после которого новеньким первокурсникам предписывалось снова собраться в зале. Монахи встали и ушли, а бывшие абитуриенты бросились разговаривать, обниматься, кричать и выяснять, кто еще поступил, кроме них самих. Все разом достали сотовые телефоны и стали звонить, чтобы обрадовать свои епархии. В зале стоял невообразимый шум и гам. Те, кто не прошел по конкурсу, медленно и молча выходили из зала, их было в два раза больше, чем поступивших, но их никто не замечал. Все были счастливы, а тех, кто счастлив не был, теперь не существовало.

Когда через полчаса монахи вернулись на свои места, перед ними в зале сидели совсем другие люди - уверенные, веселые, живые. Монах с папкой немного подождал, пока все успокоятся, и сказал в микрофон:

- Дорогие братья, с поступлением в Московскую духовную семинарию вас хочет поздравить проректор по воспитательной работе игумен Траян.

Отец Сергий встал со своего места и прошел к кафедре. Виктор удивленно приподнялся, опираясь на подлокотники кресла.

- Добрый день, - сказал отец Сергий так, что зал сковало оцепенением. - Я игумен Траян Введенский, проректор по воспитательной работе Московских духовных школ. - Виктор побледнел. - Моя задача - заставить вас завидовать тем парням, которые только что вышли из зала... И уверяю вас, с этой задачей я справлюсь.

У Виктора упало сердце.

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Отец Траян задумался над следующим ходом. Он неплохо играл в шахматы и явно был сильнее своего оппонента - отца Наума - потому думал сейчас не над тем, как победить, а над тем, как растянуть удовольствие. Вечером в пятницу проректор позволил себе не-

много расслабиться, ему было скучно и не хотелось работать. Учебный год начался месяц назад, все организационные вопросы он уже решил, система работала как часы, осведомители на первом курсе были завербованы, дежурные помощники начеку, от студентов регулярно поступали письменные объяснительные их проступков, формируя личные дела и подготавливая почву для отчислений. Все устроено. Пора начинать гонения, но настроение было нерабочим.

Проректор развлекал себя, натаскивая нового помощника, человека удивительного и подающего большие надежды. Отец Наум был монахом, поступил в этом году в Академию из провинциальной семинарии, во время учебы в которой сумел стать старшим дежурным помощником проректора по воспитательной работе. Одно это уже было замечательным фактом, но Траяна больше поразила статистика отца Наума: за год своего послушания он сумел взять шестьдесят восемь объяснительных и поспособствовать отчислению семерых студентов. Это были выдающиеся результаты. Отец Траян лично взял шефство над новичком, чтобы никто не загубил такого таланта.

- А что вы скажете на это, отец Наум? - Траян сделал ход, продлевающий агонию соперника. - Думайте-думайте, я же пока расскажу вам, чем шахматы похожи на семинарию... Понимаете, очень удобно сравнить семинаристов с фигурами на доске. Пешки - первокурсники, прямолинейные и глупые, отчислять их не доставляет никакого удовольствия, но делать это необходимо, потому что их слишком много. Кони - второй курс, они пытаются брыкаться, и им кажется, что их поведение стало заковыристым и хитрым, но на самом деле далеко они убежать от нас не в состоянии. Слоны - курс третий, интересный противник, подвижный, быстрый, но в нем не хватает смелости, он никогда не пойдет на нас прямо, а постоянно как-то сбоку. Ладьи - вот кого я люблю больше всего! Четверокурсники умны, уверены в себе и понюхали пороху, они не боятся нас, потому что знают себе цену. Их очень сложно отчислить, очень.

Отец Наум забыл о шахматах и внимал. О Траяне ходили легенды, он создал целое направление в воспитательной работе, проректоры во всех семинариях пытались подражать его стилю. Траян никогда не отчислял просто так, он делал это потрясающе мощно и пафосно, при этом с удивительным изяществом и лоском. Потому отец Наум слушал с такой внимательностью, с какой не слушал даже своего духовника.

- Есть еще пятый курс, - продолжал Траян, - это ферзь. Специально гоняться за ним не имеет смысла, но иногда бывает такая удобная ситуация, когда не напасть на него нельзя. И тут главное - не потерять голову от счастья, потому что пятикурсник может не только увернуться, он может и ответить. С ними нужно быть предельно осторожным... Есть загадочная фигура - король. Он беспомощен и жалок, но именно он является лидером общественного мнения семинаристов. С его подачи они устраивают все акции протеста и массового неповиновения. Признаюсь, мне иногда снится, как я отчисляю короля. Если бы мне когда-нибудь удалось это сделать, я бы попросился на пенсию в заштатный монастырь писать мемуары. Но пока его даже найти не удавалось никому. Возможно, его вовсе нет.

Зазвонил сотовый, лежащий рядом с шахматной доской на низком кофейном столике, и отец Траян потянулся к нему.

- Впрочем, - добавил он, - есть и отличия между шахматами и семинарией. Главное отличие заключается в том, что в шахматах все заканчивается матом, а в семинарии мат запрещен.

Звонил один из дежурных помощников и докладывал, что оба ночных вахтера в Семинарском корпусе сидят не по списку. Правда, каждый из них представил веские причины, по которым он заменил товарища, но помощник решил перестраховаться и сообщить проректору. Отец Траян, нутром почуяв неладное, вышел из кабинета и направился в Семинарский корпус, заодно решив наведать вахтера в Академии. Отец Наум сменил рядом; он знал, что академическую вахту, как и две семинарских, обслуживают четверокурсники, а с четвертым курсом у отца проректора особые счеты.

За столом в застекленной будке вахтера, обложившись книгами, в расстегнутом кителе сидел всегда изящный, но сегодня взлохмаченный блондин Михаил Гайда, спешно готовясь к страшному зачету по сектоведению. Завидев отца проректора с помощником, он скривился с досады за то, что его отрывают от гранита науки, подумал, потом все-таки встал, застегнулся и повернулся к гостям.

- Михаил, - не здороваясь, начал Траян, - вы сегодня по расписанию сидите на этой вахте?

- Почти, - ответил Гайда.

- Почти?

- Я должен был одно дежурство Виктору Светлову, вы благословляли, чтобы он меня подменил, когда я ездил домой по прошению. Теперь отдаю долг.

Отец Траян кивнул и повел отца Наума в Семинарский корпус. По дороге проректор жаловался молодому помощнику на мягкотелость Владыки ректора, запретившего установку видеокамер на территории Академии. Какая была отличная идея! И не просто идея, весь проект был полностью разработан, определены точки желательной установки, подобрано оборудование, составлена смета - а Владыка сказал, что постоянное подглядывание изуродует психику будущего пастыря, что пастырь должен быть свободен в своих поступках и решениях. Странная логика, будто христианин не должен себя вести так, словно он всегда на виду у Бога. А если Бог видит тебя всегда, что неправильного в том, чтобы позволить инспекции видеть тебя хотя бы иногда? При чем тут психика?

Одну из камер отец Траян хотел установить над головой вахтера, что сидит на стыке Семинарского корпуса и Переходника. Тогда прямо из своего кабинета можно было бы увидеть, что на вахту заступил добродушный гигант Максим Задубицкий, захвативший с собой одеяло и подушку. Если спросить его сейчас, зачем они ему на вахте, он обязательно найдет, что ответить. А при камере ни за что не посмел бы принести, какой смысл - камера все видит, поспать ночью не удастся.

- Максим, кого подменяете? - бросил отец Траян на ходу.

- Светлова, - отозвался Задубицкий, глядя в удаляющиеся спины проректора и отца Наума. - Алексея Светлова.

Траян шел дальше, он уже все понял. На последней вахте, рядом с кабинетом дежурного помощника, сидел полноватый студент невысокого роста Александр Настоящий и протирал свои многочисленные очки, сладострастно дыша на линзы и подслеповато щурясь. Траян заглянул в кабинет, нашел его пустым и вернулся к вахтеру.

- Александр, где помощник?

Настоящий отложил в сторону платок и очки в роговой оправе, встал, поморгал близоруко в направлении двух силуэтов, наклонился над столом, нашарил изящные очки в оправе позолоченной, напялил их на себя, увидел игумена и молодого монаха и спросил:

- Что вы сказали? - Настоящий плохо слышал без очков.

- Где помощник? - Траян дружески улыбнулся, Настоящему не вывести его из себя.

- А... Он ушел, но обещал вернуться, - Настоящий отвечал, смотря прямо в глаза проректору, но проректор знал, что даже в очках Александр его глаз не видит, потому и смеет так нагло таращиться.

- Передайте ему, пожалуйста, чтобы позвонил мне после вечерних молитв.

- Конечно, - обнадеживающе кивнул Настоящий и тут же забыл, о чем его попросили.

- Кстати, - вернулся Траян, собиравшийся было уходить, - вы ведь на прошлой неделе были на ночной вахте, нет?

- Был, - вздохнул несчастный студент.

- И сегодня опять? - сочувственно поинтересовался проректор. - Подменяете, что ли, кого? Кого-нибудь из братьев Светловых?

- Сашу Светлова, тезку моего.

Игумен Траян и иеромонах Наум медленным шагом возвращались в Академию. Их бегом обгоняли многочисленные студенты, опаздывающие на вечерние молитвы, но Траяну не было до них дела, он думал. На три ночные вахты по расписанию были назначены москвичи-иподиаконы братья Светловы. Основное послушание у них было в Москве у своего архиерея, к которому они уезжали каждую субботу после занятий, а возвращались в понедельник, утром или вечером. Вольные птицы. Ночная вахта в ночь с пятницы на субботу тоже была уступкой их статусу иподьяконов. Обычно они втроем садились на вахты в пятницу вечером, а в девять утра субботы уже были свободны и могли не идти на занятия, а ехать в свою Москву отсыпаться и развлекаться, поскольку никакой архиерей их, разумеется, не будет мучить поручениями после ночной-то вахты. Но сегодня Светловы схитрили, нашли себе подмену и, без сомнения, уже уехали в столицу, не дожидаясь субботы.

- Что будем делать, отец Наум? - Траяну был интересен ход мысли своего протеже.

- Если они не заступили на вахты, значит, должны находиться в семинарии, никто ведь не разрешал им уезжать в пятницу, они могли уехать только в субботу. Нужно устроить вечером проверку, убедиться, что их нет, и брать объяснительные, - попытался быть логичным отец Наум.

- Так-то оно так, да не совсем, - отец игумен предложил присесть на скамейку напро-

тив Успенского собора и насладиться теплым осенним вечером. Охранники уже выгнали за монастырские ворота фанатичных паломников, многочисленные вороны присмирели, усевшись на деревьях, стало спокойно и тихо. Траян еще со времен своего студенчества больше всего любил Лавру ближе к закату: - Так, да не совсем. В их прошениях возможность отъезда в Москву сформулирована как «после окончания послушания», понимаете? Они нашли себе замену, этим их послушание вахтеров и закончилось, еще не начавшись, значит, они могли уехать уже сегодня. Да-да, звучит казуистически, но поверьте мне, именно это они напишут вам в объяснительных. И будут правы. Кроме того, не забывайте, что они иподьяконы, и их архиерей сразу узнает, что вы мешаете молодым людям нести столь ответственное и важное послушание необоснованными подозрениями. Мы можем делать с ними все что угодно здесь, в семинарии, но за ее пределами они не в нашей власти...

Отец Траян немного помолчал. Часы на лаврской колокольне пробили десять раз, в Академии начались молитвы.

- Предлагаю поступить иначе. Вы неплохо играете в шахматы, может быть, помните, в 2000 году, в Вейк-ан-Зее, еще блестящий Каспаров играл против Крамника партию, где на четырнадцатый ход потратил минут сорок. Не помните? Он задумался в простой ситуации и через сорок минут сделал совсем не обостряющий и будто невнятный ход, но им-то как раз выиграл все. Когда у него спрашивали потом про эти сорок минут и его решение, он сказал, что «сделал ход из общих соображений». Нам нужен сейчас такой же ход. Из общих соображений. Потому что напрямую мы не достанем братьев Светловых.

Субботнее утро началось с того, что за завтраком четвертому курсу объявили о необходимости после последней лекции всем дружно направиться в Семинарский сад чистить его и облагораживать. Семинарский сад насадил прошлый проректор по воспитательной работе своими руками, нынешний проректор поддерживал его в порядке руками семинаристов. Четверокурсники были озадачены немотивированной агрессией со стороны инспекции, но ничего поделать не могли, смирились и работали лопатами, вилами и граблями с часу до четырех. После чего пообедали остывшим молочным супом с цветной капустой и пошли на всенощное бдение.

Вечером после отбоя дежурный помощник проректора, проверяя наличие студентов в спальнях, заодно сообщал четверокурсникам о грядущих воскресных послушаниях. Комната 310 пойдет после обеда на продовольственный склад, перебирать поступившие овощи. Комната 312 отправится к матушке Синицыной, чей муж так много сделал для блага Академии, что она даже после его смерти может продолжать пользоваться семинаристами в качестве бесплатной и безропотной рабочей силы. Комнате 315 предстоит покрасить новый дом одного из преподавателей, а комнатам 313 и 314 нужно будет посетить хозяйственный склад Лавры. Всем остальным было предписано в обязательном порядке явиться к дежурному помощнику после обеда в рабочей одежде, их собирались направить на всякие мелкие нужды.

Гонения начались. Четверокурсникам было не привыкать, но их возмущало то, что работать приходилось в воскресенье, единственный более-менее свободный день. И, кроме того, работать приходилось только их курсу, тогда как другие отдыхали. Четвертый курс вообще был на особом положении в семинарии. Когда они поступали, отец Траян тяжело болел и вернулся к исполнению своих обязанностей только в ноябре. За два месяца молодые студенты успели сдружиться и разобраться в порядках духовных школ, проректор не успел завербовать осведомителей, упустил возможность расколоть курс на отдельные группы, не смог посеять в их душах страх и трепет перед инспекцией. Нынешние четверокурсники были неуправляемы и сплочены, им попадало больше всех, но бедствия их только закаляли. Траян называл этот курс потерянным.

Отец Наум интересовался у проректора, каким образом устроенные ковровые бомбардировки могут помочь наказать отсутствующих в семинарии иподьяконов Светловых, но Траян ничего не объяснял. Отец Наум решил, что с наглыми москвичами ничего сделать не удастся и нужно ждать следующего шанса, а пока сосредоточиться на массовой травле четвертого курса. В понедельник во время обеда он с нескрываемым удовольствием направил их всех на разгрузку приехавшей фуры с картошкой. Это был перебор, это было уже слишком, администрация перегибала палку, общественность возроптала. Но четвертый курс все равно отправился разгружать.

Отцы Траян и Наум вышли на прогулку посмотреть, как работается семинаристам.

Несколько десятков человек гнули спины под тяжестью мешков, ругались сквозь зубы и клялись никогда не забыть этого издевательства, а при первом удобном случае поквитаться. Отец Наум ощущал себя плантатором в южной колонии на Ямайке. Ощущения ему нравились, никогда до этого дня на него не работало разом столько людей. Траян тоже был, кажется, доволен.

- Знаете, батюшка, - сказал проректор, - сегодня вечером приезжают наши иподьяконы.

- Мне казалось, вы забыли о них.

- Нет, что вы, я только о них и думаю. Вы спрашивали меня, каким образом предпринятые нами меры связаны с ними. Они связаны с ними самым прямым образом, но все очарование ситуации заключается в том, что даже я не знаю, как именно. Что-то должно случиться, что конкретно - неважно, но обещаю вам, это что-то случится непременно или сегодня вечером, или завтра утром. Нужно немного подождать.

Отец Наум опять ничего не понял, но был рад услышать, что Светловы не останутся без наказания. В конце концов, это даже несправедливо, ведь их сокурсники уже третий день работают, а они в это время отдыхают в Москве. Траян с Наумом поравнялись с трудящимися семинаристами. Проректор шел как ни в чем не бывало, спокойно разглядывая лаврскую стену, помощнику же было куда интереснее наблюдать за своими работниками. Внезапно один из них - огромного роста и могучего телосложения, тот самый, который заступал на вахту в Семинарском корпусе вместе с подушкой и одеялом, - опустил мешок на асфальт, выпрямился, повернулся и стал смотреть прямо на отца Наума. Он сделал это очень медленно, но так, что уже в тот момент, когда он только начал опускать свой мешок с картошкой, отец Наум понял, что через секунду встретит его холодный взгляд. С таким поведением молодой помощник не сталкивался и уже хотел было спросить у отца Траяна подзабытое им имя этого нахала, как все семинаристы один за другим покидали свои мешки и стали провожать недобрыми взглядами человека, отправившего их на разгрузку семнадцати тонн.

- А вы смелый, - негромко сказал отец проректор.

- Я? - испуганно прошептал отец Наум.

- Семинаристы - гордый народ. Их можно отправить работать десять раз подряд, и они пойдут, потому что так устроена духовная школа, и они должны подчиняться. Но они не позволят унижать себя. Никто из моих помощников не рискует смотреть за тем, как они работают. Не рабы ведь они, в самом деле.

Вечером, ближе к отбою, отец Наум пришел в кабинет отца Траяна доигрывать партию в шахматы. После случая на разгрузке картошки он уже не был уверен в себе, как прежде. Студенты Московской семинарии оказались совсем не такими беспомощными и безответными, как студенты его родной духовной школы, они могли дать отпор. Узнав этот неожиданный для себя факт, отец Наум проникся сильнейшим уважением к Траяну, умело управляющему ими на протяжении стольких лет, и стал еще больше ценить время, проводимое в обществе проректора. Не успели они возобновить игру, как зазвонил мобильный. Траян резко поднял трубку, и отец Наум вспомнил, что он ждет того самого «чего-то», что поможет наказать вернувшихся иподьяконов Светловых.

- Да вы что, - проректор слушал старшего помощника с удивлением, - быть не может... Ладно, я сейчас буду... Пойдемте, отец Наум, нас ждет примечательное зрелище. Думаю, вы такого еще не видали.

Отец Наум действительно такого раньше не видел. Весь пол мужского туалета Семинарского корпуса был покрыт сантиметровым слоем густой жирной коричневой массы. Запах был невыносимым. Дежурный помощник и старший помощник обнаружили это безобразие во время вечернего обхода и до сих пор находились в шоке.

- Как они это сделали? - спросил Траян, достав из кармана рясы батистовый платок и пытаясь дышать через него.

- Скорее всего, просто кинули пару пачек дрожжей в унитазы аккурат после отбоя, - выдвинул рабочую гипотезу дежурный помощник, - и пошли спать. А оно полезло наружу.

- Оно уже перестало... лезть?

- Отсюда не видно. Но, скорее всего, да, перестало, - предположил старший помощник.

- Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, - задумчиво произнес проректор. - Но больше все-таки бессмысленный... Сам бы не увидел, не поверил бы. Будущие пасты-

ри! Ведь это устроили с четвертого курса в отместку за наши внеплановые послушания. Правда, никак этого не докажешь. Что ж, мы не можем оставлять все как есть до утра, стыдно перед уборщицами. У нас ведь есть ключи от их кладовой, где лежат все моющие средства? Значит, сейчас поднимем несколько студентов все вычистить. Кроме того, нужно определить наказание... Слушайте, отцы, давайте уйдем отсюда, мы же провоняем насквозь!

Выбравшись в коридор, отец Траян быстро прикинул план дальнейших действий:

- Итак, в Семинарском корпусе живут третий, четвертый и пятый курсы. Все они одинаково виноваты в том, что случилось, потому в качестве наказания все они будут мыть туалет дважды в день, перед подъемом и после отбоя. Каждой комнате по одному дню, начнут третьекурсники, продолжит четвертый и пятый курсы. Предупредить первую комнату о том, что она завтра утром моет туалет с пола до потолка, необходимо прямо сейчас. И еще прямо сейчас нам нужны несколько человек, которые вычистят все, что там повылезало. Пятый курс трогать не будем, все-таки пятый курс, нас не поймут. Третий курс первым начинает мыть каждый день, потому заставлять его сейчас отмывать считаю неправильным. Остается четвертый курс, но он уже три дня работает, не разгибая спины.

«Гений!» - подумал отец Наум, а вслух сказал:

- У нас есть три человека, братья Светловы, как раз с четвертого курса, которые только сегодня вечером вернулись из Москвы, может быть, троих хватит?

- Иподиаконы, - с сомнением произнес старший помощник.

- Ничего страшного, - возразил проректор. - Других вариантов все равно нет, а за иподьяконами небольшой грешок имеется. Троих хватит вполне, зато они друг другу мешать не будут. Идите, поднимайте их, и за работу. Я завтра с утра доложу ректору, посмотрим, что он скажет... Доброй ночи.

Отец Траян с отцом Наумом шли в Академию. Отец Наум шумно восхищался умению проректора чувствовать всю семинарию разом как единый организм и, умело надавив на одно место, получать реакцию там, где нужно. Траян почти не слушал его, он представлял себе мужской туалет Семинарского корпуса. Он видел, как холеные иподьяконы соскребают дерьмо с пола, как они поскальзываются, падают, ругаются, встают и снова соскребают. Ему очень хотелось вернуться и поглядеть на них вживую. Но возвращаться было нельзя, семинаристы - гордый народ, нельзя смотреть на то, как они работают, нельзя унижать их.

У отца Траяна зазвонил мобильный, это был старший помощник. Он растерянно докладывал, что академические сантехники только что окончили разбираться с ЧП и искренне признались, что это была их ошибка, а не каверзы семинаристов. Сантехники извинялись за какую-то недоработку с новыми дорогими насосами, которые что-то сделали не так, как надо, из-за чего произошло то, что произошло. Сантехники сильно переживали. Они обязались исправить все в течение двух часов и предлагали своими силами убраться в туалете, настолько им было неудобно за происшедшее. Старший помощник спрашивал, как быть, ведь получается, что из-за них сейчас семинаристы мучаются в туалетах и... Проректор, ни секунды не размышляя, ответил, что никто нисколько не мучается, пусть сантехники занимаются починкой и не переживают за уборку. С кем не бывает, не беда. Ничего ведь страшного не произошло. Старший помощник сказал, что пошел выполнять поручение, и проректор выключил телефон.

Немного помолчав, он весело предложил отцу Науму короткую партию в шахматы, потом запрокинул голову и с благодарностью посмотрел в звездное небо. День удался.

НОЧНАЯ ОХОТА ИГУМЕНА ТРАЯНА

Она порывисто обвила руками его шею и, приподнявшись на цыпочках, прильнула к его губам.

- Завтра потребует к себе в кабинет, - подумал Паша, заметив краем глаза выруливающего из-за угла проректора по воспитательной работе.

- Завтра после обеда вызову, - пообещал себе отец Траян, отводя взгляд от вызывающе легкого вечернего халата воспитанницы регентской школы.

Игумена не интересовали воспитанницы, и вахтер, заступивший на дежурство, его тоже пока не интересовал - отец Траян вышел на большую ночную охоту за семинарис-

тами, незаконно собирающимися после отбоя для обсуждения модной ереси. Но про вахтера он не забудет.

Паша легко подхватил девушку и, посадив ее на стол, достал мобильник, набрал номер Ромы и сбросил. Парни должны успеть разбежаться по своим комнатам, стукачей среди них нет, и Траян останется ни с чем. Возвращаться будет злой, так что, пожалуй, лучше бы он не заставал Пашу снова с девушкой на руках. Паша откинулся на кресло. Девушка удивленно смотрела на него.

- Тебя как звать? - спросил Паша.

Рома сидел на парте, опершись о стену спиной, лениво цедил через трубочку подаренную ему Александром Настоящим кока-колу из пятилитровой пластиковой бутыли и внимательно слушал. Рома был собой горд, уже третий раз он смог организовать ночную встречу с четверокурсниками Гайдой и Настоящим, а сегодня был вообще аншлаг, девятнадцать человек. Гайда был в ударе, исчертил всю доску своими схемами и тезисами, аудитория реагировала живо и весело, Настоящий поделился разведенным концентратом колы, ее было еще четыре литра, за окном в беспорядочных порывах ветра крутились колкие снежинки, а в аудитории было жарко натоплено. Хорошая штука жизнь.

Зачем Гайда с Настоящим придумывали новые ереси, никто однозначно ответить не мог. Но каждый понимал, зачем лично ему необходимо с очередной ересью ознакомиться - это был лучший способ понять и выучить православную догматику. Обычно ночные лекции состояли из выступления Гайды, который предлагал «ересь номер один», и ответа Настоящего, который, вставая на защиту веры отцов и опровергая заблуждения товарища, создавал «ересь номер два», всячески уверяя, что именно его концепция и есть истинное учение Церкви. Потом начинались дебаты.

Сегодняшние построения Михаила Гайды интересовали Рому в той части, которая касалась нашей посмертной участи. Пока Настоящий поправлял очки на переносице и хитро посмеивался, Гайда оптимистично уверял, что в Царствии Небесном людям представится возможность творить свои миры, в полной аналогии с тем, как когда-то наш мир был сотворен Богом. Рома уже видел, как щелкает пальцами и возникает чудесная вселенная по мотивам книг Толкиена, с эльфами, гоблинами и хоббитами. Надо поинтересоваться у Гайды, будут ли сотворенные нами существа общаться с Богом напрямую или только через нас. Жаль, если только через нас, ведь... Рома схватил загудевший и быстро смолкнувший мобильник. Кто - Пашка?!

- Отцы! Проверка! Сматываемся отсюда все! Быстро, быстро! Давай!

Семинаристы кинулись вон из аудитории, опрокидывая стулья и ни о чем больше не спрашивая. Рефлексы, необходимые для жизни в семинарии, уже ко второму курсу вырабатываются сами собой. Один из них - способность в пять секунд долететь из любой аудитории до своей койки и мгновенно заснуть. Семинаристы часто шутили, что представители администрации не умеют с такой скоростью думать, с какой студенты умеют передвигаться.

Рома быстро и беззвучно открыл дверь своей спальни, так же быстро закрыл ее за собой и остановился на пороге. В коридоре он никого не заметил, так что торопиться было некуда. Пусть глаза привыкнут к темноте, а то налетишь на стул, еще, не дай Бог, ребят разбудишь. У Ромы была отличная комната на третьем этаже Семинарского корпуса, в ней жило семь человек, причем двое из них были пятикурсниками и потому почти всегда отсутствовали. А когда ты живешь с четырьмя соседями, а не с девятнадцатью, ты начинаешь видеть в них людей и уважать их покой. И они ведут себя так же. Так что лучше без надобности не шуметь.

Рома представил, как кто-нибудь из инспекции входит сейчас в класс, откуда они только что сбежали, и видит огромную бутыль с колой на первой парте...

- Бра-а-а-т, - выдохнул Рома, - мы с доски не стерли!

Поваленные стулья и открытая бутыль ни о чем не говорят, разве что о том, что семинаристы украли из столовой концентрат и теперь сами разбавляют себе колу. А поваленные стулья, открытая бутыль и конспект гайдовской ереси на доске говорят о том, что в аудитории собирались после отбоя и спешно оттуда ретировались при первой опасности. Всех начнут трясти по-серьезному и выйдут на них. Плохо, плохо, плохо. Так... Рома лихорадочно соображал. О проверке предупредил Пашка, который сидит на входе в корпус на первом этаже, значит, кто-то пришел к нам в гости с обходом. Аудиторий в корпусе много, пока их все осматривают, можно успеть добежать и стереть. Надо попытаться.

- Леной меня звать.

- Откуда же у тебя, Лена, привычка сходу бросаться в объятия незнакомых парней?

- Не такой уж ты и незнакомый, - ответила серьезно Лена, закинула ногу на ногу и приготовилась к беседе. - В семинарии уже на третьем курсе учишься, всегда у всех на виду, мне девчата про тебя много чего рассказали. А про бросаться сходу в объятия, так это кто бы говорил. Сам с меня целую неделю глаз не сводил.

Паша «не сводил глаз» даже больше недели. Впервые он увидел ее десять дней назад, в понедельник, у выхода из регентской столовой. Пришел морально поддерживать товарища, а пока тот знакомился со своей белокурой голубоглазой мечтой, заметил новенькое лицо в море одинаковых белых платочков.

- У меня просто исследовательский интерес. Откуда ни возьмись, в середине учебного года появляется сразу на втором курсе девчонка неземной красоты с колоратурным сопрано.

- Даже с лирико-колоратурным сопрано. Я музыкальное училище закончила, потому меня взяли сразу на второй курс. А зимой потому, что у нас была смешная история в училище - директор устроил ремонт, затянул его на полгода, все графики занятий полетели, его уволили, а мы госэкзамен сдавали в декабре.

Паше девушка определенно нравилась. Не тушуется, говорит свободно, ногой болтает.

- Слушай, сейчас Траян обратно пройдет, тогда приходи, хорошо? Вся ночь в нашем распоряжении, поговорим, фильмец посмотрим.

- У меня служба завтра, - улыбнулась Лена, - мне спать надо, ведь уже поздно. А что ты так Траяна боишься?

- Никто не боится Траяна так, как не боюсь его я. Но целоваться на вахтах еще никому не благословлялось.

- Ты скажи, что был со мной.

Паша хмыкнул:

- В том-то и дело, что я был с тобой.

- Нет, ты не понял, - Лена спрыгнула со стола. - Ты скажи, что был с Леной Творожковой.

Пока Паша пытался понять, что бы означало это смелое предложение, Лена Творожкова легко убежала в сторону женских спален.

Рома открыл дверь и выглянул в коридор - никого. Рванул к лестнице. Второй этаж - пусто. Молнией добежал до класса. Тихо. Ну, вообще с ума посходили, еще и свет забыли выключить! Открыл дверь и залетел вовнутрь. У доски, заложив руки за спину и задумчиво склонив голову набок, стоял проректор по воспитательной работе и внимательно разглядывал написанное. Даже со спины было видно, что он жутко доволен. Отец Траян медленно повернулся на сто восемьдесят градусов, раскинул руки, словно любящая мать, встречающая годами не виденного сына, и театрально воскликнул:

- Роман!

- Батюшка...

- Роман, - издевательски запросто спросил проректор, - вы не подскажете мне, сколько сейчас времени?

- Точно не знаю, батюшка, но могу сходить в комнату, посмотреть.

- Нет-нет, что вы, Роман. Не беспокойтесь, - игумен полез в карман и выудил оттуда телефон. - Сейчас половина второго. Что это значит, как вы думаете?

- Не могу знать, - Рома понимал, что нельзя сорваться на дерзость, но и чистосердечного признания проректору не видать.

- Это значит, Роман, - Траян стал печален, - что вам следовало бы сейчас находится у себя в комнате и спать.

- Вы правы, батюшка.

- Роман... Роман, а приходите ко мне завтра в кабинет после обеда, а?.. С объяснительной.

- С удовольствием, батюшка, как скажете.

Отец Траян повеселел.

- Вот и славно. Доброй ночи, Роман, пусть вам приснится очень убедительная объяснительная.

Паша начал смотреть «Газовый свет», когда Траян темным пятном нарисовался у его

застекленной вахтерской будки.

- Павел, жду вас завтра после обеда у себя в кабинете с объяснительной за ненадлежащее поведение на вахте. Вы ведь успеете выспаться до обеда?

- Да, конечно, батюшка, - медленно произнес Паша, внимательно разглядывая проректора; почему он доволен, чему он радуется? неужели что-то случилось, неужто не успели разбежаться?

- А что это была за девушка с вами, Павел?

С каких это пор Траяна стали интересовать регентши? Они же учатся в Регентской школе, которая ему не подчиняется. Взял бы объяснительную и все, а тут еще про девушку спрашивает. Странно... Ну, Лена, посмотрим, что ты имела в виду.

- Со мной была Лена Творожкова со второго курса Регентской школы. Приходила пожелать спокойной ночи на вахте. То есть спокойного дежурства. Вы, случайно, ее не знаете?

Отец Траян изменился в лице, он, кажется, искренне удивился и теперь смотрел с недоверием. Паша смекнул, что попал в точку, и начал пространно излагать свои соображения о нравах современных девиц, бесстыдно бросающихся на шеи молодых людей, достойных и целомудренных. Проректору было явно неприятно слушать, Паша торжествовал. Отец Траян не дал довести речь до кульминации, перебил, сухо заметил, что на вахтах запрещено смотреть фильмы, и ушел, даже не напомнив об объяснительной. Это была победа, Паша обрел заступника перед инспекцией, и кого - регентшу. Что может быть лучше! «Должно быть, - подумал он, - дочка какого-то очень влиятельного протоиерея. Или племянница епископа. Здорово... Но чему так радовался Траян?»

На следующее утро во время завтрака, когда семинаристы выбирали между макаронами по-венгерски и блинчиками из овсяных хлопьев, помощник проректора объявил, что Роману «следует появиться в кабинете отца Траяна по делу, которое ему хорошо известно, я правильно говорю?» Помощник говорил правильно. Потому на первых двух лекциях Рома придумывал правдоподобную легенду, а с третьей сбежал и направился в комнату Паши, который должен был еще спать после своего ночного дежурства. Но Паша уже проснулся, закутанный в одеяло стоял у заиндевевшего окна и крутил ручку радиатора, добавляя тепло.

- А-а-а!!! - завопил Рома, изображая истерику, подбежал к другу, схватил его за плечи и стал изо всех сил трясти. - А-а-а-а-а-а!!!

Паша вывернулся, схватил подушку с ближайшей койки и засадил ей в голову приятеля. Рома упал на кровать, затих и, не меняя положения, рассказал о своей ночной трагедии.

- Ха, - заметил Паша, - странно, почему Траян не брал тебя тепленького, не потащил сразу в кабинет помощника, а отпустил? Ведь за ночь ты мог успокоиться, прикинуть ситуацию и придумать красивую объяснительную. Ведь ты придумал?

- Скорее всего, он сглупил, потому что его мозг был перегружен непосильной задачей по расшифровке записей Гайды. Интересно, Траян будет сравнивать почерк на доске с образцами почерков, которые у него есть во всяких документах, чтобы найти автора? Ну, неважно. А пришел я к тебе как раз потому, что объяснительная моя выходит не очень.

- Выкладывай, чего надумал.

- К отбою я был в постели. Ночью проснулся и пошел в туалет.

- Сильное начало.

- Зато правдивое. Не перебивай. Я пошел в туалет, то есть стал спускаться по лестнице с третьего этажа на нулевой. Проходя этаж второй, я услышал взрывы хохота как будто из аудитории, но, заметь, продолжал двигаться в выбранном направлении и не отвлекался по мелочам. Добравшись до первого этажа, я увидел тебя, а ты увидел меня, и я пошел ниже. Потом я вернулся, и, поскольку мы не только однокурсники, но и близкие друзья, о чем Траян знает, я остановился у вахты и спросил, что за фильм ты смотришь, а ты смотрел фильм.

- Я и смотрел. «Газовый свет», что ты мне давал. И хотя на вахтах нельзя смотреть фильмы, можешь это говорить, поскольку меня Траян уже видел с ноутбуком.

- Отлично. Слушай дальше, самое тонкое. Я сказал про смех в аудитории, а ты сказал, что где-то вроде краем уха слышал, что кто-то собирает этой ночью желающих узнать о новой ереси. Я, будучи фанатом всяких неортодоксальных построений, сразу кинулся туда с надеждой поучаствовать и послушать. Прибежал и попал на Траяна. Сильно? Я подставляю себя немного с этим греховным желанием присоединиться к нарушителям

режима, но зато выигрываю в главном - я к самим нарушителям не имею никакого отношения вообще. Мне сам же Траян не дал возможности примкнуть к еретикам, смекаешь?

- Наглость - второе счастье, - ответил Паша. - Смекаю... А ты не боишься, что он начнет копать глубже и докопается до всех, кто был с тобой там ночью? До Гайды, до Настоящего.

- Ага, нашел за кого бояться, за этих двух. Но я, конечно, поначалу сам боялся, потому в класс и побежал, не подумавши. Но теперь, смотри, во-первых, проректор будет искать организатора, то есть меня, считая при этом, что это не я. Пусть ищет. И, во-вторых, я уже переговорил со всеми моими участниками, они заверили, что никто их не сдаст, а они не сдадут никого, если что. Проблема не в этом, а в том, что ты - мой единственный свидетель, но ты человек заинтересованный.

- Дружище, вот это как раз не проблема! - Паша слез с кровати и начал одеваться. - Если ты поделишься со мной кока-колой Настоящего, я выручу тебя так, что никто не подкопается.

- Нету у меня колы! Ее же проректор заграбастал! - воскликнул в сердцах Рома. - Могу дать конспект гайдовской ереси.

Паша согласился и рассказал о своем ночном свидании и о странной реакции Траяна на Лену Творожкову. Счастливый Рома побежал к себе в комнату за тетрадкой и по пути наткнулся на уныло бредущего пустым коридором Настоящего. Его снова выгнали с урока.

Настоящего выгоняли с каждого второго занятия пения, поскольку его вокал расстраивал всех, даже фортепиано. При виде Ромы Настоящий оживился и предложил услуги по защите от Траяна. Рома отказался, сославшись на знакомую регентшу и побежал к Паше, который уже звонил Лене. К счастью у нее не было занятий. После довольно долгих объяснений, уговоров и приглашения в ближайшую пятницу в московский Дом музыки на «Реквием» Моцарта, она согласилась дать ложные показания, чтобы спасти невиновных.

После обеда у кабинета проректора по воспитательной работе было людно. Коллективно попавшие в ловушку Траяна первокурсники жалобно пищали и жались в кучу. Рома опаздывал, Паша шептался с Леной, она смеялась и отказывалась признаваться, что приходится дочкой влиятельному протоиерею или племянницей епископу. Она была полностью успокоена тем, что, возможно, ей даже не придется заходить и что-то говорить, а ребята лишь сошлются на нее, учитывая давешнюю реакцию Траяна. Появился Рома, сходу обнял Лену, расцеловал в обе щеки Пашу и, подойдя к первокурсникам, произнес:

- Друзья! Наша инспекция строга, но, - он назидательно поднял палец, - с-п-р-а-в-е-д-л-и-в-а!

Тут в коридоре показались косвенные виновники всего - Гайда с Настоящим. Рома помахал им рукой, и они сразу направились в его сторону. Настоящий начал говорить еще за пять шагов:

- В нашей Церкви женщина окончательно победила мужчину, окончательно и бесповоротно.

- Почему? - удивилась Лена.

- Вот и я думаю, почему так получается, что главным аргументом против проректора оказывается регентша? Не сила ума, не опытная хитрость и не твердая воля, а регентша?!

- Вам не нравятся регентши? - кокетливо поинтересовалась Лена.

- Главное, - ответил за друга Гайда, - чтобы он им нравился. Вот выучится у нас с вами Настоящий в семинарии, потом поступит в Академию, и ему нужно будет рукополагаться. А перед рукоположением ему придется жениться. Вот так все просто. Понимаете? Карьера священника начинается со свадьбы, карьеру священника начинает его жена. Нет жены - нет священника. Священнослужителей в нашу Церковь поставляют женщины, это их привилегия и даже обязанность. Если женщины не захотят, чтобы Настоящий был священником, он им не будет. У нас матриархат, это факт, хотя правит нами патриарх. Вот почему в Церкви женщина окончательно победила мужчину. Лена, вы чувствуете себя победительницей?

Лена удивленно посмотрела на Пашу, в последних холодно-насмешливых словах Гайды ей почудился непонятный намек. Паша махнул рукой:

- Не обращай внимания, у них комплекс собственной полноценности. Они всегда уходили от Траяна только своими силами, теперь они тебя просто ревнуют к нам. Они хотели бы спасти нас с Ромой без твоей помощи, какими-нибудь хитрыми выкрутасами с многочисленными подстановками и продуманными фразами до каждой буквы и запятой. Да, парни?

- А ты не хотел бы, чтобы тебя спасли от рук Траяна? - искренне удивился Настоящий. - Еще не поздно! Есть ведь разница быть безвозвратно отчисленным с третьего курса или просто быть по гроб жизни нам обязанным? Выбирайте! Обещаем, что кабала будет легкой.

Рома с Пашей собрались было долго смеяться, но в этот момент открылась дверь, выглянул старший помощник, увидел Рому и поманил его пальцем. Рома схватил Пашу за плечо и потащил за собой. Ребята вошли в кабинет, дверь за ними закрылась, у всех первокурсников коллективно упало сердце, и их души наполнились смертельным отчаянием. Гайда с Настоящим, заметив это, бросились уничтожать остатки их надежды жуткими историями о кровавых расправах Траяна.

В кабинете проректора тяжелые шторы создавали неприятный полумрак и противно тикали большие часы. Старший помощник проводил семинаристов в центр комнаты и отошел в сторону. Тут до ребят дошло, что за черным столом проректора находится Владыка ректор, совершенно не страшный архиепископ, похожий на Деда Мороза. Он был добрым, но делать ему тут было нечего.

Отец Траян сидел у края стола и был непроницаем. Походило на ловушку. «Что ж, посмотрим, кто кого, - подумал Паша. - У нас отличная легенда, замешенная на правде, а за дверью стоит козырь, которым бьются все ваши карты. Лишь бы Рома не стал сразу говорить о Лене. Надо выждать, ее нужно выводить на сцену в самом конце».

Паша волновался зря - Рома был неподражаем. Он говорил так, что хотелось плакать, он был искренен и честен, он являл собою почти идеальный образец семинариста: прост, умен, открыт и послушлив. Паша подтвердил его рассказ так, как будто подтверждал истинность таблицы умножения - немного удивляясь тому, что о правдивости слов такого человека, как Рома, нужно зачем-то дополнительно свидетельствовать. Старший помощник был растроган, Владыка удовлетворен, проректор раздавлен. Он сидел, закрыв глаза ладонью, и редко подергивал головой. Когда закончил говорить Рома, ему рукоплескала вселенная; когда закончил свою речь Паша, вселенная жаждала уничтожить того, кто осмеливался заподозрить этих юношей. Отец Траян, не убирая ладони от глаз, предпринял жалкую попытку вернуть себе роль обличителя:

- Роман, только один Павел может подтвердить ваши слова?

Владыка укоризненно, но с любовью, посмотрел на своего проректора. Эта должность сделала Траяна слишком подозрительным, но как можно обижаться на него, ведь он старается на благо Академии.

- Нет, Владыка, - с достоинством произнес Рома, он обращался только к ректору, проректора тут не существовало, проректор был никем. - Нет, не только Паша может подтвердить мои слова. Еще один человек стоит за дверью и готов войти, если вы разрешите.

Владыка кивнул, и Рома пошел за Леной, а Паша подумал, как ловко Ромка назвал его «Пашей», а не «Павлом». Просто какой-то семейный совет во главе с дедушкой. Победа над Траяном получалась без лишней помпы, но разве это отменяет ее значительность? И тут Паше стало жалко Траяна. Неожиданное и странное чувство, он никому бы не рискнул рассказать о нем, но оно появилось и никуда не хотело уходить. Траян был жалок со своей мелочной подозрительностью и маниакальным стремлением наказать их за милые, в общем-то, шалости. Он был жалок, и его можно было жалеть.

Вошла Лена, легко и непринужденно. Слегка поклонилась ректору и, немного стесняясь, улыбнулась всем остальным:

- Меня зовут Елена Творожкова, я учусь на втором курсе Регентской школы.

Владыка ободряюще улыбнулся, старший помощник улыбнулся во все лицо, отец Траян отнял ладонь от глаз, выпрямился и с интересом энтомолога стал разглядывать ребят. Рому передернуло, а Паша перестал ощущать свои ноги. Они согласились бы лучше увидеть играющую на губах проректора улыбку Вельзевула, чем встретиться с этим холодно-сочувствующим взглядом. Вместо этой немой заинтересованности они согласились бы лучше услышать торжествующий смех проректора. Но отец Траян молчал, а говорила Лена.

Она говорила о том, как один семинарист не давал ей проходу с момента ее появления

в Регентской школе, а другой проводил подпольные собрания любителей ереси; говорила о том, как два семинариста составили хитрый план, основанный на лжи, чтобы скрыть следы своих проступков; о том, как они научали ее врать проректору согласно этому плану... Она говорила много и хорошо, она была подготовлена. Она говорила о том, что Рома и Паша сознательно и цинично шли на обман администрации и подбивали к обману ее. Хуже этого обвинения не было ничего. Это было почти безвариантное отчисление.

Отец Траян с успехом опробовал новый тип осведомителя - воспитанницу Регентской школы. Теперь оставалось реализовать план по отчислению ее самой, и можно считать, что качественный прорыв в воспитательной работе произошел.

Отец Траян с наслаждением глубоко вдохнул. В воздухе витал запах победы.

РЫБАЛКА ИГУМЕНА ТРАЯНА

Жарким летним днем Гайда пришел в Нору за прохладой и отдохновением. Норой называлось одно из помещений Миссионерского отдела Московских духовных школ, и называлось оно так потому, что походило на нору хоббита. Запрятанная на стыке лаврской стены и Переходного корпуса неприметная дверь вела в каморку шестнадцатого века со сводчатыми потолками и бойницей вместо окна. В Норе обитали Гайда, Настоящий и долговязый сутулый белорус Алексей Сковорода. Иногда к ним присоединялся кто-нибудь еще, но ненадолго, поскольку терпеть приемы, которыми миссионерствовали Гайда и Настоящий, нормальные люди не могли. Сковорода был исключением.

Гайда пришел в Нору и увидел, как Сковорода сидит у огромного дизайнерского монитора, сосредоточенно щелкая мышкой. Гайда только что поел, был добр и ленив, и потому не стал беспокоить друга расспросами, почему тот не был на обеде, а сразу пробрался к дивану, на который завалился прямо в кителе и ботинках с намерением поспать до вечера. В шесть у него намечался турнир по бадминтону с воспитанницами Регентской школы - нужно быть бодрым, чтобы шутить весь вечер без перебоя.

Летние каникулы в Московских духовных школах длились два месяца, один из которых студенты проводили в семинарии на различных послушаниях, а другой дома. Парням выпало первую половину каникул сидеть в Лавре, а вторую отдыхать.

- Обувь сними, - ровным голосом произнес Сковорода, не поворачивая головы.

- Сними обувь, не ешь руками, приберись в комнате... отстань от меня, Сковорода. Не мешай моему счастью, я только что с обеда, на котором ты не был совершенно зря. Давали восхитительную печенку в сметане со шпинатом.

- Мне хочется свежей рыбы, а не печенки.

- Так ведь в нашей спальне кто-то запустил в аквариум молодого золотистого сомика. Отличный ужин для привереды, уха на загляденье. Сходи и вылови.

- Схожу обязательно, но не в спальню, а уха будет такая, что ты за нее будешь готов продать первородство.

Гайда приподнялся с дивана и посмотрел на Сковороду, а тот наклонился в сторону, выглянул из-за монитора и пальцем указал на кожаное черное кресло, которое год назад они выиграли в шахматы у одного архимандрита. Гайда, зевая, повернул голову и увидел, что кресло завалено спиннингами, катушками, блеснами, наборами крючков и поплавков, садками, какими-то чехлами, рюкзаками, коробочками, сачками и всякой прочей рыболовной снастью.

- Ой, Леша, ты свихнулся? Мы теперь большие любители рыбалки, да? А куда тебе столько всего, этим же можно вооружить роту солдат.

- Это на четверых, Гайда. Сразу видно, что ты никогда не рыбачил, - сказал Сковорода и вернулся к монитору.

- Так ведь ты тоже не особо...

- В душе я всегда был страстным рыболовом, - отрезал Сковорода.

Гайда немного помолчал, ожидая продолжения исповеди Сковороды, но тот щелкал мышкой и говорить не собирался. Гайда устал опираться на локоть, снова повалился на подушку и протянул:

- И-и-и?..

- И в это воскресенье после ранней литургии мы с тобой вместе с Задубицким и Настоящим идем на рыбалку.

- Куда? Тут нет рыбы.

- Я как раз работаю над этим. Уже, наверное, с сотню сайтов рыболовецких просмотрел. Мы поедем в Федорцово, двадцать километров от Посада, оттуда в деревню Забо-

лотное, оттуда через лес к речке и по ней к озеру, где водится, цитирую: «окунь и щука, а по заводям крупный карась».

- Сковорода, - догадался Гайда, - а про все эти удочки ты тоже в интернете начитался?

- Угу.

- Молодец, настоящий профессионал... Разбуди меня к шести. Слышишь, рыболов? У меня в шесть бадминтон, - и Гайда заснул.

Воскресное утро выдалось на славу, как будто по заказу, и это притом что Настоящий всю неделю пророчески обещал дождь, а во время Литургии пытал Задубицкого, стоит ли брать с собой зонтик. Друзья стояли на вокзале и ждали автобуса на Федорцово. Полноватый Александр Настоящий жевал банан в надежде похудеть. Здоровенный Макс Задубицкий уплетал батон с колбасой, поскольку завтрака ему, по обыкновению, не хватило. Михаил Гайда, прислонившись плечом к стене вокзала, смаковал жидкий йогурт, держа бутылку двумя пальцами. А Алексей Сковорода живописал, какими хитроумными приемами он собирается выуживать из озера многокилограммовых окуней. В автобусе Настоящий жевал жвачку, Задубицкий жевал второй батон, только уже с сыром, Гайда ломал голову над тем, этично ли будет засунуть пустую бутылку из-под йогурта под сидение или стоит взять ее с собой и искать мусорное ведро, а Сковорода живописал, какими хитроумными приемами он собирается выуживать из озера многокилограммовых щук. В Федорцово Настоящий выплюнул жвачку, Гайда, не найдя мусорки, пристроил пустую бутылку на скамейку остановки, Сковорода начал было живописать, какими хитроумными приемами он собирается выуживать из озера многокилограммовых карасей, но его перебил Задубицкий, предложивший купить газировки - после второго батона ему захотелось пить. Найдя неподалеку у дороги магазинчик, парни шумно ввалились вовнутрь, и Гайда сразу направился к молоденькой продавщице за кассой. На вид она была почти школьница.

- Доброе утро!

- Здравствуйте, - девушка оторвалась от чтения журнала и теперь немного испуганно смотрела на посетителей, трое из которых разглядывали витрины с видом профессиональных грабителей, а четвертый разглядывал ее.

- Вы без нас не скучали? - поинтересовался Гайда у опешившей продавщицы и продолжил с улыбкой. - Пойдемте с нами на рыбалку?

Девушка сделала полшага назад и напряженно молчала, глядя на то, как один из парней, это был Настоящий, подойдя к большому холодильнику, пытается добраться до бутылок, с каждым разом все сильнее дергая на себя ручку закрытой стеклянной дверцы. На помощь к нему с ревом «дай, дай, я попробую!» уже спешил Задубицкий.

- Вам не нравится рыбалка? - удивился не обращающий внимания на возню у себя за спиной Гайда. - Так все дело в том, что на рыбалку вы попадали с плохой компанией, а ведь в рыбалке компания - самая главная вещь! Вот у нас, например, компания просто отличная, - Гайда повернулся, чтобы познакомить девушку с каждым из своих друзей, и увидел, как Задубицкий борется с неподатливым холодильником, раскачивая его из стороны в сторону. Сковорода пытался помочь Задубицкому ценными советами, а потерпевший поражение Настоящий скорбно стоял в стороне и от нечего делать скрепкой взламывал холодильник с мороженым. Гайда хмыкнул и вновь обратился к девушке: - Того парня, который пытается добраться до воды, зовут Макс, он очень хочет пить. Понимаете?

Продавщица уже давно все поняла, потому сняла с крючка ключ от холодильника и протянула его Гайде. Гайда несколько секунд внимательно смотрел на ее дрожащую руку, потом медленно взял ключ, посмотрел в ее большие наливающиеся слезами глаза, задумчиво протянул «да-а-а», побарабанил пальцами по прилавку, направился к друзьям, открыл холодильник, сунул двухлитровую бутылку Сковороде, оттащил Настоящего от мороженого, вернулся, отдал ключ, положил рядом с кассой деньги и пошел к выходу. У двери он повернулся, девушка была бледна, как монах на исходе Великого поста, но жива. Гайда облегченно вздохнул, вышел на улицу и побежал догонять парней.

- Обалдуи! - в сердцах воскликнул он, раздавая подзатыльники. - Знайте, что ваше священническое будущее три минуты назад висело на волоске!

- Еще бы, - ответил Задубицкий, жадно присасываясь к бутылке, - если бы мы не нашли, что попить, то нам наступил бы конец.

- Вы своим поведением чуть ли не до смерти продавщицу перепугали, понятно?! А если бы она умерла? Ведь это каноническое препятствие к рукоположению!

- А чего ей умирать-то? Что мы сделали-то?

- Что вы сделали? Что вы сделали?! Вы на холодильник напали! - гневно ответил Гайда, услышал сам себя и прыснул со смеху. - Напали на холодильник, олухи! На холодильник...

Парни недоуменно переглядывались, а Гайда хохотал, вспоминая дрожащую руку продавщицы. Наконец это надоело Задубицкому, он хорошенько встряхнул бутылку и направил струю шипучей воды прямо в лицо Гайде, началась заварушка. К деревне Заболотное они подошли без воды, она высыхала красивыми пятнами на их одежде.

Деревня Заболотное оказалась селом - посередине ее возвышался огромный храм. Он был построен очень давно, порос лишаем и деревьями и мог бы выглядеть величественно, если бы не энтузиазм настоятеля. Настоятель пытался из памятника архитектуры сделать помещение, пригодное для богослужения: на купол храма он водрузил новый крест, блестящий на солнце дешевым золотом; сделал новую крышу и выкрасил ее в зеленый цвет, напоминающий ему о празднике Пятидесятницы, а всем прочим - о цветущем болоте; соорудил в подвале газовую котельную и обезобразил широкой трубой северную стену; и еще он выкосил всю траву вокруг, не оставив древнему храму ни единого шанса выглядеть древним. Теперь он казался просто старым, а все следы реставрации производили такое же впечатление, как белоснежная голливудская улыбка на лице восьмидесятилетнего старика.

- Во-о-от! - воскликнул Сковорода. - Вот что происходит с нашими храмами, когда их настоятелями назначают попов, имевших тройку по «Церковному искусству» в семинарии! Как? как может тут быть эта уродливая труба?! А что за цвет у крыши - он специально издевается над бедной церковью, да?

- Ну, надо же батюшке чем-то себя занимать, - решил вступиться за настоятеля Настоящий. - Прихожан нет, треб нет, а сам он городской, к сельской жизни не приучен, корову там завести или кроликов не умеет, сидит, бездельем мается. Вот и решил со скуки восстанавливать храм - работы-то на сто лет вперед.

- Лучше бы на эти деньги купил себе «Мерседес», - не унимался Сковорода.

- Дек, может, и купил уже.

- Тогда «Лексус» и «Астон Мартин».

- И их купил.

- «Бентли» пусть купит, изверг! «Феррари», «Бугатти». Что - некуда больше деньги спонсоров тратить, как только на то, чтобы православные храмы уродовать?

Сковорода буйствовал даже тогда, когда они, пройдя деревню, пошли через поле по направлению к лесу. Гайда обернулся к Задубицкому и спросил:

- Макс это у меня галлюцинации или вправду земля куда-то убегает?

Макс увлеченно вертел головой, как молодой кот, из-под ног при каждом шаге врассыпную бросались толстые полевки.

- Ух, посмотрите наверх, - Сковорода указывал на парящих над полем хищников.

- Что там? - сразу задрал голову близорукий Настоящий.

- Ничего, Настоящий, расслабься, - отозвался Гайда, - там в небе птицы, которых ты никогда не увидишь, высматривают в поле мышей, убегающих у тебя из-под ног, которых ты тоже никогда не увидишь.

- Красота какая, - заворожено выдохнул Сковорода, обводя взглядом нетронутые человеческой цивилизацией просторы.

- Настоящий? - спросил Задубицкий, глядя, как его друг прямо на опушке спотыкается о первый торчащий корень. - У тебя запасные очки есть? Нам через весь лес идти, и дальше он будет все гуще и гуще.

- Нету у меня.

- Плохо. Если ты упадешь и разобьешь очки, нам придется тащить тебя на себе.

- Слушай, Настоящий, - подбежал Гайда к товарищу и стал идти рядом, положив ему руку на плечо, - расскажи нам, как ты видишь! Ведь очки не компенсируют тебе зрение на сто процентов, и ты живешь в совсем другом мире, не таком, как наш.

- Человек смотрит на мир не глазами, мой недалекий друг, - ответил Настоящий, подобрал с земли шишку и кинул в растущую неподалеку сосну в три обхвата. Шишка пролетела в метре от ствола. - Человек смотрит на мир языком. «Граница моего мира - это граница моего языка», - сказал Витгенштейн, слыхал о таком? Мы видим только то, для чего у нас есть слова.

- Длинный язык до добра не доведет, - произнес Сковорода и стал собирать шишки вокруг себя. Задубицкий с Гайдой последовали его примеру и вскоре давали Настоящему мастер-класс по киданию шишек в сосну. Настоящий сидел на пне, советовал друзьям наконец-то повзрослеть, радовался, что кидают не в него, и бурно приветствовал каждый промах. Минут через пять они пошли дальше.

- Хорошо, тогда давай я расскажу, что вижу я своим языком, - Гайда подхватил тонкую веточку и стал, говоря, размахивать ей, словно указкой. - Я вижу, как четверо семинаристов в прекрасный июльский день отправились на долгожданную пешую прогулку. Это был один из тех дней, отцы, которые случаются только тогда, когда погода установилась уже надолго. С самого раннего утра небо было ясно. Утренняя заря не пылала пожаром, она разливалась кротким румянцем любимой иконописки Задубицкого. Солнце - не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи в Полтаве, где мы были прошлым летом, не тускло-багровое, как перед бурей в фильмах про Дикий Запад, но светлое и приветливо лучезарное - мирно всплывает над узким и длинным облачком и может свежо просиять на секунду, а потом вновь спрячется в его сизом тумане. Тогда верхний, тонкий край облачка засверкает смайликами, блеск которых подобен блеску глаз проректора, поймавшего нарушителя с поличным... Около полудня по странному обычаю здешних мест появляются, вот они, множество пухлых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Цвет неба, легкий, бледно-лиловый, не изменится во весь день и будет кругом одинаков. Нигде не потемнеет, не загустеет гроза - и слава Богу, отцы. К вечеру эти облака исчезнут. Последние из них, неопределенные, как дым остывающего кадила, лягут розовыми клубами напротив заходящего солнца, и мы увидим эту красоту, когда будем возвращаться. Даже подслеповатый Настоящий оценит мягкое алое сияние на месте закатившегося солнца и увидит, как, тихо мигая, словно бережно несомая свечка, затеплится на темнеющем небосклоне вечерняя звезда...

- Тургенев! - закричал Сковорода. - «Записки охотника», конечно! Этот отрывок про звезду, которая затеплится словно свечка, нас заставляли в школе учить наизусть.

- В Белоруссии заставляют учить русскую литературу? - спросил Настоящий.

- Погоди, - недоуменно остановился Гайда, - а что, есть литература белорусская?

Сумки с плеч Сковороды полетели в стороны, и Гайда бросился прочь, спасаясь от приступа белорусского патриотизма, внезапно охватившего Сковороду. Задубицкий взгромоздил на себя брошенные вещи и пошел за ними следом, а Настоящий стал прыгать позади него, в тщетных попытках накинуть Максу на шею заодно еще и свой рюкзак.

Через час, когда дружелюбный поначалу лес превратился в густой бурелом, парни добрались до речки. Она была не широка, не более семи метров, деревья подходили вплотную к воде. Задубицкий с криком «перейдем Рубикон!» сразу бросился вброд и моментально увяз, поскольку речка оказалась торфяной. Пока он пытался выбраться на берег, Сковорода сверялся с картой:

- Нам вовсе и не надо туда, - сказал он наконец. - Можно просто идти по течению, она впадает в наше озеро.

- Перейдем Рубико-о-н!! - Макс снова бросился вброд в двух метрах от места своей предыдущей попытки и снова увяз.

- Но если мы и вправду сможем перейти на тот берег, - Сковорода медленно водил пальцем по карте, показывая Гайде и Настоящему их возможный маршрут, - то доберемся до озера гораздо быстрее, поскольку чуть дальше река делает большую петлю.

- Перейдем Рубико-о-о-н!!! - и третья отчаянная попытка Макса снова окончилась жадным чавканьем торфа.

- Там нет Рима, Макс, - сказал ему Гайда.

- Ты не Цезарь, - поддакнул Настоящий.

- Мы пойдем по течению, - резюмировал Сковорода.

Пройдя по берегу, они наткнулись на лодки, прикованные цепями к стволам кустарника. Места были явно обжитые. Сковорода нагнулся, поднял с земли стреляную гильзу, повертел ее в руках и глубокомысленно заметил: «Утки... А где утки, там и озеро... А где озеро, там и рыба... Мы близко...» Задубицкий попросил продолжить цитирование Тургенева, Гайда пошевелил бровями, изображая усилие мысли, и начал:

- В такие дни краски все смягчены; светлы, но не ярки; на всем лежит печать какой-то трогательной кротости и милой детской неловкости. Особенно печать неловкости ясно видна на челе Настоящего, - последние слова Гайда говорил, давясь со смеху от того, что Настоящий влез в паутину с толстым пауком и теперь, истошно крича, пытался ее с себя

содрать. - В такие дни жар бывает иногда весьма силен, иногда даже «парит по скатам полей», как сказал бы классик; но трудолюбивый ветер разгоняет, на наше счастье, накопившийся зной. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью и чем-то таким, для чего у меня нет слов, а слова «Записок охотника» я, честно говоря, больше не помню. Да тут нужны больше «Записки рыболова» Аксакова, мы же рыбачить собрались... Ого, смотрите - болото.

Узкая речка нехотя выбралась на открытое пространство, обрадовалась раздолью и разлилась болотом. Все вокруг было во мху, всюду гнила кочковатая трясина, но болото было скучным. Не было ядовитого тумана, не всплывали и не лопались пузыри болотного газа, не летали ни комары, ни мошки, не видно было рогозы, не квакали лягушки - ничего; болото разочаровывало своей будничностью и сильно проигрывало тургеневским красотам. Задубицкий предложил все равно идти дальше, ведь болото когда-нибудь да кончится, но Настоящий устало повалился на землю и сказал, что в болото не полезет ни за что, а будет лежать на берегу, слушать последние крики погибающих собратьев и писать под этот аккомпанемент речи на их похороны. Сковороде и Гайде идея Задубицкого понравилась, и они стали рубить слеги.

- Скажи мне, Задубицкий, скажи мне, друг мой, - Настоящий поудобней устраивался на траве в предвкушении зрелища, - а чем это занимаются наши сумасшедшие товарищи? Зачем им эти палки?

- Я отвечу тебе, мой добрый приятель, - Макс складывал сумки, - эти палки называются слегами, и нужны они для того, чтобы удерживаться на кочках и не падать в трясину. В общем, чтобы лишить тебя удовольствия лицезреть наши смерти в цепких лапах этого гнилого места... Жди нас, мы найдем путь и вернемся за тобой и вещами.

Парни сняли башмаки и повесили их на шею, связав шнурки. Настоящий попытался устроить трогательное прощание, но от него отмахнулись, взяли слеги и пошли. Болото при каждом шаге пускало волны на много метров вокруг. После пятнадцати шагов Сковороду одолели сомнения, и он остановился, сразу услышав за своей спиной крик Настоящего:

- Глупцы! Куда вы идете? Впереди нет ничего, кроме смерти, и она ждет вас с широкой улыбкой на своем страшном лице! Леша, Леша, одумайся, вернись, ты же мудрый человек!

Сковорода собрал волю в кулак и уже шагнул нагонять друзей, как шедший первым Макс ухнул в трясину по пояс, успев, впрочем, кинуть слегу плашмя и удержаться на ней. «Не подходи к нему близко, близко не подходи! - Настоящий орал с берега бросившемуся на помощь Гайде. - Идиот, сам потонешь! Палку ему свою дай, слышишь, и вытягивай!..» Тяжелый Задубицкий, опираясь на свою слегу изо всех сил, пытался выбраться из тягучей болотной каши. Настоящий метался по берегу и сыпал советами, Гайда со Сковородой их не слушали, но все равно умудрились вытащить Макса живым. Без приключений они вернулись обратно и с улыбками в пол-лица сообщили испереживавшемуся Настоящему, что «тут брода нет».

Во время небольшого привала, пока Задубицкий выжимал свою одежду, было принято решение возвращаться к лодкам и на них плыть до озера, «чтобы они не стояли без дела», как выразился Гайда. Сковорода протестовал и никак не мог смириться с тем, что рыбачить ему придется с ворованной лодки, но слушал его только Настоящий. И, как оказалось, только для того, чтобы разразиться пространной и туманной речью о месте частной собственности в человеческой истории, в то время как Задубицкий широким ножом перерубал ствол куста, за который была закреплена цепь. Освободив две плоскодонки и найдя припрятанные неподалеку весла, парни решили сперва переправиться на другой берег, чтобы утешить Макса и покорить-таки Рубикон. Сковорода начал подозревать, что его товарищам плевать на рыбалку. Переубеждать его никто не стал.

Экскурсия по лесу на противоположном берегу реки была насыщенной и короткой. Преодолев сотню метров страшного бурелома, они выбрались на маленькую тропу и через некоторое время убедились, что попали в охотничьи угодья. Всюду были кабаньи и лосиные следы и укрытия охотников, затянутые маскировочной сеткой, которые Настоящий называл «лежками», хотя Сковорода пытался ему объяснить, что лежки бывают только у зверя, а не у охотника. Потом Сковорода вспомнил, как отец говорил ему, что в лесу самое страшное животное - это кабан, и Настоящий тут же предложил убираться восвояси. Гайда с Задубицким сбавили шаг и стали прислушиваться к разговору. Тогда Сковорода добавил, что спастись от кабана можно только на дереве. Задубицкий с Гай-

дой задумчиво остановились. Необходимость в дальнейших аргументах в пользу возвращения устранил шорох в кустах неподалеку. Задубицкий с Гайдой, не разбирая дороги, ломанулись обратно к лодкам с такой прытью, что Настоящий и Сковорода почти сразу потеряли их из виду и бежали вслед, ориентируясь только по шуму ломаемых веток.

Вечерело. Друзья медленно плыли по причудливо петляющей реке к озеру. От воды веяло холодом.

- Как тут тихо, - прошептал Задубицкий.

- Да, дивные места, - согласился Сковорода и посмотрел на лодку Гайды с Настоящим. Те вертели головами, разинув от восхищения рты.

Наконец они добрались до озера. Это было огромное, на несколько километров, болото, сквозь которое вилась река, причем ее русло предусмотрительные охотники пометили шестами с красными тряпками.

- Где-то тут, - Гайда развел руками, - где-то тут, друзья мои, в изобилии водится, цитирую: «окунь и щука, а по заводям крупный карась».

Сковорода бросился смотреть карту, но вскоре печально согласился, что это и есть искомое озеро. Гайда развеселился от его понурого вида и направил плоскодонку с сидящим впереди Настоящим на таран. Задубицкий взревел, что раненый бизон, и стал остервенело отбиваться веслом - завязался бой, решительный и беспощадный. Из камышей, испуганные неожиданным появлением орущей компании, стали шумно подниматься, срываясь с воды, огромные стаи уток. «Ружье, дайте мне ружье, - кричал Настоящий, - смотрите, сколько их! Стада, целые стада!» Вскоре семинаристы устали размахивать веслами и, все мокрые и в нитях зеленых подводных трав, заключили перемирие, а утки все еще кружили в небе, напрасно ожидая ружейного выстрела.

Когда друзья пригнали лодки к тому месту, откуда они их взяли, наступил вечер. Сковорода с детской обидой на лице жаловался на несправедливость судьбы и на ложь интернета. Настоящий изо всех сил пытался его утешать, да так успешно, что к тому времени, когда они выбрались из леса, сутулая фигура Сковороды ссутулилась в два раза сильнее, а Задубицкий с Гайдой плакали и икали от смеха.

Подойдя к деревне, они увидели, как на небольшом огороде около своего дома копается какая-то бабулька. Сковорода повернул к ней.

- Бабушка, добрый вечер. А не подскажете, где-то тут в лесу должно быть озеро.

- С рыбой, - громко подсказал Гайда.

- Ну, да, с рыбой. Мы ходили-ходили, но ничего не нашли. Только болота одни.

- Так конечно, не нашли! И не найдете, - бабулька оторвалась от своей картошки и повернулась к ним. - Было озеро. Давно. Лет двенадцать тому назад еще было. А как плотину сломали, так и все. Болота там теперь одни, и рыбы почти нет. Местные, правда, ходят туда, но вам лучше не надо. Потеряетесь или утопните. А по вечерам там в лесу кабанчики шалят, приходят даже ко мне картошку копать. Не ходите туда. Ну ее, эту рыбу.

- Кабанчики шалят, - Настоящий шел по деревне и медленно повторял эту фразу на все лады, то ли осмысливая ее, то ли восхищаясь собственной везучести, ведь с кабанчиками они так и не встретились.

- О, абориген, - восхищенно выдохнул Гайда. Из калитки неподалеку вышел пузатый мужик в камуфляжной форме. - Точно вам говорю, это мы на его лодках так весело катались.

- Добрый вечер, - поздоровался, проходя мимо, воспитанный Сковорода. Мужик слегка кивнул и долго провожал их подозрительным и неприветливым взглядом.

- Он думает сейчас, пойти ли за берданкой или нет, - вполголоса рассуждал Гайда. - Он ведь охотник и сразу определил, откуда грязь на ботинках Задубицкого и что за ряска запуталась в волосах Настоящего. А когда он придет к своим лодкам, и пусть даже не к своим, а от соседа узнает, что какие-то залетные брали лодки, то все станет ему ясно. Какие залетные? Ясное дело, что Сковорода. На воре и шапка горит - вон даже поздоровался. Так что руку даю на отсечение, что при следующей встрече он свернет нашему рыбаку голову справа налево, а потом слева направо. Или наоборот. Не принципиально. Эй, Сковорода. Места хорошие. Когда ты сюда снова на рыбалку?

- Иди ты в ЦАК.

- Холодно, - подал голос Настоящий.

- Миша, - обернулся Задубицкий, - где твой тихий ясный закат с мигающей звездой?

- Сейчас, одну минуту, - Гайда остановился, значительно посмотрел в небо и щелкнул пальцем, - вуаля!

Налетел порыв сильного ветра.

- Копперфильд, брат! - завопил Сковорода.

Ветер усиливался, сверкнула молния, стали падать крупные капли дождя, и вскоре дождь хлынул ручьями.

- Гайда, - простонал Настоящий.

Бежать не было смысла - все четверо почти сразу промокли до нитки. Весь оставшийся путь до остановки Задубицкий, Настоящий и Сковорода занимались тем, что придумывали проклятия в адрес Гайды и призывали ему на голову кары небесные.

В маршрутке, кроме них, никого не оказалось. Сковорода непослушными руками протянул водителю мокрые деньги и потом долго и бестолково извинялся. Настоящий громко стучал зубами. Задубицкий, устроившись на сиденье поудобнее, залез в свою сумку и под восхищенные возгласы Гайды достал бутылку кагора. Они пропустили вечерние молитвы и опаздывали на отбой, но все это было неважно. Они пили кагор, согревались, вспоминали прекрасный день, смеялись и были счастливы.

Отец Траян стоял у калитки в Семинарский корпус и укрывался от дождя огромным черным зонтом. Он предчувствовал. Он ждал.

КУЛАЧНЫЕ БОИ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Храмом оказался бывший магазин. Отапливался он от большой печи, для которой постоянно приходилось таскать уголь. Два раза в день с кайлом, лопатой и тачкой Андрей отправлялся на улицу пополнять запасы угля. Когда погода не позволяла осуществлять подобные вылазки, приходилось экономить, и тогда температура в храме падала ниже десяти градусов.

На всем, что находилось в помещении бывшего магазина, лежал тонкий слой черной угольной пыли: в комнате отдыха священника, в спальне Андрея, даже в самом храме каждый день приходилось стирать с икон грязный иней. Давно было пора устроить масштабную уборку, но на это просто не хватало сил. Настоятель храма мало интересовался тем, как Андрей ведет хозяйство, он был только рад, что появился человек, на которого можно переложить часть своих обязанностей. Горячей воды не было, да и холодную привозили нерегулярно. Через какое-то время Андрей привык к несмывающейся черноте на руках и лице. Одежда, которую не было возможности постирать по-человечески, приняла неопрятный серый оттенок.

В будние дни Андрей возил уголь, готовил себе еду, убирался, писал диссертацию, беседовал с иногда заходившими прихожанами. Их было немного: после вывода полка дальней авиации поселок опустел и походил на город, переживший войну: пустые заметенные снегом дома смотрели на редких прохожих черными провалами разбитых окон. Повсюду была разруха.

В субботу и воскресенье были службы и требы. В эти дни храм ненадолго оживал и преображался, и Андрею иногда даже казалось, что он тут нужен, и он тут, на Чукотке, не зря.

***

Гайда перекрестился, проходя мимо Троицкого собора, и нырнул в проход, ведущий в длинный тоннель Переходного корпуса. Он задержался после вечерних молитв в Академии и теперь торопился, поскольку до отбоя оставалось всего минут двадцать. А еще надо попить чаю, умыться и немного почитать учебник по церковному праву перед сном, после отбоя дежурный помощник уже не даст. Если застанет в двенадцатом часу с включенной лампой и книжкой, придется полдня работать на продскладе.

Гайда спустился по небольшой лестнице и пошел по первому длинному неосвещенному коридору, за стенами которого находилась типография. Потом повернул и оказался во второй части Переходника. Эта часть была жилая - по обеим сторонам располагались двери, ведущие в небольшие комнаты-спальни студентов. Переходник был пуст и тих, но Гайда звериным нюхом почуял неладное и замедлил шаг... На противоположном конце коридора появился поджидающий его Задубицкий.

Гайда никогда не жаловался ни на рост, ни на телосложение, но рядом с Задубицким даже он визуально терялся. Поповского сына Задубицкого Господь одарил огромным ро-

стом, широченными плечами, стальными мышцами и авантюрным складом характера. А также, ко всему прочему, наградил его редким добродушием.

«Ветер в голове никогда не бывает попутным», - вспомнил Гайда высказывание Настоящего и прищурился. Задубицкий хищно втянул воздух. Гайда расстегнул китель и бросил его к стене. Задубицкий слегка пригнулся и покатился навстречу, постепенно набирая скорость. «Если засекут - объяснительной не миновать», - мелькнула мысль у Гайды, и он ринулся вперед с самоотверженностью пехотинца, пытающегося в одиночку остановить танковую колонну. Они сошлись где-то посередине коридора.

***

Грабчак был лучшим другом Андрея Введенского, позже скрывшегося от мира под именем Траяна. Познакомились они при поступлении. Сибиряк Андрей Введенский и киевлянин Грабчак. Жили в одной комнате, на трапезах сидели за одним столом, потом как-то незаметно сдружились и стали неразлучны. Они так и прошли всю семинарию вместе: бессменный староста курса Грабчак и его верный друг, отличник и искатель приключений Введенский.

Они подолгу бывали друг у друга в гостях, вместе путешествовали, ходили в горы Абхазии, сплавлялись по карельским речкам, прыгали с парашютом, лазали по болотам в Полесье. Вместе ездили автостопом по святым местам Руси. Они были интересны, были центром притяжения, вокруг них всегда бурлила жизнь. Уже ко второму курсу Академии они стали легендой и прочно и надолго вошли в устные предания семинарского фольклора. И все было хорошо до тех пор, пока на третьем курсе Академии их не назначили помощниками проректора по воспитательной работе.

К новому послушанию друзья отнеслись одинаково серьезно, но абсолютно по-разному. Грабчак воспринял его как шанс что-то изменить в несовершенной системе управления духовной школы и как-то облегчить жизнь студентам. Если можно было не ловить нарушителей, он не ловил, если можно было не брать объяснительных, он не брал, если других свидетелей проступка не было, то он предпочитал отпустить семинариста.

Введенский же с первых дней стал смотреть на ситуацию с новой точки зрения, глазами администрации. В бытность свою студентом, он постоянно предпринимал подобные попытки с целью понять логику действий инспекции, чтобы бороться против нее, но теперь он сам стал ее частью и начал учиться думать с ней в унисон. Все его теоретические знания о законах и поведении администрации теперь обогатились практическим опытом, и он увидел всю сложность положения инспекции. С присущим ему упорством и въедливостью он изучил все возможные виды административно-студенческих отношений и опытно убедился, что семинария обречена на административно-студенческий дуализм, вражду и непримиримое противостояние. И раз уж он переведен из одного лагеря в другой, так тому и быть. Андрей смирился и принял новые правила игры.

Поначалу Грабчак с осторожной иронией наблюдал над попытками друга изменить самого себя. Но потом, когда Введенский уверовал в то, что инспекция по-своему права и надо ответственно выполнять послушание, на которое тебя поставили, Грабчак обеспокоился всерьез. После того, как одному студенту благодаря рвению Введенского устроили строгий выговор, у них состоялся неприятный разговор. После второго выговора отношения натянулись. А после того, как по вине Андрея одного студента четвертого курса семинарии представили к отчислению, произошло то, о чем они оба потом предпочитали молчать.

***

Задубицкий являл собою пример самого опасного противника из возможных - очень тяжелый и очень быстрый. За всю историю их четырехлетнего знакомства Гайда вырвал у Задубицкого победу всего два раза. И оба раза почти случайно. Нынешняя попытка вряд ли могла поправить его статистику.

При столкновении Задубицкий смял его, как грузовик сминает легковушку, и, сцепившись, они покатились кубарем. Гайда попытался схватить Задубицкого за шею, но тот выкрутился, вскочил, схватил его за грудки, оторвал от земли и с силой приложил спиной о стену. Дыхание перехватило, однако Гайда двумя руками вывернул Задубицкому кисть и, крутанувшись, вмял его в косяк ближайшей двери. Противник зарычал, свободной рукой ухватил его за ремень на брюках, присел, легко принял на бедро, и, молниеносно распрямившись, швырнул так, что Гайда по красивой дуге пролетел метра два. Задубицкий не дал опомниться, налетел, как вихрь, и Гайда, превратившись в мешок с костями, стал безвольно ударяться о противоположные стены коридора самыми

неожиданными частями своего тела. Наконец каким-то чудом Гайде удалось провести ловкую подсечку, и они вместе, потеряв равновесие, рухнули. Из комнат высыпали испуганные страшным шумом семинаристы. «Парни, Задубицкий с Гайдой опять дерутся!» - раздался чей-то голос, и в несколько секунд толпа заполнила весь коридор. Студенты кричали, подсказывали, делали ставки. Кто-то побежал за фотоаппаратом.

***

Андрей поднял руку и показал на самую высокую сопку, вокруг которой белой шапкой клубились облака. Тимофей прикрыл глаза рукавом, щурясь от яркого весеннего солнца и блеска еще не до конца растаявшего снега:

- Километров двадцать пять, не меньше.

С Тимофеем Андрей познакомился в Анадыре уже на второй день своего пребывания на Чукотке. Веселый и простой алтарник храма удивил его своей внутренней цельностью и здоровой душевной простотой. Андрей с грустью подумал, что постмодернистские мегаполисы уже не способны были порождать такие характеры. Они быстро сошлись, поскольку были представителями разных миров и были интересны друг другу. Тимофей, родившийся и выросший на Чукотке, грезил возможностью учиться в Московской семинарии, а Андрей, которому суждено было провести здесь целый год, нашел в его лице необходимого всякому новичку знатока местных обычаев и порядков.

- Смотри, сейчас десять, - Тимофей глянул на часы, - поймаем машину и доедем до Гудыма, а там наверх.

- Нет, - запротестовал Андрей. - У нас прогулка по сопкам. До Гудыма не поедем. Только до ближайшей сопки, а там уже поверху туда, куда надо.

- Ну, как хочешь. Но учти, до ночи не вернемся.

Взвалив рюкзаки с едой, дополнительными свитерами и веревками, они пошли по направлению к сопкам. Дорога некогда была вполне приличной. Широкая, насыпная она вилась желтой змейкой по пустой и безжизненной тундре. К сожалению, на нее давно не обращали внимания, и местами ее размыло так, что незадачливый водитель, не заметив промоины, вполне мог упасть в яму метровой глубины. Тимофей оглянулся, вскинул руку, и громыхающая машина, везущая воду в Гудым, медленно сбавила ход. Андрей открыл дверь. С водительского сиденья на них смотрел огромный усатый мужик в порванной тельняшке; в кабине было жарко.

- Мы в сопки. Нам вон до того поворота, - сказал Андрей, указывая путь.

- Да мне-то чего, садитесь, - ответил тот.

Андрей Введенский родился в Сибири, но рано переехал в Подмосковье и уже успел отвыкнуть от того, что люди могут вот так просто помогать друг другу и ничего не требовать взамен. На Чукотке по взмаху руки останавливалась первая же машина, а если начинало мести, не надо было даже голосовать - машины останавливались сами. Предлагать деньги запрещалось, это почитали за оскорбление. Перед лицом суровой и дикой в своей необузданности природы люди, как ни странно, становились более человечными.

Парни залезли в машину, и старенький МАЗ покатился дальше. Андрей, с присущим туристам любопытством, увлеченно расспрашивал мужика про Гудым, золото и заброшенную воинскую часть. Тот лениво и нехотя отвечал. Сопки приблизились почти вплотную к дороге, до ближайшей было не более двухсот метров.

- Мы выйдем здесь, - сказал Тимофей.

- Не вопрос, - и машина медленно остановилась.

Небо было чистое, весеннее, солнце уже начинало пригревать. Они стояли на дороге и осматривались по сторонам, слушая удаляющийся грохот машины.

- А жарко будет, - вздохнул Андрей, прикидывая предстоящий маршрут.

- Ничего, когда начнем спускаться - замерзнем, потому что спускаться будем уже после полуночи, - Тимофей сказал это с таким видом, как будто его силком тянули на сопки, и только из вежливости он согласился на этот поход, про себя считая его глупостью и ребячеством. Андрей усмехнулся. На самом деле все, конечно, было не так, и Тимофей радовался возможности побродить по сопкам не меньше его самого. Просто для местных сопки были настолько привычным ландшафтом, что предложение пешей прогулки воспринималось ими, как если бы москвичу предложили прогуляться по улицам спального района. Тимофей пытался сохранить остатки достоинства аборигена.

***

Когда случилась эта история с отчислением четверокурсника - первого человека, отчисленного усилиями Андрея, - шел Рождественский пост. В одно из своих дежурств Ан-

дрей, проверяя отбой в Семинарском корпусе, заканчивал обход и шел по первому этажу, тихо шелестя подрясником. Оставалась самая большая комната общежития, где жила добрая треть четвертого курса, почти двадцать человек. Он специально оставил 117-ю на потом, чтобы дать студентам завершить все свои дела. Ему не хотелось еще больше портить отношения с четвертым курсом, достаточно и того, что их собрата только что отчислили его трудами. Введенский сам еще был студентом и очень хорошо понимал, что такого дежурным помощникам просто так не прощают. Проректору - да, но не помощнику проректора.

Он вздохнул, оглядел пустой коридор, включил фонарик на неполную мощность и аккуратно толкнул дверь. Первое, что его поразило, была кромешная тьма, царившая в комнате. Он прикрыл за собой дверь, сделал несколько шагов вперед, и тут случилось то, чего на самом деле он совсем не ожидал.

От удара по руке фонарик упал на пол и тут же погас, Андрея с силой толкнули в спину, и, ничего не видя в темноте, он налетел на чьи-то кулаки. Били его жестко. Андрей пытался отбиваться вслепую, но без особого успеха - его грамотно оттесняли от двери в глубь комнаты. Семинаристы все продумали и действовали слаженно. Однако борцы за справедливость то ли не знали, то ли не приняли в расчет того, что помощник Введенский до семинарии профессионально занимался боксом. Одновременно с тем, как его глаза привыкали к темноте, его тело само вспоминало, что надо делать в подобных ситуациях.

Удачным апперкотом и тремя короткими джебами он отбросил от себя самых рьяных противников, четверокурсники слегка опешили и отступили; оценив ситуацию, Андрей пошел напролом к ближайшему окну, попутно выключая из драки всех, кто попадался под руку. Сдернув покрывало, закрывающее свет уличных фонарей, он увидел, что на окне стоит решетка. С досадой на свою забывчивость Андрей развернулся, заметил летящий стул, но среагировать времени не хватило. Старенький стул разлетелся на несколько частей, Андрей пошатнулся, но не упал. Семинаристы снова насели, ему пришлось отступать вдоль стены, перебираясь через кровати.

Студенты влезали на свои койки и тумбочки, пытались достать его ногами и кулаками, натыкались на резкие ответные выпады, выверенные до миллиметра долгими тренировками с опытными тренерами, но все равно продолжали гнать свою жертву в дальний угол комнаты. Андрей понимал, что оказался в тупике, но и его противников заметно поубавилось - он методично и хладнокровно отправлял их в нокауты и нокдауны. Внезапно студенты разом отступили, и он краем глаза заметил наваливающуюся на него тень - это падал шкаф.

Андрей нырнул под ближайшую койку, шкаф с треском грохнулся рядом. Семинаристы, тяжело дыша, вглядывались в обломки. Андрей поднялся на ноги. Семинаристы взвыли. Тут же в него была брошена тумбочка, больно задевшая плечо. Андрей решил прорываться к выходу, пока не стало совсем поздно. Он хоть и получил с дюжину крепких ударов, но еще чувствовал в себе силы для решающего броска.

***

Траян с любопытством разглядывал на мониторе ноутбука, как Максим Задубицкий мутузит Михаила Гайду в Переходном корпусе. На прошлой неделе проректор, никому не говоря, поставил в Переходнике тестовую веб-камеру, картинка была так себе, но положительный результат налицо. «А Задубицкий хорош, - подумал проректор, перебирая кроваво-красные четки, - очень даже хорош».

Отец Траян увидел, как несколько семинаристов накинулись сзади на Задубицкого и оттащили его от Гайды. Гайда порывался было снова броситься в бой, но его тоже держали, не давая продолжить борьбу. Какое-то время парни еще исступленно тянули друг к другу руки, но потом обмякли и признали, что спарринг закончен. Толпа начала потихоньку рассасываться, а Задубицкий и Гайда сползали по противоположным стенкам на пол, пытаясь отдышаться.

«Гайда и Задубицкий... Надо бы позвонить старшему помощнику в Семинарский и сказать ему, чтобы он принял какие-нибудь меры», - подумал Траян, но вместо этого запрокинул голову и уставился в потолок. Картины студенческого прошлого поплыли перед глазами проректора, унося его к незабываемым дням семинарской бесшабашности. Отец Траян предался воспоминаниям.

***

Через два часа они сделали первый привал. Внизу в долинке раскинулся поселок Гудым. Тимофей открыл термос, достал куличи, оставшиеся с Пасхи, развернул пакетик с

вареными яйцами.

- Ну, что, бесов погоняем? - улыбаясь, спросил Андрей, и они, повернувшись лицами на восток, три раза спели «Христос воскресе», после чего уселись на теплый мох и принялись за еду.

- Ты в курсе, что там живет семнадцать человек?

- Где?

- В Гудыме, - ответил Тимофей.

- А почему так мало, поселок-то вроде большой.

- Да то же самое, что и с нашими Угольными копями. На Чукотке все умерло после развала Союза и убийства советской ПВО. Копи вообще были показательным поселком.

Андрей посмотрел по направлению, откуда они пришли. Вдали резко выделялось место, над которым тучей висел черный смог. Там добывали уголь, и где-то там был их храм.

- В Угольных копях жили офицеры, там были пруды, детские площадки, оркестр играл. А теперь сам видишь, как там: целые улицы пустых домов, порванная колючая проволока, покосившиеся пулеметные вышки, - Тимофей заглотил яйцо и продолжил. - Гудым был закрытым городом. И въезд, и выезд только по разрешению КГБ. А теперь мы больше никому не нужны. Ну, я имею в виду Москву. А так, канадцам, американцам, японцам - очень даже...

Парни двинулись дальше, спустя пару часов внизу обнаружился еще один поселок.

- А вот это широко известная в узких кругах заброшенная воинская часть, - сказал Тимофей. - Познакомимся?

Они побежали вниз, напрямик, не выбирая дороги. Склон был достаточно крутым, из-под ног постоянно выскальзывали камни, Тимофей два раза упал и немного прокатился на спине. Когда внизу они обернулись, чтобы посмотреть на проделанный путь, обоим стало не по себе.

- Я по этой стене обратно не полезу, - сказал Андрей. Снизу склон казался почти отвесным.

- Ага. Я бы тоже воздержался.

Они развернулись, впереди лежала воинская часть, дорогу преграждали ряды колючей проволоки.

- Пройти, конечно, можно, - сказал Андрей, - но меня терзают разные сомнения.

- Ну, я полагаю, когда военные уходили, они должны были все разминировать, - с некоторой неуверенностью отозвался Тимофей. - Я помню, как они уничтожали боеприпасы, когда часть закрывали. Эхо взрывов даже в Анадыре было слышно.

- Ну, не зря же мы спускались! - воскликнул Андрей. - Только иди, пожалуйста, по моим следам и на почтительном от меня расстоянии.

Через спутанную и царапающуюся проволоку они пролезли без происшествий. Но сама по себе часть разочаровала. Люков в подземные помещения они не нашли, все интересные двери были намертво заварены, оставалось только побродить по ангарам да пустым казарменным помещениям и двигаться дальше. Сопка заметно приблизилась и возвышалась над другими, сияя снежной вершиной. Две гряды сжимали воинскую часть, образуя по обе стороны узкие проходы. К одному из них вела дорога - это была дорога на Гудым.

- Обратно двинем по ней, - сказал Тимофей. Начинающий более реально оценивать свои силы Андрей возражать не стал.

Пройдя между почти смыкающимися сопками, друзья попали в большую долину и тут же поняли, где военные уничтожали свои боеприпасы. Местами стаявший снег обнажил многочисленные осколки от разорвавшихся снарядов. Тимофей с интересом стал поднимать и вертеть в руках остатки боевой мощи советской армии.

- Я полагаю, что нам не стоит тут копаться и лучше убраться отсюда побыстрее, - заметил Андрей. - Почти уверен, что десяток-другой неразорвавшихся штуковин еще ждут своего часа, и я очень не хотел бы быть причиной их пробуждения ото сна.

Идти было тяжело. Там, где еще лежал снег, они проваливались по щиколотку, а там, где снег сошел, спотыкались о кочки. Солнце давно уже миновало свою высшую точку и уверенно опускалось на запад. Над долиной парами летали журавли. Кроме них и журавлей, никого больше не было.

- Чего у нас осталось из еды? - спросил Андрей.

- Не хочу тебя огорчать, но только пара глотков воды. Так что экономь. Брусники поешь.

- Да уж ее поешь. Лезешь-лезешь, лезешь-лезешь. Умираешь от жажды. И вот брус-

ничник! Падаешь на колени, а там вместо ягод только заячий помет.

Тимофей рассмеялся. Они начали подъем.

***

Когда Андрей с разбитым носом и бровью, с взлохмаченной шевелюрой и в порванном подряснике вывалился из 117-й комнаты Семинарского корпуса, он боялся, что за ним последует разъяренная толпа, упустившая свою жертву. Он поскользнулся, с трудом удержал равновесие, сделал несколько шагов в полусогнутом состоянии и выпрямился. Все тело ныло, свет коридора слепил глаза, Андрей пошатывался и ждал продолжения неформального общения с четвертым курсом. Но ничего не происходило, дверь в комнату закрылась пружиной и наступила тишина...

В туалете Андрей умылся холодной водой, руки плохо слушались, свое отражение в зеркале он не узнал. Нужно было обо всем доложить начальству. Андрей направился в Академию, решив перед визитом к отцу проректору по воспитательной работе забежать к себе в комнату и переодеться, поскольку подрясник превратился в лохмотья. Когда он вошел в комнату, которую они делили с Грабчаком на двоих в общежитии для академистов, тот готовился лечь спать.

В ответ на рассказ о потасовке Грабчак сказал, что Андрей, по большому счету, сам во всем виноват. Не надо было провоцировать студентов. Не маленькие же они дети, в конце концов, чтобы над ними можно было издеваться, сколько влезет, не думая о последствиях. Отчисление их однокашника было последней каплей. Их можно понять.

Происшедшее потом Андрей всегда вспоминал со стыдом и расценивал как один из самых своих позорных поступков в жизни. Не остыв от драки, он отвесил Грабчаку такую оплеуху, что тот отлетел на метр, перевернул стол и грохнулся на пол. Так в несколько секунд Андрей потерял своего лучшего друга.

Когда через час отец проректор, Андрей и четверо поднятых с постели дежурных помощников включили свет и вошли в 117-ю комнату, там был почти полный порядок. Сломанный шкаф, части от стульев и тумбочек лежали аккуратной горкой, вещи были прибраны, через окна были видны фонари на улице, все студенты спали, или делали вид, что спали. Их было восемнадцать человек. У всех у них были разбиты лица.

Проректор не проронил ни слова, развернулся и вышел из комнаты.

***

До полуночи оставалось совсем немного. Солнце давно уже село, и вся их одежда покрылась инеем. Несмотря на то, что они натянули еще по свитеру, было ощутимо холодно. Картина вокруг утратила дневное обаяние и стала зловещей. Внизу плавали рваные облака, черные камни резко вычерчивали острые ломаные узоры на фоне снега, блестевшего мертвенно и угрожающе. Ноги больше не проваливались, наст стал скользким и опасным. До вершины оставалось минут сорок ходу, и она вся была ледяная.

Андрей смотрел на холодно-надменную гору, и ему было страшно. Если они сорвутся и что-нибудь себе сломают, их никто не найдет. Но дух соперничества, боровшийся в его душе с духом благоразумия, пока одерживал верх. Он не хотел быть побежден этой насмешливой сопкой в двух шагах от победы.

- Чуть-чуть осталось, - сказал Тимофей, в котором авантюризм также оказался сильнее голоса разума, - пойдем, последний рывок.

...Обратно парни шли уставшие, запыхавшиеся, мучающиеся от жажды, но абсолютно и навсегда счастливые. Они сделали это! Они покорили ее.

- В Гудыме зайдем к кому-нибудь, воды попросим, сил нет, как пить хочется, - твердил Тимофей. Пытались есть снег, но это мало помогало.

Теперь они выбирали самые легкие спуски и около двух ночи добрели до дороги. Когда вошли в Гудым, все окна были темными, и понять, где люди живут, а где нет, было невозможно. Обошли с десяток домов, стучась в окна, но никто не открыл, свет горел только в одном здании, которое Андрей про себя назвал котельной, но и там никто не отозвался. Они устало поплелись дальше. Судьба улыбнулась им через каких-то триста метров: дорогу преграждал шлагбаум, рядом с которым стоял балок, а в нем горел свет. Дверь открыл полуголый солдатик-якут.

- Отец, дай воды попить, - осипшим голосом попросил Андрей. Из-за плеча якута выглянул еще один якут, такой же полуголый и такой же худой.

- Заходите, дорогие, заходите.

***

- Андрей, вы же понимаете, что мы не можем отчислить треть четвертого курса. К тому же, если станет известна причина - это будет скандал на всю страну, - сказал старый проректор и протянул Введенскому чашку горячего чая. На часах было полтретьего ночи. Андрей взял блюдце и мрачно кивнул.

- В то же время, - продолжал отец игумен, - мы не можем оставить этого безобразия без внимания. Они будут наказаны, и думаю, со временем пожалеют о том, что сделали.

- Не думаю, батюшка, - качая головой, ответил Введенский. - Они крепко на меня обиделись.

Чай был огненно-горячим, но Андрей обжигался и пил. На душе было скверно, а впереди полный мрак.

- Андрей, - медленно начал проректор. - Вы один из лучших дежурных помощников, которых я когда-либо встречал в своей жизни. Уверен, что сегодняшняя ночь обогатила вас бесценным опытом и очень поможет в дальнейшем, если вы, конечно, захотите остаться после выпуска при Академии. Но... вы же умный человек, вы понимаете...

Проректор закусил губу, видимо, собираясь с мыслями. Андрей глубоко уважал старого отца игумена и потому не стал заставлять его говорить то, что он говорить, по-видимому, не хотел.

- Да, понимаю, батюшка. Я напишу прошение Владыке с просьбой отправить меня на какое-нибудь послушание в отдаленную епархию, - Андрей оторвался от чашки чая, поднял глаза и попытался улыбнуться. - Как раз диссертацию допишу.

- Правильно, - обрадовался проректор. - А за год много воды утечет. И четвертый курс выпустится как раз.

- Куда мне попроситься?

- На ваше усмотрение, хоть на Чукотку. На Дальнем Востоке люди почти везде нужны.

Они немного посидели молча.

- Ну, на Чукотку, так на Чукотку. По сопкам погуляю, - сказал Андрей, отставляя пустую чашку и вставая. - Я пойду, батюшка, а то ночь выдалась не из легких.

- Пишите прошение, завтра я отдам его ректору, он подпишет, и к концу недели улетите, - проректор тоже встал. - Андрей, я хочу, чтобы вы понимали, что это не ссылка. Инспекция точно так же зависит от студентов, как и студенты от инспекции. Мы звенья одной цепи.

- Я понимаю.

Андрей, склонив голову, подошел под благословение.

- Бог благословит, - игумен перекрестил своего помощника и положил руку ему на голову. - Добрых вам снов, Андрей.

- Спокойной ночи, батюшка.

***

В балоке было светло и тепло. Якуты радостно суетились, заваривали чай, доставали тушенку и сгущенку. Как выяснилось, они сидели на этом шлагбауме уже месяц и порядком соскучились по человеческому обществу.

- А зачем вы здесь сидите? - спросил Андрей.

- Мы на шлагбауме, - ответил один из якутов. - Сторожим въезд в поселок.

- Так ведь территория поселка не огорожена. Шлагбаум можно не только обойти, но и объехать.

- Раньше была огорожена, - улыбаясь, ответил другой, - но теперь остался только шлагбаум.

- А что тут сторожить?

- Так ведь тут в сопках шахты с ракетами. Когда армия уходила, шахты заварили. Вот мы и сторожим. Тут много было секретных объектов. Раньше если солдаты по глупости забредали куда-нибудь, там и оставались служить до конца срока. В часть их не возвращали. Военную тайну охраняли.

Андрей скептически оглядел балок.

- А оружие?

- Нет, нам не дают. Нам не положено. Мы не надежные. Но зато два раза в день связь по телефону. Если что - в Угольных копях узнают.

«И пришлют взвод таких же худых и заморенных, которых плевком перешибить можно», - подумал Андрей. Он видел гарнизон Угольных копей, и то, что он видел, не наполняло его сердце гордостью за российскую армию. Они просидели с якутами больше часа,

болтая о их службе, о Якутии и Москве, а когда собрались уходить, те уговорили их взять две банки тушенки и сгущенку.

После ночного обеда идти совсем не было сил, тело расслабилось и стонало от усталости, но на душе было светло. Ребята шли молча и не спеша. Гряды сопок вздымались по сторонам дороги, как огромные спящие животные, укрытые сияющими белыми покровами. Тысячи звезд разбивались о снег на мириады осколков. Андрей погрузился в окружающий его мир, начав ощущать в нем таинственную и притягательную, гипнотизирующую, суровую, потрясающую красоту.

Когда они добрались до храма, уже рассвело. Единственное, что было действительно необходимо сделать, это подбросить в печку угля. На все остальное просто не осталось сил.

***

Проректор по воспитательной работе Московской духовной Академии и семинарии игумен Траян смотрел на старую черно-белую фотографию своего выпуска. Грабчак так и не простил друга Андрея Введенского. По окончании Академии он женился и уехал в Киев, вестей от него не было. А Андрей, побывав на Чукотке, вернулся и стал Траяном. Проректор вздохнул и повернулся к столу. На часах была полночь.

Задубицкий и Гайда... «Хорошие студенты, - подумал Траян, - настоящие, живые». Зазвонил телефон. Старший помощник доложил о том, что все в порядке. Начавшийся в восемь утра рабочий день закончился. Проректор взял со стола ключи от кабинета и пошел спать.

КОТ ИГУМЕНА ТРАЯНА

- Кто бы это мог сделать? - Гайда с изумлением таращился вверх. Там, метрах в семи над землей, к одной из ветвей древней ивы, которая росла за стенами Лавры с незапамятных времен, был накрепко примотан скотчем пушистый серый кот.

- Кто бы это ни был, в изобретательности ему не откажешь, - отозвался Сковорода, в котором развитое сострадание боролось с желанием расхохотаться.

После ночного богослужения на праздник Успения и последовавшего за ним обильного и щедрого разговения Гайда, Сковорода и Настоящий решили прогуляться вокруг Лавры, наслаждаясь последними летними днями и каникулярной свободой - до первого сентября и начала занятий оставалось всего три дня. Им было о чем поговорить, они не виделись целый месяц, пока отдыхали дома, и теперь собирались наверстать упущенное. Но приятную прогулку под монастырскими стенами испортил любимый кот отца Траяна, который неистово орал на всю округу, дико сверкая безумными глазищами и тщетно пытаясь вырваться наружу. В предрассветной дымке он походил на блестящий пульсирующий кокон гигантского насекомого.

- Тот, кто это учудил, - эгоист, - уверенно сказал Настоящий.

- Почему?

- Потому что сделал и никому не рассказал. Так поступают только эгоисты, нормальный человек обязательно позвал бы зрителей и дал бы им насладиться представлением. Жаль, что в нашей семинарии учатся эгоисты. Да еще и священниками станут потом.

- Снимем? - неуверенно спросил Сковорода.

- Вот Траян приедет, пусть сам и снимает, - отозвался Гайда.

- Но он ведь приедет только к первому сентября, кот не доживет.

- А кому-то его жалко? - возмутился Гайда.

- Кота или Траяна? - уточнил Настоящий.

- Гайда, ты просто мстишь ему за то, что он, помнится, в прошлом учебном году спал на твоей подушке, набросал шерсти, и тебе пришлось всю постель перестирывать. Я имею в виду кота, - рассудительно заметил Сковорода.

- А тебе, значит, все равно! - воскликнул Гайда. - Эта тварь загадила все коридоры, однажды его стошнило на наш чайный столик в комнате, еще он как-то надул Задубицкому в кроссовки, а тебе все равно?! И неизвестно, как он вел себя летом, пока нас не было.

- Я знаю, я знаю! - радостно отозвался Настоящий. - Два дня назад в ризнице Семинарского храма он вылакал пол-литра запивки, предназначенной для причастников, и из-за этого сильно попало ризничным, они мне сегодня рассказывали. Кстати, может, это они его и того, а?

- Твари бессловесной мстят, безумцы, - Сковорода сокрушенно качал головой. - Надо бы Задубицкого позвать, он залезет и снимет.

- Ну, ладно, пусть снимает. Заодно полюбуется, - согласился Гайда, доставая телефон, - мы же не эгоисты, в конце концов, чтобы в одиночку наслаждаться... Эй, утроба ненасытная, ты еще в столовой? Бросай все и беги к нам, тут такое...

Кота звали Аттила, а если полно, то Аттила-бич-Божий, и прозвище свое он оправдывал сполна, поскольку в душе был истинным гунном. Семинария стенала от его тирании, небезосновательно подозревая отца проректора в намеренном поставлении кота на данное послушание - досаждать и портить жизнь семинаристам. Однако прежде чем вырасти в великого покорителя Московских духовных школ, Аттиле пришлось пройти нелегкий путь.

Барсик, так звали Аттилу, прежде чем в нем проснулся вкус к варварским набегам и разрушениям, был принесен Траяном в Семинарский корпус из монастырского общежития Лавры, из кельи его знакомых одноклассников - монахов Тавриона и Родиона. Однажды вечером, на исходе Великого поста, Траян зашел к друзьям попить чайку и посмотреть на их новые переводы с латинского. Барсик безжизненным комком лежал на кровати, и его взгляд выражал тупую скорбь. Траян сразу удивился, почему приветливый и общительный кот не вскочил и не побежал навстречу тереться о подол мягкой монашеской рясы.

- А что с котом? - Траян сел на твердую кровать и стал его ласково гладить. Кот смотрел на него с мольбой.

- Да чего-то приболел малость, - отцы переглянулись.

Траян взял кота на руки и удивился непривычной легкости и худобе всегда упитанного и лоснящегося довольством Барсика.

- Он у вас не ест, что ли? - Траян внимательно осматривал и ощупывал пушистое тело.

- Ага, отказывается. Да отлежится... Все будет хорошо, давай, что ли, чайку попьем, - Родион явно хотел переменить тему разговора.

Траян пристально посмотрел на Родиона, потом перевел взгляд на смущенно рассматривающего что-то на полу Тавриона, медленно встал, подошел к холодильнику и достал оттуда банку рыбных консервов. Монахи застыли. Он молча вскрыл крышку, и маслянистый запах прибалтийских шпрот, дразня нос, поплыл по келье. Кот отчаянно заорал, попробовал встать, но задние ноги безжизненно подломились, и он мохнатым комом упал на пол. Траян поставил шпроты перед ним. Барсик с обезумевшим взглядом, извиваясь всем телом, отчаянно подполз к банке на передних лапах.

- Отцы? Вы что, кота постили? - он спросил это так тихо и спокойно, что Родион с Таврионом поняли, будет буря.

Они заговорили все сразу. Траян метал громы и молнии, келья дрожала, монахи оправдывались, метались из стороны в сторону в тщетной надежде спастись, называли себя бестолочью, клялись, что больше не будут. А кот в это время слышал божественную музыку и уплетал шпроты с видом абсолютного счастья. Через пятнадцать минут, остывшие и обессилившие, они уже просили друг у друга прощения, а потом до полуночи пили чай, весело хохотали, острили, перемывали друг другу кости, и Барсик, благодарно мурлыча, теплым клубком спал на коленях Траяна. Уходя от друзей, Траян забрал кота с собой, а в ответ на все протесты просто посоветовал:

- Заведите себе козу, - и Родион с Таврионом еще долго обсуждали неожиданное предложение.

Проректор поселил кота в своей комнате в Семинарском корпусе. У него была келья в Академии, но он специально просил Владыку, чтобы ему дали место и в Семинарском корпусе. Он принципиально не стал брать кота в Академию, потому что во дворе ее жила безумная собака ректора, да и погулять было особо негде. А Семинарский корпус с прилегающим парком изобиловал всевозможной живностью, необходимой коту для поддержания тонуса.

По указанию Траяна студенты выпилили коту вход в нижней части двери, ведущей в его комнату, и шкуркой зачистили заусенцы. Раз в день Траян приходил покормить и проведать своего любимца, которому вскоре дал новое имя, ибо слава кота распространилась по семинарии в одночасье, и слава эта была велика.

Характер у Аттилы оказался гордый и независимый. За месяц он разогнал всех котов, живших поблизости, и провозгласил семинарию своей империей. Он серьезно считал, что все помещения, которые находились в огромном корпусе, - это продолжение той ком-

наты, в которой он жил. Он, не стесняясь, заходил в семинарские и регентские общежития, таскал со столов еду, спал на чужих кроватях, ловил рыбок в аквариумах и жестоко карал тех, кто восставал против его господства. Плюс ко всему прочему он стал делать свои дела прямо в коридоре, и потому сонные семинаристы, выходившие в уборную ночью или под утро, когда еще не включили основной свет, обратно возвращались проснувшимися и злыми. Окончательно на кота затаили обиду после того, как он надул на стол в одной из комнат. И все бы ничего, но как раз в тот момент, когда кота учили уму-разуму, в комнату вошел Траян.

- Почто животину мучаете? - спросил проректор студента, который закончил тыкать кота в лужу на столе и теперь флегматично и обстоятельно объяснял ему, в чем тот не прав, держа правой рукой за шкирку. Кот недовольно орал ему в лицо и, судя по всему, с доводами согласен не был.

Семинарист, внезапно услышав за спиной голос проректора, вздрогнул всем телом, и Аттила, воспользовавшись моментом, вывернулся из рук и пулей вылетел из комнаты. Траян постоял еще несколько секунд и молча вышел следом. На следующий день за обедом дежурный помощник объявил, что такой-то студент за жестокое обращение с животными назначен на новое дополнительное послушание: весь второй семестр он будет по первому требованию трудиться в доме и на участке матушки Синицыной. Это было не просто несправедливо, ведь кот пострадал за дело, - это было бесчеловечно. Траян бил наотмашь. Матушка Синицына была настоящим чудовищем, и работать у нее было самым страшным из возможных наказаний. Она не только заставляла работать много и тяжело, но и по пять раз заставляла работу переделывать, всячески при этом человека унижая. Отдать ей в кабалу студента на весь семестр было беспрецедентным наказанием.

Вся семинария возненавидела кота лютой ненавистью. Отец Траян сам вырыл могилу Аттиле, и вопрос о том, когда его туда закопают, был лишь вопросом времени.

Макс Задубицкий уже больше часа находился в столовой. Он шесть раз поел, посидел за пятью столами, а сейчас перед ним стояла тарелка с ветчиной и сыром, которыми он намеревался закусить напоследок. Большая часть семинаристов уже позавтракала, а те, что остались, сидели небольшими компаниями и разговаривали. В постепенно пустеющей столовой, кокетничая и смеясь, порхали молоденькие официантки, убирая посуду и вытирая столы. У Макса зазвонил телефон. Макс прорычал в трубку: «Что ты привязался ко мне, Гайда? Я только начал наедаться!» Семинаристы, сидевшие за соседним столом, повернули головы в сторону человека, который один съел больше, чем все преподаватели Академии. Макс насадил на вилку пять кусков ветчины, отправил их в рот и в такой позе замер, слушая Гайду. Наконец он выдернул вилку, вскочил, проглотил, почти не жуя, и начал хохотать так, что задребезжали хрустальные люстры. Теперь на него смотрела вся столовая. «Аттилу?! Скотчем?!.. К иве?! Я на подходе, не вздумайте снимать его без меня!» - Макс закинул в рот немного сыра и направился к выходу. Путь ему перегородил знакомый второкурсник: «Эй, что случилось?» «Кто-то привязал кота Траяна к верхней ветке ивы, что растет за Лаврой у Уточьей башни. Скотчем! Пошли смотреть!» Семинаристы повскакивали с мест и ринулись за Максом, оставив разочарованных официанток наедине друг с другом.

Гайда, Настоящий и Сковорода сидели под ивой и любовались начинающимся днем. Солнце еще не взошло, и древние, высокие, неохотно просыпающиеся стены монастыря освещались только светлым небом. Друзья молчали, Аттила тоже примолк. Настоящий счастливо улыбался, Гайда вспоминал, как много таких тихих и радостных минут им удалось пережить за время учебы, Сковорода думал о том, что лучшее в семинарии - это друзья и Лавра.

Из Святых ворот - главного входа в монастырь - показалась высоченная фигура Задубицкого. Аттила жалобно мяукнул. Вдоль восточной стены Макс неторопливой трусцой приближался к сидящим однокурсникам. «Сейчас начнется потеха», - сказал Гайда. «Надо было его попросить стремянку принести, - заметил Сковорода, - потому что так он не доберется, а только все ветки пообломает, тяжеленный ведь». «Говорю ж, потеха будет», - Гайда встал. «Интересно, - спросил Настоящий, - Макс сюда бежит, чтобы посмеяться, или действительно за котом полезет?» «Не знаю, как Макс, - ответил Сковорода, увидев, как из Лавры вываливает толпа студентов, - но остальные сюда бегут точно не для того, чтобы Аттилу спасать». Почуяв неладное, Аттила снова завозился, в тщетных попытках

вырваться на свободу.

Паломники, расходившиеся с ночной службы по гостиницам, с удивлением смотрели, как семинаристы в кителях и подрясниках нескончаемым черным потоком стремятся куда-то за Лавру, сворачивают налево и собираются в большую оживленную толпу на стыке южной и восточной стены монастыря. Паломники направились за своими будущими пастырями. Толпа росла на глазах. Подходили новые и новые группы студентов, уже вся семинария знала о каре, постигшей нахального кота проректора. Это был лучший подарок на праздник Успения и к началу учебного года.

Студенты смеялись, показывали на Аттилу пальцами, одобрительно кричали и аплодировали. «Кто бы мог подумать, - радовался Настоящий, - что мы так дружно ненавидим эту пушистую тварь! Ура!» В толпе появились трое дежурных помощников, но в отсутствии Траяна их никто не боялся. Помощники подгоняли четырех первокурсников, тащивших длинную алюминиевую стремянку. Расступались перед спасательной бригадой неохотно. «Ой, - закричала какая-то женщина, - да там же котик! Котика привязали. Сатанисты! Сатанисты проклятые, в праздник над котиком издеваются!» Студенты взорвались хохотом. Дежурные помощники дотащили лестницу и стали бестолково суетиться, пытаясь ее удобнее установить. Со всех сторон сыпались насмешливые советы, всем было весело. Аттила был близок к обмороку.

Отец Траян любил кошек с детства. Когда он появился на свет, молодая и озорная кошка Айка, которую отец дрожащим и плачущим котенком притащил когда-то с улицы, прониклась к нему поразительной любовью и привязанностью. Все детство она была его лучшим другом. Она устраивала ему засады, чтобы неожиданно выпрыгнуть из-за угла или со шкафа, когда он, ничего не подозревая, еще нетвердой походкой шел по комнате. Колотила мягкими лапами по его большой детской голове, когда он сидел на полу, и он кричал на всю квартиру «Ая-яйка!» Она укладывала его спать, стерегла его сон и отводила умываться и завтракать, когда он просыпался. Они играли в прятки и догонялки, а потом, после обеда, утомленные и счастливые засыпали в обнимку прямо на теплом полу, и Андрей улыбался во сне.

Айка ушла умирать, когда Андрею шел тринадцатый год. Почему-то теперь, возвращаясь раньше времени со скучнейшей богословской конференции, Траян вспомнил о ней. Выходя из машины на площади перед Лаврой, он сказал водителю не ждать его и ехать в гаражи. А сам пошел по направлению к Уточьей башне, рядом с которой собралась, кажется, вся семинария.

Дежурные помощники уговаривали студентов взобраться по лестнице к Аттиле. Самим им было неудобно из-за подрясников, да и окончательно становиться посмешищем они не хотели. Студенты отнекивались. Настоящий с Гайдой начали скандировать: «Задубицкий, Задубицкий!» Их дружно поддержали, и Макс полез за котом. Лестница была крепкой, но все-таки ощутимо прогибалась. Где-то посередине пути Макс решил высказать свои сомнения, повернулся к друзьям и замер, вглядываясь в приближающуюся к толпе фигуру в развивающейся на ходу рясе. Макс беззвучно выговорил: «Траян».

Гайда вскочил на две ступеньки лестницы, вытянул голову, спрыгнул обратно и схватился за волосы. Толпа медленно оцепенела, и наступила тишина. «Ой-ой-ой», - сказал Настоящий. «Почему он так рано вернулся?» - спросил Сковорода внезапно осипшим голосом. «Нам всем крышка», - подытожил Гайда. Траян шел через толпу, и было видно, где он шел: перед ним расступались, но никто не становился на то место, где ступала нога проректора. Те из семинаристов, которые были в состоянии думать, думали о том, что времени их учебы в семинарии наступил конец. Отчислены будут все.

Вообще все.

Проректора не переубедишь, что ты пришел из-за жалости к коту, проректор видел, что толпа дружно смеялась над аттиловыми мучениями. «Это бич Божий, - пробормотал Настоящий. - Мы придумали себе апокалипсис. Как глупо». Траян подошел к иве, кивнул помощникам и посмотрел на Аттилу. Тот молчал и не шевелился.

- Максим, - обратился проректор ко все еще стоящему посередине лестницы Задубицкому, - а вы не слишком тяжелый для этого дела?

- Я? Я нет. Наверное, - испуганно ответил Макс.

- Тогда давайте высвобождайте его уже, - Траян обратился к помощникам: - И давно он тут висит?

Помощники переглянулись, ежась от холодного взгляда проректора:

- Его обнаружили после службы.

Гайда, Сковорода и Настоящий попытались спрятаться в толпе, чтобы помощники не указали, что это они нашли кота.

- Значит, несколько часов, - задумчиво сказал Траян, наблюдая за Максом, который добрался до Аттилы и отрывал скотч от ветки. Аттила был жив, он немного шевелился. - А чей это кот-то?

Помощники от волнения быстро моргали; они понимали, что проректор намеренно сдерживал себя, но сейчас будет буря:

- В-ваш, батюшка.

- Мой?

- Это... это Аттила...

Проректор посмотрел наверх. Все замерли, ожидая взрыва атомной бомбы. Макс, почти отодравший кота, сморщился. Из-за горизонта вынырнуло солнце, окатив толпу красным светом. Траян помолчал, потом снова обратился к помощникам:

- Да какой же это Аттила? У Аттилы передние лапы в белых носочках, а у этого только кончики лап белые.

- ...как так не Аттила?

- Ну, вот так, - проректор пожал плечами. - А вам хотелось бы, чтобы это был он?

Макс схватил кота за переднюю лапу - белого носка не было. Да и вообще кот, хотя походил на Аттилу окраской, размерами был меньше и был гораздо худее. Макс крепко уцепился за ветку одной рукой, повернулся к студентам, вытянул кота в другой руке и закричал: «Самозванец!!»

Настоящий называл происшедшее чудом. Гайда признавался, что впервые подумал о том, что не сможет закончить семинарию. Сковорода утверждал, что за те ужасные несколько минут состарился на десять лет. Задубицкий сознался, что готов был специально упасть с лестницы, лишь бы не передавать в руки проректора его кота. Но это был не кот проректора.

Аттила в то праздничное утро спокойно дремал на правом клиросе храма в Семинарском корпусе, а в новом учебном году искренне недоумевал, почему стал всеобщим любимцем, несмотря на все его шкоднические проделки.

МУДРОСТЬ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Отец Траян сидел в своем кабинете и понимал, что ему не хватает мудрости. Перед ним сидела старшая воспитательница Регентской школы и жаловалась на его семинаристов. Это было обычное дело, но именно сейчас проректор понял, что до сих пор поступал очень неправильно по отношению к подобным жалобам из Регентской. Обычно он внимательно выслушивал их и тут же забывал, считая, что негоже женщине вмешиваться в мужские дела. Но сегодня воспитательница была многоречива сверх меры, и за то время, пока она говорила, проректор успел обдумать все вопросы, которые хотел обдумать, и теперь не знал, чем заняться. Он в отчаянии уже решил начать вычитывать про себя вечернее молитвенное правило, хотя было только половина восьмого, но тут его осенила мысль, что ему не хватает мудрости. Мудрый человек не имеет права так расточительно относиться к жалобам Регентской школы. Мудрый человек должен быть бережлив. Траян стал внимательно смотреть на старшую воспитательницу и в тот момент, когда она сделала паузу, чтобы набрать воздуха, он вклинился в беседу:

- Светлана, вы совершенно правы. Прямо после ужина они будут вызваны ко мне в кабинет. Я разберусь.

Воспитательница бросилась благодарить проректора и продолжала делать это даже тогда, когда он закрыл за ней дверь. «Нужно вызвать семинариста и заставить его оправдываться, даже если обвинение пришло из Регентской школы, - подумал Траян. - Не все ли равно, откуда? А заставить семинариста оправдываться никогда нелишне». Он снял трубку телефона, набрал старшего помощника и потребовал после ужина к себе в кабинет Сковороду и Пушко. Созвонившись между собой, парни договорились встретиться у входа в Академию. Сережа Пушко, украинец с голливудской внешностью, накачанными мышцами и всегда идеально выглаженными брюками, пришел первым и от нечего делать стал насвистывать военные марши. К нему подлетел запыхавшийся Сковорода:

- Пошли?

- Да. Ты знаешь, за что нас?

- Нет.

- Пойдем выяснять.

Они быстро поднялись на административный этаж, подошли к кабинету проректора и постучались.

- Да-да, - послышалось из-за двери, и они вошли.

Траян сидел в кресле и читал Псалтирь на иврите. Сковорода и Пушко знали манеру проректора вести разговор, потому спокойно прошли на середину комнаты и остановились в ожидании. Траян молчал, продолжая читать. Ребята стояли не шевелясь. Траян перевернул страницу. Сережа Пушко слегка улыбнулся. Леша Сковорода шмыгнул носом. Траян молчал и читал. Пушко скосил глаза на друга и вопросительно приподнял брови, Сковорода в ответ едва заметно пожал плечами. Траян молчал. Сковорода бросил взгляд на противно тикающие часы - восемь двадцать пять. Траян молчал. Восемь двадцать шесть. Траян перевернул страницу. Ребята начинали волноваться. В половину девятого проректор, не отрывая глаз от Псалтири, сказал: «Вы бы присели, что ли». «Нет-нет, мы постоим», - моментально отреагировал Сковорода. Траян дочитал псалом и отложил книгу в сторону. Ребята встрепенулись. Траян подвинул себя поближе к столу и подвинул поближе к себе исписанный лист. Парни переглянулись, проректор молчал.

- Вы оба служили в армии, правильно? - наконец спросил Траян.

- Да.

- Хм, об этом, похоже, мы сегодня и будем с вами говорить. Смотрите, что мне на вас написали из Регентской школы, - проректор взял листок. - Ну, тут всякая лирика... Ага... «Они, - это вы имеетесь в виду, - узнали о том, что группа девушек из Регентской школы вместе со студентами Академии идут на осенние шашлыки. Поскольку их не пригласили, они воспылали негодованием и ревностью и по врожденным звериным инстинктам, а также в силу уязвленного самолюбия, решили испортить всем веселье». Каков слог, да? Воспылали ревностью, звериные инстинкты. Кстати, почему это вас обязательно должны приглашать с собой академисты? Вы ж из семинарии. Ну, неважно. Дальше. «Когда ребята и девушки уже расположились в лесу на берегу озера, уже разожгли костер, расчехлили гитары и начали жарить мясо, эти негодяи и начали свое дело». Так прямо и написано - негодяи. Признаюсь, когда я дочитал до этого места, где вы уже собрались «начать свое дело», я сильно испугался. Читаем дальше. «Оказывается, они вызнали, где планируется пикник, оделись в камуфляж, разрисовали себе лица боевой раскраской и затаились неподалеку». Мороз по коже... «И когда ребята пошли в лес, чтобы принести еще дров, они напали на них, связали, заткнули кляпами рты и притащили к костру». Хотел бы я взглянуть на это, если так и было на самом деле, господа, вы фотографий не делали?.. «Вели себя нагло и вызывающе». Кто бы сомневался... «Испугав девчат и академистов, они съели треть шашлыка и довольные ушли обратно... Веселье было сорвано, не успев начаться»... А дальше, если кратко, Регентская школа пишет, насколько она вся целиком разочаровалась в семинаристах и почему именно сожжение на костре, а не повешение или четвертование, должно быть вам подходящей карой.

Траян отложил листок и вопросительно уставился на своих студентов. Студенты неуверенно улыбались, и проректор понял, что именно так все и было.

- Я так понимаю, - начал Траян, - что в вас проснулись вояки, и вам армейских приключений захотелось... Вот вы, Алексей, вы из Белоруссии, вы там где служили?

- В пограничных войсках, в штабе.

- В штабе? Здорово. Долго операцию планировали?

- Понимаете, батюшка...

- Ладно-ладно, еще поговорим. А вы, Сергей? Где служили вы?

- Я больше учился, чем служил. В учебно-тренировочном центре СпН.

- Спецназ?!

- Так точно.

- У меня есть собственный спецназовец! - восхитился проректор. - А почему я об этом ничего не знал?

- Меня никто не спрашивал при поступлении, в каких войсках я был, - скромно ответил Пушко, - кроме того, это же на Украине.

- У нас разные государства, но одна Церковь, - заметил проректор. - И вы закончили обучение, Сергей? У вас теперь какой-нибудь берет есть?

- Нет, я не закончил.

- Почему?

- У меня возникли проблемы с вестибулярным аппаратом.

Траян недоверчиво посмотрел на него:

- А разве не вы чистите паникадила и фрески в лаврских храмах? Мне рассказывали, как вы без страховки лазите под самый потолок. Отцы-монахи еще боятся, что вы сорветесь и расшибетесь насмерть, а им храм придется переосвящать. Ведь это вы?

- Я, но это не то же самое, что с парашютом, например, прыгать.

- Да? Хм... О, слушайте, у меня такая история была, Сергей! Вы мне сейчас поможете. Недавно был на охоте с военными, так там один майор в отставке рассказал, что он в первую чеченскую войну сам видел, как наш снайпер попал противнику между глаз на расстоянии в два километра. И так он это рассказывал! Про винтовку, про паренька этого... Сергей, вы мне скажите, он немного, э-э-э, сочинял или это правда? Все-таки два километра!

- А что за винтовка?

- Ну, я не помню, Сергей. Какая-то самая распространенная, но специально отобранная по точности... Из трех букв.

- Из трех? СВД? Наверняка СВД, это классика. Снайперская винтовка Драгунова.

- Точно! Драгунова, помню эту фамилию.

- Я вообще-то не снайпер, у меня не очень детальные представления. Если винтовка стандартная, говорите, то и оптика там стоит ПСО-1.

- И? - Траян внимательно смотрел на Пушко.

- А как это было?

- Сидели у костра, они мясо ели, я рыбу запеченную...

- Нет, батюшка, я про выстрел спрашиваю. Хотя, если у костра, говорите, то попасть не составит особого труда и с трех километров.

- А, про выстрел. Это был наблюдатель, в которого стреляли, лето было, и наш военный стрелял лежа.

- Не с горы? Не сверху вниз?

- Нет, по прямой.

- Вряд ли такое возможно сделать специально, батюшка. Во-первых, про «между глаз» - на таком расстоянии голова не будет видна, поскольку у ПСО-1 четырехкратное увеличение. Во-вторых, если стрелял по прямой, то там будет такое жуткое падение скорости пули и снижение относительно оси прицеливания, что ни о каком поражении цели просто нельзя говорить. Из СВД стреляют обычно максимум метров на восемьсот. Вот я скажу вам, что на такой дистанции в восемьсот метров пуля падает относительно оси прицеливания на восемь метров. А ветер скоростью один метр в секунду сдувает ее на полметра. Вы представьте, на два километра это будут огромные цифры, пуля упадет метров на сто, а сдует ее метров на десять. Какое тут «между глаз»? А ведь еще она будет лететь секунд пять, за пять секунд некоторые успевают позавтракать, а тут боевик не шевелился, да?

- А вы сами стреляли?

- На шестьсот метров при отсутствии ветра по грудной фигуре однажды выбил восемь из десяти. Мой личный рекорд.

- А почему между глаз обязательно?

- Какие-то кровожадные вопросы у вас, батюшка, - Сковорода, как истинный работник штаба, был уверен, что войны выигрываются в кабинетах.

- Это все для миссии, Алексей, чтобы в будущем разговаривать с военными на одном языке.

- Между глаз - это снайперский шик. А вообще, если на человеке бронежилет, - Пушко было немного неудобно объяснять азбучные истины проректору, - то из СВД вы его не пробьете уже на пятистах метрах. Потому нужно в голову целиться в любом случае.

- Ясно, Сергей, теперь ясно.

Траян разглядывал студентов и переваривал информацию.

- Спецназовец и штабист, так-так, надо бы придумать, как вас использовать по назначению... Ладно, давайте про случай в лесу. Что все это значит, вы зачем веселье людям испортили?

- Это не мы, - с негодованием ответил Сковорода.

- Как не вы? Вас опознали, не отпирайтесь!

- То есть это были мы, но мы веселья не портили, веселье испортили сами регентши, у которых отсутствует чувство юмора.

- Вон оно что! - воскликнул Траян. - А вы не подумали, что они в армии не служили и именно потому армейский юмор им недоступен?

- Да что же тут армейского, - обиделся Пушко.
- Ну-ну, - поддакнул проректор. - Так как все было-то?
- У нас имелся наводчик среди них, который по мобильному вывел нас к месту предполагаемого пикника, - начал объяснять Сковорода.
- Наводчик, - повторил Траян.
- Конечно, мы хорошо подготовились. Кляпы, например, сделали заранее. И нас нужно благодарить, что мы не засовывали им в глотки землю с травой и грязные палки не привязывали.
- Я передам это Регентской, - сказал проректор. - Хотя постойте, почему Регентской, ведь пострадали академисты. Думаю, вы нажили себе смертельных врагов.
- Ничего подобного, - ответил Пушко, - они это все очень правильно и с юмором восприняли. Совершенно адекватные ребята.
- А когда вы их заваливали, они тоже все адекватно воспринимали?
- Абсолютно. Перепугались страшно, как и положено.
Траян постучал пальцем по столу:
- А как кляпы выглядели?
- Берете, батюшка, носовой платок, побольше ваты в него, и заталкиваете это все поглубже, вот и весь кляп.
Траян одобрительно кивал.
- Мы оделись в камуфляж, - продолжал рассказ Сковорода, - и выдвинулись к месту дислокации объектов. Когда подобрались поближе, повязали банданы и поползли по папоротнику.
- Банданы?
- Обязательно, и еще рюкзаки на живот перевесили.
- Банданы тоже были камуфляжные?
- У меня черная бандана, - сказал Пушко.
- А черная в глаза не бросается, в лесу-то?
- Если специально высматривать, то и камуфляжная бросится, а если специально не искать, то черная прекрасно смахивает на пенек.
- Еще тут написано, господа, что вы были разукрашены боевой раскраской, - проректор кивнул в сторону жалобы из Регентской.
- У страха глаза велики, - ответил Сковорода, - немного грязью замазались, всего делов.
- И близко вы подползли?
- Метров на семьдесят.
- Близко.
- Нормально.
- Что дальше?
- Дальше мы сбросили на телефон нашему агенту сообщение, куда нужно направлять жертв.
Траян усмехнулся:
- И ваш наводчик встал, показал пальцем, куда нужно идти, и все пошли?
- Нет, он разыграл что-то с дровами и вместе с тремя академистами пошел их искать. В смысле дрова, - Сковорода рассказывал с видимым удовольствием. - Вот мы их и скрутили. В смысле академистов. Там растут старые сосны, глухо заросшие снизу папоротником и немного каким-то кустарником, очень удобное место. Одного академиста наш человек увел подальше, и нам было проще справиться с оставшимися двумя, хотя они и не отходили друг от друга дальше шагов тридцати.
- Вы их по очереди скручивали?
- Разумеется. С первым получилось очень просто. Он шел практически на меня, и когда был уже в двух шагах, сзади налетел Сережа. Одной рукой за ногу, другой в пояс, и вот он уже был на земле, а я засовывал ему кляп. Все очень быстро и тихо получилось. Потом мы его замотали скотчем, оставили лежать и отправились за вторым.
- Погодите, погодите, - Траян остановил Сковороду, - вы ему ничего не рассказали? Не показали, что это были вы?
- Ну что вы, батюшка. Конечно, мы перевернули его на спину, чтобы он нас мог узнать.
- Но он нас не узнал, - добавил честный Пушко. - Я сразу сказал Леше, что нас не узнают, поскольку мы были одеты довольно странным образом, замазаны грязью, а у человека был шок от того, что его валят на землю и затыкают рот кляпом. Кроме того, долго

объяснять нам было не с руки, поскольку еще два академиста гуляли неподалеку. Мы перевернули его на спину, сказали, что все нормально и попросили лежать смирно.

- Как он выглядел?

- Все люди в таких ситуациях выглядят одинаково, - философски заметил Пушко.

- М-да, - вздохнул проректор. - Что потом?

- Потом был второй, - продолжил Сковорода. - Он уже набрал каких-то палок и шел обратно, так что нам нужно было торопиться. Мы его настигли почти на опушке. Сережа заходил немного спереди и справа, отвлекая внимание, а я сзади и слева. В общем, когда он заметил летящего на него Пушко, я уже наваливался на него со спины. Дрова врассыпную, мы об землю. Ну, скрутили мы его быстренько, кляп сунули и уволокли к первому, чтобы на опушке не лежал.

- И чтобы им не так страшно было по одному, - прибавил Пушко.

- Но самый интересный оказался третий, - найдя в лице проректора благодарного слушателя, Сковорода получал видимое удовольствие от рассказа. - Он шел к остальным участникам пикника один и без дров, поскольку с нашим человеком они нашли приличное бревно, вдвоем его было тащить тяжело, и он шел за подмогой. Вот представьте, батюшка, он идет такой веселый и ничего не подозревающий, - глаза Сковороды горели, - равняется с толстой сосной в два обхвата, и из-за нее прямо на него выходит в полный рост человек в камуфляжной форме, черной бандане и с разрисованным лицом. Академист по инерции делает еще один шаг, а Пушко делает ему шаг навстречу и немного в сторону и на том же движении проводит подсечку. Туловище академиста, увлекаемое рукой Пушко, валится вниз почти параллельно земле, а его ноги взмывают к небу. О, как это было красиво! Я так был очарован, что не сразу бросился с кляпом, и Пушко пришлось несколько секунд закрывать ему рот рукой.

- Это ужасно, - проректор медленно провел пальцами по лбу, - это ужасно.

Семинаристы улыбались.

- А потом вы их потащили к костру, так?

- Сперва мы аккуратно скрутили нашего агента, чтобы на него не пали подозрения в предательстве и шпионаже.

- Эх, хитрецы. Никто и не догадался, да?

- Да где им там догадаться. Мы когда свою добычу волоком к костру притащили, академисты и регентши дружно потеряли способность думать минут на пять точно. И говорить тоже разучились.

«Фантастика, - думал про себя проректор, - фантастика. Только четвертый курс мог учудить подобное. И только четвертый курс может подобным гордиться. Ну что был за набор в том году, ума не приложу, с виду вполне нормальные ребята».

- Девчата перепугались, наверное, до смерти?

- Ну, они немного были сбиты с толку, - пожал плечами Пушко.

- Зато парни смеялись от души, когда узнали нас, - заметил Сковорода. - Но про шашлык, что мы его весь съели, это вам неправду написали. Мы немного взяли с собой и почти сразу ушли.

- Конечно, - согласился Траян, - у вас там были свои глаза и уши. Что вам потом доложил ваш человек? Наверное, вы были единственной темой разговоров до конца пикника?

- Приблизительно так.

- Довольны?

- Как вам сказать, батюшка, мнения-то у них разделились.

- Да, а вы чего ожидали, интересно?.. Ну что ж, господа, - Траян встал, - вы порадовали меня прекрасной историей.

- А главное, никаких пострадавших, - заметил Сковорода.

- И это правда, - Траян не стал спорить. - Вот что я сделаю. Я поступлю мудро. Мне, знаете ли, иногда не хватает мудрости... Вы скажете всем, что пока находились у меня в кабинете, вы писали объяснительные и получали строгий выговор, договорились? И на этом инцидент будем считать исчерпанным.

Парни поклонились и пошли к выходу.

- Еще одно, господа, - сказал им вдогонку проректор. - В следующий раз проводите качественную масштабную разъяснительную работу. У меня, знаете ли, нет никакого желания выслушивать жалобы Регентской школы по пустякам.

- Хорошо, батюшка, - пообещали семинаристы и вышли.

- Ты это, отец, ты почему сказал, что у тебя нет берета? - спросил Сковорода у Пушко, выходя из Академического корпуса на улицу и опасливо оглядываясь.

- Ага, чтобы он потом затаскал меня по всяким гостям Академии в качестве живого экспоната? Посмотрите направо - картина Коровина, посмотрите налево - семинарист-спецназовец... Так, да? Ну его. А ты чего сказал, будто парни у костра смеялись от души?

- А ты хотел, чтобы я ему рассказал, как у нас чуть не дошло до рукопашной?

- Врать нехорошо.

- Кто бы говорил.

Траян задумчиво сидел в своем кресле. Парни определенно ему врали. У Пушко точно был берет, а поверить, будто академисты не обиделись за то, что с ними сделали на глазах у девушек, Траян не мог. Вся история и так не нравилась проректору, а тут его еще пытались обмануть... Наглецов надо было проучить и поступить с ними именно так, как они поступили с академистами - неожиданно и больно. Это будет по-настоящему мудро. «Спецназовец и штабист», - усмехнулся Траян, и, подняв трубку телефона, набрал номер старшего помощника.

- Отец Наум, добрый вечер, - старший помощник был в отпуске, и Траян решил, что для молодого отца Наума будет полезно некоторое время потянуть его лямку, - мы со старшим помощником все никак не могли найти девочку, чтобы ухаживать за Луизой Аркадьевной Соломоновой в городе. Это старенькая вдова нашего профессора, ей нужно каждый день носить еду, убираться в доме, водить на богослужения, в больницу возить, журналы читать, еще она, кажется, собралась писать мемуары, нужно помогать, ну, и вообще все такое. Даже Регентскую с Иконописной просили, но у них тоже не нашлось свободных рук... Я решил проблему. На это послушание назначены Сергей Пушко и Алексей Сковорода. Завтра объявите им об этом. Скажите им, что заниматься Луизой Аркадьевной они будут до конца учебного года точно, а там посмотрим. Если у них возникнут вопросы, скажите, что после сегодняшнего с ними разговора я понял, что лучше них с этим ответственным и рискованным заданием не справится никто. Так и передайте им - рискованное, мол, задание, не каждому по плечу...

ОБЕТ ИГУМЕНА ТРАЯНА

«Аня, дорогая, наконец-то!» - воскликнул Гайда, поднимаясь с кресла навстречу входящей в Миссионерский отдел стройной очаровательной девушке с блестящими каштановыми волосами, тонкими чертами лица и широко поставленными карими глазами. «Милая моя, - Настоящий тоже поднялся, - мы тебя страшно заждались!.. А что это за питекантроп рядом с тобой?» Питекантропом был Алексей Сковорода, а Аня была его невестой. Они познакомились год назад и почти тогда же в их отношения влезли Гайда с Настоящим, взявшиеся за интенсивное глубокое воцерковление Ани, подготавливая ее к служению матушки священника. Семья Ани не так давно пришла к вере, потому узнавать внутреннюю жизнь православия ей приходилось через Гайду и Настоящего, чему Сковорода был не особенно рад, а вот Аня была только за. Сегодня вчетвером им предстояло обсудить устройство свадьбы, которую собирались сыграть через месяц.

- Я уговорила Лешу положиться на вас, - сообщила Аня.

- Конечно, - обрадовался Настоящий, - никто не устроит православную свадьбу лучше нас.

- Разумеется, - мрачно согласился Сковорода.

- Ну зачем ты такой грустный, Леша, - обиженно произнес Гайда, - мы уже и план придумали. А мнение будущей жены нужно уважать.

Настоящий достал листок:

- У нас в плане мальчишник, девичник, выкуп, венчание, прогулка и застолье.

- Вы решили и девичник устраивать? - скептически отозвался Сковорода. - И что там будет?

- Не твое дело.

- Что?

- А вот так. Тебе какое дело, тебя мы туда не пустим. И вообще, мы решили сделать вам сюрприз и поэтому рассказывать о наших планах не будем. Придете и сами все увидите. Будет весело и незабываемо.

Сковорода запротестовал и проявил недюжинную стойкость, выдержав как натиск товарищей, так и нежную ласковость невесты. В итоге сошлись на том, что девичник

парни трогать не будут, но и рассказывать о своих остальных планах тоже. Аня хотела настоящую православную свадьбу и незабываемых сюрпризов.

К мальчишнику распорядители свадьбы готовились с таким рвением, что Сковорода начал бояться, как бы за этот мальчишник ему не было потом стыдно всю семейную жизнь. В назначенный день они под благовидным предлогом покинули Лавру и после ужина направились в город на съемную квартиру. Сковорода был полон самых скверных предчувствий. Выдержка совсем оставила его перед дверью, на которой красовался номер тринадцать, и он бы убежал, но Гайда с Настоящим вовремя схватили его и затолкали вовнутрь.

В квартире было темно, как в подземелье. От стены отделилась фигура в черном и, подойдя к жениху, схватила его за плечо костлявыми пальцами. Сковорода онемел. Фигура потащила его дальше в мрак. Посередине большой комнаты стоял гроб, освещаемый несколькими свечами. Гроб был пуст. Вокруг гроба стояли черные силуэты. В голове Сковороды всплыли картины самых отвратительных оргий, описание которых он читал у Геродота и Тита Ливия. Человек, ведший Сковороду, с силой надавил ему на плечо и опустил на колени. Сковорода готов был потерять сознание от возмущения и ужаса. Наступила тишина. Наконец, человек в черном тихо сказал: «Помолимся, братья». И монахи Троице-Сергиевой Лавры, специально приглашенные Гайдой и Настоящим, затянули покаянный канон Андрея Критского.

К полуночи Сковорода понял, что это не шутка. К двум часам ночи он догадался, что вычитываемое монашеское молитвенное правило специально сконструировано из нескольких уставов. К четырем часам утра он перестал понимать, что происходит. Молились они до восхода солнца.

Когда еле живого Сковороду весело хохотавшие иноки укладывали на заднее сидение такси, чтобы друзья отвезли его обратно в семинарию, он едва слышно спросил: «За что?..» Настоящий и Гайда, отлично выспавшиеся на кухне, серьезно ответили: «Чтобы, вступая в брак, ты знал, какой духовной радости лишаешься, отказавшись от монашества».

В течение двух дней Сковорода пытался убедить себя, что самое страшное позади и Гайда с Настоящим не посмеют подобным же образом надругаться над его свадьбой. Убеждать себя получалось не очень. Парни ходили с загадочными улыбками на лицах и никаких гарантий давать не собирались. Сковорода переживал...

В день свадьбы он проснулся сидя на стуле, голова слегка туманилась и была тяжелой. В спальне на третьем этаже Семинарского корпуса было светло - ради праздника октябрь изменил себе: сумрачное небо, нагоняющее последнее время тоску, внезапно просветлело, а кропающий дождик шел стороной. Попытавшись встать, Сковорода понял, что к стулу он привязан. В комнате, кроме него, никого не было. Окно напротив было открыто, и Сковорода заметил прислоненный к подоконнику край лестницы. Ему стало не по себе. Что происходило потом, он не видел, но догадаться было нетрудно.

К Семинарскому корпусу, неистово сигналя, подкатил длинный лимузин и два автобуса, из которых высыпали приглашенные на свадьбу. Их ожидало огромное количество семинаристов с разноцветными шариками в руках. Невесту в подвенечном платье подвели к высокой лестнице, которую для подстраховки придерживал здоровяк Задубицкий, и объяснили, что жених ждет ее в комнате, куда нет иного пути, кроме как вверх. «Количество попыток ничем не ограничено, - успокоил Аню Настоящий, показывая на большую спасательную надувную подушку под окнами. - Расшибиться тебе не удастся». Аня поглядела в пустое открытое окно. «Вы, конечно, думаете, что я откажусь? - озорно воскликнула она. - Как бы не так!» В момент, когда она, ухватившись повыше белоснежной перчаткой, ступила на первую перекладину лестницы, семинаристы дружно выпустили шарики в небо и зааплодировали. Со всех сторон заискрили вспышки фотоаппаратов. Гайда достал громкоговоритель и начал объяснять происходящее:

- Все мы знаем, что священники в массе своей идут в ад. Об этом и святитель Иоанн Златоуст как-то сказал: «Не думай, чтобы в среде священников было много спасающихся, напротив - гораздо более погибающих». Мы и не думаем, мы знаем, что это так. Единственный шанс для священника не попасть после смерти на огненную сковородку заключается в его жене. Апостол Павел написал однажды, что «муж освящается женою». Друзья, это про нас! Если жена священника готова ради него на все, то у него появляется шанс спастись. Только так, отцы и братья, только так! Поэтому всякая девушка, желаю-

щая стать матушкой, должна быть готова на подвиг. На подвиг самоотречения, на подвиг самопожертвования. И не тогда, когда это удобно ей, а в любую минуту. Тогда, когда это потребуется. Как видите, от Анны подвиг потребовался прямо сейчас! Поддержим ее!.. Анна! Анна! Анна!

Сковорода слышал, как толпа скандировала имя его невесты. Он попытался кричать ей, чтобы не дурила и не вздумала взбираться по лестнице, но его крики утонули в общем шуме.

Аня поднялась к своему жениху с первой попытки.

...Сжав голову руками, Сковорода сидел в лимузине, переживал унижение и вынашивал план отмщения. Месть должна быть страшной. Лимузин, наполненный беззаботными веселящимися людьми, катил на «прогулку». Свадьба была в полном разгаре. Сковорода отнял руки от лица. К нему по салону машины пробирался Гайда с черным мешком в руках.

- У меня сюрприз для тебя, - сказал он, устраиваясь рядом.

- Хватит мне сюрпризов. Наверное, я должен благодарить вас за то, что хоть венчание вы не испохабили. Я боялся, что вы и в храме чего-нибудь выкинете... Что в мешке?

- Ничего, он пустой. Это тебе на голову.

- Даже не надейся!

- Леша, не надо мне тут. Смотри, как всем весело. Не порти нам настроение своим неожиданно сломавшимся чувством юмора. Знаешь, что мне сказали анины родители? Что они просто в восторге. Из-за одного-то выкупа! А что еще будет!.. Тут вообще все в восторге, кроме тебя! Глянь на жену свою, она ж просто сияет. Давай, одевай мешок. Мы не хотим, чтобы ты раньше времени догадался, куда мы направляемся.

С мешком на голове Сковорода ехал минут десять. Наконец автомобиль сбросил скорость, несколько раз медленно повернул и остановился. В салоне стало тихо, и Сковорода догадался, что сюрприз у его друзей получился. Снаружи послышались чьи-то голоса, потом заскрипели ворота, еще одни; лимузин, должно быть, въезжал в какой-то ангар. Все молчали, Сковороде страшно хотелось снять мешок с головы, он мучался в догадках, чем же так поражены его спутники. Проехав еще пару метров, они остановились. Гайда и Настоящий аккуратно под руки вывели Сковороду из машины и стянули с него мешок.

Сковорода понял, что находится в первом тесном внутреннем дворике исправительной колонии общего режима номер семь Управления федеральной службы исполнения наказаний по Московской области. Он был здесь однажды, когда договаривался о проведении катехизических бесед с заключенными, но идея развития не получила. «Помнишь, - прочувствованно сказал Настоящий, положив другу руку на плечо, - ты убеждал нас, что самая зеленая трава находится на выходе из тюрьмы, и там же светит самое яркое солнце? Что именно тюрьма научает человека ценить прекрасное в жизни. Эх... На контрасте, так сказать. Помнишь? Вот мы и решили усилить тебе впечатление от сегодняшнего дня, дня твоей свадьбы, посещением этого замечательного места». Из лимузина вылезали ошарашенные парни в дорогих костюмах, девушки в вечерних платьях и с букетами цветов, родители невесты с открытыми ртами и сама невеста, вся в белом. «Ну, а чтобы ты совсем до конца прочувствовал момент, - улыбался Гайда, - ты сейчас перед заключенными прочитаешь лекцию о смысле и значении православного брака. Познакомься, это начальник тюрьмы Андрей Борисович, он так тебя ждал».

Пока красный, как рак, Сковорода, поминутно запинаясь, пытался донести до скептически настроенных бритых людей в робах всю красоту православного брака, прочие участники свадебных торжеств побывали на краткой, но очень познавательной экскурсии. Предусмотрительный Андрей Борисович постарался сделать так, чтобы они не встретили ни одного заключенного и ни один заключенный не встретил яркую разодетую делегацию, благоухающую дорогим парфюмом. Потому для тех заключенных, которые посетили беседу о православной семье, так и осталось загадкой, с какой целью лектор на встречу с ними вздумал вырядиться так, словно от тюремных ворот собирался направиться прямо в ЗАГС.

Когда лимузин выезжал из колонии, Аня расцеловала Гайду с Настоящим, ее мама нежно обняла обоих, а отец долго тряс их руки в крепком рукопожатии. Из-за постепенно ухудшающейся погоды, вновь затянутого октябрьского неба и начинающегося дождя никто не мог проверить слова Сковороды о самом ярком солнце и самой зеленой траве на выходе у тюрьмы, но и без того все находились в радостном возбуждении. Свадьба явно получалась. В ресторане жениха с невестой уже ждал подготовивший дальнейшее

празднование Задубицкий и два автобуса гостей, которых Гайда и Настоящий благоразумно решили в тюрьму не возить. Вино полилось рекой, тосты были длинны, песни пелись всеми хором и пробирали до слез, дружный ансамбль семинаристов виртуозно наяривал на народных инструментах, «горько» тянули протяжным знаменным распевом, Настоящий очень искренне танцевал, Гайда сыпал на всех из пушки-конфетти, Задубицкий случайно свалил торт с передвижного столика, все буйно веселились и хохотали до изнеможения...

- О, брат! - и Настоящий въехал лицом в густую жижу перепаханного поля.
- Да, - громадный силуэт Задубицкого почти таял за густой пеленою дождя в холодной октябрьской ночи, - подложил нам свинью Сковорода, подложил.
- Никому не двигаться, никому не двигаться! Очки! - Настоящий ползал на четвереньках в земляной каше, близоруко шаря руками вокруг себя.
- Держи, - Гайда протянул Настоящему бесформенный и растекающийся комок грязи. - Плохо дело наше. Знаете, в девятнадцатом веке на русских дорогах в промоине мог утонуть всадник вместе с конем. С того времени ничего не изменилось, а у нас и коней сейчас нет. Не дойти нам.
- Нужно было наплевать на Сковороду и идти в другой день, - сказал Настоящий, растирая руками грязь по линзам. - Он просто тупо нам мстит.
- Только ради Ани.... - отозвался Гайда.
- Эх, да... Сколько еще до этих Малинников?

Святой источник в Малинниках, или, как его еще называли, «водопад Гремячий», был по преданию изведен из горы преподобным Сергием Радонежским и с тех пор, уже около 650 лет, почитался как святое место. Лаврские монахи, внимательно оберегающие святыню, сделали здесь большую открытую купальню и плюс к ней несколько маленьких купаленок, наподобие душевых кабинок, где вода мощной струей лилась сверху, а кроме того, еще множество мест, где можно было просто набрать воды. Источник постепенно превратился в небольшой, но потрясающе красивый деревянный город, с широкими дорожками, красивыми теремами, тяжелыми коваными лавками и лестницами. Рубленые часовня и храм своей красотой и древнерусской строгостью внушали благоговение и настраивали на молитвенный лад.

Вода в источнике была ледяная. Купальня выглядела как поставленный на землю большой сруб с крышей, высоко приподнятой над ним. Шириной купальня была примерно три на три метра и более полутора метров высотой. Сруб всегда был полон кристально чистой водой, переливающейся через край, - мощный источник, ни на секунду не переставая бить, не давал воде застояться. С земли с двух сторон наверх под крышу вели ступеньки, заканчивающиеся небольшими площадками у самой кромки воды. В воду можно было или прыгать, или спускаться по специально приспособленным лестницам с металлическими перилами. И тот, и другой способ не сулил ничего приятного, ибо медленно спускаться в ледяную воду было не менее жестокой забавой, чем нырять в нее с головой, - кости сводило от холода и дыхание сбивалось в обоих случаях.

Путь до Малинников был неблизкий: от Лавры до купальни примерно семнадцать километров в один конец. Часть из этого пути надо было пройти по шоссе, часть по лесу, а часть по проселочным дорогам и полям, которые в дожди становились настолько непроходимыми, что только ноги семинаристов могли одолеть глубокую и вязкую глиняную кашу.

- Наконец-то, - прохрипел Настоящий, когда его ноги коснулись первых досок деревянной дорожки, ведущей к купальне, - дошли.
- Не знаю, как вы, братцы, а я что-то слегка замерз, - изо рта Гайды почти перестал идти пар, и губы плохо выговаривали слова. Посиневший Задубицкий топал ногами по деревянному настилу, пытаясь согреться и заодно стрясти глину, налипшую толстым слоем почти до колен.
- А как, интересно, - спросил Гайда, притопывая вслед за Задубицким, - мы будем надевать нашу одежду, после того как искупаемся? Мокрую одежду на мокрое тело натянуть непросто.
- А меня больше интересует вопрос, как мы будем ее снимать. Ты слишком далеко заглядываешь вперед.
- Правильно, пойдем купаться, - и Гайда побрел по дорожке к источнику. Дождь не

переставал ни на минуту.

Купальня была под крышей, и, поднявшись по ступенькам, друзья наконец-то спрятались от разбушевавшейся стихии. От воды веяло ледяным холодом, а ее угрожающее журчание заставляло тело съеживаться еще больше, хотя, казалось, съеживаться ему уже дальше было некуда.

- Ну, что, не просто же так мы сюда пришли, - выдавил Гайда. Все трое стояли в нерешительности и ругали про себя мстительного Сковороду. Настоящий присел и потрогал воду.

- Мама дорогая, - он резко отдернул руку.

- Холодно? - Задубицкий и Гайда тоже потянулись к воде.

- Нет, что вы, ни капли не холодно.

- Если мы будем так стоять и не двигаться, то ветер заморозит нас окончательно, и шансов на то, что мы заставим себя искупаться, не будет никаких.

- Какой ты разумный, Задубицкий. Покажи нам класс, - Гайду трясло, и даже в темноте было видно, что замерз он страшно.

Они постояли еще несколько секунд и, наконец, стали раздеваться. Одеревеневшие пальцы с трудом расстегивали пуговицы, а мокрая одежда никак не хотела сниматься. Когда Гайда стягивал майку, раздался треск.

- П-п-порвал, - ткнул в него пальцем Настоящий, артикуляция которого свидетельствовала о том, что утром его ждет изолятор и высокая температура.

Задубицкий разделся первым. Стоять на мокром полу было невозможно, и, перекрестившись, Макс с размаху прыгнул в источник.

- О-б-а-л-д-у-у-у-й! - заорал Настоящий, которого с ног до головы окатило студеной водой.

- Да ладно тебе, одежда и так мокрая, - и Гайда бросился в воду. Настоящий еще продолжал ругаться, держа штаны в руках, а они уже с воплями вылезали обратно.

- Е-е-е! Е! Е-е-е-е-е, - Гайда выбивал джигу. - Вот для чего в русском алфавите эта буква, е! Е-е-е!!!

Задубицкий махал руками, изображая мельницу, ждущую своего Дона Кихота; сияющее лицо Макса выражало довольство. Настоящий почувствовал себя в меньшинстве. Ему стало обидно, оттого что он еще не купался, и завидно, что им уже хорошо, а ему, чтобы стало хорошо, должно перед этим стать еще более плохо, чем сейчас. Он трясущимися руками взялся за перила и стал медленно погружаться в святую воду. Всякий раз, залезая в источник, он был уверен, что не вынырнет. Сердце так замирало в груди, что казалось, будто пришел конец его земного пути. Вот и сейчас паника овладевала его сознанием с такой же скоростью, как холод сковывал тело. Когда он отпустил перила и оттолкнулся от ступенек, он был почти уверен, что обречен...

- Я, честно говоря, думал, что ты обречен, - Гайда бил товарища по плечу, и радость наполняла душу Настоящего вместе с разливавшимся по телу теплом, после ледяной воды казалось, что на улице плюс двадцать пять. - Молодец, Настоящий! Вот видишь, ты жив, причем в очередной раз. Твой организм сильнее, чем ты думаешь. Мы сделаем из тебя настоящего подвижника благочестия и аскета.

- Не убейте меня в процессе обучения.

Они оделись. Уже через минуту от недавнего тепла и эйфории не осталось и следа. Стало невыносимо холодно, и перспектива семнадцати километров обратной дороги под дождем доводила до отчаяния.

- И все-таки мы молодцы, - Гайда звучно откупорил бутылку с вином. Они спрятались от дождя недалеко от купальни в большой беседке. - За Сковороду и Аню Сковороду, - и сделав большой глоток, он передал бутылку Задубицкому.

- За молодых, - и Макс, отпив, вложил бутылку в трясущиеся руки Настоящего.

- За Аню и ее дурного мужа, - и Настоящий сделал несколько глотков. - Будто Сковорода не догадывался, на что нас посылает. Пусть будет счастлив, гад!

- Ух, ты! У нас гости! - Воскликнул удивленно Гайда, и стоявшие к нему лицом Задубицкий с Настоящим резко обернулись. По деревянной дорожке по направлению к купальне уверенной походкой шел мужчина.

- Сторож? - спросил Задубицкий.

- Сумасшедший, - ответил Настоящий.

- Траян, - выдохнул Гайда.

Кто удивился больше, отец Траян семинаристам или семинаристы своему проректо-

ру, было неясно. Первым нарушил молчание Задубицкий:

- Доброй ночи, батюшка.

- И вам не хворать, - в глазах проректора мелькнули веселые огоньки. - Я должен был бы взять с вас объяснительные за то, что вы в подобном виде разгуливаете в такую скверную погоду. Ваша легкая и насквозь мокрая одежда обещает значительный прирост населения изолятора в ближайшие дни. А будущие священнослужители не имеют права по пустякам расточать свое здоровье.

Сам отец Траян являл собою полную противоположность своим студентам. Одетый в берцы, плотные камуфлированные штаны, спецовку, под которой явно был свитер, и плащ-палатку, проректор не выглядел ни замерзшим, ни уставшим. По одежде было видно, что он тоже прошел пешком не один километр, но при этом казалось, что трудности дороги его не столько утомили, сколько раззадорили.

- Поправьте меня, если я ошибаюсь, но по подписанным мною прошениям сегодня вы должны были быть на свадьбе у Алексея Сковороды.

- А мы и были, - начал осторожно Задубицкий.

- Понимаете, батюшка, - пошел напролом Гайда, - у нас есть традиция. Когда один из наших друзей женится, оставшиеся холостяки в первую ночь после свадьбы идут пешком купаться в Малинники. Время года и погодные условия значения не имеют. Мы приходим сюда, купаемся, распиваем бутылку вина со свадебного стола и уходим той же дорогой обратно. Нас было шестеро. Осталось трое. Последний пойдет один.

- Очень не хочется остаться последним, - поежился Настоящий.

- Меня позовите, Александр, мне жениться вряд ли придется, схожу вместе с вами, - пожалел Настоящего Траян. - Так вы, получается, уже третий раз устраиваете подобное мероприятие?

- Да.

- Похоже, все другие свадьбы выпадали на лето, а в этот раз вы так славно погуляли, что перед тем как отправиться, забыли свериться с погодой.

- Мы думали отложить, - ответил Гайда, - но Сковорода настоял. Непонятно, за что он нас. Мы ему такую свадьбу организовали, на загляденье. Про нее вся семинария говорить будет.

- А он нас послал на верную смерть, - поддакнул Настоящий.

- Занятно, занятно, - покивал отец Траян. - Судя по тому, что бутылка вина открыта, вы уже искупались.

- Да, батюшка, водичка хороша, - и белоснежные зубы Задубицкого заблестели в темноте.

- Ну, что ж, отлично, - улыбнулся в ответ проректор.

- А вы будете купаться? - Настоящий недоверчиво косился на Траяна.

- Безусловно. Не просто так же я сюда шел.

- Вы шутите!

- Нисколько! Всего доброго, господа, - слегка поклонился игумен, и друзьям стало ясно, что им пора уходить.

Они подошли под благословение, и тогда Настоящий все-таки не выдержал:

- Батюшка, а зачем это вам? Ночью, в дождь, по бездорожью пешком в Малинники. Вы же взрослый человек. Игумен. Ну, понятно, у нас по глупости и из-за Сковороды ненормального. Но вы?

Траян остановился и медленно поднял глаза на синюшного Настоящего.

- Мы же вам рассказали, зачем мы сюда пришли, - сказал Гайда, а Задубицкий энергично закивал головой: - Мы никому не проболтаемся.

- Это будет нелегко, - Траян загадочно улыбался.

- Слово даем, - и Настоящий, как на присяге, поднял ладонь вверх.

- С удовольствием и готовностью беру ваше слово, господа... Шестнадцать лет тому назад, в первые годы моего проректорства, я был в Париже и познакомился с очень интересным католическим священником. Мы с ним сошлись еще и потому, что он, как и я, был проректором семинарии. Естественно, католической. Он был значительно старше меня и воспитывал будущих пастырей, наверное, столько лет, сколько вам сейчас. Както раз мы обсуждали трудности нашей работы, и я обмолвился, что есть у меня один неудачный курс, половину которого я намерен отчислить, пока они не выпустились и - не дай Бог! - не стали священниками. Он поинтересовался, сколько человек на курсе, и, узнав, что их семьдесят шесть, сказал, что качественно отчислить тридцать восемь людей - это работа лет на десять. Я возразил, что при желании, могу отчислить их в течение

одного учебного года. Мы поспорили. Поскольку учебный год уже шел, мы решили, что я начну с учебного года следующего, - лицо Траяна светилось в темноте, и было видно, что о тех временах ему приятно вспоминать. - Нелегкая оказалась задача, надо сказать. Я составил план, просчитал тактические шаги, оценил силу и способность противника к сопротивлению. К тому моменту, когда они поняли, что их уничтожают, а это было в ноябре, я отчислил уже семнадцать человек.

Траян периодически бросал взгляды на своих студентов и с удовольствием отмечал, как у них меняются лица, как заинтересованность сменяется недоверием, а недоверие искажается гримасой ужаса. Он рассказывал им о «Великой жатве Траяна». Он сам!

О «Жатве проректора» все студенты Московских духовных школ узнавали в первый же месяц после поступления. Это была самая страшная быль про Траяна, которой одной было достаточно для того, чтобы заставить трепетать любого студента. Гайда, Настоящий и Задубицкий, конечно же, знали о Великой жатве, но им даже в голову не могло прийти, что она была всего лишь результатом спора, была игрой. Что несколько десятков студентов стали заложниками шуточного пари двух проректоров, православного и католического.

- По моему плану, - продолжал довольный производимым эффектом Траян, - в месяц я должен был отчислять по четыре-пять человек. В учебные месяцы больше, в каникулярные - меньше. В первом полугодии все было хорошо, и план был даже на две единицы перевыполнен, а вот во втором семестре начались трудности. Истребляемый и паникующий курс стал проявлять чудеса активности и изобретательности. Они жаловались ректору, звонили своим епархиальным архиереям, писали письма в Патриархию, в общем, боролись, как могли. Начались разбирательства. Но придраться было не к чему. Ведь в условиях спора говорилось о качественных отчислениях, я старался.

Ребята были настолько поражены, что забыли о ветре и холоде. Настоящему даже казалось, что стало жарко из-за того, что веселые огоньки, пляшущие в глазах проректора, были отблесками инфернального пламени, бушующего у того в душе.

- Но, господа, что греха таить, я проиграл. И знаете, что самое обидное? - Траян сделал актерскую паузу. - Не хватило всего лишь одного студента. Точнее, он был. Но его провинциальный архиерей... - досада на лице Траяна показала все его отношение к этому архиерею, - он так за своего семинариста боролся... Просто, братья, фанатик... По правде говоря, когда французский коллега узнал о моих успехах, он был настолько удивлен, что готов был признать себя проигравшим, но я не согласился. Спор есть спор. От слов своих оправдаешься, и от слов своих... ну, вы знаете. По условию, проигравший должен был проводить день, в который случился наш спор, наиболее глупым и нелепым образом. Поначалу я хотел писать концепцию реформирования семинарии, где инспекция и студенты пребывали бы в гармонии, но потом придумал ходить в Малинники ночью пешком, и вот уже сколько лет хожу.

Настоящий открыл было рот, но не нашел, что сказать, и только посмотрел на Гайду с Задубицким. Те были растеряны и молчали.

- Но, я вижу, вы совершенно замерзли, - проректор участливо всмотрелся в их лица. - Быстрая ходьба должна вас согреть. Я навещу вас завтра в изоляторе. Доброго пути, - и коротко кивнув, он ушел в темноту по направлению к купальне.

Друзья еще долго смотрели ему вслед.

СВОБОДА СЛОВА ИГУМЕНА ТРАЯНА

- Ну, как? - Дима Варицкий вернулся в редакцию после воскресного ужина.

- Пока не сдался, - Настоящий оторвался от журнала и посмотрел на часы. - Еще двадцать минут у него есть.

- И не сдамся! - подал голос из закрытой каморки редактора Гайда. - Я близок, как никогда, и скоро я стану вровень с гениями русской литературы!

- Не отвлекайся, - Дима стал заваривать чай.

Распахнулась дверь, и в дверном проеме нарисовалась сутулая фигура Сковороды.

- Кто тут крут, господа? - поинтересовался Сковорода, поднимая над головой пакет.

- Я тут крут, - раздалось из-за двери редактора.

- Он еще не вышел? Вот чудак!

Сковорода подошел к столу, под одобрительные возгласы друзей вывалил из пакета шотландские булочки и спросил:

- А где Задубицкий?

- Иконописки... - мечтательно ответил Настоящий, - они не регентши... они требуют внимания и времени.

- А что с нашим новым Пушкиным? - кивнул в сторону двери Сковорода.

- Ну, последними находками, которыми он с нами из-за двери соизволил поделиться, были «майский дождь», «за окном», «мягкий вечер» и еще «сумерки».

- Красиво; жаль, май еще ой как не скоро.

- «Майский» и «мягкий» нехорошо пересекаются, - авторитетно заметил филолог Варицкий.

- Да, но он сказал, что это не пересечение, а игра созвучиями, - хмыкнул Настоящий.

Дверь снова открылась, и в редакцию, лучезарно улыбаясь, вошел счастливый Макс Задубицкий.

- Макси-и-имушка, - тонко протянул Настоящий, изображая иконописку.

- Не завидуй, Настоящий, - ответил Макс, скинул куртку и полез в шкаф за своей литровой чашкой. - А где Гайда?

- Вот он, господа, вот он, Гайда! Великий и недосягаемый! - Миша вышел из комнаты редактора с листком в руке.

- У нас тут что-то произошло, пока меня не было? - Макс опрокинул чайник в чашку, схватил пригоршню булок и пристроился на диване рядом со Сковородой.

- Пока тебя не было, Гайда взялся придумать с нуля русскую литературу.

- Я сказал, - Гайда был жутко собой доволен, - я сказал, что смогу придумать строчку, которую раньше уже придумал кто-то из классиков.

- Да ты их наизусть должен знать тысячами, - Макс засовывал булочки в рот целиком.

- Нет-нет, были условия. Во-первых, стихи не в счет. Во-вторых, это парни задают мне узкую тему, а я уже пишу одно предложение на эту тему, типа прозой. А потом проверяем в интернете.

- Ну?

- Тема была «Весенний дождь». Вот мое предложение, - Гайда уставился на листок и торжественно прочел: - В сумерках за окном прошумел легкий майский дождь.

- Ого, - Настоящий одобрительно покачал головой.

- Неплохо, - оценил Варицкий.

- Вполне, - сказал Сковорода и сел за компьютер. - В сумерках за окном прошумел легкий майский дождь, да?

- Ага.

Сковорода нажал на ввод и удивленно уставился на монитор.

- Чего там? А?

- ... Бунин.

- Что? - парни все разом кинулись к компьютеру, сшибая друг друга.

Сковорода уже нажал на ссылку, и теперь на экране высвечивалась фотография худенького Бунина, а справа была надпись «Русская классическая литература. Иван Алексеевич Бунин». Чуть ниже значилось - «Темные аллеи. 3. Пароход «Саратов». А еще ниже - «В сумерки прошумел за окнами короткий майский дождь. Рябой денщик, пивший в кухне при свете жестяной лампочки чай, посмотрел на часы, стучавшие на стене...» Больше всех поражен был сам Гайда. Парни хлопали его по плечам и вопили что-то, а он стоял и читал, и читал.

- Настоящий, - наконец сказал он, - помнишь, ты утверждал, что научился мыслить в контексте святоотеческого предания?

- Хочешь сказать, что научился мыслить в контексте русской классики?

- Ну, а ты посмотри на это, - Гайда тыкал пальцем в экран. - Если бы вы меня не отвлекали, я бы и дальше написал, про рябого денщика.

- Ладно, ладно, - Варицкий пытался успокоить хохочущих друзей, - у нас не так много времени до вечерних молитв, а нужно обговорить серьезные дела... Все, хватит, слышите?

Парни собрались в редакции, находящейся над актовым залом Академии, чтобы обсудить идею создания семинарской газеты для внутреннего пользования. Идея эта давно витала в воздухе и передавалась с курса на курс, но так и не была осуществлена. У Семинарии имелся свой журнал, выходивший один раз в два месяца, но это было совсем не то, чего хотелось студентам. Журнал находился под контролем администрации и зачастую использовался в качестве большой цветной визитной карточки, которую давали важным гостям в довесок к прочим подаркам. Студенты не находили ничего близкого в журнале,

редко в нем сами печатались и читали его неохотно. Журнал был прилизан, он был вычищен от семинарского духа, все новости в нем были отфильтрованы специально для светских друзей Академии, все статьи дышали официозом. Делали журнал Варицкий, Гайда, Настоящий, Сковорода и Задубицкий, за что себя иногда ненавидели, но не отступались - послушание давало свободу в графике и свободу в общении с дежурными помощниками. «Двадцать четыре часа позора, - говорил всякий раз Варицкий в день выхода журнала, - и у нас снова два месяца независимости и относительного благополучия».

Но теперь им захотелось большего. Им захотелось свободы слова. Большой студенческой газеты только для своих. О семинаристах, для семинаристов и сделанной семинаристами. Название было готово уже несколько лет - «Alma Matrix». Этот шуточный перифраз «Alma Mater - Мать кормящая» Гайда с Настоящим обнаружили в дневниковых записях семинариста XIX века. И если для него перевод был «Кормящая самка-производительница», то друзья увидели тут аллюзии на любимый всей семинарией фильм «Матрица» братьев Вачовски. «Матрица кормящая» - название было готово давно, а теперь представился шанс, который не использовать было нельзя. Сегодня они узнали, что отец Траян на целых сорок дней уезжает в США, устраивать там работу филиала Академии. «Сорок дней - это очень много», - глубокомысленно подвел итог общему собранию Варицкий и на следующее утро побежал к ректору обтекаемыми формулировками просить благословения на очередную студенческую инициативу.

Владыка неожиданно заявил, что хотел вызвать Варицкого сам. Оказывается, он уже давно задумывался о том, кто будет делать Академический журнал, когда нынешний четвертый курс станет пятым и будет занят дипломными работами. Варицкий уверил, что нынешняя редакция справится, несмотря на дипломы. «Все-таки, Дмитрий, - возразил ректор, - вы бы набрали новую команду и обучили бы их всему заранее. Сейчас качество журнала на очень высоком уровне, и я хочу, чтобы этот уровень поддерживался и впредь. Пусть они сделают пилотный номер этой вашей новой газеты, как раз все узнают, а если наломают дров, то нестрашно. Это ведь только проба». Варицкий попытался было возражать, что с учениками будет очень долго, но ректор спросил, куда он торопится, и пришлось соглашаться. Не рассказывать же про отца Траяна, что у них всего сорок дней на весь проект, пока он в командировке. В понедельник перед ужином парни развесили объявления о наборе сотрудников в новую газету.

Во вторник Настоящий лежал на диване в редакции и делал вид, что он ни при чем. Приходящие студенты семинарии и студентки Регентской школы пытались заговорить с ним, но быстро понимали, что это бесполезно, замолкали и молча садились за стол, не зная, чем себя занять. При появлении нового лица Настоящий закатывал глаза и шумно выдыхал - ему поручили встретить желающих стать журналистами в создаваемой газете, и для него было мукой видеть столь жалкую смену. Настоящий считал, что проект уже провалился. Они не успеют создать пилот «Alma Matrix», попутно набирая новеньких и обучая их журналистике. Приедет Траян, все разнюхает и зарубит на корню, представив Владыке затею в самом невыгодном свете... Наконец в редакцию пришли Варицкий и Гайда.

- Двенадцать, - сосчитал новичков Гайда. - Отлично. Привет, дамы и господа. Все вы слышали, что у нас будет новая внутрисеминарская газета. Все вы хотите попробовать себя в этом деле. Молодцы! Но никто из вас не знает, что именно вы и будете новой редакцией новой газеты. Не мы. Мы научим вас и отойдем в сторону. Таково условие ректора, - картинно вздохнул Гайда, - он хочет, чтобы мы продолжали заниматься журналом. У нас есть месяц, чтобы научить вас, у вас есть месяц, чтобы научиться. После первого выпуска вы будете делать все сами. Нельзя сказать, что мы очень этому рады, но уж как есть. Начнем?

Двенадцать новичков не знали, что ответить на это предложение и продолжали молчать. Гайда вопросительно глянул на Настоящего, тот пожал плечами и махнул рукой. Мол, делайте с ними, что хотите. Гайда решил, что отступать некуда:

- Вот, - он указал на Варицкого, - наш главный редактор, Дмитрий Варицкий. Он сейчас расскажет вам, что такое журналистика.

- Журналистика, - Дима аккуратно опустил на стол перед слушателями кипу церковных газет и журналов, - журналистика - древнейшая профессия. И наряду с другими древнейшими профессиями она плохо поддается воцерковлению. Но что не удалось сделать вашим предшественникам, удастся сделать вам. Это, - он расправил в руках газету, на первой полосе которой был изображен крестный ход вокруг большого собора, - это не

журналистика, - Дима толстым красным маркером медленно перечеркнул первую полосу накрест и отложил газету в сторону.

Настоящий с Гайдой схватили газету со стола и с остервенелой сосредоточенностью стали рвать ее в клочья.

- Это, - Дима, на лице которого не дрогнул ни один мускул, взял журнал, - не журналистика, - и также спокойно поставив на нем крест, отложил журнал в сторону.

Истерика за спиной Варицкого нарастала. Новички ошарашенно смотрели на то, как главный редактор методично, совершенно спокойно и почти без эмоций перечеркивал лучшие образцы церковных печатных СМИ, постоянно приговаривая, что «это - не журналистика», а Гайда с Настоящим делали из топовых православных газет и журналов конфетти. Когда из папки на столе не осталось ни одной газеты, Дима отложил маркер и сказал:

- Мы будем заниматься арт-журналистикой... да... Мы будем заниматься ею, журналистикой-искусством. Каждый ваш материал будет произведением, но не произведением благоуветливой храмовой словесности, а произведением массовой коммуникации, - сопение и копошение за его спиной постепенно стихало. - Мы логосные твари, нам нужно уметь красиво вступать в коммуникацию... Мы не будем отображать действительность, мы будем ее создавать, - Варицкий встал и оперся кулаками на стол. - Вы, и никто другой, скажете семинаристам, что именно является важным в их жизни. Вы объясните им, как относиться к тому или другому явлению. Ваша газета расскажет семинарии, какой она должна быть... Сознание определяет бытие, вы же знаете. Сначала Тургенев придумывает «тургеневскую девушку», а лишь потом она появляется в действительности, слышите?.. Вы должны придумать новую семинарию. Вы - должны придумать новую семинарию. Вы!.. вы... Понятно? Через неделю в среду после акафиста собираемся здесь и выслушиваем ваши идеи по созданию альтернативной реальности Московских духовных школ. На сегодня все, все свободны.

Ребята с видом зомби направились вон из редакции. Настоящий с Гайдой дождались, когда последний запуганный журналист новой волны прикрыл за собой дверь, опустились перед Варицким на колени и принялись целовать его туфли, восторженно шепча: «Гуру!.. Учитель!.. Ты открыл нам путь!.. Ты знаешь правду!.. О, ты велик!..» За этим делом их застал Сковорода, минутой ранее столкнувшийся в коридоре с заторможенной толпой студентов и регентш.

- Я так думаю, - сказал он, складывая в уме убредающих восвояси ребят, разбросанные по всей редакции клочья газет и странные позы друзей, - думаю я так, что набор новеньких не состоялся, да?

- Напротив, - легко ответил ему Варицкий, - лучшие новенькие, которых я когда-либо видел.

У Варицкого уже давно был план номера и кое-какие материалы, теперь он ждал новичков. Из двенадцати человек добровольцев в среду вернулись в редакцию только пятеро парней. Настоящий прочел перед ними воодушевляющую речь, обозвав заодно «желторотиками» и попросив не обижаться. Никто не обиделся - ребята были настроены серьезно. Настоящий удивился, Варицкий обрадовался и раздал всем задания. Началась подготовка материалов с одновременным обучением новеньких. Ради экономии времени к каждому старожилу прикрепили по одному новичку, в задачу которого входило неотступное следование за своим мастером и беспрекословное ему послушание.

Сковорода отвечал за верстку и признался коллегам, что не знает, как научить новичка сразу и компьютерным программам, и «чувству прекрасного». В общем, сказал он, если руки вставлены правильным концом, человек в программах разберется сам. И если не совсем у него криво с головой, то правило золотого сечения как-нибудь уразумеет тоже. А все прочее приложится. Решив так, Сковорода притащил желторотика в свою комнату верстальщика, показал ему все свои компьютеры и программы, наговорил кучу непонятных английских терминов и названий, потом дал стопку книг по верстке и дизайну, листочек с темами, которые следует знать назубок, и выпроводил восвояси, велев быть полностью готовым через полторы недели.

Когда семинарист уже выходил из редакции, уверенный в своей профнепригодности, Сковорода догнал его и сказал, вручая пакет со сворачивающейся клавиатурой, вебкамерой, парой мышек, несколькими флешками, картами памяти, наушниками и прочим мусором со стола: «Совсем с головой моей что-то. Самое важное чуть не забыл. Ты полазь в сети и посмотри на верстку различных газет, только не ограничивай себя русски-

ми и американскими. Их много, ты их все посмотри, подметь, что понравилось тебе, что нет, основные принципы, фишки всякие... Просто наберись впечатлений... Пакет зачем? Чтобы тебе было интереснее работать, предлагаю следующее. Пока пакет и все, что в нем, не твой, но если ты сможешь найти издание, с которого я сдул весь дизайн для нашего академического журнала, - можешь забрать пакет себе. Договорились? Подсказку даю тебе - в Латинской Америке поищи. Давай, за работу». Желторотик сразу воспрянул духом.

Себе, на правах редактора, трудолюбивый Дима Варицкий взял большую аналитическую статью и назначил своему ученику встречу в ближайшую субботу в девять утра - от обязательного посещения лекций они были освобождены в связи с новым послушанием. Ровно в девять Дима начал говорить, объясняя своему молодому коллеге, что такое аналитический жанр в журналистике. Часа полтора он потратил на краткую характеристику таких видов аналитики, как комментарий, статья, письмо, рецензия, публицистическое обозрение, рекомендация, беседа, эксперимент, рейтинг и обзор. Итогом его лекции стал контрольный вопрос, что из этого следует избрать для правильного освещения темы. А тема была о выпускниках семинарии, не принявших сан, о том, как и в каких формах они могут существовать в Церкви и приносить ей пользу своим богословским образованием и статусом мирянина.

- Я думаю, это будет статья, - ответил желторотик.

- А я думаю, - возразил Варицкий, - что это будет все вместе и разом. Это будет статья, включающая в себя и комментарий, и письмо, и рецензию, и публицистическое обозрение, рекомендацию, беседу, эксперимент, рейтинг и обзор. У нас много места под этот материал, и материал должен быть серьезным. Давай думать, как все можно туда запихнуть. Первое - это комментарий. Чей будет комментарий?

Парень недоуменно пожал плечами, и Дима начал вслух рассуждать сам. Через полчаса он сказал:

- Отлично, мы очень быстро продвигаемся. Теперь следует определиться, как можно использовать в нашем материале письмо, чье это будет письмо, о чем и что с ним делать. Письма в редакцию, скажу я тебе, это милая вещь...

Через сорок минут Дима сказал:

- Отлично, смотри, я думаю, что на это письмо можно сделать рецензию, как тебе кажется? Рецензия на письмо - это интересно, нет?

- Очень, - выдавил из себя желторотик и приготовился к мучительной смерти от дотошного разбора оставшихся письма, рецензии, публицистического обозрения, рекомендации, беседы, эксперимента, рейтинга и обзора. Голова его не работала уже как часа два.

- Прекрасно, - обрадовался Дима. Ему нравилась внимательность и заинтересованность ученика.

Максу Задубицкому выпало интервью. В понедельник он не пошел на общий обязательный завтрак, а, взяв своего желторотика, устроился на лестнице у выхода из Академии и начал объяснять ему премудрости интервьюирования. «Самый сложный тип интервью - это тот, к которому не готов ни ты, ни твой собеседник, - Макс придумывал теорию на лету. - Если ты освоишь этот тип, то тебе в два счета покорится журналистский Олимп. Понятно?» Желторотик кивнул. Послышалось отдаленное пение благодарственных молитв, и через мгновение толпа семинаристов хлынула из столовой по коридору к лестнице. Макс поставил своего коллегу напротив себя и стал ждать. Семинаристы неслись, словно обезумевшее стадо быков, первые из них промелькнули рядом с корреспондентами черными молниями, следующие повалили лавиной.

Желторотика неудержимо захватил поток и протащил по лестнице на пролет ниже, но он не сдался и с нечеловеческими усилиями стал подниматься обратно. Макс стоял скалой и искал глазами того, кто достоин заполнить собой целую полосу первого номера новой газеты. Наконец он ринулся сквозь толпу, схватил какого-то парня за шиворот, с победным ревом вытащил его на свободное место и почти волоком оттащил в сторону по коридору. Рядом, тяжело дыша, появился желторотик. Студент смотрел на них двоих совершенно ошалевшим взором.

- Пошли в редакцию, - сказал ему Макс.

- Зачем?

- Делать интервью.

- Но у меня сейчас лекция!
- Какой кошмар, - пожал плечами Макс.
- К нам отец Андрей Кураев приезжает, вы чего!! Это мой любимый преподаватель!!!
- Хм, отличная тема, - и Макс положил тяжелую руку парню на плечо.

Гайда должен был сделать репортаж.

- В репортаже главное чего? - спрашивал он у своего ученика в конце четвертой недели после отъезда отца Траяна.

Тот сказал, что не знает.

- Главное в репортаже мясо. Репортаж в журналистике - это когда журналист на месте событий. Стало быть, его задача в том, чтобы рассказать, описать, увидеть то, что видно только на месте. Увидеть нужно все. И сверх того, увидеть нужно то, что не увидели даже участники события. Жаль, с нами нет Настоящего, он страшно близорук, потому видит совсем не то, что нормальные люди. Это иногда помогает.

Они вышли из Академии в Лавру и направились в Семинарский корпус, где должны были побывать на концерте Регентской школы, посвященном памяти святителя Филарета.

- Понимаешь, - продолжал Гайда, - в репортаже не может быть общей информации, справочных фактов из Википедии или твоих размышлений о судьбах отечества и Церкви. В репортаже ты - это только глаза и уши, больше ничего. Тебе нужно быть почти видеокамерой. Скажи мне, чем картинка в телевизоре отлична от картинки в кино, или, скажем, чем фотография отлична от живописного портрета? Не знаешь? Я скажу тебе, - парни нырнули в Переходной корпус. - Фотография отображает все, а картина отображает только то, что видит художник. Понятно? Главный враг репортера - замыленный глаз. Конечно, если тебя заставить написать что-нибудь с места, например, военных действий, у тебя будет море впечатлений и замечаний. Но что может быть интересного в рядовом концерте регентш, а?

Желторотик на всякий случай кивнул. Они поднимались на третий этаж Семинарского корпуса.

- Да, это проблема. И мы будем ее решать. Обращай внимание на все мелочи, на новые шторы, на улыбку конферансье, на реакцию слушателей, на фальшь вторых сопрано, на заигравший мобильник во время какого-нибудь тончайшего пианиссимо, на туфли девчат, на все, - они приближались к залу. - А главное, ищи какой-нибудь интересный ход, интересный способ подачи нашего конечного материала, нужен ключ, незаезженный способ... Готов? Пошли.

Гайда открыл дверь концертного зала. В зале трое девчат со швабрами мыли пол, и больше никого не было. Рояль «Steinway» был накрыт белым чехлом, подставки для хора были аккуратненько составлены у стены, чья-то забытая сумочка красовалась на подоконнике.

- Э-э-э, - сказал Гайда. - А где концерт?
- Закончился уже, - ответили девушки, удивленно поднимая головы.
- Его что, перенесли, что ли?
- Да, на два часа раньше.

Гайда повернулся к желторотику:

- Ну... тогда так... Выкинь из головы, что я тебе говорил, и включи воображение. Репортаж в номере должен быть обязательно, так что нам придется его придумать. Сейчас позвоню моим знакомым регентшам, узнаю, как все было, пока они еще полны впечатлений, и напишем. А ты давай спроси этих девчат, может, чего интересного расскажут, - и Гайда полез за сотовым.

Женя - желторотик Александра Настоящего - смотрел на то, как тот торговался с таксистом. Таксист, могучий мужик с золотым зубом, сразу сказал, что до Софрино он довезет их за четыреста рублей. «Двести», - возразил Настоящий. «Четыреста», - уверенно сказал водитель. «Двести десять», - согласился Настоящий. «Четыреста», - мужик был непоколебим. «Двести двадцать», - еще немного увеличил Настоящий. Женя молчал. На двухстах сорока Настоящий стал добавлять к торгу различные аргументы. На трехстах он стал увеличивать свое предложение не на десять рублей, а на пять. На трехстах двадцати пяти таксист, который, судя по всему, получал от этого бестолкового торга не меньшее удовольствие, чем Настоящий, сказал: «Триста пятьдесят», - и Настоящий радостно пожал ему руку.

Шла пятая неделя. Никто не вылезал из редакции, разве только на зачеты и обеды - времени оставалось впритык. Когда Настоящий сказал Жене, что они едут в Софрино договариваться о печати газеты, тот страшно обрадовался сменить обстановку. Поначалу он дивился, почему бы не напечатать газету в академической типографии, раз уж на ее выпуск есть благословение ректора, но ему объяснили, что Софрино не просто напечатает, но еще и даст денег редакции за возможность разместить на страницах свою рекламу. А на эти деньги редакция сможет платить гонорары авторам и всячески развиваться. Софрино, как стал объяснять в пути Настоящий, это место, где на самом деле вся церковная Москва печатает все, что она печатает. Раньше это была безлюдная деревенька, а теперь огромное производство с тысячью работников. «Мы отправим им сверстанную газету по интернету, конечно, - пояснил Настоящий, - каждый раз ездить не придется, но сегодня у них побывать необходимо, я тебя познакомлю со всем начальством. Чтобы ты потом сам».

- Я, что ли, буду отвечать за связь с ними? - уточнил Женя.

- Как хочешь, можешь кого угодно назначить, но все равно главный редактор должен знать боссов типографии лично.

- Главный редактор?

- Ах, да. Мы решили, что у газеты главным редактором будешь ты.

Женя потерял дар речи от радости.

- В тебе есть лидерские качества, - продолжал Настоящий, - ты, как Варицкий, можешь ничего не делать и не уметь, а все бегут к тебе за советом и помощью. Тот, к кому все обращаются, тот и есть главный. Даже если он полный болван. Это я не про тебя, это я про Варицкого. Но ты, знай, ты ничем его не хуже. Когда-нибудь ты будешь великим человеком... А пока, дам тебе совет. Запомни волшебное слово редактора - это союз «но». И употребляй это слово как можно чаще. Например, когда у тебя спрашивают, хороша ли статья, ты отвечай - хороша, но... Или, если тебя просят что-нибудь напечатать, ты говори - мы постараемся, но... Или, скажем, вечером у тебя отпрашиваются уставшие сотрудники, ты говори - да-да, на сегодня все, но...

- А что говорить после «но»?

- Это придет с опытом, пока говори что попало. Неважно.

Настоящий замолчал, и Женя стал обдумывать неожиданно свалившуюся информацию. Вскоре они доехали по Софрино, таксист лихо затормозил перед типографской проходной и повернулся к ним за деньгами. Настоящий протянул ему четыреста рублей, сказал, что сдачи не нужно, и вылез из машины.

Первый номер газеты «Alma Matrix» успел появиться в свет утром, буквально за несколько часов до приезда проректора по воспитательной работе, и произвел настоящий фурор. Семинария ходила ходуном. Все экземпляры разошлись мгновенно. Газету читали на вахтах, в аудиториях, в спальнях. Ее читали вслух небольшими кампаниями, ее читали про себя, заткнув уши берушами или уединившись в читальном зале библиотеки. Половина лекций была сорвана из-за того, что преподавателей втягивали в обсуждение материалов и всей задумки в целом. Ректор посмеивался и ждал отца Траяна. Редакция отсыпалась.

...Игумен Траян сидел у себя в кабинете и морщился. На столе по правую от него руку стояла тарелка с тонко нарезанным лимоном, и проректор, аккуратно насаживая дольки на двузубую вилку, отправлял их в рот - в поездке он немного простудился. Но морщился проректор не от лимона, а от газеты «Alma Matrix», пахнущей свежей типографской краской и привольем студенчества. Его не было полтора месяца, а в семинарии завелась свобода слова.

Газета была хулиганской. Во всю первую полосу была большая фотография стоящих на фоне Академии проректора и двух студентов по правую и левую руку. Траян никогда не видел этой фотографии, он выглядел на ней очень внушительно. Вот только правая часть изображения была превращена в пелену падающих цифр, какими в фильме «Матрица» изображалась как раз-таки Матрица. И половина проректора вместе с половиной Академии благополучно превращались в цифры. Но при этом семинарист, стоящий по оцифрованную сторону Траяна оставался самим собой. Заголовок гласил: «Ты увяз в Матрице»; подзаголовок вопрошал: «Что было раньше, семинария или проректор?» Ответ давался на развороте четвертой и пятой страниц. Траян несколько раз смотрел фильм, поскольку знал, что им увлекаются студенты, и потому быстро уловил суть. Его сравни-

вали с агентом Смитом и на примере отношения агента с Матрицей объясняли, что возникли проректор и семинария одновременно, поскольку проректор - это и есть семинария, а семинария - это проректор. «Тоже мне откровение», - подумал Траян и вернулся к первой полосе.

На ней было еще пять ссылок на материалы внутри газеты. «Переезд в Москву - большинство выступает за!» Отец Траян слышал краем уха об идее перевести Академию в Москву, потому даже с некоторой заинтересованностью открыл заметку. Оказалось, это был опрос среди семинаристов. Студенты, как и следовало ожидать, действительно выступали за. Статья смахивала на манипулирование общественным мнением.

«Есть ли жизнь после семинарии?» Огромный аналитический материал про выпускников, которые не стали священниками. Проректор решил оставить его на потом и подумал, что логичным продолжением темы был бы разговор о том, есть ли жизнь после отчисления.

«Какое вино вливают в новые мехи? Расследование злоупотреблений в столовой». Траян восхитился наглости журналистов; они говорили о том, что будто бы дорогое чилийское вино, которое подавали на трапезу после воскресной литургии, разбавляли водой. Помимо кучи косвенных доказательств и свидетельств анонимных очевидцев, приводилось заключение химической лаборатории.

«Богословие как система: миф и реальность». Это была статья о том, что православного богословия не существует как целого. Автор, скрытый под псевдонимом, доказывал, что у различных отделов богословской науки нет общих понятий и логических связей, а потом предлагал свой краткий очерк возможной богословской православной системы. Попахивало Плотином.

Он еще раз посмотрел на первую полосу и начал пролистывать все подряд. Колонка редактора была написана о том, что это только, мол, начало. Интервью с председателем студенческого Совета Анатолием Голотом было посвящено идее закупки трех комфортабельных автобусов для путешествия студентов по святым местам. В одном из материалов был составлен рейтинг худших преподавателей, и победителям давались советы по исправлению. Репортаж с концерта Регентской школы был дан в таких подробностях и с такой живостью, что за одно описание солисток со студента можно было бы брать объяснительную. Целую полосу занимало исповедальное интервью с первокурсником о любви к дьякону Андрею Кураеву. В «Дуэльном клубе» Гайда и Настоящий с пеной у рта спорили о Бунине. Был большой материал о семинарской футбольной команде «Забивалы», было много новостей, некоторые из которых были новыми даже для проректора, был православный кроссворд, православный гороскоп, анекдоты и объявлялся конкурс программ личностного роста «Как стать настоятелем собора».

Отец Траян хорошо представлял себе ситуацию. Газету не мог сделать никто, кроме как Варицкий со своими сотрудниками. Причем придумали они ее, похоже, заранее, а временем отсутствия проректора просто грамотно воспользовались. Больше пилотного номера они планировать не могли, поскольку понимали, что газета сразу будет закрыта - проректор не позволит, чтобы в Академии появился очаг студенческой вольности и власти. Они хотели просто один раз пошуметь, но так, чтобы для них не было никаких последствий в виде объяснительных или выговоров. «Главный редактор Евгений Зенковский, - еще раз прочитал отец Траян. - Черным по белому написано. И редакторская колонка тоже его...» Своего осведомителя Зенковского отец Траян знал хорошо, тот и рядом не мог стоять с Варицким, а тут значился в качестве редактора остроумнейшей газеты.

Что ж, сформировав для газеты новую редакцию, старая редакция надеялась выйти из воды абсолютно сухой. Да еще и проректора за пятку цапнуть. «Нет, друзья, это вам не удастся», - проректор выдвинул ящик стола, достал ножницы и, вертя их в руках, задумался. Ведь получается так, что в семинарии как будто появилась новая команда молодых журналистов, гораздо креативнее своих предшественников и готовая к большим свершениям. Газета тому доказательство. Осталось только уговорить Владыку отдать журнал Евгению Зенковскому, а банду Варицкого с благодарностями вышвырнуть из редакции вон.

Отец Траян улыбнулся: «Настала пора, Дмитрий, попрощаться с насиженным местом и привычными привилегиями сотрудников журнала. Пускай ими пользуется недалекий Зенковский, от него куда меньше вреда». Проректор аккуратно вырезал ножницами свое изображение с первой полосы и направился прикреплять его к тыльной стороне дверцы платяного шкафа.

СУМАСШЕСТВИЕ ИГУМЕНА ТРАЯНА

За окном стемнело, и впервые в этом году повалил снег. Ветра не было, огромные хлопья медленно и плотно опускались на Лавру, накрывая купола и крыши, деревья и дорожки, прилипая к желтым фонарям и карнизам. Все звуки заблудились в падающих снежинках, и стало тихо, как во сне. «Интересно, - подумал отец Траян, - на каком языке мне снятся сны?» В последнее время проректор стал подзабывать английский, хотя когда-то свободно на нем думал. Но это было еще полбеды. Прошлой пятницей, в беседе за чашкой чая с протестантским профессором, отец Траян поймал себя на том, что в его некогда отличный английский пролезают отдельные слова его некогда превосходного немецкого. Приезжий профессор виду не подавал, но проректору было неловко.

Отец Траян отошел от окна, сел за стол и открыл третью часть «Темной Башни» Стивена Кинга в мягком переплете, «Wizard and Glass». В далеком 1982-м репетитор будущего проректора привез из Штатов своему ученику только что вышедшую книгу «Стрелок» в качестве примера хорошего современного литературного английского языка. Будущий проректор оценил, старательно приобретал себе новые книги серии, а теперь сидел и перечитывал, вспоминая студенческие годы и с каждой страницей возвращая былые языковые кондиции.

Впрочем, была еще одна причина, из-за которой он полез сегодня за «Темной башней» на самую высокую полку книжного шкафа - Траяну было скучно. Он не заметил момент, когда скука поселилась в нем, потому что это ощущение грусти, замешенной на апатии, не накатилось вдруг, как волна на берег, не набросилось внезапно, как хищник на жертву, а появилось, словно легкая тень. Однако после своего появления тень никуда не думала исчезать, становясь все более густой и темной. Отец Траян разочаровался в своей работе и потерял веру в семинаристов. Две недели назад для того, чтобы взбодриться самому и взбодрить семинарию, он отчислил троих давно просящихся к отчислению редкостно бестолковых первокурсников. Но взбодриться не получилось, поскольку студенты своему отчислению не только не сопротивлялись ни капли, но были невыносимо и почти болезненно смиренны, безмолвны, подавлены и жалки. Это вконец подкосило проректора, и ему стало невыносимо тоскливо.

«А ведь было, помнится, время, золотое время, когда они извивались, как змеи, но не сдавались. Даже когда им вывешивали приказ об отчислении, они все равно продолжали суетиться, звонили своим архиереям, подговаривали курс избить проректора, отказывались освободить место в общежитии, ну хоть что-то, да делали. Но теперь! Не студенты пошли, а тряпки. Куда катится Церковь? Позор».

Отец Траян с пессимизмом смотрел в будущее. Совсем скоро в семинарию начнут поступать молодые люди, рожденные и воспитанные в православных семьях, и начнется закат «эры проректоров». Проректоры перестанут быть нужными, надобность в инспекции отпадет, весь искуснейший и тончайше продуманный аппарат слежки за студентами потеряет смысл своего существования. Не за кем будет следить. Эти бесхребетные мальчики с рыбьими глазами и девичьими физиономиями, без эмоций, без страстей, да разве они смогут когда-нибудь нарушить хотя бы одно правило семинарской жизни? Да разве они смогут быть достойными служителями Христа, который однажды разворотил иудейский Храм с плетью в руках. Хорошие священники получаются только из живых парней или даже из хулиганов.

«Мир сдвинулся, - печально улыбнулся отец Траян. - Да, мир сдвинулся, и не только мир Стрелка Роланда из Галаада, но и наш тоже». Проректор закрыл книгу о сдвинутом мире, несколько секунд смотрел на изображение Роланда на обложке, потом выключил лампу и пошел к ректору узнать его решение. Двенадцать часов назад отец Траян подал прошение с просьбой освободить его от несения послушания проректора по воспитательной работе.

Несмотря на поздний час в приемной ректора сидел тучный секретарь и перебирал какие-то бумажки. Завидев отца Траяна, он, извиняясь, сказал, что Владыка сегодня уже никого не принимает, потому что Владыки нет. Траян недоверчиво покосился на дверь в кабинет ректора, из-под которой пробивался свет. «Но перед уходом, - продолжал секретарь все более извиняющимся тоном, - перед своим уходом Владыка просил передать вам это». И он протянул отцу Траяну большой конверт, на дне которого лежали клочки его заявления. «Да на что он надеется, что я передумаю, что ли?!» - зайдя к себе в каби-

нет, Траян кинул конверт в мусорное ведро. Читать расхотелось. Проректор оделся и пошел проветриться на улицу.

За сорок минут бездумных блужданий по опустевшему монастырю отец игумен успел исходить все дорожки, оставляя одинокую цепочку следов на свежем снегу. Решив сделать последний круг перед возвращением в надоевший кабинет, он обогнул колокольню со стороны монашеского общежития, намереваясь дойти до Троицкого собора с мощами преподобного Сергия. Траян вывернул из-за угла колокольни и замер. Двое семинаристов с остервенением лепили снежки и кидали ими в стелу с солнечными часами, стоявшую на монастырской площади в центре Лавры. Попадали нечасто, но не отступали, уже собрали весь снег со скамеек вокруг и теперь сгребали его со ступеней колокольни. «Какие наглецы, - подумал проректор, - какие восхитительные наглецы!» Он тут же спрятал в карман свои четки, закатал рукава новой зимней рясы, неспешно и со знанием дела слепил тугой снежок, пару раз взвесил его на руке, внимательно посмотрел под ноги, сделал два шага вперед, замахнулся всем корпусом и с силой запулил.

Гайда и Настоящий увидели, как из темноты за их спинами по прямой восходящей траектории, почти прочерчивая в темноте линию, метеором пролетел снежок, врезался в стелу на той вышине, где она становилась толщиной не более ладони, и разлетелся белой вспышкой. Парни развернулись, как по команде, и уставились в темноту. Траян, вместо того чтобы выдержать паузу и появиться во всем величии проректора, поймавшего нарушителей на месте преступления, живо кинулся к двум семинаристам чуть ли не с объятиями. Настоящий, признав отца игумена, задрал голову, пытаясь разглядеть часы на колокольне, но часы почему-то не подсвечивались. Тогда он повернулся к Гайде и увидел, как у того на лице от взгляда на светящийся экран мобильника сменяют друг друга удивление, злость и обреченность.

- Друзья! - быстро подошел к ним отец Траян. Гайда готов был поклясться, что проректора переполняет детское восхищение, только непонятно, чем вызванное. - Друзья! Какой чудесный день, правда?!

- Ночь, - хмуро ответствовал Настоящий.

- Чудесный день, перешедший в чудесную ночь, правильно! - воскликнул Траян. - Как же я рад вас здесь видеть!

- А мы-то как рады, - аккуратно сказал Гайда. - Такая замечательная ночь, мы и вышли в Лавру покидать снежки, немножко потерялись во времени, но как ведь хорошо на улице!

- Конечно, конечно, - улыбался проректор, - покидать снежки в Лавре. Замечательная затея для такой чудесной ночи! И после отбоя! Сейчас 11.20, прекрасно. А куда кидали? В стелу?

- Куда и вы, - рискнул улыбнуться Гайда.

- Не по храмам же кидать, - добавил Настоящий так, будто вокруг больше не было ничего.

- Действительно, не по храмам же. Но хотите, я отгадаю истинную причину, по которой вам так невзлюбилась эта безобидная стела с часами? Хотите? Все дело в том, - Траян пошел к ней, - что на одной стороне ее расположена загадочная пластина, вся испещренная знаками зодиака. Вот она! Я прав?

Отец игумен стоял в позе древнегреческой статуи и показывал пальцем на золотой треугольник, прикрепленный к стеле с обратной стороны от солнечных часов. На треугольнике не было видно в темноте никаких знаков зодиака, но проректор, похоже, тоже знал, что они там есть.

- Да, - обрадовались семинаристы, - и понимаете, мы подумали, что...

- Что в самом центре Лавры, - подхватил проректор, - в центре главного монастыря России, в колыбели русского монашества стоит каменная глыба астрологического назначения с масонской символикой! Вот что подумали вы! Гвоздь, воткнутый в сердце русского православия! Поэтому вы стали кидать в нее снежками после отбоя! Молодцы, хотя бы снежками, хоть что-то, молодцы, молодцы!

- Как это «хоть что-то»? - вскинулся Гайда. - Нам ее нужно было спилить, что ли?

- А у вас хватило бы духу? - непонятно было, шутит ли отец Траян или говорит всерьез.

- Вы нас тогда не просто отчислили бы, - уверенно сказал Настоящий, - а и за решетку посадили.

- Так не надо попадаться! - проректор развел руками. - Собрались ночью попозже, когда проректор по воспитательной работе уже десятый сон видит, а лаврские охранники пьют чай, и аккуратненько болгарочкой, или чем там еще, под основание...

- Батюшка, - укоризненно начал Гайда.

- А вы сами что сделали, - перебил его Настоящий, - когда узнали об этом безобразии? Ведь не спилили!

- Я? Что сделал я, хм-м, - отец Траян посмотрел на табличку со знаками зодиака и снова перевел взгляд на семинаристов. - Ну... Что я сделал.

И отец Траян начал рассказывать. Чем дольше он говорил, тем больше двое семинаристов понимали, что говорит он правду, хотя от этой правды у них пошла кругом голова. В бытность свою студентом Траян случайно обнаружил табличку непонятного назначения, но с понятной нехристианской символикой, на главной площади Лавры. Табличка его возмутила, свой праведный гнев он не стал держать в себе, поведал друзьям. В течение недели они ходили вокруг стелы и прикидывали, что бы такое сделать ради торжества православия. Потом почти месяц ждали подходящего момента. Наконец темной осенней дождливой ночью они выбрались из своих спален, чтобы устроить поругание стеле, которая сама была поруганием святого места.

- Да, - вспоминал проректор, - был дождь, он мог нам помешать, но мы догадались взять зонтик. Нас было четверо. Подошли сюда, к стеле. У колокольни в то время еще не сделали подсветку, так что тут было совсем темно. Мы поставили небольшую стремянку, по пояс высотой, и отодрали эту пластину монтировкой!

Парни с недоверием посмотрели на пластину, она была на месте. Траян продолжал:

- Дождь заливал нас. Мы раскрыли зонт и, спрятавшись под ним, на оборотной стороне этого золотого масонского треугольника вытравили кислотой «Христос воскресе, гады!», а потом приделали обратно. На клею, представляете? На клею! Какой-то жутко редкий клей для камня, я не разбираюсь, но, смотрите, до сих пор держится. Уже сколько лет! Христос воскресе, гады! Ну, разве не чудо?!

- Да, это чудо, батюшка, - сказал Настоящий с выражением фараона, наблюдающего за израильтянами, уходящими по дну Красного моря.

- Ага, да, чудо, - Траян остывал, - было время. Это не снежками кидаться... Но вернемся к нашим баранам, то есть к вам, господа. У меня деловое предложение. Вы читали «Темную башню» Стивена Кинга? Нет?! Что, одним катехизисом обходитесь? В общем, это цикл книг, в которых Стрелок Роланд идет к центру миров, к Темной башне, ради того, чтобы эти миры выправить, поскольку они сдвинулись. Преодолевая по пути всякие неприятности, подсовываемые ему больным воображением автора. Так вот, однажды Роланд со своими спутниками столкнулся с мощным компьютером, который обожал загадки, и они стали играть в такую игру - если Стрелок сможет загадать загадку, на которую компьютер не ответит, компьютер доставит их через пустыню туда, куда им очень хотелось попасть по сюжету книги. А если таковой загадки в кладовой памяти Роланда не найдется, то его со спутниками ожидает смерть. Понятно?

- Не очень, к нам-то это как относится?

- А к нам это относится таким образом. Я начинаю загадывать вам загадки из «Темной башни». Если вы сможете отгадать две подряд, то мы расстаемся, словно и не встречались. А если не сможете - то приносите мне завтра объяснительные и, судя по всему, получаете строгий выговор со снижением оценки за поведение до трех и лишением стипендии. Все-таки вы после отбоя кидали снежками в центре Троице-Сергиевой Лавры. Что скажете?

Парни переглянулись. Отец Траян находился в каком-то странном состоянии и предлагал диковинные вещи. Но лучше играть в вопросы, чем писать объяснительные.

- А много загадок? - поинтересовался Настоящий.

- Думаю, десятка два я вспомню. Давайте, так - когда останется три, я вам скажу. Договорились? На размышление вам даю по три минуты. Представьте, что мы в древнем летнем Галааде, полдень, Зал Предков наполнен до отказа, в центре стоит огромная бочка, откуда вы достаете кусочек пергамента с загадкой. Игра началась.

С первыми тремя вопросами Гайда с Настоящим ничего поделать не смогли. К четвертой загадке придумали ответ, хотя и неверный. Пятую не поняли, шестую отгадали, седьмую почти отгадали, в восьмой ошиблись, девятую взяли, но в десятой опять допустили промах. Время летело быстро, Траян сыпал загадками не переставая, шутил, подбадривал и обещал подарить все тома «Темной башни», если справятся.

- Ходишь по живым - лежат тихо, ходишь по мертвым - громко ворчат. Кто они?

- ...Чего? - По мертвым, по живым. - Кто ходит по мертвым, по живым? - Мы? Мы ходим? - Или это оборот речи? - Живые молчат, мертвые ворчат, что за бред? - Вот это

как раз оборот речи! - Точно, они и так мертвые, то есть это не животные или люди. - Про что неживое мы можем сказать, что оно живое? - Да хоть про что. - Их много, их много, и они лежат, что лежит? - По чему можно пройти ногами. Камни? - Они не ворчат. - Где мы ходим? По дорогам, по тропинкам, по газонам... - Нет-нет, нужно их положить под ноги и ходить, пока они не умрут! - Хоть кто умрет, если по нему ходить ногами. - По газонам, смотри-смотри, там есть трава, пока она живая, она... - Листья, листья, которые с деревьев! - Опавшие листья! Пока живые, молчат, как высохнут, шуршат! Уа-у! - Да! - Уф, я думал, что уже все. Не сможем. - Листья, так?

- Браво!

Гайда с Настоящим кинулись обнимать друг друга.

- Остались три вопроса, господа. Я обещал предупредить. Только три, но вы, я вижу, приноровились к моим загадкам, так что у вас есть реальные шансы. Нравится игра?

Парни кивнули, и проректор продолжил:

- Итак, следующая загадка. Легкий, как перышко, но долго не удержишь.

- Короткая. - Что? - Короткая какая загадка. - Зацепиться не за что. - Это он, он - легкий, не она. Его не удержать. - Почему, если он легкий? Легкий, но большой? - Воздушный шар? - Его запросто удержать... Мысль! - М? - Может, это мысль или типа того? - Ты не можешь удержать свои мысли? - Я ничего не могу удержать, даже перышко. - Может, это перышко? - Снег! Снежинка! Как перышко белая. - Легкая, ты хотел сказать. И тает в руках, долго не удержишь. - Снежинка! - Да, элементарно. - Снежинка.

- Нет.

- Ну, не снежинка, а снег!

- Нет, изящный ответ, но неверный. Правильный ответ - вдох. Легкий, как перышко, но не удержишь.

Гайда с досады крутанулся вокруг себя и пнул бордюр, Настоящий скорчил гримасу и прокричал что-то ругательное на латыни, проректор смеялся.

- Предпоследняя загадка, сосредоточьтесь. Кстати, на ваше счастье довольно простая. У меня сотня ног, но я не могу стоять, длинная шея, но нет головы, я отнимаю у служанки жизнь, кто я?

- Служанка, служанка, это ключевое слово. - У тебя были служанки? - Не было у меня служанок! - Что они делают, они наводят порядок, готовят еду. - За детьми присматривают, что еще? - Что их убивает? - Нет, отнимает жизнь, это другое. - Ничего не другое! - Да, другое, убить - это навсегда, а жизнь можно... - Время! Время! Оно отнимает жизнь! - Ты гений! Служанка тратит свое время на эту, эту... - Штуку, с ногами, с шеей. - Длинная такая штука. - У тебя ассоциации не в ту степь пошли. - Ага, с ногами и шеей, но короткая? С короткими ногами? - Со многими ногами. - И без головы, и всегда рядом со служанкой. - О, брат! - Чего? А?.. Говори, осел! - Метла! Это же метла! - Ха-ха-ха! С ногами, с шеей, отнимает жизнь! - Йо-хо-хо, мы круты! - Это метла! Метла! - А-а-а!!!

- Верно, это метла. Блестяще, господа, блестяще. Поразительно. Что ж, по всем законам драматургии вы смогли сохранить шансы на победу до самого конца, и теперь наступит момент истины, - отец Траян светился от удовольствия. Как же ему нравились эти двое! - Готовы?

- Еще бы!

- Легко!

- Сейчас мы ее!

- Запросто.

- Предупрежу вас, - отец Траян тянул время, - предупрежу вас, что именно этой загадкой Роланд вместе со своими людьми победил в споре. Шансы на победу вы сохранили, но их немного у вас. И кстати, компьютер сошел с ума, пытаясь найти ответ на эту загадку. Будьте осторожны. Загадываю?

- Загадывайте! - одновременно ответили парни.

- Какая разница между грузовиком с мячами для боулинга и грузовиком с дохлыми сурками?

...Гайда чистил зубы и вздыхал, Настоящий снял очки и смотрел в зеркало, почти приклеившись к нему лицом. В два ночи туалет Семинарского корпуса был пуст и оттого просторен и гулок.

- Каков ведь, а? - пробормотал Настоящий.

- Га ни ко шово, - попытался поддержать беседу Гайда со щеткой во рту.

- Что?

- Да не то слово, говорю. Еще и объяснительные писать.
- Вот ведь, а?
- Грузовик с мячами для боулинга, а?
- Вообще.

Отец Траян возвращался в свой кабинет. Настроение у него было праздничным и, что гораздо важнее, настроение было рабочим. Скука оставила отца Траяна. Сегодня ночью он не будет спать, он будет читать «Темную башню», пока не взойдет солнце, а потом пойдет к ректору и скажет, что остается. Решение принято. Пока есть ради кого работать, он будет работать. Прочь хандра, у него замечательные семинаристы!

Проректор вошел в Академию, начал подниматься по лестнице, потом развернулся и подошел к застекленной будке вахтера.

- Спите?
- Нет, что вы. Не сплю.
- Знаете, какая разница между грузовиком с мячами для боулинга и грузовиком с дохлыми сурками?
- Э-э... А?
- Какая разница между грузовиком с мячами для боулинга и грузовиком с дохлыми сурками?
- Н-не знаю.

Траян обошел будку, открыл дверь, просунулся внутрь и торжественно прошептал:

- Грузовик с мячами для боулинга не разгрузить вилами!

Вахтер ошалело смотрел на проректора, широко раскрыв глаза, проректор смотрел на вахтера и улыбался, как ребенок. Вахтер понял, что проректор сошел с ума.

ТУЧНОСТЬ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Отец Траян посмотрел на свой стол и печально вздохнул. На столе лежали ключи, мобильный телефон, плитка шоколада, расческа, наперсный крест, четки, записная книжка, ручка и носовой платок. Все это проректор вынул из карманов рясы, прежде чем залезть на весы, но не помогло - весы показывали сто семь килограммов. На один килограмм больше, чем в прошлом месяце.

Отец Траян стремительно толстел и не понимал, что стало тому причиной.

***

- Что такое, по вашему мнению, административный ресурс? - проректор сидел в кабинете и разговаривал со своим протеже, молодым помощником отцом Наумом.

- Это закрепленные уставом полномочия представителей инспекции, позволяющие им осуществлять управление вверенными их попечению духовными школами, - с готовностью отрапортовал отец Наум чеканную формулировку. Он придумал ее сам, был ею очень горд и уже давно искал повод блеснуть перед начальством.

Отец Траян одобрительно кивнул головой.

- И не только это отец Наум. Закрепленные не только уставом, но что еще важнее - традицией.

«Закрепленные уставом и традицией», - повторял про себя отец Наум. Траян встал и прошелся по комнате. Голова его стремительно работала.

- Административный ресурс, отец Наум, это, в широком смысле, все имеющиеся в нашем распоряжении возможности влиять на жизнь студентов. Одно дело проверять комнаты и направлять на работы, другое - развернуть агентурную сеть и третье - создать необходимые условия для того, чтобы студенты добровольно направляли свою силу в нужное нам русло. Это самое сложное, но это и есть верх мастерства. Канализировать, так сказать, энергию наших студентов, - отец Траян слегка кивал в такт своим мыслям. - Только работая добровольно, человек приносит максимальную пользу... И они будут работать на нас добровольно... Отец Наум, вы слышали, что вечно недовольный четвертый курс хочет привнести в духовную школу элемент самоуправления?

- Простите батюшка, чего элемент? - переспросил отец Наум.

- Самоуправления. Студенческий Совет они хотят создать, чтобы влезть со своим анархизмом на административный этаж. Вы не знаете, конечно, но ходят в их среде такие идейки, и я сперва решил это дело искоренить. Но теперь мы будем их всячески поддерживать.

В следующие дни отец Траян развернул широкую деятельность: он по очереди вызывал к себе осведомителей и инструктировал их, какие слухи необходимо распускать и в каких разговорах участвовать. Кроме того, он резко ослабил административный гнет. Условия были созданы, тесто в скором времени должно было вскиснуть. Ждать пришлось недолго. Через две недели курсовой наставник четвертого курса семинарии передал Владыке ходатайство студентов о создании в Московских духовных школах студенческого Совета, который занимался бы организацией досуга и дополнительных занятий студентов.

- Что вы думаете по этому поводу, отец игумен, - спросил Владыка на очередном воспитательском совещании. Все присутствующие повернули свои головы в сторону проректора.

Траян посмотрел на число подписей под ходатайством, их было девяносто шесть. За четыре года ему не удалось отчислить с четвертого курса ни одного человека, хотя иногда он был очень близок. Их поступило девяносто, шесть пришло потом, но никто не был пойман на крупном проступке, никого не получилось отчислить по учебе, никто не ушел по собственному желанию. От нынешнего пятого курса осталось не больше трети. Пятым курсом Траян гордился.

- Я думаю, Владыка, что это совсем не плохая идея. Во всех крупных вузах есть подобные организации. Мы, конечно, не просто вуз, мы и воспитательное учреждение, но мне кажется, попробовать стоит. В конце концов, Студсовет поможет нам ближе узнать собственных студентов и их нужды.

Ректор улыбнулся, уловив во фразе «ближе узнать собственных студентов» зловещие оттенки, но все-таки постановил, что Совету надлежит быть и что каждый курс семинарии и Академии должен делегировать в Совет по три кандидатуры.

Было только две вещи, о которых Михаил Гайда и Александр Настоящий имели принципиально различные мнения - это Василий Розанов и Анатолий Голот, обо всем остальном они думали почти одинаково. Настоящий любил Розанова и Голота, а Гайда их терпеть не мог. С Василием Васильевичем Розановым было проще, чем с Голотом, поскольку он возникал только в виде цитат, которые иногда приводил Настоящий специально для того, чтобы позлить Гайду. Вообще же на упоминание философа согласным решением друзей был наложен мораторий. Но с Анатолием Голотом было куда сложнее, ведь он был их одноклассником, а теперь еще и президентом студенческого Совета, куда их троих выбрали от четвертого курса.

За три первых дня своего правления Анатолий успел выпросить для Совета комнату в Переходном корпусе, провести два общих собрания делегатов, назначить ответственных по различным направлениям и своей кипучей деятельностью надоесть всем. Всем, кроме Настоящего, который еще с первого курса восхищался умению Голота маневрировать среди представителей инспекции, устраивая всегда продуктивное взаимодействие администрации и студенчества. Для отстаивания интересов не путем молчаливого бойкота или шумной демонстрации, а путем диалога, нужен был именно Голот. Теперь у него было все необходимое для этого, у него был статус президента.

- А идея-то оказалась мертворожденной, - оптимистично резюмировал результаты второго общего собрания Гайда, когда последний студент закрыл за собой дверь и они остались втроем.

- Поразительно, - вынужден был согласиться Голот, - оказывается, никому ничего не нужно. Студентам на все наплевать. Это не студенты, это...

- Девочки в бантиках, - закончил Настоящий.

- Колбаса ливерная, - предложил свой вариант Гайда.

- Это просто не студенты, - ответил Голот.

- Вся надежда на тебя, - сказал Гайда.

Голот кивнул, не почувствовав иронии.

- Мы тебе поможем, - сказал Гайда.

Голот кивнул.

- Мы для тебя горы свернем, - сказал Гайда.

Голот кивнул.

- Океаны для тебя высушим! - сказал Гайда.

- Иди отсюда, Гайда! - ответил Голот.

- Все нормально будет, Толя, работай. А мы пошли, - сказал Настоящий и вытолкал Гайду за дверь. Президент остался один в пустом кабинете. Сдаваться он не собирался.

Прошло пять месяцев после исторического для Московских духовных школ учреждения студенческого самоуправления. Отец Траян за ранней литургией поджидал в Академическом храме Анатолия Голота. Тот должен был дирижировать певческой группой. Проректор мог бы вызвать Голота к себе в кабинет как обыкновенного студента, но это было уже немного не по правилам, поскольку президент обыкновенным студентом быть перестал - он в любое время был вхож к ректору, и к его мнению на административном этаже прислушивались все. Кроме того, Траян знал, что вчера вечером Голот поздно вернулся из Москвы с переговоров со спонсорами, и была небольшая вероятность того, что он службу проспит. Подловить президента на нарушении дисциплины было бы забавно. Но Голот не проспал. Он появился в храме вместе со своими певчими, заметил проректора и подошел к нему за благословением. Проректор начал без предисловий:

- Анатолий, вы по натуре своей - римлянин.

- То есть, батюшка?

- В вас воплотился их государственный гений. Вы управленец в чистом виде.

- Ну... спасибо, - Анатолий почувствовал неладное.

- Не за что; я вас за это отчислю... Академия не вынесет ваших талантов. Говорю это открыто, поскольку вы мне вообще-то симпатичны. Делаю, так сказать, предупредительный выстрел в воздух. В общем, Анатолий, иду на вы. Отступитесь, пока не поздно. Завязывайте со своим Советом... Доброго вам дня.

И отец Траян направился к выходу из храма.

Дирижируя в то утро, Анатолий впервые в жизни дал неправильную тональность, причем дважды. Хор не понимал, чем забита голова у их регента, а голова их регента была забита тяжелыми мыслями.

Голот понял, что перебежал дорогу проректору и теперь ему не сдобровать. Все к тому шло с самого начала, поскольку за работу президента он взялся серьезно. Студсовету был написан устав, и его включили в устав Академии. У Студсовета появился собственный счет, подконтрольный Академии, и на счету быстро появились деньги. Совет установил контакт со всеми крупными московскими библиотеками, теперь книжки оттуда можно было заказывать и получать, не выезжая из Лавры. Самые большие музеи и театры столицы стали пускать семинаристов на выставки и спектакли бесплатно. Всякий четверг после обеда в актовом зале специально приглашенный Студсоветом лектор читал перед желающими лекцию. В семинарии появились открытые дискуссионные клубы, лучшим из которых был клуб по догматике. Столовые приборы в семинарской трапезной были заменены на серебряные, и был завезен более изящный фарфор. Была учреждена премия Студсовета за успехи в научной и учебной деятельности. На экскурсию в семинарию регулярно стали приезжать группы студентов из светских вузов. Были завезены новые стиральные машинки, всем желающим были бесплатно розданы SIM-карты с корпоративным тарифом для удобства общения, а убранство комнаты студенческого Совета стало притчей во языцех.

Теперь чаша терпения Траяна переполнилась, и он решил все уничтожить. Конечно, можно было бы уйти с должности президента, тогда проректор его не тронет. Но Анатолий переживал, что пока даже близко не подошел к главному своему детищу, к основному плану, грандиозному проекту спортивного комплекса. Как быть? И, кроме того, была еще одна причина раздумий Голота. Совсем недавно он будто стряхнул с себя пелену постоянных забот, вынырнул из круговерти событий, огляделся и поразился тому, что за люди его окружали в Совете. То были странные люди, и откуда они появились, было неясно. Они ничего не делали, так что ему приходилось все делать самому или перекладывать на своих однокурсников, того же Гайду с Настоящим. Но при своем бездействии эти новые люди Студсовета все время вертелись перед начальством и важно жали руки приезжавшим знаменитостям. Они не привели с собой ни одного спонсора, но все время предлагали потратить деньги на какие-то сомнительные проекты. Они свысока относились к прочим семинаристам. Голот посмотрел вокруг себя и увидел рядом лишь карьеристов. Ему стало противно. А теперь еще проблемы с Траяном. И неосуществленные планы. Как быть?

Анатолий закончил службу и вместо завтрака направился в кабинет проректора.

- Я согласен прикрыть деятельность Совета на некоторых условиях, - заявил он с порога.

- Ну что вы, Анатолий, никто не против Совета. Владыка его поддерживает, - улыбнул-

ся Траян.

- Батюшка, - ответил президент, - вы ко мне подошли и прямо все сказали, я тоже буду говорить с вами прямо.

Проректор, изобразив на лице удивление, предложил гостю присесть. Голот продолжил:

- В Совете завелись беспринципные наглецы, пытающиеся с его помощью сделать себе имя и остаться в Академии на руководящих постах. Карьеристы. Вот почему я хочу его закрыть.

- А вы сами, Анатолий, разве не таковы? - проректор подпер голову рукой и разглядывал своего собеседника.

- Я? Может быть. Но это лишь еще один аргумент в пользу закрытия.

- И аргумент в пользу вашего отчисления.

- Отец Траян, вы не хотите меня отчислить, потому что я единственный человек, который поможет вам легко сделать то, что вы действительно хотите. А хотите вы закрыть Совет, потому что вам не нравится свобода, которую он принес. Ведь просто так его не уничтожить, потому что его поддерживает Владыка, вы сами сказали. Можно, конечно, последовательно отчислять его президентов, но это долго.

- Я терпелив, - ответил Траян. - Начну с вас, а там как получится.

- Батюшка...

- Шучу. Продолжайте.

- У нас есть план постройки под Семинарским корпусом большого спортивного комплекса.

- Какая свежая интересная мысль, - скучным голосом прокомментировал проректор.

- Специально под это серьезное дело я смогу реформировать Совет и выгнать оттуда прихлебателей. В этом мой интерес. Потом мы строим спортбазу. Потом говорим Владыке, что мы сделали все, что хотели, и студенческое самоуправление можно сворачивать. И сворачиваем. А вы остатки его деятельности легко уничтожаете сами, поскольку у них не будет уже никакого покровительства. В этом ваш интерес.

- Дался вам это спортзал, Анатолий, давайте закрывать прямо сейчас.

- Не получится, - Голот сделал честные глаза и приготовился врать, отстаивая свою идею фикс. - Мои помощники сегодня после завтрака оставили в приемной ректора прошение на постройку спортзала и описание всей идеи. Владыка обязательно одобрит.

- За этот год вы стали очень ловким политиком, - похвалил президента проректор, зная, что никакого плана Владыке не передавали. - Раз так, давайте подведем итоги. Я не отчисляю вас, вы делаете спорткомплекс, вы закрываете Совет, я подчищаю его остатки. Так?

- Так.

- По рукам, - сказал Траян, не поднимаясь с кресла.

Выйдя от проректора, Анатолий понял, что ему нужно привести мысли в порядок. Он решил на лекции пока не идти и направился в комнату Совета в Переходном корпусе, там был отличный диван, можно было прилечь. Открыв дверь, Анатолий увидел, что на диване лежит Настоящий и пытается оттуда давать ценные советы Гайде и Пушко, которые устанавливали в углу фонтан с человека ростом. Еще до покупки Гайда прозвал фонтан «Иппокреной» и уверял всех, что будет пить из него каждый день по глотку, пока не получит поэтического дара. «Что вы там копаетесь, бездельники! - кричал Настоящий, потом увидел Анатолия и так же громко продолжил: - Ты чего не на лекциях, господин президент?! Мы тут тебе сюрприз готовим!» Анатолий махнул рукой и упал в ближайшее кресло.

- Я, отцы, узнал сегодня, что чувствовал Иуда, когда предал Христа.

Друзья удивленно замолкли, разглядывая всегда жизнерадостного и делового президента.

- А вообще я есть хочу...

- Не думаю, что Иуда чувствовал то же самое, - с сомнением произнес Настоящий.

- Я на завтраке не был, - пояснил Голот, - у нас есть чего-нибудь в холодильнике?

Пока накрывали стол, Анатолий рассказал о своем разговоре с Траяном. Первым отреагировал Сережа Пушко:

- Молодец! Правильно, давно пора было разогнать эту контору прихлебателей и лизоблюдов. А Совет был обречен с самого начала все равно... Прихлебателей мы, кстати, уже разогнали.

- Чего?

- Чего-чего, пришли мы сегодня ставить фонтан, а тут эти твои заместители сидят, развалившись, и собираются славно завтракать тем самым, чем сейчас позавтракаем мы.

Анатолий посмотрел на стол - оладьи из яблок, фруктовый пудинг, кукурузные блинчики, салат из фиников и мандаринов, апельсиновый сок - завтрак был и впрямь хорош, просто не в настроении он этого сразу не заметил.

- И что вы сделали?

- Настоящий попытался их урезонить, они грубо его послали в ЦАК, тогда он встал у двери и держал ее открытой до тех пор, пока мы с Гайдой не выкинули последнего буржуя за шкирку отсюда вон... Они, кажется, сильно обиделись и совершенно точно направились бы прямиком к Траяну, если бы не надобность идти сначала в изолятор. И раз уж ты теперь большой друг проректора, сделай так, чтобы он нас не мучил глупыми расспросами, зачем мы людям ломаем конечности и шеи.

Анатолий расхохотался и снова стал самим собой. Он тотчас же предложил обсудить его план по постройке спортзала, но парни и слушать ничего не хотели о делах и яростно накинулись на завтрак. Голот махнул рукой, все равно придется все делать самому.

Прошел еще месяц. Владыка благословил устройство под Семинарским корпусом большого спортзала. В самом Совете была произведена реорганизация, всех лишних людей удалось убрать. Рукоприкладство Пушко и Гайды прошло незамеченным. Голот суетился в поисках большого спонсора.

Вечером Настоящий сидел за партой в первом ряду и читал с включенной настольной лампой. Аудитория их курса была пуста, и Голот был этому рад. Он пролез через книжные завалы, подхватил стул и, опустив его рядом с партой Настоящего, опустился на него сам. Настоящий продолжал сосредоточенно читать. Голот не позволил зародиться у себя мысли о том, что он может помешать, и сразу начал с вопроса:

- Саша, ты смотрел фильм «Хвост виляет собакой»?

Настоящий поднял книгу корешком к назойливому однокурснику, и тот увидел, что это Библия.

- Ты чего, - почти испугался Голот, - ты Библию читаешь?!

- У меня депрессия.

- И что? Ты не уходи от вопроса! Ты зачем Библию взял, а?

- Чего тебе надобно, старче?

- Я пришел покончить с твоей депрессией. Излечить я пришел тебя. Помочь. Понимаешь? - Настоящий понял и выключил лампу, но Библию закрывать не стал. Голот повторил: - Так ты смотрел «Хвост виляет собакой»?

- Наверное.

- Там про пиарщика, что помог переизбраться американскому президенту, который за две недели до выборов изнасиловал бойскаутшу.

- Смотрел.

- Мне нужно, чтобы ты поработал на меня таким пиарщиком.

- И где ж ты у нас нашел бойскаутшу, чтобы ее...

- Слышь, отец, брат! Я тебе толкую про пиарщика! И вообще дело не в нем, а все гораздо проще, у нас тут пренеприятное известие - к нам едет Михалков. Хотя это здорово.

- Ты умеешь запросто объяснить суть дела в двух словах. Мой ответ - в четверг.

- Что - в четверг?

- А чего тебе от меня надо, то и в четверг. Чего тебе от меня надо-то? Я в последний раз с Михалковым общался на съемочной площадке «Сибирского цирюльника», сколько уж лет прошло.

- Ты с Михалковым работал?

- Да разве это работа?! - вскинулся Настоящий. - Это просто кошмар. Представь: Москва, жара, снимаем сцену, где Меньшикова ведут под конвоем с арестантами на вокзал, чтобы отправить в Сибирь. Полдня нас гоняют, а на мне - я в массовке играл - шерстяной сюртук какой-то, брюки толстенные и еще кепка! А Михалков сидит в белом костюмчике, попивает водичку и кричит в громкоговоритель, что ничего никуда не годится, и нужен еще дубль. Вот с тех пор я его возненавидел. Барин он, а я из крестьян, генетика.

- Ну, так ведь режиссер хороший зато.

- Да, правда, гений. Кто ж спорит. А чего он к нам собрался?

- Его позвала Академия по просьбе студенческого Совета. Михалков прочитает у нас лекцию и ответит на вопросы будущих пастырей.

- Оно ему надо? - с сомнением произнес Настоящий.

- Разумеется, глупец. Потому что это очень престижно, прочитать лекцию в Московской духовной Академии. Но нас интересуют не его мотивация и цели, а наши собственные. Смотри, какое дело. Его фактически позвали студенты, студенты организуют ему встречу, экскурсию, студенты на лекцию придут, пофотографируются вместе, потом обед какой-то, подарки на память ему подарят, и он уедет. А потом студенты, то есть мы...

- То есть ты.

- То есть я, верно. Потом я попрошу у него денег, понял? А он даст, потому что православный, добрый и ему понравилось у нас. И вообще, давать деньги семинаристам правильно. Но только денег он даст не Академии, а нам, студенческому Совету. А на деньги мы построим себе спортивный зал... Как тебе план? - Голот вопросительно смотрел на товарища.

- Ага. Только я не уловил, в чем заключается моя роль.

- Роль твоя огромна, и важность ее невозможно переоценить. Ты подумай, какое самое слабое место во всей этой истории? - Настоящему не хотелось думать, и он пожал плечами. Голот продолжил: - Самым слабым местом являются наши студенты, которым на все наплевать и которых я не могу контролировать. А ведь именно к студентам приедет Михалков, разумеешь? От общения с ними у него сформируется главное впечатление, и исходя из него, он даст или не даст денег на спортзал. Короче, - Голот протянул обе руки перед собой и двумя указательными пальцами ткнул в Настоящего, - ты сделаешь так, чтобы Михалкову понравились семинаристы, сидящие в зале на его выступлении.

«Ты хочешь, - оживился Настоящий, - чтобы я...» - «Да!» - «Чтобы я срежиссировал?..» - «Да». - «Чтобы я... срежиссировал наше общение с режиссером?» - «Да». - «Чтобы были правильные вопросы?» - «Да». - «Чтобы люди к микрофону выходили уже подготовленными?» - «Да». - «Да?» - «О, да!» - «Ха!» - «О том и речь, отец!» - «Супер, слушай!»

- Вопросы должны быть разными, обо всем, чтобы он понял, что студенты в курсе его творчества и планов, чтобы понял, что они умные, что...

- Ясно, - перебил Настоящий с горящими глазами, - о политике, о Голливуде, о его семье, о патриотизме, о православии, да-да-да, это нужно сделать. Точно! Разными почерками на листочках написать, потом слать их из зала. Несколько человек к микрофону. Легко, запросто. Сделаю! Когда он будет?

- Семнадцатого. Но только, Саш, чтобы без всяких приколов, ладно? Серьезное дело все-таки.

- Не боись, прорвемся, - Настоящий закрыл Библию и встал из-за стола. - Пойду Гайду найду.

- Вот этого я и боюсь, - Голот скорчил гримасу непонятного свойства, - не заигрывайтесь, хорошо?..

Семнадцатого числа после обеда Анатолий Голот зашел в набитый до отказа актовый зал. Навстречу ему со своих кресел стали подниматься люди, пока все в зале не оказались на ногах. Все смотрели на Анатолия. А он смотрел на них. Он не спеша подошел к столику с микрофоном, взял его в правую руку и медленно поднес ко рту. Зал затих.

- Отцы, братья и сестры. Дамы и господа! Как президент студенческого Совета рад представить вам нашего гостя... - Анатолий сделал паузу и бросил взгляд на дверь. - Никита Михалков!

Зал зааплодировал.

Встреча удалась на славу. Никита Сергеевич фонтанировал шутками, острил, рассказывал истории из своей жизни, о своей семье, о кино. Его завалили вопросами из зала, у микрофона стояла очередь желающих пообщаться напрямую, аудитория ходила ходуном; случайно бросив взгляд на телефон, Анатолий заметил, что уже прошло два с половиной часа. Михалкова не хотели отпускать, он не хотел уходить и был доволен. Все были довольны, даже отец Траян, сидевший в первом ряду, улыбался, но больше всех был доволен Анатолий Голот. Все шло по его плану...

Гордые собой Гайда и Настоящий сидели в комнате Студсовета, закинув ноги на стол, и ждали Голота, чтобы насладиться его похвалами. Вряд ли даже он со своим максимализмом ожидал подобного успеха от их работы. Дверь открылась, они повернули головы и увидели на пороге Макса Задубицкого с бутылкой шампанского.

- Моцарт - великий композитор! - сказал Макс и вошел.

- Тебе понравилось? - лениво спросил Гайда.

- Мне? Да ничего так. Больше всего понравилось про Моцарта, - Макс налил шампан-

ское по бокалам и поднял тост. - За Моцарта!

- Чего ты так к Моцарту привязался? Конечно, он должен был ответить, что это его любимый композитор, ведь предыдущий вопрос был о «Сибирском цирюльнике», где этого Моцарта просто куча. Или ты думал, он скажет, что Бах?

- Настоящий, ты когда-нибудь Моцарта слушал?

- Издеваешься?

- Ладно, ладно, сейчас все объясню. На самом деле, я единственный, кто это заметил, все остальные просто ушами прохлопали, - Макс долил себе шампанского. - Итак. Михалкову из зала приходит записка с вопросом о его любимом композиторе. Он делает звенящую паузу и, улыбнувшись, отвечает: «Знаете, а все-таки Моцарт». Зал хохочет: еще бы, ведь «Моцарт - великий композитор», только что про этот фильм разговаривали. Потом Никита Сергеич говорит что-то еще, а потом напевает мотивчик, чтобы проиллюстрировать гениальность Моцарта. И что же он у нас напевает?

Настоящий морщил лоб, пытаясь вспомнить.

- Не может быть, - поразился Гайда.

Макс поднялся из-за стола и с бокалом в руке напел:

- Таа-ля-ля-лии-ла, пара-пара-пара-пара-пара-параа-ра, таа-ля-ля-лии-ла...

- Россини? - Настоящий вспомнил, что именно эту мелодию изображал Михалков.

- Мотивчик увертюры «Севильского цирюльника», - Макс стал хохотать. - Россини, брат ты мой! Россини - великий композитор! И никто не заметил! Просто умора! Вот я и думаю - он это специально, чтобы поиздеваться над нами, или ошибся, а? За Моцарта? - и Макс второй раз поднял бокал.

Михалков дал денег. Владыка всячески помогал. Траян нисколько не мешал. Спортивный комплекс строился на удивление быстро. Московские строительные фирмы работали на совесть. Компании, занимающиеся поставкой фитнес-тренажеров предлагали свои услуги наперебой. Анатолий Голот узнал, что такое профессиональная вентиляция, профессиональные душевые кабины с дезинфекцией, профессиональные тренажеры для развития всяких бицепсов-трицепсов-предплечий-голеней и даже мышц шеи. Работать было интересно. К концу учебного года он планировал комплекс сдать. Уже сейчас стало понятно, что подобного центра нет не только ни у какого вуза, но и не у всякого спортклуба или спортшколы; про общедоступные фитнес-залы и говорить было нечего.

Ради возможности поработать с новейшими тренажерами все лучшие тренеры города заранее соглашались быть инструкторами на занятиях семинаристов. Сергей Пушко каждый день ходил по пустым залам и облизывался в предвкушении, надеясь в скором времени вернуть себе былую физическую форму спецназовца. Михаил Гайда сделал золотую табличку с надписью: «Вначале была мерзость запустения. Потом был Анатолий Голот. А потом появился этот зал. Слава герою! Благодарные потомки не забудут тебя, Анатолий. Спи спокойным сном, пусть земля будет тебе пухом, а на Страшном суде пусть оправдаешься ты четырехсторонней силовой мультистанцией, грифами, дисками и гантелями. Аминь». Табличку он прикрутил над наружным входом, прежде чем стены обложили облицовочным камнем. Анатолий узнал о выходке Гайды только по фотографиям и поначалу порывался стену разломать и табличку снять, но потом передумал.

Александр Настоящий создал специальный «Чин освящения фитнес-зала» с сомнительными ссылками на ветхозаветного судью Самсона и его подвиги по избиванию филистимлян ослиной челюстью, и все просил Голота подать чин на рассмотрение Владыке ректору, чтобы использовать его при открытии-освящении комплекса. Голот чин взял, но ректору не передал, и центр освящали как простое помещение. Настоящий был жутко расстроен до тех пор, пока не нашел где-то ослиную челюсть и не повесил ее на цепочке в главном зале.

Спорткомплекс Московских духовных школ, построенный усилиями студенческого Совета во главе с его президентом Анатолием Голотом, начал свою работу на Светлой седмице с грандиозного аншлага.

***

Отец Траян посмотрел на свой стол и печально вздохнул. На столе лежали ключи, мобильный телефон, плитка шоколада, расческа, наперсный крест, четки, записная книжка, ручка и носовой платок. Все это проректор вынул из карманов рясы, прежде чем залезть на весы, но не помогло - весы показывали сто семь килограммов. На один килограмм больше, чем в прошлом месяце. Отец Траян стремительно толстел и не понимал,

что стало тому причиной.

Происходящее с его телом настолько удивляло его, что впервые в жизни он задался вопросом, что же отвечать светскому человеку на его недоумения о толстых священниках. Раньше всегда подтянутый Траян просто деланно возмущался на такие упреки: «Почему вы у меня-то это спрашиваете? У меня? Найдите толстого попа и с ним поговорите!» Но теперь он сам постепенно начал превращаться в такого толстого попа, и сейчас ему нужен был другой ответ - не объяснять же человеку, что прежде он был как раз стройным, но потом случилось странное и так далее. В поисках совета Траян отправился к диакону Андрею Кураеву, кому еще, как не главному миссионеру Церкви, знать правильные ответы на неудобные вопросы светских людей.

Отец игумен открыл дверь аудитории третьеклассников со звонком. За кафедрой грузно сидел широкий диакон, смотрел на свой маленький изящный серебристый ноутбук и чесал волосатую голову. Думал. Заметив проректора, он встрепенулся, сказал, что урок закончен, и пока семинаристы читали молитву, пошел к Траяну.

- Здравствуйте, отец игумен, здравствуйте!

- Отец Андрей, приветствую! Как курс?

- Кажется, никуда не годный, - отец Андрей сказал это погромче, чтобы студенты услышали. Студенты заулыбались. - Чем обязан, батюшка?

- Прошу поделиться со мной вашим миссионерским опытом, - Траян был на голову выше диакона и глядел сверху вниз. - Что вы отвечаете на вопрос о толстых священниках?

Отец Андрей рассмеялся - он был очень толстым.

- Я говорю, что наши попы потому толстые, что бедные.

- Простите?

- Если бы были богатыми, то нашли бы деньги на дорогие фитнес-залы.

Траян удивленно помолчал, поблагодарил и ушел. Ответ диакона родил в его голове один любопытный план.

ТАЙНА ИГУМЕНА ТРАЯНА

Кабинет протоиерея Владимира Фирсова не был настолько же продуманным и стильным, как кабинет Траяна, но зато в нем был натуральный камин, чему Траян открыто завидовал. Фирсов над каминной страстью Траяна посмеивался и при любом удобном случае шутил, что если бы у отца Траяна был камин, отогревающий его замерзшую душу, выпускников у семинарии было бы значительно больше.

Они оба были проректорами: Траян, крупный атлетичный монах, - по воспитательной работе; Фирсов, худой и высокий священник, - по научной. О них нельзя было сказать, что их связывала крепкая дружба, но они очень ценили друг друга в качестве собеседников и раз в два-три месяца находили время вечерком посидеть у потрескивающего камина, пробуя дорогие коньяки Фирсова. По коньякам отец Владимир был главным специалистом Академии. Траян больше предпочитал вина, но общение с коллегой убедило его, что для настоящей мужской беседы коньяк приспособлен куда лучше.

- Qu'est-ce que nous allons boire (что будем пить)? - Фирсов подошел к бару.

- Chaque fois vous rencontrez moi avec cette question et chaque fois je me sens ignorant complet (вы всякий раз встречаете меня этой фразой, и я всегда чувствую себя невеждой), - Траян разжигал камин.

Глубокая зима уже месяц не давала Лавре свободно вздохнуть, выжигая все вокруг острым морозом. Сегодняшним пятничным вечером камин был не просто развлечением, Траян подвинул к нему поближе маленький столик и два гнутых кресла братьев Конн, которые он подарил Фирсову три года назад.

- Laisser aller! - возразил отец Владимир. - Votre experience est immence! Un jour viendra, quand vous seriez assez competent en cogniac comme en vin, j'en suis sur! (Бросьте! У вас уже огромный опыт. Я уверен, близится день, когда в коньяке вы будете разбираться не хуже, чем в вине!)

- Peut-etre, peut-etre... Pour le moment mon experience immence me dit que je dois faire confiance a votre gout (Может быть, может быть... Но пока мой огромный опыт подсказывает мне положиться на ваш вкус).

- Тогда, тогда... знаете, батюшка, а давайте сегодня просто и незатейливо покончим с Тринадцатым Луи Реми Мартина, что скажете?

- Вы же берегли его для гаранта нашей конституции.

- Да, но он что-то никак не может добраться до нас. Кроме того, я думаю, что вряд ли мне удастся посидеть с ним вдвоем или вместе с вами втроем. Его приезд будет суматошливым, будет куча людей, встреч, куда там до Луи?.. А еще мне обещали, но это пока между нами, достать Courvoisier Espirit de Courvoisier.

- Достойная замена Луи?

- О, да! И если президент не успеет приехать на Курвуазье, обещаю при встрече налить ему паленой водки, - Фирсов с темно-каштановым напитком и двумя тюльпановидными бокалами направился к креслам.

Траян достал из кармана рясы диск. «Только не нужно, как в прошлый раз, Булеза! - воскликнул отец Владимир. - Вам все равно не убедить меня, что после Les Six во Франции была музыка!» Траян улыбнулся и включил проигрыватель, убавив громкость почти на минимум. Это был Клод Дебюсси.

Проректоры расположились в креслах и начали делиться новостями. Отец Владимир, который, помимо послушания проректора, в Академии был еще настоятелем московского храма, делился новостями «мирскими», почерпнутыми из разговоров с чиновниками, бизнесменами, актерами, спортсменами, журналистами и прочими своими светскими друзьями и знакомыми. Траян же больше знал внутрицерковный мир и рассказывал в основном об архиереях, Патриархии и различных синодальных отделах. Когда заканчивались все новости, проректоры всегда переходили к делам своей родной духовной школы:

- Послушайте, отец Траян, - поинтересовался Фирсов, кладя на столик два распечатанных листа бумаги, - вы еще не взяли под контроль новый студенческий форум в интернете?

- Работаю над этим, - Траян слегка поморщился. На новом форуме стояла такая жесткая система идентификации каждого желающего зарегистрироваться, что создать там пару десятков виртуальных участников для провокаций было сложно, как никогда ранее. Траян уже начал искать хакеров, чтобы обойти поставленную защиту. Виртуальное пространство не нравилось ему своей неограниченной свободой. - А что такое?

- Там появилась группа моих почитателей.

- Секта фирсопоклонников?

- Фирсоистов!

- Серьезно? Ну, вас студенты обожают, это всем известно. А чем фирсоисты занимаются, воскуряют вам фимиам?

- Вроде того, - Фирсов взял в руки листы, - вот что они написали: «Фирсоизм - термин, используемый для обозначения ряда интеллектуальных традиций в русской околобогословской мысли XXI века, основанных на почитании Фирсова. Основоположником традиции считается Владимир Фирсов (акме ок.2000-2020 по Р.Х.). Но поскольку ни одна строка, написанная им, не сохранилась, и вообще неизвестно, прибегал ли он к письменной передаче своих мыслей, очень трудно установить, что было сделано самим Фирсовым, а что его учениками. Свидетельства современников о нем многочисленны, но противоречивы; вполне возможно, что различные оценки его деятельности отражают многообразие его учения. Как направление интеллектуальной жизни фирсоизм прежде всего характеризуется введением постмодернистской риторики в христианскую догматику».

Траян улыбался, глядя на довольного проректора. Фирсов продолжал:

- Но мне хотелось вам прочитать вот что. Вы должны оценить.

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Фигура Фирсова
За кафедрой сидела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Текли ученики к нему,
Как дети к маме.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенье глаз, движенья рук,
Слова ученья.

И падали еретики
Рыдая на пол.
И он их поднимал
И капли капал.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Фигура Фирсова
За кафедрой сидела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла
Фирсообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Фигура Фирсова
За кафедрой сидела.

Теперь Траян искренне расхохотался:
- Это ж Пастернак! «Зимняя ночь». Есть что-нибудь еще?
- О, да! Фирсоисты - талантливые ребята, смотрите:

Фирсов увидел врагов своих, улыбнулся усталой улыбкою.
Много пришло их на форум, желающих смерти героя,
Каждую ветку они откомментили с адскою злобою.
Эристической диалектикой пользуются, словно придумали оную;
Инсинуации, провокации, подстановки - да, таково их оружие.
Не гнушаются ложью они и софизмы игриво используют,
Аудиторию жаждут склонить к себе, черные сердцем.

Узколобые, глупые, жалкие в своем дерзком и грубом нахальстве!
Ваши смешные потуги - ничто рядом с мощью проректора Фирсова.
Клавиатуру поближе подвинет, усядется в кресле удобнее,
Включит погромче Равеля и плеснет себе легкого тоника.
Десятипальцевый метод набора - вот его имя второе.
Ума изворотливость и скорость в решениях - вот его сущность.
Замирает вселенная, когда мыслить он начинает.

Для вас же, несчастных, настал час расплаты и скорби и плача.
Через минуту-другую сгниют силлогизмы у вас в основаниях.
Смеяться над вами начнут и забавные смайлики вешать,
Под улюлюканье вы сбежите подальше, навеки позором клейменные,
И будете водкой стремиться залить свое горе, но тщетно.
Напрасно пытались поднять свою слабую руку на Фирсова,
Куда вам, пигмеям, тягаться с титанами разума!

- Да вы просто материал для эпоса! - восхитился Траян.
- А вот мое любимое:

Я верил, я думал, и свет мне блеснул, наконец,
Услышав мольбы, мне послал утешенье Создатель.
О, Фирсов - апостол, пришел моей скорби конец!
Я внемлю, я мудрых словес ученик-подражатель.

Летящей громадой за Фирсовым силы гора,
И гений его впереди меня манит, как бездна.
Иду, и лучи его славы сияют в глаза,

Я знаю, я знаю, мечта быть таким - бесполезна.

Он волей своей в один миг покоряет людей,
И с ним каждый шаг, каждый миг, каждый вздох - вдохновенье.
Он властвует тайнами мира, поэт, чародей,
Властитель вселенной! Спасибо тебе, провиденье!

«Гумилев!..» - «Он самый!..» Два проректора дружно смеялись; в кабинете тихо звучали фортепианные вещи французского музыкального гения, ровно потрескивал камин, в изысканном аромате коньяка угадывался легкий оттенок кокоса и личи, а за окном темная звездная ночь сковывала всякое движение яростным холодом.

- Как муза ваша поживает? - поинтересовался Фирсов. - На книжку еще не набралось стихов?

- Набралось давным-давно, и не на одну, - ответил Траян, баловавшийся поэзией, - но только я их не издал, а теперь поздно. Сейчас, если и издавать, то сразу «Избранное». А вот на избранное я точно еще не написал.

- Это решать не вам, отец Траян. Давайте мне все ваши стихи, я выберу лучшее.

- Вас, должно быть, не отпугнули те, которые вы от меня слышали? Странно, а я так старался самые плохие для вас озвучивать... Кстати, отец проректор, ведь совершенно неожиданно для себя самого я не далее как в минувший понедельник написал любовное стихотворение!

- Бросьте!

- Да-да, слушайте:

Ты улыбнешься мне, мне улыбнется солнце,
И станет все на миг безумно далеко.
Лишь легкий ветерок, играя, в кудрях вьется.
В груди тепло любви и на сердце легко.

И хочется кричать, благословлять, смеяться,
Отдать себя до дна и не просить взамен,
Петь вечную весну и песне улыбаться,
И, обретя покой, вновь жаждать перемен.

Сорвав цветок любви, нельзя остановиться,
Скрывает райский сад пришедшего к нему.
Из чистых глаз твоих, что из ручья напиться.
Все заливает свет, творя всему весну.

Я счастлив, что есть ты, что ты со мною рядом,
Что все цветет вокруг, что мир ликует вновь.
Я счастлив оттого, что так немного надо
Для счастья - лишь вдохнуть и подарить любовь.

- Ну вы даете, отец игумен! Хотя, знаете, тема, может, и другая, а настроение все равно ваше. Стиль, так сказать. И свет. У вас везде свет!.. Мне знаете, что помнится?

Старый мир сгорит в огне проклятий боли,
И пустыня - вечный мне удел.
Жизнь без смеха, смрадный хлеб без соли,
Небоскребы, скрошенные в мел,

Иней на безбрежных пепелищах,
Кладбища без плит и без крестов.
Где смеялся принц и клянчил нищий -
Памяти крошащийся остов.

Солнца нет, и ветер стонет в голос,
Мертвый город мертвых миражей.

Там, где по весне качался колос,
Древо жизни ссохлось до корней.

Я смотрю, как сердце остывает,
Я молчу, и черная душа
Мне объятья ада открывает,
По моей земле змеей шурша.

- Да что вы, батюшка! И где же тут свет?

- Да повсюду! У вас во всех стихах игра света и тени. И если не прямо, то подразумевается. Не замечали? И везде у вас борьба противоположностей, везде какое-то предельное напряжение. Слушаешь, и кажется, что вот еще чуть-чуть, и канатоходец, сделав неверный шаг, все-таки сорвется в инфернальную пропасть, из которой нет возврата.

- Ну, может быть, может быть. Я, знаете ли, больше «писатель в стол», чем критик. Вы мой единственный слушатель, и потому я вынужден сказать, что вам виднее, ибо возразить вам некому. Вот вам из последнего и, кажется, в подтверждение вашей теории:

Если б знать, что такое жить.
Без линеек, без книг и без правил,
Чтобы сердцем свободный дух правил.
Если б знать, как так можно жить!

Если б знать, для чего ты здесь
Злишься, любишь, смеешься и плачешь,
Что вообще в этой жизни ты значишь.
Если б знать, почему ты здесь.

И ребенок, рождаясь, кричит,
И покойник хрипит, умирая,
А мы мчимся по жизни, играя,
Забывая, как сердце стучит.

А повсюду одна только боль,
И вся жизнь - лишь борьба отмахнуться,
Лишь мечта утром вновь не проснуться,
Потому что одна только боль.

Но блеснет иногда в сердце луч.
Если смерть, значит, есть пробужденье,
Если дно, значит, есть восхожденье.
Вдруг блеснет иногда солнца луч.

Я как будто поймал светлячка,
И в ночи им безмолвно любуюсь,
И на миг ни о чем не волнуюсь...
Как же славно поймать светлячка.

- ... жаль, что вы не умеете играть на скрипке, - неожиданно сказал Фирсов, на что Траян удивленно поднял брови. - Мне иногда кажется, что в вашей поэзии звучит скрипка Шерлока Холмса, когда он в ночи разгадывает очередное преступление.

- Ах, вон что. Это когда он извлекал невыносимые стоны, скрипы и скрежет, мешая Ватсону спать? Спасибо, вы сегодня, чувствую, собираетесь засыпать меня комплиментами.

- Но согласитесь, как было бы красиво: ночь, Академия спит, горит лишь окно проректора по воспитательной работе, в центре кабинета стоит фигура в рясе и длинным смычком заставляет стонать скрипку Страдивари - это отец Траян обдумывает новое отчисление.

- Такое я смогу устроить, - наклоном головы Траян отдал должное фантазии своего собеседника, - но чем вам не нравится нынешняя картина. Ночь, Академия спит, горит лишь окно проректора по воспитательной работе, в центре кабинета стоит высокое крес-

ло, в котором сидит фигура в рясе, а всю комнату наполняет мощь первой части Carmina Burana Орфа - это отец Траян обдумывает новое отчисление.

- Правда, хороша картина. O Fortuna velut luna statu variabilis (о, Фортуна, словно луна ты изменчива). Кстати, а под Дебюсси, - Фирсов махнул рукой, будто показывая на звуки вокруг них, - отчисления не очень придумываются?

- Хуже, гораздо хуже. Дебюсси сегодня специально для вас, по мне, он слишком пантеист и аморфен.

- Никогда не подумал бы, что вы можете невзлюбить композитора за его религиозные взгляды. И с чего вы взяли, что Дебюсси пантеист?

- Нет-нет, - замотал головой Траян, - его музыка, я говорю о его музыке. В его произведениях нет человека, нет Бога, нет воли. Стержня, посыла нет, только все внешнее, только кожа. Так пантеист видит мир - все едино, все без мысли, лишь кое-где и иногда всплески красоты. Сейчас что играет? «Генерал эксцентрик»? Где он тут? Он тут почти кукла, как можно так на человека смотреть?

- Но ведь он жонглер, а вы требуете от него гамлетовских переживаний! - Фирсов всплеснул руками. - А «Девушка с волосами цвета льна»?

- Нет там девушки, там есть ветер, который развевает ее волосы, но девушки там нет.

- Вы несправедливы, отец проректор. Следует воспринимать мир Дебюсси как мир, ожидающий того, чтобы его увидели. Пускай там нет человека, но нет только пока, человек может легко появиться в нем. Если хотите, это мир до человека, но «до» еще не означает «без»... Слушайте, слушайте, «Терраса, освященная лунным светом», - они на минуту замолчали, прислушиваясь к мягкой гармонии прелюдии. - Слышите? - почти шепотом спросил Фирсов. - Как будто издалека доносится танец. Да-да, это всего лишь штрих к общей картине лунной ночи, но ведь он есть. А значит, там вдалеке есть праздник, есть люди, и эта терраса - часть их мира, человеческого мира. Это не пантеизм... Это Франция...

Траян расхохотался над франкофильством коллеги. Отец Владимир нисколько не обиделся, подождал, пока игумен успокоится, и заявил, в очередной раз резко меняя тему:

- Давно хотел вам сказать, что вы можете стать родоначальником нового монашества.

- Нового? Которое не молится, не поститься и не кается?

- Вы не похожи на человека, который сильно переживает по этому поводу, - поддел Траяна Фирсов.

- Но я и не хочу, чтобы таких, как я, становилось много.

- Напротив, отец Траян, напротив. Вы неплохой монах, просто вы монах, живущий не по уставу Василия Великого, как все в нашей Церкви. Вы не базилианин, понимаете? Это у базилиан главным является аскеза, молитвенное делание и все такое. Но разве все монахи должны быть одинаковыми? Посмотрите, сколько у католиков различных орденов и уставов.

- Отличный, батюшка, пример. Вот у них монашество и вымерло. Посмотрите хоть на своих любимых французов.

- Да, но ведь у нас есть базилиане, у нас монашество не вымрет никогда. Они будут свято хранить идеал идеалов, а того, кто посягнет на него, сожгут на костре живьем, если только посягающие не будут признаны Церковью как альтернативный путь. Вас, например, можно смело сжигать - притворяетесь базилианином, но все улики, доказывающие то, что вы живете не исключительно жизнью духа, налицо.

- Ну-ка.

- О, тут все очень просто, - отец Владимир с удовольствием приготовился объяснять. - Вот вам пример из Библии. Посмотрим на богоизбранный народ, на Израиль, вы знаете, я не равнодушен к своим предкам. До тех пор, пока они жили Богом, только о Нем думали, только к Нему стремились, что они сделали для мировой культуры? Ни-че-го. Абсолютно ничего, ноль. Ни живописи, ни музыки, ни науки, ни государственного строительства, просто ничего. Это и понятно, ведь когда все мысли устремлены к Богу, на мир просто не остается времени, душевных сил и элементарного желания. Но как только они потеряли Бога из виду, voila. Освободилось много душевной энергии, и у них появились и писатели, и художники, и ученые, все появилось. Они стали вполне нормальным, обыкновенным народом. Я к чему. Если народ или отдельный человек из народа живет интенсивной духовной жизнью, у него не остается времени на жизнь душевную, на культуру. Но если человек развит культурно, если он живо откликается на искусство - то у него не слишком насыщенная духовная жизнь.

- Как у меня.

- Да, как у вас. Для молитвенника вы слишком образованы, слишком любите музыку, живопись, литературу, вообще мир, созданный человеком.
- И вы хотите, чтобы таких, как я, стало больше.
- А вы не хотите?
- Не уверен.
- Просто вам нравится быть исключением.
- Очень может, что так оно и есть! За неповторимого Траяна! - Траян поднял бокал.
- Бойтесь, отец проректор, на почве исключительности легко вырастает деревце гордости.
- Не волнуйтесь напрасно, я действительно слишком хорошо образован, чтобы в своих литературных потугах увидеть повод для гордости. Это будет чахлое деревце.
- Лучшее оружие против гордости - тщеславие. Вместо того, чтобы писать стихи для себя, а читать их только мне, вы лучше бы книгу издали, - заметил Фирсов, подливая себе коньяка. - Рукоплескания заставят вас отвернуться от зеркала, что скажете?
- Ничего-то вы, отец проректор, не смыслите в аскетике. Тщеславие не может победить гордость, оно слабее, а гордость, напротив, может победить тщеславие довольно легко. Но вы предлагаете мне публичность вовсе не для того, признайтесь, чтобы я наслаждался овациями, вы хотите увидеть летящие в меня помидоры.
- Признаюсь, уговорили.
- Хорошо.
- Что именно?
- Я согласен на всеобщее поругание и готов встать у столба позора. Но это будут не стихи... Это будет пьеса. Я написал пьесу, причем про любовь.
- Кризис среднего возраста, - быстро отреагировал Фирсов с интонацией психоаналитика.
- Спасибо, что поняли и поддержали.
- В любое время, батюшка... А что за пьеса?
- Это не совсем пьеса, поскольку в ней нет ничего драматургического... Этот текст больше о языке, чем о характерах. Но поскольку, я подумал, язык живет не сам в себе, а через проговаривание нами, то без героев нельзя было обойтись. Так что их там целых двое. Зато я попытался сделать так, чтобы у них не было цели, мотива, тайного желания, которое побуждало бы их к действиям, побуждало бы их говорить, достигать результата с помощью слов. У них нет второго дна.
- Умеете заинтриговать.
- Дело не в этом, а в том, что я сам не понял, о чем написал. В тексте, как мне видится, вообще не оказалось психологических ситуаций, а только ситуации языковые. И вроде бы удалось уйти от поступков, персонажей, интриг и сюжета, от драматизма. Герои - как генераторы языка, они живут в процессе самовоспроизводства языка, - Траян пожал плечами, - как-то так.
- Вы лучше скажите, что там происходит.
- Да ничего там не происходит, в том и смысл. Я скинул ее вам на электронную почту.

Фирсов встал и направился к компьютеру. Траян поднял пульт управления и увеличил громкость проигрывателя. «Фейерверк», последняя фортепианная прелюдия Дебюсси, заполнил кабинет проректора по научной работе летящими разрывающимися ракетами и веселым оживлением. Отец Владимир открыл пьесу коллеги и пробежал глазами первые строчки: «Лестничная площадка. Он закрывает дверь в свою квартиру. Она курит пролетом выше. Он собирается вызвать лифт и видит ее». Фирсов покачал головой и отправился обратно к камину. «Фейерверк» потух, раздались пряные звуки «Прелюда к послеполуденному отдыху фавна», и Траян убрал громкость.

Фирсов долил коньяка игумену и себе, пригубил и хитро прищурился:

- Знаете, батюшка, а ведь я единственный человек во всей Академии, кто действительно знает вас. Конечно, знание это не полно, и знаю я только то, что позволили мне знать о вас вы сами, но другие не знают и этого. Для всех вы великий и ужасный проректор по воспитательной работе, гений отчислений и виртуоз по взятию объяснительных. Машина, злой и слепой рок, бездушное орудие судьбы. Если я решу рассказать кому-нибудь о том, что вы пишите любовные стихи и пьесы, меня поднимут на смех и положат в изолятор до приезда московских светил психиатрии...

Траян улыбнулся.

- Я знаю о вас многое, но не все... Как вы это делаете?

- Что я делаю? - Траян сделал вид, что не понял.

- Отчисляете, конечно. Как вы это делаете? Послушайте, ведь ваш последний отчисленный, нахальный сын секретаря епархии, - это просто шедевральное. Это даже нельзя поместить в учебник, настолько все филигранно и неповторимо. Скажите, как? Известны действительно выдающиеся проректоры по воспитательной работе, но ведь все они искренне восхищаются вами и недоумевают, что же за хитрый метод изобрели вы, который работает без сбоя.

- Да... - сказал Траян, - нет. Нет никакого метода.

- Я слышал, что вы отказались читать лекции на эту тему где-то у католиков.

- В Ватикан меня звали.

- Студенты уверены, что вы - порождение геенны.

- Точно, - рассмеялся Траян, - что я бес во плоти. Мне передавали историю, будто один семинарист взялся за меня молиться и каждый день вычитывал Псалтирь, ставил свечки и подавал записки на проскомидию. А через месяц сломал ногу, поскользнувшись на паперти Успенского собора, и вынужден был взять академический отпуск.

- Это правда? - спросил Фирсов.

- Про ногу - действительно правда, я сам его помню. А остальное - кто знает. Но я не против подобных слухов, поломанные ноги мне на руку.

Фирсов улыбался и молчал. Траян тоже молчал. Они смотрели друг на друга с минуту, пока Фирсов не воскликнул:

- Ну же, батюшка! В чем ваша тайна?

Траян сделал большой глоток, поставил стакан на столик и тихо сказал:

- Тайна... - он сделал паузу, словно в последний момент передумал говорить. Потом собрался и продолжил. - Понимаете, тайна очень проста. Все это время я отчислял одного и того же студента.

- Простите?

- Я отчислял одного и того же студента. Себя самого. Все это время я отчислял себя самого. Потому мне так легко это и дается... Видите ли, я каждый день и час, непрестанно и упорно думаю над тем, как обмануть инспекцию и совершить беззаконие. Представляете? Я чувствую точно так, как чувствует семинарист, думаю, как он, стремлюсь к тому, к чему стремится он. Я сам у себя в голове много раз нарушал распорядок, я видел, как я обманываю дежурного помощника, как опаздываю на богослужение и придумываю красивое оправдание, как смотрю фильм после отбоя, как прячусь в изолятор от грядущего зачета... Я все это сделал сам, продумал все сам, а потом сам себя поймал. Весь секрет.

- Каждый день? - Фирсов глядел на него с недоверием. - Вы сказали, что каждый день думаете о том, как обмануть инспекцию?

- Каждый Божий день. Все время моего послушания, очень, очень много лет... Усердие все превозмогает, сказал как-то Козьма Прутков, и иногда усердие превозмогает рассудок. Мое усердие превозмогает рассудки семинаристов в два счета. Теперь вы понимаете, что студенту перехитрить меня практически невозможно, ведь он-то начинает думать только в тот момент, когда уже во что-то вляпается. Я впереди любого из них на несколько десятилетий. Все гениальное просто. Я придумал столько возможностей обмануть инспекцию! Боже мой! Наверное, даже сотой доли того, что я придумал, еще не использовали семинаристы, - Траян был доволен изумлением Фирсова. - Знаете, батюшка, они на самом деле очень наивны. И примитивны, как одноклеточные водоросли.

Траян немного помолчал, а потом стал говорить. Он рассказывал Фирсову, как можно ночью, когда уже закрыты лаврские ворота, двенадцатью различными способами пробраться в семинарию незамеченным. Говорил, как можно подружиться с дежурным помощником, как правильно писать объяснительные и как опаздывать после каникул на неделю без последствий. Он объяснял специфику каждого послушания в семинарии, раскрывая совершенно неожиданные положительные и отрицательные их стороны. Фирсов узнал, как следует вести себя на каждом из курсов, чтобы минимизировать соприкосновение с Траяном. Фирсов узнал, как можно использовать изолятор, библиотеку, столовую и Семинарский сад для укрытий от проректора. Он узнал семинарию с совершенно другой стороны, вся семинария представилась ему огромным сплетением хитрых способов обмануть игумена Траяна. И все эти способы придумал сам игумен Траян.

Отец Владимир задумчиво молчал, слушая своего коллегу. Тот, наконец, закончил, поставил бокал на столик и откинулся на спинку кресла. Фирсов молчал. Траян смотрел приветливо и открыто, ожидая реакции собеседника. «Да вы смеетесь надо мной, батюшка», - наконец отмахнулся Фирсов. «Я?!» - деланно возмутился Траян. Фирсов испы-

тующе глядел на Траяна. Тот тоже стал серьезен. Они буравили друг друга взглядами, но, в конце концов, Траян не выдержал и едва заметно улыбнулся. Отец Владимир торжествующе воскликнул: «Ага!» - и пальцем показал на улыбку коллеги. Траян попытался снова нацепить маску серьезности, но не смог и весело захохотал...

СМЕРТЬ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Проректор по воспитательной работе игумен Траян лежал на койке в пустой палате и смотрел на человека, который сидел на стуле в углу и смотрел в окно. Траян был очень плох. Он умирал и знал это.

- Нет, - подал голос человек со стула, - ты не умрешь. Душа в заветной лире твой прах переживет и тленья убежит.

- И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит, - рефлекторно продолжил строчку отец Траян.

- Тебе ничто вредить не может, ты злобу твердостью сотрешь, врагов твоих червь кости сгложет, а ты пиит - и не умрешь.

- Я не пиит, - слабо возразил Траян, он снова терял сознание.

- Ты не пиит, а только воин, и пусть в устах твоих нескладен стих...

- Прекрати, я умираю.

- Смерти нет - это всем известно, повторять это стало пресно...

- Отвяжись...

- Отвяжись, я тебя умоляю! Вечер страшен, гул жизни затих. Я беспомощен. Я умираю от слепых наплываний твоих...

Траян сидел на скамейке, Траяна звали Андреем.

Ему было 26 лет, была весна и вечер. Недалеко по Новокузнецкой прогромыхал трамвай, сзади хлопушкой громко выбивали пыль из ковра, а прямо перед Траяном находилась детская площадка с качелями и песочницей. На площадке резвились дети, он рассеянно наблюдал за ними. Качели захватил парнишка лет пяти, сидел не качаясь. Подошла девочка с ангелоподобным личиком и попросила разрешения покататься. Траян не слышал, что именно спросила девочка, и не слышал ответа мальчишки, но догадался, что разрешение получено не было - девчурка поднесла кулачки к глазам и безнадежно разревелась. Мальчишка улыбался и выглядел победителем. Мама девочки разговаривала с подружкой, папа мальчика пил пиво, вокруг по-хозяйски ходили голуби и деловито клевали редкие окурки.

Через неделю Траян постригался в монахи.

В дальнем углу палаты снова сидел он. Сначала Траян думал, что это кто-то из Академии, что за своим проректором присматривает специальный человек, а может быть, несколько, сменяющихся поочередно. Но потом, в минуту, когда температура немного спала, он вспомнил, что врачи за минувшие десять дней никого не пускали к нему в палату, сами приходили в масках, боялись заражения, а этот человек сидел в углу на стуле без маски и не в халате. Сидел на стуле и смотрел в окно.

- Ее зовут Маша, - заговорил человек из угла.

- Кого? - мысли в голове проректора путались.

- Ту девочку, которой не дали покататься на качелях. Она лет пять назад институт закончила с красным дипломом. Знаешь, какая специальность? - человек оживился.

- Разве она была?

- Кто?

- Девочка с качелями...

Человек рассмеялся.

- Кто ты? - проректор понимал, что бредит.

- А вот это, отец Траян, правильный вопрос.

Игумен впервые прошелся по своему новому кабинету, кабинет был просторным и бездушным. Он был немым свидетельством отношения к своему послушанию предыдущих проректоров - они трудились, как рабы, изо всех сил, но без сердца. Для них это была вынужденная очередная ступенька вверх по карьерной лестнице. Траян же никуда подниматься не собирался и далеко идущих планов не строил. Завтрашнего дня не существует, и то место, на котором ты находишься сейчас, - это единственное, что у тебя есть.

К послушанию проректора нужно относиться не как к неизбежному злу, с которым придется какое-то время мириться, а как к неотъемлемой части своей жизни.

Траян вышвырнул из кабинета все, что царапало его душу несовершенством, то есть все вообще. Он оставил лишь большой портрет митрополита Филарета Дроздова на стене между двух окон за своей спиной, только приподнял его повыше и попросил закрепить так, чтобы верхняя часть портрета слегка отходила от стены. Таким образом, у стоящего перед столом провинившегося студента создавалось впечатление, что не только грозный проректор им недоволен, но и суровый святитель неодобрительно взирает на него со своей высоты.

Стол себе Траян заказал лакированный, черный, окантованный сусальным серебром. По правую руку на низком, без ножек, закрытом буфете всегда стояла ваза со свежими фруктами и бутылка легкого вина. По левую сторону от стола вдоль всей стены проректор расставил массивные шкафы темного орехового дерева, набитые книгами. Другая сторона кабинета была украшена фресками, копирующими шедевры византийской храмовой живописи. Из-за стола было удобно любоваться ими, а вот гостям приходилось в любопытстве выворачивать шеи, поскольку их Траян усаживал на широкий черный бархатный диван, поставленный как раз под фресками. Два угловатых кресла, низкий кофейный столик, отделанный лаком с эффектом тиснения под кожу, и шелковый иранский ковер под ними занимали четвертую сторону кабинета. Каждое утро проректор заводил ключом большие маятниковые часы, которые непрестанно громко тикали, но обходились без боя. Окна были завешаны тяжелыми шторами, освещался кабинет серебряной люстрой и восемью вылитыми из олова бра, по два на каждую стену. Траян свой кабинет любил.

- Мне тоже он всегда нравился, - небрежно бросил человек из угла и зевнул, прикрывая рот рукой.

Был вечер. Траян понял, что может различать время суток, и обрадовался этому. В голове немного прояснилось, тошнота прошла, температура, кажется, спала. Это хорошо, это значит, что он идет на поправку.

- Нет-нет, что ты, - человек встал, подошел к окну и раздвинул шторы, - это временное улучшение перед последним приступом. Самым последним приступом, понимаете, батюшка?

- Я схожу с ума? - Траян понял всю глупость этого вопроса в тот миг, когда спросил.

- Пожалуйста, сходи. Я подожду тебя тут, - человек уселся на подоконник. За его спиной опускалось солнце. Своими последними лучами оно доставало до кровати проректора, заставляя его щуриться из-за неприятного покалывания в глазах. Человек заметил это:

- Вам не нравится солнце, вам неприятен свет, батюшка. Вам больше по душе темнота и мрак. Почему бы это?

- Дешевый символизм, - перебил своего собеседника Траян.

- Конечно, - с готовностью подхватил тот, - дешевый. Но всякий символизм на самом деле именно таков! Дешевый, примитивный, тупой символизм. Особенно французский; фу, какая гадость. Но, ты знаешь, русский тоже так себе. Тебе разве не противны все эти тонкие чувства, неясные настроения, вся эта смутная пакость и переживания? А? Все эти неясности, тьфу! Всякий символ у нормального человека вызывает здоровое чувство омерзения. В первую очередь - Символ веры. Я так думаю, что именно он заложил традиции символизма, посмотри, сколько в нем поэзии, образов сколько! Разве это догматика? Никакой конкретики, стыдоба! Позор! Одни впечатления.

- Не нужно этого делать, - Траян попытался приподняться на локте и разглядеть гостя получше, - не нужно притворяться бесом. Ты не бес.

- За подобные оскорбления, господин проректор, воспитанные люди отвечают с рапирой в руках. А вы больны и пользуетесь тем, что я не могу вызвать вас на дуэль. Это низко.

- Ты - плод моего воображения.

- Запретный плод твоего воображения?

- Моего больного воображения.

- Докажите!

- Ты не бес. Я никто, я никакой аскет и молитвенник, я грешник, к таким не приходят бесы.

- Нет, я не бес. Хорошо. Я - дух.

- Ты плод моего больного воображения, я ведь болен, у меня горячка.
- Эх, ну ладно, ладно, уговорил. Да, я плод твоего воображения, но болезнь тут ни при чем. Ты придумал меня, еще будучи здоровым. Я - Дух Московских духовных школ. А ты - мой творец.

Четвертый день за окном бушевала пурга. Андрей смотрел в слепое окно и кутался в старое шерстяное одеяло. Поселок умер, придавленный силой дикой стихии. В комнате было холодно, и изо рта шел пар. Андрей закрыл глаза, собирая волю в кулак. Тьма на улице была кромешная. До того места, где машина разгружала уголь, было совсем недалеко. Но чтобы дойти, надо было сперва выбраться наружу, откопав входную дверь. Потом расчистить для тележки путь и докатить ее до спрятанного под снегом угля. Разбить смерзшуюся массу кайлом, погрузить на тележку и ехать обратно. И все почти на ощупь, держась за проволоку, потому что ветер был такой силы, что не только глаз открыть было невозможно, но и просто удержаться на ногах казалось подвигом.

Проволока, по которой ходил Андрей, оборвалась на пятой тележке. Металлический шнур, предельно натянувшись последний раз, безвольно опал и исчез в снегу. Порыв ветра сбил Андрея с ног. Тележку пришлось докатывать ползком. Потом по вырытой траншее он ползал за лопатой и кайлом, после чего, совсем окоченевший и задыхающийся, с трудом закрыл за собой дверь и упал на грязный пол рядом с печкой в жижу угольной пыли и тающего снега. Добыча угля заняла три часа, и сил больше не было.

При отсутствии сильного ветра и нормальной, не ниже тридцати градусов, температуры за окном, печка съедала три тележки угля в сутки, и в самой теплой комнате можно было рассчитывать почти на двадцать градусов. Но при такой погоде, как сейчас, угля хватит, самое большее, на двое суток нормального отопления. А мести еще может и неделю. Андрей поднялся с пола, прошел в соседнее помещение, зачерпнул воды и поставил чашку на печь. Было приятно смотреть на живые красноватые блики огня, слушая завывающие стоны ветра на улице. Света не было уже два дня.

- Тебе надо было оставаться там, на Чукотке. Тебе же там понравилось.
- Да, там хорошо.

Траян не видел своего собеседника, наступила ночь.

- Остался бы, и ничего этого не было бы.
- Чего этого?
- Вашего самодовольства. Тщеславия, раздутого до размеров всей Академии. Власть, батюшка, развращает, а вы гляньте, какая власть у вас. Ведь это вы, практически один вы, решаете, кому быть или не быть священником - выгнать студента или нет, поломать ему жизнь или простить, заклеймить позором отчисления из лучшей духовной школы страны или закрыть глаза на его проступок, - человек встал со стула, взял его за спинку и волоком дотащил до изголовья кровати проректора. Сел и продолжил: - До вас все было нормально, поскольку проректорам дела не было до студентов. Но потом появились вы. И создали целый мир для себя и своей должности. Огромный мир. Придумали для него законы, населили его тварями и возомнили себя богом этого мира. И не просто сами себя богом возомнили, но и других заставили в это поверить. Вы гений, батюшка, но место вам в аду.
- Ты смешен, - Траян улыбнулся, - так хорошо начал, я уже было поверил, что ты Мефистофель, а теперь о семинарии заговорил. Смешно.
- Ну, точно у тебя мозги сварились, я же сам признался, что я - Дух Московских духовных школ. За несоответствие которому ты отчислил уйму народу. «Отчислить студента четвертого курса семинарии Андрея Введенского за несоответствие духу Московских духовных школ», - последние слова гость произнес голосом проректора. - А? Самая универсальная формула отчисления. На все времена, для любого случая. Кто такое придумал?
- Ба! Да ты хочешь поговорить об устройстве семинарии?! - Траяна разговор стал забавлять, хотя поначалу даже пугал. - Хочешь поспорить об устройстве системы с проректором по воспитательной работе?
- Как-то вы оживились, батюшка, нездоровым образом, - человек наклонился над проректором и стал внимательно вглядываться в его лицо.
- Кого ты мне напоминаешь? - Траян был уверен, что видел его раньше.
- Стараюсь всех сразу, хотя это ой как не просто, - человек взял запястье проректора и начал считать пульс.

- В смысле «всех сразу»?

- Всех тобою отчисленных сразу. А теперь особо не суетись и не нервничай, приступ начинается. Я пойду, схожу за врачами, помрешь еще раньше времени, когда еще поговорим-то? В ад меня ж не пустят.

- Если тебя придумал я, то пустят, поскольку ты часть меня.

- Нет, вы ошибаетесь. Это только с раем работает - все, что создал человек прекрасного, остается с ним в вечности. Музыка Баха, «Илиада» Гомера, таблица Менделеева - хотя, чего там с этой таблицей делать, в раю? А в аду не так, там человек остается один на один с самим собой. Так что я умру вместе с вами и даже сильнее вас умру, потому как умру совсем.

Пока гость говорил, Траяну становилось все хуже и хуже, действительно накатывал приступ. А гость не унимался и за врачами не шел:

- О, какая мысль меня посетила, слушай, батюшка! Если все прекрасное нашего мира сохраняется со своими творцами в раю, то нет никакого резона этим прекрасным увлекаться при жизни! Ведь если ты попадешь в рай, и творец прекрасного попадет в рай, то у тебя будет целая вечность наслаждаться его произведениями. А представим ситуацию, что ты попадаешь в рай, а он - в ад. Его развратные произведения погибли безвозвратно, и ты с ними не ознакомишься никогда. Нельзя упускать шанса, пока живешь на земле! Нужно успеть увидеть и познать все уродливое, а на прекрасное у тебя все равно останется куча времени, то есть буквально вечность! А? Пойду, почитаю речи Гитлера, говорят, классный был ритор, да только не спасся.

- Врача... - прохрипел Траян и потерял сознание.

Он не любил ходить по Иерусалиму православными маршрутами и в сопровождении экскурсовода. Он любил ходить один. Летнюю шляпу, бутылку с водой и вперед. Без воды никуда - жара, нужно много пить. Матушка Евдокия из Горнецкого монастыря говорила ему, что приезжим переносить жару легче, чем коренным, поскольку их организм еще не успел обезводиться. Траян не верил, думал, его утешали. И всегда брал бутылку с водой.

Сегодня он приобрел два сувенира. Странный день, он редко приобретал сувениры. Сперва он забрел в квартал, где пристали арабские торговцы и буквально заставили купить четки из непонятного кроваво-красного камня. Он думал их выкинуть, как только уйдет подальше, но не выкинул. Отличные четки. А потом он нашел маленький магазин библейских музыкальных инструментов, где предлагали на заказ сделать, например, настоящую арфу Давида. Продавец так и сказал: «арфу Давида». Траян хмыкнул и стал разглядывать то, что можно было купить без заказа. У отца Владимира Фирсова, проректора по научной работе, был настоящий африканский там-там, которым он вызывал погоду, по большей части плохую и дождливую. Себе Траян решил купить шофар - Трубу Судного Дня - бараний рог с первозданным древним звуком. Отчисляемый семинарист, бросая последний взгляд на Академию и Лавру, должен слышать этот звук. Он должен слышать этот звук всю оставшуюся жизнь.

- Я смотрю, вы опять в давние воспоминания ударились, да?

У Траяна гудело в ушах, и волнами накатывала тошнота. Он не понимал, какое сейчас время суток, и совсем не чувствовал своих ног. Но он был жив.

- Приступ закончился? - спросил он у своего гостя.

- Да.

- Значит...

- Значит, батюшка, осталось еще два.

- Что? - выдохнул проректор.

Человек смеялся:

- Страшно? Хе-хе... Слушай, а почему ты из этого шофара так никогда и не дул в спину отчисленного студента? Ведь как было бы красиво: он с сумками выходит из Академии, где только что забрал все документы, поворачивается, чтобы последний раз взглянуть на Альму Матер, а тут открываются окна твоего кабинета, появляешься ты с рогом и во всю силу на него...

- Ты хоть слышал рев этой трубы когда-нибудь?

- Не-а.

- Вот именно... Но я всегда дул, всегда. Тихо, в своем кабинете, но дул.

- ...вы больны на голову, мой дорогой проректор.

- Потому с тобой и разговариваю.

- Ну, хорошо, - человек сменил тон на деловой, - давай разберемся с семинарией. У меня есть некоторые соображения. Слушайте. Чем вы сейчас заняты в семинарии? Вы выискиваете и фиксируете формальное несоответствие правилам нравственной и духовной жизни. То есть смотрите только на внешнее соответствие и смотрите на студента только отрицательно, не видя его положительных качеств. Так? Так! А теперь давай представим, что древняя христианская община просит епископа поставить ей нового священника. И предлагает на это дело известного всей общине мирянина с такой характеристикой: «Он редко пропускает богослужения, он изредка нарушает пост, он иногда повышает голос на домочадцев, он бывает неприветлив, он совсем не умеет общаться с окружающей нас языческой властью, он плохо поет, он трижды бывал пьян в стельку, однажды он ударил женщину, и, кроме того, до обращения он был мытарем, а его троюродная сестра - блудница. В общем, мы считаем, что это, несомненно, достойный кандидат». Составлением именно такой характеристики ты занимаешься. Понимаешь? Нету цельного взгляда! А что с того, что он был мытарем и трижды напился в стельку - зато человек действительно хороший. Пускай вот этот конкретный студент хоть и жестоко залетел однажды, но по сути-то - идеальный батюшка, а вон тот, хоть и не написал ни одной объяснительной - какой же все-таки козел, стукач и лицемер. А?

- И?

- Что значит «и»?

- Я не могу изменить то, что ты описал. Да, это и однобокая характеристика, и отрицательная. Да, я не занимаюсь составлением объективной картины души студента. И что с того? Разве дело во мне? Условия игры придумал не я. Их придумали давным-давно. А в тех рамках, которые есть, мне приходится быть тем, кем я являюсь. Ясно? Брать на себя ответственность, ловить и отчислять. Думаешь, мне всегда это приятно?

- Думаю, что да.

- ...верно думаешь... Но приятно-неприятно - это разговор детей в песочнице. Главное то, что я должен это делать. Обязан, таково мое послушание. Я не искал его, не добивался. Но если оно свалилось на меня, я должен делать его хорошо. А нравится или нет... Когда что-то нравится - работать легче. Слышал поговорку «сердцу не прикажешь»? Не правда это, можно приказать сердцу. Целая наука есть, которая учит приказывать сердцу, аскетикой зовется. Я приказал себе любить проректорство - и я полюбил его.

- Так просто?

- Ничего себе просто!!

- Тише, тише, что вы...

- Да я, может, единственный на всю Церковь, кто смог это сделать с собой! Ничего не просто, - Траян закашлялся и сразу как-то сник, затих. Человек молчал. У проректора перехватило дыхание: - Что, началось?

- Похоже на то, батюшка...

Отец Траян поднялся на последний этаж Академии, открыл ключами пустую аудиторию, зашел вовнутрь, закрыл за собой дверь, подошел к окну и распахнул его. Мягкий воздух летнего вечера слегка потрепал его волосы. Траян забрался на подоконник и шагнул на карниз. Рядом с окном находилась пожарная лестница, он привычно дотянулся до нее и быстро взобрался на крышу. Сегодняшний закат был хорош. Маленькие облачка, убегающие на север, горели в последних лучах заходящего солнца, которое почти не двигалось, давая вдоволь налюбоваться собой. Вся Лавра окрасилась в теплые красно-оранжевые дымчатые тона. Отец Траян долго смотрел на закат, и ему показалось, что солнце выглядит немного усталым. Сам он был бодр, собран и готов к работе.

Через неделю начинались вступительные экзамены в семинарию, а после их окончания отцу Траяну предстояло впервые приветствовать поступивших. В должности проректора по воспитательной работе. Поступали его первые первокурсники.

Траян вынырнул на поверхность сознания. Над ним, наклонившись, стоял человек и снова внимательно вглядывался ему в лицо. Проректор попытался что-то сказать, но не смог. Человек грустно улыбнулся: «Прощайте, игумен Траян. Не поминайте лихом».

Траян закрыл глаза и...

КРАСНОРЕЧИЕ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Часть 1

Егору Утлову все надоело. Он устал. Третий курс семинарии шел тяжело, и Егор уже начал подумывать о том, чтобы взять академический отпуск и уехать на год куда подальше, домой, например. Ничего не клеилось, Лавра приелась, учиться не хотелось, молиться тем более. Егор знал, что третий курс обычно является поворотным в жизни семинариста и что именно на третий год обучения со всей резкостью встает вопрос «а что я тут делаю». Но знание этого не помогало нисколько. Егор просто перестал понимать, чем он занят в семинарии, и уже не был уверен в том, что готов стать священником. В воскресенье он ездил в Москву развеяться, но развеяться не получилось, стало только хуже. Когда он вернулся в Сергиев Посад, вышел из электрички и увидел вдалеке купола лаврских соборов, он почти вслух сказал: «О, нет, я не хочу». И понял, что он действительно не хочет.

Как иначе было на первом курсе и даже на втором! Лучшее духовное заведение, лучший монастырь, лучшие друзья, все в охотку и в радость, богослужения пролетают незаметно и легко, на лекциях сидишь с открытым ртом, в библиотеке столько книг, которые хочется прочесть, вокруг Лавры столько скитов, куда хочется сходить, преподобный Сергий рядом, опытные духовники под боком, история дышит каждым камнем мостовой, будущее манит и выглядит таким безоблачным... куда все подевалось? И почему? Кто-то говорил про Льва Толстого, что у того не было органа, которым верят. Может, у него самого этот орган, душа, оказалась слишком мала, чтобы вместить в себя насыщенную духовную жизнь? Наполнилась до краев и потом стала выплескивать обратно. Может, он просто хороший мирянин, а не священник? Рожденный ползать летать не может, а он попытался, упал и разбился, и теперь с удивлением смотрит на осколки себя самого.

Егор встал из-за парты в пустой аудитории и подошел к окну. В темноте беззвездной зимней ночи ярко светилась высоченная колокольня, часы на ней начали отбивать без пятнадцати десять - скоро вечерние молитвы. Ему не хотелось на них идти. А на первом курсе он любил прибежать в Академический храм первым, когда еще ризничный только теплил лампадки, любил приложиться в тишине к иконам, встать у колонны и смотреть, как храм медленно наполняется семинаристами, как выходит на амвон священник, как на клирос пробираются в темноте певчие...

Егор закрыл форточку, чтобы класс не застудился, и вернулся к столу выключить ноутбук. Ему нужно было писать проповедь. Третьекурсники начинали говорить проповеди в храме: сперва на вечерних молитвах, потом на литургии и всенощной. Через две недели наступала его очередь, но он не знал, что сказать. Сейчас на экране у него отображалось:

«Вечный снег.

Пустые коридоры, желтое освещение.

Сквозняки.

Засохшие цветы в вазе со свежей водой.

Пустые стаканы на пыльном столе.

И сотовый телефон услужливо заполняет пустую душу пустыми мелодиями.

Где изобилует грех - там преизобилует благодать. Оказывается, эта фраза читается и справа налево.

Красивые декорации, плохой сценарий.

Как надоели эти рожи.

Приелось.

Мятые постели, мятые кителя, мятые лица поутру.

Когда с тебя срывают розовые очки, то это не больно и не страшно. Но навсегда.

Жаль абитуриентов. Пока еще жаль, потом мы будем лишь смеяться над ними.

Мы стали бесстрастны. Нет сил обидеться.

Мы убиваем на спор время. Безжалостно и виртуозно.

Жуткая пытка бездельем у подножия лестницы в Небо.

Надо заставить себя что-нибудь захотеть...»

Егору стало жалко себя, он выключил питание компьютера, застегнул китель и направился в храм на молитвы.

У входа уже стоял дежурный помощник и смотрел на часы, но Егор не боялся опоз-

дать, он знал, что есть еще полминуты в запасе, потому никуда не торопился. Егор не стал креститься, заходя в храм. Молитвы тянулись долго, регент хора по нескольку раз давал тональность, священник на амвоне выдерживал пятисекундную паузу перед каждым возгласом, наконец, настало время проповеди. Облаченный в стихарь сокурсник Егора, волнуясь, начал говорить о празднуемом сегодня святом. Так делали почти все. Зачем рисковать на своей первой проповеди, лучше пересказать житие святого и добавить нравственное поучение по типу «так давайте же, братья, и мы будем следовать за преподобным в его подвигах». Первая проповедь должна быть простой, тут не до риторических изысков.

Егор прислонился головой к колонне и начал придумывать, что бы такое сказать самому, но мыслей не было.

Прошла еще неделя, наступил понедельник, в четверг нужно было произносить проповедь, а мыслей больше не стало. Егор слонялся по семинарии, ожидая музы, наконец сдался, открыл житие Нила Постника, празднование памяти которого выпадало на его день, и решил поступить, как все. Через час он смотрел на результаты своего труда и поражался убогости содержания. Егор распечатал текст, чтобы отнести его в кабинет дежурных помощников на проверку учителю гомилетики - каждая студенческая проповедь обязана была содержать резолюцию преподавателя. Помощники читали одну газету на двоих и не обратили на него никакого внимания. Егор оставил проповедь на столике и подумал, что гомилету, должно быть, противно ставить свою подпись под подобными текстами. Но от первых проповедей никуда не деться, в конце концов, хоть преподаватель и пишет под ними будто на века «Печатать и произносить», главное в них отнюдь не содержание.

В среду на вечерних молитвах Егор услышал очередную проповедь, страшно похожую на его собственную, и ему стало совсем скверно. Ночью ему снились непонятные сны, наутро голова была тяжелой и дурной. Перед занятиями он зашел забрать свой проверенный опус из кабинета дежурных помощников и узнал, что преподавателя гомилетики не будет до пятницы, так что на этой неделе многие проповеди произносятся без проверки. Егор побрел в класс. «Если, - думал он, - преподавателя нет до пятницы, то и на сами молитвы он не придет. Дежурных помощников тоже на молитвах не будет, поскольку после того, как они проверят опоздавших, они уйдут смотреть аудитории и комнаты общежития в поисках прогульщиков. Значит, в храме будут только студенты. Сегодня на вечерних молитвах в храме будут только студенты. Хм...»

До обеда Егор Утлов боролся сам с собой. К обеду он сам себя победил и, спрятавшись в библиотеке, стал писать новую проповедь. К ужину она была готова. Придя в столовую, он быстро перекусил, ни с кем не стал разговаривать и пошел ее спешно учить. Оставалось всего два часа. А это была его первая проповедь в жизни. И возможно - последняя.

Без пяти десять Егор зашел в темный алтарь, сделал три земных поклона и подошел под благословение служащего священника-академиста. Тот старательно сложил пальцы в благословляющем жесте, должно быть, совсем недавно был рукоположен, и спросил, о чем будет проповедь. «О ненависти к семинарии», - ответил Егор. Молодой батюшка не двигался. Егор быстро скрутил стихарь, дважды перекрестился на Горнее место, скороговоркой выпалил «благослови, Владыка, стихарь», перекрестился еще раз, поклонился и начал стихарь на себя натягивать. Священник подошел ближе.

- Парень, - шепотом сказал он, - не дури. Слышишь? Мы все проходили через это. Не надо. Просто потерпи немного, все наладится, сам увидишь. Не дури, отец.

Академист говорил очень просто. Он взял Егора за плечо и попытался в темноте разглядеть его глаза.

- Такое было у всех, я точно тебе говорю. У меня тоже было. Не веришь? Я однажды приехал в Посад, вышел на перрон, увидел колокольню и купола Лавры и непроизвольно подумал: «Мама, я не хочу!» Прямо так и подумал. Очень тошно было. Но ведь прошло, и у тебя пройдет. Терпи.

Раздался удар колокола. Священник уже должен был стоять на амвоне и давать первый возглас, а он все не отпускал плечо Егора. В храме наступила тишина.

- Через год уже удивляться будешь своему теперешнему состоянию, все наладится. Сейчас только дров не наломай... Я пошел, а ты пока придумай что-нибудь простенькое и скажи. Не нужно про семинарию, хорошо? Давай, отец.

Молитвы начались. Егор ни о чем не думал и почти ничего не слышал. В нужный мо-

мент он вышел на солею, священник на амвоне повернул к нему голову, посмотрел и пошел в алтарь. Егор занял его место, перекрестился и повернулся к семинаристам. Было темно, горели только лампадки, но чувствовалось, что весь храм, как обычно, плотно забит семинаристами. Егор Утлов глубоко вздохнул и произнес: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Отец Траян узнал о том, что преподаватель гомилетики срочно уехал, и потому решил походить на вечерние молитвы послушать проповедников. Первая проповедь у третьекурсников, ничего там, конечно, не могло произойти интересного, кроме очередного пересказа жития святого, но все-таки это были проповедники, и они говорили к семинаристам. И говорили на этот раз без контроля. Траян знал, что его помощники проверяют только момент начала молитв, а ближе к их середине уходят искать прогульщиков по комнатам, оставляя содержание проповеди на совести гомилета. Но сейчас эта совесть была в Москве вместе со своим хозяином, и семинаристы оставались совсем одни. Мало ли что.

Около пятнадцати минут одиннадцатого проректор большой тенью появился в притворе храма. Проповедь еще не началась, но отец Траян понял, что пришел не зря. Что-то должно было случиться, чутье редко подводило его. Молитвы закончились. На солею вышел проповедник. Его было едва видно в темноте, но Траян понял, что именно из-за него он сегодня пришел на вечерние молитвы студентов. Священник на амвоне ушел в алтарь, студент занял его место, отец проректор достал мобильный телефон и включил диктофон на запись.

«Сегодня Православная церковь празднует память преподобного Нила Постника, - начал Егор. - Житие этого угодника Божия, отцы и братия, не сможет вызвать у нас интерес, сообщить нечто новое; ничему не сможет нас научить. Житие преподобного Нила - это обыкновенное трафаретное житие, и любой, порывшись у себя в памяти, найдет с десяток похожих».

Храм сначала замер, потом выдохнул и зашевелился - семинаристы стали теснее подходить к амвону и странному проповеднику на нем. Траян незамеченным прошел в храм на освободившееся место.

«Преподобный Нил родился в знатной семье и получил прекрасное образование - подобное начало стало общим местом для многих житий. Он оставил мир и удалился в пустыню на шестьдесят лет - при чтении подобного у всякого возникает ощущение дежавю. Он был постником - для нас было бы удивительным обратное... Пробегая глазами житие преподобного Нила, что может сказать честный перед собою студент Московской духовной семинарии? Пожалуй, только: скучно, однообразно, неинтересно».

Никто не понимал, что происходит.

«Отцы и братья, увы, но подобными эпитетами мы готовы наградить не только житие преподобного, именно ими мы так часто описываем свою жизнь. Свою жизнь в семинарии. Здесь однообразно, здесь неинтересно, здесь скучно».

Егор говорил четко, уверенно и спокойно. Он знал, чего хочет. Он понял, о чем говорил ему молодой священник-академист в алтаре. Он разобрался, что не нравилось ему в проповеди, которую он сочинил сегодня днем: ему не нравился ее конец, и прямо сейчас он придумывал новый.

«Здесь однообразно, здесь неинтересно, здесь скучно. Это известное всем, блеклое и пассивное, снисходительно-наплевательское отношение ко всему семинарскому проявляется почти в любом человеке после двух лет обучения в духовной школе. Внешне оно мало заметно. Состояние наплевательства проявляется в непрестанном брюзжании о несправедливо взятой объяснительной, о неожиданно непрожаренной отбивной на завтрак, о пустой лекции, о внеплановом обязательном богослужении, наконец».

В храме стояла полная тишина. «Гробовая тишина», - подумал проректор. Он держал сотовый повыше и улыбался в темноте.

«Почему так происходит, - продолжал Егор, - почему мы становимся заложниками тотального безразличия? Это сложный вопрос. Вряд ли дело только в бесконечной латыни, или в жестком распорядке дня, или в плохих помощниках, или в чем-либо подобном. Проблема еще и в нас самих. Каждый пытается решить ее по-своему. Каждый находит свою альтернативу семинарской действительности. Одни начинают придумывать и осваивать различные «перспективные послушания», другие со всей головой уходят в дело православной миссии, третьи - в виртуальный мир компьютерных игр, а четвертые просто уп-

ражняются в утонченном цинизме».

Траян поморщился, проповедь выворачивала немного не в то русло, на которое он надеялся.

«Конечно, не иначе как только глупцом можно назвать человека, который призвал бы нас отказаться от подобного поведения. Это невозможно, - Егор на секунду замолк. Теперь он говорил не по памяти, теперь он придумывал новое завершение своей речи. - Но как немыслимо простым волевым «нет» отсечь свое противление семинарской жизни, так же немыслимо считать ситуацию, в которой мы находимся, нормальной. Это - плохо, когда семинария начинает восприниматься клеткой, а семинарист начинает видеть себя жертвой, насильно в нее загнанной. А раз это плохо, значит, нужно искать выход из этого состояния одновременного безразличия, наплевательства и неприязни».

Траян разочарованно покачал головой.

«Быть может, для начала стоит понять, что семинария - это мы, и без нас ее просто нет... Быть может, хотя бы в молитве стоит не отделять ее от себя, может, стоит молиться о ней?.. Честно обратиться к Богу: «Да, Господи, Ты знаешь, что мне все здесь надоело, и я сам себе надоел. Семинария плоха, но и я плох. Потерпи нас, Господи. С Твоей помощью мы, может быть, справимся. Помоги нам обоим! Аминь».

Последние слова Егор произнес с чувством, неожиданным для самого себя. Траян с досады чуть не плюнул на пол. Семинаристы молчали и не двигались. «Отчислить, - подумал проректор, - отчислить за неоправдание надежд проректора. Как начал-то хорошо, и на тебе в концовке все смазал... Странно даже... странно...»

Отец Траян выключил диктофон и первым вышел из храма.

КРАСНОРЕЧИЕ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Часть 2

Когда Анатолий Голот отошел от дел студенческого Совета, совсем закрыть его не удалось из-за протестов Владыки. Даже несмотря на усилия Траяна и самого Голота. Вот тогда третьекурсник Никита Колудин и понял, что настал его час, настало его время становиться президентом. К сожалению, Совет утратил былую мощь, став почти исключительно совещательным органом, но Никита этого не испугался, он решил заняться реорганизацией студенческого самоуправления. Первый президент работал по внешнему улучшению жизни студентов, рассуждал Никита, но теперь настало время менять семинарские порядки, само устройство семинарии.

Этими мыслями Никита поделился с Анатолием Голотом, тот оценил порыв собрата и рекомендовал Совету избрать Никиту Колудина своим президентом на следующий год, что и произошло. Теперь Никите оставалось придумать, в какое конкретное дело может превратиться его общая идея о смене семинарских устоев. Он начал думать. Думалось легко, но ничего из придуманного даже близко не удовлетворяло отца Траяна, который теперь курировал деятельность Совета. В тщетных попытках уговорить проректора пролетел первый семестр, но Никита не унывал, он вообще не унывал никогда, у него оставалось еще полгода.

Солнечным январским воскресеньем после обеда он направился из Сергиева Посада в Александров проветрить свою голову и заодно посмотреть на царскую резиденцию Ивана Грозного в Александровской слободе, поскольку этот период они как раз изучали по истории России. «Мне нужно придумать реформы, мне нужно придумать реформы, - словно мантру, твердил Никита. - В Александрове опричнину придумали, это будет неплохим стимулом для работы мысли».

На вокзальной площади было многолюдно и шумно; проталкиваясь через толпу людей, Никита постепенно вспоминал, как выглядят люди за пределами искусственного мира семинарии и Лавры. На восемь лет, если считать вместе пять лет семинарии и три года Академии, будущий священник выпадал из общества, когда поступал учиться. Целых восемь лет, по двадцать четыре часа в сутки, лишь с коротким месячным перерывом на летние каникулы. Сейчас, пытаясь добраться до касс, Никита впервые понял, как это много: он всего лишь на третьем курсе, а уже перестал понимать, что этими людьми движет и чего они хотят. Выстояв в очереди пять минут и получив нагоняй от кассира за то, что не имел мелких денег, Никита спешно побежал на перрон, чтобы успеть запрыгнуть в электричку, ехавшую из Москвы в Александров.

Вагон оказался не менее полон, чем вокзал, - с какой-то столичной экскурсии обратно

возвращались александровские школьники. Никита стоял рядом с тамбуром, пропитывался сигаретным дымом и еще пропитывался неприязнью к подрастающему поколению. «О, ужас, - думал Никита, заворожено разглядывая тинэйджеров, - и их я буду крестить и наставлять на путь истинный?.. Ох, когда же нас уже завоюют китайцы?»

Весь его курс и чуть ли не вся семинария возлагали большие надежды на китайцев. Съезжались семинаристы с самых разных уголков страны и узнавали друг от друга, что везде одинаково плохо, все разворовано, всюду спиваются, и России, в общем-то, не жить. И только парни с Дальнего Востока говорили, что есть у страны конечная мотивация - всякая умирающая империя должна с честью передать свою веру и начатки государственности вместе с культурой варварам, и эти варвары - китайцы, которых за Уралом уже сейчас больше, чем коренного населения. Для чего же еще, говорили парни, в Академии открыт Восточный центр? Совсем скоро, когда деваться будет некуда, вместо латыни и греческого мы все будем изучать китайский, чтобы просветить их светом христианства. Приближаясь к Александрову в шумном вагоне в компании подрастающего поколения своей паствы, Никита понимал, что деваться некуда уже сейчас.

В Александрове было скользко. Едва ступив на перрон, Никита поскользнулся, взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, сумка с фотоаппаратом слетела с плеча и, перевернувшись в воздухе, приземлилась на лед за секунду до того, как на тоже место приземлился Никита. Школьники, выходящие из вагона, хохотали. «Должно быть, - думал Никита, поднимаясь, - мое падение было эстетически привлекательным. Значит, они способны оценить эстетическую привлекательность. Это уже неплохо». Объектив фотоаппарата был с трещиной прямо по линзе, Никита сфотографировал ближайшее дерево, фотоаппарат работал, но изображение получилось расколотым надвое. «Да, - попытался настроиться на рабочий лад Никита, - какие только жертвы не понесешь ради переустройства семинарии». И он пошел искать слободу.

Игумен Траян был озадачен. Студента Утлова нужно было отчислять, но окончание его проповеди о ненависти к семинарии, где он предлагал за семинарию молиться, было таким искренним, что ректор мог не выдержать и на отчисление не согласиться. Траян снова включил диктофон: «Быть может, для начала стоит понять, что семинария - это мы, и без нас ее просто нет... Быть может, хотя бы в молитве стоит не отделять ее от себя, может, стоит молиться о ней?.. Честно обратиться к Богу: «Да, Господи, Ты знаешь, что мне все здесь надоело, и я сам себе надоел. Семинария плоха, но и я плох. Потерпи нас, Господи. С Твоей помощью мы, может быть, справимся. Помоги нам обоим! Аминь».

Отец игумен покачал головой и принялся внимательно просматривать дело Утлова, в надежде найти хоть какую-нибудь дополнительную зацепку, которая позволила бы трактовать его поступок в предельно невыгодном свете. Но дело Утлова было тощим. За три года всего пара дюжин незначительных объяснительных и ни одного крупного проступка. Учеба средняя, без спадов. Поведение тихое. Осведомителям он, кажется, вообще ни разу не попадался на глаза. Послушания выполнял исправно. С помощниками конфликтов не зафиксировано. Как такое вообще может быть? Это же семинария, а не пансион благородных девиц; как Егор Утлов умудрился столько лет прожить незамеченным?

Траян снова включил запись проповеди. Похоже на то, что опираться при отчислении придется только на нее. Что ж, это даже интересно. Риторическое отчисление. «Итак, - проректор подвинул к себе чистый лист, взял в руки отточенный карандаш и включил запись с начала, - что мы имеем...»

Никита стоял в бутафорской пыточной и улыбался во все лицо. Экскурсовод рассказывала об ужасах, что творил прямо в этой комнате царь Иван, о коротких кровавых расправах и медленных мучениях, о криках, которые доносились отсюда до опочивальни государя, о назначении разных пыточных приспособлений и об искусстве заставить человека признаться в чем угодно. А Никита улыбался, он придумал.

«Прежде чем убить человека, нужно обязательно дать ему высказаться», - подумал Никита, как только вошел в пыточную. А прежде чем отчислить семинариста, нужно дать ему возможность объяснить свое поведение. И не перед отцом Траяном, а перед всеми своими собратьями. Мы же семья - нехорошо, когда старшие собрались где-то там, что-то порешили и вышвырнули человека за борт без объяснений. Объяснения нужны, потому что в противном случае мы автоматически становимся на сторону отчисленного и озлобляемся на инспекцию. А если дать ему возможность объясниться, дать Траяну возможность объяснить нам позицию администрации, дать возможность желающим засту-

питься, а потом всем послушаться ректора - вот это и будет семья. А сейчас это похоже на закрытую комнату пыток.

Никита счастливо выдохнул, примостился на краешке чурбана, в центр которого был воткнут топор, и начал обдумывать идею.

«Во-первых, все должно происходить в актовом зале, чтобы вместились все желающие, а их будет очень много. Во-вторых, есть обвинительная сторона и сторона защиты. Состав каждой из сторон произвольный. В-третьих, каждая сторона, чередуясь с другой, говорит по три речи. Первой выступает обвинительная сторона. Время одной речи не должно превышать двадцать минут. В-четвертых, право окончательного решения принадлежит, разумеется, Владыке ректору».

Никита закончил говорить и вопросительно смотрел на Владыку и отца проректора. Владыка молчал. Отец проректор думал. Никита ждал. Они втроем сидели в кабинете ректора, обсуждая очередную инициативу студенческого Совета.

- И все это ради того, - наконец отреагировал Владыка, - чтобы семинария как можно ближе была к идеалу семьи?

- Да, - согласился Никита. - Чтобы студенты понимали, за что именно их отчисляют.

- А сейчас вы в недоумении, получается? Слышите, отец Траян, народ не понимает ваших действий.

- Нет-нет, - Никита бросился исправлять оплошность в словах, - мы понимаем, но поскольку у нас слишком сильное разделение на учащихся и инспекцию, то мы как бы всегда на стороне своих собратьев. А тут будет возможность понять, что инспекция имеет свои причины к отчислению, и они важны для всей семинарии. То есть публичное отчисление будет сближать инспекцию и студентов.

Траян едва заметно улыбнулся. Никита заметил это и продолжил:

- Можно я пример приведу? У нас еще на первом курсе отчислили одного парня, который после отбоя слушал рок-музыку в наушниках.

Владыка взглянул на проректора, тот коротко кивнул.

- И мы жутко были этим возмущены, ведь у нас сейчас рокеры чуть ли не главный миссионерский проект всей Церкви. А парня отчислили. Причем это не пост был, и он никому даже не мешал, слушая на малой громкости. Но на следующее утро он уже был отчислен. И мы уже думали идти всем курсом возмущаться, но наш классный наставник прямо во время лекции объяснил, почему это было сделано. Нельзя сказать, что мы с ним согласились, но зато мы успокоились, поняв, что у инспекции тоже есть своя правда.

- Вот спасибо, - поблагодарил Траян. - А что же именно говорил ваш классный наставник?

- Не помню, - соврал Никита. - Но это ведь и неважно, главное результат, да?

- Ни капельки неважно, - согласился отец Траян и посмотрел на ректора. Тот сказал:

- Мне нравится идея с публичным отчислением. Наверное, можно попробовать. Что думаете?

- Мне тоже очень нравится, - ответил Траян.

- Да? - удивился Никита.

- Послушайте, Колудин, - миролюбиво начал Траян, - я же проректор по воспитательной работе, а не по отчислительной, если ваша идея послужит налаживанию отношений между инспекцией и семинаристами, мне будет легче жить. Чем меньше нарушений, тем меньше мне трудиться. Чем лучше студенты знают позицию инспекции, тем меньше нарушений. Все просто. Но только я не уверен в одном. В том, что студенчество сможет достойно понести все свободы демократии.

- Отец Траян прав, - сказал ректор. - Это будет начатками демократии, как и ваш Студсовет. Но я считаю это нормальным и интересным экспериментом. Давайте попробуем один раз, после чего решим окончательно. Отец проректор, у вас есть кандидаты на отчисление?

- Сколько угодно.

- Что-нибудь интересненькое, - улыбнулся Владыка.

- Есть Егор Утлов, который на днях сказал проповедь за вечерними молитвами о ненависти и любви к семинарии. Ваш, кстати, однокурсник, Колудин. Занятная проповедь, и человек любопытный, и случай неординарный. Рекомендую взять его... Пожалуй, я сам выступлю с обвинительной речью.

Владыка утвердил кандидатуру отчисляемого, и теперь Никита ломал голову над дву-

мя вопросами: кто решится защищать бедного Егора и почему отец проректор так быстро согласился. Собственно, эти вопросы были взаимосвязаны. Если Траян легко согласился участвовать в новом проекте, значит, у него были какие-то свои цели, а открыто выступить против проректора, у которого есть свои цели, не захочет никто. И наверняка никто вообще не захочет публично спорить с Траяном. Сам Никита не хотел и потому искал самоубийц сначала на своем курсе, а потом на курсах других. Желающих не было, а проректор отнесся к задумке серьезно, его помощники на обедах регулярно напоминали, что на следующей неделе состоится публичное отчисление студента третьего курса Егора Утлова, причем обвиняющая сторона будет представлена лично проректором по воспитательной работе игуменом Траяном. Это была тактика запугивания, и она работала. Егор трясся от страха. Никита стал не на шутку волноваться, что проиграет дело еще до его начала, поскольку не сумеет сформировать сторону защиты.

«Чтобы в открытую пойти на проректора нужно быть просто сумасшедшим», - сказал очередной отказывающийся, и Никиту осенило - он вспомнил о пятикурсниках Гайде и Настоящем. Он вспомнил, как увидел их впервые, а увидел он их сразу вдвоем. Их сложно было даже помыслить по одному, они всегда были вместе. Где-то в начале второго курса Никита решил поближе познакомиться с Миссионерским отделом и, выкроив время, в среду после акафиста направился в тесную коморку, запрятанную в полуподвале на стыке лаврской стены и Переходного корпуса. Как ему сказали, в отделе всегда можно найти его старожилов и главных лодырей Михаила Гайду и Александра Настоящего.

Когда Никита вошел, они смотрели «Криминальное чтиво» Квентина Тарантино, вообще не обратили на него никакого внимания и этим сразу ему не понравились. Настоящий сидел, сгорбившись над пятилитровой бутылью с водой, и доливал туда концентрат кока-колы, сворованный, надо полагать, из столовой. Гайда, сняв китель, откинулся в кресле и вперемежку с фильмом старательно вырисовывал табличку на дверь Миссионерского отдела: «Осторожно - злые юродивые!» В некоторых, одним им ведомых местах, они оживлялись, начинали сосредоточенно пялиться в экран, вслушиваться в американскую речь тарантиновских персонажей, потом дружно ржали, как кони, и снова возвращались один к канистре, другой к табличке.

Никита поздоровался. Настоящий оглянулся, попытался что-то сказать, поперхнулся дегустируемым напитком, закашлялся, вскочил и стал колотить себя в грудь. Гайда подобрал ноги от растекающейся из опрокинутой бутыли лужи и давился со смеху. Раскрасневшийся Настоящий схватил со стола пачку журналов и запустил ими в Гайду, тот попытался увернуться, свалился вместе с креслом на спину и завопил. Началась потасовка, в которой по странному стечению обстоятельств больше всего досталось Никите. Его облили с ног до головы сначала колой, а потом водой из графина, его несколько раз уронили на пол, ударили об стену и о край стола, в него кинули и попали подушкой с дивана, мусорным ведром и коробкой с дисками. А после заключения перемирия его еще заставили наводить порядок и отмывать пол от кока-колы, которая никак не отмывалась.

Больше Никита никогда в Миссионерском отделе не появлялся. Но сейчас ему нужны были именно такие люди. Ровно через неделю, в следующий вторник, им предстояло спасти бедного Егора от расправы проректора, причем сделать это на виду у всей семинарии и Академии. Предложение, от которого они не смогут отказаться.

КРАСНОРЕЧИЕ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Часть 3

- Да е-мое! Да елки-палки!!! Это уже совершенно невозможно! - накинулся на бедного однокурсника Настоящий. - Зачем тебе эта лекция, отец? А? Зачем она тебе прямо сейчас? Зачем ты решил попросить ее именно у нас? Зачем ты здесь вообще?!! - и Настоящий, сунув парню конспект, вытолкал его за дверь.

- Нам не удастся тут поработать, - рассудительно заметил Гайда. - Нас слишком многие знают, тут всех знают слишком многие. Мы здесь ничего не напишем, нет тишины, нет спокойствия. Наша спальня - просто проходной двор, а в аудитории нам не дадут поговорить, потому что мы будем мешать другим, там только по вечерам пусто... Надо спрятаться куда-нибудь.

- Куда? - уныло спросил Настоящий.

- Хм-м, в бастион Сен-Жерве, думаю.

- А?

- Ну как же! Когда Атосу, Арамису и Портосу нужно было рассказать д'Артаньяну о том, как Ришелье встречался с миледи, они сначала выбрали харчевню «Нечестивец», но там их бесконечно донимали всякие посетители, как нас. Потому они заключили пари, что позавтракают в бастионе Сен-Жерве и продержатся там час, как бы противник ни пытался выбить их оттуда. А пока они там завтракали, они все успели обсудить. Нам нужно такое же место. И это место - изолятор!

- Ты болен на голову, Гайда. Там еще неделю назад штабелями лежали гриппующие, я туда не пойду. Хорошо, конечно, прятаться там от послушаний и зачетов, когда дежурит знакомая врачиха, но не сейчас. Там опасно. Бациллы, брат!

С его последними словами в комнату завалилась веселая компания, с намерением устроить состязание по гонкам Формулы-1 на компьютерах. Настоящий завыл и повалился на кровать.

- Господа, господа! - Гайда взобрался на стул, чтобы всех видеть. - Предлагаю пари!

- Пари? Отлично, давай пари. Какое?

- Я говорю, что мы с Настоящим, притворившись больными, ляжем в изолятор, где только что свирепствовал грипп, и продержимся там две недели, причем этим гриппом не заболеем.

- А как здоровье проверять будем?

- Будете приходить каждый день и смотреть, чего проще-то?

- На что спорим?

- Тот, кто проиграет, будет обязан целую неделю ходить в полиэтиленовых бахилах на ногах поверх обуви, как это в больницах делают, и терпеть за это притеснения от дежурных помощников.

- Ха-ха! Здорово!

- Да?

- Да! Договорились, идет!

Гайда победно воздел руки к небу, повернулся к Настоящему и увидел, как тот крутит пальцем у виска.

На пятом курсе Гайда с Настоящим увлеклись живописью, увлеклись со страстью сумасшедшего и обстоятельностью ученого. Иконописная школа недоумевала, куда подевались все монографии и альбомы репродукций из библиотеки Академии. Сокурсники страдали от назойливых обстоятельных искусствоведческих бесед и бурных восторгов, которыми друзья стремились поделиться с каждым встречным. Проректор был уверен, что над ним издеваются, поскольку перед каждой пятницей он получал прошения Гайды и Настоящего на поездку в Третьяковку или музей им.Пушкина. Не подписывать прошения Траян не мог, так как пятница была свободным днем у пятикурсников, предназначенным для написания диплома, но поверить в то, что два семинариста каждую неделю ездят по музеям, он тоже не мог и однажды проверил их, собственной персоной приехав в Третьяковку. Проректор нашел своих студентов в первом зале картин Серова: Настоящий стоял напротив «Девочки с персиками» и жевал персик, а Гайда убеждал смотрительницу, что его друг - известный молодой художник, ищущий в персике и Серове вдохновения. Отец Траян остановил эту комедию и взял объяснительные, но перед следующей пятницей ему на подпись принесли новые прошения.

На исходе января Гайда с Настоящим поняли, что знают о живописи все, и решили определяться со своими окончательными предпочтениями. Этими предпочтениями оказались Рублев и Ренуар. С Ренуаром все было просто - никто о нем в семинарской среде не знал больше них, они чувствовали себя хозяевами положения и занимались исключительно поучениями и снисходительными советами, как именно нужно смотреть импрессионистов. С Рублевым было сложнее, поскольку все мнили себя знатоками его творчества, прочитав пару статей о его «умозрении в красках». Настоящему и Гайде пришлось серьезно взяться за дело, чтобы показать самоуверенным полуобразованцам всю истинную красоту рублевских икон. Они задумали написать трактат о его «Троице», но никак не могли найти для этого свободного времени и свободной от своих друзей аудитории. Идея с изолятором была очень кстати, как бы не морщился по ее поводу Настоящий...

- Когда у тебя поднимается температура, - Гайда лежал на кровати и разговаривал с потолком, - когда у тебя поднимается температура, нужно читать Екклесиаста. Суета сует особенно актуальна при сорока градусах, но и при тридцати восьми тоже ничего. Настоящий, у тебя какая температура?

- Тридцать семь, - отозвался лениво Настоящий, ему хотелось спать. - У меня всегда тридцать семь.

- Это ужасно слышать, мой друг, ужасно... В тебе действует воспалительный процесс... Он неотвратимо приближает тебя к опытному постижению главного последствия грехопадения. К смерти, друг мой, к смерти. Нужно признать этот печальный факт и начать читать Екклесиаста. Суета сует и всяческая суета. Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он? А, Настоящий? Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться.

- Брат. Дай поспать.

- И нет ничего нового под солнцем!

- Иди в ЦАК.

- И нет памяти о прежнем!

- Лесом, иди в ЦАК лесом.

- Хватит дрыхнуть, послеобеденный сон вреден. Давай работать!

- Эх-х... Так ведь суета сует и всяческая суета.

Они уже шестой день находились в пустом изоляторе, придумывали в покое работу о «Троице» и пытались не заболеть.

- Будет три героя, - сказал Гайда.

- ...Почему три? - не сразу отреагировал засыпающий Настоящий.

- Потому что это будет триалог.

- ...А почему триалог?

- Потому что три героя, балбес!

- ...А-а-а...

Гайда, видя, что коллега по богословскому творчеству, несмотря на все его усилия, засыпает, поднялся с кровати и направился к висевшей на противоположной стене репродукции портрета Жанны Самари. Репродукция была в натуральную величину, они купили ее с месяц назад в музее им.Пушкина, чтобы демонстрировать своим однокурсникам невозможность передачи с помощью репродукции всей свежести письма Ренуара. Кроме того, актриса просто нравилась Настоящему, потому он притащил ее в изолятор и повесил напротив своей кровати.

Гайда встал на тумбочку, отклеил полоски скотча, которыми она крепилась к стене, взял ее в руки, повернулся к другу и крикнул:

- Настоящий!!! - Настоящий подпрыгнул на пружинящем матраце и уставился на Гайду. - Настоящий!!! Не сотвори себе кумира!!! - и с этими словами Гайда резким движением разодрал Жанну Самари надвое сверху донизу.

Настоящий был недвижим. Тогда Гайда начал рвать репродукцию на множество мелких кусочков, кидать себе под ноги и топтать их, выделывая дикие па африканских шаманов. Настоящий стал медленно оглядываться в поисках колюще-режущих предметов. Гайда спрыгнул с тумбочки и стал собирать в кучу обрывки Жанны Самари с выкриками: «На костер ее! На костер ведьму! Мы сожжем ее! Смерть, смерть! Пусть ветер развеет ее прах! Порождение преисподни, иди обратно в ад!» Настоящему попался на глаза утюг. Быстро оценив его достоинства, он схватил его и в порыве священной ярости бросился на вандала с намерением пролить его кровь...

В этот день Настоящий с Гайдой поработали очень плодотворно, они придумали фабулу триалога, героев и приблизительно нарисовали сюжет. Гайда сидел с ноутбуком, барабаня по клавиатуре, Настоящий сидел за столом, склеивая Жанну Самари скотчем; и они оба одновременно говорили, перебивая друг друга, цепляясь за обрывки фраз, позволяя пространные лирические отступления и попеременно называя себя гением, а друга - болваном. Наконец Гайда захлопнул ноутбук, вскочил и сказал, что на сегодня хватит, поскольку у него уже пальцы сводит судорогой. Настоящий аккуратно приподнял склеенную репродукцию.

- Знаешь, Настоящий, - Гайда подошел поближе, - а ведь ты прямо сейчас совершил переворот в живописи, ты импрессионизм смог превратить в кубизм. Была «Жанна Самари», а стали «Авиньонские девицы», ты гений. Жаль только, Пикассо уже проделал похожую штуку сто лет назад, иначе не миновать бы тебе мировой славы.

- Интересно, а если взять «Авиньонских девиц», разорвать, а потом склеить - получится что-нибудь толковое, типа импрессионизма?

- Надо попробовать.

- Надо, - Настоящий прикрепил репродукцию на прежнее место.

- Пойдем чай пить?

Парни пришли в столовую. До ужина было еще далеко, на сервировочной тележке стоял только поднос с булочками и заварочные чайники. За длинным столом у стены сидели две девушки и полушепотом разговаривали. «Угу», - быстро оценил ситуацию Гайда и стал к ним протискиваться между столом и стеной. Девушки замолчали. Зайдя к ним за спины и поставив между ними пустую кружку, ловко подхваченную по пути с подноса, Гайда вежливо спросил: «Вы позволите присоединиться к вам за чашкой чая?» Одна из девушек пересела на соседний стул, и Гайда плюхнулся на ее место.

- Ну? - начал он, попеременно разглядывая удивленных собеседниц.

- Его зовут Гайда, - пояснил Настоящий. Он прикатил с собой тележку с булочками и теперь на другой стороне стола устраивался пополдничать.

Девушкам очень хотелось переглянуться, прочитать в глазах подружки согласное желание уйти и уйти, но между ними находился Гайда и вертел головой. Поэтому они смотрели на Настоящего, который сидел напротив.

- Скажите, как вы относитесь к многоженству? - вкрадчиво поинтересовался Настоящий и, не дождавшись ответа, продолжил. - Просто у Гайды есть интересная теория, оправдывающая полигамию в православии, так что, если у вас есть желание...

- Желание чего? - перебила его одна из девушек, миниатюрная блондинка с короткой почти мальчишеской стрижкой, по которой парни сразу догадались, что перед ними иконописки. Регентшам запрещалось коротко стричь волосы, поскольку считалось, что все регентши станут в будущем благообразными женами священников. А иконописки - вольные птицы, художники.

- Желание выслушать, - ответил Гайда, ему больше понравилась вторая, что скромно и испуганно сидела от него слева. Несмотря на то, что находилась в изоляторе, она одевалась так, словно была приглашена на званый ужин.

- Не перебивай, - бросил Настоящий Гайде.

- Так ведь это моя теория! - возмутился тот.

- И что? Моисей тоже не сам говорил, за него говорил брат Аарон, потому что Моисей был гугнивым. Тебе кофе или чаю?

- Это намек?

- Это напиток.

Девушки не понимали, что происходит.

- Сам ты гугнивый! Слушай, Настоящий, ты зачем меня всегда унижаешь в присутствии незнакомых людей, а? Вот слушайте, - Гайда пытался обращаться к обеим девушкам сразу, - когда никого нет вокруг, он способен только лежать на кровати и плевать в потолок или спать. Тогда он просто паинька. Но стоит появиться зрителям, и он превращается в лицедея! Он начинает говорить и может делать это часами без перебоя. Ты - вампир, Настоящий, ты питаешься реакцией людей на свой эпатаж.

Настоящий слушал обличительную речь в свой адрес, поставив локти на стол и задумчиво размешивая сахар в чашке, держась за ложку двумя руками. Когда Гайда закончил, он достал ложку, облизал ее и, указав ею на товарища, сказал:

- Твой, твой эпатаж. Это ты придумал оправдание многоженства. Я питаюсь реакцией людей на твой эпатаж.

- Да, тем более.

Девушка, что сидела справа от Гайды, попыталась встать из-за стола:

- Мы, наверное, пойдем.

- Нет, что вы, вы никуда не пойдете, - Настоящему показалось, что сахару маловато, и он стал докладывать еще. - Правда, Гайда?

- Конечно, вы не пойдете никуда, о чем разговор, девчата? Мы же в больнице, нам всем плохо, мы должны поддерживать друг друга, помогать больным собратьям. Вы чего? Мы к вам с открытой, можно сказать, душой, а вы? Нам плохо, нам дурно, нам скучно, а вы отказываетесь помочь? Ну как же так?

Девушки уселись обратно. Настоящий отхлебнул чая, причмокнул от удовольствия и начал рассказывать, а Гайда пока заваривал себе кофе.

- Итак, что у нас говорит Гайда о многоженстве. Вначале он замечает, что Церковь признает несколько браков, как минимум три или четыре. По снисхождению, но все-таки признает. В отличие, например, от католиков, которые признают только один брак. Им для того, чтобы человека второй раз женить, нужно провести процедуру признания предыдущего брака «не бывшим», недействительным. А у нас не так, все браки считаются настоящими и действительными, и их может быть много. Сначала один, потом дру-

гой, потом третий... В общем, мы признаем многоженство, только растянутое, рассредоточенное во времени. «Но что такое время?» - патетически вопрошает Гайда. И отвечает, что с точки зрения вечности, а мы ведь на все должны смотреть именно с этой точки зрения, так вот, с точки зрения вечности, время - ничто. С точки зрения вечности нет разницы между вчера и завтра, прошедшим и будущим. Вся наша жизнь, если смотреть «оттуда», - это словно картина, которая сразу и вся целиком, у нее нет начала и конца, у нее есть только границы, а в этих границах она есть единое целое. Так же и наша жизнь. И если мы разрешаем в этой жизни несколько браков, пусть и раскиданных во времени, то мы разрешаем многоженство вообще, в принципе. Значит, мы просто признаем многоженство... и многомужество, кстати!

В этот момент отворилась дверь, и на кухню пролез Сковорода, держа в руке связку бананов. Настоящий мигом забыл о девушках и радостно кинулся к бананам. Сковорода бросил связку Гайде, но не очень точно - чтобы поймать ее, тому пришлось подпрыгнуть и почти целиком растянуться на столе. Чашки зазвенели и опрокинулись, струйки кофе вперемежку с чаем побежали со стола на пол. Девушки вскочили и бросились к выходу. Последнее, что они увидели, был Настоящий, одной рукой схвативший связку бананов, а второй - горло Гайды.

- А что потом? - спросил Пушко.

- А потом эта обезьяна сидела в углу и поедала бананы в одно лицо.

- Хорошие бананы? - Пушко на минутку пришел проведать друзей и уже второй час сидел в палате, слушая рассказ Гайды о злокозненном роке, столкнувшем его жизнь с Настоящим.

- Дело не в бананах, а во внимании, - Настоящий кутался в одеяло, он начинал заболевать. - Дело в добром сердце Леши Сковороды, который не пожалел своего времени, сходил в магазин и купил мне связку...

- Нам!

- Мне, в том-то и дело.

- Нам!!!

- Ты терпеть не можешь бананов.

- Я?!!

- Парни, к вам, похоже, еще гости, - Сережа услышал, как в коридоре кто-то объясняет медсестре, что пришел проведать больных.

Гайда схватил подушку и замахнулся. Когда дверь начала открываться, он метнул ее. Пролетев три метра, подушка врезалась в голову Никите Колудину, который от неожиданности не удержался на ногах и вывалился в коридор. Дверь закрылась, и наступила тишина. Никита не обиделся, он понял, что пришел по адресу. Он поднялся сам, поднял подушку и осторожно вновь открыл дверь - в него летела вторая подушка, Никита увернулся, он был готов. Парни хохотали.

- Ты кто? - спросил Настоящий.

- Я президент студенческого Совета.

- Ах, точно! Господин президент!

- Добро пожаловать в наш скорбный край лежащих в немощах!

- У меня к вам дело, - Никита положил подушку на ближайшую койку.

- Для президента мы готовы на все, - Сережа Пушко пододвинул ему стул.

- А ты не заразный? - поинтересовался Настоящий. - А то мы тут на спор лежим, что не заболеем.

- Да, я знаю. Нет, я здоров, - Никита присел и начал рассказывать.

Как он и предполагал, парни от его рассказа были в восторге. Они сразу объяснили ему, что в честном бою Траяна не одолеть, и потому нужна серьезная подготовка. Никита поинтересовался, почему серьезная подготовка противоречит идее честного боя, на что Настоящий ответил, что идее честного боя противоречит Траян. А подготовка будет заключатся в формировании групп поддержки, которые будут вести себя необходимым образом на суде. Группы сформирует и натренирует Пушко, а ребята пока будут писать сценарий. Гайда потребовал принести проповедь Утлого и привести его самого, а Настоящий потребовал связку бананов.

Никита принял условия. Подготовка к первому в истории духовных школ публичному процессу по отчислению семинариста началась.

КРАСНОРЕЧИЕ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Часть 4

«Никто не любит кардиналов, все любят королей, потому что короли добрые, а кардиналы отчисляют за любую провинность. Хотя нет, кардиналов любят короли... Потому что короли добрые», - отец Траян, рассматривая почти на автомате различные прошения студентов, думал о затее Студсовета по публичному отчислению Егора Утлова. Предложение президента было для него неожиданным, но он сразу понял, что ректор даст добро, потому согласился сам. Другого пути не было: Владыка последние несколько лет последовательно поддерживал развитие семинарской демократии, и идея отчислять на виду у всех не могла остаться без его благословения.

Владыка пытался вывести новый тип семинариста. Уверенного в себе, лишенного страха перед инспекцией, хозяина собственной судьбы. Траян делал вид, что категорически не приемлет стремлений ректора, но на самом деле ему было куда интереснее отчислять сложных студентов, нежели тех, кто сами бездумно лезли на рожон. Но покровительство Владыки некоторым идеям студентов было явно неуместным. Как можно отчислять публично? Разве непонятно, что отчислять нельзя всем вместе, что есть вопросы, которые следует решать только в одиночку. Приказ о смертной казни подписывается одним человеком, приказ о помиловании тоже. Отчисление из этого ряда, из ряда ответственных решений одного человека: проректора или ректора. Нет такого студента, которому нельзя было бы придумать оправдание и уберечь от изгнания из семинарии. Что же теперь, никого не отчислять? Отчислять нужно все равно ради общей здоровой атмосферы. В этом и состоит высокая трагедия послушания проректора - отчислять даже тогда, когда есть возможность этого не делать.

Зачем Владыка идет на поводу у студентов? Неужели он не догадывается, что они совсем не такие пушистые, как стараются выглядеть в его присутствии? Неужели он им поверил? Поверил, что они и есть семинаристы нового поколения. Он их просто не знает, у проректора никогда не было возможности доказать Владыке, что все семинаристы одинаково испорчены, просто некоторые еще не поймались на этом. Сколько бы представленных Траяном кандидатов на отчисление Владыка ни отправлял в свои родные епархии простым росчерком пера, про остальных он продолжал думать самым лучшим образом.

Траян не глядя поставил отказ на оставшихся четырех прошениях, встал из-за стола и начал ходить по кабинету, заложив руки за спину. На отчислении у него впервые будет шанс говорить со всеми студентами разом в присутствии Владыки. Этим нужно воспользоваться как раз для того, чтобы показать ректору, кто такие его студенты на самом деле. Доказать, что они ни на что не способны и в общем-то неплохую идею с публичным отчислением не могут поддержать из-за своей ограниченности, скудоумия и ненависти к инспекции. Нужна не просто победа, а победа оглушительная.

Траян подошел к столу, набрал номер старшего помощника и попросил незаметно вызвать к нему осведомителей - ему нужно было узнать, кто выступит на защиту Утлова.

Гайда с Настоящим восхищались собственной прозорливостью, благодаря которой так вовремя попали в изолятор - до них дошли слухи, что проректор ищет, словно разъяренный лев, возможных защитников Утлова, чтобы съесть их живьем. Не скажись они больными, каждый их шаг сейчас контролировался бы проректором, он не дал бы им спокойно подготовиться. За плохо заправленную кровать, за небрежную прическу, за двухсекундное опоздание на лекцию, за смех во время обеда, за любую мелочь их вызывали бы к Траяну и промывали бы там мозги. Конечно - никаких объяснительных, просто беседы об образе истинного пастыря и о христианском этикете, но эти беседы измотали бы их до полусмерти. А сейчас они были больными и свободными.

- Предводитель невидимых сил! - прокричал Настоящий при появлении в палате Пушко и начал громко аплодировать.

- Я вас ненавижу обоих, - ответил Пушко и начал выкладывать на кровать листки из папки. - С вашей подачи натаскиваю группы поддержки, как проклятый, устаю страшно. Идите сюда, лоботрясы.

Парни подошли к нему.

- Это план зала с вкраплениями наших выдрессированных людей. Пойдет? В ближней половине зала я раскидал их по одному, в середине по двое-трое, а кучей посадил на га-

лерке. Логика, думаю, понятна. Волна будет накатывать естественным образом с задних рядов к передним. И еще, задние ряды с некоторым опозданием будут поддерживать быструю реакцию сидящих спереди. Спереди самые лучшие кадры, сзади похуже. Все придут заранее и сядут согласно этому плану. Понятно?

- Говорил ли я тебе, что ты гений? - спросил Гайда.

- Вы только друг друга гениями величаете.

- Нет-нет. Ты гений тоже.

- Спасибо, порадовал. Дальше. Вы должны мне, скажем, к воскресенью дать подробный план выступления с указаниями, где и когда нам вступать. И как именно вступать, одобряя или возмущаясь. Мы все выучим и будем готовы.

- Говорил ли я тебе, что ты гений? - спросил Настоящий.

- Нет, только Гайда говорил.

- Не слушай дураков всяких, меня послушай - ты гений, Пушко.

- Верю. Теперь самое сложное. Это реакция по ходу на Траяна. Тут первыми реагируют те, кто в передних рядах, а за ними подтягиваются остальные. Мне нужен знак от вас. Его будут видеть спереди сидящие и по очереди начинать откликаться. Дайте мне знак, его сложнее всего отрабатывать, поскольку середина должна очень оперативно включаться на первые выкрики спереди, а галерка также оперативно на реакцию середины.

- Знаешь, Сережа, мы решили, что говорить будем по одному, так что другой всегда будет сидеть за столом и как раз отслеживать общую атмосферу, чтобы потом корректировать следующую речь. Заодно он может давать знаки твоим хлопцам, что думаешь?

- В самый раз. Как?

- Ну, если машет красным флагом - значит, пора возмущаться, если зеленым - аплодировать.

- Вам, отцы, смешно, а мои парни, к вашему сведению, страшно рискуют. Подумайте, что будет, если проректор поймет, как и кто его подставил.

- Ладно-ладно. Давай так... Если тот из нас, кто сидит за столом, держит руку у лица в кулаке - значит, нужно терпеть и эмоции не выказывать, но быть готовыми. А если рука у лица развернута в ладонь - то пора реагировать. А как реагировать, там ясно будет, за или против. М?

- Неплохо. Хорошо, то есть. Сделаем. Кулак и ладонь, отлично... Ну, все у меня. Больше нет вопросов. У вас-то как дела?

- Купи нам мороженого, а?

- Больным в изолятор?

- Ну, а что?

Как и обещал, Никита Колудин привел к Гайде и Настоящему Егора Утлова - главную тему всех семинарских разговоров и большую надежду студенчества. Ни для кого уже не было секретом, что защищать его будут ненормальные друзья-пятикурсники, потому заветного вторника ждали с нетерпением. Перед палатой Никита и Егор столкнулись с дежурной медсестрой, которая сказала, что никого больше пускать к больным не будет, поскольку с тех пор, как в изолятор поселились Настоящий с Гайдой, он превратился в проходной двор. Никита протолкнул Утлова вперед, а сам, представившись президентом студенческого Совета, стал длинно объяснять причину подобной суеты.

- Ну, отец, - Гайда смотрел на пришедшего Егора, - у тебя уже прошло?

- Что именно?

- Настроение сделать себе харакири, синдром третьекурсника.

- А, да, вроде бы.

- И хочется продолжать учиться?

- Да.

- Эх, плохо, - вздохнул Настоящий.

- Как это?

- А мы уж было решили, что ты возьмешь на себя подвиг мученичества и будешь отчислен, но скажешь при всех Траяну в лицо все то, что хочет сказать ему каждый искренний семинарист.

- Вы хотели, чтобы меня отчислили?!

- Мы и сейчас хотим.

- Подумай сам, - подхватил Гайда, - ты войдешь в историю Русской Православной Церкви! О тебе потом книжки напишут и кандидатские будут защищать, в Православной энциклопедии обязательно будет о тебе статья, на экзаменах вопросом о тебе будут за-

валивать нерадивых семинаристов. Каково?

- Да что я сделал?

- Пока ничего, твоя правда, - ответил Настоящий. - Но ведь у тебя сейчас есть шанс, которым нельзя не воспользоваться.

- Грех не воспользоваться, - добавил Гайда. - Вселенная замерла в ожидании твоего поступка. Прямо сейчас выбирается путь, по которому пойдет человечество.

- Участь мира в твоих руках, - патетически добавил Настоящий и склонил голову перед человеком, который должен был решить судьбу бытия. Гайда последовал его примеру, и наступила тишина. Егор не представлял, что делать. Настоящий, не поднимая головы, попытался посмотреть на него, потом вопрошающе кивнул Гайде, тот поднял брови в недоумении.

- О, нет, - прошептал Настоящий.

- Конец всему, - сокрушенно согласился Гайда.

- Нет смысла жить, ушла надежда, - убитый горем Настоящий всхлипнул, поднял голову, укоризненно глянул на Егора и повалился на кровать. - Разбудите меня, когда все закончится.

- Что закончится? - вконец испугался Егор.

- Все, - и Настоящий закрыл голову подушкой.

- Я ничего не пропустил? - в палату наконец-то забежал Никита. - А? Познакомились?

- Ага, - кивнул Гайда и сел на стул.

- Мы как раз успели выяснить наши стартовые позиции, - приподнял подушку Настоящий и глянул из-под нее на президента. - Они нас устраивают, и мы готовы работать. Где текст проповеди?

Утлов достал из кармана листок и протянул его Гайде. Тот сразу стал читать вслух, причем делал это вызывающе медленно, смакуя каждое слово, а иногда и по нескольку раз. Никита ободряюще похлопал Егора по плечу и предложил сесть. Гайда дотянул до конца, пробурчал что-то наподобие «все, кажется, ну точно все, кошмар, ага» и начал читать заново, на этот раз быстрее. В третий раз он прочитал с нормальной скоростью.

- Чего-то длинно и как-то путано, - Настоящий заставил себя приподняться на кровати. - Как будто по нескольку раз одно и то же. Нет?

- Это я повторял просто.

- А!

- Бэ!

- Отличная проповедь, брат ты мой! Там обедать не пора?

Гайда посмотрел на часы:

- Ого, точно пора.

- Наконец-то!

И они сорвались в столовую, оставив президента студенческого Совета успокаивать не на шутку взволнованного Егора, объясняя, что только что он был свидетелем блестящего разбора его проповеди и начала формирования гениально продуманной защитительной речи, которая спасет его от рук Траяна.

Отец проректор выяснил, что защитниками выступят Гайда с Настоящим. Также он смог узнать, что Пушко тренирует группы поддержки, которые будут заводить зал в нужных местах. Проректор был доволен - все будет по-взрослому. Никакой пощады. Студенты хотят войны, они ее получат. Но поскольку перед любой войной происходит обмен официальными объявлениями о ее начале, отец игумен решил нанести своим будущим оппонентам необходимый для этого последний дипломатический визит вежливости.

- О-оу! - сказал Настоящий так, словно ненароком сел на собственные очки. Он увидел Траяна, входящего в палату как раз тогда, когда они с Гайдой спорили о завершении своего «Триалога о Троице Рублева», используя в качестве аргументов два последних целых стула. Прочие стулья были сложены под кроватью у окна.

- Отец Траян! - воскликнул Гайда, поворачиваясь к двери.

Траян молча прошел и собирался сесть за стол, когда понял, что сесть не на что. Настоящий опустил свой стул на пол и пододвинул его проректору. Тот даже не поблагодарил.

- Чем занимаетесь, господа?

- Пишем богословский трактат об иконописи, - не моргнув глазом, ответил Гайда.

- Получается?

- С переменным успехом, - осторожно сказал Настоящий.

- Наверное, - предположил проректор, - изолятор лучшее место для подобной работы; ни послушаний, ни лекций, ни обязательных богослужений, никто не отвлекает... Кстати, а чем вы приболели, господа?

- Миалгический энцефаломиелит, - с безнадежностью в голосе ответил Настоящий.

- Вот как, - Траян сочувственно покачал головой.

- Но мы почти уже совсем здоровы, - Гайда понял, что настало время искренности, - и на следующей неделе нас обещали выписать. Отличные у нас врачи, батюшка.

- На публичное отчисление собираетесь, нет?

- Да. Мы там вообще будем защитниками.

- Неужто, - Траян и не думал притворяться, будто не знал этого. - Какое совпадение. А я собираюсь выступать на стороне обвинения. Не страшно против проректора выступать?

- Мы думаем, батюшка, - скромно потупив взор, ответил Настоящий, - что мы все вместе выступаем на одной стороне. На стороне истины.

- Замечательно, - живо отозвался игумен. - Именно такого ответа я и ожидал. Хорошо, что вы это понимаете. От себя могу сразу сказать, что никакой личной неприязни у меня по отношению к вам нет, и никаким репрессиям вы подвергаться не будете, а то, знаете ли, поползли по семинарии всякие слухи... Вы сейчас болеете, общение у вас ограничено, можете и не знать. Но говорят, будто те, кто выступят против меня, и двух недель после процесса не отучатся, будто я чуть ли не на Библии поклялся, что сгною их и со света белого сживу. Но все это слухи, не верьте им. Кроме того, если публичное отчисление понравится Владыке, то и вас, в случае чего, будут отчислять публично, так что выступите в свою защиту. И победите. Вы же не сомневаетесь в собственной победе, правда?

- Лучше нас, к сожалению, никого нет, - с напускной серьезностью ответил Гайда.

- Лучше меня, к сожалению, тоже, - отозвался проректор. - Осталось в очном споре выяснить, кто лучше из нас двоих.

- Троих, - Настоящий приподнял руку, словно хотел, чтобы его заметили.

- Да-да, - отец Траян встал, - выздоравливайте.

Парни поклонились. Проректор ушел. Когда дверь закрылась, Настоящий повалился на кровать, а Гайда спросил:

- Что это было?

- Он нас боится, вот что.

- Тебе показалось?

- Конечно. Мы раздавим его, как букашку.

Гайда постоял немного в задумчивости и поднял свой стул за спинку. Настоящий оскалился и мигом сиганул к своему.

В воскресенье Никита Колудин пошел в изолятор к Настоящему и Гайде проверить, как движется подготовка. До вторника было рукой подать, а его защитники нисколько не волновались, и даже не было похоже, чтобы они работали. Никита не выдержал и решил на этот раз выяснить в деталях, что готово, а что нет, и как все будет происходить. Он застал друзей напряженно сидящими на кроватях и держащими в руках столовые ложки.

- Все нормально? - деликатно поинтересовался Никита.

- Греем мороженое, - Гайда кивнул в сторону окна. Там, на батарее, стояли два пластмассовых ведерка.

- Ага, понимаю, - ответил Никита. - Вы еще не выиграли спор, вам нельзя простудиться... А как наша подготовка? Заготовки уже есть?

- О, да, - Гайда сходил за мороженым, парни взяли по бидончику и начали с радостными оханиями и причмокиваниями уплетать его. - Это будет фарс с элементами трагикомедии, наполненный черным юмором и внезапными разоблачениями.

Дав такое определение, Гайда принялся облизывал ложку высунутым языком.

- И еще там будут элементы ромкома, - сказал Настоящий своему ведерку.

- Чего? - Никита сказал так, будто ни трагикомедия, ни черный юмор его не испугали, а вот ромком...

- Ромкома - романтической комедии.

- В вашей защитительной речи?

- В нашем перфомансе! - воскликнул Гайда.

- Это будет не просто речь! - воскликнул Настоящий.

- Это будет событие!
- Явление!
- Бомба!
- Смерч!
- Это будет начало новой эры.
- Нового мира... Мы покажем студентам то, что хотела скрыть инспекция, покажем им мир без нее, мир без диктата и запретов, мир без границ, мир, где возможно все. Что будет дальше - решать нам.
- Ложки нет, - сказал Гайда, поднял ложку и начал с усилием таращиться на нее.
- Ложки нет, - согласился Настоящий и стал гнуть ее о спинку кровати.

Никита понял, что их понесло, и ушел. У колокольни он повстречал однокурсника и рассказал ему о сумасшедших друзьях в изоляторе. Тот, смеясь, объяснил ему, что ложка, которой нет, взята из фильма «Матрица». Никита нашел диск и после отбоя, подменив вахтера, посмотрел «Матрицу» на ноутбуке. Когда пошли финальные титры, он глубоко задумался, потом сильно испугался и не спал всю ночь. Он понял, что все пропало.

КРАСНОРЕЧИЕ ИГУМЕНА ТРАЯНА

Часть 5

Гайда с Настоящим стояли в вестибюле актового зала.
- Ну же, ну же, - твердил Настоящий, - сколько времени?
- Еще десять минут.
- А-а-а... Десять минут, как мало, как мало. Слушай, я не смогу выступать, не увидев. Я так долго ждал!

В зал спешили семинаристы, некоторые из них приветствовали Гайду с Настоящим, но в вестибюле никто не задерживался, торопясь занять свободные места, которых стремительно убывало.
- Да они просто издеваются над нами! - воскликнул Настоящий. - Где же они?!

Гайда вытянул руку:
- Вот!

В коридоре показалась дружная группа улыбающихся семинаристов. У всех у них на ногах красовались синие больничные бахилы, надетые поверх ботинок. Настоящий начал хохотать, сгибаясь в три погибели. Гайда посмотрел на часы, охнул и поволок друга в зал. Они успели сесть на свои места за полминуты до прихода Владыки с Траяном. Парней в бахилах остановил перед дверьми дежурный помощник, Настоящий вытягивал голову, пытаясь разглядеть, что происходит, но ректор повернулся к большой иконе Спаса Нерукотворного, зал встал и начал молиться. После молитв ребят в бахилах уже не было у двери. Настоящий начал пихать Гайду в бок и шептать: «Ты видел?! Нет, ты видел, а? Умора...»

Гайда оценивал обстановку. Зал был полон до отказа, пришли все. Людей Пушко они видели за сорок минут до начала слушаний, те расселись по своим местам и выглядели уверенными в себе, за них можно было не беспокоиться. Не беспокоиться можно было и за Утлова, но не потому, что он был в порядке (за последнюю неделю он совершенно расклеился), а потому, что право говорить ему никто не собирался предоставлять. Была бы воля ребят, они вообще не пустили бы его в зал, но Владыка настоял. Теперь Егор сидел на сцене за одним столом с ректором и мелко дрожал, вглядываясь в огромную толпу черных кителей и подрясников перед собой. По правую руку от Владыки за отдельным столом сидел отец Траян, перед ним лежали кроваво-красные четки и больше ничего. Напротив проректора, по левую руку от Владыки, сидели защитники, их стол был завален бумагами, и еще на нем стояли несколько бутылок минеральной воды. Гайда подумал, что Траян может решить, что они собрали к себе всю воду с соседних столов, но на самом деле они принесли ее с собой.

Ректор встал и, кратко поприветствовав собравшихся, напомнил всем, зачем они здесь собрались, призвал к спокойному и вдумчивому диалогу, повторил, что у каждой из сторон есть по три речи, причем после второй речи обвинения будет устроен краткий перерыв. После чего жестом пригласил говорить Траяна, а сам сел. Поднявшегося проректора зал встретил легким гулом. Настоящий с Гайдой схватились за карандаши и враз стали серьезными.
- Ваше Высокопреосвященство, отцы и братья, - начал Траян. - Я надеюсь, что сегодня

мы услышим и поймем друг друга. Я верю в то, что какое бы решение мы сегодня ни приняли, оно будет нашим общим решением и пойдет на пользу духовной школе.

После этих слов Траян сел на свое место. Все молчали. Ректор вопросительно глянул на Траяна. «Я закончил», - ответил тот. Владыка удивленно-утвердительно кивнул и перевел взгляд на Настоящего с Гайдой. Те были огорошены. «Придумай что-нибудь», - написал на листке Гайда и пошел говорить первую речь от защиты. Настоящий нервно схватил бутылку с минералкой и залпом выпил половину прямо из горла. Гайда вышел на авансцену. Зал взорвался аплодисментами, перешедшими в мощную овацию. Настоящий схватился за голову - после спокойной и убийственно короткой речи проректора подобная реакция была откровенно странной. Гайда поднял правую руку, шум постепенно угас.

- Ваше Высокопреосвященство, - обратился Гайда с поклоном к Владыке. - Ваше Высокопреподобие, - Гайда поклонился Траяну и снова повернулся к залу. - Дорогие мои братья!!!

Зал снова взорвался аплодисментами. Настоящий посмотрел на проректора, который начал перебирать лежащие на столе четки. Настоящий понял, что проректор знает о Пушко и его команде. Настоящему стало не по себе.

Гайда был превосходен. Он говорил о том, что каждый имеет право на ошибку. Друзья решили, что это будет темой их первого выступления - каждый ошибается, никто не без греха, даже святые падали. «Были ли безгрешны святые? Нет! Всегда ли праведно жили священнослужители? Нет! Миряне? Нет! - вопрошал у аудитории Гайда. - Может быть, монахи?» «Нет!» - кричали ему в ответ. «Епископы?» - «Нет!» «Был ли хоть кто-нибудь, кто смог ни разу не ошибиться?» - «Нет!» «Прожить без греха?» - «Нет!» «Без проступка?» - «Нет!» «Без падения?» - «Нет!»

- Дайте нам возможность покаяться, возможность исправиться, и мы сделаем это! Покажите будущему пастырю пример прощения, но не пример наказания, и потом он всех научит прощению. Отчисление не исправит человека, отчисление лишает человека возможности исправления, но в этом ли цель духовной школы? Кому нужны отчисления? Инспекции? - но ее задачей являются выпускники, а не отчисленные. Студентам? - но скоропалительные отчисления только озлобляют нас и делают скованными в каждом своем движении. Может быть, самому отчисленному? - но разве грех не несет сам в себе уже достаточного наказания? Христос не осудил даже предавшего Его, и Иуда до последнего оставался апостолом, а разве наши студенты предают Бога? Мы все вместе - семья, студенты готовы видеть в инспекции старших и более опытных собратьев, но и инспекция пусть не выгоняет нас на улицу за каждую оплошность. Ученику музыкальной школы не отрубают палец за неправильно нажатую клавишу фортепиано, отец не отправляет своего сына в приемный дом за разбитую вазу. Любое воспитание предполагает свободу в совершении ошибок, но у семинаристов почему-то этой свободы нет.

Зал аплодировал стоя.

- «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь». Так Евангелие говорит поступать с согрешившим против тебя, но почему-то согрешившего против распорядков семинарии мы сразу готовы объявить язычником и мытарем. Как странно, что именно в духовной школе мне сейчас приходится говорить об опыте прощения и необходимости его! Как будто кто-то из здесь присутствующих не знает...

И Гайда бросился в историю, начав с отрекшегося апостола Петра объяснять очевидную пользу покаяния. Настоящий же пока пытался сосредоточиться на странном поведении Траяна. Почему тот отказался от первой речи? Да еще и притом, что он, видимо, знал о шоу, которое приготовили защитники. Зал в очередной раз взорвался аплодисментами, и Настоящий заткнул уши пальцами, чтобы не отвлекаться от своих мыслей. Что-то рановато зал так разбушевался, надо сказать Пушко, чтобы он попридержал коней... Проиграть проректор не хочет, это было бы совсем диковинно. Настоящий посмотрел на Траяна и покачал головой, нет, тот не выглядел человеком, согласным с поражением. Что-то другое. Как можно выиграть, не говоря ничего? Можно заранее договориться с Владыкой и устроить эдакую показуху, позволить студентам пошуметь, а потом назло им отчислить. Но так можно было поступить только в том случае, если не знаешь, что адвокаты Утлова придумали завести народ до такой степени, чтобы те просто на час-

ти разорвали того, кто рискнул бы им в лицо сказать «отчислен». Чтобы этого не случилось, нужно как раз самому говорить ничуть не хуже, чтобы у Владыки было пространство для маневра. Траян знал об их планах, но в красноречии соревноваться не собирался, значит, этот вариант он не рассматривал.

- Неужели тех, кто отчисляет, никто никогда не прощал? - донеслись до Настоящего слова Гайды, снова потонувшие в выкриках и аплодисментах.

Если Траян отказался от подковерной борьбы и не собирается спорить в открытую, то что? Как можно их победить, ведь проповедь Егора совершенно пустяковая, и отчислить на ее основании ну никак нельзя. «Ой-ой-ой, - не вынимая пальцев из ушей, вслух сказал Настоящий и посмотрел на Утлова. - Какие мы глупцы!» Как можно было поверить в то, что Траян будет отчислять за эту одну проповедь! Есть что-то еще, обязательно есть и что-то страшное. Настоящий продолжал смотреть на Егора, тот был испуган и взволнован. Совершенно точно есть что-то страшное, о чем нам не сказал ни Утлов, ни Колудин, хотя Колудин мог и не знать. Какими дураками мы будем выглядеть, когда после наших патетичных речей встанет проректор, скажет пару сухих слов, и всем-всем-всем будет понятно, что этого лицемера Егора Утлова нужно отчислять. Ну, мы попали! Как можно было так вляпаться, почему мы сразу поверили, что отчисление из-за проповеди? Какой кошмар!

- Давайте устроим прецедент! - Гайда заканчивал говорить. - И посмотрим, что будет. Все когда-то случается впервые, пусть Егор Утлов не будет очередным отчисленным, а будет первым исправившимся!

Гайда сел на место, а зал еще долго не мог успокоиться. «Ну? - спросил Гайда. - Вот сейчас бы прямо решить, отчислять или нет. Смотри на них, они готовы с мест повскакивать!» Настоящий протянул ему листок: «Боюсь, Траян не будет спорить, а в последней речи озвучит жуткий компромат на нашего подзащитного, того заслуженно выгонят, и мы будем сидеть в луже со всеми нашими речами. А еще Траян знает про Пушко». Гайда быстро глянул на товарища, потом на проректора и потом уставился на Утлова, его радостное возбуждение как рукой сняло.

Владыка наконец почти полностью успокоил студентов и кивнул Траяну. Тот медленно поднялся. Гайда напрягся. «Если я прав, - шепнул Настоящий, - он обязательно даст нам выговориться, чтобы тем смешнее выглядели и Егор, и мы».

- Мне кажется, - сказал Траян, - что после продолжительного, блестящего и очень эмоционального выступления защиты нам следует уйти на перерыв. Чтобы отдохнуть и привести мысли в порядок. Свои соображения я выскажу в моей последней речи. Спасибо.

Владыка встал и направился к выходу, проректор пошел за ним, а зал снова начал аплодировать и кричать, просто не заметив краткого слова Траяна. Все были под впечатлением защитительной речи. Егор Утлов попытался встать и куда-то пойти, но его под локти схватили Настоящий с Гайдой и повели за кулисы. Там на них налетел радостный Никита Колудин:

- Это было потрясающе! Отцы! Это было потрясающе, зал весь ваш, ректору некуда будет деться! Мы победили!

- Победили мы или нет, знает только один человек, - мрачно ответил Настоящий.

- Да-да, это Владыка, но разве он рискнет пойти против такого зала и...

- Настоящий говорит не про Владыку, - перебил Гайда.

- Да? - до Никиты дошло, что парни нисколько не резонируют с его собственным настроением.

- Егор, - сказал Гайда, - сейчас самое время сознаться.

- В чем? - тот был сильно удивлен поведением своих защитников.

- Откуда мы знаем, в чем?! У проректора на тебя компромат! И он держит его до последнего, чтобы выставить нас в дураках и поиздеваться над всеми студентами, которые до сих пор, ты слышишь, аплодируют и считают тебя героем. Чего ты наделал, кроме своей проповеди, а?

- Да ничего я не наделал!

- Не лги, брат! Брат! Траян сейчас всем все расскажет, что тогда ты будешь делать?

- Да не было ничего!

Парни переглянулись.

- Точно?

- Точно! Мне на Библии вам клясться, что ли?

Настоящий снял очки и начал тереть переносицу, Гайда схватил себя за волосы:

- Тогда мы вообще пропали.

Колудин только собрался спросить, что происходит, как к ним прибежал взволнованный Пушко. Настоящий воскликнул:

- Сережа! Спасай нас! Мы не знаем, что происходит!

- Я тоже, - ответил Пушко, - я не контролирую зал.

- Что?!

- А вы не видите? Они ж будто с цепи сорвались!

- Мы думали, что это ты.

- Ничего не я, мы же репетировали с вами, все должно было быть гораздо скромнее, только на последней речи планировалось то, что там уже сейчас. Я даже пытался успокоить их, разослал всем своим людям сообщения на телефоны, чтобы сдерживали эмоции, но ничего не помогает. И знаете, почему?

- Ну?

- В зале, помимо нашей группы поддержки, еще есть группа поддержки Траяна...

Парни молчали. Раздался звонок, возвещающий о начале второй части публичных отчислений. Пушко закончил мысль:

- Из числа траяновых осведомителей, я думаю. И хоть убейте меня, но я не понимаю, почему эти люди помогают моим людям. Но они помогают, и именно они так завели публику! Что это все значит, а? И что делать? Впрочем, я уже ничего поделать не могу. Зал как будто ваш, отцы, но он неуправляем. Даже не знаю, что вам посоветовать. Что-то странное происходит.

Вторая часть публичного отчисления начиналась со второй речи защиты, ее готовился говорить Настоящий, но теперь он не знал, как быть. Проректор почему-то поддерживал их. Не говорить же теперь против Егора? Времени на обдумывание не было, и Настоящий аккуратно начал заранее подготовленное выступление, посвященное уже не отвлеченным понятиям греха и исправления, а конкретному делу Егора Утлова - его проповеди. Зал немного остыл, Настоящий старался говорить не эмоционально. Без особых всплесков студенческого волнения он смог добраться до тезиса своей речи: «В проповеди Егора нет нарушения семинарских устоев, а есть тяжело давшееся преодоление обстоятельств, подталкивающих к этому нарушению». Обрадовавшись тишине в зале, Настоящий решил, что студенты стали вслушиваться и думать, вместо того чтобы кричать. Он понял, что выбрал правильную слегка деловую интонацию, хотя ему было очень сложно сдерживаться. Настоящий набрал воздуха в легкие, чтобы продолжать дальше, как кто-то из средних рядов выкрикнул: «Верно!» - и зал забился в истерике.

Настоящий повернулся к Гайде, тот показывал руками: «Сокращай, сокращай!» Если студенты уже находятся в таком состоянии, к какому они хотели их подвести, чтобы ректор не мог на виду у всех отчислить треклятого Утлова, то незачем говорить много. Главным своим аргументом Гайда с Настоящим считали эмоции зала, а не логические построения в своих выступлениях. Эмоции зала бьют через край, значит, можно сокращать. Настоящий продолжил:

- Все мы знаем о «синдроме третьекурсника» (одобрительные выкрики из зала), когда спустя два года обучения в духовной школе студента посещает искушение оставить семинарию, поскольку ему все в ней приелось (многочисленные выкрики и смех). Иногда это настроение выливается в прямой протест по отношению к инспекции (овация), но лучше, когда студент борется с искушением молитвой и покаянием. Именно покаянием, публичным покаянием была речь Егора (аплодисменты), и именно молитвой о семинарии он закончил свою проповедь (продолжительные аплодисменты). Проповедь Егора Утлова - это поступок искреннего христианина, которым мы все должны гордиться.

Восторг зала достиг экстатических значений, совершенно несоответствующих тому плоскому пафосу, с которым пытался говорил Настоящий.

Он вернулся к столу и сел. «Молодчина», - крикнул на ухо товарищу Гайда, пытаясь перекричать зал. «А толку? - ответил Настоящий. - Все равно они буйствуют, как ненормальные, а какая отличная речь пропала». «Речь твою мы выпустим отдельной книжкой, - возразил Гайда, - а сейчас зато поглядим, как против такой дикой толпы выступит Траян». Они повернули головы к проректору, тот, кажется, вовсе и не собирался говорить, спокойно сидя за столом.

«Как грустно побеждать, - думал игумен Траян, - как, оказывается, грустно побеждать». И как грустно обманываться в силе своего противника. Игумен долго ждал достойного соперника, много лет, и этот соперник, как ему казалось, благодаря поддержке Владыки наконец-то появился. Ректор воспитывал в студентах свободу, и они почти ста-

ли свободными, научились не бояться, научились уважать себя, с нынешними студентами почти удавалось общаться на равных. Почти. Но сегодня они опять превратились в обычное мычащее стадо, послушное воле проректора. И неважно, что уже завтра они поймут, как их обвели вокруг пальца, - тот, кто вместе со всеми однажды мычал, никогда больше не сможет гордо держать голову. Он не сможет уважать себя, а проректор не сможет уважать его. И снова придется ждать, когда народится новая порода семинариста. «Я устал побеждать, - думал Траян. - Но эти не достойны ничего другого, кроме как быть побежденными. Жаль».

Зал шумел долго и прекращать не собирался. Траян резко встал и стремительно вышел на авансцену. Семинаристы от неожиданности притихли.

- Посмотрите на себя! - начал проректор. - Посмотрите на себя! «Дайте нам возможность покаяться, и мы сделаем это», - говорила защита. Где те люди, которые готовы к покаянию? Я не вижу их в этом зале! Ну же, посмотрите вокруг себя, оглянитесь, кто тут просил предоставить ему возможность покаяться? Это просто смешно! О чем вы говорили? Был ли хоть один аргумент в защитительных речах? Нет! Общие места и подъемный пафос не заменят здравых рассуждений, но зато смогут завести толпу. И это произошло с вами! Вас превратили в толпу!

«Неправда!» - послышалось из зала, и он моментом ожил. Только несколько минут в креслах сидели отдельные семинаристы, но теперь зал снова стал единым целым и начал волноваться.

- Неправда?! - отреагировал Траян. - «Синдром третьекурсника» - это всего лишь опыт церковного взросления. Семинария тут ни при чем! Любой человек, если хочет жить в Церкви, должен пройти через подобное. И вам, если не пережили это состояние еще до семинарии, лучше пережить его сейчас, чем после рукоположения. А если нет сил, то лучше уйти из духовной школы и стать мирянином, чем, сидя за партой, превращаться в хладнокровного циника, требующего возможностей для покаяния!

Зал оскорблено взвыл. Гайда нарисовал на листке Настоящего огромный знак вопроса, тот в ответ растерянно пожал плечами.

- Вы даже не дали слова Егору Утлову! - продолжал проректор. - Вы не дали возможности высказаться человеку, которого защищаете. Знаете, почему? Потому что вам наплевать на него! Он для вас всего лишь способ отстаивать собственные интересы. Удобный предлог покритиковать администрацию, покричать в лицо ректора. Егор! посмотрите в зал, вы этого ожидали от своих братьев, такой реакции, такой защиты?!

Семинаристы стали наперебой выкрикивать что-то, но что именно, было понять невозможно, поскольку все слилось в единый сумасшедший шум.

- Мы работаем на вас четвертое столетие! - каким-то образом заглушил всех голос Траяна. - Преподаватели и инспекция создали для вас этот учебный центр, но что сделали вы? Вы только считаете себя умнее нас?! Вы только считаете нас глупцами? Вам предоставили отличные условия для жизни и учебы! Какой еще вуз предлагает бесплатное жилье, одежду, еду и лечение? Какой еще вуз в России предлагает классическое гуманитарное образование? Какая еще семинария предлагает возможность каждодневно бывать у преподобного Сергия? Вы беситесь с жиру, господа! Хватит!

Зал свирепствовал. Настоящий кричал на ухо Гайде: «Он же провоцирует их! Зачем?!» Отец Траян подошел к кафедре и взял в руки микрофон, только так он смог продолжить говорить в диком гаме актового зала.

- Научитесь наконец-то быть взрослыми! Вы, словно дети, жалуетесь, что не виноваты в своей ненависти к инспекции, что это она сделала вас такими! Во всем виновата инспекция! И если она сделала вас такими, то давайте уничтожим ее, да?! Побойтесь Бога, если не слышите голоса собственной совести!!

Ни голос совести, ни чей-нибудь другой голос расслышать стало невозможно. Задние ряды повскакивали с мест и начали размахивать руками. Шум был такой, что слышен был, наверное, даже за пределами Лавры. Отец Траян опустил микрофон и неподвижно стоял на сцене, будто готовясь к тому, что семинаристы кинутся и разорвут его в клочья. Настоящий заткнул уши, Гайда написал ему на листке: «Мы будем говорить третью речь?» - и получил ответ: «Не думаю». Гайда стал открывать бутылку минералки, замер, пихнул Настоящего в бок и кивнул в сторону Владыки.

Владыка печально вздыхал, сидя за столом, и грустными глазами смотрел на безумствующую толпу семинаристов, которые махали руками, топали ногами, кричали и шумели. Это было море, неконтролируемое море низменных инстинктов, море ненависти к инспекции, темное коллективное бессознательное, желающее уничтожить все высо-

кое и даже все живое. «Тоска, - думал ректор. - Опять отец Траян оказался прав. Не получилось из моих студентов вольных людей. Свобода им не по плечу, они скатываются в революцию... Ловко же их подставил Траян с этим публичным отчислением! Наверное, президент студенческого Совета уже завтра прибежит и будет извиняться за поведение своих собратьев, а толку? Из-за сегодняшнего бедлама демократические начала, как ни крути, придется свернуть. И Студсовет заодно... Какой позор».

«Он натренировал своих осведомителей, - быстро писал на листке Гайда, поскольку говорить не было никакой возможности, - чтобы они поддерживали Пушко. Ему неважен был Утлов. Он играл по-крупному, он играл на Владыку. И Владыка теперь поддержит все его репрессивные меры». «Но мы, - ответил ему Настоящий, - по крайней мере отстояли Утлова, не отчислит же его ректор?» «Нет, не отчислит. Мы выиграли битву, но проиграли войну». «Нельзя проиграть, не играя. Это была не наша игра. Мы готовились к битве, и мы победили! Тост! - написал Настоящий. - За выигранную битву!» - и поднял бутылку с минералкой. «И пусть погибнет семинарский мир!!!» - прокричал во всю глотку Гайда и поднял свою бутылку.

Отец Траян стоял на сцене и не видел, как за его спиной чокнулись пластиковыми бутылками Гайда с Настоящим, он не видел, как умирал со страху ни в чем не повинный несчастный Егор и как грустил Владыка ректор. Большой черной фигурой отец Траян стоял у края сцены и смотрел, как у его ног бушевали одураченные им семинаристы.

Приложение

ТРИАЛОГ О «ТРОИЦЕ» РУБЛЕВА

В трех отрывках

Действующие лица:
Б о л ь ш о й - семинарист со славным прошлым
Б л о н д и н - семинарист с неопределенным будущим
Б о л т у н - семинарист после ночной вахты

«Кто я такой, как вы думаете?» - «Не знаю, семинарист, должно быть»,- сказала она небрежно. Он засмеялся. «Почему вы думаете?» - «Они неопрятны, бедно одеты, всегда голодны... Пойдите на кухню, я велю вас накормить». - «Покорно благодарю. Кроме этого, вы ничего другого в семинаристах не заметили?» - «Я ни с одним не знакома и мало видела их. Они такие неотесанные, говорят смешно...»
И.А.Гончаров. Обрыв.

Отрывок первый. В электричке

Б л о н д и н. Религиозный фанатизм...
Б о л т у н. М-м-м...
Б л о н д и н. Религиозный фанатизм.
Б о л т у н. М-м-м...
Б о л ь ш о й. Смотри, он заснул.
Б л о н д и н. Религиозный фанатизм!!!
Б о л т у н. Что?!

Б л о н д и н. Я связался с религиозными фанатиками! Вот что. Ехать из Сергиева Посада в Третьяковку для того, чтобы посмотреть одну-единственную икону. Отцы, ведь в этом есть что-то маниакальное: потратить день, потратить сотню туда, сотню обратно, полсотни за вход и сотню на обед ради единственной «Троицы» Рублева!! Ладно еще, я пойму людей, устраивающих такой подвиг, чтоб посмотреть всю Третьяковку, но вы хотите пройти мимо Поленова, мимо Левитана, мимо Васнецова, Серова, Репина, даже не взглянуть на «Демона» Врубеля, а сразу и только к «Троице»! Да на два-три часа?!! С кем я связался...

Б о л т у н. О-ой... Сколько пафоса. Может, поведаешь миру, чем тебе так «Троица» не угодила?

Б л о н д и н. Почему не угодила. Но давайте после нее хоть «Девочку с персиками» посмотрим, что ли.

Б о л ь ш о й. Нет уж. Все будет рафинировано, никаких девочек, ничего, кроме «Троицы». Не бойся, я научу тебя любить русскую икону. Поверь, ты еще у меня научишься ценить доказательство бытия Бога по Флоренскому. Помнишь? Если есть «Троица» Рублева...

Б л о н д и н. ...значит, Бог существует. Все помню, все знаю. Даже то, что эта икона удобна не только для доказательства бытия Бога. Протестантам, например, она сгодилась бы для нападок на наше иконопочитание.

Б о л ь ш о й. Вот еще.

Б л о н д и н. Да; ведь согласитесь, «Троица» настолько нестандартна, что подпадает под их антииконные выпады. Вот, смотрите, скажут они: «не делай себе кумира и никакого изображения... потому что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь... не поклоняйся им...» (Исх.20,4. Втор.4,15. Исх.20,5) Во-первых, ответить, что, мол, это всего лишь иллюстрация на известное место Библии, созданная не для поклонения, а лишь для наглядного изображения, нельзя. Ведь наша «Троица» - это не настенное изображение типа равеннских мозаик, а молельный образ иконостаса, специально созданный для «поклонения». Во-вторых, ответить, что мы «видели образ, когда говорил к нам Господь» во Иисусе Христе, и потому эта заповедь на нас не распространяется, тоже нельзя - ведь на этой иконе не Христос изображен. И в-третьих, можно попытаться объяснить различия между почитанием и поклонением, сослаться на VII Собор, объяснить, как мы пользуемся иконами, но ведь придется сказать, что молимся мы, вознося ум от образа к Первообразу.

Б о л т у н. А какие проблемы?

Б л о н д и н. Проблема в том, что образ с Первообразом связан именем, надписанием на иконе who есть who; а у «Троицы» Рублева надписей-то нет, и похоже, никогда не было. Так что мы сделали изображение Бога, Которого не видели, да еще этому изображению и поклоняемся. Здорово?

Б о л ь ш о й. Какой-то смысл в том, что ты наговорил, безусловно, имеется. Хотя бы тот, что в разговорах с теми же протестантами не стоит в качестве примера нормативной иконы приводить «Троицу». Все-таки это уникальная вещь: Бог-в-Себе, не больше и не меньше. До преподобного Андрея всегда рисовали трех Ангелов и Авраама, то есть конкретный момент истории; именно что иллюстрацию на известное место Библии, а тут нарисован просто Бог, Такой, Какой Он есть. Помните фрески в катакомбах, мозаики Рима, Сицилии? А еще и в книжных миниатюрах, и на Патмосе, кажется, - всюду этот сюжет, и везде это был сюжет «Гостеприимство Авраама». А вот у Рублева совсем другое. Потому, наверное, ее так толком и не смогли повторить: либо копировали, либо возвращались к истории, а Бога в вечности не писал никто. Вон, у Симона Ушакова - вроде Авраама нет, деталей лишних тоже нет, а все-таки не Троица написана, а три Ангела, причем на земле.

Б о л т у н. Ты затем и едешь на нее смотреть, что она такая специфически богословская?

Б о л ь ш о й. Да, конечно. Вот Владимирская совсем другая, ее писал больше художник, чем богослов. Ранний комниновский стиль, да? Одухотворенность и созерцательность плюс утонченная классически эллинская телесная красота, лишь с небольшим влиянием особенностей иконописного языка. Но «Троица» - просто наглядное пособие для объяснения всего исключительно иконописного, в ней условность иконописи в чистом виде, без всяких примесей фресок Помпей и файюмских портретов. Упор не на чувства, а на разум. Ту же самую обратную перспективу вы на примере Владимирской не объясните, а тут все налицо: и пространственные развороты Ангелов, горы и здания, и цветовая обратная перспектива с ярким золотым фоном и более темными фигурами; любой увидит и поймет.

Б л о н д и н. За что тебя люблю, так это за умение с увлечением говорить банальности. Хочешь, продолжу твой джентльменский набор фраз об обратной перспективе?.. Она концентрирует молитвенное усилие человека, не позволяя его взгляду проваливаться внутрь изображенного. Она подчеркивает реальность и объективность Горнего мира, ведь из-за того, что точка схода всех линий находится на мне, а не где-то внутри изображения, возникает ощущение всматривания иконы в меня, а не наоборот. Небесный мир интересуется мной... Потом ты еще скажешь что-нибудь в этом роде и совсем уже забудешь об иконе. Ведь она для тебя не более чем повод побогословствовать, рафинированно, да? А ведь это кошмар какой-то.

У иконы, безусловно, свой язык, отличный от языка росписей египетских пирамид

или иранских миниатюр, но он все равно живописный язык, а не богословский. Иконопись - это не начертательная догматика, пойми, а искусство. И «Троица» Рублева - не задание для богослова-дешифратора, а просто то, на что нужно смотреть и радоваться. И не морщись, пожалуйста. Из-за таких рассуждений, как твои, с иконописью у нас произошло то, что произошло. Смотреть невозможно, но зато сохраняется преемственность смысла! Должны быть иконы в иконостасе, они обязательно будут, а что они уродливы - неважно; главное, что справа Спаситель, а на дьяконских дверях первые дьяконы. Нужна икона Благовещения - пожалуйста, а что Богородица на ней «не получилась», это неважно, идентифицировать можно по надписи, а главное, скопировали древнюю умную композицию.

Если и ехать смотреть «Троицу», так для того, чтоб вспомнить, как иконы выглядят; вспомнить, что они могут быть красивы. Просто красивы. Могут доставлять удовольствие.

Б о л т у н. Гедонист несчастный! Это перед каким-нибудь Ренуаром балдей сколько тебе угодно от подвижного мазка и яркой палитры, а перед иконой молиться надо. Это же извращение, смотреть на «Троицу» теми же глазами, что и на твою любимую «Жанну Самари»!

Б л о н д и н. Утилитаристский исихазм. Все для молитвы, значит. Ну-ну... А мне все равно больше нравятся иконы, написанные не бездарностями, а нормальными художниками. Радостно, знаете ли, думать, что сила Божия может совершаться не только в творческой немощи, но и в мощи настоящего таланта.

Б о л т у н. Софист! Не перевирай, я же не о бездарности Рублева, а о твоем восприятии!

Б о л ь ш о й. Бокс!!

Б л о н д и н. Это я софист?! ...

Отрывок второй. Перед иконой

Б л о н д и н. Классно!

Б а б у ш к а в б е й с б о л к е. Ow!

Б о л ь ш о й. Да-а...

Э к с к у р с о в о д. ...st. Nikon commissioned the famous iconographers Andrei Rublev and Daniel the Black to paint the cathedral...

Д е в у ш к а. Пойдем дальше?

Б о л т у н. Замечательно!

П а р е н ь. Пойдем.

Б о л ь ш о й. Да-а...

М а л ь ч и к. Мам! смотри...

Б о л т у н. Великолепно!!

Б л о н д и н. !!!

М а м а. Не тыкай пальцем!

Б л о н д и н. Как здорово, что ее забрали из Троицкого собора, а? В 2009-м тому было уж 80 лет; забрали, отреставрировали, подсветку дали. Вы представляете ее в Троицком? Там же ничего не видно, а тут такие краски! Импрессионисты в XIX веке начали осветлять свою палитру, но как им далеко до нашего родного темного средневековья... Кстати, по поводу «Жанны Самари», в новом здании Пушкинского, куда собрали XIX и XX века, ей не дали нормальную подсветку, она теперь выглядит 40-летней и так пошло смотрится! Изуверы... Э-эх, да... Вот у «Троицы» сейчас золотого фона почти нет, и, может, хорошо, что нет. У меня какая-то аллергия на навязчивое присутствие дешевого золота в нынешних храмах; золотой фон утяжелил бы ее...

И не просто чудесно-яркие цвета, но и нежные очень, женские даже. Готов простить золото нашим храмам, лишь бы иконописцы отучились рисовать комиксы в кричащих тонах вместо икон; деликатности Андрея Рублева им не хватает.

Б о л ь ш о й. Точно! Это женственность и лиричность. У Феофана ничего подобного нет, он стопроцентный византиец, у Дионисия она доведена до манеры и стиля, ну, а тут еще в меру. Женственность, как нежность, кротость и ласка. Только не одних только красок, а фигур целиком. Эту плавность, текучесть могла бы передать музыка или поэзия...

Б л о н д и н. Вот, обычно ломают голову над тем, Кто здесь Кто, а ведь вся икона этой своей тихой лиричностью говорит скорее о единстве, чем различиях. Одинаковые нимбы, одинаковые крылья, фигуры, одинаковые лики; в центре иконы евхаристическая

чаша как символ единства, и у всех ангелов обращены к ней руки; центральный Ангел сидит, повернувшись к правому, но голова его обращена к левому - опять мотив единства; и левый Ангел объединяет двух других, поскольку их лики обращены к нему; а посмотрите на композицию, это же круг. Тут изображен покой и мир, изображена триединость и нераздельность.

Б о л ь ш о й. Конечно, единство тут сквозит во всем, но все-таки можно говорить и о различиях. Не встречал ни одной толковой работы, в которой центральный Ангел не воспринимался бы иначе, как Сын. Рассказать? Основное тут доказательство заключается в параллельной символике двух чаш. Первая, которая на столе или, точнее, на Престоле, является чашей Евхаристической. В ней, как видим, правда, плохо, находится телец - классическое жертвенное животное, привычное аллегорическое изображение Христа.

Вторая чаша образуется внутренними очертаниями силуэтов двух крайних Ангелов, в нее помещен Ангел центральный. Большая чаша развернуто поясняет значение малой, а раз последняя - это чаша Евхаристии, то в большой чаше должен находиться Христос, ведь именно Его мы получаем в Евхаристической чаше литургии. Кроме того, считается, что преподобный Андрей написал иконографический комментарий к тому моменту из первой главы книги Бытия, где Бог задумывается, прежде чем творить человека (Быт.1,26). Задумывается, поскольку в результате этого решения Он одновременно соглашается на жертву, соглашается на тяжелый подвиг спасения сотворенного в добре, но падшего человека. Жертва совершается Сыном, вот Он и изображен посередине, в жертвенной чаше.

Б л о н д и н. Все по Дэну Брауну, да?

Б о л т у н. А-а?!

Б л о н д и н. По Дэну Брауну, говорю. В центре - чаша Грааля, и в нее опущен Христос. Ведь основной пафос «Кода да Винчи» именно в том, что не важна чаша Евхаристии, а важна чаша, в которую сходит Человек Иисус.

Б о л т у н. Тьфу, гадость. И это ты перед иконой вспоминаешь.

Б л о н д и н. Конечно. Но только Браун под Чашей разумеет Марию Магдалину, а величайшей иллюстрацией, раскрывающей тайну Христа, считает «Тайную Вечерю» Леонардо Д.Винчи, а мы по-другому.

Б о л т у н. Правда?

Б л о н д и н. Представь себе! Богу не нужен человек для спасения человека, Он делает все Сам. На землю Христос пришел не зачинать поколение next естественным путем, а создавать Церковь. Потому как раз воспринимающим, пассивным началом, Чашей на иконе Рублева выступает не человек, а сам Бог (силуэтами крайних Ангелов), и Он же началом активным (центральный Ангел). Жертва, подвиг и акт созидания нового человечества совершается в Боге и Самим Богом, а плоды его подаются нам в Евхаристии, чаша которой тоже есть на иконе. Мария Магдалина версии Дэна Брауна вовсе не нужна.

Б о л т у н. Спасибо. Искреннее спасибо. Не нужна. А я было...

Б о л ь ш о й. Э-э-э, я продолжу, да? Что в центре Сын, подтверждается, кроме того, Его облачением, традиционно христовым, и деревом за Его спиной. Дерево подает намек на Дерево жизни, в котором можно видеть Христа, ведь через Него мы становимся причастными жизни божественной.

Остаются еще Ангелы по краям; понять, кого же они изображают, помогут символические гора и здание за их спинами. Если за Сыном изображено дерево, то логично предположить, что скала находится за Отцом. Именно Отцу, как причине ипостасного бытия Сына и Духа, можно усвоить свойства, осимволиченные скалой, - мощь, незыблемость, фундаментальность. Скала может служить надежной основой, Отец является таковой для Духа и Сына.

Теперь понятно, что левый Ангел - это Св.Дух. И не только потому, что других вариантов не осталось, но и поскольку за ним изображено здание. «Домостроительство Св.Духа» - вот ключевая фраза к разгадке левого Ангела, и вот почему за Духом Андрей Рублев изобразил здание.

Б л о н д и н. А пожалуй, это ведь патология. Говорил я, что нельзя иконы разгадывать, как шарады богословские? Говорил. Ты же опять за свое: это - символ того, это - этого... На икону-то посмотреть забыл!

Б о л т у н. Отчислить. За несоответствие духу Московских духовных школ.

Б л о н д и н. Нет, надо что-нибудь поизощренней. Лучше пусть идет в музей им.Пушкина, найдет там статуи и картины католических мадонн и с пристрастием пару часиков

поразглядывает их лица. Во-первых, многое поймет в католичестве, а во-вторых, уяснит, что есть вещи куда серьезнее всяких символических ярлыков. Потому что, сколько ни пиши «Мадонна» под изображением изящной тосканки, она Богоматерью все равно не станет; и так же, сколько ни рисуй за левым Ангелом зданий, он не станет от этого более похожим на Св.Духа. Хватит мыслить абстрактно, давай мыслить конкретно. Ну какой из левого Ангела Св.Дух?! Взгляните, как он изображен. Полностью неподвижно и статично. Почти строго вертикально. Чувствуется напряженность. А взгляните на лик, какие строгие черты! Брови нахмурены; в целом я бы определил его как суровый, но при этом скорбный. Нет, брат ты мой, это вовсе не Дух, а совершенно определенно Отец.

Правый Ангел. Утонченная фигура, стройность. Мягко опущенные руки. Очень склоненный посох. Некоторое ожидание и пассивность, лучше сказать, восприимчивость. Из всех троих он самый женственный. И лиричный. А значит, этот Ангел изображает Св.Духа. Вот так все просто, необходимо было только посмотреть на икону, прежде чем толковать ее.

Что же касается символики, дорогие мои, то ее можно покрутить и так, и этак. Гора, а вовсе не скала, за спиной Духа может вполне изображать гору добродетелей, на которую человек поднимается, водимый Духом святым. А здание за Отцом вполне определенно отсылает к евангельскому «В доме Отца Моего обителей много» (Ин.14,2). Кстати, вот еще, символика одежд. У Отца плащ наименее определенной расцветки, что вполне соответствует Его неописуемости. А зеленый хитон Св.Духа обозначает Его животворящую деятельность в мире.

Б о л ь ш о й. Неплохо. Вот только не одну лишь символику можно крутить и так, и этак. Твое впечатление о женственности правого Ангела и мужественности левого ведь тоже не бесспорно.

Б о л т у н. Да уж. Это тебе не «Жанну Самари» разглядывать.

Б л о н д и н. Вы чего! Не бесспорно! Растопырьте глаза!!!

Б о л т у н. Да не вопи ты так!

С м о т р и т е л ь н и ц а *(вставая со стула)*. Молодые люди?..

Отрывок третий. С репродукцией

Б л о н д и н. ...И чем мы ей помешали? Да мы единственные, кто серьезно отнесся к этой иконе, может, за целый год!

Б о л ь ш о й. И уж точно единственные, кто чуть было не подрались в зале русской иконописи.

Б л о н д и н. А надо было подраться.

Б о л т у н. С ней.

Б л о н д и н. Отвратительная поездка... И репродукция эта твоя тоже отвратительная. Как вообще все репродукции. Надо запретить их раз и навсегда. Они хуже смотрительниц. Они уничтожают картины еще более, чем подборки в антологиях уродуют непосредственно произведения авторов... Ну, никуда не годится, и цвета не те, и впечатление. Ладно, была б она еще в натуральную величину, но этот листочек А4 просто издевательство. А ведь кто-нибудь посмотрит и скажет, что, мол, да - видел «Троицу», знаю. Да ничего ты не видел и не знаешь!.. Вот, вспомнил, как-то на репродукции увидел я «Сокольники» Левитана - просто великолепно, прозрачно, звонко и грустно одновременно. Странно, думаю, что в Третьяковке я ее не помню. Приехал в Третьяковку, подхожу - вот безобразие, совсем другая картина, тяжелая, серая и скучная. Это к разговору о репродукциях: даже когда они улучшают картины, все равно это неправильно.

Б о л ь ш о й. Значит, мы все ж таки хорошо сделали, что съездили? А кто-то обзывал нас религиозными фанатиками.

Б л о н д и н. А кто-то набросился на меня чуть ли не с кулаками... Но покреативить прямо непосредственно перед иконой было действительно хорошо.

Б о л т у н. Вот именно. Перед иконой. Понимаете? Перед иконой! Перед ними вообще-то обычно не дерутся и не ругаются, нет? Икону ведь мы не заметили. Один увидел то, над чем можно подумать, другой увидел еще один повод ублажить в себе эстета, а помолиться никто не догадался. Хотя ладно, в музее не очень молится, но хотя б разобраться в том, как эта икона помогает человеку возводить свой ум горе?, надо было. Икона ведь помогает соединиться с Богом, а мы вместо этого устроили какой-то профанирующий перфоманс.

Б о л ь ш о й. Похоже, он хочет что-то сказать.

Б о л т у н. Дай-ка репродукцию. Хоть она и плоха, но поможет вам понять, что все, что вы тут наговорили, все это глупости. А главное я сейчас вам объясню.

Б л о н д и н. Сделай одолжение.

Б о л т у н. Вы говорили про обратную перспективу. Чем тут создается ощущение обратной перспективы - сходящимися к нам подножиями, разворотами Ангелов и символических предметов за ними. Но я скажу вам, что это действительно лишь иллюзия, а все гораздо проще и мудренее. Возьмем левую половину иконы с одним левым Ангелом. Забудьте об остальных и скажите, есть ли тут обратная перспектива? Нет, разумеется; вполне нормально и возможно с определенной точки наблюдения этого Ангела со зданием видеть именно так, как он нарисован. Теперь возьмем отдельно правую часть: то же самое, просто правый Ангел с горой написан с другой точки наблюдения. Аналогично с центральной частью.

Б л о н д и н. Ты предлагаешь устроить шизофрению у молящегося?

Б о л т у н. Погоди, я забочусь о молящемся не меньше твоего. Посмотрите на стол, за которым сидят Ангелы. Он четырехгранный, а Ангелов три. Теперь представьте, что смотрящий на икону находится за этим столом у четвертой, свободной и обращенной к нам, грани. Если он повернет голову налево, то увидит то, что преподобный Андрей изобразил в левой части иконы, если направо - что в правой, а если будет смотреть прямо перед собой, увидит, что написано в центре. А? Икона написана с точки зрения сидящего за столом! Вместе с Богом у Евхаристической чаши находится человек, на равных, понимаете? Тут-то и заключен призыв этой иконы, как и любой другой нормальной, к обожению. Бог приглашает к Себе, оставляет для человека место возле Себя, открывается ему навстречу.

Кроме того, обратите внимание, что низ иконы зеленый, а верх золотой. Низ - это земля, на которой стоим мы и по которой мы идем к Богу. Верх - это Небо, спустившееся к нам на землю и ожидающее нас, нашего восхождения. Сплошная символика движения, а вы говорите, статика, покой. Но это еще не все.

Б о л ь ш о й. Он, похоже, проснулся.

Б о л т у н. По поводу динамичности «Троицы» в направлении Бог-человек, кажется, все понятно. Но и внутритроичные отношения Рублев показывает совсем не успокоенными.

Отец слева действительно фундаментален, основателен и будто бы спокоен, но смотрите, Он благословляет чашу и этим подает ей движение от Себя через Сына к Духу. Он начинает это движение, а потому на иконе мы видим Его жест на исходе, почти завершенным. Рука, благословив чашу, возвращается обратно, спокойствие Отца - это спокойствие в действии, спокойствие совершенного действия.

Смотрите на Сына. Вот уж вообще никакой лиричной тихости. У Него самое выраженное благословляющее движение рукой, на иконе Он самый деятельный, что усиляется Его необычным поворотом и к Отцу, и к Духу одновременно. Наконец, Св.Дух. Его жест выглядит явно принимающим. В тот момент, когда Отец уже опускает руку, а Сын благословляет, Дух начинает поднимать свою, чтобы принять чашу.

Ну, как? Рублев, безусловно, гений, но он не рисовал Бога-внутри-Себя, слишком дерзко. Его «Троица» - это все-таки Бог-для-нас. Бог, обращенный к человеку. Бог, действие Которого по отношению к миру ведь так и описывается: от Отца, через Сына, Духом святым. Евхаристическая чаша, вокруг которой строится внутритроичная динамика иконы, адресована человеку. Вообще Богу не сидится за столом, Он готов встать и идти к нам. Вы не обращали внимание на посохи в руках Ангелов. Преподобный Андрей убрал с иконы все ненужное и второстепенное, оставив лишь самое содержательное. Потому эта деталь - посохи - очень важна, Бог собрался на поиски человека.

Так что, отцы богословия, «Троица» - нормальная икона, связывающая Небо и землю, Бога и молящегося. Она являет Бога, обращенного к человеку. А какой, господа семинаристы, должна быть реакция на икону? Что-то мне подсказывает, что молитва, а не пустая трепотня, нет?.. Quod erat demonstrandum. Держи репродукцию.

Б л о н д и н. Bravo, bravo.

Б о л т у н. Feci quod potui, faciant meliora potentes (я сделал, что смог, пусть те, кто могут, сделают лучше).

Б л о н д и н. Вот разошелся. Я не владею мертвыми языками.

Б о л ь ш о й. Кажется, он назвал нас ослами.

Б л о н д и н. Ах, ты!..

Александр ЛОМКОВСКИЙ

ОБНЕСЕННЫЕ БОГОМ

Уважаемый читатель!

Сейчас перед тобой находится повесть «Обнесенные богом». Это повествование о знаменитом третьем отделении вологодской психиатрической лечебницы «Кувшиново». Написана она была почти восемь лет назад и все это время «вылеживалась», как говорят писатели. За это долгое время она неоднократно дополнялась и сокращалась. Мои герои снились мне, требовали вставить тот или же иной эпизод - настолько я с ними уже сроднился...

Эта повесть о дурдоме. И не только. Хотя, по большому счету, я с удивлением обнаружил, что описывая два мира: замкнутый мирок отделения и не менее замкнутый мир главного героя - санитара Иванова, я пишу об одном и том же. Дурдом не только в стенах отделения, но и за стенами тоже. И какой из них настоящий, до сих пор не знаю.

Может быть, и трудненько будет читателю пробиваться сквозь заросли блатного жаргона, которым щедро изъясняются как больные, так и персонал, но без него было просто не обойтись - отделение-то режимное, и заселено оно отнюдь не ангелами.

Хочу поблагодарить своих друзей за своевременную поддержку в создании этой повести.

Александр Ломковский, 2007г.

ЧАСТЬ I

Глава 1

- Ну, что, лысый, попался? - огромный мужик, здорово похожий на санитара Сергеича, крепко схватил Ботинка за плечи.

- Кто? Кто попался? - невнятно спросил Ботинок, все еще где-то в глубине души надеясь, что это ошибка, и огромный мужик с кем-то его перепутал.

- Ты попался, придурок. И сейчас я тебя бить стану! - отвечал мужик и, принялся трясти его за плечи, видимо, пытаясь совсем оторвать голову.

- Нет! - заорал Ботинок. - Нет! Я не придурок! - и хотел было объяснить мужику, что тот принял его за кого-то другого. И что он, Ботинок, не дурак, а всего лишь эпилептик и сюда, на отделение, затесался явно по ошибке.

Но мужик, не обращая внимания на оправдания Ботинка, продолжал упорно трясти его за плечи. И к тому же начал шепеляво просить у него закурить. От удивления Ботинок проснулся. Никакого мужика рядом не было. А тряс за плечо его, оказывается, Собака.

- Андьюса, ну дай покуить... Ты зе обессял после обеда, сто оставис.

Ботинок смачно влепил Собаке кулаком в беззубый рот. Рывком скинул одеяло и сел на койке. От облегчения, что задиристый мужик всего лишь только приснился, его даже слегка запотряхивало. Собаки уже рядом не было. Ботинок с наслаждением почесал голую грудь и зевнул. Внимательно окинул небольшими цепкими глазками палату. Двое

обмороков на соседней кровати листали какой-то журнал. В углу на корточках сидел Пашка Абадуллин и что-то травил Циркачу и Шпицу. На двух-трех койках валялись мужики и громко храпели. Воздух в палате был спертым и душным.

- Собака! - громко крикнул Ботинок.

Тот моментально возник в проеме палаты.

- Покуим?

- Форточки по-быстряку открыл...

- Ага! - радостно проорал Собака и кинулся к окнам.

Прямо в тапках заскочил на кровать, с нее на подоконник и распахнул форточку. То же самое проделал и на другом окне. Подбежал и присел рядом с Ботинком.

- Обессял...

- Ладно, подходи на дальняк уже. Оставлю.

Собака маленьким смерчем сорвался с места и кинулся искать своего кореша Быкова. Ботинок, меж тем, не спеша влез в тапочки, достал из кармана сигарету и поднялся. Тут же из моечного отделения выглянул Васька Толстов, мывший там посуду.

- Андрей, покурим?

- Собаке оставляю, - ответил Ботинок, снова зевнул и вышел из палаты.

Васька выскочил следом и тут же проворно ухватил за шиворот пробегавшего мимо Собаку.

- Александр, оставишь пару разов дернуть?

- Не-а, - вывернулся Собака. - Я Быську буду оставлять! Он забил узе.

Васька со злости пнул ногой тумбочку, стоящую в коридоре, с тоской посмотрел в сторону туалета, где курили мужики, и убрался домывать посуду. Быкова Собака обнаружил в сушилке. Тот под присмотром молодого санитара Андрея перебирал валенки. Быкова Андрей не отпустил, и тогда Собака со всех ног кинулся в туалет - на дальняк, как его называли больные. А там Ботинок как раз оставлял покурить Глушаку.

- Ты зе мне хотел оставить... - жалобно заскулил Собака.

- Мал еще! - лениво зевнул Ботинок и вышел из туалета.

Громадный квадратный Глушак грозно взглянул на Собаку. Взгляд не предвещал ничего хорошего.

- Считаю до двух...

Больше повторять не пришлось - Собаку моментально выдуло в коридор. Там его тут же поймал здоровый, поперек себя шире, санитар Сергеич, до того времени мирно дремавший на стуле у окна раздачи.

- Сергеев, подь сюды!

- Сего нузно? - на всякий случай натянув на лицо хитрую улыбочку (Сергеич мог под хорошее настроение и сигаретой угостить), спросил Собака.

Но Сергеич, как видно, угощать сигаретой не собирался. И даже наоборот - больно ухватил подобравшегося совсем близко Собаку за ухо.

- Ты чего это, пащенок, таблетки сегодня после обеда прятал?

- Нисего я не плятал! - взвыл Собака, у которого от боли и от облыжного обвинения санитара даже брызнули из глаз слезы.

- Если Тамара говорит, что прятал, - значит, и прятал, - продолжал настаивать Сергеич.

- Да влет она все! - взвыл Собака. - Андлей зе стоял смотлел. Он пловелил - я сестно все таблетки оглотил... Ухи пусти, Сейгеись!

- Твои уши вообще оторвать надо.

- Пусти, Сейгеись!

- Ладно, вали отсюда, - благословил Собаку санитар, отвешивая здоровенного пинка. - И чтоб больше не видел, что у дальняка ошиваешься. Не хрен тебе тут без курева делать.

- Да, мне нейзя, а этому лызему козлу мозно? - отбежав на безопасное расстояние и держась за ухо, крикнул Собака. - Любис его, сто ли?

Сергеич вскочил и хотел было догнать Собаку, но от того уже и след простыл.

- Александр Сергеич, Собаку надо? - тут же подскочило несколько больных. - Дак вот сейчас и притараним. Только курнуть потом оставите?

Сергеич махнул рукой. Больные, разочарованные тем, что не надо ловить Собаку, нехотя разбрелись по столовой. Сергеич, раз уж поднялся, то решил проверить порядок в наблюдательной палате. Женька Глушаков, уже пришедший из туалета, сидел на кровати и писал письмо. Кисель с Барышевым стояли у подоконника и о чем-то тихо переговаривались, глядя в зарешеченное окно, за которым все равно ничего не было видно. Ос-

тальные спокойно лежали на кроватях.

«Эх, пивка бы сейчас тяпнуть! - внезапно загрустил Сергеич и, кряхтя, уселся на стул, стоящий возле проема наблюдалки. Пиво у него было в раздевалке, а до конца смены оставалось еще минут сорок. - Ладно, потерплю, - решил он. - Зато потом оторвусь по полной».

В пятой палате Собака, между тем, снова подошел к Ботинку.

- Андьюса, ты зе мне хотел оставить окуить, а одал этому здоловому, Зеньке.

- Тебя долго не было, - лениво отозвался Ботинок.

- Я Быська искал! - протестующее отозвался Собака и, словно это могло хоть что-то изменить, добавил: - Его санитал не пустил. Пока, говоит, катаники на место не поставис, никуда не уйдес.

- А мне фиолетово - где ты был, кого искал... Не подошел вовремя - амба! Сиди ненакуренный.

- Но как зе... - снова заныл Собака. - Обессял, обессял... А се такое - фиолетово?

- А это, Собака, значит, по фигу, - просветил Ботинок Сергеева и начал поворачиваться на другой бок. Но неожиданно в голову пришла хорошая мысль. - А в принципе могу тебе дать штуку «Астры».

Потерявший уже всякую надежду Собака, так и застыл возле койки.

- Дай, - хрипнул он враз пересохшим ртом.

- Но не задаром, - предупредил Ботинок.

Собака быстро закивал большой стриженной под «ноль» головой. Было видно, что за сигарету он согласен на все. Ну, или почти на все.

- Собака, слушай сюда. Я даю тебе штуку «Астры», а ты мне будешь должен еще пачку «Беломора». Итого - три. Идет?

Маленький, тщедушный Собака, явно не дотягивающий до своих двадцати семи лет, задумался. «Мать, скорее всего, пришлет всего-то пачек десять - больше ни разу не посылала. И три из них будут уже у Ботинка. Остается пачек шесть... Нет, надо подсчитать...» Загибая пальцы, Собака начал производить необходимые вычисления. Ботинок терпеливо ждал, кося насмешливым глазом на пыхтящего и сопящего Собаку. Наконец, с вычислениями было покончено. По лицу Собаки нетрудно было догадаться, что ему страсть как не хочется за одну штуку «Астры» отдавать целую пачку «Беломора». Но делать было нечего - без курева, по его же собственному выражению, уже «опухали ухи», и он решился. Тем более что по подсчету выходило семь пачек на карман. А не шесть или, к примеру, не пять. Семь пачек - это куда еще ни шло!

- Давай!

- Три пачки, - напомнил Ботинок, протягивая сигарету.

- Ага! - проорал Собака, схватил протянутую сигарету и бросился разыскивать Быкова.

Глава 2

Голова после вчерашней пьянки звенела и раскалывалась. Хотя нет. Звенел, оказывается, будильник. Но голова раскалывалась - это точно. Ударив в темноте по кнопке - тяжело, смачно, будто прихлопнув комара, - Иванов сел на диване, пытаясь сообразить, что же нужно от него будильнику. Сообразил. Сегодня четверг, дневная смена.

Найдя в темноте одежду, брошенную ночью на кресло, он на цыпочках, чтобы не разбудить жену и маленькую дочку, прошел в кухню, включил свет и начал торопливо одеваться. Одевшись, он включил обе конфорки на газовой плите, надеясь хоть немного согреть кухню - маленькая трехсекционная батарея под окном ну никак не справлялась со злыми декабрьскими морозами. Наскоро почистив зубы и умывшись, он, на всякий случай, заглянул в холодильник и неожиданно обнаружил там бутылку пива, не выпитую вчера каким-то чудом. Сорвав зубами пробку, Иванов сделал большой глоток прямо из горлышка и замер, ощущая, как пиво живительной струей проходит по горлу. Закурив, он какое-то время посидел на подоконнике. Боль, тяжелым обручем давившая затылок, понемногу ослабевала. Сразу же сильно захотелось жить.

«Ну, теперь - порядок! - почти весело подумал он. - Остальное по дороге допью», - и, посмотрев на часы, побежал в прихожую одеваться - было уже без двадцати шесть. Обычно он добегал до работы за час.

Надев ботинки, полушубок и шапку, он закурил новую сигарету, после чего натянул теплые шерстяные перчатки и, зайдя в кухню, выключил газ. Взяв со стола пиво, в после-

дний раз оглядел кухню - не забыл ли чего? Повозившись некоторое время с замком в прихожей, Иванов выскочил в холодный и темный подъезд. Лампочка на площадке не горела.

- Опять молодежка лампочку сперли! - выругался он и побежал вниз, перескакивая через две ступеньки.

На улице пока было безлюдно. Ветра не было. Редкие фонари освещали нетронутую еще автомобильными колесами поверхность дороги, присыпанную легким, словно лебяжий пух, снежком. Привычно глянув в просвет обледенелых ветвей старого тополя и найдя ковш Большой Медведицы на своем обычном месте, Иванов почувствовал, что начинает втягиваться в наступающий день. Но выкрученной лампочки все равно было жалко. Глотая обжигающе холодное пиво, он двинул вдоль дороги быстрым шагом. Мысли от утащенной лампочки невольно перенеслись на дела рабочие. Медсестра Фаина с сегодняшнего дня ушла в отпуск, и на «осиротевшей» смене, по составленному старшей графику, будут работать по очереди медсестры с других смен. И сегодня замещать Фаину выпадало Ольге Викентьевне: молоденькой, симпатичной и, что самое главное, разведенной.

Она давно уже нравилась Иванову, и когда их смены случайно совпадали, он буквально из кожи вон лез, чтобы познакомиться с ней как-то поближе. Сыпал анекдотами, вымучивал из себя остроты, над которыми Ольга хохотала до упаду, и вообще - старался произвести впечатление. А Ольга хоть и хохотала, но все-таки держала Иванова на расстоянии.

Выбросив пустую бутылку, Иванов подумал: «Все равно вместе будем! А то что же получается? Я уже год почти в разводе, а до сих пор живу с бывшей женой. Ну, дочка держит - понятно. Но не вечно же! А Ольга хороша... И хороша же она, чертовка! Обязательно моей будет - хоть вы лопните все...» Кому нужно было лопнуть, Иванов не уточнял. Вместо этого он поглядел на часы и прибавил шагу. Проходя через поле, увидел на подзаметенной снегом тропе четкую цепочку следов сорок шестого размера. «Значит, Гусь не стал дожидаться. Вот мухомор! Вдвоем-то веселей чапать. Но, может, недалеко и ушел. Возможно, догоню...» - подумал он про своего напарника и помчался чуть ли не бегом. Догнал Иванов Гуся только на мосту через Вологду.

- Эй, Серега! И здоров же ты бегать! - закричал ему издали. - Конь ты педальный, а не Гусь, - добавил уже тише.

Последних слов долговязый, сутулый Гусь не расслышал, но кое-что все-таки уловил.

- Чего бормочешь? - спросил он, подозрительно сверкнув очками.

- Да хрен его знает - после вчерашнего голоса пошли, что ли, - мрачно пошутил Иванов.

- Перепил? - тут же заинтересовался Гусь.

- Да вроде того, - ответил Иванов, снимая перчатку и пожимая протянутую Гусем руку.

- Сейчас придем - опохмелишься. Ольга тебе спиртику плеснет, - хохотнул Гусь.

- Плеснет, как же! А кстати, Серега, - дело прошлое - посидишь сегодня у наблюдалки?

Гусь, явно не ожидавший такого «щедрого подарка» от Иванова и все еще не веря своему счастью, осторожно уточнил:

- Всю смену?..

- Конечно. Ольга ведь, сам понимаешь.

Гусь прекрасно знал о симпатии Иванова к Ольге и поэтому вместо ответа лишь радостно засопел. А дело было в том, что, по распорядку отделения, один из двух санитаров дежурящих на смене, должен был неотрывно находиться возле наблюдательной палаты. Там помещались самые буйные психические больные или же новенькие, и поэтому за ними должен был осуществляться непрерывный надзор. Обычно санитар находился у наблюдалки по три или же по шесть часов. Второй в это время контролировал оставшиеся пять палат, ходил с больными на прогулку во внутренний дворик, водил отдельных больных в поликлинику, присутствовал при раздаче лекарств и вообще - совершал тысячи разных дел. Для молодых парней-санитаров это было нормой, а старики вроде Гуся или Сергеича предпочитали торчать возле наблюдалки - разве охота половину смены шастать по коридорам, помогать медсестрам и постоянно быть на глазах у шефа? У наблюдалки тепло, светло, стул стоит, больные туда-сюда ходят. Балдеж, одним словом...

Подойдя к отделению, они долго звонили в дверь, подпрыгивая на морозе.

- Заснули, что ли? - возмущался Гусь.

- Ну, уж и заснули! Ты в курсе, что Собака вторую неделю галоперидол штырит?

- Да ты что! - удивился Гусь. - На фига ему?

- На фига, на фига, - передразнил Иванов. - «Барабанов» нужно побольше иметь - они в клювиках информацию и притаранят. Славка Шичигин хлестался, что Собака Сергеича травануть хотел. В чайник, говорит, высыплю - а там, пусть хоть всю смену скует...

- Ну, и?.. - заволновался Гусь.

- Ну, и... высыпал, видно. Двери ломать придется.

Гусь, поняв все-таки, что его разыграли, гулко захохотал. Наконец, в смотровом окошечке появилось лицо пожилой санитарки Тони.

- Открывай быстрее! - заорал Гусь. - Мы уж околели тут!

Пока напарник тщательно протирал запотевшие с мороза очки и о чем-то беседовал с Тоней, Иванов быстро переоделся и постучал в обитую листовым железом дверь отделения. За дверью сразу послышались голоса:

- Стучат! Валера, смена тебе пришла!

Лязгнув замком, дверь отворилась. Иванов быстро проскочил на отделение.

- Привет труженикам ночного фронта! - поприветствовал он крепкого сорокалетнего санитара Валеру. - И вам - здравствуйте! - кивнул уже в сторону Собаки, Хоря и Шичигина, толпящихся у дверей туалета. - Собака, ком цу мир!

Тот быстренько подскочил.

- Санька, исовать меня седня будес?

- Не понял?! - Иванов подцепил Собаку за ухо.

- Асан Имиовись...

- Вот, правильно. Александр Владимирович - это уже совсем другое дело. Я тебе не под забором и нашелся, - удовлетворенно сказал Иванов. - А рисовать я тебя буду завтра.

Иванов любил на досуге рисовать карикатуры на больных. Выходило, правда, неважно. Рожи получались страшненькие, но пациенты были довольны - за каждый сеанс Иванов отстегивал им по сигарете. Дома он пугал этими рожами свою маленькую дочку.

Собака широко заулыбался, скаля свои беззубые десны, и замотал стриженой головой, с гордостью поглядывая на товарищей - вот, дескать, и меня тоже нарисуют! Иванов достал из кармана халата заранее приготовленную сигарету и протянул ее Шичигину.

- Славик, вот вам штука на троих - с подъема покурите. А сейчас - исчезли...

Словно бесплотные духи, Хорь, Собака и Жир растворились в полумраке столовой.

- Да, - позавидовал Валера, усаживаясь на стул возле наблюдалки. - Обычно Славку Шичигина по полчаса будить приходится, а как твоя смена - в шесть утра поднимается, причем сам, и дежурит у двери...

- Подходы нужно искать, - хмыкнул Иванов и уже серьезно спросил: - Как смена?

- Быка с наблюдалки вывели на четвертую палату, - начал перечислять Валера. - На его место новенького подогнали - Юриков какой-то. Ну, расписываться пойдешь - личное дело почитаешь. А в двух словах если, то по сто сорок четвертой проканал. По мелочам подворовывал. Ну, сам увидишь. Длинный такой. Да, чуть не забыл. Красиков с Ботинком на дальняке перемахнулись. Уже перед отбоем. Татьяна в журнал записала. Вот и все, пожалуй, - он чуть задумался, почесал затылок и помотал головой. - Точно все. Иди, расписывайся, да я домой побегу.

Заглянув на всякий случай в наблюдалку, Иванов по полутемному коридору прошел в другой конец отделения - к сестринской. Там, удобно устроившись в кресле, додремывал второй санитар - Санька Рябов. Заулыбавшись, они пожали друг другу руки.

- Как дела? Какие проблемы?

- Все тип-топ! Когда пивка попьем? Рыбка ждет...

- Скоро, - пообещал Иванов и стукнул два раза в дверь сестринской.

Расписавшись в журнале, он начал между делом листать личное дело Юрикова.

- День рождения скоро? - неожиданно спросила медсестра.

- Точно! - удивленно вскинул голову Иванов. - Откуда, Татьяна Андреевна, информация?

- В карточке посмотрела. Двадцать семь исполнится, а ведь не дашь. Намного моложе выглядишь. А моему Мишке тридцать будет, - она горестно вздохнула и подперла щеку рукой, - а облысел уже, морщины всякие...

- Ну, конечно. Три года на подлодке, - посочувствовал Иванов. - Облысеешь тут.

Он взглянул на часы.

- Ого! Уже без пяти семь - подъем скоро. Да и звонились уже, смена вам пришла. Ну, Татьяна Андреевна, спасибо за внимание, пойду подъем обеспечивать.

- Торты с тебя! - крикнула уже в спину.

- Обязательно! - ответил он и скрылся за дверью.

Сразу же, нос к носу, столкнулся с Гусем.

- Расписываться пошел? Давай быстрее - мужикам домой надо. Чего долго как?

- А я с Антониной Иванной чайку попил...

Навстречу, по коридору, уже спешили Ольга, стройная сероглазая медсестра со светлыми волосами, и санитарка Шура. Иванов сделал вид, что удивился.

- О, Ольга Викентьевна! Какими судьбами? Как же это вы решились осчастливить нас своим лучезарным присутствием? Глазам не верю!

- График смотреть надо, - улыбнулась Ольга. - Там все написано, - и прошла дальше, оставив в воздухе легкий аромат французских духов.

- Балдеж! - изумился Иванов. - Откуда духи, Оля?

- Подарили, естественно! - бросив на Иванова лукавый взгляд, засмеялась она.

Покрутив в восхищении головой, он помчался менять Валеру. Получив у него связку ключей и открывая дверь, увидел выходящую из кандейки Тоню.

- Иванна, ладно ли с Гусем чайку-то попила? Во искушение не ввел ли?

- Вот я тебя ужо! - загрозилась Тоня. - Баламут!

Иванов, захлопнув у нее перед носом дверь, прошел в наблюдательную палату, зажег верхний свет и прорычал:

- Подъем, баламуты!

Из-под одеял начали показываться стриженые головы больных. Иванов подошел к Глушакову, потряс его за плечо и спросил:

- Женька, кто дежурный сегодня?

Глушак, щуря глаза от яркого света, бьющего с потолка, дружелюбно произнес:

- Отстань, а? Удавлю ведь...

- Так, Глушачина, залетел. А посему - после завтрака пойдешь на дальняк. Будешь зубной щеткой писсуары дрючить!

- Тьфу, черт! Саня, что ли? - Глушак сел на шконке. - А я и не узнал.

Иванов присел рядом и, понизив голос, заговорил.

- Женя, чего вчера Карась с Ботинком не поделили?

- Да Красиков Собаку к Генахе за сигаретой заслал, а тот на дальняке был. И Ботинок туда зашел. У Собаки сигарету увидел и забрал. Карась, недолго думая, с Ботинком и сцепился. Я прибежал, дал обоим раза, да и все.

- А чего Собака сразу к тебе не прискакал?

Женька задумался, почесал макушку и осторожно предположил:

- Не успел, может?

- В следующий раз руби конфликты в зародыше, - посоветовал Иванов. - Раньше выйдешь отсюда. Ты всегда должен быть в курсе всего. На тебя же половина отделения работает.

- На тебя не меньше «барабанят», - парировал Глушак.

- А меня вчера не было, - тут же нашелся Иванов. - Ну, ладно. Кто дежурный?

- Кисель сегодня...

Иванов пробежался по палате взглядом.

- Киселев, - тряпку, ведро, да побыстрее, пока все не растащили.

- Понял, Александр Владимирович! - весело прокричал Кисель, подпрыгивая на одной ноге, - второй он пытался попасть в запутавшуюся штанину.

- А вас, сударь, команда «подъем» не касается? - Иванов подошел к шконке, на которой раньше лежал маленький Быков, а сейчас сутулилось что-то длинное и несуразное.

Из-под одеяла показался настороженный глаз, с явным интересом бегающий по сторонам. Затем одеяло поползло ниже, открывая большой крючковатый нос, который вдруг сам по себе задвигался, принюхиваясь к воздуху наблюдалки. Рассмотреть дальше лицо новенького не удалось. В проеме палаты уже толпились «барабаны» Иванова.

- Александр Владимирович, огоньку бы...

Хлопнув Юрикова по плечу:

- Вставай, вставай, несуразица! - Иванов вышел из наблюдалки к туалету.

В палату уже спешил Кисель с ведром, тряпкой и метелкой в руках.

- Молодец! - похвалил его Иванов.

- А покурить оставите?

- Заслужил! Так и быть - оставлю. Оперативность исполнения приказов дежурного санитара должна поощряться. Правильно?

- Так точно! - снова весело прокричал Кисель и, сунув метлу под мышку, быстро приложил палец к нижней губе - мол, есть информация.

Иванов понятливо кивнул. Гусь в это время проводил подъем в другом конце отделения - из палат выскакивали больные и спешили к туалету. Дав прикурить Хорю, Иванов еще некоторое время полюбовался на пламя спички. Тут же подскочил Собака, протягивая раскрытую ладонь:

- Выкину, Асан Имиовись!

Отдав спичку Собаке, Иванов остановил первого же попавшегося больного. Им оказался Усохин - вечно брюзжащий, немолодой уже, мужик с постоянно растерянным взглядом.

- Владимир... хм... черт... Карпович! - наконец вспомнил отчество Усохина Иванов. - Не будешь ли так любезен пригласить сюда Сергея Валентиновича?

Усохин, ни слова не говоря, развернулся и пошел искать Гуся, который вовсю стаскивал одеяла с особо заспавшихся.

- Ну, Серега, принимай боевой пост! - сказал Иванов, увидев спешащего к нему напарника.

Гусь вел за руку полураздетого идиота Леньку Мохова, который, как обычно, теребил в руке носовой платок. Поймав за карман курточки пробегающего мимо Левку Шпица, Иванов велел отвести Леньку в туалет.

- А покурить оставите? - сразу же заканючил Шпиц. - Я Леньку на дальняк отведу, а вы мне покурить, а?

- Вон к Сергею Валентиновичу обращайся - он Леньку привел.

Шпиц жалобно посмотрел на Гуся.

- Ладно, подойдешь после завтрака, - ответил Гусь и важно уселся на стул перед закрытым окном раздачи.

- Смотри, чтоб новенького не обижали, - сказал Иванов, намереваясь пойти к сестринской.

- Какого новенького? - удивился Гусь.

- Ну, Серега, ты и смену, блин, принимаешь... Вместо того чтоб чаи с Тоней гонять... Хм, кстати, что там у вас... - но, напоровшись на негодующий взгляд Гуся, быстро продолжил: - В общем, в журнал почаще заглядывай. Юриков такой. Еще длиннее тебя, пожалуй, будет. А, вот он выплывает.

Из наблюдалки, пошатываясь, выходил новенький. Высокий, выше метра девяноста, худющий; курточка болталась, как на вешалке; но по тонким губам струилась улыбка всем довольного пятилетнего малыша. Несмотря на спешку, Иванов заинтересовался новым пациентом наблюдалки.

- Эй... Малыш, поди сюда!

- Вы меня знаете? - глядя ему в глаза, ровным голосом поинтересовался новенький.

- С чего бы это? - опешил Иванов.

- Дело в том, - безмятежная улыбка, не переставая, блуждала по его губам, - что меня все, в том числе и родители, зовут Малышом.

- Да как же тебя, сударь, называть-то еще? Только Малышом, естественно. Вишь, какая орясина вымахала!..

Новенький засмеялся и пошел в туалет.

- Есть контакт! - засмеялся и Иванов. - Один-ноль в нашу пользу. Так держать! - похвалил он сам себя и пошел открывать ванную комнату.

Там уже стояли около десяти больных с перекинутыми полотенцами через плечо и зубными щетками в руках.

- А что, сегодня выходной? - вежливо поинтересовался он.

- Нет, Александр. Сегодня четверг, - с готовностью ответили несколько человек.

- А раз не выходной, то... - тут Иванов посмотрел на часы, - то через три минуты зарядка. Побросали полотенца - и в столовую. Марш-марш! - прогнал он их от ванной.

Недовольно бурча, больные разошлись. Подбежал Киселев.

- Александр Владимирович, мне бы воду набрать...

- Сейчас, Андрюша.

Иванов выбрал из тяжелой связки ключей тот, на котором висела соответствующая бирка, и открыл дверь.

- Заходи, набирай.

Начали подтягиваться уборщики из других палат.

- Доброе утро, Александр Владимирович!

- Привет, привет, - отвечал Иванов.

Сел на подоконник, с наслаждением закурил.

- Покурить не оставите, Александр Владимирович? - сразу же раздалось несколько голосов.

- Киселю оставляю, скважины худые...

Киселев, уже набравший воду, поставил ведро рядом с батареей и вежливо спросил:

- Как отдыхали?

- Да ничего, Андрюшка, отдыхал...

Кисель придвинулся поближе.

- Вчерась Красиков с Ботинком в туалете махались...

- Знаю, - перебил Иванов. - Что еще?

- Этот дед, Комлев... две таблетки цикладола заштырил. В наволочке у Большого немца спрятал.

- Ого! Это уже интересно. Значит, к себе под подушку побоялся сунуть? Осторожен, мать его... Почем на отделении цикладол сейчас торгуют?

- Две таблетки за три сигареты.

Иванову было видно, что Киселю не особо хочется разговаривать с ним на виду у остальных уборщиков. Те набирали по очереди воду из-под крана и, словно тараканы, разбегались по палатам, с завистью поглядывая на Киселя, которому сейчас санитар оставит покурить. Иванов решил побыстрее закончить этот неприятный для Киселя разговор.

- Я не стану спрашивать, для кого Комлев прячет цикладол в наволочку Большого немца. Это неэтично. Так?

Кисель утвердительно кивнул, не сводя скорбящего взгляда с окурка, дымящегося в руке Иванова.

- Я спрошу только одно. Кто богат сигаретами?

- Ботинок...

- Вывод? - Иванов сделал последнюю затяжку и протянул сигарету Киселю.

Тот, схватив окурок и тут же ловко скрыв его длинным рукавом курточки, другой рукой подхватил ведро и, не став дослушивать, какой же вывод сделает Иванов из полученной информации, помчался к туалету, лавируя между делающими уже зарядку больными.

- А вывод весьма интересен...

Иванов задумался: либо «нарезаться» перед шефом, либо решить вопрос самому. Шефа Иванов недолюбливал. Это и решило исход дела. Заглянув в столовую и отыскав взглядом Комлева, лениво машущего руками, он поманил его пальцем. С зарядки редко кого выдергивали. И поэтому, почувствовавший неладное, Комлев приближался с явной опаской.

- Комле-ев, - состроив зверскую гримасу, протянул Иванов. - У тебя ровно одна минута, чтобы дойти до палаты и обратно.

- Зачем?

- Затем! Что ты из себя придурка строишь? Несерьезно, дед! Загляни под подушку Большого немца.

Повесив голову, Комлев убрел в палату. Через некоторое время вернулся.

- Александр Владимирович, только куму не говорите, ладно? - попросил он, стряхивая с потной ладони две таблетки цикладола на подоконник.

Иванов открыл форточку и выбросил обе таблетки в сугроб за окном, ловко попав между прутьев решетки.

- К весне растают, - удовлетворенно сообщил он. - Кто? - тут же спросил без всякого перехода.

Комлев замялся.

- Кто? - повторил еще раз Иванов.

Комлев упорно молчал, переминаясь с ноги на ногу.

- Ботинин?

Тот еле заметно кивнул.

- За сколько обещал взять? - продолжал допытываться Иванов.

- За две сигареты... - треснувшим голосом выдавил из себя Комлев.

- А почему не за три? - удивился санитар.

- Штуку должен...

- Свиданка когда?

- Сын написал, что в следующую субботу приедет. Из Верховажья путь неблизкий...

- Ботинку отдашь со свиданки. А пока - вот тебе сигарета, выкуришь за мое здоровье.

- Спасибо, Александр Владимирович! Мы с Николаем после зарядки покурим, - сбивчиво заговорил враз повеселевший Комлев.

Иванов снова сделал строгое лицо и ухватил Комлева ладонью за шею.

- Но не дай бог, дед, узнаю, что опять таблетки штыришь. Тогда тебе никакого цикладола не будет, а будет наоборот - наблюдательная палата, и аж до самой выписки! Понял?

- Нет-нет, Александр Владимирович. Ни в жисть больше. Спасибо, - еще раз поблагодарил он и побежал доделывать зарядку.

Переваливаясь с боку на бок, к ванной комнате подошла санитарка Шура: полная, всегда добродушная женщина в возрасте. Открыла шкафчик с электробритвами и уселась на стул.

- Что, подежурим сегодня, Александра Вениаминовна? - спросил Иванов.

- Подежурим, Александр Владимирович, - отозвалась тоненьким голосом санитарка.

- Ну, ладно, коли так! - поддразнивая Шуру, почти пропел Иванов и пошел к сестринской, куда давно собирался.

В это время закончилась зарядка, и больные разделились на два потока: одни шли в туалет - курить, а другие в палаты за полотенцами.

- Санек, подожди!

Иванов обернулся. К нему, расталкивая больных, пробирался Ян, молодой семнадцатилетний парень, один из трех череповецких цыган, лежащих на отделении.

- О, Яшка! - обрадовался санитар. - Как почивалось? Сон нормальный показали?

- Привет, Саня! - светясь улыбкой, протягивал обе руки Ян. - Я научился ту песню на гитаре играть! Вчера весь вечер сидел. Что-нибудь новое покажешь?

- Покажу, покажу, - пообещал Иванов и вдруг неожиданно хлопнул Яшку по плечу.

Тот присел.

- Эх, слабоват еще...

- Не, Сань, - нисколько не обидевшийся Яшка так и сиял от радости. - Я уже восемь раз подтягиваюсь. И отжимаюсь - сорок четыре. Не веришь?

- Проверим нынче, - усмехнулся Иванов. - А теперь - дуй умываться!

Яшка убежал в палату, а навстречу Иванову уже спешил один из дедов отделения - Костя Голубцов, с полотенцем в руках.

- Александра Владимирыч, дай вам бог здоровья! Как отдохнулось на выходных? - прошамкал он и, перекрестив Иванова, протянул ему руку.

С подозрением посмотрев на протянутую ладонь, Иванов быстро спрятал руки за спину.

- Э, нет, Константин Васильевич! Не мылся еще, а руки уже тянешь. Небось, опять всю ночь шланг дергал, а? Вот умоешься - подходи, поручкаемся, а пока извини - гигиена! Это, дед, не шуточки!

Голубцов тут же начал перетаптываться с ноги на ногу. Это сказывалось действие нейролептиков, которыми пичкали пациентов психиатрического отделения. Начиналась, так называемая самими больными, «нетерпячка» - особое состояние, когда без очередной порции лекарств отдельные части тела начинали самопроизвольно дергаться, а где-то в подвздошине нарастал нестерпимый зуд. И только постоянным движением можно было как-то нейтрализовать это неприятное состояние.

- Умный вы, Александра Владимирыч, - продолжал топтаться перед Ивановым Голубцов. - Уважаю я вас. В обхождении любезны и словам цену знаете. И циркачей с циркачками не ругаете, а наоборот - заступаетесь даже. И святые соборы и мечети не рушите - не чета всем нехристям...

- Константин Васильевич, у меня даже и крестик есть, - похвастал Иванов и, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, показал маленький золотой крест.

Костя истово, размашисто перекрестился на Иванова с крестом.

- Боголюбивый вы человек, дай вам бог счастья и здоровья, покурить сегодня оставите?

Иванов захохотал.

- Ой, дед, ну ты и подхалимус! Да, ладно. Иди мойся - оставлю...

- Спасибо, Александр. Вы очень много раз мне оставляли. Вы боголюбивый и добрый человек...

- Хорош подлизываться. Иди, мойся.

Костя заспешил к ванной, а Иванов, наконец-то, добрался до сестринской.

Глава 3

Открыв своим ключом дверь и чуть пройдя по коридорчику, Иванов сунулся в левый проем. Ольга, сидя за столом, что-то писала в журнале.

- Оля Викентьевна, я такой анекдот знаю - обхохочешься!

- Потом обхохочусь, - улыбнулась она. - Ты у наблюдалки сегодня или со мной?

- Оля, да неужели я до твоей персоны этого гуся лапчатого допущу? Конечно, с тобой. Всю смену. И всю следующую смену. И вообще всегда.

Ольга, задумчиво покусывая колпачок авторучки и по-прежнему глядя в журнал, рассеяно переспросила:

- Что всегда? Извини, Иванов, - не расслышала...

- Э... так я это. Мысли вслух, - быстро заговорил Иванов. - Кстати, до чего мне твое отчество нравится - Ви-кень-ев-на, - смакуя, по слогам произнес он. - Это, естественно, от имени - Вика. Здорово я пендрю?

- Отвратительно... - не отрываясь от записей, произнесла она.

Иванов вздохнул.

- Считаю своим долгом предупредить вас, сударыня, что уже настало время выдавать лекарства.

Ольга взглянула на изящные золотые часики, украшающие ее запястье, и схватилась за голову.

- Ой, уже четыре минуты как. Чего не предупредил?

- Я пришел...

- Ага, с приветом. Знаем, знаем. Хватай посуду и чайник, я мигом.

Взяв две приготовленные с вечера кастрюли, одну с водой, а другую с мензурками, он вышел на отделение. Поставил кастрюли на стоящий рядом стол и вернулся за чайником.

- Оля, время!

- Иду, иду, - заторопилась Ольга, хватая со стеллажа ящик с карточками.

Около кастрюль уже суетились Яшка с Генахой. Они доставали мензурки и расставляли их на столе.

- Санитар, воду давай! - весело закричали они.

- Пейте, ады, - хватит воды! - в тон им отозвался Иванов, ставя чайник на стол.

Следом выскочила Ольга, поставила карточки и опять исчезла - за таблетками.

- Лекарства принимать! - гаркнул Иванов.

Тут же, со всех концов отделения, эхом отозвалось:

- Лекарства! Принимать лекарства!

К столику заспешили больные.

- Как оно ничего? - спросил Иванов у Генахи, молодого высокого парня.

- Д-да все окей, - слегка заикаясь, ответил тот. - Тебя уже с утра Костя-циркач окрестил?

- Сподобился, - вздохнул Иванов. - Кстати, мужики, - новенький-то...

Генаха красноречиво посмотрел на свои кулаки.

- Да нет, я в том смысле, что веселый мужик. Присмотрите за ним.

Генка с Яшкой переглянулись.

- Ага, веселый. К-клоун прям. Д-да он же, мудак, варенье бабе на голову лил. Лучше бы сюда подогнал.

- В смысле? - не понял Иванов.

- Да к нему баба на свиданку, когда он на судмеде торчал, дачку подогнала: варенье там, курево... А он варенье ей на голову вылил и метелить начал. Во кадр! - восхищенно объяснил Ян.

- Ну не хочет человек варенья, - почесал в затылке Иванов. - Кстати, погоняло у него - Малыш, с гражданки еще. Сам с подъема кричал.

- Ни хрена себе - Малыш! - заржал Генаха. - М-меня еще на голову выше.

- Ну, короче - присмотрите. Дайте поддержку.

Вышла Ольга с таблетками. Поставив коробку на стол, спросила:

- С кого начнем?

- С меня, Ольга Викентьевна, - отозвался Генаха.

- Мосейкин, Мосейкин, - перебирая карточки, бормотала про себя Ольга. - Так, Геннадий Владимирович. Утро. Трентал.

Быстро найдя нужную упаковку, она достала бледно-розовую таблетку и подала ее

Генке. Яшка уже закончил разливать воду из чайника в выставленные на стол мензурки. Генаха проглотил таблетку, запил водой из мензурки и открыл рот. Заглянув туда и убедившись, что таблетка благополучно проглочена, Иванов несильно хлопнул Генаху по плечу.

- Отвали!

Генка осторожно положил мензурку в кастрюлю с водой. Глухо булькнув, она опустилась на дно.

- Кострин, - взглянув на Яна, зарылась в карточки Ольга. - Да у тебя же нет ничего с утра. Чего и подходишь?

- А я с Генахой за компанию, - улыбаясь, сказал Яшка и тут же получил от Генки пинка.

- За к-компанию на очке сидеть будешь. Так бы сразу и сказал, что на Ольгу Викентьевну посмотреть пришел.

- О-о, - притворно застонал Яшка, хватаясь за ушибленный зад. - Ольга Викентьевна, чего это Мосейкин дерется? Запиши-ка его в журнал - пусть в наблюдалке побалдеет.

- Пошли давай! - схватил его за шею рукой Генка.

- Да погоди ты! - сбил руку Яшка. - Ольга, дай-ка гало... тьфу ты, черт!.. цитрамонину. А то голова что-то с утра болит.

Генка с Ивановым захохотали.

- Во-во, накорми-ка его галоперидолом вместо завтрака. Чтоб на девушек поменьше заглядывался.

Получив цитрамон, Генка с Яшкой, оба довольные от удачно начавшегося дня, ушли в туалет курить. Дальше все шло без эксцессов. Ольга быстро выдавала таблетки и переворачивала карточки отпущенных больных. Иванов исправно проверял рты и хлопал больных по плечу. Наконец, в коробке осталось только три неперевернутые карточки.

- Демидов, Комлев и Юриков...

- Мора! - закричал Иванов.

Из третьей палаты выскочил, всегда взъерошенный, небольшого роста, цыган Демидов по прозвищу Мора.

- Не пью я с утра!

- Пьет, - сказала Ольга, заглянув в карточку. - Вчера назначили.

Демидов уже успел усесться на банкетку, стоящую у окна.

- Моро, ушты! - по-цыгански крикнул Иванов. - Ява дарик. Джя таблетки пьяв! (Парень, вставай! Подходи сюда. Иди таблетки пить! - цыг.)

- Хнява адромуй! (Наложу в рот! - цыг.) - отозвался Мора, но с банкетки все же встал.

- Чего-чего? - прыснула Ольга.

- Он сказал, что... использует рот вместо унитаза, - перевел Иванов.

Ольга засмеялась, навалившись грудью на стол. Затем выпрямилась и поманила Демидова пальцем. Показала ему карточку.

- Видишь? Назначили.

Мора внимательно вгляделся. Ошарашенный Иванов завопил:

- Ольга Викентьевна! Да он же читать-то не умеет, а все равно смотрит!

- Да, чего-то написано, - вздохнул Мора.

С Ивановым чуть не случился припадок. Он так ржал, что недоумевающие больные начали выглядывать из палат - не случилось ли чего?

- Ну, Мора! Ну, уморил! - сквозь смех приговаривал он.

- Ольга Викентьевна, а чего там прописали? Не аминазин? - жалобно спросил Мора.

- Демидов! По утрам таблетки выдаются для здоровья. Витамины там всякие и так далее...

- И мне витамины? - воспрянул духом Мора.

- На вот, пей, - протянула ему две таблетки Ольга. - Да позови Юрикова из шестой и Комлева.

Мора, запив таблетки, убежал на розыски.

- Клоун! - глядя ему вслед, хохотнул Иванов. - Ишь, как под грамотного закосил. Да, чего-то написано, - ловко передразнил он Демидова.

- Тебе бы тоже в цирке работать, - засмеялась Ольга.

Иванов расцвел.

- Лошадью...

- Тьфу, ты... - сник он. - Тогда уж конем, пожалуй...

- Не тянешь ты на коня, - с удовольствием подколола Ольга. - Так, жеребенок еще!

Она сидела, подперев пухленькую щечку рукой, и наматывала на палец свободно спа-

дающий из-под белого колпака светлый локон волос. В ее серых глазах скакали бесенята. У Иванова почему-то пересохло в горле, и он, недолго думая, тут же выпил воду из двух свободных мензурок - больные еще себе нальют!

- Оля, - осторожно подбирая слова, произнес он, - можно быть постылым мерином, а можно ведь и желанным жеребенком. Все зависит от восприятия...

- О-о, да ты еще и философ! Скажите, пожалуйста!

- Пожалуйста, - тут же сказал он и продолжал: - От восприятия... и от точки зрения, что ли. От каких-то отношений...

- К чему это ты клонишь? - подозрительно спросила она.

Иванов сразу же огрубел.

- Да я все насчет коней. Не хочешь - не слушай.

К столу подошел Комлев.

- И насчет кобыл тоже, - продолжил Иванов.

- Каких кобыл? - удивился Комлев.

- Верховажских... - и, хотел в запале добавить, про вологодских, но раздумал. - Почему опаздываешь?

- Брился я, - ответил Комлев и, как бы в доказательство своих слов, потрогал свежевыбритую щеку.

Получив таблетки, налил из чайника воду в опустевшую мензурку.

- Во вторую налей, - распорядился Иванов, увидев, что к столу, слегка покачиваясь от переизбытка нейролептиков и держась за стенку, подходит Юриков.

- Выпил, Александр Владимирович.

- Показывай...

Подошедший Юриков начал с интересом рассматривать Ольгу Викентьевну.

- Таблетками здесь кормят? - и тут же без всякого перехода добавил: - Где я мог тебя видеть?

- Запоминай: во-первых - таблетки утром выдаются возле сестринской; во-вторых - не тебя, а вас; в-третьих - Ольга Викентьевна. Это меня так зовут...

- Куда зовут? - бесцеремонно перебил ее Юриков.

- Меня никуда не зовут, обычно я сама иду, куда надо, - отчеканила Ольга. - И впредь, попрошу, язычок попридержать... иначе санитары, - тут она кивнула на Иванова, - привяжут его вам к спине. Вопросы?

У растерявшегося, потерпевшего полное фиаско, Юрикова вопросов не оказалось. Выпив таблетки, он, все так же держась за стенку, побрел назад.

- Ну, понесли давай, все, - ставя одну коробку на другую, сказала Ольга. - А насчет коней и кобыл мы поговорим в другой раз - мне понравилось, как ты... психуешь!

Глава 4

Чередой, один за другим, начали раздаваться звонки во входную дверь. Сначала, как обычно, пришла старшая медсестра - Ольга Ивановна. Следом появились раздатчица, процедурная медсестра, сестра-хозяйка. Последним, когда Иванов уже выпускал за завтраком на пищеблок раздатчицу и Ваську Иванова, имеющего право выхода из отделения, прибежал инструктор Валентин. Больные начали потихоньку подтягиваться в столовую. Валентин уже вовсю резался в шашки с Левкой Шпицом. За другим столом ярые доминошники Переверзев, Попов, Хорь и Балашов «забивали козла». Между столиками неприкаянно болтался Собака и пытался давать советы то одним, то другим. Его отовсюду гоняли. Наконец и он нашел себе занятие. Поймав Маленького немца - одного из двух глухонемых, лежащих на отделении, - он, на полном серьезе, принялся учить того говорить.

- Лызый, сказы - баба, - советовал он Маленькому и делал загадочные знаки руками.

Маленький, гладя ладонью отрастающие рыжие волосы, понятливо кивал головой и послушно выдавливал из себя:

- Ба-ба...

Собака горделиво запоглядывал вокруг.

- Тепель сказы: лызый - дулак! - потребовал он.

- Ба-ба-ба! - ответил Маленький радостно и похлопал Собаку по плечу.

- Тьфу ты, плидулок, - в сердцах сплюнул Собака и, сунув руки в карманы широченных, не по росту штанов, пошел искать Быкова.

К Иванову подошел Леня Пучкис.

- Александр Владимирович, можно ли мне уже приступать к дежурству?

- Приступайте, Леонид Карлович. Как долго сегодня будете дежурить?

Пучкис ровным, бесцветным голосом, заглядывая в глаза Иванову, начал размышлять вслух:

- Сегодня вас двое, да еще Валентин Олегович. Значит, подежурю до обеда, а потом буду отдыхать.

- Ну-ну, начинайте, Леонид Карлович!

Леня ушел в проход между четвертой и пятой палатой и начал бесцельно бродить от одного проема к другому. Иванову невольно вспомнилось первое знакомство с этим здоровенным пятидесятилетним больным. Когда он пришел на свою первую смену, Сергеич, его тогдашний напарник, еще в раздевалке предупредил:

- Ничему не верь, но и не смейся. Кадров разных хватает. Тем более что контингент здесь особый - бывшие «зеки», у которых в зоне крыша поехала. Так что смотри - ни с кем не сближайся, а то заревишь потом...

А как раз перед завтраком к нему и подошел Пучкис. Вытянувшись перед Ивановым «по струнке», он представился:

- Вы теперь новый санитар? Позвольте отрекомендоваться: начальник всех морских и наземных вооруженных сил, маршал авиации, тайный генерал КГБ - Пучкис Леонид Карлович. На отделении исполняю обязанности санитара. За порядком слежу. А как вас звать?

Обалдевший Иванов, сквозь смех, выдавил:

- Александр...

- А вы зря смеетесь, - перебил его Леня. - Напрасно - я никогда не обманываю.

Тут подошел Сергеич.

- Леонид Карлович, иди за стол. Сейчас завтракать будем.

Когда Леня отошел, Сергеич спросил у Иванова:

- Представился?

- Ага! - Иванова так и распирало желание посмеяться.

- Не обращай внимания. У него пунктик такой.

- А чего это он насчет санитара грузил?

- Да Валентин, наш инструктор по работе, когда санитаров не хватало, в шутку предложил ему подежурить - даже халат белый дал. А Леня и повелся - уже два года санитаром себя считает.

- А халат? - спросил Иванов.

- Чего - халат?

- Ну, ты говорил, халат ему дали.

- А, - Сергеич махнул рукой, - он в нем и полчаса не проходил. Сразу отобрали. Теперь каждый месяц халат требует. Скажешь ему, что нет твоего размера - он на время и успокаивается. А через месяц - опять...

...Воспоминания Иванова прервала Ольга.

- У шефа крыльцо почистили?

Вылезая из кресла, Иванов пробурчал:

- Ты, Оля Викентьевна, как всегда - вовремя. Только поспать собрался.

- Чего? По ночам спать надо! - сказала она и хлопнула его по голове тетрадкой, которую несла в руке.

- Иду уже! - засмеялся Иванов и пошел за ключом от дверей шефа.

Выскочив прямо в халате на дымящийся под фонарями мороз, он быстро-быстро смел веником снежок с крыльца. То же самое он проделал и с небольшой дорожкой, ведущей от ворот к крыльцу, разметая снег по сторонам. Забежав на отделение, сразу же кинулся к батарее и схватился руками за ее чугунные ребристые бока - больше всего на морозе стыли пальцы.

- Уже? - удивилась Ольга, успевшая занять кресло, в котором так недавно балдел Иванов.

- А нам, татарам, - застучал зубами Иванов, но, сообразив, кто перед ним сидит, осекся: - Долго ли умеючи!

Тут прибежал Собака, посланный Гусем.

- Асан Имиовись, - завтлак...

Быстро, втроем, разнесли кашу, хлеб, чайники. Некоторое время в столовой слышался только стук ложек. Несколько больных подошли к окошку раздачи за добавкой. Иванов спросил у раздатчицы:

- Людмила Алексеевна, как там насчет добавки?

Та выставила ему в окно большую кастрюлю и черпак.

- Сели все на место! - прогнал нетерпеливых больных Иванов. - Всем хватит!

Отпустив Гуся и Валентина завтракать, он пошел с кастрюлей по рядам - раздавать добавку. Отдав назад пустую кастрюлю и внимательно оглядев столы - почти все уже поели, - он подозвал Демидова.

- Мора, иди считай ложки!

Это явилось как бы сигналом - больные дружно потянулись курить, неся пустые тарелки и кружки на первый стол и отдавая каждый свою ложку Демидову. Иванов поманил пальцем двух глухонемых - Большого и Маленького - и показал им, что надо вытирать столы. Те кинулись к батарее за тряпками. Собака, суетясь, бегал за ними по всей столовой и покрикивал:

- Эй, немсы, - лаботайте! Зыво, зыво!

Мимо пробежала Ольга, уже успевшая позавтракать. Мимоходом бросила Иванову:

- Таблетки...

- Понял!

Подозвал некурящего Пучкиса и не имеющего курева Собаку.

- Сходите за посудой - Ольга Викентьевна выдаст.

Подошли Яшка с Генахой.

- За посудой уже ушли?

- Ушли, сейчас принесут.

Показался Собака, тащивший кастрюлю с мензурками и чайник. Следом топал Леня, обеими руками несущий кастрюлю с водой. Генка с Яшкой, прогнав от стола Собаку, принялись расставлять мензурки и наполнять их водой из чайника. К столику быстро скапливалась очередь. Заметив скучающего в сторонке Славку Шичигина, Иванов спохватился: «Черт, совсем сегодня замотался - и со Славиком не успел поговорить!» Он быстро подошел к нему и несильно хлопнул по плечу.

- Славик, ну-ка гаркни!

Обрадованный Шичигин, набрав в широкую грудь побольше воздуха, завопил:

- Всем в столовую. Таблетки пить!

Уже подходила Ольга, неся коробку с лекарствами и поверх нее ящик с карточками.

- Славик, - сказал Иванов воспрявшему духом Шичигину, - подойдешь после конвертов - поболтаем. А сейчас, извини, некогда.

Когда появился Гусь, Иванов уже успел проверить почти половину больных.

- Иди, давай, ешь, - сказал Гусь, занимая место Иванова у стола и тут же, обмакнув шпатель в кастрюлю с водой, залез им в рот очередному больному.

- Проглотил, - кивнул он Ольге. - Давай следующего.

- Комлева проверь получше, - посоветовал Иванов. - Звоночек был...

Походя забрал у Демидова ложки.

- Все?

- Все. Шестьдесят четыре.

- Учись, Мора, считать. Дома пригодится!

Не торопясь, поел. Поболтал о чем-то с раздатчицей Людмилой. Выпросил у сестры-хозяйки новый халат - старый давно надо было стирать.

На отделении уже собирались клеить конверты. Больные чинно рассаживались за столами. Иванов открыл сушилку. Собака и Бык, без лишних напоминаний, начали снимать бумагу со стеллажей. Валентин принес сваренный клей в небольшой кастрюльке и разлил его по баночкам. Подошли Ольга и реабилитационная медсестра Анна Николаевна, которой оставался год до пенсии.

- Саша, - обратилась к Иванову Анна Николаевна, - Андрей Андреевич на отделение собрался - обеспечь.

По жесткой инструкции, полученной месяца два назад, санитар, не дежурящий у наблюдательной палаты, был обязан сопровождать шефа по всему отделению, следуя позади от него в двух метрах. Этим актом Губанов, в последнее время очень уж круто «затягивающий гайки», решил обезопасить себя от излишних эксцессов. Да и действительно - некоторые агрессивные больные, ждавшие комиссии, как манны небесной, и «пролетевшие» на ней, могли ненароком открутить шефу голову. Поэтому, после комиссии, шеф держал их по нескольку недель в наблюдалке, глуша агрессивность лошадиными дозами нейролептиков. Всему персоналу становилось даже жалко смотреть на это синюшное, трясущееся подобие людей. Но шеф был неумолим. В «кулуарах» политика Гу-

банова вызывала горячие споры - зачем, мол, обещать больному выписку, а вместо нее, наоборот, назначать галоперидол с аминазином и запихивать в наблюдалку? Уж лучше бы и не обещал.

А еще он ввел почти официальную систему доносов. Некоторые больные, вконец обурев, вовсю «ломили» персонал, а шеф радостно потирал руки, ожидая, что же из этого получится. А дела получались интересные. Почти все санитары обзавелись, каждый своими, клевретами, и те ненароком «глушили» стукачей на дальняке. За определенное, естественно, вознаграждение: две-три сигареты - и больной целую неделю мог красоваться с большим фингалом. Стукачи быстро поняли, что на санитаров доносить невыгодно и тут же переключились на медсестер и другой персонал. Медсестры после очередного разноса у шефа плакали в раздевалке и просили санитаров посодействовать. Буквально через месяц шеф крепко удивился и начал задумываться: с чего бы это раньше такие отзывчивые больные, готовые за одно только упоминание о внеочередной комиссии донести на родного отца, в приватных беседах упорно отмалчивались и мямлили что-то совсем уж невразумительное. Но не все. Два-три человека все же продолжали постукивать, так как шеф пообещал устраивать самые жесткие разборки за каждый обнаруженный синяк. Санитары буквально балдели: это что же получается? Охамевшего, «забившего на все» больного и пальцем тронуть не моги? Скоро дойдет до того, что они медсестрам халаты задирать начнут и волтузить санитаров почем зря, а ты их за это по головке гладь?!

Все это неоднократно высказывалось шефу на собраниях и в единоличных беседах (шеф любил поговорить с персоналом, выдергивая в свой кабинет по одному со смены), но никаких результатов не давало. Он ссылался на опыт москвичей, проводящих реабилитационные мероприятия, в результате которых у больного человека должен был появиться вкус к полноценной жизни, и даже ввел на отделении должность реабилитационной медсестры. И предпенсионная Анна Николаевна прыгала вместе с больными в мешках и, словно резвящаяся молодая козочка, вовсю гоняла по прогулочному дворику мяч. Правда, санитары освобождали ее иногда от этих «веселых» обязанностей и сами с увлечением играли в футбол и перекидывались пляжными тарелками, а она устало сидела на скамейке, с тоской подсчитывая оставшиеся до пенсии дни.

А Губанов продолжал гнуть свою линию. И вскоре уже с десяток больных снова начали «барабанить» шефу. Медсестры плакали втихаря, а обалдевшие, свихнувшиеся санитары пачками перебегали на другие отделения, где нравы были попроще: грозный окрик санитара, а иногда и кулак, являлись там таким весомым аргументом, что после него больные ходили, как шелковые. «Перебежчики», встречаясь иногда с новенькими санитарами, набранными шефом, сочувственно интересовались положением дел. Те только беспомощно разводили руками и костерили шефа, на чем свет стоит. Вовремя слинявшие, похихикивая, удалялись, а новенькие завидовали им острой, жгучей завистью. Если санитар проработал на отделении год, то он считался ветераном. Иванов уже был ветераном вдвойне, а Сергеич и Валера являлись чуть ли не мастодонтами, и на них смотрели, как на своеобразную реликвию отделения. Они были чем-то вроде боевых знамен части, отработав уже по пять лет! Они помнили еще и старого шефа, при котором жизнь была не в пример лучше, и постоянно травили легенды о старых дореабилитационных временах. Иванов же старого шефа не застал, но и перебегать на другое отделение не собирался - ему здесь нравилось...

Отклеившись от подоконника, Иванов, позвякивая тяжелой связкой ключей, пошел к сестринской. Мимоходом заглянул в пятую палату - здесь, за обитой железом дверью, было царство Валентина Олеговича - швейная мастерская. Тут же, не доходя до «швейки», находилось и моечное отделение посуды. Васька Толстов, весь в клубах пара, усердно драил тарелки и кружки. Ложки же, по уверению шефа, приравнивались к холодному оружию и поэтому выдавались и принимались раздатчицей по счету. Она же сама их и мыла. Иванов заглянул в «швейку». Генка с Яшкой, Мора, Красиков и еще несколько человек с увлечением строчили на машинках. Предупредив Валентина, крепенького, как гриб боровичок, все время жизнерадостного и веселого мужичка, что намечается приход шефа, он еще раз пробежался по палатам, проверяя заправку кроватей и чистоту вымытого пола. Все оказалось в порядке. Поудобнее устроившись в одном их двух кресел, стоявших у сестринской, он, покручивая на пальце связку ключей, принялся терпеливо поджидать появления начальства. Вскоре заскрежетал ключ в замке. Поднявшись, Иванов направился к двери. Источая запах нездешнего одеколона, из сестринской вышел шеф - немолодой, поджарый, стремительный. Редкие седые волосы аккуратно заче-

саны назад. Цепким, настороженным взглядом из-под густых бровей придирчиво оглядел Иванова, отыскивая изъяны во внешнем виде. Иванов тут же мысленно похвалил себя за то, что вовремя успел поменять халат.

- Здравствуйте, Александр Владимирович.

- Добрый день, Андрей Андреевич.

Закрыв дверь, Губанов спрятал ключ под халат - в задний карман брюк.

- Почему вы разгуливаете по помещениям с ключами в руке? - наконец нашел повод придраться шеф. - Больные отберут их, и половина отделения разбежится.

Иванов, хмыкнув, снисходительно взглянул на шефа, едва достающего до его груди.

- Вряд ли это...

Бывший морпех, до сих пор сохранивший неплохую физическую форму, он выделывал такие чудеса на перекладине в прогулочном дворике, что больные только открывали рты. А так как в этом замкнутом мирке во главу угла ставилась прежде всего грубая сила - уважали его, а многие даже и побаивались: запреты запретами, а все же, леший его знает, вдруг да сорвется?.. Но Иванов никогда не срывался. Со всеми больными старался найти общий язык, а если с некоторыми не получалось, то насильно в душу не лез - больные все-таки... Надо будет - сами придут и поплачутся. А еще он испытывал патологическую жадность к любой информации. Знал, например, сколько детей было в семье у Усохина, какого цвета рубашки предпочитает носить дядька Демидова, какое первое слово произнес внук Татьяны Андреевны и многое-многое другое. Порой сам себе удивлялся: на кой черт ему столько лишних, ненужных, казалось бы, знаний? Но с каким эффектом, играя, к примеру, в шахматы с Васькой Ивановым и перекидываясь с ним ничего не значащими фразами, вдруг, на обвинение Васьки в том, что «совсем недавно тут скакала лошадь», мог с достоинством ответить, что он не Валерий Никанорыч и жульничеством не занимается. Этот Никанорыч как-то раз обманул Ваську при покупке мопеда, что Васька и рассказал Иванову год назад, тут же об этом забыв. Васька обалдело интересовался, не жил ли Иванов в Талицах, а если и жил, то когда? Иванов отвечал, что «слухами земля кормится», и продолжал невозмутимо двигать фигуры. А Васька, совершенно выбитый из колеи, долго находился в прострации и сдавал одну партию за другой, пытаясь понять, как слух об обычном местечковом жулике добрался до Вологды.

...Пройдя вместе с шефом через все отделение, Иванов оказался в столовой. Больные тихо-мирно клеили конверты. Здесь Губанов задерживаться не стал и сразу прошел в наблюдалку. Гусь чуть привстал и вопросительно взглянул на Иванова - идти за шефом или нет? Тот махнул рукой - сиди уж... В палате шеф начал интересоваться положением дел у больных. Лежащего в углу молодого парня по фамилии Барышев слегка даже пожурил за то, что тот не ходит на прогулки.

- Неспокойно мне, - признался Барышев. - Как только перевели сюда, так и пошла нетерпячка.

- Пригласите сюда дежурную медсестру, - обратился шеф к Иванову.

Тот хотел было крикнуть Гуся, но Ольга уже сама спешила к палате.

- Сколько времени у нас находится Сергей Леонидович?

- Да недели две...

- После трудотерапии вычеркните у него из карточки аминазин: утро и день, оставьте только вечер, причем не пятьдесят, а двадцать пять миллиграмм. Также, для устранения побочных эффектов и снятия напряжения, добавьте утром таблетку цикладола, - велел Губанов и перешел к следующему больному.

Иванов подмигнул Ольге - любит, мол, шеф красивые жесты! Та понимающе улыбнулась. В палату начал потихоньку набиваться дежурный персонал. Подошла сестра-хозяйка, следившая за чистотой в отделении, старшая и процедурная медсестры. В узких проходах между кроватями стало настолько тесно, что негде было упасть яблоку. Наконец, покончив с осмотром, Губанов, как маленький царек, обросший свитой, двинулся в швейку. Пройдя длинную пятую палату, они попали в мойку. Поинтересовавшись, работает ли бак для кипячения воды, и получив утвердительный ответ, шеф прошел к Валентину Олеговичу. Узнав, сколько полотенец и наволочек будет пошито к пятнице, он, наконец, убрался в свой кабинет. Иванов, с явным облегчением, снова плюхнулся в кресло. Из сестринской выглянула процедурная медсестра.

- Саша, вот список на уколы - сходи огласи. И, - тут она посмотрела на часы, - Усохина через десять минут отведешь на прогревание.

- Понял!

... По дороге в поликлинику, находящуюся через три здания, Иванов спросил у Усохи-

на:

- Как дела, Володя?

- Как-как? Никак... Васька вон опять вчера в шахматы обыграл, - и немного подумав, добавил: - Шесть раз.

Иванов улыбнулся.

- А ты не торопись. Думай. И выиграешь.

- Выиграешь тут, когда пол-отделения подсказывает, - огорченно пробормотал Усохин.

- Кому подсказывает? - не отставал санитар.

- Кому-кому - мне...

- Ну, вот видишь! - рассмеялся Иванов. - Я и говорю - думай!

Заметив на снегу брошенный окурок, Усохин наклонился, поднял его и положил в карман фуфайки.

- Зачем тебе? Ты же не куришь.

- Да мужики просят...

Подойдя к кабинету, у которого толпились больные и санитары с других отделений, Иванов гаркнул:

- Привет, орлы! Третье отделение - без очереди!

Дождавшись, когда из кабинета выйдет очередной больной, они прошли в открытую дверь.

- Усохин. Третье, - сказал Иванов, протягивая медсестре пухлую медицинскую карту Усохина.

Медсестра заглянула в карту.

- Вы, Владимир Карпович, раздевайтесь по пояс и ложитесь, а вы, - кивнула она Иванову, - берите стул и садитесь рядом.

- Знаем, знаем, - хмыкнул Иванов, ставя стул возле кушетки, на которую уже залезал, успевший раздеться, Усохин.

Когда они выходили из кабинета, какой-то санитар, видимо из новеньких, обиженно сказал им:

- Почему это третье всегда без очереди лезет?

Иванов, глядя санитару в глаза, с металлом в голосе, отчеканил:

- Ввиду непредсказуемого поведения пациентов третьего и двадцать первого отделений, а также ввиду их социальной опасности для общества, больные данных отделений на пищеблоке и в поликлинике обслуживаются вне очереди. Все строго по инструкции. Вопросы?

Санитар, обалдевший от этой казенной формулировки, хлопал глазами.

- Ментов и мужиков в наручниках видел? - несколько смягчившись, спросил Иванов.

- Ну...

- Они с двадцать первого. Там - судмедэкспертиза. А оттуда - прямая дорожка к нам. Только уже без наручников. Так что - соображай! - и, подхватив Усохина под локоть (строго по инструкции!) и следуя чуть сбоку и чуть сзади, он повел его к выходу. Попав на лестницу, они оба рассмеялись.

- Ловко вы его поддели! - хихикал Усохин.

- А что делать? Молодых учить надо. Кстати, Володя, вон чинарик еще валяется.

- Где? - закрутил головой Усохин.

Выйдя из поликлиники, они не спеша пошли к отделению, беседуя, как добрые знакомые. Навстречу им неторопливо плелась лошадь, запряженная в телегу. В телеге, среди бачков с отходами с пищеблока, сидел горбатый Пашка-цыган в черном полушубке и что-то напевал себе под нос. «Я забыл, как лошадь запрягают...» - неожиданно вспомнилась Иванову строчка из Рубцова. На душе вдруг стало неуютно и пусто, словно он сам был виноват в том, что лошадей почти не осталось и их повсюду заменяет техника. Лошадь брела, помахивая изредка головой и не глядя по сторонам. Пашка, увидев Иванова, улыбнулся, кивнул ему и показал большой палец - мол, все ладно! Иванов тоже ему кивнул и улыбнулся, вспомнив, как летом Пашка бегал по Лукьянову с недоуздком в руках и спрашивал у всех прохожих о пропавшей своей лошади. Иванов тогда отправил его на вторую Вологду, где, проходя на работу, и видел потеряшку, серым призраком бродящую между железнодорожных путей. Проводив телегу взглядом, он спросил у Усохина:

- Карпыч, вот ты сам деревенским будешь. А лошадь можешь запрячь?

- Нет... - Усохин остановился и беспомощным взглядом посмотрел на санитара. - После войны мы и лошадей-то не видали. Трактор починить могу, а вот лошадь... - он тяжело

вздохнул, и на его широком одутловатом лице проступило явное огорчение, что не может он удружить Иванову, сказав, что умеет запрягать лошадь. - А к чему это?

- Да так... Спросил просто. Ну, пошли, что ли?

Глава 5

Когда они, раскрасневшиеся с мороза, зашли на отделение, Иванова сразу же отправили в процедурку заменить Валентина.

- Уже пришли? - обрадовался Валентин. - Ну, давай, смотри здесь, а я с немцами за бумагой в мастерскую пойду.

- Сам смотри... Немцев по дороге не растеряй! К прогулке-то вернешься?

- Конечно. Немцы ребята шустрые - быстро управимся.

Валентин убежал, а Иванов вызвал следующего по списку больного. Им оказался вездесущий Собака.

- Тебе-то чего колют?

- Гоясие, - довольный Собака, едва зайдя в кабинет, тут же начал крутить во все стороны стриженой круглой головой, поразительно напоминая повадками маленького любопытного щенка.

- Ну-ну, ты поменьше жальником-то вращай! - предупредил Иванов, перетягивая ему жгутом руку чуть повыше локтя. - Наверняка чего-нибудь слямзить хочешь!

- Сего тут лямзить-то?

- Ну, иголку, например...

- На фиг мне васы иголки нузны. Спийтику ба... - заоблизывался Собака.

- А вот щас тебе будет - и иголки, и спиртик, - пообещал Иванов. - Работай!

Собака начал старательно сжимать и разжимать свой сухонький кулачишко. Через некоторое время на бледной коже запястья ярко засинела вена. Ольга Николаевна, процедурная медсестра, протерла ватой со спиртом кожу у локтевого сустава.

- Вот тебе и «спийтик»... А вот и иголки! - закончил Иванов, когда Ольга Николаевна ловко ввела иглу в набухшую вену.

Оттянув немного назад поршень шприца и подождав, пока в нем не заклубится кровь, она начала медленно вводить лекарство.

- А быстло мозно? - попросил Собака.

- Можно, можно, - ответила Ольга Николаевна и сразу же ввела ему все содержимое шприца.

Прижав след от укола ватой со спиртом и загнув ему руку в локте, она легонько подтолкнула его в спину.

- Иди...

Иванов, хорошо знакомый с этими штучками, сразу же подхватил Собаку под локоть и потащил к выходу. Выбежав из кабинета в коридор, он крикнул:

- Следующий - Переверзев!

Из кресла начал неторопливо подниматься Витька Переверзев.

- Давай быстрее - сейчас Собаку жахнет! - подскочил к нему санитар, таща за собой уже начавшего млеть Собаку.

Витька пулей выскочил из кресла, на которое Иванов тут же и усадил Собаку. Перед тем как окончательно забалдеть, Собака все же умудрился вытащить свободной рукой ватку и сунуть ее под язык. Больные, с интересом наблюдавшие за этой сценой, радостно, с одобрением загалдели:

- О, Собака заодно и опохмелится!

Собака, от удовольствия закрыв глаза, молча сосал вату и блаженно улыбался. Иванов и сам расхохотался - настолько был смешон в эту минуту маленький, балдеющий Санька Серегин. Но за вату все-таки пообещал:

- Вот я тебя ужо!.. - хотя навряд ли Собака мог слышать его, да, пожалуй, и всех остальных: смесь Петрова, попав в его кровь, радостно там бурлила и нестерпимо жгла весь организм - от пяток и до ушей.

Свойство горячих уколов таково, что если их вводить быстро, что сейчас и сделала Ольга Николаевна, то они буквально оглушают человека, огненной волной расходясь по всему телу. В зависимости от особенностей организма, человек может ощущать головокружение «вперемешку со звездами», или же ядовитый ментольный холодок в подвздошине, или что-то другое. Видимо, сочетание горячих уколов с нейролептиками и давало такой необычный эффект. А тут еще кусочек ваты с чистым медицинским спир-

том добавлял отвыкшим от алкоголя больным столько радости, что все они, как один, просили назначить им горячие уколы. Сначала шеф удивлялся такой активности и направо и налево назначал эти самые уколы. Потом все же раскусил эту хитрость и уколы назначал только тем, кому это действительно было необходимо. Но иногда, в виде поощрения, мог назначить и без всякой необходимости.

Иванов хотел было понаблюдать, как будет отходить Собака, но вовремя вспомнил, что до прогулки осталось не так уж и долго, а ждущих уколы оставалось еще пятеро. Заглянув в список, он убедился, что горячие остались только у Переверзева. Остальным были назначены внутримышечные.

- Витек! - хлопнув Переверзева по плечу, спросил он. - Вена-то не появилась еще?

- Откудых? - вздохнул тот. - Ушла, да и с концами...

- Ну, давай тогда мужиков пропустим - у них витамины, а потом и тобой займемся.

- Можно...

Быстро сводив оставшихся на уколы, Иванов завел в кабинет Переверзева.

- Горе ты мое, - завздыхала Ольга Николаевна. - Куда сегодня-то колоть будем?

Дело в том, что Витька Переверзев уже лет двадцать не вылезал из различных психушек и психоинтернатов. Родственники от него отказались, своего дома не было, и Витька, серьезно нарушив чем-либо порядок очередного интерната, прямым ходом попадал либо сюда - на строгий режим, либо в Ленинград - на спецотделение. Немудрено поэтому, что его «мослали» уколами направо и налево. В итоге вены на руках и ногах стали такими тонкими, что в них было не попасть никакими, даже самыми мелкими, иглами. Попросту говоря - «вены ушли». И поэтому медсестры искали у него такие участки тела, где вены сохранили более или менее нормальный объем. В итоге таких участков оставалось все меньше и меньше.

- Ольга Николаевна, давайте, как и в тот раз, в кулак, - попросил Переверзев медсестру. - В тот раз вы больно уж хорошо попали - с первого раза.

- Ну, давай, Витя, работай, - сказал Иванов, наложив жгут на запястье.

Минуты через три появилась вена, или, вернее, то, что от нее осталось. На этот раз Ольга Николаевна с первого раза не попала. Вена уходила из-под иглы, словно намыленная веревка. Витька скрежетал зубами, но терпел. Иванов с отсутствующим видом смотрел в зарешеченное окно. Там, по замерзшей рябине, прыгали две синицы. В другое время он, может быть, и полюбовался бы на их игру, но сейчас он просто их не видел. Зубовный скрежет Переверзева бил по нервам, отчего санитар только передергивал плечами. Наконец, медсестра с Витькой облегченно вздохнули. «Попала!» - решил Иванов и перевел взгляд от окна на судорожно сжатый, весь в потеках крови, витькин кулак. Покончив с уколом, Ольга Николаевна обтерла кровь и прижала ранку ваткой.

- Ну, все! - с облегчением вздохнул Иванов, выводя Переверзева из кабинета. - На прогулку-то пойдешь?

- Пойду, - сразу же засуетился Витька.

В это время, следом за ними, из дверей показалась Ольга Викентьевна.

- Александр Владимирович, пригласите весь персонал на пятиминутку. На отделении остаются Сергей Валентинович и Александра Вениаминовна.

- Оля Викентьевна, а как же прогулка? Я гулять хочу! Меня и так уже мутит от кровищи, а ты на новую кровь зовешь. Пусть вон Гусь топает - он вумный...

- Приказ шефа. А с больными инструктор погуляет, когда из мастерской придет.

- Ну, вать машу... - недовольно забурчал Иванов и поплелся в другой конец отделения - звать персонал на «вздрючку», как называл пятиминутки санитар Сергеич.

Шеф появился только после того, как работники расселись по своим местам. Внимательно всех оглядев, поинтересовался:

- А где Валентин Олегович?

- Да он с немцами в мастерскую за бумагой убежал, - после некоторой паузы отозвался Иванов.

Губанов вопросительно вскинул брови. Сверкнул глазами. Медсестры сдержанно захихикали. Иванов, поняв свою оплошность, пробормотал:

- Тьфу ты, опять все рамцы попутал...

Все, уже откровенно, захохотали. Иванов покраснел, обреченно махнул рукой и под общий смех продолжил:

- Они, то есть Валентин Олегович и больные Малов и Лебедев, ушли в мастерскую. Бумага кончилась.

- Вы мне тут клоуна из себя не стройте, - раздраженно произнес Губанов. - Мы не в

цирке служим.

Смех мгновенно оборвался.

- А отчего бы и не посмеяться? Не в цирке - согласен. Но ведь и не в монастыре же! - начал заводиться Иванов.

- ...И почему вы выражаетесь блатным жаргоном? - словно не заметив эскапады санитара, продолжал шеф.

- Так ведь известно - с кем поведешься...

Кто-то опять захихикал, но шеф грозным взглядом в корне пресек это начинание.

- Вы хотите сказать, что идете на поводу у больных?

Иванов не на шутку рассердился.

- Повод, Андрей Андреевич, бывает только у коня. А я, между прочим, не конь...

- Во-во, - не подумав, брякнула Ольга, вспомнив, видимо, утренний разговор. - Не тянешь ты на коня... - и вдруг, непроизвольно зажав рот ладонью, с испугом взглянула на Губанова.

Тот, изумленно откинувшись на спинку стула, в недоумении переводил взгляд с Ольги на Иванова.

- Так-так, - постукивая кончиком карандаша по столу, пробормотал он.

Неожиданно для всех, эта сцена его успокоила.

- Ольга Викентьевна, доложите обстановку по смене.

Ольга, бросив на Иванова испепеляющий взгляд, начала нервно перелистывать журнал. Страницы переворачивались с сухим тревожным хрустом. Иванов, скромно потупившись, молчал, пряча в уголках рта ехидную улыбочку.

- Вчера перед отбоем подрались Ботинин и Красиков, - начала перечислять Ольга.

- Почему подрались?

- Из-за Соб... - начала было Ольга, но вовремя спохватилась. - Из-за сигарет. Ботинин забрал у Серегина сигарету, которую тот нес Красикову.

- Почему забрал? У Ботинина полно сигарет в сестринской.

Ольга неопределенно пожала плечами.

- По вашему распоряжению одна пачка сигарет из личных запасов больного выдается на два дня. Вероятно, больной Ботинин не рассчитал норму и поэтому забрал сигарету у Серегина.

- Так, - задумался шеф. - Барышева пора выводить на отделение - я полагаю, что адаптационный период у него закончен. На его место, в наблюдательную палату, перевести Ботинина... Что еще?

- Больше ЧП не было. Утром склеили двести пятьдесят конвертов. Подходил Попов - жалуется на плохой сон. Все.

- Попову назначить неулептил на ночь. Так, Александр Владимирович...

Иванов медленно поднял голову.

- Усохин шесть раз проиграл Иванову в шахматы.

- Значит, расшевелили человека! - обрадовался Губанов. - Еще раз повторяю, реабилитация - великое дело!

- Конечно, расшевелили, - шепнул Иванов Ольге. - Отмени галоперидол - так любой козлом заскачет...

- Еще? - продолжал Губанов.

- Ян Кострин готовит новогоднюю программу. Так что им с Демидовым каждый вечер нужна гитара.

- Хорошо, я запишу. Что еще?

- Все...

Минут через десять, после того как все высказались, Губанов завершил пятиминутку и ушел к себе в кабинет.

- Ну, ты и запутал меня с конями, - быстро шепнула Ольга Иванову при выходе.

- Так ведь думать-то головой надо, Ольга Викентьевна, - ответил он и пошел одеваться.

На отделении почти никого не было - все гуляли. Быстро накинув фуфайку и шапку, санитар вышел в прогулочный дворик. С трех сторон дворик окружали стены отделения - буквой «П». Прямо напротив входа тянулся длинный забор, по верху которого змеилась колючая проволока. Дворик был забит прохаживающимися во всех направлениях больными. Инструктор Валентин стоял на крыльце, а напротив него, у забора, - Рыжий, или, как его еще называли на отделении, Маленький немец, из-за того что он, подобно своему «Большому» собрату, был глухонемым. Они не спеша, с толком, перебрасывались пляжной «летающей тарелкой», что ни в коей мере не мешало Валентину внима-

тельно наблюдать за всем происходящим во дворике. Желтая тарелка плавно парила над головами прогуливающихся, всегда точно попадая в руки то Валентину, то Рыжему. Большой немец стоял «на подхвате». Когда у Рыжего замерзали руки, то он мычал нечто невразумительное, типа «Ба-ба», и тянул Большого за рукав фуфайки на свое место, а сам убегал в сушилку греть покрасневшие пальцы о батарею. Лебедев согласно кивал головой и покорно становился к забору. Но у него тарелка летала не так ловко - то сшибала шапки с больных, а то застревала в чьих-то ногах, и мужики, отчаянно матерясь, возвращали тарелку Валентину то с одного, то с другого конца двора. Минуты через три появлялся Рыжий, возмущенно толковал свое «Ба-ба-ба!» и, отталкивая Большого, занимал его место. Большой опять согласно кивал головой и отходил в сторонку. Тарелка, словно большая желтая птица, снова начинала плавно летать от крыльца к забору.

Иванов с сигаретой в зубах вышел на крыльцо и, отыскав взглядом Шичигина, которому что-то с увлечением объяснял Хорь, поманил того пальцем. На толстом добродушном лице Славки расплылась улыбка, и он со всех ног кинулся к санитару. Растолкав двух-трех человек, клянчивших у Иванова чинарик, он влез на крыльцо.

- Санитар мне обещал оставить! - сильно грассируя, радостно выпалил он.

Введенные, таким образом, в курс дела попрошайки отошли от крыльца, продолжая с завистью поглядывать на курящего санитара. А Славик, все так же сильно напирая на «р», поинтересовался:

- Александр Владимирович, пятиминутка кончилась?

- Ага, Славик, кончилась, - ответил Иванов и незаметно подмигнул Валентину.

Тот, в свою очередь, перемигнулся с Рыжим. Рыжий, уже запускавший тарелку, чуть изменил угол броска, и тарелка, пролетев через двор, мягко шлепнулась о славкин затылок. Шичигин, потрясая кулаками, с матюгами кинулся к забору, и Иванов едва успел схватить его за воротник фуфайки.

- А-ба-ба! - возмущенно завопил Рыжий, переводя палец вытянутой руки с Валентина на Шичигина - мол, как же так?

Инструктор сам, между прочим, приказал кинуть в Славку, а он, Рыжий, должен за это страдать? А вдруг бы Иванов не успел поймать Шичигина, и тот умудрился добраться до него и намять ему бока? Вон какой толстый... Это явно подстава, и он, Рыжий, отказывается кидать сегодня тарелку. Все это Маленький умудрился показать двумя-тремя жестами. Большой немец согласно кивал головой и показывал всем желающим большой палец - все, мол, у меня хорошо!

- Славик, не бушуй, это тебе звоночек - нельзя во время прогулки стоять на крыльце, - успокаивал Иванов Шичигина. - Приказ кума. Понимай! На вот, покури лучше, - и, сделав еще одну затяжку, отдал ему сигарету.

Славка, действительно, успокоился и, встав около крыльца, тихо, так чтобы никто не слышал, сообщил Иванову:

- Вчерась Ботинок с Карасем дрались... Прямо на дальняке махались.

- Ну? - «удивился» санитар. - А кто виноват?

Славка оглянулся и, отыскав взглядом Ботинка, который мирно прохаживался в углу дворика, прошептал:

- Ботинок!

- Так-так, - посмотрев на Ботинина, угрожающе протянул санитар. - Что ж, Славик... После обеда я переведу его в наблюдалку. Доигрался, щучий сын!

Валентин, отвернувшись, зажал рот ладонью, чтобы не расхохотаться, а Славка, ничего не замечая, с восхищением глядел на Иванова.

- Это уж обязательно - в наблюдалку! - повторил санитар и хлопнув Шичигина по плечу: - Закрой рот, не то ворону поймаешь! - направился к отдельно стоящей группе больных.

Там были Ян с Генахой, Красиков и цыган Димка Щербицкий. Если Яшка с Морой были цыганами мелковатыми: Яшка по возрасту - только-только исполнилось семнадцать, а Мора в силу своей породы - «весь в батька», то Димка, по сравнению с ними, казался Геркулесом. Этакий ходячий, чуть косолапый шкафина, с длинными, перевитыми веревками мышц руками и добродушной улыбкой на сильно смуглом лице. Димка мог часами говорить о лошадях, у-шу и тяжелой атлетике. Все это он знал хорошо и, начав говорить о чем-нибудь одном, совершенно непостижимым образом перескакивал с излагаемой темы на другие. Получался невообразимый винегрет из лошадей, китайцев и килограммов железа. Дело в том, что Димка, хоть и с трудом, но все же закончил несколько классов школы и поэтому умел читать и писать, а Яшка с Морой не умели и,

кстати, нисколько по этому поводу не огорчались. Деньгам они счет знали, и этого им вполне хватало. А Димка же, хоть иногда, но все же почитывал кой-какие журналы, и все прочитанное крепко оседало в его голове. Сейчас он стоял на одной ноге, а второй медленно водил по воздуху, демонстрируя Красикову какой-то особо хитрый прием у-шу.

- Ага, весь Череповец в углу собрался. Привет, аристократия! - сказал Иванов и легонько подтолкнул Димку в плечо.

Тот не удержал равновесия и налетел на Генаху. Генаха, смешно взбрыкнув ногами, завалился в сугроб у стены, а сверху на него шлепнулся и сам Димка. Иванов, оценивший ситуацию, тут же затолкал в сугроб Красикова с Яшкой и, весело закричав: «Куча мала!» - уселся сверху. Димка, освободив одну руку, дернул санитара за воротник фуфайки, и тот сунулся головой в снег. Вдоволь нахохотавшись, они отряхнулись от снега и тут же закурили.

- Десять минут гулять осталось, - сообщил Иванов, поглядев на часы. - А ты, Яшка, хлестался утром, что восемь раз подтягиваешься. Докуришь - и вперед, на перекладину.

- Угу, - отозвался тот.

Ему так не терпелось продемонстрировать свое умение, что, докурив сигарету едва ли до половины, он отдал ее кому-то из проходивших мимо больных, натянул перчатки и, подпрыгнув, завис на перекладине. Очумевший от такого щедрого подарка больной сунул сигарету в рот и начал этаким гоголем прохаживаться вокруг турника, всем своим видом показывая, что не зря его маманя родила, коль скоро местная верхушка отдает ему так запросто докуривать дорогие американские сигареты. Несколько его корешей с завистью поглядывали на счастливчика и не решались приблизиться поближе, вполне небезосновательно побаиваясь генахиных кулаков. Наконец мельтешение больного перед глазами надоело, и Генаха, недолго думая, отогнал того от турника мощными пинками, не забыв пообещать поговорить с ним вечером. Причем весьма жестко. На «счастливчика» тут же накинулись кореша и отобрали чинарик, решив «добить его на троих», не включая в свое число бывшего товарища, который мало того, что накурился «на халяву», так еще и зажал целых полсигареты от друзей. А Иванов смотрел в это время на подтягивающегося Яшку и вспоминал, сколько мороки было с установкой этого турника.

Когда Иванов с Димкой, решив, что занятий с одной полуторапудовой гирей явно недостаточно и неплохо было бы поставить во дворике турник, подошли с этой идеей к шефу, тот не стал даже и слушать. Мотивировал он свой отказ тем, что не в меру шустрые больные, по которым, кстати сказать, давно галоперидол плачет, запросто могут, забравшись на этот самый турник, сигануть с него через забор - и поминай, как звали! В общем, отказал им решительно. Тогда они, договорившись с Саней Мотогоровым, протащили эту мысль через совет больных, председателем которого Саня и был. Для шефа это явилось ударом ниже пояса. Он вычитал в статье про москвичей, что в реабилитационном центре существует совет больных, который наравне с персоналом решает всяческие вопросы. Идея понравилась, тем более, что Губанов являлся приверженцем любых новых методов и начинаний. Он за неделю подготовил проект, на общем собрании больных в приказном порядке назначил председателя, заместителей и был весьма доволен. Совет плясал под его дудку, и шеф по праву гордился своим детищем. И вдруг совет, по вопросу о турнике, пошел наперекор. Губанову было о чем подумать.

Хотя он мог бы одним росчерком пера прекратить всякое сопротивление, как со стороны совета, так и со стороны персонала, но тогда игры в демократию сразу бы закончились. А тут еще (конечно, и здесь не обошлось без Иванова с Димкой!) сестра-хозяйка подлила масла в огонь, заявив шефу, что на турнике будет удобно выколачивать в банный день матрасы. И тогда шеф сдался. Собрав «компетентную» комиссию, в состав которой входили Мотогоров, Димка, санитар Сергеич и сестра-хозяйка, он обошел весь дворик и выбрал место в левом от входа углу - так, что и на крышу не влезешь, и через забор не сиганешь. Димка с Мотогоровым, истосковавшиеся по простой физической работе, взялись тут же копать ямы под столбы, но, конечно же, под недремлющим оком Сергеича. Валентин, живший рядом, притащил из гаража железную трубу, а сестра-хозяйка договорилась с больничными плотниками насчет столбов. Турник установили на валериной смене, и Димка с Мотогоровым, сразу же оккупировавшие его, не отходили от этого сооружения всю прогулку.

Сейчас Иванов стоял и смотрел на Яшку, который, дергаясь и извиваясь, пытался подтянуться в восьмой раз. Наконец, ему это удалось, правда, не без помощи Генахи, подтолкнувшего его под зад в самый ответственный момент. Спрыгнув с турника, Ян вопро-

сительно посмотрел на Иванова:

- Ну, как?

- Молодец! Вот только у нас в армии добраться до норматива помогал сержант. Штыком в задницу... А так - ничего, нормально.

Мужики засмеялись. Санитар взглянул на часы и громко крикнул:

- Прогулка закончена. Заходим в отделение!

Больные нехотя потянулись к крыльцу. Внимательно осмотрев дворик - не спрятался ли кто-нибудь? - Иванов закрыл на ключ обе входные двери и, протолкавшись сквозь толпу раздевающихся в сушилке больных, вышел на отделение. Пройдя в столовую, он увидел у наблюдалки Гуся, который при помощи жестов пытался что-то объяснить Большому немцу. Тот согласно кивал головой, но никуда не уходил, явно не понимая, что хочет от него санитар. Заинтересовавшийся Иванов подошел поближе.

- Ты, Большой немец, - втолковывал Гусь Лебедеву, тыча в него указательным пальцем, - идешь, - и двумя пальцами «шел» по подоконнику, - и приводишь ко мне, - тут он показывал пальцем на себя, на что Большой понимающе кивал, - Левку Шпица! - и хватал себя за нос.

Большой смотрел на Гуся преданными глазами, потом недоуменно пожимал плечами, и все повторялось снова.

- Чего? Левку тебе надо? - Иванов огляделся по сторонам. - Сейчас будет! - с оптимизмом пообещал он и, взяв с подоконника шашки, подошел к Большому.

Потряся коробкой с шашками под носом у парня и проведя ладонью где-то на уровне солнечного сплетения, намекая на маленький рост, он показал ему воображаемый нос и махнул рукой в сторону выходивших из сушилки. Глаза Большого засветились пониманием, и, радостно хрюкнув, он побежал разыскивать Левку, неуклюже переваливаясь на толстых ногах.

- Вот как надо! - сказал Иванов опешившему Гусю. - А то ты все нос ему наворачиваешь! Вот и привел бы он тебе Ботинка или этого новенького, Юрикова, а то, чего доброго, и тебя самого в придачу!

- А ты думаешь, он понял, что нужен Левка?

- А кто же, по-твоему, маленький и носатый, да еще с Валентином в шашки режется?

- Посмотрим-посмотрим, - пробормотал Гусь, поудобнее устраиваясь на стуле. - А все-таки жаль, что наши немцы по-глухонемовски разговаривать не могут.

Иванов удивленно уставился на напарника.

- Ну, в смысле языком жестов.

- Ну, Серега, ты и слово удумал - по-глухонемовски! Надо запомнить будет... А ты еще и по-ихнему разговаривать могешь?

- Немного, - скромно потупился Гусь. - На ГПЗ у нас в цеху парочка таких-то работала. Так что кумекаем.

- Ну, ты кумекай, а я раздеваться пошел, - и, расстегивая на ходу фуфайку, Иванов направился к двери в подсобки.

Заглянув в кандейку, он увидел пьющих чай Ольгу и Анну Николаевну.

- Ага, - сказал он непонятно кому. - Я сейчас тоже чай приду пить.

Скинув в раздевалке фуфайку и шапку, Иванов наскоро пригладил перед зеркалом волосы и побежал в кандейку. Анна Николаевна неспешно пила чай и вела разговор о скачке цен.

- Хлеб-то, Олечка, уже в шесть раз подорожал, а прибавки к зарплате все нет и нет. Сколько бастовать-то можно?

- Сколько нужно - столько и будем бастовать! - ответил за Ольгу Иванов, краем уха уловивший последние слова медсестры. - Благо опыт у нас имеется, - явно намекнул он на прошедшую совсем недавно всеобщую забастовку медиков.

Он подошел к плите и, энергично потерев застывшие на морозе ладони, начал наливать чай в стоящую на подоконнике кружку.

- Ну, ты прямо, как с экрана телевизора сошел - этакий принципиальный медик. Бастовать будем... - не удержалась и съехидничала Ольга. - Ты еще нам тут лекцию о забастовках толкани, политик тоже...

- А что? Из школьной истории мы знаем о восстании лодзинских ткачей в одно тысяча девятьсот пятом году, переросшее во всеобщую забастовку и жестоко подавленное царизмом, действовавшим вкупе с польской буржуазией...

- Не ерничай, а? - перебила его Ольга. - Ты что - предлагаешь наших дурачков воору-

жить и Смольный захватывать? Чтоб нам зарплату вовремя выдали, да еще и подняли ее?

- Во-первых: не Смольный. Как известно, он находится в Ленинграде, кстати сказать - колыбели революции. Если уж и захватывать, то - министерство здравоохранения, которое тоже не в Вологде... Ну, хотя бы филиалу его жизнь подпортить. А во-вторых, наших пациентов - дурачков, как ты выразилась, и вооружать не надо. Только выпусти... Такого, понимаешь ли, шухеру устроят! Почище всяческих революций будет!

Но Ольга снова перебила словоизлияния Иванова.

- Кстати, прогулка кончилась?

- Кстати - да, - вздохнул санитар.

- А чего это ты, Оля, на пятиминутке-то сегодня ляпнула? - вдруг ни с того, ни с сего спросила Анна Николаевна.

Ольга слегка зарделась.

- Да Иванов во всем виноват, - кивнула она на него. - Философ недоделанный!

- Через почему это - недоделанный? - обиделся Иванов. - Мои родители привыкли каждое дело доводить до конца.

- До какого конца? - не удержалась и опять подковырнула Ольга.

- Ну, вот, Анна Николаевна, - притворно завозмущался санитар, - вот и говори после этого с подрастающим поколением - все вопросы на секс переведут!

- Это кто подрастающее? Всего лишь на год меня старше, а гонору-то...

- Всего на год? А я думал - лет на десять... - «притворно» огорчился Иванов.

Ольга рассмеялась:

- Не подлизывайся! Но за комплимент - спасибо.

В дверь заглянула раздатчица.

- Весело тут у вас! Александр Владимирович, кто за обедом пойдет?

- Да Валентин, наверное. Мы с Ольгой Викентьевной таблетки будем выдавать.

- Ой, точно! - спохватилась Ольга. - Пойдем быстрее... А то от шефа влетит!

Сполоснув чашки, они выскочили на отделение и устремились к сестринской. На ходу Иванов крикнул:

- Кто за обедом - одеваться!

Васька Иванов, игравший с Усохиным в шахматы, бросив партию посередине, вскочил и кинулся к сушилке. Усохин что-то недовольно забормотал. Иванов, вспомнивший утренний разговор, подошел взглянуть на доску.

- Чем, Владимир Карпович, недоволен? Подсказывать некому, что ли?

- Да Васька вон, как начинает проигрывать - так и убегает. Я у него уже коня и пешку выигрываю, - возмущенно и невнятно заговорил Усохин.

- Погоди-погоди, - давай посмотрим, - и Иванов начал анализировать ситуацию.

Хитрый Васька, подставив коня под ладью, тем самым перекрыл диагональ офицеру, и Усохину, минимум через три хода грозил красивый мат.

- Ты, Володя, того... не очень-то возмущайся. Вот видишь, - и он показал Усохину последствия его необдуманного хода. - Либо мат, либо ты отдаешь обе ладьи за одну пешку, и дай бог свести все на ничью.

Пораженный Усохин так и впился взглядом в фигуры на доске. Оставив его думать, Иванов побежал к сестринской, куда уже спешили больные. Валентин вывел из сушилки трех человек, собравшихся за обедом: Ваську Иванова, Колобка и Саню Мотогорова.

- Стоп! - остановил их санитар. - Таблетки перед обедом кто-нибудь пьет?

- Я пью, - ответил Мотогоров.

- Пошли без очереди.

- Мы тебя у выхода подождем, - крикнул вслед Валентин.

Глава 6

Сегодня ко мне опять, после двухлетнего перерыва, приходил Он. И, как тогда, опять ненадолго. Но в этот раз Он не только смотрел на меня своим странным неземным взглядом. Теперь Он начал говорить. Не знаю, чем он разговаривает, но слова доносились четко, хотя ни одна складка Его лица не шевелилась. И голос - ласковый, журчащий, словно веселый ручеек в полуденном лесу. Я не знаю, кто Он, - человеческое существо или необычный, диковинный зверь. Во всяком случае, Его глаза чем-то напоминают глаза нашей кошки. Сегодня Он рассказывал мне о себе.

Тысячелетиями дремал Он в бездонных глубинах времени. Потом, начав просыпать-

ся, веками блуждал по дну океанов среди странных светящихся рыб с выпученными глазами. Он набирался у них мудрости. Проникал в огромные жемчужные раковины, наблюдая, как из крошечной песчинки за несколько веков рождается чудо, по своей стоимости превосходящее все вместе взятые сокровища мира.

Он мрачно резвился в таинственных подводных гротах среди водорослей и кораллов, принимая немыслимые очертания. Он строил прекрасные, не поддающиеся описанию города в бездонных океанских впадинах. А потом походя разрушал творения рук своих. Он не знал - зачем это было нужно. Наконец, Ему надоела молчаливая мудрость кошмарных учителей, и Он перебрался выше. И каково же было Его удивление, когда Он обнаружил, что помимо мрака есть свет, а кроме воды - воздух. Он ринулся на сушу, как завоеватель. С жадным любопытством Он приникал ко всему: к молчаливому замшелому камню, к пробивающейся на свет травинке, к проносящейся мимо ласточке. Он обнаружил древние могильники исчезнувших навсегда цивилизаций. Камни поведали Ему такие тайны, от которых любой историк схватился бы за голову. Иногда Ему казалось, что Он уже был здесь когда-то, и по мере проникновения в суть вещей, Он убеждался в этом все больше и больше. Он просачивался в самые заповедные уголки гробниц и пирамид и вел нескончаемые беседы с мумиями давно ушедших царей, царьков и других смертных. Он постигал тайны различных религий, и Ему захотелось встретиться с их основателями. В запредельном пространстве Он отыскал Конфуция, Заратустру, Будду, Христа и многих других. Чему они Его научили - Он так и не сказал...

Но вот Он пришел ко мне. Зачем? Почему Он выбрал именно меня? Для чего? Что Ему нужно?..

Глава 7

Иванов сидел в любимом кресле у сестринской. Вытянув в проход уставшие ноги, он думал о приближающемся дне рождения. Мысленно считал приглашенных гостей и думал, чем же удивить их на этот раз. «Шашлыки, манты, котлеты по-киевски - уже были, - перебирал он. - А чем бы таким-этаким и ошарашить? Чтобы так простенько, но со вкусом...» Тут он вспомнил армейского старшину - прапорщика Гоглидзе. Тот, как-то раз на привале, после шестичасового марш-броска, рассказывал, как у них в Абхазии готовят цыплят в собственном соку.

- Цыпленок, - говорил он, - просто обкладывается луком и ставится в духовку. Один цыпленок и два килограмма лука. И вам, бойцы, - кивал он Иванову и Андрейчуку, - можно оборвать все уши, но не оттащить от этого чуда...

«Что ж, попробуем, - решил Иванов. - Старшина обманывать не будет - у них в Абхазии еще те кулинары!»

На отделении было спокойно. Больные, после обеда и принятия лекарств, клеили конверты, и из столовой доносился ровный гул голосов и шелест бумаги. Иванов очень любил этот послеобеденный час, когда можно было отдохнуть от беготни и сутолоки. После трудотерапии половина больных завалится вздремнуть на часок, а остальные будут либо курить в туалете, рассказывая невероятные истории из своего богатого прошлого, либо - сбивая «нетерпячку» - бесцельно слоняться по коридору. У многих были свои излюбленные маршруты: от кресла до ванной, от ванной до наблюдалки или же от наблюдалки до сестринской - вдоль всего отделения. По одному, по двое, по трое - они так могли бродить часами, если бы не настойчивость Анны Николаевны, которая увлекала их шашками, шахматами, домино или же выносила маленький бильярд. За бильярдистами был нужен глаз да глаз, а то, чего доброго, проглотят шар или же раздерутся киями. Правда, был еще телевизор, находившийся в столовой. Он стоял в специальной нише и закрывался дверцами с замком, ключ от которого находился у санитара. Но телевизор, по распоряжению шефа, можно было включать в будние дни на полтора часа перед ужином и после ужина до окончания программы «Время».

Когда Иванов спрашивал у некоторых больных, где бы они предпочли находиться: в зоне или же здесь, - все они единодушно отвечали, что в зоне. Лучше, мол, пять лет там, чем два-три года здесь. Там хоть не так строго и уколами не мослают...

Из швейки вышел Ян, прервав раздумья санитара.

- О, Саня! Балдеешь?

Иванов хмыкнул.

- Я-то, может, и балдею, а ты вот почему не работаешь?

- Да я всю норму пошил, и Валентин отпустил курить. Сейчас и Мосейкин выплывет.

Пошли в сушилку, а, санитар?..

Иванов снова хмыкнул и неопределенно махнул рукой, что можно было понимать, как угодно. Ян не отставал.

- Сань, ну пойдем в сушилку. Там хоть воздух чистый, не то что на дальняке, - и видя, что санитар никак не реагирует, привел последний аргумент. - Фильтровых покурим. «Марлборо» у меня...

Зная по опыту, что от Яшки так просто не отцепиться, Иванов вздохнул и вылез из нагретого кресла.

- Ну, держал, что ли, Яшка... - и пока тот пытался понять, в чем тут «фишка», сделал ему подсечку.

Яшкины ноги взлетели выше головы, и если бы санитар молниеносно не протянул руку, ухватив его за шиворот, то грохот от падения был бы слышен, вероятно, аж в Череповце. Яшка даже взвыл от удовольствия:

- Саня, научи!

- Ну, пошли, потренируемся...

Открыв сушилку, Иванов показал Яну хитрости этой подсечки. Яшка понимал быстро, и уже через пару минут все его движения точь-в-точь походили на движения Иванова.

- Молодец! - похвалил его санитар. - Быстро въезжаешь. Но смотри - без особой нужды не применяй. Тем более здесь - покалечить человека можешь. Я тебе это для гражданки показываю. Усек?

Закурив «фильтровых», они уселись на трубы отопления и принялись болтать о всякой ерунде. Говорил больше Яшка, а Иванов слушал и время от времени важно кивал головой. В приоткрытую дверь всунулась голова длинного Генахи Мосейкина.

- О, в-вы здесь балдеете? А я бегаю по всему отделению, ищу, п-по-нимаешь ли...

- Заходи, Гена, - пригласил его санитар. - Покурим.

Яшка быстро соскочил с труб и подбежал к вошедшему товарищу.

- Раз, два, три!

- Ч-чего? - захлопал глазами Генка.

- А вот чего! - сказал Яшка и продемонстрировал на нем только что усвоенный прием.

Генаха, как подкошенный, начал валиться на пол. Яшка схватил его за курточку, но не удержал, и они вместе брякнулись на пол.

- Придурок! - заругался Мосейкин. - Б-белены, что ли, обожрался?

Он сел на пол и осторожно пощупал затылок.

- Вон как об косяк вдарился. Т-точно - шишка будет... А ну-ка, поди сюда! - вставая, грозно произнес он.

- Во-во, поколоти его, Гена, - ласково сказал Иванов. - А он, как стопроцентный цыган, да к тому же повернутый, ночью тебе башку отрежет...

Яшка, тем временем, словно проворная обезьянка, забрался на верхнюю полку стеллажа с бумагой и ныл оттуда:

- Генаха, я же не хотел. Меня вон санитар научил, а я просто не удержал тебя.

Генаха закурил и уселся рядом с Ивановым, а Яшке пригрозил кулаком.

- Вот погоди, слезешь - д-дак отлуплю т-тебя ужо!

Хитрый Яшка, поняв, что гроза миновала, начал осторожно слезать со стеллажа. Генаха не вытерпел все-таки и дернул его за ногу. Но Яшка держался крепко, и поэтому в руке у Мосейкина оказалась только тапочка. Генаха смачно припечатал ее к яшкиной заднице и зашвырнул в угол.

- Поищешь...

Яшка слез, сдвинул сушившиеся валенки и, как ни в чем не бывало, уселся по другую сторону от санитара. В сушилку заглянул Маленький немец.

- О, Рыжий пришел! - обрадовался Яшка и поманил его пальцем.

Показал на левую ногу в тапке и на правую - в носке. Потом махнул рукой в угол. Маленький понимающе кивнул и кинулся искать тапку. Найдя, принес ее Яшке. Тот вытянул ногу, и Маленький аккуратно одел тапочку.

- Молодец! - похвалил его Яшка. - Вон Генаха оставит тебе. Покуришь.

- А-ба-ба? - вопросительно указал Маленький пальцем на Мосейкина.

- Сам та баба! - рыкнул Генаха и оттолкнул Рыжего ногой.

Тот обиженно отошел в угол. Иванов почесал затылок.

- Вот, Гена, мы только что в яшкином исполнении наблюдали дискриминацию глухонемых череповецкими цыганами.

- Чего?! - вылупил глаза Генаха.

- Хотя не знаю, - продолжал санитар, - можно ли назвать дискриминацией, когда национальные меньшинства, за пару затяжек заставляя искать и одевать на ногу предметы обуви, эксплуатируют меньшинства сексуальные. Тут, - заключил он, - сам черт ногу сломит.

- Какие такие меньшинства? - все еще не понимал Мосейкин.

- Ну, какие-какие? Маленький немец того... голубой ведь.

- Тьфу ты, пропасть! - облегченно вздохнул Генаха. - Т-так бы сразу и базарил, что п-пидоры оба немца. А то еще приплел меньшинства какие-то. Мужики давно говорили, что их на тюрьме п-пользовали. Знаем.

- Да, ребята, с вами не соскучишься, - закруглил разговор санитар. - Выходим, я сушилку закрою.

Выйдя из сушилки, Мосейкин отдал дымящийся окурок Рыжему, и тот со всех кинулся бежать к туалету. У наблюдалки его перехватил Гусь и начал что-то показывать ему на пальцах. Но Маленький досадливо отмахивался от него рукой и, наконец, покрутив пальцем у виска, показал Гусю быстро истлевающую сигарету. Гусь понимающе кивнул и махнул рукой в сторону туалета. Рыжий мгновенно испарился.

Из столовой прозвенел Ольгин голос:

- Заканчиваем работу и сдаем конверты. Сегодня за работу получаем по одной сигарете на двоих. Валентин Олегович выдаст.

Больные задвигали стульями и начали расходиться. Мора с Левкой Шпицом собирали конверты и складывали их на широком подоконнике. Зайдя в столовую, Иванов подошел к Ольге.

- Откуда знаешь, что я на год тебя старше? - без обиняков поинтересовался он.

Ольга фыркнула.

- А я, может, на ночь, как Библию, твою личную карточку читаю. Я, может, наизусть ее выучила!

- Во заливает! - восхищенно закрутил головой Иванов. - Ну, ты и заноза, Оля Викентьевна!

- А ты что хотел? С вами, волками, жить, того и гляди - из леса сбежишь! Максимум информации - минимум контактов. Что, Иванов, - съел?

- Съел, съел. Да и облизнулся еще. И не захочешь, да проглотишь. Ну, потащили, что ли, клей?

- Потащили, - отозвалась Ольга. - Ну, что - пять-ноль в мою пользу?

- Да уж, никак не меньше. Только в чем польза - непонятно, - вздохнул Иванов, и, забрав баночки с клеем, они направились к сестринской.

Когда они ставили клей в шкаф, стоящий у окна, из своего кабинета вышел Губанов. Посмотрев на довольных Ольгу и Иванова, он спросил:

- Ольга Викентьевна, а что вы имели в виду, когда на пятиминутке сказали о том, что Александр Владимирович «не тянет на коня»? - при этом многозначительно поглядывая на Иванова.

- А вот это наши личные дела! - вспыхнула Ольга и убежала в процедурную.

«Во дает! - восхитился про себя санитар. - Уже личные дела у нас появились. И что это все этих коней-то трясут? Дались они им...» - после чего взглянул на шефа, развел чуть в стороны руки, как бы говоря: «Вот так вот! Не задашь глупого вопроса, не получишь соответствующего ответа. Тем более женщине», - и задрав кверху подбородок, прошел мимо шефа на отделение.

Обескураженный Губанов заглянул зачем-то в шкаф и, не обнаружив там ничего, кроме баночек с клеем, убрался обратно в кабинет. Иванов вышел из сестринской, запер за собой дверь и, согнав со своего любимого кресла какого-то не в меру зазевавшегося больного, с облегчением плюхнулся на сиденье. Минут через сорок он заглянул в сестринскую, но быстро оттуда ретировался - Ольга с кислым видом сидела на банкетке, а ей что-то строго втолковывала старшая медсестра.

«Ну-ка, на фиг! - подумал он. - Подальше от начальства - поближе к кухне. Закон!» - и, насвистывая, пошел дернуть чайку. У наблюдалки сидели Гусь, санитарка Шура и раздатчица Людмила.

- О, как вас много! - удивился Иванов. - Ботинка стережете?

- Ага, - в тон ему отозвался Гусь, - чтоб на дальняке не утопился! Куда гребешь?

- Да чайку дерябнуть. Пойдешь?

- А я недавно пил! - похлопал себя по животу Гусь.

- Ну-ну, - сказал Иванов и открыл ключом тяжелую, обитую железом дверь, ведущую в подсобные помещения.

Тут же, из-за плеча Иванова, туда заглянул Хорь, только что вышедший из туалета.

- Опа! - изумился Иванов. - Задолбали череповецкие! Ты чего это тут шныряешь? Шпионишь, да? - и, подцепив Хоря за грудки, прижал его к стенке. - Жить хочешь?

- Хочу! - засмеялся Хорь.

- Ну, так говори - где ракетная база? Под «Алмазом» или под «Тремя корягами»?

- Под «Корягами»... - задохнулся от смеха Хорь.

- То-то же! - удовлетворенно хмыкнул Иванов и, затолкав Хорькова обратно в туалет, побежал в кандейку.

Налил чаю, но не успел отхлебнуть и пару глотков, как сюда же ввалилась разъяренная Ольга. Лицо у нее немного покраснело, глаза метали молнии.

- Чай пьешь? - накинулась она на Иванова.

- Да, как бы и пью... - недоуменно отозвался он и неуверенно пожал плечами.

- Вот сволочи на моей смене - своих же ломят... - прояснила ситуацию Ольга и без сил рухнула на стул. - Иванов, будь другом, а? Налей покрепче.

Все еще недоумевая, санитар налил в кружку одной заварки и подал Ольге. Та одним махом отпила половину кружки. Сморщилась.

- Фу, гадость какая! Пойдем в раздевалку, покурим.

Он быстро допил свой чай и кинулся вслед. Ольга, стоя у окна, нервно доставала из пачки «Опала» сигарету. Но никак не могла зацепить - мелко подрагивали пальцы. Тогда она хлопнула пачкой о край ладони. На подоконник просыпалось сразу же несколько сигарет.

- Закуривай! - Ольга щедрым жестом указала на сигареты.

- Терпеть ненавижу болгарские, - поморщился Иванов. - Я лучше «Примку». Что случилось-то? Жалуйся...

Ольга нервно затянулась - все еще не могла успокоиться. Стояла у зарешеченного окна и бездумно смотрела на прогулочный дворик. За окном уже сгустились ранние декабрьские сумерки. Снег под ртутными лампами, установленными на крыше, казался странно фиолетовым. Иванов искоса поглядывал на изящный профиль лица Ольги; на прядку волос, своенравно выбившихся из-под колпака; на всю ее ладную, будто точеную, фигурку. Не хотелось нарушать возникшее вдруг, хорошее какое-то, молчание.

- Коза, - неожиданно произнесла Ольга.

- Где? - улыбнулся Иванов и начал усиленно вытягивать шею, всем своим видом показывая, что пытается отыскать эту пресловутую козу за окном.

- Да эта Галина - санитарка с моей смены. Настучала старшей, что я заснула в ту ночь. А и покемарила-то всего ничего - пару часиков. Да и то одним глазом.

Иванов облегченно вздохнул:

- Ну, это не криминал. Хотя, со своими так не поступают. Хочешь, скажу чего?

- Ну, скажи.

Он на всякий случай выглянул из раздевалки. Сестра-хозяйка в своей комнатке застрачивала на машинке чей-то халат, а больше в подсобках никого не было.

- А мы так наоборот - своих женщин отпускаем спать, а сами с Гусем всю ночь в шахматишки режемся. А то и в карты перекинемся.

Ольга посмотрела на него с легкой улыбкой.

- Удивил, что ли? Да я давно знаю!

Тут уж пришла очередь занервничать Иванову.

- Откудых знаешь?

- Откудых, откудых, - передразнила она и даже легонько щелкнула его по носу. - Мне Фаина рассказала.

Иванов автоматически почесал нос и осторожно спросил:

- А она что - всем рассказывает?

- Да не расстраивайся ты. Нет, конечно! - она закурила новую сигарету. - А я думала, чего и скажешь? Иванов немного посоображал.

- А чего бы ты хотела услышать?

- Ну, например, - взглянула на него в упор серыми глазищами и, растягивая слова, проговорила: - например, что ты меня любишь...

У опешившего Иванова подкосились ноги. Он даже начал заикаться.

- Ч-чего?

Ольга весело засмеялась - словно звонкий ручеек поселился в мрачноватой раздевал-

ке.

- Да ничего. Пошутила я, а ты и повелся! - и, не удержавшись, все-таки съязвила: - Как конь в поводу...

Санитар с трудом перевел дух.

- Ничего себе шуточки! Я чуть заикой не стал.

- Ну, что? Еще десять-ноль в мою пользу? Итого - пятнадцать стало!

И тут, неожиданно для себя, Иванов расслабился. Сердце застучало ровнее - что ж, игра, так игра. Посмотрим еще, кто кого переиграет!

- А что, неужели так заметно?

- Что заметно? - не поняла Ольга, гася сигарету в консервной банке, стоящей на подоконнике.

- А что я так люблю тебя?

Теперь уже начала заикаться Ольга.

- Ч-чего?

- Да вот, люблю. И причем давно уже.

Медсестра хлопала глазами, не понимая, шутит он или же говорит серьезно. Иванов выдержал небольшую эффектную паузу и захохотал.

- Ну, вот. Стало пятнадцать-пятнадцать. Съела?

- Съела, съела. Ну, знаешь ли, Иванов... Я бы с удовольствием...

- Да знаю, знаю, - он легонько обнял ее за плечи. - Можно и без удовольствия. Шучу...

Неожиданно сзади раздался голос:

- Очень хорошо, Ольга Викентьевна, поступаете. На одной смене спите полночи, на другой с санитарами обнимаетесь. Скоро и с больными целоваться начнете!

Ольга нервно развернулась на каблучках. В дверях стояла неизвестно откуда появившаяся старшая медсестра Ольга Ивановна. Ольга вспыхнула и хотела ответить что-то резкое, но Иванов ее удержал.

- Расслабься, Оля. Видно, не жалует тебя тезка. Так что и не рыпайся.

Лицо старшей пошло бледными пятнами.

- Иванов, не грубите! Наглый какой... - и решив, что последнее слово все же осталось за ней, прошла в комнатушку сестры-хозяйки.

Ольга недоуменно взглянула на санитара.

- Как это ты так быстро ее закруглил? Ну-ка, колись!

Он улыбнулся.

- Пошли давай. Сейчас шеф и иже с ним домой станут расходиться.

- Нет, Иванов, серьезно - ты что-то знаешь за нее?

- Ольга Викентьевна, я на отделение пошел. Служба, знаете ли... - опять улыбнулся он и, повернувшись, сделал шаг к выходу.

- Нет, Саша! - Ольга схватила его за плечи.

Тут опять появилась Ольга Ивановна. Увидела ольгины ладони на плечах Иванова, подпрыгнула от неожиданности и прошипела:

- Вы бы еще среди отделения целоваться начали!

По всей вероятности, она уловила последние ольгины слова и с издевкой в голосе произнесла:

- А вам, Саша, давно пора находиться среди больных, а не здесь прохлаждаться. Еще амуры разводит всякие...

Иванов щелкнул каблуками, поднес два пальца правой руки к виску и, чуть склонив голову, проговорил:

- Виноват, сударыня, расслабился! Что изволите передать господину градоначальнику? Он с прошлой пятницы не пил свежей крови. Разрешите отбыть к месту постоянной дислокации?

Старшая непроизвольно открыла рот и выпучила глаза. Ольга прыснула и, чтобы не рассмеяться, прикрыла рот ладошкой и отвернулась. А санитара неудержимо несло дальше. Вероятно, сказывалось присутствие Ольги. В иной ситуации он ни за что бы не стал так открыто пикироваться со старшей медсестрой.

- И еще попросил бы вас не делать указаний дежурному персоналу. Увы, Ольга Ивановна, уже две минуты шестого, и вы теперь находитесь на отделении на положении частного лица, так как смена у вас до пяти часов.

Краем глаза успел заметить, что Ольга смотрит на него уже со страхом, и решил, что, действительно, перегнул палку.

- Засим честь имею, сударыня! - и галантно расшаркавшись перед старшей, а затем

отвесив ей шутовской поклон, обогнул застывшую, словно памятник Ленина на центральной площади Вологды, совершенно очумевшую медсестру и, быстренько отперев дверь, выскочил к туалету.

Гусь все еще о чем-то толковал с раздатчицей и санитаркой. Половина больных чинно сидела за столиками и смотрела по телевизору какие-то мультики. Иванов уловил последние слова Шуры - что-то насчет мяса - и поинтересовался:

- Почем нынче кошатина на базаре?

Шура с Людмилой уставились на него, как на пришельца из созвездия Гончих псов, синхронно хлопая глазами. Гусь гулко захохотал.

- Сейчас кошатина не котируется, - сквозь смех скаламбурил он. - В данное время огромной популярностью пользуются щенки под маринадом и печеные яйца аллигаторов!

- Молодец, Серега! Я тебя скоро с Хазановым познакомлю!

- Лучше со Жванецким! - сострил незнамо откуда появившийся Левка Шпиц.

- Ну, ты, Жванецкий! - Иванов одной рукой сгреб зазевавшегося Левку. - Я тебя сейчас на телевизор посажу!

Тут он заметил высунувшегося из наблюдалки Собаку.

- Собака, а ты чего там делаешь?

- А меня вон Гусь осадил. Дья пьефилактики.

- Серега, смена клиентов! - громогласно объявил Иванов. - Пусть этот недоделанный Жванецкий в наблюдалке посидит пока что.

Затолкал хихикающего Левку в палату и, ухватив поудобнее Собаку за шею, отчего тот согнулся в три погибели, повел его к сестринской. Навстречу попался Валентин.

- Домой, Валентин?

- Да, уже шестой час. Кстати, не мучь животное. У него грыжа.

- Знаю. Я наоборот даже - от наблюдалки его спас. Да, посмотри, чему его Яшка с Генкой научили.

- Сему? - удивился Собака.

- Да про дядю!

- А, помню! - засмеялся Серегин и, присев на корточки и преданно глядя Валентину в глаза, пропел: - Собака лаяла, на дядю фгаега. Гав, гав!

- Издеваются над мужиком, - неодобрительно произнес Валентин.

- Да нет же. Они программу новогоднюю готовят. Какая-то миниатюра о зоне.

- Ну, ладно, коли так, - согласился инструктор. - Пусть готовят. Пошел я, - и, обменявшись с Ивановым рукопожатием, направился к выходу.

Иванов отпустил Собаку и пошел к своему любимому креслу. При его появлении сидевший там Мора вскочил и быстро запрыгнул на подоконник.

- Садись, санитар.

- Молодец, Мора!

Мимо Иванова чуть ли не галопом пронеслась старшая. Вслед за ней, не торопясь, шла Ольга. Иванов подмигнул ей. Ольга улыбнулась в ответ уголками губ и скрылась за дверью сестринской. Санитар задумчиво посмотрел на захлопнувшуюся дверь.

- Кстати, Мора... Если моро любит чавеллу - что он ей говорит?

Демидов чуть задумался.

- Ну, наверное, он говорит, что любит ее.

- Ну так говори.

- Мэ тут камам! Что значит - я тебя люблю!

- Мэ тут камам... - повторил, смакуя, Иванов. - Хорошо! Хорошо вы говорите!

- А еще можно сказать: авэн манса пьяв бравинта! - сказал Мора и блаженно зажмурился, словно кот на солнцепеке.

- Это через почему это - «пьяв бравинта»? - санитар даже подпрыгнул. - Если ты признаешься девушке в любви, то зовешь ее пить водку?

- А почему бы и нет? - Мора даже облизнулся.

- Не фига себе, порядочки у вас! О темпес, о морес!

Мора удивился.

- У нас так не говорят...

- Еще бы, - вздохнул Иванов. - Это за три тысячи лет до вас сказали... Да, - продолжал он, - хорош бы я был, если бы подошел к девушке и сказал - я люблю тебя! А теперь пойдем пить водку!

- А как еще-то? - удивился Мора.

- Ну и веселый вы народ! - засмеялся санитар. - А теперь - исчезни! Думать буду.

Мора слез с подоконника и пошел смотреть телевизор. Из сестринской вышли Ольга Николаевна, Ольга Ивановна и Анна Николаевна.

- О, домой пошли? - спросил Иванов. - Счастливо отдохнуть!

Процедурная и реабилитационная медсестры, улыбнувшись, кивнули санитару, а старшая даже не взглянула в его сторону. Немного погодя из сестринской показалась Ольга.

- Саша, через полчаса - таблетки.

- Ясно. Садись, мать, поболтаем!

Во втором кресле, через столик от Иванова, кемарил Колобок - мелковатый, похожий на грушу мужичок из первой палаты.

- Валера, уступи место даме, - толкнул его Иванов.

Тот вскочил и спросонья завертел головой.

- Чего?

- Да ничего. Сестра к тебе на свиданку приехала. Беги скорей.

Колобок кинулся было бежать, но вдруг остановился.

- Но, Александр... У меня же нет сестры...

- А, извини, Валера. Перепутал. Это, значит, не к тебе сестра приехала.

Удивленный Колобок почесал стриженную голову и побрел в столовую, все еще по пути недоверчиво оглядываясь на санитара. Ольга засмеялась и села в кресло.

- Ну, Иванов... И как это ты с больными ладишь?

- А тут, Ольга Викентьевна, своя система. Смотри ему честно в глаза - и он за тебя в Вологде утопится.

Он поерзал немного в кресле, устраиваясь поудобнее, и, вспомнив недавний разговор с Морой, громко сказал:

- Мэ тут камам. Авэн манса пьяв бравинта.

- А меня возьмете? - захохотал появившийся в проеме второй палаты Димка Щербицкий.

Ольга сразу же подскочила к нему.

- Что он сказал?

Но Иванов оказался быстрее. Затолкнув гогочущего во все горло Димку обратно в палату и подталкивая Ольгу к сестринской, он весело балагурил:

- Оля, пора таблетки выдавать уже. А сказал я... Ну, вот, послушай, что я сказал. Я собирался пригласить тебя в круиз по Средиземному морю, на комфортабельном теплоходе «Тарас Шевченко». С заходом в Танжер и Аликанте...

- Не верь, Ольга Викентьевна! - раздался из палаты димкин голос. - Он тебя водку звал пить!

- Точно! - обрадовался Иванов. - На этом суперсовременном лайнере много выпивки, в том числе и водки тоже, а также там много солнца, воздуха, красивых - как ты - девушек и элегантных мускулистых мужчин в смокингах... А с тобой, подхалим, я еще поговорю! - это уже относилось к Димке.

Ольга, изнемогая от смеха, прислонилась к косяку двери в сестринскую.

- Таблетки принимать! - закричал Иванов.

- Принимать лекарство! - эхом прогудел из палаты димкин бас - словно гудок теплохода, на котором санитар только что предлагал Ольге отправиться в круиз.

Быстро выдали таблетки, быстро сходили за ужином, быстро покормили больных. Потом быстро-быстро попили чаю и стали ждать смену. Иванов важно прохаживался по отделению, заглядывая в палаты, и всем своим видом демонстрировал рьяное исполнение служебных обязанностей. В четвертой палате он заметил одиноко сидящего на своей койке Костю Голубцова. Положив руки на колени, тот тихонько раскачивался взад-вперед, что-то тихо бормоча себе под нос.

- Э, Константин Васильевич! Опять голоса ловишь?

- О, Александра Владимирыч! - обрадовался Костя. - Отдежурили уже? Домой сейчас пойдете? Дай Бог здоровья вам, вашим деткам и всем вашим супругам!

- Да нет, Костя! - засмеялся Иванов. - У меня, в отличие от тебя, всего одна супруга, да и с той уже год, как в разводе. Только вот живем вместе.

Подумал немного и добавил:

- Пока вместе... Кстати, Костя, - вдруг вспомнил он. - Я ж тебе покурить хотел оставить. А ты не подошел почему-то.

- Да вы все заняты были, а потом этому Славику оставляли.

- Ну, молодец, дед! Не надоедай, как говорится, - и воздастся сторицей!

Он достал сильно отощавшую пачку «Примы» и посчитал сигареты. Оставалось шесть

штук. Две из них протянул Косте.

- На, покуришь за мое здоровье!

Обалдевший от такого щедрого подарка Костя, забыв даже поблагодарить «благодетеля», вскочил и галопом умчался в туалет. «Откуда и прыть взялась?» - покачал головой Иванов и, довольный своей щедростью, пошел к креслу. Там уже отирались Яшка с Генкой.

- О, санитар! А мы уж заждались! Чего там насчет гитары?

- Кум распорядился. Можешь брать каждый вечер.

- Здорово! Так я возьму?

- Подожди. Тамара Сергеевна придет - у нее и зацепишь. Ей же и отдашь.

Иванов откинулся в кресле и вытянул в проход уставшие ноги. Яшка хлопнул его по плечу.

- Ну, ладно. Курить пойдешь?

- На фиг - обкурился уже за смену-то. Скоро никотин из одного места закаплет.

- Ну, мы пошли, - и, доставая на ходу сигареты, Яшка с Генахой двинулись к туалету, обнявшись и распевая модную песенку про Васю. Но так как слов не знали, то повторяли одно и то же: - Конечно, Вася, Вася - стиляга из Москвы. Конечно, Вася...

На отделении появился Сергеич. Пройдя по палатам, он подошел к Иванову.

- Здоров будешь, Александр!

- О, смена пришла! - обрадовался Иванов. - Привет, Сергеич!

- Как на отделении?

- Как всегда - о'кей. Ботинок в наблюдалке, Барышев на его месте в пятой. Больше новостей нет.

- Ну, тогда я распишусь схожу.

- Сходи...

Здоровенный, но невысокий Сергеич чуть ли не боком протиснулся в двери сестринской. Через пару минут подошел и его напарник Витя. Он работал недавно - всего какой-то месяц.

- Ну, как? - спросил он у Иванова.

- Отстрелялись, слава Богу. Иди, расписывайся, да мы домой пошлепаем.

Когда они одевались, Гусь сказал Иванову, что зайдет к матери перекусить, благо, что мать у него жила здесь же, в поселке. Расставшись с ним у дома его матери, Иванов перешел через мост, и двинул по Луначарского в сторону дома. На улице неожиданно потеплело. Серый упругий ветер нанес откуда-то с запада рыхлые облака, из которых сыпал мелкий колючий снежок. Начиналась метель. Редкие пока еще снежинки кружились под фонарями, переплетаясь в каком-то причудливом хороводе.

«Вот так же и люди, - думал Иванов, ежась от порывов внезапно налетавшего ветра. - Крутятся, вертятся... Некоторые сталкиваются между собой, некоторые и в глаза друг друга не видят. А в итоге - всем им лежать на земле. А смысл? - тут он задумался, достал сигарету и, закрываясь от ветра, прикурил. - А смысл, видимо, в том, чтобы от рождения и до падения на землю испытать радость полета. Вот это и называется, блин, жизнью...»

Он шел домой, ловил ртом снежинки и чему-то улыбался. Кончилась еще одна смена. Еще один маленький шажок в длинной веренице рабочих будней.

Продолжение следует

Владимир САВИЧ

ТАБУРЕТКА МИРА

Роман в рассказах
(Журнальный вариант)

ВСТРЕЧА

1

Чем дальше я удаляюсь от дней упорхнувшего детства, тем чаще снится мне мой старый, окруженный стеной покосившихся сараев, двор - место, где прошли лучшие дни жизни. Чем отдаленнее от меня улица, где я когда-то жил, тем явственней видится мне в ночных эмигрантских сновидениях скособочившаяся фанерная будочка киоска «Союзпечать» на ее углу, из которой с завидной регулярностью в дни родительской получки приходили ко мне книжки на лощеной бумаге.

Крутится дочь у навороченного «лазера» и ломается под новомодные хиты, а я смотрю на нее и вспоминаю, как стоял, раскрыв рот, дрыгаясь под звуки босанов и шейков, что неслись из окон канувшего в лету ресторана «Плакучая ива».

Но странное дело: чем отчетливее вижу я старость, угрюмо глядящую на меня из мути зеркальных глубин, тем трудней мне разобраться, где заканчивается реальность детских воспоминаний и начинается придуманная мной же история о событиях минувших дней. Может, вовсе и не существовал тот двор, который, исчезнув с лица земли, по-прежнему хранит мои следы? Может, я никогда и не стоял у того ресторана и не слушал музыку давно уже не существующего оркестра?

Как безумно далеки те годы! Только сны, пожелтевшая фотография лопоухого мальчугана в коротких штанишках да стопка виниловых пластинок и связка выгоревших тетрадных листков - вот, пожалуй, и все, что осталось от детства. Но разве может размытый временем лист или чудом сохраненная обложка школьного дневника служить веским аргументом в пользу реальности минувшего, если такая могущественная штука, как память, сомневается в его достоверности?

2

Мои музыкальные способности проявились рано и своеобразно. Так, например, разорвав очередную футболку, я, вместо того чтобы изображать горе, нес ее домой, горланя приятным дискантом модную в те времена песню (безбожно перевирая ее при этом): «Чья майка, чья майка...» И сам же себе отвечал: «Моя!» Во дворе меня называли «наш Робертино Лоретти» и угощали пенкой от сливового варенья. Местная шпана звала меня «Магомаевым» и заставляла танцевать твист, собирая за это деньги с прохожих. Слава моя росла. Дошла она и до родителей.

- Наш мальчик обладает музыкальными способностями, - сказала как-то бабушка.

Почему это сказала бабушка, а не дедушка или, например, родители? Ну, во-первых, у меня не было дедушки. Во-вторых, родителям всегда немножко не до детей, когда в доме есть бабушка. И в-третьих - и это, пожалуй, главное - женская душа, а тем более душа бабушки, обожающей своего внука, устроена таким образом, что может рассмотреть талант там, где другие видят только детское дурачество.

- И в чем же они заключаются, эти самые таланты? - недоуменно вскинули брови родители.

- Ну здравствуйте, приехали! Наш Боря уже давно имеет стабильный успех, а родители ни ухом, ни рылом.

- Правда? И что же это за успех? По математике?

Мои родители, занятые диссертациями, так редко бывали дома, что без конца чему-то удивлялись. «Как, у Бори выпал зуб?» «Как, Боря носит уже 33 размер?» «Как, у Бори скарлатина?» Теперь вот оказались еще и способности...

- И по математике тоже. Мальчик за деньги поет в подворотне, - ответила бабушка.

- Мама, как же вы допустили?

- Что мама, что мама, - защищалась бабушка. - В конце концов, вы же - родители. Взяли

бы, да и поговорили с сыном, да направили его способности в нужное русло.

- А что, и поговорим! - закричал папа.

- А что, и направим! - поддержала его мама.

Весь это разговор долетает за перегородку, отделяющую «салон» от маленькой комнатки, где за письменным столом сижу я, вислоухий мальчуган, и старательно насвистываю новомодный мотив песни «Королева красоты». Вечером «Королева» сулит мне сигарету «Памир».

- Иди сюда, лоботряс! - кричит мне из-за перегородки отец.

- Гарик, поласковей, поласковей, это же твой сын, - просит бабушка.

Я прекращаю свистеть и с ангельским смирением вхожу в салон.

- Слушай, лоботряс, - обращается ко мне папа. - Скажи, это правда, что ты поешь в подворотнях за деньги?

Я провожу рукой по вспотевшему лбу. Лоб у меня крепкий, высокий и совсем не трясется. «Отчего же тогда отец упорно называет меня лоботрясом?» - думаю я и, переминаясь с ноги ногу, отвечаю:

- Ну, если это можно назвать деньгами, то да, хотя...

- Ну, вот и прекрасно, - не дает мне развить мысль отец, - за заработанные в подворотнях деньги ты с завтрашнего дня начинаешь развивать свои способности.

- Какие способности? - спрашиваю я, надеясь, что мне купят велосипед и отдадут в секцию велоспорта. А может быть, лук? Ведь лук - это так романтично, от него веет историями Шервудского леса.

- Музыкальные, - прерывает мои мечты отец.

- А что это значит? - удивленно спрашиваю я.

- Это значит, - говорит бабушка, - что мы купим тебе музыкальный инструмент, рояль, например, и ты будешь на нем учиться играть.

- Зачем мне музыкальный инструмент, тем более рояль? У нас его и поставить-то негде, - отвечаю я.

- Это не твое дело, где мы его поставим. Ты лучше скажи, когда ты станешь человеком, а не лоботрясом? - спрашивает отец.

Я провожу рукой по вспотевшему лбу и продолжаю мямлить:

- Я бы хотел развивать свои способности в секции стрельбы из лука или самбо.

- Выбрось это из своей головы. Пока я жива, никаких самбов и луков в доме не будет, - заявляет мама, косясь при этом на электрический провод от утюга.

Но в это время огромные настенные часы начинают клокотать, как проснувшийся вулкан, и громко бьют семь раз... Меня уже ждут слушатели...

3

Из пестрых лоскутков прошлого воскресают первые музыкальные инструменты, предложенные мне в освоение: отечественный баян «Тула» и германский трофейный аккордеон «Хофнер». Но «Хофнер» и «Тула» были отвергнуты мною с порога - во-первых, из-за громоздкости, во-вторых, из-за массовой распространенности.

- Нет, - решительно заявляю я, когда мы приходим в музыкальный магазин.

- Как нет? - восклицает отец. - Мы специально приехали сюда, с трудом вырвавшись из лаборатории. А ты, дубовая твоя голова, говоришь «нет»!

- Но почему нет, горе ты луковое? - спрашивает мама.

- Дети, ради Бога, потише, - умоляюще просит бабушка. - Вы же не в своей лаборатории.

- Это плебейские инструменты, - отвечаю я.

- Где ты нахватался таких слов, лоботряс? - говорит папа. - Плебейские! А знаешь ли ты, аристократ обалдуевский, что инструменты эти стоят две мои кандидатские зарплаты?

Разъяснения не действуют. Будущее «музыкальное светило» пугает родителей тем, что не придет ночевать домой.

- Ну, что я говорил - обалдуй. Чистый обалдуй, одним словом, форменный лоботряс! - кричит папа.

- Гарик, что ты говоришь, побойся Бога, ты же член партии, - умоляет папу бабушка. - Ребенок в поиске. Он ищет, а вы как интеллигентные люди должны ему помочь разобраться. Боря, ведь ты ищешь, правда? - допытывается бабушка.

- Конечно, Боря ищет! Ваш Боря только и делает, что ищет, как довести нас всех до инфаркта, - перебивает ее мама и пытается отыскать среди магазинного инвентаря любимое орудие воспитания - электрический шнур от утюга.

- Глаша, как же так можно, это же и ваш сын, - кипятится бабушка. - Ну, не нравится мальчику баян, по правде сказать, мне он тоже не очень нравится. Баян - инструмент пьяных ассенизаторов. Другое дело - скрипка. Скрипка - инструмент интеллигентных людей. Правда, Боря? - обращается она ко мне. Я молча киваю своим вспотевшим лбом, и мы выходим из магазина.

Так в мою жизнь вошел некто Семен Ильич Беленкин, скрипач-виртуоз, первая скрипка местного музыкального театра. Он рассказывает мне о струнах, грифах, деках и тембрах, от него я узнаю, что Страдивари и Паганини - это не уголовные авторитеты нашего района, а некие загадочные итальянские мастера. С Беленкиным мы разучиваем Баховский менуэт и Рахманиновскую польку. Семен Ильич доволен. Вскоре передо мной лежит партитура скрипичного концерта... У меня страшно болят пальцы, а на улице на меня подозрительно косится местная шпана.

- Слышь, Бориска, - останавливает меня местный хулиган Чалый, - ты, может, и не Бориска вовсе?

- А кто? - недоуменно спрашиваю я.

- Может, ты того, Барух?

- Почему? - живо интересуюсь я.

- Потому - очкарик и со скрипкой шляешься, - отвечает Чалый и, угрожающее поднеся свой огромный кулак к моим очкам, добавляет: - Гляди у меня, малый.

От этих диких подозрений у меня перехватывает дыхание, и я чувствую, как бурый мартовский снег начинает проваливаться под моими ногами.

- Хватит, довольно с меня того, что вы меня назвали Борей и надели на меня очки, - говорю я и кладу скрипку на стол.

Бабушка плакала, мама не выдержала и огрела меня разок электрическим шнуром от утюга, папа как никогда громко кричал «лоботряс», а Семен Ильич глядел на грязные мальчишеские пальцы и горестно шептал: «Мальчонка, побойтесь Бога, вы же хороните талант». Но что в те счастливые годы какой-то там талант? Гораздо важнее было не загреметь в «Барухи». Родительские вздохи еще какое-то время подрожали подобно скрипичной струне и стихли.

4

Школа, в которой я учился, была престижной (спецшколой, как их в ту пору называли). В ней изучали французский язык, французскую литературу, «французскую математику», «французские» физику и геометрию, оставив родному языку лишь общественные науки. Я предпочел общественные дисциплины и, как следствие, часто выигрывал многочисленные олимпиады и конкурсы. Как-то за победу в очередной олимпиаде я был награжден билетом на заключительный концерт мастеров искусств в местном Доме пионеров. Гремели ансамбли балалаечников. Торжественно звучала медь духовых оркестров, и звонкое детское сопрано благодарило родную Партию «за счастливое детство». Было скучно... От балалаечного треска разболелась голова, и я стал подумывать о бегстве...

- Шопен. Ноктюрн, - объявил конферансье. - Исполняет Эстер, - он на мгновение запнулся, - Шма, - конферансье заглянул в листок, - Мац... Шмуц... Шмуцхер... В общем, Шопен, - и, обречено махнув рукой, ведущий стремительно скрылся за кулисами.

За ним, гремя домрами и пюпитрами, со сцены исчез квартет домристов. Освободившееся место занял огромный черный рояль. К нему подошла девочка. Была она так себе: серенькая юбчонка, потупленный взгляд, стекляшки кругленьких очков: ни дать, ни взять - «гадкий утенок». Ну, а какой еще может быть девочка с плохо выговариваемой фамилией? Но вот она поправляет свою юбчонку, садится к роялю и... «гадкий утенок» превращается в таинственную незнакомку, играющую на струнах вашей души. Сказать, что я обомлел, что жизнь мою перевернула эта невзрачная девчушка, нет, этого не было, но какие-то смутные желания научиться так же ловко возмущать черно-белую фортепьянную гладь эта угловатая пианистка во мне пробудила.

Поделившись своими ощущениями, вызванными игрой «дурнушки», с родственниками, я, кажется, изъявил желание выучиться игре на фортепьяно. Не берусь с протокольной достоверностью описать все развернувшиеся в доме события, связанные с этим заявлением. Но хорошо помню, как сотрясали дом в те дни телефонные трели. Как кипели финансовые споры, а на кухне убегало молоко для моей младшей сестры. Вскоре дебаты стихли, и в нашу небольшую гостиную въехало светло-песочное, под цвет выгоревшего канапе, пианино «Красный Октябрь». Вместе с ним в мою жизнь вошла пышная и ярко одетая учительница музыки Калерия Францевна Музаславская.

Мы учили гаммы и триоли. К шестому занятию Калерия Францевна стала утверждать, что из меня вырастет Святослав Рихтер. После этих слов отец перестал называть меня «лоботрясом», мать - посматривать на электрический шнур от утюга, а бабушка стала разговаривать со своими знакомыми так, как будто я уже выиграл фортепьянный конкурс им. П.И.Чайковского. Очень может статься, что так бы оно и было.

Но в то самое время, когда мы уже принялись за сонатины Черни, на город рухнул Рок (этот самый Рок и виноват в том, что вы сейчас читаете мой рассказ, а не слушаете фортепьянный концерт в моем исполнении). На улицах появились хиппи. О, что это были за люди - синтез независимости и галантной нахальности! Джинсы, бусы, ленточки на голове. Время любви, цветов и, главное, громкой и независимой, как и ее исполнители, музыки. При моей природной склонности к новизне и жизненному поиску, нетрудно предположить, что мне захотелось походить на этих людей. Поддавшись этому зову, я тайком от родственников искромсал свои новые дачные техасы, присвоил мамины бусы и изрезал на головную повязку лучший папин галстук.

- Я оставляю фортепьяно и посвящаю себя Хард-Року, - заявил я, стоя перед родителями в новом экзотическом наряде.

Вот это был удар, скажу я вам. Увидев, что осталось от галстука, папа схватился за сердце и молча рухнул на стул. Мама стала походить на аквалангиста, у которого прекратилась подача кислорода. Бабушка же, как ни странно, выглядела невозмутимой.

- Не надо кипятиться, - успокаивала она родителей. Ребенок ищет, в конце концов, в альтернативной музыке есть свой шарм. Ив Монтан, например. Гарик, ведь ты же любишь Ива Монтана? Папа молча кивнул головой.

Через несколько дней у меня появилась электрогитара ленинградского производства и подержанный усилитель «Электрон». Пианино же оттащили в угол и накрыли шерстяным полосатым пледом. Изредка спотыкаясь о корпус «Красного Октября», отец недовольно бурчал: «Лоботряс». Но к тому времени я уже был «здоровым лбом», не боявшимся даже электрического шнура от утюга.

Вскоре скучную жизнь пылящегося в комнатной тиши пианино «Красный Октябрь» нарушила ворвавшаяся в нашу квартиру компания моих новых друзей.

Пока хлебосольный хозяин возился на кухне, смылившая в салоне московский «Дукат» компания подвергла жестокой экзекуции бедный «Красный Октябрь». Ужасающая картина открылась мне, когда я вошел в комнату. Содранный с инструмента зеленый полосатый плед шотландского производства тяжелым комком валялся в пыльном углу. Бесстыдно задранные пианинные крышки стыдливо смотрели на враждебный им мир, и на одной из них красовалась надпись: «Боня и Тоня были здесь».

Девственную белизну клавиш украшала смоляная дыра, а известный городской пластовик Зис уже норовил помочиться на металлические внутренности «Красного Октября». Я отчаянно запротестовал.

- Да ты что, Боб, может, ты, брат, того, и не рок-ин-роллщик вовсе? - ехидно спрашивал меня Зис, застегивая брючную молнию.

- Можешь думать, как хочешь, - решительно заявил я. - Но писать ты будешь в унитаз!

- Peoples, линяем отсюда! - закричал Зис. Но народ предпочел бегству «Солнцедар».

После их ухода я долго пытался убрать следы рок-ин-роллього нашествия. Но вечером позорная тайна была открыта - на ноте «до» малой октавы бесстыдно зияла никотиновая дыра. Никто не стал выяснять, кто были таинственные «Боня и Тоня», оставившие столь эпохальную надпись. Всем и без того было ясно, что сын связался с далекой от фортепьянной музыки и хороших манер компанией. Через несколько дней «Красный Октябрь» с помощью подъездных алкашей, братьев Синельниковых, перекочевал в соседскую квартиру Славика Лившица, а в первой половине 70-х, вместе с новыми хозяевами, и вовсе канул в неизвестность.

5

Подобно замысловатой импровизации минули годы. Они были разными, как клавиши на клавиатуре. Черными и белыми. Скандально мажорными и уныло минорными. Но неизменным было одно - мое стремление к новизне. Рок я поменял на джаз, джаз - на джаз-рок. Кроме этого, я менял адреса, места учебы и работы, длину волос и ширину брюк. В конце концов, я поменял континенты!

Сегодня, вдалеке от тех мест, где я был юн, независим и свеж, меня уже никто, Боже мой, никто не называет лоботрясом и не нанимает мне музыкальных репетиторов. Как жаль! Теперь я, старый, нудный и помятый жизнью человек, кричу малолетним детям «ло-

ботряс, обормот, обалдуй» и кое-что из французской ненормативной лексики.

Несмотря на это, дети растут. И растут стремительно. Кажется, только вчера дочь училась называть меня «папой», а вот уже лежит передо мной ее письмо к Санта-Клаусу: «Милый Санта-Клаус, подари мне, пожалуйста, на Рождество настоящее пианино». «Это же в какие деньги выльется мне эта просьба?» - думаю я, засовывая письмо в карман.

Я уныло хожу с этим посланием по музыкальным магазинам. Любуюсь грациозными «Ямахами», важными «Болдуинами» и задерживаю дыхание у непревзойденных «Стейнвейев». Большие и важные, с поднятыми крышками, они напоминают огромных диковинных птиц, взмахнувших крыльями. Но с той жалкой мелочью, что звенит в моем кармане, все это черно-белое изящество дерева, кости и металла, увы, не про меня. Чужой на этом празднике музыкального совершенства, я разворачиваю свои башмаки и спешу в спасительные магазины вторых рук, на кладбища отслуживших свой век вещей. Долго и безуспешно брожу я среди неуклюжих комодов и «модных мебелей» минувших эпох и стилей, пока не натыкаюсь на то, что ищу.

Пианино стояло в дальнем углу магазина. Солнечный пыльный луч, пробившийся из маленького зарешеченного окна, безмятежно покоился на его матовой поверхности. Пробравшись сквозь баррикады буфетов, столов, диванов, я оказался у инструмента и, пораженный, замер. Боже праведный, передо мной стояло мое пианино! Осторожно и ласково провел я пальцем по прожженному «до» малой октавы и, ни минуты не колеблясь, отдал задаток. На следующее утро светло-песочный «Красный Октябрь» перекочевал в мой дом.

Три дня «пианинный доктор» возился у расстроенного нелегкой жизнью инструмента. Три дня вытаскивал он какие-то диковинные ключи, болты и деревяшки из своего смешного ридикюля. Три дня что-то натягивал и подтягивал, стучал молоточком и прислушивался к гудящим больным внутренностям старого пианино. Вволю намучив меня и «Красный Октябрь», «доктор» присел на велюровую банкетку и Шопеновским ноктюрном, который когда-то давным-давно играла девочка с труднопроизносимой фамилией, вернул инструмент к жизни.

Мастер ушел, а я вместе с дочерью, более покладистой, чем ее отец (сумевший избежать штормов мажорных гамм и штилей минорных трезвучий), пустился учить азы нотной грамоты, пытаясь хоть так сгладить вину перед инструментом и собственной судьбой. Но, увы, разбей я сегодня и вдрызг свои пальцы, мне уже вовек не добраться до несметных сокровищ музыкальной гармонии, которую я когда-то с такой непростительной легкостью отверг.

Но играть я все же выучился. И в тоскливые вечера, когда все кажется бессмысленной суетой, а мир уродливым и безобразным, я подхожу к своей черно-белой «несостоявшейся судьбе», чуть трогаю ее клавиши, и со звуками вызванных к жизни мелодий оживают далекие дни моего детства, которые, несмотря на сомневающуюся в их реальности память, все-таки были.

ТАБУРЕТКА МИРА

Когда я появился на свет, отец мой уже окончил юридический курс местного университета и работал инспектором в областном отделе ОБХСС. И по сегодняшний день я не знаю расшифровки этой аббревиатуры. Что-то связанное со спекуляцией и хищениями.

Не знаю, был ли отец рад моему появлению на свет, но доподлинно известно, что на мою выписку из роддома он не явился. Спустя три десятилетия я так же не явился в роддом за своей дочкой (по всей видимости, это у нас наследственное), но это вовсе не значит, что я не был рад ее рождению. Напротив, рад и люблю свою дочь! Храни ее Господь! Ну, да оставим это! Рассказ ведь не о любви, он о музыке, точнее, о гитаре, нет, о табурете, а может, быть о жизни!!?? Решать тебе читатель, а мне время рассказывать.

Итак, отец. Ну, что отец! Отец постоянно был занят на службе: ловил, сажал, расследовал. Проводил облавы, выставлял пикеты, устраивал засады, называя это оперативной работой (оперативкой). Этой самой оперативкой он был занят с утра до вечера, прихватывая иногда и ночи. Все свое детство я думал, что отец у меня какой-то очень засекреченный разведчик, где-то между Рихардом Зорге и Николаем Кузнецовым! Наши жизни пересекались крайне редко. Временами мне казалось, что я люблю своего отца, а иногда я его, страшно сказать, ненавидел. Наши отношения напоминали мартовские колебания термометра.

- Не грызи ногти. Не ковыряй в носу. Зафиксируй этот момент. Закрой рот. Я дам тебе

слово, - командным громким голосом требовал отец. Ртутный столбик падал за отметку ниже нуля.

- Опять со шкурами валялся, - кричала мать, стряхивая с его пальто сухую траву и хвойные иголки.

- Что ты мелешь! Я всю ночь провел в засаде! - тихим усталым голосом отвечал отец.

Слово засада, грозное и опасное само по себе, да еще произнесенное таким утомленным голосом, становилось просто героическим. Я живо представлял себе, как отец лежит в мокром овраге в ожидании шкуры. Шкура - небритый угрюмый дядька - бродит по ночному лесу, трещит валежником, грязно ругается и замышляет что-то гадкое, подлое, низкое, но тут выходит мой отец и с криком: «Попалась, шкура!» - валит детину на землю, крутит ему руки и везет в отдел.

В такие моменты ртутная стрелка резко шла вверх. Высшую отметку моего отношения к отцу термометр показал, когда он попал в автомобильную катастрофу. Ходили слухи, что в день аварии отец был со шкурой, но я верил в засаду. Врач дал ему всего одну ночь жизни. Но отец выжил и вскоре уже снова требовал, чтобы я не грыз ногти и не ковырял нос. Отметки абсолютного нуля и сожалений по поводу врачебной ошибки они достигли, когда я стал битником. Я даже помню фразу, сказанную отцом на мой жизненный выбор:

- Лучше бы ты стал бандитом!

- Почему? - удивился я.

- Потому, что в хипаках нет ничего человеческого!

- Поясни!

- А что тут пояснять. В человеке все должно быть прекрасным. А у хипаков что? Патлы, буги-вуги и эпилептические припадки.

- Почему эпилептические?! - воскликнул я.

- Потому, что видел ваши танцы, - ответил отец.

- Пусть в них нет ничего прекрасного. Зато у них интересная и насыщенная жизнь! - патетически воскликнул я.

- Жить нужно, как Павка Корчагин, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы!

- Корчагин - анахронизм. Слушай Ричи Блэкмора!

- Пройдет пару десятков лет, и твой Блекмордов станет для твоих детей таким же анахронизмом!

Отец оказался прав. Для моей дочери Павкой Корчагиным служит Nick Carter из «Backstreet Boys».

- Ты напоминаешь мне изи дей херд найт (easy day hard night, тяжелый вечер легкого дня), - ответил я отцу, перефразировав на свой лад название битловской песни.

- Не выражайся! - воскликнул отец. Принимая, очевидно, английское hard за русское нецензурное слово.

Как всякий интеллигент во втором поколении, отец презирал жаргонизмы и крутые словечки.

- Пока не поздно, возьмись за голову. Иначе тебя посадят, - сказал отец в заключение.

Но я не послушал (в моем кругу слушать предков выглядело таким же анахронизмом, как и читать Н.Островского) и по-прежнему слушал «Deep purple» и всякую свободную минуту проводил с гитарой, пытаясь сдирать импровизации с Р.Блэкмора.

- И на такой доске, - сказал ведущий городской гитарист Обводов, - ты хочешь взлабнуть Блекмора!?

Я промолчал.

- Хочешь Блэкмора лабать, стратакастер должен мать! - и Обод вытащил из шкафа кремового цвета «Фендер стратакастер».

- Можно? - попросил я.

- Уно моменто, - ответил Обод и врубил гитару в усилок.

Пальцы у меня задрожали, лоб покрылся испариной. Чуть успокоившись, я выдал гитарный импровиз композиции «Highway star». Клянусь, мне показалось, что она прозвучала лучше оригинала.

- Не хило! - присвистнул Обод.

- Сколько тянет такой агрегат? - поинтересовался я, обводя взглядом музыкальное хозяйство Ободова.

Сумма, названная им, равнялась цене последней модели «Жигулей». Тогда я стал мастерить гитару самолично. Кое-что я выпрашивал, кое-что воровал, кое-что покупал, а кое-что выменивал. Кроме того, стал ходить на разгрузку вагонов на местный силикатный

(клеевой) комбинат. Комбинат «сяриловка», как называли его в городе, представлял собой вороха гниющих костей, армады наглых крыс и мириады жирных шитиков...

Лучше всего у меня получалась гитара. Корпус я смастерил из цельного куска морёного дуба, выменянного на деревообрабатывающем комбинате за пузырь «Лучистого». Гриф от списанной школьной гитары. Фирменные звукосниматели я выменял на фарфоровую статуэтку. Статуэтка с моей фамилией всплыла на допросе фарцовщика Алика Кузькина.

- Покажи дневник, - попросил как-то удивительно рано вернувшийся со службы отец.

- Зачем? - спросил я.

- Я хочу знать, что у тебя по физике.

- Нормально у меня по физике!

- Почему по физике? - удивилась мать.

- Потому, что он мастерит свои гитары из раскромсанных телефонов-автоматов! - («Вот змей, а говорил, что фирменные», - ругнул я Алика Кузькина). - Понятно?

- Негодяй! - закричала мать. - Как ты мог!

Было не совсем понятно, чем возмущена мать: воровством домашней статуэтки или распотрошением общественных телефонных автоматов.

- Сию же минуту вынеси весь этот битлизм из дома, - приказал отец.

- Я имею законную жилплощадь и право на собственность!

- Ну, тогда на правах ответственного квартиросъемщика вынесу я, - заявил отец и тронулся к моему муз хозяйству.

- Не тронь или я тебя урою, - мрачно пообещал я.

- Ах, ты, Махно! Японский городовой, ах, ты, власовец! Хобот крученный! Советская власть с Гитлером справилась, а с тобой, битлаком, в два счета разберусь! - кричал отец, топча ногой записи «дипперполцев».

В книжном шкафу задрожали стекла, с полки упал и сломал себе голову пластилиновый Ричи Блэкмор.

- Что ты делаешь! - закричала мать. - Я, между прочим, деньги на эти кассеты давала.

- Делают в штаны, а я перевоспитываю твое воспитание! Вырастила Махно! - разобравшись с записями, отец приступил к гитаре. Я выпятил грудь и засучил рукава. - Ты что, на меня, советского офицера, руку вздумал подымать? Да, да, да я, я тебя... Да я, з-з-з-знаешь ... Да я так их, их, их. Су-у-уб-бчиков крутил!

- Надорвешься! - сопел я под тяжестью отцовского тела.

- Посмотрим, посмотрим, - заваливая меня в кресло.

Послышался хруст ломающейся гитары. Казалось - это хрустит не гитара, а весь мир, да что там мир, хрустела и ломалась вселенная.

- Я тебе этого никогда не прощу, - плачущим голосом пообещал я отцу и сгреб под кровать гитарные ошметки.

- Ничего, ничего, - хорохорился победивший отец, - еще будешь благодарить!

- Пусть тебя начальство благодарит, а я ухожу из твоего дома. Квартиросъемствуй без меня! - и, громко хлопнув дверью, я выбежал на двор.

Неделю я не ночевал дома. Дни проводил на берегу лесного озера, примыкающего к нашему микрорайону: здесь пахло молодой листвой и озерной тиной. Ночь коротал на чердаке: под ногами хрустел шлак, по ноздрям шибало птичьим пометом. Я осунулся, почернел, пропах костром, тиной и голубиным дерьмом. На восьмой день на меня был объявлен розыск. На девятый, как отца Федора с горы, меня сняли с крыши и привели домой.

- На кого ты похож! - воскликнула мать.

- Je me ne suis pas vu pendant 7 jours, - ответил я (я не видел себя 7 дней).

- Ты шутишь, а я все эти дни не сомкнула глаз.

На деле все выглядело несколько иначе. Все эти дни между родителями возникал приблизительно такой диалог.

Отец: «Как ты можешь спать, когда твой ребенок неизвестно где».

Мать: «Нечего лезть в воспитание с такими нервами. Походит и вернется!»

Отец: «Что значит походит! Где походит? Это же твой ребенок!»

Мать: «Хорошенькое дело. Может, я поломала его гитару!? Может, я истоптала его записи!?»

Отец: «Я поломал! Я и починю!»

Мать: «Он починит! Не смешите меня, у тебя ж руки не с того места растут!»

Отец: «У кого руки! У меня руки! Я, между прочим, слесарь 4 разряда!»

Мать: «Какой ты слесарь! Сколько ты им был? Ты же, кроме как орать, сажать, да валяться в засадах, ничего не умеешь!»

Отец: «Ты напоминаешь хер дей найт».

Мать: «Сам ты хер, а еще член партии!»

Но вернемся в день моего возвращения.

- Отец все эти дни места себе не находил! - сообщила мать.

- Где, в засаде? - съязвил я.

- Зачем ты так, - мать грустно покачала головой. - Отец переживал, что так получилось. И гитару твою, между прочим, чинил.

В квартире и правда стоял тяжелый запах столярного клея, живо напомнивший мне заваленный костями двор силикатного комбината. К нему примешивался хвойный канифольный дух.

- Сын, я был не прав, - сказал мне вечером отец.

- А с этим мне что делать? - я указал на гитарные ошметки.

- Я починю, слово коммуниста, починю! - твердо заявил отец. - Я уже, между прочим, столярный клей заварил и канифоли достал. Склеим! У нас руки не с того места, что ли, растут! Спаяем!

В доме закипела работа. Возвращаясь с работы, отец быстро ужинал и говорил:

- Пошли делать нашу гитару.

Месяц мы кропотливо выпиливали, выстругивали, долбили и паяли. Пропахли стружкой, канифолью и столярным клеем. В наш с отцом лексикон вошли слова: долото, рашпиль, колок, порожек, мензура и струнодержатель. Консультантом выступал скрипичных дел мастер Смычков! Отец пошел даже на служебное преступление, изъяв из вещественных доказательств, хранившихся в его рабочем сейфе, звукосниматель от болгарской гитары «Орфей». От этого звук нашего изделия получился мягкий, плавный, гладкий - примиряющий звук, совсем не роковый, но, добавляя фуза и пропуская гитару сквозь ревербератор, я добивался нужного звучания. Остатки фанерного шпона, шедшего на гитарный корпус, мы пустили на кухонный табурет.

- Табурет мира! - объявил отец.

Единожды взошедший на скользкую тропу русского рока (самобытного, как, собственно, все русское) рискует сломать на ней свои конечности. Но таков уж наш русский путь: скользкий и опасный. Возможно, на этой тропе у него пробился родительский ген. Все может быть, потому что отец пошел на новое преступление и затребовал якобы для расследования из обхээсовских загашников все наличные записи «дипперполцев». Таким образом, был восстановлен и даже расширен мой музыкальный архив. Вскоре настала очередь изготовления усилителя и звуковой колонки, ну, и соответственно нового служебного преступленья. Отец притащил из ведомственных подвалов лампы, транзисторы и 50-ваттный динамик. Добром этим, как утверждал отец, был забит весь ведомственный склад!

Через год отец мог запросто отличить Битлов от Роллингов. Гитару Р.Блэкмора - от гитары Д.Пейджа. Через два ездил со мной в качестве оператора на многочисленные халтуры, а еще через год явился на партийное собрание в джинсах и заявил, что рок есть прогрессивное течение, и потребовал реформации социалистической законности!

После такого заявления отец был срочно переведен из органов во вневедомственную охрану. Будучи начальником охраны мясокомбината, отец по следовательской привычке разоблачил группу злостных расхитителей колбас и был вынужден выйти по выслуге лет на пенсию. Последние два года своей жизни он не работал, хранил у себя мой халтурный аппарат и, сидя на «табурете мира», с надеждой глядел в окно в ожидании моего возвращения.

Завидев машину, отец оживал. Оперативно расставлял аппарат, доставал квашенную по особому рецепту капусту, маринованные огурцы, полученную по пенсионному пайку работника МВД тонко струганную китайскую ветчину и хрустальные тонконогие рюмки.

- Не мешай, - ворчал он на протестующую мать.

- Но тебе нельзя! У тебя же два инфаркта.

- Отойди, ты напоминаешь мне хер дэй найт.

- Сам ты хер, хоть уже и не член партии.

На одной из халтур у меня украли «нашу» гитару. В последнее время старой гитарой я почти не пользовался, ибо имел уже приличную японскую доску, но в тот злополучный день с «японкой» что-то случилось, пришлось взять с собой старую самопальную гитару. Вечером, грузя аппарат в машину, я нигде ее не нашел. Как я ни увещевал работников

общепита, чего только ни обещал за возвращение инструмента, все было тещино: общепитовцы непонимающе пожимали плечами и виновато улыбались. Тогда на ноги был поднят весь городской музыкальный рынок, но это ничего не принесло. «Наша» гитара исчезла бесследно. А вскоре умер отец. Вышел зачем-то на кухню, а вернулся на моих руках, уже мертвым.

На дворе как раз свирепствовали ветры экономических реформ. Было пусто не только в магазинах, но и в бюро похоронных услуг. В канареечного цвета доме, где расположилась скорбная организация, кроме директора и нескольких не совсем трезвых личностей, не было решительно ничего: ни кистей, ни венков, ни лент, ни даже гробов.

- Надо позвонить в органы, - посоветовал я матери.

- О чем ты говоришь! - воскликнула она. - Ведь его, по существу, уволили оттуда.

- Но заметь, с ветеранским пайком, - привел я весомый аргумент.

- Ты думаешь, может что-то получиться?

- Уверен! Тех, кого вчера увольняли, сегодня числят героями!

Я оказался прав! Органы выделили на изготовление гроба доски, красный обшивочный материал и даже ярко-малиновые кисти. Вновь в мой лексикон вошли слова: долото, ножовка, рашпиль и стамеска...

Все, что осталось у меня от отца, - несколько его черно-белых снимков да обшитый шпоном табурет. Однажды встретившиеся на хитросплетенных дорогах человеческих судеб свидимся ли мы вновь? Глядя на «табуретку мира», уверен, что встретимся.

ШПИЛЬКА

Тимура Благонравова - студента консерватории по классу скрипки - вызвали в комитет государственной безопасности. Следователь, к которому темным узким коридором направился Тимур, носил спокойную и миролюбивую фамилию - Иванов. Хотя у постоянных посетителей кряжистого здания КГБ, из окон которого (как шутили остряки) «хорошо был виден Магадан», Иванов шел под прозвищем «Зверь». Не следователь, а сущий дьявол. Даже номер его кабинета состоял из трех шестерок. В отличие от своих товарищей по ремеслу, придерживавшихся (хотя бы на предварительных допросах) интеллигентных методов, Иванов с ходу, как он говаривал, ломал подследственным рога.

- Без срока, как ты поминаешь, Благонравов, ты от меня не выйдешь. Даже и не надейся! - пообещал Иванов еще не успевшему переступить кабинетный порог Тимуру.

За следовательским окном млел теплый сентябрьский день. Попасть в такой день в острог представлялось плевком в лицо мирозданию.

- За что срок, товарищ... Я... что... Я... ничего... - Тимур принялся возводить защитную линию.

- Пиночет тебе товарищ, а я - гражданин следователь. Понял - нет, смычок!? - смял оборонительный рубеж подследственного тертый опер Иванов. - А за что срок, так тебе, лишенец, должно быть понятней моего. Компрометируешь звание советского гражданина. Раз. Якшаешься с представителями вражеских голосов и их подпевалами. Два.

- Я... Да... Вы... Какие голоса... Какие подпевалы... Вы меня с кем-то путаете... - Благонравов попытался удержаться на пошатнувшихся рубежах.

- Молчать, отщепенец! Тунеядствуешь - три.

- Я учусь. Выступаю с концертами в подшефных колхозах...

- Закрой рот, Моцарт хренов, четыре! Сегодня выступаешь, а завтра, глядь, уже светит тебе статья, но не политическая, как ты здесь наивно полагаешь, а капитальнейшая УК 201 часть вторая - «злостное тунеядство». Я лично. Слышь ты? Лично! Охарактеризую тебя перед судом лет на пять, не меньше. И пойдете вы, мосье Дали, в такие дали, что вы и не ожидали, - удачно скаламбурил Иванов. - Смякител? У меня твои буги-вуги, роги-ноги... - Иванов бросил на стол фрагменты чьих-то художественных работ, - во где сидят! - следователь постучал ладонью в области печени.

- Но это не мои! Я музыкант, а не художник... Вы меня явно с кем-то путаете...

- А мне до жопы. Твои, не твои. Тут, брат, важен результат! - Иванов окончательно смял защитные линии противника.

Но в эту минуту в кабинете зазвонил телефон.

- Как... Почему... Это не входит в разработку... - требования голоса на другом конце провода явно вызывали у следователя сложнопостановочную реакцию. - Кто... откуда... так точно... разрешите выполнять...

Закончив телефонный разговор, Иванов отвратительно хрустнул пальцами, закурил и неожиданно сменил градус допроса.

- Закуривай, Тимур, - Иванов протянул подследственному сигарету, - поговорим по-мужски. По-доброму, так сказать...

Благонравову показалось, что это был не просто звонок, а какой-то удачный поворот молекул, атомов и всяких там протонов-позитронов в мироздании в его пользу.

- Да, да, да... конечно... поговорим... по-мужски... почему нет... я готов... хорошему... - прикуривая сигарету, пообещал Тимур. - Я вас-с-с вни...мате...льно слу...у...шаю.

- Ну, вот и отлично. Вот и ладненько. Ты успокойся, соберись. Не надо бояться черта раньше времени. Вы ж меня все за зверя держите... Ведь так? А я никакой не зверь. И зла тебе, парень, не желаю. Его, знаешь ли, Тимур, сам себе человек на свой зад находит. Он ведь как, человек, думает. Вот он думает, борюсь я с властью. Как вы ее там называете? О! Софьей Власьевной! Фиги ей в кармане кручу. Письма на вражеские голоса пишу. Иду, одним словом, праведным путем... Оно, конечно, может, и так. Только ты же должен знать, куда пути эти праведные ведут. На Колыму они ведут, Тимур, на Колыму. А она... Колыма эта, Тимурка, пострашней самого ада будет. Честное партийное слово даю. Я там два года сержантом в ВВ оттрубил. Так что сужу не понаслышке... И задача нашей организации и меня как ее представителя указать человеку, в данном случае тебе, куда может привести выбранная тобой скользкая дорожка. Пойми, Тимур, ты не прав. Хотя в принципе ты парень хороший. Я характеристики твои просмотрел. Комсомольскую анкету. Наш парень. Голову даю на отсечение - наш! Фамилия у тебя правильная. И имя наше - звонкое. Родители, поди, в честь Тимура назвали? Только вот незадача - не ту ты команду себе подобрал, парень. Прямо скажем, шушера, а не команда - спекулянты, отщепенцы и шизофреники. Один этот, как его, Ште... - следователь запнулся и посмотрел в листок. - Шпильман чего стоит. Только я тебя прошу ради твоего же здоровья, не говори мне, что слышишь это имя впервые.

- Нет, не впервые. Я его хорошо знаю. Мы с ним вместе в консерватории учимся. Только он на фортепьянном отделении. Отлично знаю. Да что говорить, мы с ним с самого детства дружны! Его отец моим первым музыкальным учителем был...

- Ну, вот и молодец! - остановил перечисления Иванов. - Я ведь говорил, что ты наш парень. Советский! Все понимаешь. Всех знаешь. Если и дальше будешь так соображать, выйдешь отсюда переродившимся человеком. Новым, стало быть, человеком! Жизнь станет, Тимурка, лучше - жизнь станет веселей. Уж ты поверь, парень, слову бывалого чекиста.

- Ну, выйти от вас просто так невозможно, тем более, новым человеком. Вы же от меня чего-то потребуете взамен. Ведь так?

- Потребуем, но немного. Для начала я хочу, чтобы ты пересмотрел свое отношение к жизни. Вышел, так сказать, на магистральное направление. В этом кабинете не только судят, но и блюдут, так сказать, права человека и дают надежду. Понял - нет!? Надежду. Вот понюхай, - Иванов сильно потянул ноздрями воздух. - Чуешь - нет, как ею тут пахнет.

На самом деле в ивановском кабинете никакой надеждой не пахло, а несло такой тоской, бедой и безнадегой, перед которой даже запахи смерти казались просто верхом парфюмерной промышленности. Долго еще этот запах носила на себе одежда Т.Благонравова - вытертый джинсовый костюм «Wrangler», полосатый свитерок и помнившие времена «большого скачка» китайские кеды.

- И это все? - нервно кусая ноготь на указательном пальце правой руки, поинтересовался Тимур. - Если да, то даю вам слово, что с завтрашнего дня начну новую жизнь!

- Очень хорошо. Для первой, так сказать, официальной части нашей с тобой беседы просто прекрасно, ибо твое обещание дает мне право надеяться на твое согласие во второй конфи... короче, анальной части нашего с тобой разговора. Дело вот в чем, Тимур. Ты парень свой, и я ходить вокруг да около не буду. Есть у нас материал на этого твоего... как его? - следователь заглянул в бумаги. - Шпильмана. Так вот, на квартире у этого Шпильмана собирается всякий там народец. Такой, знаешь, кучерявый, без роду и без племени. Тот, что хлебом не корми, дай только покуролесить, да воду помутить. Потом сами в сторону, а нам эту воду с тобой, Тимур, пить. Короче, есть у меня к тебе просьба, но ты ее рассматривай как поручение. В том смысле, что партия сказала - надо, комсомол ответил - есть. Ты ведь комсомолец?

- Ну да, - подтвердил Благонравов.

- Так вот, будет у меня к тебе, комсомолец Тимур Благонравов, такая просьба-поручение. Надо тебе, Тимур, за этими шпи...жги...льманами понаблюдать. Кто к ним ходит. О

чем говорят. Чего замышляют. И обо всем услышанном и увиденном докладывать мне. Они ж, черти, дай им волю, атомную станцию подорвать могут. Известный народ воду в ступе мутить...

- В смысле, если в кране...

- А ты не смейся, Тимур. Ой, не смейся. У меня про этот народец интересные книженции имеются. Вот возьми, почитай на досуге, - Иванов придвинул к Т.Благонравову стопку тоненьких брошюр. - Ну, как, согласен? Пойми, это важно не лично мне, следователю Иванову, - это важно твоей Родине. Родина, Тимур, как и мать, у человека одна. Так разве ж мы позволим обижать всяким там космополитам нашу мать? Лично я не позволю. Ну, а ты решай сам. Сегодня ты Родине - завтра она тебе. Тут ведь скоро осенний набор, а в нем, может так случиться, недобор. Значит, консерваторию надо будет на два года отложить ради святого конституционного долга! И не где-нибудь, а скажем, на магистральных направлениях. А там мороз, братец ты мой, ого-го-ого-го. Шинелька слабенькая. Перчаток не подвезли. А что ты думал?! Солдат обязан стойко переносить все тяготы и лишения военной службы. И надо будет окоченелыми ручонками гайки крутить, гусеницы менять... Короче, через месяц кирдык твоим скрипичным пальчикам. Ну, да ничего... переквалифицируешься на балалайку. А что - тоже народный инструмент! Ну как, согласен? Вижу, что согласен! Тогда вот тебе, брат, ручка, бумага - пиши. Я, такой-сякой немазаный, домашний адрес. Ну, а дальше я продиктую...

- Как!? Вот так сразу и писать!? Но мне надо поговорить с матерью... самому все обдумать... может, я не смогу... дайте хоть несколько дней.

- Ни, ни, ни... Говорить ни с кем не надо. Ни под каким предлогом. Это дело сугубо конфиденциальное. На думы, так и быть, даю день. Хотя что тут думать! От дум, Тимур, голова пухнет, а у чекиста она должна быть светлой. Короче, завтра в девять жду тебя у себя. В десять тридцать - в случае неявки - выписываю постановление на твой арест. Вот ордер. Осталось только вписать твои инициалы. И здравствуй, Колыма... Давай свою повестку - отмечу, а не то тебя уже сегодня отсюда не выпустят, - и следователь Иванов хлопнул печатью, точно копытом ударил, по тимуровой повестке.

Что делать? Как быть? С этими вопросами Тимур присел на скамейку в городском парке. Сентябрьское солнце скрылось уже за верхушками деревьев. От небольшого пруда тянуло сыростью и плесенью. Где-то в глубине парка зловеще кричала неведомая птица. «Это конец! Это конец», - пробормотал, проходя мимо скамейки, неказистый гражданин и скрылся в парковых сумерках.

«Так что же все-таки делать? Написать нельзя - «прогрессивная общественность» осудит, и не писать нельзя - Иванов засудит. Укатает сивку за бугры годиков на восемь. Кранты музкарьере. Да что там карьере. Жизни капут. Что я буду через восемь лет!? Сгорбленный, чахоточный старик. Вот что я буду! Ну, а если соглашусь. Тогда кто я буду в глазах того же Шпильмана? Ведь я, считай, вырос в его семье. Его отец меня на инструменте учил играть. Ойстрах, говорил. Чистый Ойстрах растет! Это ведь он обо мне говорил. Да он же мне не только учителем, он же мне вместо отца и был. Мой же папик черт его знает где... собакам сено косит. Потом сестра мне шпильмановская нравится. Все мне ее в жены прочат. А что - приличная партия. И кто я буду, узнай они, что я на них доносы писал. Сукой последней я буду. Стукачом! А дети, что скажут дети о таком папаше? Это ведь все равно как шило в мешке - не утаишь. Ой, не утаишь! Узнают, всему конец. Карьере кирдык! Ни один приличный человек со мной не то, что не сыграет... он с таким «шестерилой» на одном поле... не сядет.

Вариантов негусто. Прямо гамлетовский «Быть или не быть». И где же тут быть и где не быть? Черт его знает, попробуй, разбери. Но ведь всегда же есть третий путь. Должна же ведь быть щель между подлостью и совестью. Что же делать? Думай, думай, думай... - Тимур сильно, словно хотел разжечь творческий огонь в охладевшем от страха мозгу, тер пальцем висок. Взгляд его прилип к указательному пальцу. Что-то смутное, неясное рождалось в его мозгу... - Вот оно, решение! - Тимур широко раздвинул пальцы правой руки. - Вот он, третий путь. Вот она, щель. Топором по пальцам, и чем прикажете писать, гражданин начальник? Нечем! Так-то, товарищ «зверь»!

А с музыкой что? А ничего! Рубить надо так, чтобы пальцы могли держать смычок. Скрипачом, безусловно, не стану, но на кусок хлеба заработаю...

А боль... Какая это будет боль. Боже мой! Может, поговорить со Шпильманами? А вдруг этот разговор до Иванова дойдет? Шпильманам неприятности, а меня Иванов точняк в острог закатает», - Тимур поднялся со скамейки и направился в ближайший гастроном...

- Мама, а где это у нас кухонный топорик? - поинтересовался Тимур у матери.
- Зачем он тебе!? - удивилась мать.
- Да я ребра в универсаме купил. Хочу с картошечкой потушить.
- В шкафчике на верхней полке лежит. Только давай-ка я сама сделаю.
- Нет, мама, - отстранил ее Тимур. - Мясо дело мужское.

Топор вошел в «мясо» легко, но оказался, видимо, тупым и малопригодным для подобных процедур, а может быть, тренированные, сильные пальцы оказались ему не по острию. Они еще долго висели на посиневшей коже. «Случись это сегодня, то мы бы тебе их в два счета пришили. И бегали бы они - лучше прежнего», - утверждал спустя несколько лет знакомый микрохирург. Но в тот день дежурный доктор травматологического отделения первой городской больницы отщипнул безымянный и указательный пальцы, и они с противным грохотом упали на дно металлической коробки...

Одним из первых в палату к Тимуру Благонравову явился следователь Иванов.

- Ну, что, Тимурка!? - сказал он, противно ухмыльнувшись. - Ты думаешь, ты герой? Нет, брат, ты не герой! Ты беспалый мудак - вот ты кто! Я тебе сейчас кое-что скажу, а ты заруби эти слова у себя на носу. Если тебе, беспалый, захочется бравировать своим геройством, мол, вот я какой такой-сякой весь из себя, пальцы отрубил, чтобы гэбэшным стукачом не стать, то я тебя сразу предупреждаю... Я тебя самолично упеку за компрометирующие государственную службу речи, плюс членовредительство. Запомни - хоть одно слово. Хоть один намек... - Иванов закрыл за собой дверь. От нее к кровати потянуло сибирским холодом...

- Тимур Александрович, вы как-то просили подобрать вам надежного начальника охраны театра, не так ли? - спросил у директора театра оперы и балета Тимура Александровича Благонравова высокий чин из МВД.
- Да, да, да... кончено, конечно... - обрадовался директор.
- Ну, и прекрасно... у меня как раз появилась достойная кандидатура. Специалист высшей категории. Театр будет на замке! Я представлю его вам после обеда. Часика в два... годится?

В три часа пополудни в директорский кабинет вошли двое.

- Разрешите представить вам претендента на роль нового начальника охраны, - высокий чин из МВД дружески хлопнул пришедшего с ним человека по плечу.
- Как!? Вот этого гражданина вы собираетесь назначить на должность... - директор Благонравов ткнул в человека обрубками правой кисти.
- Да, именно его... а вы что ж, знакомы!? - поинтересовался чин.
- Кажется, да... ваша фамилия, кажется, Зверев? - обратился к претенденту Благонравов.
- Иванов. Бывший полковник комитета госбезопасности, - представился претендент.
- А, ну да, да, да... Иванов, Иванов. Послушайте, господин Иванов...
- Можно товарищ, - бывший полковник дружески улыбнулся.
- Хорошо, товарищ Иванов, я бы попросил вас выйти на несколько минут в приемную. У меня к... - (Т.Благонравов назвал фамилию высокого чина из МВД), - есть несколько слов сугубо тет-а-тет.

Иванов удивленно взглянул на чиновника, а тот, в свою очередь, на директора. В директорских глазах прочитывалась активная решимость вытолкать «претендента» в случае неповиновения за дверь.

- Хорошо, - согласился чин. - Товарищ Иванов, пройдите пока в приемную.
- Я вас слушаю, - поинтересовался чин, раскуривая сигарету.
- Дело в том, что я хотел бы видеть на этом месте другого человека, - Тимур Александрович был сама решимость.
- Не понимаю, - чин выпустил в потолок причудливое дымное кольцо, - чем вас не устраивает Иванов? Это один из лучших специалистов в области организации охраны и предотвращения терактов. Да это и обсуждать невозможно, ибо он утвержден не мной, а городским советом.
- Но вы же говорите, что он только претендент, - возразил ему директор Благонравов. - Значит, имеются и другие кандидатуры. Я бы хотел взглянуть и на них.
- Ну, претендент - это я так, для политесу назвал. На самом же деле он никакой не претендент, а самый что ни на есть начальник охраны. Уже и все соответствующие бумаги подписаны. А в чем, собственно, дело, уважаемый Тимур Александрович, чем он вас не устраивает? Стаж? Звание? Возраст?

- Нет - тут сугубо личный аспект, - директор достал сигарету. - Я не хочу с ним работать по нравственным, так сказать, мотивам.

- Извините, любезный Тимур Александрович, мне не интересны ваши личные дела и нравственные пристрастия. Я знаю только одно, и оно заключается в следующем. Общественное вы должны ставить выше личного. Вы посмотрите вокруг. Терроризм поднимает голову! В такие дни каждый специалист по борьбе с ним на вес золота, а вы - личное. Простите, но вас, уважаемый Тимур Александрович, там не поймут! - чин указал в направлении правительственного здания. - Там ведь вопрос встанет - вы или он. И боюсь, что он решится не в вашу пользу.

- Почему это вы думаете, что не в мою... я опытный работник культуры... многое сделал для театра, города и, кажется, имею право...

- Право имеете, но не в такой обстановке, ибо она диктует суровые меры. И только такие, как Иванов, смогут вернуть нашу жизнь в нормальное русло.

- Ну, знаете, если такие, как он, то я не понимаю, для чего было весь этот демократический огород городить, - возразил Т.Благонравов. - Все эти стройки-перестройки.

- Простите, Тимур Александрович, - это тема для ток-шоу, а не для государственного учреждения. Решение принято и обсуждению не подлежит. Ничего. Сработается, стерпится... Товарищ Иванов, прошу вас, - и чин открыл начальнику охраны театра Иванову дверь.

Посидев в кабинете еще минут десять, чин вышел и оставил Благонравова с бывшим следователем КГБ Ивановым наедине.

- А ты почти не изменился, Тимур. Все такой же боевитый, принципиальный. Нет, не зря говорил я когда-то, что ты наш парень. Ох, не зря!

- Вы, кажется, забываетесь, милейший. Сегодня вы находитесь у меня в кабине, а не я в вашем. Поэтому, во-первых, попрошу вас впредь называть меня на «вы» и только по имени-отчеству. Во-вторых, реже попадаться мне на глаза.

- Ну, что вы, Тимур Александрович. Зачем же так! Сколько лет прошло! Сколько зим! Кто, как говорится, старое помянет, тому глаз вон. Я ведь против вас ничего не имел... работа у меня, видите ли, такая была. Как в той песне: «Работа у нас такая... Жила бы страна родная, и нету других забот», - пропел Иванов. Так что вы не серчайте, Тимур Александрович... и камень из-за пазухи выкиньте. Нам ведь теперь вместе работать... одно, так сказать, дело творить. Эх, как жизнь поворачивается... я ведь вам когда-то предлагал работать вместе... вы не согласились... и видите, как все нехорошо получилось. Иванов указал на правую директорскую руку. Так что давайте хоть сейчас не дергать судьбу за усы...

- Послушай, ты! Мразь! Я тебя сейчас самого лишу пальцев, усов и головы... Понял - нет!? А теперь встал и пошел вон из кабинета.

- Тихо, тихо, Тимур Александрович. Вы же работник культуры. Держите себя в должных границах. В чем же я виноват? Неужто в том, что у вас беда с... - Иванов указал на изуродованную руку Благонравова, - приключилась. Да не поступи вы тогда так опрометчиво, имели бы совсем другую судьбу. Знаменитым на весь мир были бы, как ваш приятель Шпильман. Помните такого? Ну, как же не знать! Пианист. Живет за границей. Лауреат. Профессор. Туры. Европа. Америка. А как же иначе. Ведь он, в отличие от вас, Тимур Александрович, пальчиков-то не рубил. Ой, не рубил, а исправно на вас и на прочих ваших «товарищей» доносы писал. Да если бы только он один! Вся ваша так называемая творческая интеллигенция друг на дружку строчила ого-го-го! В прикуп не заглядывай! Кубометры леса извела ваша творческая интеллигенция... А вы говорите - за дверь.

- Врешь, негодяй! Врешь! - стукнул по столу кулаком Т.Благонравов. - Не верю ни одному твоему кгбышному слову. Не верю.

- Дело ваше, любезный Тимур Александрович. Только я ведь с вами не в детскую игру «верю - не верю» собрался играть. У меня, родной вы мой, и документики имеются. Знал ведь, с кем на встречу иду. Знал, о чем разговор наш с вами пойдет. Вот смотрите, - Иванов достал из папки стопку бумаг. - Читайте, вспоминайте, размышляйте. Это самые что ни на есть подлинники. Не все, правда, но и этого, я полагаю, будет достаточно.

Дрожащими культями переворачивал страницы Благонравов. «Источник сообщает... Антисоветские мысли высказывают Тимур Благонравов... Шпилька». «Источник сообщает... на квартире у студента Благонравова... Шпилька».

- Кто это - Шпилька? - поинтересовался, закончив читать, Благонравов.

- Как кто? Шпильман, конечно. Это у него такой оперативный псевдоним был - Шпилька. Обычно мы их давали, а этот сам себе придумал, что говорится, вставлял «шпильки в колеса», - Иванов развязно хохотнул.

- Заткнись, идиот! - одернул его директор. - И пошел вон отсюда.

Как только за Ивановым закрылась дверь, Тимур Александрович в ту же минуту бросился к книжному шкафу. Там за административными книгами, театральными брошюрами, рабочими инструкциями и прочей дребеденью стояла у него бутылочка ямайского рома - подарок некой культурно-обменной международной организации. Тимур Александрович почти не пил, даже, можно сказать, совсем не пил, за что (в дни борьбы с пьянством и алкоголизмом) и получил директорское место, но сегодня не выпить было нельзя. Уж слишком тяжела была новость.

«Лучше бы я диагноз о своей неизлечимой болезни получил, чем такие известия, - подумал Тимур Александрович, закусывая ром шоколадной конфетой. - Боже мой! Боже мой! Неужели правда? Неужели он мог так поступить? Вот так взять и написать? «Источник - Шпилька». Не верю! Не верю! А с другой стороны, почему бы и нет. Ведь не только он писал. Вон «зверь» говорит, что писали массово. И поди не поверь, когда у него на руках доказательства есть. Вообще-то, не случись со мной такое, - Тимур Александрович посмотрел на свои обрубки, - я посмеялся бы, плюнул, да и забыл всю эту хренотень. Ну что сделаешь, слаб человек - непрочен. Но тут ведь совсем другое дело! Боже мой, тут совсем другой расклад. Ведь это я, чтобы на него не писать, сделал! Сохранив ему жизнь, карьеру, я свою поломал. Ведь кто бы я был сейчас. Разве бы здесь сидел. Рядом с этой падалью Ивановым. Я бы сегодня остров имел. Торчал бы там, как Робинзон, со скрипкой, без всех этих мудаков, что крутятся вокруг. Служил бы музыке. Что может быть лучше служения истинному, вечному!? А тут... Тимур Александрович - то! Тимур Александрович - это! Тимур Александрович - туда! Тимур Александрович - оттуда...

Вот же сука! Вот Иуда! Встреть, кажется, я его сейчас, зарубил бы собственными руками. Или лучше всего - пальцы бы ему отсек. Поиграй-ка, господин Шпилька, обрубками, а мы послушаем. Не получается? А-а-а... И у меня не получилось, - Тимур Александрович надел шляпу, пальто и вышел на улицу. - Куда идти? - размышлял он, стоя на четырех углах шумного проспекта. - Домой? Неохота. К друзьям? К стукачам! В храм? А там не лучшие служат. У каждого дьякона под рясой ментовской погон. В пивбар? К народу! Но там грязь и запустение. Лучше уж в одиночку. Одиноким пришел ты в этот мир, Тимур Александрович, одиноким и уйдешь из него!» - Благонравов зашел в магазин и купил бутылку водки...

- Что с тобой, Тимур?! - всплеснула руками жена. - Что с тобой? Пьяный! Боже мой, какой ты пьяный. А воняешь! Чем ты воняешь? - жена принюхалась. - Пальто!? Боже мой - это же бельгийское пальто. Посмотри, на что оно похоже. Галстук!? Галстук на спине! А шляпа, где твоя шляпа? Боже, видел бы ты, на что ты похож, - возмущенно-испуганно восклицала супруга.

- Не...прав...да...а! Я пр...екра...а...а...сно вижу... на кого... я похо...ож! - возразил заплетающимся языком Тимур Александрович. - Я... похож... на мудака с обрубками! - Тимур Александрович потряс культяпками. - На мудилу с Нижнего Тагилу - вот на кого я похож! Хотел быть героем, а вышел инвалид. На инструменте вам, Тимур Александрович, ясно как Божий день, не играть. Ступайте-ка вы в культурные функционеры. А ведь кем бы я мог стать. О! О! О! Если бы не это, - Тимур Александрович тряхнул правой рукой. - Суки кругом! Иуды!

- И я! - обиженно воскликнула жена.

- Нет... Ты-ы-ы дру-г-ое дело... Ты... т... да прилепится-ся жена-а-а к мужу своему. Ты свя-а-то-е... - Тимур Александрович забормотал и минуту спустя уже храпел.

В другой бы день можно было бы сказать - сном праведника, но каков был сон у Благонравова в ту ночь, то никому неведомо...

Утром не успел еще Тимур Александрович снять вычищенные женой пальто и шляпу, как в кабинете зазвонил телефон. «Из министерства. Характерный звук. А у меня голова совсем не варит».

- Тимур Александрович, ну, как поживаешь, родной? - поинтересовался замминистра и, не дав ответить, продолжил. - Тут, видишь, какое дело. Решил, знаешь ли, на Родину, в город детства с благотворительным концертом маэстро Шпильман зарулить. Шпильман, брат ты мой, это не ворона на проводах, а культурное событие! Ну, не тебе объяснять.

- Так вы не объясняйте, а говорите конкретно, - раздраженно буркнул Благонравов.

- А конкретно... Короче, концерт, мы думаем, лучше всего провести в твоем заведении. Во-первых, охрана у тебя в театре надежная. Во-вторых, вы, кажется, учились вместе.

- Да, - подтвердил Т.А.Благонравов. - Учились - недоучились...

- Ну, вот и отлично. Такая получится встреча старых друзей. Почти как у тети Вали в передаче «От всей души». Короче, готовься. Концерт намечен, - чиновник назвал дату.

«Кино! Плохая пьеса! Нет, нет, нет - так не бывает. Это мне все снится. Это похмельный синдром, - Благонравов потер виски. - Нет, это не синдром, - на столе лежала записка с его почерком. Такого-то числа. Такого-то месяца. - Неужели реальность? Сцепились шестеренки справедливости!? Сцепились. Ну, что ж... Бывает, брат Шпилька, на свете такое, чего и не снилось нашим мудрецам! - Благонравов зябко потер ладони. - Как говорится, на ловца и зверь бежит, или как там еще - на воре шапка горит! Welcome to родной город, мистер Шпилька. Уж не обессудьте за будущую встречу. Как говорится - глаз за глаз... Не я решил. Судьба вас ко мне привела...»

Концерт удался на славу. С него шумной толпой отправились в охотничий домик. Баня. Водка. Малая Родина.

- Господа, друзья, товарищи, сегодня я играл как никогда. Ей-Богу, как никогда. Да что говорить, я уж, поверьте мне, не сыграю так больше, - вскинув бокал, признался Шпильман. - Вот что значит - играть в родных стенах. Вот что значит - играть для настоящих друзей. Виват, господа, виват! Тимур, друг, на брудершафт и дай я тебя облобызаю! - Шпильман нежно обнял старого приятеля. - Родной ты мой. Я так часто тебя вспоминал. Так часто. Эх, Тимур, Тимур, минули годы. Минули. Кажется, все есть! Всего достиг, а вот на тебе - чего-то не хватает. Ни родных, ни друзей. Живу на шумной Пятой авеню, а поговорить не с кем. Веришь - нет? А помнишь, как мы болтали. Сколько планов строили. Ах, Боже ты мой, Боже! Ну, ты-то как? - поинтересовался Шпильман у Тимура Александровича.

- Да слава Богу! Слава Богу - ничего. Скрипача не вышло. Ну, да с такими пальцами какой скрипач, - Благонравов тряхнул травмированной кистью.

- Да, да, да... - сочувственно закачал головой Шпильман.

- Не вышло - так и не вышло. Немножко преподавал. Немножко выступал. Знаешь, этакий музыкальный Павка Корчагин. Приходили смотреть, как на дрессированную макаку. Мысли стали нехорошие посещать. Черт его знает, чем бы это все закончилось, но тут на счастье ли, на горе ли реформы подоспели. Старого директора за пьянку из театра выбросили, взялись нового искать, а из всех кандидатур один я непьющий. Утвердили. Работаю. Зарплату получаю регулярно. Можно сказать, счастлив, но живу, поверь, одними воспоминаниями. Ведь как все должно было быть, но не сложилось, не вышло. Кто виноват? Никто не виноват. Так фишки упали.

- Да, да, да... - закачал головой Шпильман. - Не буду тебе ничего говорить. Не буду утешать. Ибо не знаю я слов утешения. И все, что ни скажу, - патетика и пафос, а я их терпеть не могу. Встречаю в газетах о себе: великий пианист современности! Повелитель клавиш! Господи, какой я повелитель. Какой я великий Великий?! Посмотри на меня - метр с шапкой. Я просто хорошо выполняю свою работу. Вот и все. Что ж тут великого, скажите мне, друзья? - обратился Шпильман к гостям вечера.

- Ну, ну, ну... - загалдели присутствующие. - Таких, как вы, пианистов в мире единицы, а может, даже и один. Первый среди многих - разве не величие?

- Ну уж первый! Я вам с десяток имен могу назвать, - возразил Шпильман.

- Не скромничайте, маэстро. Не скромничайте, - встряла в разговор ведущая солистка театра. - Я где-то читала, что ваши пальцы застрахованы на миллионы долларов. А вы говорите, как все. Всем, милый мой, пальцы на «лимоны» не страхуют...

Вечер подошел к концу. Многие разъехались, некоторые, в том числе Благонравов и Шпильман, остались ночевать в домике.

- Тимур Александрович, я вам постелила на втором этаже. Пойдемте, я вас провожу, - горничная поднялась на ступеньки.

- Нет, нет и нет! - возразил Шпильман. - Мы будем спать в одной комнате, - горничная криво ухмыльнулась. - Попрошу без намеков, - шутливо погрозил ей пальцем Шпильман. - Мы будем спать по-дружески, по-мужски. Правда, Тимур. Пойдем. Я вот и бутылочку прихватил. Посидим еще, посудачим.

Но ни посидеть, ни посудачить не удалось. После первой же рюмки Шпильман закивал носом и вскоре вдохновенно захрапел.

- Что значит музыкант, - усмехнулся Благонравов. - У него даже храп похож на сонату...

Вскоре соната сошла на менуэт и вовсе стихла. В домике стало тихо. Только за окном скрипели деревья, да изредка вскрикивала ночная птица. Благонравов погасил сигарету и вышел в прихожую. Из своего рюкзака он вытащил старый кухонный топорик.

- Привет, дружище! - Тимур Александрович подбросил топор. Потолочная лампочка спрыгнула с его тусклого лезвия. - Тряхнем стариной? Не забыл еще, как это делается?

Щелк - и нет пальчиков. Говорят, что они у него в миллионы оценены. Ну, тем и лучше. Ты станешь великим топором! Не всякому, брат, выпадает такая честь. Тебя, еще станется, в музей упекут. А хозяина твоего новым Сальери объявят! Как говорится - не мытьем, так катаньем в историю попадем.

Тимур Александрович вернулся в комнату. Зажег настольную лампу и положил безвольную, спящую правую руку «клавишного укротителя» Шпильмана на прикроватную тумбочку.

- Ну вот, друг Шпилька, пришла расплата, - глядя на длинные, точно выточенные прекрасным мастером пальцы, качал головой Благонравов. - Думал ли ты, когда писал доносы, что у тебя может отсохнуть рука или что ее могут отрубить? Нет, уверен, что не думал. Ты думал - пусть отсохнет чья-нибудь, но не моя. Мои, мол, руки принадлежат вечности, и ради этого можно пожертвовать сотнями чужих рук! Ты скажешь, что это пафос, патетика, что ты этого не любишь! И я не люблю, друг ты мой ситный. Не люблю. Поэтому ближе, что называется, к конечностям.

Благонравов провел пальцем по лезвию топора. Затем по шпильмановской тыльной стороне ладони. Морщинистая кожа с едва проступающими желтоватыми пятнами - знаками надвигающейся старости.

- У меня точно такие же, - Благонравов вздохнул. - Жена все говорит, чтобы я их мазал какой-то импортной мазью. А! Мажь, не мажь - все одно на сухой лес выглядишь... Пятна пятнами, а пальцы у него что надо. Прекрасные пальцы... А что он сегодня ими вытворял... ну нет слов, что вытворял. Смотришь на них и думаешь, ну не может быть, чтобы вот эти прекрасные пальцы могли доносы писать. Стаккато извлекать пожалуйста, но доносы... Ну не верю! Хоть убей, не верю.

- Да брось ты, - толкнул в руку Благонравова чей-то голос. - Он писал. Он, и бумажки ты эти видел. Его почерк? Его. Так что тут думать! Секи, и делу конец!

- Не могу. Не могу. Не верю. Не могли такие пальцы доносы писать. Не могли. Это все «зверь» подстроил. Себя выгораживал. Не верю! - возразил Благонравов и положил топор к себе на колени.

- А я говорю, руби! Руби, дурак. Секи, олух! Зуб за зуб! Палец за палец! Руби!

- Нет! - крикнул в ответ Т.А.Благонравов.

Шпильман зашевелился.

- А я говорю, руби суку! - гаркнул голос.

- Нет! - затопал ногами Благонравов и со всей отмаши рубанул топором себя по пальцам. - Нет!

Топор с грохотом упал на паркет. Благонравову показалось, что от его крика и от топорного грохота закачался, грозя обрушиться, крепкий охотничий домик. Но дом выстоял. Вскоре в нем захлопали двери, затопали ноги, запричитали женские голоса...

Карета скорой помощи увезла Тимура Александровича Благонравова в травматологическое отделение первой городской больницы. Дежурный хирург щелкнул ножницами, и благонравовские пальцы с противным грохотом упали в металлическую коробку...

ДЛИННЫЙ ПЕТЛЯЮЩИЙ ПУТЬ

Дом N56, мирно маячивший на перекрестке Первого коммунистического тупика и Второго национального спуска, ничем существенным не отличался от таких же бетонных мастодонтов, коих было без меры натыкано в одном крупном индустриальном центре. Бетон, стекло, подвал, а в нем котельная (в которой и развернутся основные события этого повествования). Котельная дома N56 была небольшой, подслеповатой, с множеством всевозможных задвижек, вентилей, краников комнатенкой. Сколоченный из винных ящиков обеденный стол и пара наспех сбитых табуретов. По утрам в подвальный полумрак спускалась бригада слесарей, хмурых с помятыми лицами ребят неопределенного возраста. Часов до одиннадцати они еще чего-то крутили, чинили, гремели ключами и кувалдами, после пили плодово-ягодную «бормотуху», сквернословили и дрались. Когда величина пролитой пролетарской крови достигала количества выпитых стаканов, у оцинкованной подвальной двери с жутким воем тормозил милицейский газик. Из него на цементные плиты двора выскакивал молодой, слегка одутловатый районный участковый Макарыч и, угрожающе размахивая табельным пистолетом, по-свойски приводил распоясавшуюся слесарню к порядку.

- Что, синюшники, давно в «хате» не были? - кричал участковый, грузя нестойких к плодово-ягодным суррогатам пролетариев в тесный ментовский воронок...

- Ксиву составляй, начальник, у нас еще три пузыря «Агдама» на столе осталось, - требовали хозяева незаконно изымаемых бутылок.

- Я вам щас сделаю ксиву! - шипел уполномоченный и снимал с «Макарова» предохранитель. Слесаря тревожно замолкали. - Товарищ сержант, - отдавал участковый команду помощнику, - собирайте вещдоки.

- Есть, - отвечал сержант, - и сбрасывал остатки спиртных возлияний во внушительных размеров сумку. Машина трогалась. Котельная погружалась во мрак и тишину.

Вечерело, и из сантехнического сооружения котельная превращалась в шумную обитель местной рок-элиты. В эти вечерние часы вентиля, заслонки и манометры котельной дома 56 слушали уже не слесарскую брань, а музыку Пола МакКартни. Почему МакКартни? Да потому, что в то время как верхний мир существовал общностью выбора, нижний предпочитал делать этот выбор сам. Так, одна котельная слушала Цеппелинов, другая «сдирала» импровизации с Джимми Хендрикса, третья балдела под роллинговский «Satisfaction». Котельная дома номер 56 тоже имела свой маленький бзик, здесь рвали сердца яростные поклонники Пола МакКартни. О чем и свидетельствовал висевший в красном углу котельной, нарисованный (художником Михеем) портрет Пола МакКартни с приклеенным к нему кредо подвальщиков: «Коль не знаешь «Yesterday», не суйся в двери к нам, злодей». Но, несмотря на такое предостерегающее заявление, злодей являлся. И вновь, как в утренние часы, его олицетворял собой оперуполномоченный Макарыч.

- Что, битлаки, давно в хате не были! - истошно орал участковый, грузя меломанов в тесный ментовский газик.

- Составляй протокол, начальник, у нас еще три пузыря «Кызыл-Шербета» осталось, - гудел воронок.

- Я вам щас сделаю протокол, - шипел на заявление Макарыч и тянулся к кобуре. Неодобрительный гул стихал. - Товарищ сержант, собирайте вещдоки, - отдавал приказание Макарыч, и снова, как и утром, во вместительную сумку летели остатки дармовой бормотухи.

Машина трогалась. До утра в котельной оставались только стол, стулья, ключ на 48 и изорванный в клочья портрет Пола МакКартни (вот тебе, Пол, и «Back in USSR»). А слесарно-хипповые вещдоки доблестные рыцари общественного порядка «уничтожали» в павильоне «Мутный глаз». Обычно между третьим и пятым стаканом «кызыл-агдамовского» коктейля старший лейтенант Макарыч начинал безбожно икать, чихать, сморкаться и угрожающе тянуться к табельному пистолету «Макаров».

- Грузи, - командовал сержант, и верные по нелегкому ремеслу соратники заталкивали старлея в воронок.

Как правило, за этим лихими набегами шли собрания общественности и правоохранительных органов. Доска объявлений местного ЖЭКА пестрела указами, а стенд районного опорного пункта милиции - постановлениями. «Укрепить!» - гласил указ. «Расширить!» - требовал стенд.

- Заменить замки и завалы, - вторила стендам и доскам замученная кражами солений из подвальных боксов общественность.

Но проходило время. Постановления понемногу забывались. Общественное мнение успокаивалось. МакКартневцами вызывался известный в округе «специалист по завалам» со звучной фамилией Жора Моцный. И снова дым болгарских сигарет вперемешку с винно-водочными парами стелился в «lonely hearts club band» Пролетарского района.

Как-то в один из зимних вечеров, когда никто не ожидал набега антимузыкальных «опричников», оцинкованную дверь сотряс удар кованого сапога. Щеколда треснула, и на пороге возник бравый участковый, старший лейтенант Макарыч. Странно, но в тот вечер он был один. То ли вверенный ему боевой отряд дружинников был брошен на другой фронт идеологической битвы, то ли Макарыч решил сам, в одиночку покончить с музыкальным «макКартнизмом»? Только начал он, как обычно, с крика:

- Ну, что, битлаки, мать вашу в душу! Опять засели! Ах, вы, пейсатики мохнорылые! Курвы империалистические. Всех пересажу. Я вас, б...й, научу Родину любить!

Монолог разошедшегося старлея перебил 18-летний «балбес» Стас (выпертый накануне за протаскивание вредных мыслишек в студенческую среду культпросветучилища):

- Макарыч, ну что ты орешь, как чумовой, - оборвал он участкового. - Давай забудем на время, «старшой», всю политическую туфту, которую тебе рассказывают в красных уголках! Оставим политические бури и идеологические штормы, а бухнем-ка за нерушимую дружбу власти и народа добрую кружку чернильца, - и для убедительности сказанного Стас извлек на свет дурнопахнущий фугас «Кызыл-Шербета».

- Я тебе бухну, махновец. Я вас, оппортунистов косматых, собственнолично в «столыпин» доставлю, будешь знать, кому «бакшиш» предлагать, - опер цепким взглядом скользнул по зеленому бутылочному стеклу. Дрогнуло горячее сердце, кругом пошла холодная голова, и чистые ментовские руки жадно потянулись к вожделенному продукту. - Ладно, - подобревшим голосом произнес опер, так и быть, плесни, кудлатый, «власти» стакашку. С самого утра маковой росинки во рту не было. Извелся с вами, битлаками, слесарями, времени нет, понишь, ни выпить, ни закусить. Да что говорить, посидеть и то некогда. А ну, дай место старшому, - и он бесцеремонно столкнул кого-то с колченогого табурета. - Насыпай, - Макарыч указал на пустой стакан. - Ну, песнярики, давай рассказывай, как до жизни такой докатились? - закусывая беломориной, спросил Макарыч. - Люди, понишь, БАМ подымают, корабли, понишь, в космос закидывают, а вы волосатиков на стены вешаете. Нехорошо! Вот это что за педрило висит? - и Макарыч указал на портрет МакКартни.

- Ты, Макарыч, свою вульгарщину, понишь, здесь брось, - обиженным тоном произнес Стас...

- А че ты обижаешься? Педрило, они все педики, волосатики эти ваши! Нам, понишь, на лекции рассказывали, - ответил Макарыч.

- Этот не педрило, это МакКартни, - понял Стас.

- А, - протянул участковый и добавил. - А мне один хрен, кто. Ты лучше налей-ка, Стасец, еще стаканец, - Макарыч выпил, пожевал соленый помидор и, сытно икнув, сказал: - Не, пацаны, надо это заканчивать.

- Чего заканчивать? - не поняли битники.

- Шляться сюда, понишь. Во чего!

- Надо бы, Макарыч, да больше, как сюда, и податься нам, выходит, некуда, - возразил ему Стас.

- Как некуда, а школа, а Дом культуры. Все для вас понастроили.

- «Лом» это культуры, Макарыч, а не Дом - хором заявили подвальщики. - Там же только «хор ветеранов», да кружки «умелые руки», а нам аппаратура, гитары нужны.

- Гитары, говоришь, - Макарыч скосился на лес гитарных грифов, стоявших вдоль подвальной стены. - Зачем вам гитары? Вон их у вас сколько, что «Першингов» у Чемберленов. Где вы их только берете? В магазинах-то их днем с огнем не найдешь, понишь?

Разговор невольно стал перетекать в музыкальное русло.

- А это у вас что, семиструнка? - старлей косанул на стоявшую поблизости «доску» производства «апрелевской» музартели.

- Да нет, Макарыч, ты что! - невольно перейдя на ты, дружно загалдела подвальная братия. - Мы на семи струнках давно уже не лабаем.

- Чего, чего? Это что за феня такая, почему не знаю? - спросил Макарыч.

- Лабаем, ну, значит, играем, по-нашему.

- А! Ну, тогда понятно, а я это, понишь, на семиструнке Высоцкого лабать могу. «Если друг оказался...» и это, «На братских могилах», и еще эту. Как ее? Ну, эту... помните, «Сколько раз тебя из пропасти вытаскивал».

- «Скалолазка», что ли? - подхватили «андеграундовские» музыковеды.

- Во-во, «Скалолазка». Ох, знал я одну, язви ее в душу... - многозначительно вздохнул старлей и смачно затянулся беломориной...

- Да ты что, Макарыч. Серьезно, что ли, умеешь лабать? - изумилась подвальная ватага. - А ну-ка изобрази!!

- А че, и изображу. Вы че, понишь, думаете, что если я мент, так мне все человеческое чуждо? Нет, шалишь, братва, Макарыч и жнец, и на игре дудец! Ну-ка дай сюда вашу балалайку.

Через мгновение гитара была перестроена, и Макарыч - живое воплощение «гуманной власти» - запел. Хотя какой «властью» являлся этот вечно задерганный начальством и общественностью опер, ненавидимый блатными и проститутками «мусор», презираемый битниками и свободными художниками «ментяра».

- Ну как? - закончив песню, скромно спросил нас старлей.

- Да, здорово, Макарыч, - зааплодировали участковому «макКартневцы» Тебе бы на шестиструнке выучиться, да «Yesterday» с «Let it be» слабать.

- Так покажите, я смышленый, - и Макарыч охотно уставился на новые, незнакомые ему аккорды. За разговорами, музыкой и «бухаловом» незаметно пробежало время. Когда обнявшаяся шинельно-мохнатая кодла с громкими песнопениями и безумными планами на близкое вооруженное восстание вынырнула из подвальных глубин, на дворе уже

свирепствовала холодная ночь, светом далеких созвездий дарившая нам веру в скорые перемены. Но новый день не принес перемен, до них еще было далеко...

Жизнь распорядилась так, что вскоре я уехал в другой район города. И теперь лишь изредка наведывался в свой старый дом. Я знал, что Макарыч по-прежнему на боевом посту вверенного ему Пролетарского района. Имел сведения, что Стас научил-таки его шестиструнным аккордам и потихоньку приобщил старлея к искусству «великого ливерпульца». Потом вдруг пошли слухи, что то ли Макарыч кого-то застрелил, то ли Макарыча...

Цветными лепестками облетела моя юность и молодость, а на пороге зрелости судьба привела меня под крышу районного ОВИРА. Народу у дверей по утрам набивалась прорва.

- Че, кучерявые, в теплые хаты захотели? - обращался к отъезжающим молодцеватый старший лейтенант.

- Открывай, старлей, время! - требовал народ.

- Я те щас открою, - шипел лейтенант и тянулся к кобуре с «Макаровым». Иммигрантская публика покорно стихала.

Наконец, все бумаги были в кармане, и я отправился прощаться с городом, где прошла моя первая половина жизни. За день обошел я все близкие мне некогда уголки. Пришел и к подвальной двери...

Короткий декабрьский день затухал в свете зажегшихся фонарей. Падал снег, и грустно смотрел на меня старый дом. Такая заветная некогда дверь сегодня была широко распахнута и сиротливо смотрела на мир заржавевшим завалом. Те же, кто когда-то ломал ее в поисках обманчивой свободы, выросли и позабыли о своих мечтах - кто спился, кто обзавелся семьей, а кто иномаркой. Ну, а новое поколение выбрало «Пепси». Было тихо, пахло сыростью, мышами и кошачьей вольницей. Долго стоял я у двери, вспоминая слова из «Yesterday». «Я вчера огорчений и тревог не знал. Я вчера еще не понимал, что жизнь нелегкая игра». Через несколько дней сверкающий авиалайнер увез меня из заснеженных полей моей милой Родины туда, где нет ни метелей, ни снежных бурь.

Минуло несколько лет. Как-то душным хамсиновым вечером брел я, грохоча своей продовольственной тачкой, по булыжной мостовой тель-авивского Арбата. Раскаленный солнечный диск бросал свои прощальные лучи на задыхающийся город. В жарком вечернем мареве дома деревья, машины и люди казались какими-то размытыми, нечеткими, призрачными. Из всей этой химерической картины реальными были только долетевшие до меня аккорды «Yesterday». Позабыв о жаре, о нелегкой ноше, поспешил я на любимый мотив и вскоре увидел сидевшего на тротуарном бордюре гитариста. Пел он плохо, но выглядел весьма колоритно. Длинные волосы были схвачены брезентовой ленточкой, на шее болтались чьи-то хищные зубы, худые икры обтягивали истертые до белизны джинсы фирмы Lee, на боку болталась пистолетная кобура. «Боже мой, - пронеслось в воспаленном хамсином мозгу, - да ведь это же Макарыч!»

Сердце мое упало куда-то далеко вниз. В висках заухали молотки. Макарыч? Неужто он??!! Напряженно вглядывался я в черты знакомого и вместе с тем незнакомого мне лица, как будто от решения этого вопроса зависело что-то важное в моей жизни. Живописный музыкант меж тем закончил «Yesterday» и, достав из карманных глубин наполовину опорожненный «Кеглевич» (популярный сорт израильской водки), спросил: «Плеснуть?». Но, не дав мне ответить, выпил и «выразительно» затянул «Long And Winding Road». «Длинная петляющая дорога, ведущая к твоему дому, Не исчезнет никогда. Я видел эту дорогу и прежде...»

В душе моей закопошились ностальгические обрывки прошлого: оцинкованные двери котельной, портвейн «Кызыл-Шербет», ментовский газик и пистолет системы Макарова. Глаза мои предательски повлажнели. Я бросил в соломенную шляпу музыканта серебряную монету и, не дослушав песню, побрел по узким лабиринтам к шумевшему неподалеку городскому проспекту.

ПОРА... ПОРА... ПОРАДУЕМСЯ...

Рождественские праздники смены веков в североамериканском городе Маниуполисе выдались на редкость теплыми. «Апокалипсис!» - кричали предсказатели. «Last days!» - поддерживали их вещатели. Обыватель клевал на эту лапшу, как карп на кукурузу, и косяком валил в многочисленные апокалипсические секты. Партийные интеллектуалы, напуганные перспективой потери значительной части электората, жарко дискутировали и

вырабатывали новую национальную идею, а пройдошливые олигархи втихаря рыли хитроумные антиапокалипсические бункера.

Аранжировщик Филипп Киряев ничего не рыл и ни с кем не спорил, он лежал на кровати и думал: «Нет, убей меня гром, но вчерашние контрабандные виски были далеко не виски. От виски так в висках наутро не свербит и в суставах не крутит. Натуральный сахарный первач - хуже всякого апокалипсиса! Ни жить, ни работать не хочется!» А работать было надо, ибо на пюпитре и так уже лишних два дня лежал заказ от русских лабухов городской подземки. Киряев тяжело вздохнул. Встал. Ополоснул небритую поверхность лица и присел к инструменту. Однако ко второму такту дело застопорилось, а к четвертому и вовсе бекарнулось. «Лечиться!» - воскликнул аранжировщик и выдернул шнур из розетки. Умная машина с радостью откликнулась на это предложение (с таким колотуном в суставах пользователь мог запросто нанести ей непоправимый вред) и, затрещав контактами, быстро погасла...

По дороге в пивбар Киряева застал снег. Крупные снежинки, медленно кружась, падали на еще теплую землю и умирали, превращаясь в грязное месиво. «Первый снег нового века, как поэтично. Надо бы окучить эту тему», - подумал Филипп, присаживаясь за столик. В пабе «Аквариум» все было как обычно. Кадушки с широколиственными исскусственными растениями. Жирный, лоснящийся, как морской котик, бармен. Полыхающий огоньками музыкальный автомат. Вялые, безынициативные посетители и мигающая рождественской звездой синтетическая елка. Киряев с сердечной тоской смотрел на эту картину и размышлял: «Родина джаза. Цитадель рока - и такая убогая фантазия. Ну и народ! Никакой импровизации! Мертвое царство! Ни звука, ни пука! Автомат разбить, что ли, или бармену пятак начистить? Нет, не поймут. Не оценят. Полный голяк. И зачем я только сюда рвался, бодая башкой железобетонные стены и чугунные портьеры. Непонятно-о».

Прошла минута, пиво не несли. Киряев принялся выстукивать по столу грозную дробь. Бармен, зачуяв недовольство, обнадеживающе улыбнулся.

- Ты лыбу мне не дави. Ты пиво неси, ихтиандр недоделанный! - зло пробурчал Киряев.

Вскоре появилось пиво. Надо признать, здешнее пиво так себе: вкус не тот, плотность слабоватая. Спасает только одно: шумит и пенится оно, как настоящее. Киряев сделал убедительный глоток и продолжил размышления: «И раки тут есть, и кальмары. Барменши ничего, но чего-то все-таки тут определенно не хватает. У нас, бывало, в ЦП ни раков, ни ивасей. Разливщицы - что тигровые акулы: сунь палец, оттяпают руку, и при этом простой, приветливый народ: Валера Леший, Ваня Домовой. Рыла свиные, воняет, как от китобойного судна, а заговорят - Плевако отдыхает. Что ни мысль, то глыба. Кантовская глубина! А кругозор? Большая советская энциклопедия! «Roland» бы отдал, за встречу». Киряев тяжело вздохнул и с тоской глянул на входную дверь: «Брось чудить, в этом «болоте» не то, что чуда, чука приличного (драки) не дождешься!»

Он уже отводил взгляд от стеклянного квадрата входной двери, как дверь неожиданно отворилась, и на пороге возник весьма странный субъект. Одет он был в старомодную, эпохи кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности, «аляску». На голове имел мохнатую шапку, что называется, из «ондатровой собаки», прозываемую в здешних краях «федорой». За спиной по-североамерикански крупный брезентовый рюкзак, а на ногах «подбитые» серебристой фольгой спортивные борцовки. Адаптировавшись к мутному «аквариумному» освещению, человек заказал пива и двойную порцию итальянских сосисок с зеленым горошком. Киряев с нескрываемым любопытством смотрел на посетителя, в котором легко угадывался эмигрант, скорей всего соотечественник.

Вскоре принесли пиво и сосиски с зеленым горошком. Человек поднял бокал, внимательно изучил пенную усадку и, оставшись доволен розливом, приступил к сосискам. Поиграв ножом, решая, очевидно, какой из двух быть первой пущенной под лезвие, он остановился на колбаске, лежащей по его правую руку. Выглядела ли она более аппетитно или это была рука провидения, неизвестно. Выбор был сделан, и итальянская свиная колбаска, еще, может быть, несколько дней тому назад бывшая мило похрюкивающим существом с розовым пятачком и крученым хвостиком, жалобно пискнув, под лезвием мельхиорового лезвия развалилась на две истекающие жиром половинки. Вид льющегося тука раздразнил человека до неистовства. Зрачки расширились, руки задрожали. Даже щетина на его «федоре», как показалось Киряеву, встала дыбом, а брезентовый рюкзак рельефно округлил бока. Едок отбросил нож и принялся длинными музыкальными пальцами сдирать с колбаски ее непрочные доспехи и проворно отправлять аппетитно курящиеся куски под свои мощные крепкие белоснежные клыки и резцы. Вскоре от сосиски остался лишь жалкий целлофановый хвостик, на который с ужасом взирала дожидающаяся свое-

го часа оставшаяся на тарелке соседка. Она как будто даже напряглась, как бы готовясь дать отпор жадному едоку, но что она могла противопоставить, эта небольшая начиненная мясным фаршем крепость: ну, соскользнуть раз-другой с вилки, ну, обжечь едока горячим жиром. Разве это могло что-то изменить в ее судьбе? Правильно, ничего. Поэтому от нее не осталось даже и хвостика! Человек слегка отстранился от стола, сытно икнул и осоловевшим взглядом нажравшегося кота осмотрел картину учиненного им сосисочного погрома. Затем победитель свиных колбасок поднял пивной бокал и стремительно перелил его содержание к себе в желудок.

Ох, уж эта человеческая память - засушенный цветок ли, пожелтевшее ли письмецо, жест ли, улыбочка... будоражат наши воспоминания и возвращают к жизни давно минувшие дни. Такой глоток мог сделать только один человек на свете, и человека этого звали Вениамин Лосик...

Железнодорожная станция областного города Незнамска была типичным образчиком коммунистического вокзалостроения. Желто-грязное здание с облупившимися колоннами, а в нем билетная касса, киоск «Союзпечать», длинный ряд изъезженных задами деревянных скамеек и ресторан, прозванный незнамцами «Свиное рыло». Все это, в сочетании с резким запахом хлора из общественного туалета, паровозными гудками, диспетчерскими объявлениями, создавало настроение дороги, атмосферу встреч и расставаний, иллюзию насыщенной и живописной жизни где-то там, за поворотом, за серой линией железнодорожных пакгаузов. Поскольку как в самом городе Незнамске, так и в его привокзальном ресторане жизнь была скучной и унылой, как железнодорожные шпалы.

Казалось, так будет всегда. Но! Но все преобразилось в ресторанном зале, когда здесь обосновался музколлектив «Голубой экспресс», когда минорную тишину общепитовской точки разбудил хриплый баритон певца Вениамина Лосика. Это был еще молодой, но уже довольно потасканный полными блондинками и фруктовыми суррогатами человек. Мастер вокальных импровизаций и сомнительного свойства финансово-деловых комбинаций. В тонких чертах лица и осанке В.Лосика вы могли найти что-то от римского патриция времен упадка империи, а в манерах и лексиконе легко угадать станционного обходчика эпохи развитого социализма.

Но не этот симбиоз бича и шляхтича принес Вене симпатии ресторанной публики. Успех таился в вокальном, а главное, фотографическом сходстве Вени с певцом Михаилом Боярским. Впрочем, все эти детали не так уж важны. Важно другое, а именно то, что с появлением Вени обреченный на безвестность ресторан неожиданно стал самым посещаемым местом в городе. Кроме того, в смехотворно короткие сроки было обновлено вокзальное здание, и на облицованные мозаикой колонны с опаской писали даже привокзальные псы! Между жившими некогда в мире и согласии городскими швейцарами начались нездоровые трения за получение «хлебного» места в гардеробной популярного ныне ресторана. Официантки давали трехзначные взятки, а на «сытную» директорскую должность претендовали даже райкомовские работники!

- Пока... пока... - неслось по стонущему в экстазе залу. - Пора... пора... порадуемся, - летал венин голос вдогонку строительным поездам, уходящим на восток, и вослед эмигрантским составам, убегающим на запад. И это незамысловатое «Пора... пора... порадуемся...» звучало как оправдание выбранной цели, как залог будущего счастья: где-то там, за поворотом, за серой линией железнодорожных пакгаузов.

Обгоняя поезда, бежали годы. Мели метели, звенели капели. Летом на вокзальной клумбе зацветали «городские цветы» и «листья жгли» (популярнейшие песни М.Боярского) сырыми осенними вечерами на близких к станции огородах. Неизменным было одно - ежевечерне поющий Вениамин Лосик. Казалось, так будет всегда, но ничто не вечно под луной, а тем более, под ресторанной крышей. «Что это, зоопарк?» - изумился Лосик, получая как-то на «парнас» банкноты с изображением зайцев, медведей и кабанов. «Вениамин Лосик - художник, а не зоотехник!» - кричал солист «Голубого экспресса» и щедро тратил поднятых «лосей» на отходную. «Пора... пора... порадуемся!» - спел Веня с подножки спального вагона и исчез за поворотом, за серой линией железнодорожных пакгаузов...

- Веня! - радостно воскликнул Филипп.

Человек в «федоре» оглянулся:

- Филя? Кирик? Ну, я качумаю! - с рок-н-рольной хрипотцой воскликнул солист Лосик и живописно завис на груди бывшего клавишника «Голубого экспресса».

- Ну, как ты, чувак? - оторвавшись от приятельской груди, продолжил Веня. - Покажись. Ну, что сказать - хорош, колоритен. Лабаешь?

- Да есть немного, - ответил Киряев.

Дальнейший разговор, как водится среди людей, давно не видавших друг друга, состоял из вздохов, ахов и профессиональных слов: лабня, жмур, кочум и парнас. Вскоре запас воспоминаний иссяк, их ведь у лабухов, по сути дела, не так уж и много (количество выпитого, сыгранного, перепробованного), и разговор потихоньку скатился в рутину повседневности.

- Ну, по кровавой Мэри! - воскликнул аранжировщик. - Или шампанского! - Веня на мгновение задумался. - Да не тушуйся ты, - подбодрил его Киряев, - я башляю.

- Нет, лучше пиво. Я местное шампанское не того, верзовое оно какое-то.

- Да тут все верзовое! - воскликнул Киряев. - А пиво? Разве ж это пиво! Урина это, а не пиво! Да что говорить, тут даже и полынь не растет!

- Не шахни, сосиски тут ничего!

Киряев неопределенно качнул головой. Друзья сдвинули бокалы.

- Ну, как ты? Давно здесь? - отдышавшись, поинтересовался аранжировщик.

- Да около года, - протянул Веня.

- Как года! Ты же еще в начале 90-х тронул. Где ж ты отирался все это время?! - изумился Киряев.

- Лучше сказать, где меня не было, - бывший солист «Свиного рыла» тяжело вздохнул. - Жил в Польше. Торговал электрическими лампочками. Пел в Кракове под аккордеон шлягер «На Варшаву падает дождь». Творческий и пенензовый крах, и как следствие, нелегальный переход польско-германской границы. Не поверишь, Филя, но в меня стреляли! Отделался легким ранением в область головы. Вот сюда, - Веня снял «федору». - Весь в колючках, грязи и пороховой копоти предстал пред жандармским управляющим. Филя, если бы ты видел его цуру! Если б ты видел тот фейс! Поверь, я даже пожалел, что меня не грохнули при переходе тамошние «карацупы». Жил в Берлине, Мюнихе. Приторговывал автомобильным хламом и пел под шармань «День Победы», за что был жестоко бит местными пацифистами в кованых ботинках. Потом Париж! Ну, что тебе сказать за Париж? Противоречивый город. В нем есть все плюс 256 сортов сыра. Теперь скажи, на кой такому городу еще и такой поц, как Веня Лосик! Год сижу здесь. Как добрался, лучше не спрашивай. Как живу, - Веня горестно вдохнул. - В полной тохес, чувак. Полной! Поначалу подался в беженцы. Но КГБ давно уже не канает. Религиозные притеснения интересны разве что «адвентистам седьмого дня», да и то до первого собрания. Можно было бы проканать по еврейской линии, но из идиша я знаю только поц и тохес, а из иврита не знаю даже и этого. Ну, и что ты прикажешь делать с такими данными творческой личности в мире чистогана с вывернутыми карманами? - Веня вопросительно взглянул на Киряева. Филипп незвучно зашамкал губами. - Правильно, - остановил его Лосик. - Есть два варианта. Первый малопривлекательный, но перспективный, а именно податься в сексменьшинства. Но это пока в стадии разработки. Ты, кстати, женат?

- Нет, - ответил Киряев.

- Ситезуешь?

Филипп сделал обиженное лицо.

- Ну, в смысле гражданство имеешь?

- Да вроде как...

- Отлично! - воскликнул Лосик.

«Надо будет менять флэт и блокировать телефон», - подумал Киряев, прекрасно понимая, куда клонит этот мастер жизненных импровизаций.

- Ну, и второй, - продолжил Лосик, - более привлекательный, но менее перспективный. То бишь подженироваться. Пока выбрал второе.

- Дамочка из наших? - полюбопытствовал обрадованный аранжировщик.

- Ну, ты даешь чувак! Наша - верный голяк! Разденет без всяких перспектив.

- На тутошней! - изумился Филипп. Веня утвердительно качнул мохнатыми ресницами. - Ничего?

- Как тебе сказать, вроде ничего. Только «левая» немного.

- Коммунистка? - воскликнул подзабывший былые определения Филипп.

- Хуже брат! - буркнул Лосик. - Куда как хуже!

- Сексуальные аномалии, - Киряев хитро подмигнул.

- Не совсем так.

- А что ж?

- Стремительно развивающийся отъезд на почве маниакального преследования здорового образа жизни.

- А че это?

- Да хрен его знает. Что-то вроде вегетарианства. Конкретней - фортиссимо хвощей и полный бекар на бацилу (мясо). Вполне стал соответствовать своей фамилии, еще немного и откину копыта. Пустой желудок разжижает кровь и нарушает творческую деятельность!

- What problems! - удивился Филипп.

- А куда денешься, бумаги позарез нужны. Без ксивы, старый, только открытый космос. Вот и кушает Веня - туфю.

- Это еще что за феня такая!? - удивился аранжировщик.

- Туфя, Филя, - Веня поморщился, - как тебе объяснить. На вид не описать, на вкус - не за столом будь сказано. Короче, хуже лабни без парнаса! - и бывший солист ансамбля «Голубой экспресс» сделал кислую мину.

- А это что, бунт плоти? - и Филипп указал на целлофановые ошметки.

- Отличный вопрос! Меткое сравнение! Незнамская школа! - восклицал Веня. - Отпросился пописать, пока моя гну стоит в очереди за экологически чистым сеном!

Несколько минут он молча глядел за окно, где выглянувшее из-за облаков солнце с аппетитом пожирало снежные хлопья нового столетия.

- Ops! А вот и моя антилопа чешет. Сейчас буду отшинкован по самую кочерыжку! - испуганно вскричал Веня Лосик, увидев за стеклом сухопарую даму в мужских байковых шароварах. - Let me introduce you to my friend Phil, hundred years, hundred winters, так сказать, не виделись.

Дама была представлена аранжировщику. Это была средних лет женщина с тяжелым выступающим подбородком, печальным коровьим взглядом в бесцветных глазах и полиэтиленовым, забитым пучками травы пакетом в руках. Она и впрямь походила на африканскую саблерогую антилопу.

- Pleased to meet you here, - дама протянула свободную руку.

- Me too, - Киряев пожал костистую, как птичья лапка, женскую ладонь.

Филипп хотел, как водится, сказать о погоде, скидках на рождественскую распродажу...

- What is this, - оборвала его дама и указала на вкусно пахнущие сосисочные останки. Шансы на иммиграционные бумаги стали стремительно падать. Веня неожиданно приосанился, лицо его окрасилось легким румянцем, голос окреп, глаза засверкали. Киряеву вдруг показалось, что сейчас Лосик взгреет эту вздорную антилопу и за туфю, и за салат из ботвы, и за отсутствие ивасей, и искоренение полыни из местной флоры... Но Киряев глубоко просчитался.

- Да я только горошек, душа моя, колбасу вот он кушал! - воскликнул Веня, указывая антилопе на опешившего товарища. - Я ему говорю: «It's not good, it's not good», - а он мне: «Delicious, delicious». Еще и меня упрашивал съесть. Насилу отбился!

Филипп хотел возмутиться, потом подумал: «Да будет с него. Какой с контуженного спрос!» Веня говорил еще довольно долго, но уже больше терминами и определениями, которым мог бы позавидовать лектор-диетолог из общества медицинских знаний. Вненациональные слова туфю и килокс использовались В.Лосиком только с английскими прилагательными в превосходной форме: more then и best of, а русские борщ и сало - с отрицательными частицами no, never. Блистательный спич был закончен «глубокомысленным» афоризмом: «Скабрезное берло, чувак, мешает тонкости восприятия мира!» Дама была удовлетворена. Шансы на иммиграционные бумаги спасены. Киряев согласно закивал головой и подумал: «Эко тебя, братан, зацепило!» В этом соглашательском кивке венина сожительница, очевидно, узрела акт глубокого покаяния и предложила Киряеву тотчас же откушать у четы рождественской туфи.

- Поехали, май фрэнд, поверь, не пожалеешь. Лорен, - Веня указал на саблерогую антилопу, - из этой самой туфи такие кренделя выписывает, поца с два ты где съешь такое. А салат с ботвы! Блеск, я тебе отвечаю. Морса выпьем - ячменный колос с лимоном. Обычно мы пьем его на ночь, но по такому случаю бухнем в обед. Я тебе еще и скидочный купон на килокс подарю.

Киряев представил себе весь этот арсенал блюд и напитков и категорично отказался. Друзья стали прощаться. Дама пошла к выходу.

- Правильно сделал, что бекарнул, - негромко сказал В.Лосик. - Три дня, как минимум, блевал бы, а то и больше. Ну, я побежал. Я тебе на днях позвоню, - и, напевая «Пора...

пора... порадуемся на своем веку...», исчез за поворотом, за серой линией кирпичных домов.

«Сегодня же надо начинать искать новый флэт и тотчас же блокировать телефон», - решил Киряев. Спустя несколько минут стол был пуст, протерт антибактериальной салфеткой, и о неожиданной встрече уже ничего напоминало. Лишь в шершавых, как вохровский тулуп, саксофонных нотах, доносящихся из музавтомата, угадывалась мелодия старомодного шлягера: «Пора... пора... порадуемся...»

СЦЕПЩИК ВРЕМЕН

Леонид Александрович с короткой и острой, как бритва, фамилией Чик - мой не то чтобы друг, но и не так чтобы шапочный знакомый. Фамилия у Леонида Александровича короткая, а сам он, напротив, длинный и тонкий, словно ученический циркуль. Л.А.Чик носит окладистую бороду, косматые усы и длинные волосы, отчего в его внешности есть нечто дворницкое.

Обстановка в квартире Леонида Александровича, как и его одежда, носит на себе отпечаток давней поры психоделических экспериментов и эстетического мейнстрима. На стенах развешаны плакаты известных деятелей андеграунда: Бойса, Уорхола... На столиках безделушки музыкальных кумиров: фарфорового Боба Дилана, Фрэнка Заппа... По углам расставлены электроакустические гитары, на которых Леонид Александрович ежедневно музицирует. Инструментом он владеет так себе, но, как говорится, пусть уж лучше лабает, чем промышляет - в том смысле, что не ворует. Хотя, между нами говоря, Л.А.Чик балуется и последним. Не так чтобы очень, но...

Ну, вот, скажем, приходит Леонид Александрович в антикварный магазин с пустяшной долларовой куколкой, а выходит с приглянувшимся фарфоровым идолом рока. Эту акцию он именует уклончивым термином «одолжиться». Приблизительно таким же манером Леонид Александрович обретает и свой гардероб. Заходит в примерочную кабинку, положим, в копеечном тряпье, а выходит из нее в коллекционных джинсах (пошива 1971г.) «Super Rifle». Сию операцию Л.А.Чик называет обтекаемой дефиницией «натуральный обмен».

Шиковские гитары - также плод его хитроумных шашней-машней. Здесь корпус скоммуниздит. Там колки открутит. Тут звукосниматель свинтит... Леонида Александровича как-то даже задержал магазинный секюрити, полиция составила протокол и передала дело в суд. На процессе Л.А.Чик свое последнее слово превратил в обвинительную речь. Он говорил о материальности и бездуховности, потере корней и сопричастности бытию, однако после заявления: «Я сцепщик времен...» - которое переводчик интерпретировал как «сводник», судья тотчас же остановил заседание и приговорил Л.А.Чика к общественно-полезным работам сроком на шесть месяцев, а городской еженедельник разразился фельетоном «Срам эмиграции». С тех пор некоторые горожане называют Леонида Александровича не иначе как ворюгой. Городская богема, напротив, именует Л.А.Чика ходячим сюжетом, но я так никогда и не видел ни одного его портрета, ни одного фильма о его благородной роли «сцепщика времен», не читал ни одного очерка о нем - за исключением упомянутого фельетона «Срам эмиграции».

Однажды, будучи замученным творческой импотенцией и кризисом среднего возраста, пошел и я в поисках сюжета к Л.А.Чику. Леонид Александрович, узнав, что я собираюсь написать о нем рассказ, тотчас же, не дав мне толком раздеться, принялся знакомить меня со своей фарфоровой коллекцией. Затем веером раскинул передо мной пожелтевшие журнальные листы «Пентхауза» (времен разгула сексуальной революции) и ознакомил с портретами идейных вождей андеграунда. Он засыпал меня фактами и аргументами. Замучил числами, цитатами, авторами и концептуальными альбомами. Я внимательно слушал, умно морщил лоб и многозначительно качал головой - хотя ничегошеньки во всем этом не смыслил.

- Вы, я замечаю, человек, тонко ощущающий суть дела, - изрек Л.А.Чик в конце лекции, - вследствие этого я покажу вам святая святых моей коллекции. Редко какой глаз удостаивается такой роскоши. Смотрите!

И Леонид Александрович распахнул створки громоздкого шкафа. Солнечный луч прилег на аккуратно сложенные на полках воняющие нафталином вещи. На фоне общего бардака, царившего в квартире (болтающиеся грязные шторы, поломанные гарбичные стулья, перегоревшие электрические лампочки), вещи в шкафу выглядели оазисом чистоты и порядка. Можно было решить, что здесь поработала опытная женская рука, но,

насколько я знал, у Л.А.Чика ни матери, ни жены, ни даже любовницы не было, ибо повсюду он слыл как клептоман и шизик. Кому такой, скажите на милость, сын, брат и муж нужен?

- Вот эти ботинки, куртка, шарф, кепка, перчатки, шапка, джинсы. Все, что видите здесь, это не просто вещи. О! Нет, голубь вы мой, это все реликвии. Можно сказать, история! Роман в вещах, если хотите! Желаете прослушать?

- Ну, я собственно, за этим и пришел, - согласился я.

- Вещей, как видите, много, но я вкратце. Я вас не утомлю! - пообещал Л.А.Чик. - Будет вам известно, что свою трудовую деятельность я начинал в качестве художника сцены в одном крупном концертном зале?

Я кивнул головой, хотя слышал от авторитетных людей, что Леонид Александрович служил в этом заведении сантехником.

- Кроме того, - продолжал Л.А.Чик, - как все, баловался гитарой. Играл слабовато, но прослышал я где-то, что вся музыкальная сила гитариста спрятана в его медиаторе... такая пластмассовая косточка, которой он трогает струны. Ну, вы же знаете, что я вам буду объяснять! Так вот если заполучить медиатор хорошего гитариста, то с ним к тебе переходит часть его исполнительской силы. Однако ж как-то так получилось, что ни одного медиатора я не добыл. Зато обзавелся вот этими вещами!

Чик затейливым жестом обвел содержимое шкафа. Я недоуменно развел руками и поинтересовался:

- Каким таким образом? Не понимаю?! Вы что же, их раздевали?

- Некоторым манером... - Леонид Александрович слегка покраснел. - Но вы не подумайте. Вот обо мне говорят - вор! Срам эмиграции, а я не вор и не срам - я хранитель времени, если хотите! Я ведь, в отличие от подавляющего большинства нашего брата эмигранта, не золотишко да камешки вывозил. Я вывез с собой историю! Да, да...

-Кх-хе-хе, - кашлянул я, пытаясь таким образом вернуть Л.А.Чика к его экспонатам.

- Пардон, - извинился Леонид Александрович, - я несколько отвлекся. Короче, приобретал я эти вещицы как бы само собой, даже как если бы и с налетом некоего мистицизма. Взять, к примеру, вот эти туфли. С них, собственно, и началась эта экспозиция.

Л.А.Чик извлек первый экспонат своей секретной коллекции - коричневые плетенные летние сандалии.

- Абсолютно потрясающая история! Приехал как-то к нам на гастроли супер-пупер-коллектив. Гитарист там у них был не Джимми Хендрикс, конечно, но и не пальцем струганный! Короче, как только грянул заключительный аккорд, достал я из кармана с десяток копеечных медиаторов и прямиком к нему в гримерную. Я вам скажу, что возле нее обычно поклонников, что ваших мух на этом деле, а тут - никого. И как-то не по-театральному пустынно вокруг: ни тебе работников сцены, ни статистов... просто как корова языком слизала. Стучу я, значится... ну, и не так чтобы тихо, но и не так чтобы дверь ломаю. Что вы себе думаете? В ответ, что называется, ни зги! Я дверь толкнул. Пусто. Я туда, я сюда заглянул. Шкаф открыл. Пошерудил в комодных ящиках! Васис дас? Нихт фершштейн! Я даже под кресло, на котором его инициалы были нанесены, заглянул. Никого, «естестно», я там не обнаружил, зато нашел вот эти туфли с его фамилией на подошве. Вот смотрите. - Л.А.Чик ткнул мне под нос стертую подошву. - Видите? Теперь скажите мне, - не дождавшись моего ответа на первый вопрос, задал он другой, - мог ли я их не взять? Имел ли такое моральное - историческое право?!

- Видите ли...

- Правильно! - оборвал меня Л.А.Чик. - Не мог, ибо трезво рассудил: если в медиаторе 50 процентов силы гитариста, то в его туфлях, пожалуй, и все 60. Кроме того, ну, поносил бы гитарист эти туфли лето. Ну, от силы два, а потом что? Известное дело, в гарбичную кучу, а у меня они сто лет пролежат и потомкам о нас напомнят! Как жили? В чем ходили? Кто кумиры? Одним словом, завернул я туфли в газетку, свои под стул задвинул... надо же человеку в чем-то ходить! - и был таков. Шум в связи с туфельным воровством поднялся страшный. Они, оказывается, на спецфабрике четвертого управления шились, а это вам не хухры-мухры! Менты даже собаку привозили. В комиссионках стоял такой шмон, что Боже ж ты мой! Только ищи-свищи! Я же не барыга какой-то. Я же не для продажи. Я ж для души, из творчески-эстетических, так сказать, соображений! Для истории, если хотите! Как жили! Что носили и тому подобное...

Леонид Александрович вернул сандалии на прежнее место и вытащил на скудный свет, льющийся из давно немытого окна, женскую соломенную шляпку.

- Никогда не видел женщину гитариста! - удивился я.

- Для вокала! У хозяйки этой шляпки было удивительно высокое и одновременно нежно-мягкое сопрано, - разъяснил Л.А.Чик. - Я же ведь не только играть, я и петь хотел таким же образом научиться!

За шляпкой были извлечены нейлоновые носки - милая история. Цветная рубаха - симпатичная. Шелковый балахон - потрясающая. Все эти истории не отличались замысловатостью сюжета. Стучал. Ни зги в ответ. Вошел. Обменял. Сохранил для истории. Единственным исключением стала бейсболка с эмблемой черепа и надписью под ним - «Dream Baby Dream».

- Самый ценный экспонат моей коллекции, - объявил Л.А.Чик. - Несколько лет тому назад в наш город приезжала всемирно известная группа. По радио и ТВ промелькнуло сообщение «требуются беневоли», то есть подвижники, по-нашему. Ну, там аппаратурку передвинуть типа, микрофончики расставить... По заключении концерта их гитарист подарил мне эту каскетку. Улавливаете? Никакой мистики. Подарил и точка. Тут даже его инициалы имеются. Смотрите!

Л.А.Чик вывернул бейсболку наизнанку. Я посмотрел. Там и впрямь виднелись выведенные хлоркой, как некогда в пионерском лагере, чьи-то инициалы. Спустя час от всех этих мило потрясающих историй голова моя трещала, словно по ней весь день колотили массивной дубиной. В ушах гудело и стреляло, точно я не с человеком беседовал, а участвовал в крупномасштабном воинском сражении, в котором вел изнурительно оборонительный бой. В конце концов, я решил перехватить инициативу и перевел разговор в иную плоскость:

- И что, все эти вещи мертвым грузом лежат в вашем шкафу?

- Ну, отчего же мертвым! И почему лежат?! - Л.А.Чик даже несколько разобиделся. - Я их каждую неделю перебираю, обрабатываю специальным раствором. От всяких там паразитов. Это же как-никак история! Она не должна быть подпорчена жучками, мышами и молью. Ведь с дырками и плямами - это уже не история, а ветошь какая-то получается. Потом, у меня есть своя традиция. Я эти вещи надеваю в день рождения их прежних хозяев. У меня для этого дела даже календарик специальный имеется, типа как церковных святых. К счастью они пока еще все живы, а если, не дай Бог, того, то буду надевать и на день их смерти!

- Оригинально, - воскликнул я, - но согласитесь, нелепо появляться летом на улице в зимних крагах, а зимой выхаживать в летних сандалиях... или, скажем, мужчина - и вдруг в женской шляпке!

Л.А.Чик задумчиво покусал бороду, поскреб усы и ответил:

- Ну, что делать... таковы мои принципы... традиция - превыше всего! Отступишься в мелочах - потеряешь главное... Хорошо бы, конечно, открыть музей, устроить нужный микроклимат... вещи-то слеживаются, но где найти спонсора? Хотя нет. В этом деле должен быть единоличный хозяин. Вот я стану на ноги, подсобираю деньжат и открою. Непременно!

Леонид Александрович взялся живописать мне будущий музей: его архитектуру, залы, экспозиции... Когда он дошел до лестниц и туалетов, я понял, что если немедленно не сбегу, то вскоре и сам стану одним из его экспонатов.

- На минуточку, - я указал Л.А.Чику на туалетную дверь.

- Конечно, конечно. Только вы там осторожней, у меня, видите ли, со смывным бачком вечные проблемы.

Я вошел в туалет. Щелкнул выключателем. Вместо света на потолке занялось ультрафиолетовое мерцание. Я открыл кран, но вместо воды из него донесся свирепый рык. С бачком я связываться побоялся. «Лучше бы кран починил, лампочки вкрутил, с бачком разобрался, чем заниматься черт его знает чем!» - ругал я хозяина, придумывая, как мне выскользнуть из этой злополучной квартиры. Наконец меня осенило. Из клозета я вышел, разговаривая сам с собой по мобильному телефону.

- Да, прямо сейчас?! Жена, - заслонив ладонью микрофон, пояснил я Л.А.Чику. Он понимающе кивнул головой. - Хм! Можно чуточку попозже? - продолжил я разговор с фальшивой супругой. - У меня важный разговор. Немедленно! Понял! Буду...

Я попрощался. Л.А.Чик схватил мою руку, долго тряс ее и говорил о том, как ему было приятно беседовать с тонко чувствующим человеком. Уже в дверях он вручил мне бейсболку «Dream Baby Dream».

- А это вам, - сказал он, - на память.

- Да вы что, - стал отбиваться я от подарка, - это же самый ценный экспонат вашей экспозиции! Нет, нет и нет. Я не возьму...

- Согласен - сам ценный, но и вы ведь не просто так себе. Может, вы и впрямь обо мне рассказ напишете?! Так что считайте это вашим гонораром. Берите, берите...

Я вышел из квартиры. В ушах стреляло, в голове шумело, точно я проснулся после капитальнейшей попойки. На улице я немедленно принялся искать мусорный бак или гарбичную кучу (на предмет выбросить в него «ценный экспонат»), но, не найдя ничего подходящего, сунул каскетку в карман и отправился домой...

Прошло, наверное, месяцев шесть после моей встречи с Л.А.Чиком, как по не терпящим отлагательства семейным делам я вынужден был уехать из страны. Больше месяца отсутствовал в городе. Вернулся. Заказал такси и доехал до дома. Таксист вытащил чемоданы и услужливо распахнул входную дверь, которую тотчас же перехватил мой сосед по дому (шумный, неугомонный собиратель новостей) Сергей Сергеевич Гомонов. «Наше ВВС» - называют его эмигранты.

- Бог шельму метит! Не все скоту масленица! - не здороваясь, заговорил Сергей Сергеевич. - В народе правду говорят, сколько веревочке ни виться, а конец будет. И этому тоже конец пришел! И поделом!

- Кому конец? Какая ниточка? О ком вы говорите?

- О ком?! О Чике, разумеется. Об этом ворюге! Об этом...

- А в чем дело? Что случилось!

- Случилось?! Случилось вот что. Аккурат после вашего отъезда пошел наш Чик в дрековый магазин... ну, в этот... как его... «вилидж», и поменял там свои зимние ботинки на летние туфли. Ну, обменял и обменял, оно и понятно, будь на улице лето, но ведь сейчас зима! Выскользнул он, значится, из магазина в этих пляжных сандалиях, а в тот день на дворе было что-то около тридцати в минусе! Как вам?! Кроме того, заладилась, брат ты мой, натуральнейшая метель! До дому же ему было идти ого-го! Оно и в хорошую погоду с час пеходралом, а уж в бурю так и более будет.

- Ну, и? - поторопил я Сергей Сергеевича.

- Ну, и двухстороннее воспаление легких! - выпалило «Наше ВВС». - Теперь вот лежит...

- Где лежит? - перебил я Гомонова. - В госпитале? В каком?

- Лежал в госпитале. Теперь лежит, - Сергей Сергеевич назвал городское кладбище.

- Уме-е-ер? Ка-а-а-ак! Не м-о-о-о-оже-е-е-ет быть! - безбожно заикаясь, заговорил я.

Сергей Сергеевич взбросил голову и указал пальцем в потолок:

- Почему не может? Еще как может! Сказано же в писании: не воруй!

- Да при чем тут писание?! Человек умер, а вы про писание! - укорил я Сергей Сергеевича. - Вам, может быть, и не везет в жизни, что вы такой злой!

- Я не злой. Я справедливый, а писание как раз-то и при чем! Не своровал бы, так и не помер бы!

Я аргументированно возразил:

- Зачем ему, скажите на милость, воровать зимой летние туфли, да еще и выхаживать в них?! Клептоманией он, возможно, и страдал, но идиотизмом - нет! Тут что-то не так! Что-то не то... А какие на нем были туфли? - поинтересовался я. - Плетеные сандалии? Такого коричневого цвета?

- А вы откуда знаете, - удивился Сергей Сергеевич, - вы же говорите, что только с дороги?!

- Знаю, - уклончиво сообщил я, - я ж вам говорю, что в этом деле не все так просто...

Леонид Александрович был человеком принципов! Я подхватил свои баулы и направился к лифту.

- А я вам говорю, - кричал мне вслед С.С.Гомонов, - что все как в писании...

Дома, сбросив пальто, я включил компьютер и набрал в поисковой программе фамилию гитариста, с которым Л.А.Чик некогда «обменялся» обувью. День рождения его приходился на летний месяц, а вот первая годовщина смерти выходила как раз на тот злополучный день, в который заболел Л.А.Чик! «Бедный, бедный Леонид Александрович! Ведь он и впрямь был человеком принципов, - принялся рассуждать я. - Как он тогда сказал... Традиция - превыше всего! Отступишься в мелочах - потеряешь главное. Ах, ты, Боже мой. Подвижник! Сцепщик времен! Что же будет с его экспозицией!? Ах, ты, Боже...» Я достал из холодильника бутылку «Столичной», налил рюмку и прочел самопальную поминальную молитву...

Вскоре я узнал, что за неимением ни родных, ни близких, ни даже друзей - вещи Леонида Александровича свезли на городскую свалку. Из всех экспонатов его несостоявшегося музея осталась только бейсболка с черепом и надписью под ним «Dream Baby Dream», которую я неизменно надеваю на день рождения и день смерти Л.А.Чика.

Борис ГРАБОВСКИЙ

ПРОГУЛКА ПО ТАЙГЕ

Повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Ходить в лесу - видеть смерть на носу».
В.И.Даль

Серый октябрьский день отмерял уже свою вторую половину, когда два путника в охотничьей экипировке, миновав сухие мшистые боровины, стали углубляться в болото, поросшее сосняком. После гулкой лесной тверди хлюпающая кочковатая тропка оказалась сущим наказанием. Отяжелевшие от многочасового перехода ноги то глубоко проваливались в топкую жижу колдобин, выбитых лосиными копытами, то нелепо подгибались, неожиданно наткнувшись на кочку или на затаившуюся в густом брусничнике корягу.

«Только бы бродни не порвать...» - думал Андрей, с завистью поглядывая на подвижного, как ртуть, девятимесячного щенка по кличке Дик, сновавшего зигзагами то вдоль, то поперек тропы. Вот кому нипочем любая дрога! Сколько он сегодня «намотал» на свои лапы бесчисленных лесных, болотных и луговых километров, а все так же свеж и носится с поразительной резвостью, не выказывая ни малейшего признака усталости.

В сущности, это уже вполне сформировавшийся пес, и лишь необузданная страсть к развеселой бестолковщине и щенячьей возне выдает в нем собаку-подростка. Дик только начинает знакомиться с тайгой, и еще далеко не все инстинкты и рабочие качества лайки проснулись в этом потомственном охотнике, унаследовавшем от своих породистых предков целый букет достоинств. Но Андрею с его спутником и хозяином Дика - Павлом кажется, что слишком медленно они в нем пробуждаются, и оба ревниво следят за поведением щенка.

Андрей шел, стараясь поддерживать заданный Павлом темп, и размышлял о том, как, вернувшись с этой первой в его жизни охоты, он будет рассказывать о своих впечатлениях. Хотя, собственно, рассказывать-то пока что и не о чем. Разве что об этой изнурительной монотонной ходьбе? Или - о своем молчаливом спутнике, с великим трудом согласившемся взять его с собой в тайгу?..

Странный человек, этот Павел. Андрей помнит его еще со школьной скамьи. Тихий, застенчивый, ничем не выделявшийся среди сверстников, но, в то же время, ни в чем им и не уступавший. Правда, доучился Павел только до девятого класса и бросил учебу. А может, в ПТУ поступил?.. В то время Андрей с ним близко не сходился, предпочитая дружить с более яркими, неординарными, как ему казалось, ребятами.

Судьба, спустя несколько лет, свела их снова в цехе завода, куда Андрея после института направили инженером. Павел к тому времени имел изрядный трудовой стаж, считался высококлассным слесарем-станочником. А Андрея как-то очень уж быстро и для него неожиданно назначили начальником цеха. Это был прямо-таки головокружительный взлет, и с тех пор жизнь его стала круто меняться. Круг знакомых, интересы, домашний уклад - все вдруг приобрело налет того несколько вычурного «комильфотного» лоска, о котором он когда-то читал в старинных романах. Это была, скорее, мода, чем страсть к шикарной жизни. Щеголяя друг перед другом, его знакомые обставляли свои коммунальные квартиры мебелью «под старину», раздобывали где-то зеркала в оправе «под бронзу», набивали серванты и стенки хрусталем, индийскими вазами, кавказскими кубками и рогами, компенсируя недостаток средств изобретательностью ума и врожденными задатками народных умельцев - ведь, что там ни говори, а современная городская интеллигенция - выходцы из села, если не в нынешнем, то в каком-либо предыдущем колене...

***

Болоту, казалось, не будет конца. Андрей уже начал помогать ногам руками, выдергивая бродни из топкой хляби, ухватившись за раскатанные голенища. Под коленками побаливало от непривычного напряжения - в городе-то, на асфальте, так высоко задирать ноги не приходится. А тут еще Дик сбивает с ритма: отмахнет круг с полверсты и возвращается назад, да все норовит возле самых ног эдаким чертом проскочить, будто насмехается над медлительностью людей...

Спутник Андрея намного опытнее в охотничьих делах и отлично ориентируется в тайге. Кроме того, он явно выносливее, и Андрей с невольным уважением посматривает на сухопарую фигуру товарища, маячащую перед ним шагах в пяти. За спиной у Павла - увесистый рюкзак, в руке - «вертикалка» двенадцатого калибра, предмет тайной зависти Андрея: сам-то он получит право приобрести и взять с собой в тайгу такой «бокфлинт» не раньше, чем через полгода, необходимые для прохождения кандидатского охотничьего стажа. А пока на его попечении лишь такой же, как и у Павла, рюкзак да безнадежно закопченный на кострах котелок, в котором ему доверено на привалах кипятить чай или разогревать концентраты. Есть, правда, и у Андрея «оружие» - туристский топорик в брезентовом чехле и складной нож, годный разве что для чистки картошки...

***

Встретившись с Павлом случайно на заводе, они обрадовались друг другу. Договорились как-нибудь собраться вместе, потолковать «за жизнь», вспомнить школьные годы...

К тому времени Андрей был уже женат. Марина работала лаборанткой в его цехе. Умная, красивая, но избалованная родителями, она, как говорят между собой мужчины, стала вскоре проявлять характер. Андрей, ослепленный первой любовью, сносил все ее капризы благосклонно, а потом как-то и вовсе привык к тому, что в доме во всем верховодит жена. Ему это даже нравилось: во-первых, с него были сняты все рутинные бытовые хлопоты, а во-вторых, Марина совершенно не покушалась ни на авторитет мужа, ни на его привычки и увлечения. К тому же он в первое время с головой окунулся в работу, а потому был рад, что у него крепкий тыл.

Когда они встретились во второй раз, Андрей затащил-таки Павла к себе домой. Долго сидели на кухне, беседовали за рюмкой коньяка, вспоминали одноклассников. Тогда-то Павел и поведал о своем увлечении охотой. Однако к разудалой решимости Андрея чуть ли не на следующий день отправиться с ним в тайгу отнесся скептически. А потом и вовсе охладил его пыл, подробно рассказав о неизбежной полугодичной канители с прохождением кандидатского стажа для вступления в охотобщество.

Тем бы, наверно, дело и кончилось, если бы к разговору не прислушалась Марина...

***

Однако когда же кончится это проклятое болото?..

Внезапно Павел сделал предупредительный знак рукой и остановился. Андрей, взгромоздясь на шаткую травянистую кочку, смотрел на него вопросительно: уж не собирается ли он устроить привал на этой чавкающей под ногами трясине? Товарищ озабоченно пробормотал:

- Что-то я не помню этого места... Видишь, как «дышит» болото?

Он встал на кочку и пружинисто потоптался на ней. Андрей почувствовал, как и под ним земля заходила ходуном.

- По-моему, это заросшее озеро, - предположил Павел и предупредил: - Тут надо быть осторожнее...

Воображение услужливо нарисовало Андрею затаившуюся под ним бездну, отгороженную от него тонкой прослойкой, Бог знает чем, скрепленных между собой кочек... Он молча наблюдал, как товарищ, осмотревшись, направился наискосок к видневшимся вдалеке реденьким сосенкам, образовавшим тесный кружок на чуть заметной возвышенности. Кочки под ним податливо колыхались, расходясь по сторонам заметными на глаз волнистыми кругами... Глядя ему вслед, Андрей грустно думал: «А во мне ведь весу килограммов на двадцать больше...»

Когда он все-таки заставил себя двинуться за Павлом, ему показалось, что ноги его ступают по большому надувному матрасу, брошенному на воду.

Шаг, еще шаг...

Усталость как рукой сняло. В голове неотвязно крутилась мысль: надо быстрее менять точку опоры, не давать глубоко угрузать ногам. Было заметно, что под ним кочки утопают

гораздо глубже, и вмятины сразу же заполняются водой.

Шаг, еще шаг!..

Теперь это уже были не шаги, а лихорадочные прыжки с кочки на кочку. Не промахнуться бы, не сунуть бы ногу между кочками, где наверняка более тонкое и хрупкое место, и сапог легко пропорет этот хлипкий матрасик...

Прыжок, еще прыжок!

Андрей почти физически чувствовал ту грань, тот предел, который установился между его весом и возможностями кочек. Казалось, они даже постанывали, когда он с размаху жамкал их сапогами, и готовы были в любой момент уступить, разверзнув перед ним дорогу в пучину. Хотелось сбросить с себя все лишнее или встать на четвереньки, чтобы хоть как-то ослабить давление на уплывающую из-под ног ненадежную твердь...

Прыжок, еще прыжок!.. Сколько же там еще до спасительного островка?..

Глянув вперед, Андрей почувствовал, как по его взмокшей спине пробежал жуткий холодок: Дик, этот вертопрах и баловень, весело прыгая с кочки на кочку и припадая головой к лапам, направлялся в его сторону! Ему надо было играть, и он несся к Андрею с хитровато-умильным выражением на оскаленной до ушей морде...

- Стой, Дик! Назад, сукин сын! - заорал на него Андрей срывающимся от напряжения голосом.

И тут же понял непоправимость своей оплошности: не закричи он, и Дик, как обычно, пронесся бы мимо. Но тут, уловив в вопле человека нечто для него непонятное, пес резко затормозил возле ног Андрея, заглядывая ему в лицо и силясь сообразить, что он от него хочет. Этого оказалось достаточно, чтобы травянистый болотный слой под ними разъехался, и они оба стали быстро погружаться в топь. Тяжелый рюкзак запрокинул было Андрея навзничь, но, падая, он машинально вытянул перед собой руки и одной из них успел мертвой хваткой вцепиться в холку Дика. Пес рванулся что было силы, и если бы не этот яростный рывок, стоивший Дику изрядного клока шерсти, Андрей неминуемо ушел бы в болото с головой.

Барахтаясь в густой, тягучей жиже, Андрей видел, как Павел, уже добравшийся до сухого островка, сбросил рюкзак на землю, вырубил из сосенки жердь и, толкая ее перед собой, пополз в их сторону.

Дик рвался вперед, бешено работая лапами. Андрей чувствовал, что без его помощи не продержится и минуты: все, что на нем было надето, намокло, отяжелело, сковывало движения. Пучки осоки, за которые он судорожно хватался свободной рукой, с хрустом обрывались, раня в кровь ладони...

- Давай, Дик, давай, милый!.. - подбадривал он и без того выбивавшегося из сил пса.

***

Час спустя, когда все мало-мальски обсушились у наспех разожженного костерка, их путь продолжался. Запинаясь, Андрей снова плелся по раскуроченной лосями тропе, поглядывая на сухопарую спину товарища, и думал: «Вот ведь как порой может обернуться дело!.. А я-то боялся, что придется привирать, рассказывая дома о своей первой вылазке в тайгу. Вот уж и правда, что жизнь богаче любой фантазии...»

Вспомнились ему и предостережения Павла, который не советовал ему судить об охоте, как о досужем развлечении, - в действительности она связана с большим напряжением сил, а зачастую и с серьезными опасностями. И Андрей уже тогда, на кухне, решил было выкинуть из головы эту внезапную блажь, но присутствовавшая при их беседе Марина так убедительно, опираясь на неколебимую женскую логику, доказывала, что настоящий мужчина просто обязан быть охотником. Опять же, намекала она, натуральные меха нынче снова входят в моду, а мы не так богаты, чтобы платить за них бешеные деньги - почему бы, мол, не заполучать их прямо из тайги?

Вообще-то эти аргументы упали на благодатную почву: Андрею уже начинала приедаться его спокойная, размеренная, скупая на впечатления «комильфотная» жизнь, и он решил воспользоваться возможностью испытать себя на прочность.

***

Болото вскоре кончилось, но идти не стало легче.

Андрей механически переставлял отяжелевшие, непросохшие по-настоящему бродни, и они каждый его шаг сопровождали громким причмокиванием. Неудержимо хотелось упасть где-нибудь возле тропы на мшистую полянку и отлежаться, переждать боль в ногах, дать отдых саднящим пяткам. Но он не мог себе позволить смалодушничать на глазах у своего семижильного спутника.

Его особенно изнуряло однообразие окружавшей их природы: куда ни направлял Андрей свой взгляд, всюду он упирался в древесные стволы, местами едва прикрытые побуревшей и поблекшей листвой, в холодную зелень еловых зарослей. Не радовали и редкие просветы просек - в них царила унылая безжизненная пустота, тоскливое безмолвие... Таким он лес не знал. В детстве и смолоду, во время летних побывок у деревенской родни, ему доводилось посещать его лишь в пору пышного буйства листвы, самозабвенных птичьих трелей и таинственной возни чуть ли не за каждым деревом и кустом. А тут - угрюмая настороженность, промозглая сырость и мертвенный дух увядания...

Как будто угадав его невеселые мысли, Павел ободряюще заговорил:

- Вот сейчас минуем эту боровину, и там будет молодой лесок - в нем рябчики водятся. Тебе когда-нибудь приходилось пробовать рагу из рябчика?

- «Ешь ананасы, рябчиков жуй!..» - отшутился Андрей, ободренный оптимистическим настроением товарища. - Конечно, не приходилось: в нашей заводской столовой такого блюда пока что в меню нет.

- О, тогда тебя ждет редкостное удовольствие!

Минут через двадцать крупные деревья действительно поредели, их сменили густые смешанные подлески, разросшиеся на старых вырубках.

Павел взял в рот один из болтавшихся у него на шее манков и стал в него дуть. Коленастая трель, заканчивавшаяся прерывистым торопливым тюньканьем, не сразу закрепилась в памяти Андрея - настолько неожиданно впечатляюще она на него подействовала. «Неужели, - думал он, - этот бесхитростный металлический свист способен ввести в заблуждение осторожную лесную птицу?..»

Они продолжали идти вперед, не останавливаясь. Павел на ходу посвистывал, а Андрей вслушивался в эти новые для него звуки и пытался их запомнить. Дик, насторожившийся было при первых трелях манка, вскоре перестал обращать на них внимание.

Немного погодя и Андрей, робея, взял свой манок в рот и попробовал воспроизвести рябчикову «песню». Получилось не сразу, но потом ему удалось-таки сносно повторить все полагавшиеся колена. В этот момент Павел остановился и поднял руку, указывая куда-то в сторону от тропы. Андрей тоже встал, но сначала ничего, кроме стука собственного сердца да шелеста сухой листвы под лапами удалявшегося Дика, не слышал. Павел снова дунул в свой манок, на этот раз прикрыв его ладонью - получился приглушенный, как бы далекий свист. И тут до Андрея донесся едва уловимый ответ... Еще через мгновение «вертикалка» его товарища была вскинута к плечу, и грохнул выстрел!..

Андрей не видел, в кого Павел целился. Лишь после выстрела ему удалось заметить, как нечто пестро-серое, бесформенное упало к подножью деревца, росшего шагах в сорока-пятидесяти от тропы. Друзья тут же двинулись к тому месту, но, как и следовало ожидать, их намного опередил Дик. Подбежав к убитому рябчику, он несколько секунд с любопытством рассматривал и обнюхивал его, поводя мордой с боку на бок, а потом, видя, что люди приближаются, схватил добычу зубами и отбежал в сторону.

- Дик, ко мне! - приказывал Павел самым строгим голосом. Но куда там! На пса нашло то игривое настроение, в котором он бывал неукротим и не слушал никаких увещеваний. Трепля и подбрасывая тушку птицы, Дик носился кругами, иногда останавливаясь и делая вид, что готов уступить уворованную им дичь, но стоило сделать несколько шагов в его сторону, тут же опрометью срывался с места и удирал прочь, унося в зубах добычу.

Павел, выходя из себя, сулил псу все самые суровые кары, топал ногами, грозил ружьем! Дик явно понимал, что своей выходкой навлек на себя гнев хозяина, но азарт и переполнявшая все его молодое существо охотничья страсть в этот раз начисто перечеркнули в нем всякое послушание...

Исчерпав терпение, друзья решили продолжить путь, оставив пса с его трофеем. Через несколько минут Дик их догнал и с умильной мордой принялся опять ходить кругами и зигзагами по лесу, то забегая вперед, то отставая. Он явно изо всех сил хотел показать, что ровным счетом ничего такого не произошло, и не в его зубах только что хрустели кости украденного рябчика. Павел не выдержал:

- Этого так оставлять нельзя, - пробурчал он вполголоса. - За ослушание охотничьей собаке полагается взбучка!..

Но стоило ему позвать Дика, как тот снова насторожился. Весь его вид говорил, что он вовсе не прочь поиграть с хозяином, но позволить взять себя за ошейник - извините-подвиньтесь! Так они стояли друг против друга - едва сдерживающий гнев человек и плутовато поглядывающий на него пес, чувствующий свою вину перед хозяином, но в то же время уверенный в своей для него недосягаемости и, стало быть, безопасности. Момент был

критический и очень ответственный: если оставить выходку Дика без наказания, он уверует в свое превосходство над неповоротливым, медлительным человеком, и тогда на охоте с ним не будет сладу, а такая собака в тайге - плохой помощник... И тут Павла осенило:

- Подзови-ка его ты, - шепнул он Андрею.

После долгих уговоров, и то лишь когда Павел отошел на приличное расстояние, Дик позволил Андрею взять себя на поводок. Тут же сообразив, что его намерены передать хозяину на расправу, пес рванулся в сторону, но было уже поздно: один конец поводка крепко держал его за шею, а другой - с эластичной петлей из сыромятной кожи - несколько раз со свистом прошелся по собачьей холке. Дик выдержал экзекуцию стойко, не взвизгнув, и лишь в его взгляде, остановившемся на мгновенье на Андрее, промелькнул затаенный упрек и прямо-таки человеческая обида...

***

А тропинка тем временем становилась все более расплывчатой, трудноразличимой для неопытного глаза. Порой она, как казалось Андрею, совсем пропадала или сворачивала не в ту сторону, куда вел его товарищ. Наконец, войдя в небольшую, густо заросшую кустарником ложбинку, Павел остановился и сказал:

- Вот мы и у цели. Попробуй-ка найти избушку...

Но напрасно Андрей крутил головой и напрягал зрение - лес обступал их плотной непроглядной стеной, и ничего такого, что бы выдавало хоть какой-нибудь признак жилища, на глаза не попадалось...

- Да вот же она! - И Павел торжествующе указал вглубь сумеречных дебрей.

Только теперь, присмотревшись, Андрей с удивлением обнаружил, что они стоят шагах в двадцати от приземистой бревенчатой избушки, крытой толстыми замшелыми плахами, грубо вытесанными с помощью топора. Она так естественно вписывалась в окружающий ландшафт, что обнаружить ее непривычному глазу было крайне трудно.

- Если бы ты не показал, - смущенно сознался Андрей, - прошел бы мимо...

Ах, как кстати пришлось для них появление этого пристанища! Через несколько минут в «буржуйке» весело трещали сухие смолистые дрова, а Андрей, вытянувшись на покрытом пружинистым шелковистым хвойным лапником топчане, с блаженством прихлебывал горячий чай, густо заваренный Павлом. Товарищ тоже полулежал на другом, более коротком топчане, почти упиравшемся в печурку. Друзья некоторое время молча слушали мерный гул бесновавшегося в ней огня, умиротворенно поглядывая на Дика, который, войдя в избушку и все в ней обнюхав, прямо-таки рухнул возле порога.

- Набегался, - подал наконец голос Павел.

- Дальше некуда, - согласился Андрей, прислушиваясь к каким-то новым звукам, доносившимся снаружи. - Уж не дождь ли пошел?..

Помолчали. В наступившей тишине все явственнее слышалось монотонное шуршание - это дождевые капли с шумом сыпались на покрывавшие землю сухие листья. В детстве Андрей очень любил в такую вот погоду ночевать в дровяном сарае у деда в деревне, где у него была устроена уютная спаленка с самодельной кроватью: дождь шуршал по крытой рубероидом крыше, и его монотонный шум убаюкивал, навевая добрые сны...

- Вот и поохотились, - со вздохом проговорил Павел. - Боровая дичь сырости не любит - у нее перья намокают. Завтра будет сидеть плотно, спрячется, и не поднять...

Вдруг он спохватился:

- А где у нас второй рюкзак?

Андрей быстро поднялся с топчана и, скрывая беспредельную усталость во всем теле, двинулся к выходу, смущенно проронив:

- Кажется, он на улице остался... Сейчас принесу.

Чтобы подойти к двери, ему надо было миновать распластавшегося у порога Дика.

- Ну-ка, друг, подвинься! - подтолкнул он пса легонько ногой.

Ответная реакция Дика была ошеломляюще быстрой и бурной. Рывком приподнявшись на передние лапы, он со сдавленным рыком изогнулся, и Андрей почувствовал на своей лодыжке его острые зубы! Это был скорее удар, чем укус: пес как бы продемонстрировал, что он мог бы сделать, если бы счел нужным. В избушке к этому времени было уже довольно темно, и Павел не видел выходки Дика, но раздавшийся злобный рык его насторожил:

- Эй, ты чего там?.. - прикрикнул он на пса.

Но Дик, уступив Андрею дорогу, уже перешел на другое место и спокойно улегся, вытянув передние лапы и положив на них голову.

- Должно быть, я на него наступил в темноте, - примирительно сказал Андрей, открывая дверь и выходя наружу. Ему не хотелось заострять внимание на дерзком выпаде пса. Но он точно знал, что это была месть за его сегодняшнее предательство: Дик не забыл, кто его отдал на расправу хозяину. «Так тебе и надо, - подумал Андрей, - сам виноват, вперед наука - нечего соваться, когда друзья выясняют отношения...»

***

Ночь прошла сравнительно спокойно, если не считать, что сначала Андрею долго мешала уснуть дымная духота от жарко натопленной с вечера печки, а потом - жесткий топчан и колючие сучки хвойного лапника, упиравшиеся в бока. Когда же усталость все-таки брала свое, и Андрей погружался в неустойчивый, прерываемый тревожными пробуждениями сон, ему снилось, что он опять идет по топкому болоту, которому нет конца, и он никак не может из него выбраться. Несколько раз его будили короткие взбрехи Дика, то ли тоже увидевшего во сне что-нибудь страшное, то ли почуявшего кого-то за стенами избушки...

Но к утру, когда рассвет уже пробивался сквозь узкое, сильно закопченное окошко, Дик вдруг забеспокоился всерьез. С сердитым рычанием он подошел к двери и несколько раз злобно пролаял. Весь напружинившись, с поднятым дыбом загривком, пес с минуту постоял у двери, потом, сердито фыркнув, сел и оглянулся на людей.

- Ну, ты чего, Дик? - спросил Андрей, понизив голос до шепота, однако с тем расчетом, чтобы его услышал Павел, который, как он полагал, безмятежно проспал всю ночь и продолжал смотреть свои сладкие сны.

- Да, наверно, лось поблизости прошел, - раздался спокойный голос со второго топчана. - Или медведь. Хотя иногда Дик и на людей так реагирует...

Печка за ночь остыла, и в избушке было довольно прохладно. Видя, что Павел, зябко поеживаясь, собирается встать, Андрей, опережая его, нагнулся к печке и подбросил в нее несколько поленьев, загодя заготовленных и хорошо просохших дров. Вскоре в избушке опять стало жарко и дымно. Друзья распахнули дверь и выглянули наружу.

Дождя, испугавшего их с вечера, не было, но с ветвей деревьев и кустов густо свешивались, поблескивая на свету, гирлянды капель. Это было красиво, но стоило слегка задеть ветку, и целые потоки воды обрушивались на землю.

- Нет, не будет сегодня удачной охоты, - вздохнул Павел и направился куда-то в сторону от избушки с котелком в руке. На ходу он обернулся и позвал:

- Пойдем, покажу тебе кое-что...

Ежась от утренней свежести и обходя, где это было возможно, отягощенные водой ветки, Андрей двинулся за ним следом. Не отдохнувшие по-настоящему за ночь ноги слушались плохо, боль под коленками наводила на мрачные размышления: ведь они еще только пришли к месту охоты, а сама она еще впереди. А это значит, что впереди - долгие изматывающие переходы, вроде вчерашнего, ломота в плечах от лямок рюкзака, гул в ногах...

Они прошли от силы с полсотни шагов, когда лес внезапно расступился, как бы давая одним разом, словно на вспыхнувшем экране, увидеть изумительную картину кисти самого искусного живописца - Природы.

Андрей оказался на крутом, почти обрывистом берегу неширокой лесной речки, делающей здесь плавный изгиб. Видневшиеся на другой стороне густые заросли кустов и деревьев подходили к самой воде и отражались в ней, как бы обрамляя картину причудливой оправой. Солнце, уже поднявшееся где-то за лесом, сюда еще не проникло, но подожженные его лучами облака, плывшие по бледно-голубому небу, так торжественно и светло отражались в речной глади, что казалось, будто это и впрямь живописное полотно. Даже Дик, принесшийся вслед за ними лихим аллюром, вдруг присмирел и сел, глядя куда-то за дальний поворот реки...

- Это - Нюба! - торжественно, но почти шепотом произнес, наконец, Павел, дав всем молча полюбоваться этим нерукотворным чудом.

«Э-э, - думал Андрей, пока Павел спускался к речке и набирал в котелок воду, - а ведь ты, братец, еще и большой романтик!» Ему было приятно обнаружить за несколько угловатой и даже суровой внешностью своего товарища родственную душу. Значит, не только жажда меткого выстрела гнала его сквозь таежные буреломы и топи болот в такие вот жутковатые для новичка, но не лишенные своего очарования места? А охота - это нечто большее, чем отягощенный трофеями рюкзак?..

Его мысли были прерваны внезапным взрывом собачьего лая - Дик вскочил и кинулся в заросли ельника. Лось?.. Медведь?.. Но не могли же они появиться со стороны избушки

- ведь именно туда помчался Дик...

Чувствуя неприятный нервный холодок на спине, Андрей терялся в догадках, ожидая, пока Павел поднимется от реки с полным котелком воды. Обескураженному такой неожиданной ситуацией, ему представлялись самые невероятные варианты грядущих событий. Вот сейчас в зарослях, где с лаем скрылся Дик, раздастся его предсмертный визг, и прямо на них выскочит... Кто именно появится из кустов, Андрей предположить затруднялся... Это мог быть огромный медведь, каких показывали в передаче «В мире животных», или могучий лось, способный пробить копытом человека насквозь, или клыкастый кабан-секач...

Павел, безуспешно попытавшись отозвать назад Дика, двинулся вслед за ним, пригибаясь и прячась за кустами.

- Зайди слева, - шепнул он на ходу Андрею, показывая жестом руки, что нужно выйти к избушке с противоположной стороны. Спрашивать о его предположениях было некогда, но Андрей уже так уверовал в своего товарища, что даже и не пытался ставить под сомнение его действия. Понял же он только одно: не четвероногих пришельцев опасается Павел в этот раз, а о двух ногах.

***

Не обращая внимания на потоки воды, низвергавшиеся на него с потревоженных веток, Андрей осторожно пробирался к избушке, ориентируясь на голос захлебывавшегося лаем Дика. Вот и просветы в поредевших зарослях, сквозь которые уже можно различить контуры избушки... В ней осталось ружье Павла и снаряженный патронами патронташ. Если все это попадет в руки какого-нибудь отпетого проходимца, добра не жди...

Однако почему вдруг замолчал Дик? Андрей перевел дух и прислушался. Со стороны избушки послышались громкие голоса, смех... Кажется, его зовут:

- Эй, где ты там? Выходи!

Возле избушки, сгорбившись, сидел какой-то человек в сильно поношенной и совершенно мокрой ватной телогрейке. Около его ног - объемистый рюкзак, из которого выглядывал металлический «кузов» емкостью ведра на три.

- Ну, Минька, ты даешь! - усмехается Павел, появляясь из дверей избушки. - Пятнадцать верст в другую сторону отмахал! Как это тебя угораздило?

Пришелец ежится от сырости, хлопает воспаленными веками; на его одутловатом лице появляется подобие ухмылки:

- Чего по пьянке не бывает!..

Но лихости не получается. Продрогшее тело бьет озноб, лицо принимает жалкое выражение.

- Скоро чай-то, что ли?..

- Да вот, поставил... - говорит Павел, выходя наружу с едой для Дика. Потом кивнул Андрею в сторону помятого мужика: - За клюквой, вишь, собрался, да перебрал на дорожку, - и снова к Миньке: - Ты телогрейку-то над печкой повесь, и вообще, обсушись, согрейся.

- И то правда, - буркнул мужик, с трудом поднимаясь на ноги. - А у тебя чего-нибудь погорячей, чем чай, не найдется?

Андрей знал, что Павел всегда берет с собой плоскую металлическую фляжку с водкой, как он говорит, на всякий пожарный случай, но открывает ее крайне редко, зачастую принося домой нетронутой.

- Нет, Минька, - соврал Павел, заговорчески подмигнув Андрею, - что было, то мы еще вчера вон с ним оприходовали. Да тебе и нельзя нынче... Обратно-то пойдешь, так гляди, на Трясеницкое болото не забурись: мы вчера там чуть не увязли.

- А чего это я обратно-то с пустом попрусь? Мне на Топлинское надо, туда и подамся, - храбрился мужик, с трудом стаскивая с себя мокрую одежду. Хмель из него, видно, вышел не весь, и он пытался куражиться.

- Ну-ну, - согласился Павел, явно не желая поддерживать пустой спор.

А после того, как мужик скрылся в избушке, Андрей узнал его невеселую историю. Когда-то у Миньки, а по-настоящему его звали Дмитрием, было все, что причитается человеку для земного счастья. Работал он на заводе в одном цехе с Павлом. Было время - дружили, вместе ходили на охоту. Да только очень уж жаден оказался Минька до выпивки. Без водяры в лес - ни ногой! «Что это за удовольствие, - говорил он, - побывать на природе и не «вмазать»!

- Вообще-то Минька не один такой, - со вздохом посетовал Павел. - Вон, погляди, что

тут вокруг делается...

Андрей еще и раньше обратил внимание на обилие пустых бутылок возле избушки: они поблескивали из-под стен, выглядывали из кустов, грудились кучками около кострища...

- Приходят компаниями, как на пикник. Напьются до чертиков - какая уж им охота! По консервным банкам постреляют и - домой. Вот и Минька так же начинал. А потом засосало: не только на охоте, дома стал попивать, на работу под хмельком являлся. Когда жена с дочкой ушли от него, вроде поочухался, затих на некоторое время. Но жена возьми, да и выйди замуж за другого... Вот тут-то он и пустился во все тяжкие. С работы, ясное дело, турнули. Стал жить шабашками, а летом и осенью браконьерит помаленьку, да вот еще грибами-ягодами пробавляется, клюкву продает на автостанции...

***

Когда друзья, плотно закусив и напившись чаю, зашагали по таежным тропам, Андрею казалось, что он уже точно знал, какие силы привели его в ряды людей, одержимых охотничьей страстью. Вспомнился трепетный рассвет над речкой, ее ничем не замутненные струистые воды и одухотворенное лицо Павла, приобщившего его к одному из таинств заповедного уголка природы, к ее сокровенным запасникам, доступным тем, чье сознание не заслоняет страсть к сиюминутной выгоде и кто не одной добычи ради терпит все тяготы и невзгоды таких вот изнурительных походов. «Конечно, - размышлял Андрей, - нельзя напрочь отвергать добычу охотничьих трофеев - без них вылазки в тайгу были бы сродни обычному туризму. Но нужно всегда себя контролировать, не теряя чувства меры. Я так и скажу сегодня Павлу, если он слишком уж большую волю даст своей «вертикалке»...

Но рябчики в этот день откликались на манок крайне неохотно, а подлетать на выстрел и вовсе не торопились. Лишь пара горячих петушков-сеголетков храбро профурчала где-то высоко над кронами молодых, довольно густых березок, с которых еще опала не вся листва, но и они не пожелали дожидаться, пока их возьмут на мушку. Расстроенный Павел углублялся в тайгу все дальше и дальше. Андрей слышал, как он сквозь зубы приговаривал: «Черт знает, что за денек! Здесь всегда было столько дичи...» Андрей безропотно следовал за ним по пятам, стараясь не обращать внимания на возобновившуюся боль под коленками и на саднящие от лямок рюкзака плечи.

Когда стало смеркаться, Павел вдруг забеспокоился:

- А мы, никак, сделали хороший крюк!..

Пройдя еще с полверсты, он остановился на пересечении просек, оглядел торчащий из земли геодезический столбик, стесанный с четырех сторон, и покачал головой:

- До избушки нам отсюда не менее трех часов топать. А уже темнеет. Придется, видно, заночевать в лесу и обойтись без рагу из рябчика... Как ты - не против?

Неужели он мог предположить, что у Андрея повернется язык сказать: «Я - против!» Но Павел и не ждал его ответа. Он, не оглядываясь, пошел по просеке, уходившей влево, продолжая насвистывать в манок, делая это явно, так сказать, для «очистки совести» и уже не веря в успех. Наверно, ему было немного неудобно перед Андреем: за два дня охоты - всего один рябчик, да и того слопал Дик...

- Ладно, - сказал он наконец, махнув рукой, - давай искать боровину для ночлега.

Вскоре тайга немного поредела, открыв перед путниками широкую поляну, высветленную пушистым мхом, покрывавшим ее, словно белесым, сильно застиранным ковриком. Сбросив рюкзаки, пошли заготовлять хворост для костра и хвойный лапник на подстилки. Разглядев, где ельник погуще, Андрей пошел через поляну напрямик.

Сначала он подумал, что ему померещилось, будто один из отдаленных кустов можжевельника слегка качнулся, сбросив с веток так и непросохшие за день капли ночного дождя. Птица ли, ветерок ли ее тронул?.. Но когда он продвинулся вперед еще на несколько шагов, невдалеке шевельнулся еще один куст, и как будто бы хрустнула ветка...

Оглянувшись, Андрей увидел, что Павел, бросив на землю охапку хвороста, направляется к ближним от него зарослям ельника. Это его ободрило, и он пошел именно к тем кустам, где ему почудилось загадочное движение. То, что он там увидел, на какой-то момент лишило его способности членораздельно изъясняться. Когда Павел с ним поравнялся, Андрей, молча, стараясь сдерживать учащенное дыхание, указал себе под ноги и вопросительно посмотрел на товарища. Павел нагнулся к тому, на что ему указывал Андрей, и громко расхохотался:

- Ишь ты, куча какая! Ха-ха-ха! «Сидел медведь под липою, наклал кучу великую!..»

Ха-ха-ха! Похоже, что только что сидел: вон, гляди - еще пар идет. Ха-ха-ха-ха!..

С той минуты, ломая лапник и собирая сучья для костра, Андрей постоянно помнил о соседстве опасного лесного зверя, хотя внешне старался не подавать вида, что на душе у него не все ладно. Реакция Павла, с одной стороны, его несколько успокоила, а с другой, сильно смутила: товарищ, конечно же, догадывался, чего стоит Андрею это его внешнее спокойствие. Сам Павел, много раз один ночуя в тайге, не допускал и мысли, что его может обидеть лесной зверь, обычно за версту обходивший охотника и даже грибника или ягодника.

Вскоре все было готово для костра, и Андрей с нетерпением ждал, когда его можно будет разжечь. Но Павел объявил, что надо еще раздобыть пару крупных сухостойных кряжей - для нодьи. Андрей хорошо знал, что речь идет о таежном костре, довольно жарком, но горящем медленно и рассчитанном на долгую осеннюю или зимнюю ночь - об этом он читал в охотничьей литературе.

К тому времени сумерки уже основательно сгустились, и затея с поисками подходящих кряжей казалась почти абсурдной: не только что отличить ольху от осины, но и срубить дерево в темноте становилось проблематичным делом. К счастью, они наткнулись на старую вырубку, где в великом множестве были свалены в беспорядке штабеля бревен - судя по всему, когда-то здесь «похозяйничали» заезжие лесозаготовители.

***

Сухие смолистые бревна разгорелись быстро. Друзья подгребли поближе к костру лапник, накоротке поужинали бутербродами, запивая их чаем, и приготовились ко сну. Андрей лег на спину - так он привык засыпать дома - и на какое-то время забыл обо всем на свете, залюбовавшись звездным небом. Это была его первая ночевка в тайге без крыши над головой, и сон не спешил овладевать изрядно измотанным за двое суток телом. Терпко пахло хвоей вперемешку со смолистым дымом. Изредка на поляну налетал свежий ветер, но он тут же взвихривался кверху и там забавлялся невидимыми в темноте кронами деревьев.

Дик, устроившись в ногах у Павла, устало дремал, изредка приоткрывая глаза и поглядывая на костер, когда в нем слишком уж громко «стреляли» головешки. Минут через пять Андрей с удивлением и невольной завистью обнаружил, что товарищ уже спит, ритмично посапывая носом. Одетый легче его, Павел свернулся калачиком на еловой подстилке, подставив костру сгорбленную спину и спрятав руки крест-накрест в рукава штормовки. «А все-таки жаль, что мы с ним не подружились раньше, - думал Андрей, с теплым чувством разглядывая черты мужественного лица Павла. - И на охоту надо было выбраться давным-давно - плохо начинать все с нуля, когда тебе уже за тридцать и ты совершенно размяк от благ современной цивилизации...»

Однако долго лежать на спине было неудобно - с непривычки тело болью отзывалось на неровности грубого ложа, и Андрей уже собирался перевернуться на бок, как вдруг ему почудился какой-то странный звук, донесшийся со стороны леса. Приподняв голову, он напряг слух и одновременно посмотрел на Дика. Пес тоже вглядывался в темноту: стрижа ушами, он явно старался определить направление, откуда раздался этот необычный звук...

Ожидание длилось недолго: что-то вроде протяжного телячьего мычания, но с нотками злого недовольства, повторилось снова, только теперь чуть левее... «Откуда в тайге теленок? И почему молчит Дик? Обычно он срывается с места по всякому пустяковому поводу, а тут вроде даже хвост поджал...» На некоторое время водворилась тишина. Но Андрей продолжал сидеть в той же напряженной позе и вслушиваться в ночные звуки. «Разбудить Павла? Поверит ли?.. Вон как он хохотал сегодня над медвежьей кучей... А чего ему волноваться - у него двустволка!»

Не успев поменять позы, Андрей опять вынужден был замереть: отчетливо различимый рев послышался совсем близко. Он звучал недолго и оборвался на более высокой и какой-то злобно-капризной ноте. Зверь, а теперь Андрей уже не сомневался, что рев издавал медведь, сердился и открыто сообщал об этом. Андрей потряс Павла за плечо. Тот быстро проснулся и коротко спросил:

- Что?

- Кажется, кто-то ревет в лесу... То там, то там, - сбивчиво пояснил Андрей, указывая рукой в темноту.

Павел глянул на часы, потом покосился на костер. Он горел довольно ярко, рассыпая снопы искр.

- Ничего, - сказал он, укладываясь опять на свое ложе, - на костер не выйдет - поуркает и уйдет. Если хочешь, подкинь сушняка, чтобы огня стало побольше...

«Если хочешь» для Андрея прозвучало, как «если трусишь», и он не двинулся с места. Будь что будет! В конце концов, у Павла есть ружье... Вон как ловко он позавчера шлепнул рябчика - что ему стоит попасть в медведя?.. А в этот момент долгий и яростный рев раздался откуда-то из-за костра: зверь ходил кругами, явно сокращая расстояние между ним и людьми...

- Или еще молодой, неопытный, - предположил, снова поднимая голову, Павел, - или, наоборот, матерый, наглый. Видно, мы ему не ко двору пришлись... Пальнуть, что ли, разок для острастки?..

- Слушай, - не выдержал Андрей, - а почему Дик никак не реагирует на... него?

Ему как-то само собой вспомнилось, что бывалые охотники не произносят в тайге вслух слово «медведь». Но Павел был без предрассудков:

- На медведя-то? - переспросил он, взглянув на безучастно дремлющего пса. - А черт его знает... Молодой еще, инстинкты не все проснулись. Лайки вообще долго входят в форму...

Он не успел кончить фразу, потому что где-то совсем рядом раздался громкий треск сучьев, и тяжелый глухой удар сотряс землю. Друзья мигом вскочили на ноги, вглядываясь в темноту. Павел поднял ружье и выстрелил в воздух, немного погодя - еще раз. Тем временем Андрей схватил охапку сухого валежника и бросил ее на костер. Огонь мигом взмыл ввысь, осветив поляну и обступавшие ее деревья. Но вокруг никого не было видно... Павел, перезаряжая ружье, рассуждал:

- Наверно, на дерево карабкался, чтобы нас получше разглядеть, да сорвался... Теперь уйдет - и ушибся, и перепугался...

Через несколько минут они снова легли. До утра еще было далеко, но о нормальном освежающем сне Андрей уже не помышлял. Долго еще ему мерещился хруст сучьев под лапами зверя, его злобный рев... Но Павел оказался прав - остаток ночи прошел спокойно. Андрей уже начал забываться тяжелым настороженным сном, когда явилась новая напасть: небо заволокли не весть откуда взявшиеся тучи и заморосил дождь... И все-таки под утро он уснул, причем так глубоко, что ему даже что-то снилось. Кажется, он разговаривал с Мариной по телефону. Но в трубке так сильно трещало, что он не мог различить ни единого слова. Когда треск в очередной раз повторился, Андрей открыл глаза. С трудом переходя от сна к действительности, он поднял голову и не обнаружил возле себя ни Павла, ни Дика.

Костер прогорел. Дождь то ослабевал, то припускал снова. Во всем теле чувствовались озноб и разбитость. Не рискуя сразу вылезать из-под прорезиненного непромокаемого плаща, Андрей с тоскливым недоумением копался в своей душе: «Нужна ли мне вот такая жизнь? - спрашивал он себя. - По мне ли она? Ведь охота, как ее представляют в литературе, должна захватывать человека, пробуждать в нем страсть, доставлять незабываемые минуты радости, удовольствия. Охота, говорят в народе, пуще неволи. Но у меня пока что - одна неволя...» Его невеселые мысли были прерваны появлением Дика. Как всегда, радостный и игривый, он выскочил из чащи леса впереди своего хозяина. А тот, не менее возбужденный, но одновременно и обескураженный, подойдя к кострищу, сообщил:

- Сейчас прямо у меня из-под носа во-от такой глухарь поднялся! Я, дурак, на деревья глаза пялю, а он, оказывается, на земле кормился. Дал дуплета вдогонку, да разве ж в такой чащебе попадешь... Однако дичь здесь, как видно, есть, и если не из рябчика, то уж из глухаря мы сегодня что-нибудь обязательно сварим! Вот сейчас чайку спроворим и...

***

Дичи в тех местах, по-видимому, действительно было немало. Дик несколько раз поднимал из травы вальдшнепов, облаял сидевшего на высокой сосне тетерева и однажды даже выгнал на тропу ошалело взбрыкивавшего зайца. Но, как на грех, вальдшнепы шарахались не на простор, где бы в них можно было прицелиться, а в самую непроглядную чащу; тетерев улетел, не подпустив охотников и на сотню шагов, а зайца угораздило выскочить именно в том месте, где его никак нельзя было подстрелить, не задев дробью Дика...

Павел ужасно переживал все эти неудачи, его самолюбие сильно страдало. Еще бы! Пора возвращаться домой, а из всего охотничьего арсенала Андрею, зеленому новичку, были продемонстрированы лишь давешний меткий выстрел по рябчику да ночевка у таежной нодьи под рев медведя. Поборов чувство досады, Павел глянул на часы и сказал:

- Тут теперь уже недалеко до Топлинского болота, пойдем через него и хоть клюквы

наберем.

При упоминании о болоте у Андрея вновь стало побаливать под коленками. Хотелось послать все к чертям собачьим и настоять на самом прямом и коротком пути к дому - хватит с него романтики походов-переходов! Не надо ему ни дичи, ни клюквы! Сыт по горло!.. Хотелось, но не смоглось, и он поплелся за своим неутомимым поводырем, обильно поливая таежную тропу соленым потом.

Через какое-то время (Андрей уже не доставал часы, стараясь не тратить силы на лишние движения) они и впрямь оказались среди необъятного болота, довольно густо поросшего низкорослым сосняком. Не нужно было напрягать зрение, чтобы увидеть на пухлых травянистых кочках густые россыпи кроваво-алых ягод клюквы. Заметив, что Павел снял рюкзак и, поставив его на землю, склонился над одной из кочек, Андрей понял, что здесь они задержатся надолго. Это подбодрило его. Было совсем неважно, много ли он наберет клюквы - какой спрос с сугубо городского человека? Зато можно дать передышку ногам, стоптанным, казалось, до самого основания...

Первые пригоршни ягод пошли, конечно же, в рот, пересохший от жажды. Его тут же перекосило, но Андрей понимал, что эта кислятина и дарованный телу относительный покой должны хоть немного восстановить его силы. В это время Дик, бестолково сновавший между ними и безуспешно силившийся понять, чем это люди так увлеклись, вдруг остановился, потянул носом воздух и несколько раз жалобно тявкнул. Потом сорвался с места и трусцой побежал к густому сосняку, видневшемуся неподалеку от облюбованной друзьями поляны. Вскоре он возвратился и, присев возле хозяина, принялся лаять, как бы силясь ему что-то рассказать. Немного погодя он снова побежал в сосняк, и теперь уже лай стал доноситься оттуда...

Не сговариваясь, Павел с Андреем двинулись следом за Диком, обмениваясь на ходу предположениями по поводу странного поведения собаки. Они уже входили в сосняк, когда лай Дика сменился хриплым повизгиванием, а потом и вовсе перешел в заунывный вой. Едва поспевая за товарищем, Андрей через его плечо вглядывался вперед, пытаясь понять, что же там происходит. Когда они вышли на небольшой просвет между соснами, Павел остановился так резко, что Андрей по инерции едва не сбил его с ног.

Прямо перед ними, между двумя сплошь усыпанными клюквой кочками, неестественно выгнувшись и вцепившись руками в траву, лежал человек. Голова его была запрокинута назад и повернута чуть набок, как будто он силился перевалиться со спины на живот, чтобы подняться и пойти людям навстречу... Рядом с телом сидел и, высоко задрав вверх морду, выл Дик. Заметив приближающихся людей, он умолк и с виновато поджатым хвостом отошел в сторону. Из оцепенения Андрея вывел голос Павла:

- Эх, Минька, Минька! Допился, догулялся...

Минька? И Андрею вспомнилась давешняя встреча возле лесной избушки: синюшная бледность лица незнакомца, его трясущиеся руки, сиплый срывающийся голос...

- А что это с ним?.. - спросил он, все еще боясь поверить, что перед ними покойник.

Павел, молча склонившись над телом, попытался разжать пальцы Минькиных рук и высвободить из них пучки травы пополам с раздавленной клюквой. Это ему удалось нелегко и не сразу - видно, смерть наступила давно, едва этот горемыка с похмельным упорством достиг-таки Топлинского болота. Пустой «кузов», валявшийся неподалеку, говорил о том, что его хозяин не в состоянии был кинуть в него даже пару горстей ягод...

- Сердце сдало, - предположил Павел, не оставляя попыток изменить несуразную позу покойника. Придав его телу более-менее естественное положение, он закрыл минькины мутные, вылезавшие из орбит глаза. Но голова покойника так и осталась повернутой набок, и он лежал теперь, как бы отвернувшись от всего происходящего на этом свете.

- Что будем делать? - спросил Павел, глядя Андрею в глаза.

Тот только пожал плечами - что делают в таких случаях, ему до сих пор было неведомо. Когда умирал кто-нибудь на заводе, создавалась специальная похоронная комиссия, и все решалось как бы само собой, почти не требуя от него никаких особых усилий и не заставляя ломать голову над возникавшими при этом проблемами. Здесь был совсем другой случай. В голове стали проноситься разные варианты выхода из положения. Конечно, нельзя закопать Миньку прямо здесь, в болоте - это было бы кощунством. Да и факт его смерти надо как-то оформить - хотя и неприкаянная, но человеческая душа. Но для этого придется сначала выбраться из болота и снова отшагать по таежным тропам десятки километров. А Минька? Что же, он все это время будет лежать здесь, под открытым небом, терзаемый воронами и всякой лесной живностью, охочей до падали?..

И тут Андрей понял, что вопрос Павла - с подвохом: прекрасно понимая, как сильно

вымотался за эти дни его товарищ, он хочет теперь видеть, с кем имеет дело. О том, что Павел решил переть Миньку на себе, можно было догадаться, еще когда он придавал его скрюченному предсмертными муками телу удобную для переноски позу. Отныне слова были лишними. Андрей высыпал из своего рюкзака клюкву. Тем временем Павел, вырубив пару жердей, смастерил из них подобие носилок, и вскоре, положив на них покойника, они зашагали вон из болота.

***

Мысли в голове Андрея вертелись невеселые. Его все еще одолевали сомнения в правильности принятого решения. Не лучше ли было бы, например, перенести тело на какую-нибудь лесную поляну, а потом его оттуда - вертолетом? Или, скажем, донести до дороги, куда можно доехать на машине или хотя бы на тракторе... Ведь без Миньки они достигли бы жилых мест куда быстрее... Но - где он, тот вертолет, который полетит за трупом какого-то горемыки? И какие могут быть проезжие дороги в местах, куда ворон костей не заносил?..

Павел шел первым, и это было логично - он знал дорогу. Удручало Андрея другое: на товарища приходилась основная тяжесть груза, а на него глядели лишь подошвы минькиных стоптанных сапог - как-то так получилось, что труп они понесли не ногами, а головой вперед... Андрей этого не заметил по неопытности, а Павел, похоже, сделал это умышленно. Легкий ветерок дул им в спину. Лишь изредка, наткнувшись на особенно плотные заросли деревьев, он делал крутой вираж, взвихривая листву из-под ног, и тогда в ноздри било запахом прели и еще чего-то приторно тошнотворного... Уж не от Миньки ли так разит?

Заметив, что Павел сбавляет шаг, Андрей тоже стал притормаживать. Едва они опустили покойника на землю, как Павел отошел в сторону, и его стошнило. «Ну, так и есть, - вспомнил Андрей свои предположения, - вонь идет от Миньки...» Потом они еще не раз бросали носилки на тропу, и теперь уже их обоих начинали мучить приступы тошноты.

Андрей понимал, что силы его товарища, как и его собственные, на исходе, но не решался соваться с советами и предлагать сделать привал - ему не хотелось показаться в глазах Павла слабаком. Кроме того, он твердо верил, что у Павла все заранее рассчитано, потому он и спешит, не давая ни ему, ни себе поблажки. И все-таки Павел сдался первым. Поравнявшись с вывернутой бурей и горизонтально распластанной вдоль тропы елью, он сбросил с плеч носилки и хрипло проронил:

- Надо передохнуть, а то...

Он не договорил, но за него это мысленно сделал Андрей - «А то сами протянем ноги, как этот Минька».

Павел с котелком в руках скрылся в густом чапыжнике, разросшемся с правой стороны тропы, а Андрей достал из чехла свой топорик и стал обрубать сучья с елки, готовясь разжечь костер. Сноровки ему явно недоставало, и отсыревший от затяжных дождей сушняк долго не хотел разгораться. Когда Павел вернулся с водой, кучка мелких еловых сучков, которые Андрей пытался использовать вместо растопки, едва тлела. Глянув на принесенную Павлом воду, Андрей вслух удивился:

- Цвет красивый - янтарный, как в той речке, что видели утром...

Павел хмыкнул:

- Из речки и есть: Нюба-то - вон она, за кустами.

«М-да, - подумал Андрей сконфуженно и удрученно, - ориентироваться в лесу я, оказывается, совсем не умею...» Ему казалось, что их сегодняшний путь лежал совершенно в другую, противоположную от реки сторону. «Надо будет потом обзавестись картой и компасом...» И тут же почувствовал, как в нем поднимается злая досада: «Потом!» Когда - потом? Разве он еще не передумал надевать на себя этот явно не по нему кроеный «хомут»? Какой из него, прости Господи, охотник, если он, того и гляди, в трех соснах заблудится...

Андрей переваривал в себе эти невеселые мысли, сидя на поваленной ели и глядя в живое пламя костра. Ему все время казалось, что он чего-то недопонимает во всем с ним происходящем, что все должно быть как-то не так, по-другому - без этой отупляющей усталости, без ломоты в плечах и без кровавых мозолей на подгибающихся от предельных перегрузок ногах. Но он не знал, что можно противопоставить такому ходу событий, а потому решил полностью положиться на волю и опыт Павла. Во всяком случае, все, что делал он до сих пор, было разумно и логично.

***

Павел поднялся первым. Андрей видел, какого напряжения сил это ему стоило. В глубине его души на миг промелькнуло подленькое злорадство: «Ага, и ты сдаешь, семижильный!..» Но он тут же прогнал его, отлично понимая, что самому ему не выдюжить и половины той нагрузки, какую взял на себя его спутник.

- Через реку сейчас пойдем, - сообщил Павел, берясь за свой конец носилок. - Так дорога короче. Вода после дождей большая, в брод не перейти, так что придется воспользоваться вон той лесиной... Не торопись, ступай осторожно и старайся не глядеть вниз.

О чем он его предупреждал, Андрей понял, когда они, балансируя, как завзятые циркачи, медленно пробирались сквозь ветви огромной березы, перекинутой поперек неширокой здесь, но довольно полноводной реки. Под ними бесновалась переполненная осенними дождями Нюба. Даже не верилось, что совсем недавно они любовались ее плавным течением в заводи, похожей на живописное полотно в изумрудной оправе: здесь она несла свой бурный поток в узкую горловину высоких каменистых берегов и была похожа на дикую кобылицу, впервые оказавшуюся под седлом.

Идти по березе можно было только мелкими шажками, попеременно хватаясь свободной рукой за ее ветви, как за перила. У Павла, по сути, заняты были обе руки, и он, держа ружье за стволы, упирался прикладом то в саму березу, то в ее сучки, меняя точку опоры после каждого шага. Они уже миновали больше половины этого «чертова мостика», как окрестил про себя Андрей эту переправу, когда спереди послышался угрожающий треск. Глянув перед собой, они увидели, что вершина березы, лежащая на противоположном берегу, надломилась и начала съезжать по откосу, приближаясь к клокочущей воде. Медленно, как при рапидной съемке, ствол дерева опускался под ними, лишая ноги опоры...

Что было силы, одной рукой Андрей ухватился за толстую, торчащую почти вертикально, ветку березы, а другой тянул вверх носилки, стараясь облегчить груз, давивший на плечи Павла. Чем сильнее кренилось дерево, тем больший вес приходился на долю его товарища... Все это длилось какие-нибудь доли секунды, но очень уж долгими они показались! В следующий момент минькино тело дало юза и, ломая сучья, рухнуло вниз. Пытаясь его удержать, Павел уцепился было за рукав телогрейки, но тут же, теряя равновесие, выпустил его из рук. Андрей видел, как он рывком сбросил с плеча жердь носилок и, взмахнув руками, соскользнул вслед за телом Миньки.

Освободившись от лишней тяжести, береза перестала сползать вниз, встав к воде под острым углом. Вцепившись одной рукой в спасительный сук, а из другой все еще не выпуская опустевшие и сильно полегчавшие носилки, Андрей ошеломленно крутил головой, пытаясь увидеть на бурлящей поверхности реки плывущего к берегу Павла. Но там его не было...

Тут только Андрей по-настоящему испугался, осознав всю серьезность разыгравшихся событий. Напрягая голос, он стал кричать, звать Павла. Но эхо разносило крик по прибрежной тайге, возвращая его обратно измененным до неузнаваемости. Так он долго стоял, не решаясь покинуть это проклятое место и не зная толком, что ему делать, в какую сторону двигаться. Впереди зияла широкая протока между крутым каменистым берегом и углубившимся в воду стволом березы - даже перепрыгнув ее, ему бы не осилить крутой откос, почти вертикально нависавший над рекой...

Оглянуться назад Андрея заставила шумная возня, послышавшаяся из-под берега. Присмотревшись, он увидел Дика, барахтавшегося в воде и пытавшегося зацепиться лапами за узкую кромку рыхлой, размытой речными струями земли. Рядом с ним, то погружаясь с головой, то выныривая, плыл Павел. Сильным течением их сносило все дальше и дальше, и вскоре Андрей совсем потерял обоих из виду.

Лишь теперь с него как бы слетели оковы оцепенения. Опрометью - откуда взялись силы - он развернулся и стал карабкаться вверх по березе. Затем, теперь уже осознанно не выпуская из рук жерди от минькиных носилок, бросился вниз по течению реки вслед за выбивавшимися из сил Павлом и Диком. Как назло, Нюба здесь петляла по густому мелколесью и зарослям чапыжника. Ветки больно хлестали по лицу, цеплялись за одежду, высокая трава путалась в ногах; глаза застилал пот, и несколько раз Андрей падал, запнувшись за коряги.

Выбежав за изгиб реки, он увидел, что самое страшное осталось позади - пловцов вынесло на песчаную косицу, намытую течением, и оба уже были вне опасности. Дик, поднимая тучи брызг, отряхивался, а Павел полулежал на отмели у самой воды, и грудь его ходила ходуном от тяжелого судорожного дыхания.

Бестолково суетясь возле них, Андрей трепал пса по мокрому загривку и никак не мог понять, почему Павел долго не встает на ноги и не спешит к еще тлевшему неподалеку костру, чтобы согреться и высушить промокшую до нитки одежду. Видя, что товарища начинает бить озноб, Андрей стал настаивать:

- Пойдем к костру, обсушись. Сейчас я подкину дров...

- Разведи здесь... - простонал Павел, закусив нижнюю губу.

***

На этот раз Андрею удалось быстро разжечь костер, воспользовавшись хорошо просохшими смолистыми головешками. Обрадованный тем, что все они опять вместе, он как будто позабыл об усталости и хлопотал вокруг костра, подкладывая в него валежник и поддерживая большое жаркое пламя. Павел, опираясь на руки, попытался самостоятельно переместить свое вдруг неимоверно отяжелевшее тело поближе к костру, но это ему не удалось. Застонав, он уткнулся лицом в песок.

- Что с тобой? - встревожился Андрей.

Но Павел не слышал. Его мускулистое тело вдруг стало дряблым, беспомощным. Андрей попытался приподнять товарища с мокрого песка и перетащить к костру.

- Павел, что с тобой? Павел!.. - повторял он, потрясенный беспомощным состоянием своего доселе неутомимого и по-спортивному крепкого физически спутника. Ему с трудом удалось уложить Павла возле развесистого ивового куста, где не было песка, налипавшего на одежду, проникавшего за голенища сапог, хрустевшего на зубах. К тому же туда реже проникали порывы ветра, пропитанного леденящей сыростью реки.

- Спина... болит... - прохрипел Павел, не открывая глаз.

- Сильно поранился? - спросил Андрей, хотя и так было ясно, что товарищ попал в нешуточную беду. - Сейчас я гляну, что с ней...

Он перевернул Павла на живот и заголил куртку. Рубаха и майка сзади были разорваны и густо пропитаны кровью, смешанной с речным песком. Сбегав к реке с котелком, Андрей промыл пролегшую вдоль спины Павла кровоточащую ссадину, потом обработал ее йодом из походной аптечки и присыпал стрептоцидом. Павел долго крепился, превозмогая боль, которую ему причинял Андрей своими неумелыми действиями, но когда тот стал приподнимать его, чтобы пропустить под животом бинт, он громко застонал и потерял сознание...

«А вдруг у него поврежден позвоночник?.. - подумал Андрей, холодея от ужаса. Опустившись рядом с неподвижным телом товарища, он попытался мысленно оценить ситуацию. Главное было ясно: надо как можно быстрее доставить Павла в город, в больницу. Значит, нужны какие-то носилки... Нет, минькины тут не годятся - нужны наподобие салазок, чтобы один конец лежал на плечах, а второй скользил по земле. Он пока еще отгонял от себя мысль о том, что ему не выбраться из тайги без помощи Павла, потому что совсем не знает дороги. Но даже если бы ему ее и указали, он вряд ли смог бы рассмотреть ночью даже хорошо натоптанную тропу.

Глянув на искаженное страданием лицо товарища, Андрей заметил скатившуюся по его щеке слезу.

- Очень больно? - спросил он, хотя и так видел, что Павел держится из последних сил. С трудом поднявшись на ноги, Андрей взялся за свой топорик. - Сейчас сооружу тебе карету, - заставил он себя пошутить, надеясь подбодрить Павла.

Две жерди, вырубленные в ближайшем березняке, даже без сучков оказались довольно увесистыми. Но укорачивать их было нельзя, иначе увеличивался бы угол наклона, и тело Павла постоянно съезжало бы на землю. Скрепить жерди между собой Андрей собирался с помощью ивовых прутьев, и уже направился было за ними, но его остановил тихий голос Павла:

- Оставь-ка все это... На вот тебе компас. По азимуту ходить умеешь?

- А как же! - смело соврал Андрей, но тут же спохватившись, добавил: - В школе, помнится, учили...

- Иди, объясню...

Андрей, угадав замысел товарища и внутренне не одобряя его, слушал невнимательно. Павел хочет отправить его за помощью одного. Но это двойной риск: во-первых, пройдет гораздо больше времени, пока он доплетется до города, а во-вторых, даже если это ему удастся, он не сумеет объяснить толком, где искать Павла. Наконец, просто недопустимо оставлять человека в беспомощном состоянии одного ночью в глухой тайге, когда ему даже защититься нечем - ружье-то его осталось на дне реки...

- Ты все понял? - прервал его размышления голос Павла.

Андрей упрямо мотнул головой:

- Черт с ним, с азимутом, а я тебя одного не брошу!

У Павла не было сил на споры, и он, устало прикрыв глаза, умолк. Торопливо, подгоняемый отчаяньем, Андрей продолжил возиться с носилками, скрепляя жерди прутьями. Получалось нечто громоздкое, неимоверно тяжелое. Прутья ломались, соскальзывали с глянцево-гладкой бересты, плохо держались в узлах. Когда он попытался приподнять и протащить это сооружение по земле, стало понятно, что, положив на него Павла, ему не тронуться с места...

***

А над тайгой уже опустились ранние осенние сумерки. Выбившись из сил, Андрей в растерянности огляделся по сторонам. Несколько раз он позвал Павла по имени, но, не получив ответа, в изнеможении опустился рядом с ним, прислонившись спиной к пучку ивовых веток. Костер почти догорел. Капли дождя, падая в него, гасили последние тлеющие угольки. Не замечая сырости и холода, Андрей отрешенно думал, что надо бы, пока окончательно не стемнело, запастись дровами, но он никак не мог заставить себя встать. Тупое полубредовое безразличие к самому себе и ко всему происходящему вокруг навалилось на него всей своей липкой тяжестью, лишив воли и способности действовать.

«Так, должно быть, и погибают люди, заблудившись в лесу или в пустыне, - шевельнулась в воспаленном мозгу мысль, будто пришедшая откуда-то со стороны, - и кто-нибудь, так же, как мы сегодня на минькино, наткнется на наши окоченевшие тела...» Где-то рядом послышалось тихое повизгивание Дика - пес терся возле отощавшего за эти дни рюкзака и скулил от голода.

- Дай ему чего-нибудь, - неожиданно подал голос Павел, не открывая глаз.

Андрей вздрогнул. Ему стало нестерпимо стыдно за свою минутную слабость. «Идиот! - ругнул он себя. - Помирать собрался, раскис!.. Раненый, чуть живой товарищ находит в себе силы позаботиться о собаке, а он сидит тут рохля рохлей и распускает нюни!..»

- Сейчас, сейчас, костер только поправлю...

Набрав охапку хвороста, он раздул угасавший огонь и тут же снова пошел в гущу леса, надеясь разыскать сухостойное дерево, чтобы, как прошлой ночью, соорудить нодью. Ему это долго не удавалось, и он, злясь на себя, на усиливающийся дождь и на почти беспросветную темень, предательски быстро опускавшуюся на тайгу, углублялся все дальше и дальше. Натыкаясь на очередное дерево, Андрей задирал кверху голову, стараясь определить, есть ли на нем островки сухих, не успевших опасть листьев - как объяснял ему Павел, это признак того, что дерево «живое» и для костра не годится. Но на фоне хмурого ночного неба различить что-либо становилось невозможно, и Андрей стал постукивать по стволам топориком. Однако все они издавали глухой звук, характерный для сырой древесины.

Наконец ему повезло - долговязая, покосившаяся на один бок, сушина гулко охнула от удара, и на Андрея посыпались куски отмершей коры. Это была, по-видимому, ольха - самое, как говорил Павел, подходящее для нодьи дерево: горит медленно, но жарко и без снопов искр. Переведя дыхание, Андрей принялся рубить упругий, неподатливый ствол. В темноте половина ударов приходилась мимо, но он, нервничая и торопясь, ожесточенно бил и бил топором, целясь ближе к комлю. Наконец сушина затрещала и стала падать. Андрей предусмотрительно отошел в сторону, опасаясь, чтобы дерево не «сыграло» ему по ногам. Но оно, сильно наклонившись, вдруг прекратило падение, упершись вершиной в густые ветви соседних деревьев. Андрей ощупал ствол руками. Там, где он его рубил, было примерно на треть не тронутой топором древесины. Пришлось снова браться за топорик и бить на ощупь по недорубленному месту.

Дело продвигалось медленно. Андрей негодовал на свою беспомощность, и ему было стыдно осознавать, что он, не приняв план Павла, преступно тянет время. В яростном порыве он изо всех сил саданул топориком по заартачившемуся стволу, и тот наконец соскользнул с пенька. Но сушина продолжала цепко держаться за кроны соседних деревьев. Тогда Андрей, собрав последние силы, с исступленным упорством стал раскачивать ее ствол из стороны в сторону, упершись в него плечом. Сначала на него посыпались мелкие сучки и хвоинки, потом раздался треск ломающихся веток и, наконец, дерево рухнуло плашмя в темноту, сильно ударив-таки Андрея по колену...

С трудом восстанавливая дыхание, он сел на побежденное им дерево, гладя ушибленную ногу и соображая, как действовать дальше. Тащить бревно к костру целиком - нечего

и думать: слишком оно велико, а сил почти не осталось. Разделать на части? Но как он потом найдет в кромешной темноте второй обрубок? А фонарик на что?! У него же в рюкзаке остался отличный фонарик на трех батарейках - не фонарь, а прожектор! Почему он, идиот, не догадался взять его с собой сразу?..

Отдышавшись, Андрей встал на ноги, отмерил на ощупь примерно половину ствола ольхи и с радостью обнаружил, что рубить больше не придется: при падении сушина переломилась почти как раз там, где ему было надо! Приподняв комлевую часть и уперев ее в бедро, Андрей попробовал идти. Сухое бревно стронулось с места без особых усилий. Однако он тут же остановился, внимательно оглядываясь по сторонам. Где-то должен быть виден костер... Но сколько он ни напрягал зрение, ни малейших его отблесков обнаружить не удавалось - вокруг была непроницаемая темнота ночи...

С минуту подумав, Андрей припомнил, что к сушине он подходил вроде бы с той стороны, в какую она была наклонена. Значит, идти надо в сторону ее падения. Не выпуская из рук бревна, Андрей двинулся вдоль валявшейся на земле вершины срубленного им дерева. Так он тащился довольно долго, петляя между деревьями, стволы которых скорее угадывал на своем пути, чем видел. Парализованный усталостью и потрясениями минувшего дня, Андрей не сразу понял, что по времени ему уже давно пора выйти если не к костру, то хотя бы на берег реки. А когда спохватился, то долго не мог сообразить, как действовать дальше...

Если он все еще не уперся в Нюбу, значит, идет вдоль нее. Но куда - вверх или вниз? Почему-то он решил, что река остается слева и, развернувшись под прямым углом, потащился дальше. Лишь окончательно выбившись из сил, Андрей понял, что заблудился. Сначала ему захотелось закричать, позвать на помощь, но он тут же погасил в себе это бессмысленное желание, вспомнив, в каком отчаянном состоянии оставил товарища... Предельная усталость лишила его той панической энергии, которую обычно проявляют люди в подобных ситуациях: у него не было сил метаться и петлять по тайге, наобум отыскивая дорогу, и он долго стоял на месте, тяжело дыша и превозмогая сильную боль в ушибленном колене. В голове неотвязно пульсировал один и тот же вопрос: «Что же теперь делать?..» Но мозг, как бы автоматически задавая его, даже не пытался потрудиться над ответом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«В лесу ночью темь, хоть глаз выткни, а рысь да волк видят».
В.И.Даль

Забытье длилось недолго. Лежать на мокрой земле под непрекращающимся дождем было невыносимо. Андрей поднялся на ноги и сделал несколько шагов с вытянутыми руками, надеясь на ощупь отыскать какое-нибудь дерево и спрятаться под ним от дождя. Ему повезло - совсем рядом оказалась разлапистая ель, и он, встав на четвереньки, подполз под ее нижние ветви, окружавшие толстый ствол широким шатром. Под елкой было посуше, да и ветер заглядывал туда реже. Но мокрая одежда, прилипшая к телу, вызывала лихорадочный озноб.

Костерок бы сейчас не помешал... Его можно было бы, пожалуй, соорудить из сухих еловых веток, торчащих у комля и упиравшихся Андрею в спину. Он стал их торопливо ломать, и когда набрался довольно большой пучок, полез в карман за спичками. Картонный коробок, который он забыл впопыхах засунуть обратно в целлофановый пакет, весь размок и расползся, представляя собой бесформенное месиво...

Это была катастрофа. На какое-то время Андрей впадал в полуобморочное забытье, и его мозг начали терзать кошмары. Порой ему казалось, что сквозь шум дождя и ветра до него доносятся звуки оживленного разговора, заливистого девичьего смеха... А то вдруг слышался топот тяжелых копыт, отдаленный посвист... В такие мгновения он замирал, напрягая слух и пытаясь унять колотившую его тело дрожь, но, кроме монотонного шума дождя и поскрипывания веток над головой, ничего не было слышно.

Казалось, что ночь никогда не кончится. Но после очередного погружения в небытие Андрей вдруг заметил, что порывы ветра резко усилились, под их напором суматошно заметались кроны деревьев, с ветвей потоками посыпались на землю крупные капли накопившейся за ночь воды. Холод стал нестерпимым, и Андрей, выбравшись из своего укрытия, принялся разминать затекшие ноги. Только теперь, вглядевшись в чуть посерев-

шее хмурое небо, он понял, что долгожданное утро где-то совсем рядом. Едва дождавшись, когда глаза стали различать обступавшие его со всех сторон деревья, Андрей тронулся в путь. Он больше не задумывался над тем, в какую сторону идти - это было бесполезно. Не имея ни карты, ни компаса, ему оставалось лишь уповать на удачу, на слепое везение. Главное, как он решил для себя, это выйти к реке - Павел говорил, что она очень извилистая, много петляет по тайге. Где-то же он должен на нее натолкнуться!..

Снова и снова обжигали мучительные вопросы, и главным из них был: как-то Павел пережил эту ночь? Ведь над его головой не было даже жиденькой кроны дерева. Правда, около него оба рюкзака, в которых есть плащ-накидки, кое-какая провизия. Но смог ли он всем этим воспользоваться, хватило ли сил?

Запинаясь за коряги, с трудом перелезая через валежины, Андрей упрямо шел вперед, не обращая внимания на разрастающуюся боль в ушибленном сегодня ночью колене. Все его ощущения притупились, а помыслы были подчинены одной цели - как можно скорее выбраться из этой проклятой непроглядной тайги, так предательски заманившей его в свои дебри.

***

Когда совсем рассвело, и сквозь густые кроны хвойных деревьев проглянула голубизна расчистившегося от свинцово-серых туч неба, Андрей почувствовал, что голоден. В последний раз они с Павлом перекусили где-то перед заходом в болото, а потом, напоровшись на минькин труп, оба надолго лишились аппетита. И вот теперь организм все настойчивее требовал пополнения сил...

Присев на толстую валежину, чтобы перевести дыхание, Андрей огляделся по сторонам, и ему опять стало не по себе в этом угрюмом, неприветливом лесу. А ведь еще недавно он прямо-таки рвался сюда из обихоженного городского уюта, рисовал себе умильные картины единения с природой, жаждал встречи с ее суровыми красотами... Ну, ладно, он по природе - романтик. А Марина-то, Марина что же? Такая практичная во всем, реалистка, а тут... Или она всерьез верила в то, что ему вот так запросто, в одно мгновение можно круто изменить свой образ жизни, переродиться в зверобоя-следопыта и начать таскать ей из тайги горностаев да соболей? «Черт меня дернул поддаться на ее «железную» логику!..»

Он не произнес этих слов вслух, но ему снова стало не по себе из-за того, что он чертыхнулся в лесу. Теперь его все пугало и настораживало, во всем чудился потайной мистический смысл; душу сжимало липкое оцепенение, а в памяти всплывали слышанные еще в детстве страшные истории о том, как водил людей по лесам леший и как находили их потом мертвыми или помешанными, тронувшимися умом...

С трудом Андрей отогнал от себя это наваждение. В конце концов, рассуждал он, лес - это просто деревья, и не будь их, все вокруг просматривалось бы на большие расстояния. Ведь на равнине, в чистом поле человека никакая оторопь не берет. Страхи рождаются от неизвестности и от болезненного воображения. Вспомнилось ему, как когда-то, в далеком детстве, он панически боялся чулана в деревенском доме деда: днем, при свете, он там мог играть часами, но стоило стемнеть, и ему начинали мерещиться такие ужасы, что даже с дедом за руку он туда идти отказывался. Воспоминания детства расслабили, размагнитили волю, и Андрею стоило больших усилий заставить себя подняться на одеревеневшие от переутомления и отказывающиеся слушаться ноги.

***

Куцый октябрьский день уже угасал, когда ему показалось, что лес стал редеть. Все настойчивее напоминал о себе голод - подташнивало и кружилась голова. Удручало и сознание неизбежности наступления ночи с ее неприкаянностью, страхами, знобящим холодом и сыростью. Если он за целый день не вышел к реке, значит, она где-то сбоку. Слева? Справа?.. Или он все это время удалялся от нее?..

А тайга, кажется, и впрямь редеет... Деревья неохотно расступались, обнажая все более широкие просветы. Наконец крупный лес и вовсе кончился, и Андрей оказался в низкорослом сосняке, очень похожем на тот, в котором они вчера с Павлом собирали клюкву. Пройдя еще с полкилометра, он почувствовал, что под ногами захлюпала вода. Сомнений больше не было - он вышел к болоту и, вполне возможно, к тому самому, где они нашли Миньку. Значит, теперь надо искать тропу, которая их вывела к реке.

Вернувшись на окраину леса, где было посуше и не так густо рос сосняк, Андрей опустился на замшелый выворотень и стал обдумывать свои дальнейшие действия. Надо, пока

окончательно не стемнело, пройти кромкой болота и поискать тропу. Конечно, он допускал, что засветло ему ее не найти. И вообще, это могло быть совсем другое болото. Тогда - опять ночь под елкой?.. Может быть, лучше сегодня больше не дергаться, спокойно устроиться на ночлег, загодя соорудив какой-нибудь шалаш и, переночевав, утром со свежими силами двинуться в путь?

А Павел?!. Мысль о брошенном им товарище мгновенно отодвинула в сторону заботы о собственной участи. Как-то он там, больной, беспомощный? С ним, правда, остался Дик, но что проку от этого пса-недоросля?..

Заставив себя подняться, Андрей чуть не вскрикнул от резкой боли в колене - вчерашний ушиб, на который он сгоряча не обратил внимания, все настойчивее напоминал о себе. Даже сквозь толстые суконные штаны прощупывалась расплывшаяся к вечеру болезненная опухоль. Осторожно помассировав ее ладонью, Андрей, сильно прихрамывая, снова отправился в путь.

Стараясь держаться возле окраины леса и не углубляясь в болото, он продирался сквозь густой чапыжник, внимательно вглядываясь в редкие просветы между деревьями в надежде увидеть тропу. Но шло время, таяли силы, а болоту не было конца, и девственная тайга, подступавшая к нему вплотную, все так же тянулась сплошной стеной...

Когда сумерки сгустились настолько, что глаза перестали отчетливо различать зубцы отдаленного леса, Андрей остановился. Все, дальше сегодня идти бессмысленно, пора заняться подготовкой к ночлегу. С топориком в руке он углубился в чащу, отыскивая елку поразлапистее. Стараясь не приступать на больную ногу, доковылял до одной из таких и стал прикидывать, откуда будет поближе таскать лапник для подстилки. Наученный горьким опытом предыдущей ночи, он решил на этот раз устроить себе ложе помягче и потеплее.

Нарубив еловых веток с одной из ближних делянок, Андрей зашагал было в другую сторону, но на полпути к облюбованным елочкам вдруг запнулся за какое-то углубление, сильно разбередив колено. Поглаживая его, он нагнулся к земле и, еще не веря своим глазам, увидел довольно глубокую дорожную колею. Глянув вдоль нее, убедился, что это даже не тропа, а дорога, но такая старая и заброшенная, что на ней между колеями уже выросли довольно крепенькие молодые деревца. Она шла вдоль болота краем леса и, возможно, Андрей уже давно шел рядом с ней, не подозревая о ее существовании!..

Он так обрадовался своей находке, что тут же зашагал вдоль колеи, забыв про неимоверную усталость и разболевшуюся к ночи ногу. Ведь дорога, рассуждал Андрей, всегда куда-нибудь приводит, она не может существовать сама по себе. Но, сделав с полсотни шагов, он сообразил, что зря порет горячку: в темноте можно запросто сбиться с только что обретенной дороги, потерять ее, а это было бы для него страшным ударом. И он заставил себя вернуться к той елке, под которой уже почти был готов настил из лапника.

Грядущая ночь уже не так сильно угнетала его своей тревожной неопределенностью и безысходностью, какую он испытал накануне - теперь у него была дорога, и это придавало ему уверенность в скором избавлении из таежного плена.

***

Поначалу сон быстро овладел его обессиленным телом, притупив страх перед ночной тайгой и отогнав на время тревожные мысли об участи Павла. Но ближе к утру холод, усиленный промозглой сыростью близкого болота, снова заставил биться в ознобе каждый мускул. Андрей долго сопротивлялся, не отпуская от себя сладкую дрему, натягивая на голову капюшон штормовки и пряча коченеющие руки поглубже под мышки. И все-таки леденящее дыхание осенней ночи заставило его искать спасение в физической активности.

Высунув голову из-под елки, Андрей на мгновение оцепенел от неожиданности. На фоне звездного неба в том месте, где пролегала дорога, мимо него проплывали какие-то смутные тени... Решив, что его начинают преследовать галлюцинации, Андрей резко тряхнул головой и протер глаза кулаками. В тот же момент со стороны дороги послышался странный звук, похожий на всхрапывание лошади, и тени, ускорив движение, как будто растворились во мраке ночи. Спустя какое-то время оттуда, куда они устремились, раздался удаляющийся треск сучьев, ломавшихся под натиском тяжелых тел...

Потрясенный увиденным, Андрей долго не мог сдвинуться с места, продолжая сидеть подле приютившей его на ночь елки. Что это было? Чьи тени промелькнули в десяти шагах от него?.. Но рядом с ним не было Павла, который мог бы дать ответ на любой из возникавших у Андрея вопросов, успокоить, вселить уверенность. Оказавшись один на один

с тайгой, не посвященный в ее законы, он был подавлен своей беспомощностью, неумением понять происходящее вокруг.

Едва Андрей оправился от первого потрясения, как его освоившиеся в темноте глаза вновь уловили какое-то движение на дороге. На этот раз тени были гораздо меньше, и промелькнули они мгновенно и совершенно бесшумно... Чувствуя, как на лбу выступает испарина, а в виски бешено стучит кровь, Андрей нащупал на поясе топорик и вынул его из чехла... Так, стоя на четвереньках, сжимая в руке рукоятку топора и напряженно вглядываясь в темноту, он провел остаток ночи. Лишь когда стало понемногу светать, Андрей, вконец обессиленный, опустился на землю, и сон на какое-то время снова окутал его сознание.

Проснувшись, он с опаской осмотрелся вокруг, но больше ничто не вызвало в нем никаких подозрений, а тайга все так же угрюмо безмолвствовала, негостеприимная и равнодушная к его судьбе. Он все отчетливее начинал осознавать серьезность своего положения. Если до сих пор им руководила и вела вперед отчаянная решимость прийти на выручку так нелепо брошенному им товарищу, то теперь явно все шло к тому, что у него самого может не остаться шансов на спасение: еще сутки-двое таких переходов без пищи, без полноценного сна и возможности обогреться, укрыться от дождей, и спасать уже надо будет его, Андрея.

Первое, что он сделал, дождавшись рассвета, - срубил себе трость из деревца, росшего прямо между колеями дороги, по которой ему предстояло идти.

***

Ночные видения так потрясли Андрея, что он теперь смотрел на тайгу совсем другими глазами. Все эти дни его окружала жутковатая пустота, наполненная лишь воображаемыми страхами. То, что Павел называл дичью, обнаруживало себя крайне редко и неохотно: на поиски какой-то маленькой серой пичуги приходилось тратить уйму времени и сил. Казалось, что лес населен разной мелкотой, которую и разглядеть-то непросто. Правда, один из крупных обитателей тайги уже пытался заявить злобным ревом о своем существовании, но по-настоящему только сегодняшняя ночь круто изменила взгляд Андрея на тайгу, приоткрыв для него сокровенные стороны ее жизни. Оказывается, она сложна и многообразна, но надежно скрыта от постороннего глаза. Чтобы подглядеть хотя бы маленькую толику ее, надо сродниться с тайгой, стать ей своим. Как, например, Павел...

Вспомнив о нем, Андрей снова испытал прилив угрызения совести. Но теперь в сознании его вины перед товарищем уже не было той щемящей остроты и отчаянья, которые еще вчера не давали ему покоя. «В конце концов, - рассуждал Андрей, ковыляя по лесной дороге, - я ведь не нарочно его бросил, мне и самому еще надо как-то выбраться из этого переплета...» Он пока еще опасался отдаться полностью во власть надежды, появившейся у него после обнаружения дороги, и, говоря себе, что дела его крайне плохи, немного лукавил: уж лучше, считал он, быть готовым к самому худшему.

Поначалу, пока дорога змеилась между вековыми елями и соснами, на ее заросших бурьяном и кустарником колеях ничего разглядеть было нельзя, кроме глубоких вмятин от лосиных и кабаньих копыт. Но потом стали попадаться низинные ложбинки с обнаженной глинистой почвой, испещренные множеством всяких следов. Андрей подолгу вглядывался в них, пытаясь отыскать хоть какие-нибудь признаки посещения этих мест людьми. Но земля предъявляла ему лишь отпечатки все тех же раздвоенных лосиных копыт да еще остренькие строчки кабаньих выводков.

Возле одной из таких «залысинок» Андрей задержался особенно долго: ему показалось, что он, наконец, нашел то, чего так долго ждал - на пологих берегах ручейка, пересекавшего дорогу, виднелись отпечатки крупных ступней ног! След был свежий, не размытый дождем. Сдерживая сердцебиение, Андрей нагнулся к нему, недоумевая, почему это человек шел по лесу босиком? Хотя, может быть, он шел в обуви, а здесь, у ручья, разулся?.. Но потом он разглядел какие-то глубокие царапины перед каждой ступней - как будто их кто-то, балуясь, прочертил прутиком. Таких «царапин» от каждого следа отходило ровно по пять... И тут он как прозрел: следы были медвежьи!..

Лоб его покрылся холодной испариной. Выпрямившись и оглядевшись по сторонам, Андрей с внутренним содроганием вспомнил ночь, проведенную с Павлом у костра под открытым небом, назойливое внимание к ним медведя, ходившего около их костра кругами... Уж не тот ли самый идет за ним по следу?.. Или их тут много? Это открытие на какой-то момент парализовало его волю, лишив способности двигаться дальше. Но постепенно он взял себя в руки, рассудив, что, если бы хищник за ним охотился, то у него уже было

предостаточно возможностей напасть на свою жертву.

Опасливо оглядываясь по сторонам, Андрей снова пошел вперед. Но - что это?.. Не пройдя и сотни шагов, он едва не вскрикнул от неожиданности: неподалеку от дороги, между редкими молодыми елочками, обступившими стволы крупных деревьев, на боку лежала истерзанная и обезображенная туша какого-то крупного животного. Андрей пораженно разглядывал вывалившиеся наружу внутренности, серо-бурые мясистые холки, зияющие кровавыми ранами, мощные дуги обглоданных ребер... Головы не было видно - ее скрывала одна из густых приземистых елочек, но по длинным масластым ногам с раздвоенными копытами Андрей догадался, что это лось. Сразу же вспомнились видения минувшей ночи. Так вот чьи тени его всполошили!.. А те, промелькнувшие следом, - волки?..

Продолжая с тревогой оглядываться по сторонам, Андрей поспешил покинуть место разыгравшейся ночной драмы: его не покидало ощущение присутствия поблизости еще кого-то, невидимого, но пристально за ним наблюдавшего... Испуг придал ему сил, и он торопливо заковылял по дороге, не выпуская из рук топорика и всем телом наваливаясь на самодельный костыль, уже набивший ему под мышкой кровавый мозоль.

Перейдя вброд еще пару неглубоких ручейков, он далеко впереди, куда вела дорога, заметил небольшой просвет. Ах, если бы выйти наконец к жилью, к людям! Так хотелось поверить в это чудо, что на какое-то время Андрей даже заставил себя забыть о давно сделанном им единственно верном умозаключении: около жилых мест таких заброшенных, поросших лесом, дорог не бывает. Но просвет все приближался, и вместе с ним крепла вера в несбыточное чудо. Андрей торопил себя и злился на непослушные, одеревеневшие ноги. Что, что там? Спасение или новое разочарование и беспросветный мрак тайги?..

Дорога, выйдя из чащи, пропала в перекрученной ветрами и ливнями полеглой траве. Это была довольно обширная луговина, на другом краю которой отчетливо виднелось продолжение просеки. Андрей остановился и уже собирался на что-нибудь присесть, чтобы дать отдых перетруженным ногам, но тут заметил на краю какое-то сооружение из жердей. На шалаш оно не было похоже, хотя жерди располагались под углом к земле, а в развилках топорщились клочья сухой травы. Подойдя ближе, он понял, что перед ним старое, давно не знавшее прикосновений человеческих рук приспособление для стогования сена. Когда-то, гостя в деревне, он слышал его название, и теперь силился вспомнить забытое слово. Но оно никак не приходило на память...

Андрей опустился прямо на землю. Когда он попытался прислониться к одной из жердей спиной, трухлявая древесина не выдержала и переломилась. Но, опрокинувшись на спину, Андрей не стал подниматься, а, наоборот, вытянулся во весь рост. Земля на открытой и продуваемой всеми ветрами луговине хорошо просохла, и лежать на густой, давно не кошеной траве было мягко, удобно. С минуту Андрей противился дремоте, памятуя, что еще недалеко отошел от места пиршества хищников, но усталость и бессонные прошлые ночи взяли свое. Засыпая, он вспомнил, как называется сооружение, возле которого он лежал, и мысленно сквозь забытье несколько раз произнес это выплывшее из детства слово: «Стожары, стожары...»

***

Он и во сне продолжал идти. Но только это уже была не лесная дорога, а какой-то бесконечный извилистый коридор с множеством дверей и ответвлений. За каждой дверью оказывался новый коридор с такими же дверями, и ему никак не удавалось найти выход из этого лабиринта. Потом ему навстречу стали попадаться какие-то люди, и он мучительно вглядывался в их лица, стараясь угадать, который из них Павел... Но люди все были незнакомые, да и смотрели они на Андрея враждебно, даже угрожающе. В конце концов ему стало страшно, и он вынужден был бежать от них и прятаться...

Очнувшись от сна, он еще долго не мог избавиться от чувства неловкости и тревоги. Когда же его сознание окончательно прояснилось, он озабоченно посмотрел на хмурое небо. Оно начинало тускнеть, предвещая наступление очередной ночи. Неужели снова предстоит ночь под елкой?.. Но до полной темноты еще можно было пройти немалое расстояние, и Андрей, опираясь на самодельный костыль и щадя больное колено, пошел через поляну, держа направление на просвет между деревьями, указывавший на продолжение дороги. Он решил, пока есть силы, держаться этой спасительной соломинки.

Дорога все так же тянулась вдоль густых зарослей тайги, сквозь которые редко удавалось заглянуть дальше какой-нибудь полусотни шагов. Почти в сумерки стал пригляды-

вать Андрей место для очередного ночлега. Теперь он это делал с большей расчетливостью, учитывая прошлые ошибки и стараясь избежать лишних неудобств. Прежде всего, надо укрыть убежище от пронизывающих ветров. Лучше, если это будет какая-нибудь ложбинка с уклоном в подветренную сторону. И нужно как можно толще сделать хвойную подстилку, чтобы не добирались до тела сырость и холод земли. Если позволит время, надо будет нарубить жердей для навеса на случай дождя...

Дорога пошла под уклон, и Андрей опять с замиранием сердца подумал: «А вдруг это спуск к реке?» Но это был довольно глубокий овражек с ручейком на дне. Как и все предыдущие, попадавшиеся ему на пути, он бежал слева направо. Ручейки эти питало болото, вдоль которого пролегала дорога. Слева - болото. А справа?.. Неожиданная догадка, мелькнувшая в отупевшем от изнурения и постоянного нервного напряжения мозгу, заставила Андрея остановиться.

Итак, болото - слева. Из него вытекают ручьи. Много ручьев - за эти дни он перешел их десятки. Куда они текут? Не могут же они пропасть в тайге бесследно или все время быть просто ручьями... Река? Ну, конечно же: справа - река! Она где-то, может быть, совсем рядом, и он столько времени идет вдоль нее... Прозрение было столь окрыляющим, что Андрей едва тут же не бросился в глубину леса на поиски реки. Но горький опыт скитания последних дней остановил его и заставил взяться за подготовку очередного ночлега. Надо дождаться утра, оно мудренее.

***

Этой ночью Андрей спал урывками. Холод донимал его не намного меньше, чем во время первых ночевок, хотя он и предпринял все, что мог, ограждая себя от ветра и сырости. Не давала ему покоя и мысль о завтрашнем дне: выведет ли ручей к реке? И Нюба ли это? Но если даже и она, то как найти место, где он покинул Павла? Спускаться вниз по ее течению или идти вверх? А когда он его найдет, сможет ли спасти?..

Едва забрезжил рассвет, Андрей стал готовиться в путь. Он переобулся, расправив складки шерстяных носков, набившие кровавые мозоли, туго замотал носовым платком сильно распухшее колено. Потом вырубил новый, более удобный костыль и, чтобы погасить участившиеся приступы голода, заставил себя сделать несколько глотков воды из ручья, по течению которого он собирался сегодня ориентироваться в поисках реки.

Как он и предполагал, его берега были в зарослях ивовых кустарников, и пробираться сквозь них с больной, негнущейся ногой оказалось настоящим мучением. Пришлось, рискуя потерять ручей из вида, отойти от него и двигаться верхом, петляя вокруг непроходимых хвойных зарослей. Такая ходьба сильно изнуряла, и приходилось часто останавливаться.

А время шло. Позади остались десятки замысловатых изгибов русла ручья, а конца ему все не было. Густой лес закрывал обзор и не давал возможности спрямить путь. Около полудня Андрей почувствовал, что силы вот-вот покинут его окончательно и, дотащившись до поваленного ветром дерева, сел на него, прислонясь спиной к мощным обнаженным корням, обмытым добела дождями. Он сидел, отрешенно глядя на окружавшую его тайгу, и лениво перебирал в памяти события последних дней. Сколько ошибок им наделано за это время! И почти любой из них можно было избежать, пораскинь он хоть маленько мозгами без горячки и паники... Больше других ему не давал покоя вопрос: как он умудрился заблудиться в такой ответственный момент, когда товарищу нужна была его помощь? Ему представилось, как Павел, слабый и беззащитный, лежит под открытым небом, пронизываемый ледяными ветрами, и сердце у него обливалось кровью. «До конца жизни мне не замолить греха своего!» - в приступе отчаянья корил себя Андрей.

Но пора было идти дальше, и он стал медленно и осторожно, боясь потревожить затихшее было колено, спускаться с дерева. Едва он свесил с него ноги, как его что-то насторожило. Он еще не понимал, в чем дело, но в окружавшей его обстановке явно произошла какая-то очень существенная перемена...

Андрей закрутил головой, озираясь по сторонам. Тайга все так же хмуро молчала, лишь изредка пошумливая вершинами деревьев. Верховой ветер дул порывами, почти не проникая в нижний подлесок. Но именно эти редкие дуновения и заключали в себе причину внезапного беспокойства Андрея: ветер принес запах дыма!

Все еще опасаясь потерять из виду ручей, он заковылял вдоль него, жадно втягивая носом воздух. Смолистый древесный дымок несло именно оттуда, куда бежал ручей! Где-то совсем близко топилась печь или горел костер! Мысли беспорядочным роем носились в голове Андрея, пока он из последних сил продирался сквозь заросли кустов и бурьяна.

Лавируя между деревьями, он жадно всматривался вперед, отыскивая взглядом этот спасительный дым, который уже настолько сгустился, что его голубоватые струйки были хорошо заметны на серо-зеленом фоне леса.

***

Буквально вывалившись из ельника на чистую полянку, оказавшуюся и впрямь берегом реки, Андрей растянулся во весь рост, сильно ударившись больным коленом о скрывавшийся в траве пенек. Вскрикнув от острой боли, он на какое-то мгновение потерял сознание, а когда тьма перед глазами рассеялась, попытался подняться. Это ему удалось с трудом и только при помощи самодельного костыля, с которым он теперь не расставался.

Самой реки пока еще не было видно, но по обрывистой береговой кайме, вдоль которой горбились подмытые водой деревья с полуобнаженными корнями, он понял, что она совсем рядом. Но где же костер, где люди?..

Подойдя ближе, Андрей увидел полоску воды, стиснутой крутыми глинистыми берегами, а за ней на небольшой полянке - зыбкие струйки дыма, мотавшиеся из стороны в сторону. Костер был сложен из мелких неровно наломанных сучков. Он уже почти прогорел, хотя отдельные язычки пламени еще вырывались наружу из кучки обугленных головешек.

Ни на поляне, ни под берегом никого не было. Надеясь, что хозяева костра отошли от него ненадолго, например, за дровами, Андрей стал ждать, вглядываясь в противоположный берег. Река в этом месте была такой же бурной и полноводной, как и там, где они с Павлом предприняли роковую попытку перейти через нее по березе. Но здесь ни справа, ни слева, насколько хватал взгляд, никаких признаков переправы не было... Андрей начал беспокоиться, что к костру так никто и не вернется. Сложив руки рупором, он стал кричать:

- Эй, кто-нибудь! Лю-юди! Эге-гей!..

Голос плохо слушался, срывался. От перенапряжения в горле запершило, и с минуту все тело содрогалось от сухого кашля. На другом берегу все так же было безлюдно. Решив, что его слабый крик относит ветер, Андрей переждал его порывы и закричал снова:

- Эге-гей! Кто-нибудь! Лю-юди!..

Но где же они? Неужели действительно ушли, не загасив костер? Но настоящие таежники, как утверждал Павел, этого не допустят, а охламонам в такой глуши делать нечего.

И тут он внезапно разглядел контуры человека, прятавшегося за густыми, хотя и лишенными листьев, кустами, росшими неподалеку от костра. Наверно, он там стоял давно, с того момента, когда Андрей с шумом и стонами вывалился на берег. Испугался? Но теперь-то он видит, что перед ним едва живой, беспомощный человек, - почему же продолжает прятаться?.. Андрей шагнул еще ближе к кромке речного берега и закричал, уже обращаясь к скрытно наблюдавшему за ним незнакомцу:

- Эй, товарищ! Я заблудился... Мне нужна помощь...

На том берегу некоторое время была тишина, потом послышалась грязная брань, и на поляну вышел заросший щетиной мужчина в сильно поношенном темно-синем бушлате. На ногах у него были не резиновые, а короткие кирзовые сапоги, на голове - кепка «финка» с козырьком. Сквозь дыры в заляпанных грязью штанах можно было даже из-за реки разглядеть худые жилистые ноги. Бушлат рыжел подпалинами ваты - признак того, что его хозяин не одну ночь коротал у костра...

- Чего разорался, твою мать?.. - снова выругался незнакомец и, шагнув к костру, достал из него что-то круглое, дымящееся. Перекатывая из руки в руку этот черный кругляш, он опасливо огляделся по сторонам и прокричал: - Я тебе не помощник, выкарабкивайся сам!

Андрей видел, как его руки давнули кругляш, и тот, сверкнув желтовато-белым разломом, исчез во рту незнакомца. «Наверно, это печеная картошка», - подумал Андрей и почувствовал, как скулы сводит голодной конвульсией. Все его тело, казалось, пересохло, атрофировалось и стало чужим, мертвым, и только тупая боль под ложечкой говорила о том, что оно еще живо и настоятельно требует пополнения запасов растраченных сил. В изнеможении Андрей снова опустился на землю. Нет, он не стал клянчить еду у этого оборванца.

- Как отсюда выйти к людям? - крикнул он, немного погодя.

- А я почем знаю? - ответил незнакомец, выкатывая из костра очередную картошину. - Мне к ним не надо.

Андрей начинал понимать, с кем имеет дело. Понял он и бесполезность разговора с

этим бродягой. Но на всякий случай спросил:

- Речка, не знаешь, как называется?

- А хрен ее знает, - отмахнулся незнакомец, вытирая ладони о бушлат и деловито затаптывая костер. Потом он вытащил из-за кустов новенький, сильно диссонирующий с его неряшливой внешностью, рюкзак и, поглядев на Андрея, хрипловато хохотнул:

- Давно по тайге-то гуляешь?

Андрей промолчал, давая понять, что не хочет вступать в пустые разговоры.

- Гордый, стало быть? - снова хохотнул бродяга. - Ну, валяй, может, и выкарабкаешься...

И вскоре его сутулая фигура скрылась в гуще леса.

Андрей сидел, отрешенно глядя на несущиеся мимо него воды реки. Нюба это или не Нюба? Если она, тогда ему надо идти вниз по течению. По его предположениям, он все эти дни, сам того не зная, двигался параллельно реке, уходя от того места, где оставил Павла. И он решил, не теряя времени, пока еще светло, идти на его поиски.

***

Ему снова пришлось повторять вслед за рекой все ее бесчисленные повороты, петлять между зарослями ивняка, обходить перекрестья завалов и преодолевать вброд впадающие в нее бойкие, а порой и довольно полноводные ручьи. Выбиваясь из сил, он присаживался на облюбованную им заранее валежину, переводил дыхание, а потом снова упорно устремлялся вперед.

Дело продвигалось медленно. Поглядывая на небо, Андрей мысленно прикидывал, когда приступать к подготовке очередной ночевки. Теперь она его страшила меньше - почему-то близость реки действовала успокаивающе: все-таки перед глазами был кое-какой обзор, и тайга уже не так безысходно давила на сознание своим неприветливым мраком.

Как на зло, по берегам реки преобладал жидкий ивняк, и на глаза не попадалось добротного хвойного древостоя, годного для устройства шалаша или хотя бы на лапник для подстилки... Пройдя еще с километр, Андрей, так и не облюбовав себе удобной стоянки на берегу, решил-таки немного отклониться от реки. Но едва он сделал несколько десятков шагов в сторону лесной чащи, как вынужден был остановиться: на глаза ему попалась тропа, четко обозначенная в зарослях густой, перевитой ветрами травы. Она вилась между деревьями глубокой ложбинкой, припорошенной опавшей листвой. Трудно было определить, как давно по ней ступала нога человека, но то, что люди ею часто пользовались, подтверждало многое. На глаза Андрею, например, сразу же попалась скомканная, сильно выцветшая пачка из-под сигарет. Чуть подальше в кустах на ветру трепетал обрывок целлофанового пакета...

И Андрей решительно направился по тропе, теперь уже не сомневаясь в том, что она его непременно куда-нибудь выведет. Он уже мало заботился о том, чтобы не отходить далеко от речного берега, ибо тропа шла именно в том направлении, куда устремлялась и река. А уже совсем под вечер она вдруг и вовсе выбежала к воде.

Присев в очередной раз отдохнуть, Андрей устало смотрел на простиравшуюся перед ним панораму. Река здесь протекала мимо крутого, почти обрывистого берега, плавно огибая его и устремляясь вдаль, где делала поворот, образуя широкую заводь, красиво обрамленную густыми зарослями кустов и деревьев, сгрудившихся возле самой воды и живописно отражающихся в ней. И тут Андрея что-то насторожило - ему вдруг показалось, что он уже когда-то здесь был... Присмотревшись к береговому откосу, он заметил рельефные вмятины человеческих следов: кто-то в резиновых сапогах, оставлявших ребристые отпечатки, не так давно спускался к самой воде. Нет, не только что и, пожалуй, не сегодня - следы были слегка размыты. Значит, до дождей, донимавших Андрея все эти дни. А это что за вмятины рядом? Ба! Да это же собачьи следы...

Андрей еще раз внимательно всмотрелся в открывавшийся перед ним пейзаж, и все еще плохо веря в случившееся, пошел туда, где ожидал увидеть избушку. Нет, он не ошибся - вот он, их романтический приют, где они с Павлом и Диком провели такую незабываемую ночь!

***

Избушка была пуста и, судя по всему, ее никто после них не посещал. Андрей вспомнил, что Павел, соблюдая закон тайги, оставил на полке полпачки вермишели, соль и подсыпал сахару в банку, в которую кто-то до них положил горсть конфет. Все это оказалось нетронутым. Более того - пошарив в темноте, Андрей нащупал на той же полке несколько сухарей, огарок свечки, пачку чая и несколько луковиц. Но особенно он обрадовался, когда

в его руке прошуршал спичечный коробок. Андрей тряхнул его и убедился, что он почти полон. Это было спасение! В печурке вскоре запотрескивали сухие, заготовленные загодя им с Павлом дрова, а еще через десяток минут в черном от копоти и помятом чайнике закипела вода. Андрей снял его с печки и густо заварил чай.

Искать кружку сил уже не было, и он, высыпав на стол из жестяной банки сахар, налил туда заваренного кипятку. Дожидаясь, пока он остынет, прилег на топчан. Монотонное потрескивание дров в печке, быстро наполнившее избушку тепло и неимоверная усталость, накопившаяся за время его блужданий по тайге, быстро сделали свое дело, и Андрей мгновенно отключился, не успев сделать и двух глотков...

Разбудил его холод, но он долго не открывал глаз, стараясь удержать окутывавшую его дрему и еще не осознавая, что лежит не под елкой, как в прошлые ночи, а в избушке, в двух шагах от остывающей печки, и стоит только подкинуть в нее дров, как это сладостное состояние сна и покоя вновь овладеет им, возвращая изнуренному телу растраченные силы...

Понемногу реальность стала доходить до его сознания. Постанывая и прикусив губу, Андрей с трудом спустил ноги на пол и нагнулся к печке. К счастью, в ней еще были горячие угли, и огонь вспыхнул тотчас же. Тонкие металлические стенки, быстро накалившись, заструили размягчающее тепло, и Андрей снова слег, не имея сил заняться приготовлением пищи...

Нарастала ломота во всем теле. Потом заложило нос, и появились приступы сухого кашля, сопровождавшегося острой болью в горле. Временами сон Андрея стал переходить в горячечное забытье, его начали мучить бредовые видения. Озноб сменялся жаром, появлялась сильная жажда, болела голова...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Беда не по лесу ходит, а по людям».
В.И.Даль

В очередной раз очнулся он, когда уже был поздний вечер. Еще не открывая глаз, услышал рядом с собой голоса. Говорили двое. У одного голос был старческий, надтреснутый, у другого - басовитый, рокочущий.

- Ничо, ничо, - частил старик, - переспишь на полу. Лапничку накладешь поболе и переспишь, ничо с тобой не будет. А то давай вместе ляжем?.. Только ты вон какой, а топчан короткий...

Печка была жарко натоплена. Пахло табачным дымом, колбасой и луком. С трудом повернув голову в сторону голосов, Андрей приоткрыл глаза. В дымном полумраке на втором топчане сидели незнакомые ему люди. На старике топорщилась выгоревшая до неопределенного цвета болоньевая куртка, на голове - некогда белая, а теперь потерявшая цвет и форму, шляпа из сетчатого капрона. Второй был помоложе, но рельефные морщинки у глаз и на лбу говорили о том, что и у него за плечами с полсотни лет отнюдь не безоблачной жизни. Незнакомцы, видимо, только что перекусили с дороги и теперь отдыхали, лениво переговариваясь. Заметив, что Андрей открыл глаза и пошевелился, старик, обращаясь к нему, укоризненно пошутил:

- Што, дома-то молодая жена, поди, спать не дает, дак в тайгу прибежал?

Второй мужик презрительно стрельнул окурком в порог и пробасил:

- Не спать она ему не дает, а водяру жрать. Вон, видишь, никак очухаться не может. Нашли место сабантуи устраивать - только тайгу поганят!..

У мужика были широченные плечи и ладони чуть не с тот чайник, что как раз закипал на печурке. Старик примирительно возразил:

- Ну, это когда канпаниями, тогда боле безобразят...

Андрей сделал над собой усилие и попытался что-то сказать этим людям в свое оправдание, но внезапно его начал сотрясать сухой кашель. Грудь зажгло огнем... Старик насторожился, привстал на ноги.

- Э, Ваня, а парень-то, кажись, того... шибко болен.

Он наклонился над Андреем, потрогал его лоб.

- Э, Ваня, - повторил он встревожено, - у парня голова жарче вон энтой печки... И не пьяный он, зря ты...

Мужик, которого старик называл Иваном, порывшись в рюкзаке, достал фонарик и

посветил на Андрея.

- И правда с парнем что-то неладное, - согласился он после беглого осмотра. - Гляди, какой он приморенный... И оборвался весь... Не охотник вроде, ни ягодник...

- То-то и оно, Ваня! Ни рюкзака, ни пестеря при нем...

- Топорик, вон, под боком...

Андрей, опережая новый приступ кашля, торопливо прохрипел:

- Заблудился я... Товарища бросил... больного... Спасать надо, искать!..

Прокашлявшись, сбивчиво пояснил, как попал в тайгу и что случилось дальше. Слушая его, старик сокрушенно качал головой. Потом спросил:

- А товарищь-то твой кто будет?

Услышав имя, расстроился:

- Паша? Как не знать! Мы ить с ним в энтой избе не раз ночевывали... Охотник, как же! Так где, говоришь, вы с ним расстались?

Но Андрей последних слов уже не слышал - черная пелена небытия вновь заволокла его сознание, и он погрузился в тягучий бредовый мрак.

***

Первое, что он почувствовал, снова приходя в себя, была приятная прохлада на разгоряченном лбу. Рука нащупала мокрую тряпицу, аккуратно сложенную в несколько слоев. Старик был рядом и что-то размешивал деревянной ложкой в эмалированной кружке. Заметив, что Андрей открыл глаза, он кивнул ему и приказал:

- На-ка вот, хлебни! Это вроде микстуры будет. Аптеки тут поблизости нету, так мы уж тебя - чем Бог послал...

Что-то терпко-горьковатое с привкусом хвои и перца долго оставалось на губах после нескольких глотков старикова пойла. Желудок воспротивился было такому угощению, но потом вдруг как-то умиротворенно обмяк, затих. Вновь объявился волчий аппетит, и Андрей тихо попросил:

- Пожевать бы чего-нибудь... Четвертые сутки... крошки не было...

- Четвертые? - переспросил старик. - Ну, энто тогда еще ничего. На-ка вот, поклюй маненько.

И он заскорузлыми пальцами отколупнул от разрезанного вдоль и густо намазанного маслом батона кусочек с детскую ладошку.

- Энто - для начала, - пояснил он, пряча бутерброд в мятую газету. - Опосля еще получишь.

Дедово питье и тщательно пережеванный ломтик батона только еще сильнее раззадорили желудок, но Андрей понимал, что иначе нельзя, что надо потерпеть, иначе могут быть нежелательные последствия для организма. Да и не мог он претендовать на чужие припасы - люди ведь брали с собой в дорогу самый минимум, на таких, как он, нахлебников не рассчитывали... Старик, дождавшись, когда он прожует, уточнил:

- Где, говоришь, Пашку-то оставил?

Где искать Павла, Андрею удалось объяснить не сразу. Он, как мог, рассказал, где они ночевали, где клюкву собирали, как через реку переходили. Говорил сбивчиво, перескакивая с эпизода на эпизод, многое упуская как неважное. Ничего, например, не сказал о страшной находке на болоте, рассудив, что незачем отвлекаться на мертвых, когда надо срочно спасать живого. При упоминании березы, по которой они собирались перейти Нюбу, старик охнул и, хлопнув себя ладонью по колену, воскликнул:

- Дак то ж их к устью Лупьи леший понес! Там, поди-ка, лет пять никто не ходит...Правда, той дорогой ближе будет, энто верно. А березу ту мы с Иваном давным-давно завалили, вся уж иструхла... Паша должон был знать, чего поперся?..

Молчавший до тех пор Иван, громко зевнув, подытожил:

- На ночь глядя в тайгу переться не резон. Давай укладываться, а завтра с утра за Пашкой двинем - если за это время не окочурился, одну ночь как-нибудь перетерпит.

- И то верно, Вань! - обрадовано одобрил старик. - Леший с ней, с клюквой, в следующий выходной сходим - она за неделю-то в самый раз поспеет...

Избушка еще долго была наполнена разными звуками - потрескиванием дров в печке, хрустом свежего лапника, принесенного Иваном и брошенного на пол между топчанами, покряхтыванием и причитаниями старика, укладывавшегося на узком и коротком топчане. Но до Андрея все это уже долетало как бы издалека. Убаюканный надеждами на завтрашний день, согретый теплом людского участия в своей беде, он погрузился в целительное забытье, впервые за последние дни позволив себе полностью расслабиться.

***

Утром первым поднялся Иван. Видно, он и ночью вынужден был не однажды вставать и обихаживать печку, потому что осенний холод подбирался к нему с улицы раньше, чем к лежавшим на топчанах. Сознание Андрея долго выпутывалось из болезненно-бредовой дребедени. Не сразу он вспомнил и подробности вчерашнего дня, детали разговора со стариком и его спутником. Но самое главное мозг держал крепко: надо идти спасать Павла!

Тело, все еще сонное и какое-то чужое, больше не ныло, не отзывалось, как вчера, тупой болью на каждое движение. Андрей обрадовался, когда не обнаружил в себе ни былой немощи, ни озноба, ни жара. «Вот что значит нормальный сон в человеческих условиях!» - подумал он удовлетворенно. Но тут же вспомнил свою первую ночь, проведенную на этом же топчане, и изумился такой крутой перемене в своем восприятии одной и той же, по сути, ситуации: ведь тогда он не столько спал, сколько ворочался, приспосабливаясь к непривычным для него условиям, и потом весь день, шагая вслед за Павлом, чувствовал себя совсем разбитым...

Видя, что уже и старик, потягиваясь и зевая, сует ноги в сапоги, Андрей тоже решил подняться. Но стоило ему развернуться на топчане и упереться ногами в пол, как ушибленное колено напомнило о себе нестерпимой болью... От старика не ускользнула страдальческая тень, промелькнувшая на лице Андрея.

- Што, парень, - спросил он, пристально вглядываясь в его глаза, - не отпустила тебя еще твоя хворобушка? Ничо, ничо! Тайга ходьбой долечит: пропотеешь, и как рукой снимет. Я смолоду, бывало, никаких лекарствов не признавал, все тайгой лечился. Она, родимая, лучше всякого санатория или курорта.

Потом он присмотрелся к Андреевым сапогам и заохал:

- Эк, парень, ты обносился-то... В такой обувке далеко не утопаешь. Ну-к, подай бродни, может, залатать смогу...

Андрей нагнулся было к сапогам, лежавшим на полу, но острая боль опять обожгла колено, заставив его поморщиться и охнуть. Осторожно, не сгибая ноги, он дотянулся до сапог и протянул их старику. Тот все это время внимательно наблюдал за Андреем, и лицо его мрачнело.

- А ты, видать, не ходок сегодня, - подытожил он, принимая сапоги. - Што с ногой-то?

И не дожидаясь ответа, потребовал:

- Ну-к, дай гляну...

В полумраке, царившем в избушке, освещенной лишь узеньким, в одно бревно, окошком, старик долго и придирчиво разглядывал колено, осторожно щупал опухоль и цокал языком:

- Не-е, не ходок ты, парень, не ходок... - подтвердил он свой диагноз, отходя от Андрея. - Тебя и самого-то выручать надо, как и Пашку... На такой ноге далеко не упрыгаешь...

Помолчав, повернулся к Ивану:

- И одного здесь оставлять нельзя - что дитя малое, пропадет... Видно, Ваня, одному тебе за Пашкой идти. А я тут с ним побуду, попробую подлечить.

- Ну, одному так одному, - пробасил сговорчивый Иван, укладывая в рюкзак свои пожитки.

Андрей, обескураженный, сидел на топчане, гладил рукой колено и виновато поглядывал на своих новых знакомых. Он понимал, что ему действительно не преодолеть с больной ногой того пути, на который у них с Павлом ушло более суток. И хотя наверняка есть какая-нибудь более короткая дорога, однако легкой она все равно не будет. Но его постоянно терзало чувство вины перед брошенным им на произвол судьбы товарищем. Да и этим людям он доставляет столько хлопот...

- Может, как-нибудь дошкандыбаю?.. - неуверенно возразил он, не поднимая глаз на старика.

Тот только рукой махнул и пошел вон из избушки вслед за только что неуклюже вывалившимся наружу громоздким Иваном. Там они еще несколько минут поговорили о чем-то, а потом старик вернулся и захлопотал возле печки, приговаривая:

- Ничо, ничо, парень, оклемаешься, молодой ишшо. На тебе, как на собаке, все зарастет, вот помяни мое слово!

Для Андрея он сварил завтрак отдельно, сдобрив вермишелевую похлебку парой ложек говяжьей тушенки. Затем они оба попили ароматного чая с привкусом смородинового листа и зверобоя. И хотя полного комфорта Андрей при этом не испытал, однако сытый

желудок и теплый уют лесной избушки подействовал на него исцеляюще. Лежа на топчане, он все смелее отдавался чувству полноты жизни, уверенности в своих силах и в благополучном исходе всей этой нелепой истории с его попыткой стать охотником. Теперь ему уже не приходилось мучиться над вопросом, правильный ли выбор им сделан: конечно, он поступил необдуманно скоропалительно. Просто от него до сих пор был скрыт истинный смысл этого увлечения, его глубинная суть. В унисон этим мыслям Андрея звучала и болтовня старика, колдовавшего над примочкой для его больного колена.

- Тайга, парень, чужаков не любит, - говорил он, заворачивая в лист лопуха несколько стебельков крапивы и еще каких-то травинок, собранных им вокруг избушки. - К ней надо привыкнуть, приноровиться, тогда она - добрая. Я вот слыхал, что человек, ежели его в детстве не научить говорить, то он всю свою жизнь немтырем и останется. Так вот и с тайгой - с ней надо с малолетства подружиться. Чужака она не примет, он в ней пропадет, а своего - и прокормит, и укроет, и подлечит. Ты вот, не попади тебе на пути энта изба, так наверняка с голоду да с холоду окочурился бы. Уж это я знаю! Сколько в ней, тайге-матушке, народу сгинуло, и не приведи Господь!.. Как вспомню довоенные годы, когда к нам сюда с юга раскулаченных эшелонами везли, так сердце кровью обливается. Вот уж на кого и патронов тратить не надо было - как мухи мерли!.. А когда меня самого в тридцать седьмом прихватили, то энта самая привычка к лесу, считай, и спасла... За что прихватили-то? А так, ни за что. До плана, должно быть, у них не хватало... Они ведь с такими, как я, не шибко-то объяснялись. Все бумагу какую-то под нос совали - подпиши, дескать! А я был неграмотный вовсе и не подписывал: мало ли, говорю, чего вы там понаписали. Потом узнал, что донос на меня был, а от кого и по какому такому случаю, я и по сию пору не ведаю... Так вот они меня пару месяцев промурыжили, а потом набили нами, горемыками вроде меня, цельный эшелон и повезли по воркутинской дороге. В диком лесу вытряхнули из вагонов и велели строить бараки. А дело-то зимой было, в трескучие морозы... В общем, мало кому из тех, кто строил, довелось пожить в тех бараках - на вырубках так и остались...

Старик помолчал с минуту, потом, вздохнув, прибавил:

- Тогда всюду только и слышно было: человек - звучит гордо! А фактически стоили мы там, на зоне, не дороже тараканов. Нашего брата, знаешь, как хоронили? Зароют и столбик с номером поставят, а кто ты такой, откуда родом - про это в особой тетрадке записывали. И вот, помнится, перед самой войной какую-то комиссию ждали. Начальство переполошилось, стало бабки по покойникам подбивать, да, видно, перебор у них получился, лишку, стало быть, народу поуморили. Они тогда давай энти столбики выдергивать и тетрадки жечь. А на том месте, где могилы были, овес посеяли. Вот тебе и «звучит гордо»...

Накладывая на больное колено травяной компресс и приматывая его бинтом, старик ни на минуту не умолкал, не требуя, однако, от Андрея участия в этой неторопливой рассудительной беседе.

- Почитай, три года на зоне продержали, а потом вроде как амнистировали, и не то чтобы вчистую, а как бы авансом, и отправили на фронт - вину кровью искупать. А какую и перед кем, так и не сказали... Да-а... Опять же, ежели так-то рассуждать, то и деревенскому человеку в городе нешибко глянется. Но там ишшо можно пообвыкнуть: с голоду помереть не дадут и крыша от ненастья найдется. Однако душа все равно будет не на месте, по себе знаю... Я ить до шестидесяти годов в деревне жил, а как на пензию-то спровадили, так меня Митрий, сын то есть, сразу к себе в город взял, уговорил: хватит, говорит, тебе, батя, крестьянским трудом спину горбатить, поживи, говорит, на старости лет со всеми удобствами. Оно, конечно, удобствов энтих в городе много, да с непривычки они как-то и не в радость поначалу...

Закончив бинтовать, спросил:

- Не туговато?

И, отойдя к своему топчану и усевшись на него, продолжал:

- Удобствов в городе, што говорить, хватает. Только от них на баловство тянет трудового человека, вот беда-то в чем!.. Взять моего же Митрия, сына то есть, у которого я жить-то стал. Придет он с работы, то, се по дому сделает, а дальше что? На телевизор глаза лупить? Это здоровому мужику разве занятие? Вот и начинают они от безделья беситься, веселья искать. А веселье энто - за углом, в гастрономе, в стеклянную бутылку закупорено... Небось, если бы в деревне своим хозяйством жил, так нашел бы, чем заняться!

Старик поглядел на часы и предположил:

- Ваня, должно быть, уже к Красному бору подходит... Надежный мужик, кремень! Свояк он мне, а люблю, как родного. Хотя, конечно, к Митрию душа больше лежит, потому

как - родная кровь. Опять же - больное дитя завсегда бывает жальче. А пьянка - это такая болезнь, что не приведи Господь! Верно говорят, что меньше в море утонуло, чем в энтой проклятой водке...

Тем временем старик достал из своего рюкзака тюбик клея «Момент» и занялся Андреевыми броднями, что, однако, не мешало ему продолжать свой монолог.

- Ваня-то тоже одно время в города подавался. Ручищи-то у него, видел, какие? А карахтер - дай Бог каждому: незлобивый, обходительный, хотя и мягковат... Вот и Митрия не осуждает, а жалеет. Уж я как его упрашивал: повлияй на сына, не дай ему пропасть!.. А он: у всякого своя судьба... Но вот, небось, Пашку-то пошел спасать, не бросил в беде... А почему бы за Митрия не взяться, не вытащить его из пьяного омута?.. Жить бы мужику да радоваться, а он все горькую не бросает... Жена ушла, дочку чужой человек воспитывает... Старуха-мать вся извелась, Бога, глупая, молит: хоть бы, говорит, прибрал он его, чем так мучиться!

Задумавшись, старик приумолк. Решив, что он дремлет, Андрей тоже закрыл глаза и попытался уснуть. Но сон не шел. В голову лезли невеселые мысли.

«Чужак...» Это, конечно, сказано о нем, об Андрее. Никогда он еще не испытывал такой беспомощности перед обстоятельствами, нагроможденными на его пути нелепой случайностью. Такой сильный и уверенный в себе там, в городе, в привычной среде, здесь он вдруг потерялся, почувствовал себя полным ничтожеством. Перед ним как бы открылся совершенно новый, незнакомый ему доселе мир, населенный какими-то особенными людьми с их необычной натурой, житейской философией. Им ничего не стоит пройти десятки километров через лесные буреломы, топкие болота, заночевать в тайге в одиночку. Они прекрасно ориентируются в непроглядной глухомани, знают потаенные тропы, умеют укрыться от ненастья, добыть пищу, залечить раны... Словом, это люди, сохранившие в себе изначальную связь с природой, близкие к ней по внутренней сути своей и укладу жизни. И Павел - один из них: нелюдимый, замкнутый в городской суете, он преображался, попадая в стихию, живущую по родственным его душе законам.

Впрочем, от таких, как он, не меньше проку и там, где так уютно чувствует себя Андрей: у него золотые руки, и на нем и на подобных ему мудрых молчунах обычно держится добрая репутация коллектива. Андрей вспомнил, что каждый день, идя на работу, он видел портрет Павла на заводской Доске почета. Хорошо зная, как туда порой подбираются кандидатуры, поначалу смотрел на этот факт как на проявление обычного формализма: дает парень план, ну, и, стало быть, достоин. Но теперь и ему стало ясно, что есть в этом человеке много такого, чем он выделяется из общей массы. «А я? Чего я добился такого, чем можно было бы гордиться, поставить себе в заслугу? - мысленно бичевал себя Андрей, лежа с закрытыми глазами. Ему хотелось думать о себе пообиднее: - Подумаешь - начальник цеха! Не такая уж и невидаль на четвертом десятке лет от роду. Аспирантуру бросил, кандидатскую не защитил...»

***

Андрей прервал свои невеселые думы и насторожился. Его внимание привлекли какие-то странные звуки, доносившиеся из-за двери избушки. День еще не угас, а кто-то снаружи, казалось, никак не может нащупать щеколду и все шарит, шарит по шершавым не струганным доскам руками... Старик уловил этот шорох чуть позже Андрея и некоторое время с опаской смотрел на дверь.

- Скребется, кажись, кто-то... - проговорил он, наконец, вполголоса.

Тем временем Андрей заставил себя подняться и подкинуть в печурку пару сухих поленьев. Когда они вспыхнули ярким пламенем, осветив избушку, толкнул дверь ногой.

Он ничего не успел сообразить, как через порог перекатился и с радостным визгом кинулся к нему на грудь вертлявый шерстистый комок. На своих щеках, на лбу и даже на губах Андрей почувствовал горячие прикосновения влажного и шершавого собачьего языка... Едва он отделался от потрясения, как пес уже проделывал ту же процедуру со стариком, с трудом удерживавшимся на ногах под напором его восторженных наскоков.

- Дик? Неужели - Дик? - изумленно спрашивал Андрей, разглядывая неожиданного пришельца. А тот, услышав свое имя, снова обратил на Андрея весь жар своей собачьей радости.

- То-то и есть, что он самый, - смеялся старик, вытирая рукавом лицо. - Ишь, обрадел, дурак мохнатый, всю рожу обслюнявил.

- Но откуда он здесь? - недоумевал Андрей, не зная еще, радоваться ему или тревожиться. - Почему он здесь? А где Павел? Они что... вместе пришли?..

- А леший их знает, - пожимал плечами старик, утихомиривая Дика. - Ну-к, ты, шельмец, брысь! Неча, неча лизаться. Где хозяина-то бросил? Да уймись ты, псина стоеросовая!

В наступившей на миг тишине за порогом распахнутой настежь двери послышались легкие шаги, и просвет загородила щуплая мальчишеская фигура.

- Здрасте! - сказала фигура, шмыгнув носом, и перешагнула порог.

Старик шлепнул себя ладонью по колену и тихонько присвистнул:

- Да ить это ж Ленька Синюхин, сосед мой по подъезду! Здорово, здорово, малый! А батя твой где же, аль отстал от тебя? Ну-к, проходи, рассказывай, где вы энтого живоглота подобрали?

Парнишке на вид было лет одиннадцать-двенадцать. Скуластенькое в рыжих конопушках лицо его раскраснелось от ходьбы, мокрые волосы прилипли ко лбу. Деловито сняв из-за плеч кузовок, сваренный из небольшой морозильной камеры холодильника, Ленька привычным движением поставил его под топчан и уселся рядом со стариком, внимательно приглядываясь к Андрею. Легко было догадаться, что в избушке этой он не новичок и чувствует себя в ней уверенно.

- Ну-к, так где батя-то? - торопил его старик. - Што долго не видно-то его?

- Так он только завтра придет, - опять шмыгнув носом, объявил парнишка и еще пристальнее посмотрел на Андрея.

- Как - завтра? - опешил старик. - Ты это што же, один, что ли, притопал? Ну-к, давай выкладывай все по порядку.

Парнишка, еще не отошедший от быстрой ходьбы, поминутно смахивал со лба пот и шмыгал носом.

- Да мы сначала-то сюда вместе пошли, а потом встретили дядю Ваню вашего... А он мужика вел... раненого. Ну, папка-то и пошел с ними, помог дяде Ване. А меня с собакой сюда отправили. Я ей колбасы дал - вон какая тощая!..

Старик слушал сбивчивую речь паренька и одобрительно кивал головой:

- Молодец твой папка, молодец! А что, сильно плох тот... ну, которого они повели-то?

Ленька по-взрослому повел плечами:

- С виду - ничего, вполне здоровый, но сам идти не может... Да вот они-то вам лучше могут рассказать, - и парнишка, опять пристально посмотрев на Андрея, умолк.

Старик затряс головой:

- Он рассказывал, рассказывал. Да ить уже почти неделя минула, как они не виделись. А! Ты ж не знаешь, что энтот, - он указал пальцем на Андрея, - по тайге наплутался, чуть сам не сгинул... Я тут с ним едва отводился. А что Пашка-то... ну, тот, которого повели, говорил чего-нибудь?

Ленька поджал губы и, уже не глядя на Андрея, пробурчал:

- Да нет, он все молчал... Дядя Ваня ваш сказал, что его, раненого этого, зэки ограбили, и если бы не Дик, то и убить могли...

- Ограбили? - старик недоверчиво посмотрел на паренька. - Откуда тут грабители? Полно сочинять-то!

- Да-да! - взволнованно подтвердил Андрей, впервые подав свой голос. - Я видел за рекой человека... Такой, знаете... подозрительный, вполне может быть, что беглый заключенный... Прятался от меня...

- Вон что?.. - удивленно протянул старик. - Это, видать, из тех, которые на лето сбегают. Вот ужо похолодает, и явятся назад. Зимой ему в тайге каюк будет. Другой, веришь ли, уже почти всю катушку отмотает, каких-нибудь двух месяцев не досидит, а на лето обязательно норовит сбежать. Их ловят, добавляют срок, но ничего не помогает - воля манит. Вот, помнится, и в тридцатых так же было...

Но Андрей слушал невнимательно, думая о своем. Ему уже было в тягость время, проведенное на топчане с забинтованной ногой, и не терпелось встать и ходить. Завтра же попробует! Надоело быть иждивенцем у чужого ему человека, надоела колючая хвойная подстилка, дымная избушка - все надоело! Завтра же он настоит на том, чтобы ему показали дорогу домой, и он готов отправиться в одиночку.

***

Утром Андрея разбудила негромкая беседа старика с парнишкой. Ленька говорил свистящим шепотом, срывающимся порой на хриплое сипение:

- А он вам разве про это ничего не сказал?

- Про што - про это? - уточнил старик вполголоса.

- Ну, про вашего-то... про дядю Диму?

- Не, не говорил. А што с ним?

Шепот сначала сменился напряженным сопением, а потом парнишка что-то проговорил совсем тихо, наверно, на ухо старику. Андрей его слов не расслышал, но он уже догадывался, о чем сообщал Ленька: оказывается, «Митрий», как называл старик своего сына, и Минька - одно и то же лицо!.. И теперь Андрей ждал дальнейших событий с чувством неловкости и даже какой-то смутной вины перед стариком, от которого он как бы утаил трагическое происшествие с его сыном...

- Как, то есть, уронили? - изумленно переспросил старик, поднимаясь с топчана.

- Ну, я не знаю... - сконфузился Ленька, сообразив, видно, что для старика это известие обозначает нечто большее, чем для его отца и дяди Вани, которым вчера была при нем рассказана история с падением Миньки и Павла в воду.

- Как - не знаешь? - наступал на него старик. - А чего же ты тогда мелешь?!.

Он больше не приглушал своего голоса, явно рассчитывая на немедленное пробуждение Андрея. Андрей сел и, собираясь с духом, глядел то на Леньку, то на ошеломленно топтавшегося посреди избушки старика.

- Я, видите ли, не знал, - начал он, старательно подыскивая слова, - я же только сейчас узнал, что вы - его отец... Я считал, что не обязательно об этом рассказывать всем подряд... Мне очень жаль, что так получилось, вы уж простите, пожалуйста!..

- Да за што прощать-то? Чего ты тянешь? Где он, куда вы его дели? Вы што - пили с ним? О, Господи! Да што же это деется-то?!. То-то, я гляжу, у них беда за бедой: один по тайге плутает, другой весь изуродовался... Ну, а с Митрием-то што, сказывай поживее!

- Зачем вы так? - взмолился Андрей, не ожидавший такого поворота событий. - Я вообще, можно сказать, не пью, только по праздникам... чуть-чуть... А сына вашего мы нашли на болоте, когда клюкву собирали...

- Нашли? - нетерпеливо перебил его старик. - Неужто пьяный на болото поперся?..

- По-моему, - возразил Андрей, - он в тот день больше не пил... Он, правда, просил у Павла, но тот ему не дал. А нашли мы его уже мертвого...

У старика подкосились колени, и он опустился на топчан рядом с Ленькой.

- Как - мертвого?.. Почему? Кто его?..

На этот раз Андрей, хотя и сбивчиво, но подробно рассказал обо всем, что произошло тогда на болоте, и повторил предположение Павла о причине смерти Миньки. Но старик, потрясенный самим фактом утраты сына, продолжал все истолковывать по-своему, не вдаваясь в детали события:

- Как же это - на болоте, а? Мертвым... А? - бормотал он недоверчиво. - А сразу-то не сказал... Нет, тут што-то не сходится... Тверезые, а утопили! Нет, не так што-то, не так!..

Он сидел, упершись руками в колени, и мотал головой из стороны в сторону. Потом вдруг закрыл лицо ладонями и громко всхлипнул:

- Да как же это, Митя?! Неужто старухины молитвы дошли до Бога? Господи, за что ты его, за что? Кому он чего худого сделал?..

Андрей не знал, как вести себя дальше. Ему искренне хотелось утешить старика, успокоить его, но он молчал, понимая, что из него сейчас плохой утешитель. Да и не ведомы ему те слова, которые были бы способны хоть как-то смягчить горе старого человека, потерявшего вместе с единственным сыном все свои надежды, цель жизни и ее смысл...

Встретив на себе отчужденный взгляд паренька, больше не проронившего во время их разговора ни слова, Андрей окончательно пал духом. Нет, ему никогда не найти общего языка с этими людьми... Они его не воспринимают как себе равного, в чем-то постоянно подозревают... Теперь ему казалось, что и выхаживал-то его старик не из сострадания, а по досадной необходимости: хоть ты, мол, и чужак, но не околевать же тебе здесь неприкаянному...

«Как все нелепо вышло с этим Минькой, - подумал он, с сочувствием глядя на замершего в горестной позе старика. - И жил не по-людски, и помер некстати...»

Забыв о своем больном колене, он поднялся на ноги. И только прикоснувшись невзначай к повязке, спохватился и весь напрягся в ожидании боли. Но ее не было! Вернее, она уже не была такой пронизывающей и невыносимой, как еще вчера. Колено сгибалось без особых затруднений, и, прихрамывая, он пошел к двери, возле которой, как и в прошлый раз, лежал Дик. Сообразив, что сейчас будет открыта дверь, он встал на лапы.

- Пойдем, Дик, подышим, - сказал Андрей, выходя наружу.

Пес тотчас же перемахнул через порог и скрылся в кустах.

***

Осеннее пасмурное утро медленно набирало силу, и в густых таежных зарослях, обступавших избушку, еще царил зыбкий полумрак. Вглядевшись в него, Андрей с содроганием вспомнил те дни и ночи, которые ему пришлось провести один на один с такой вот постоянно сумрачной и недружелюбной к нему тайгой. «Ах, скорей бы все это кончилось!»

Андрей долго прогуливался около избушки, не мешая старику выплакать свое горе. Потом решил сходить к реке и бросить на нее прощальный взгляд - что там ни говори, а впечатление от давешней встречи с ее нерукотворной красотой запало ему в душу глубоко и надолго. Но Андрей не сделал и десятка шагов, как из дверей избушки показалось заплаканное лицо старика. Размазывая по щекам слезы и по-детски всхлипывая, он окликнул Андрея:

- Постой-ка, парень! Ты вроде уже совсем оклемался, не хромаешь боле... Христом-Богом молю - пойдем со мной, помоги сына земле предать. Не по-людски это, не по-христиански в воде его оставлять... Одному мне не управиться, не то здоровье стало - восьмой десяток уж небо копчу...

Андрей глядел на старика с нескрываемым удивлением. Что он такое задумал? Как это - предать земле? Ведь за неделю Миньку, если он и всплыл, унесло черт знает куда! Как же они его найдут?..

Но тут ему вспомнился удачный финал вынужденного купания Павла, когда его, обессиленного и разбитого, вынесло течением на отмель. Вот так же и минькино тело, наверно, сейчас притулилось где-нибудь к песчаной косе и смердит помаленьку... При воспоминании о запахе, исходившем от трупа, когда они с Павлом несли его на носилках, лицо Андрея передернула непроизвольная гримаса брезгливости. Старик истолковал ее по-своему и неожиданно резким срывающимся голосом почти закричал, грозя пальцем:

- А не пойдешь, я на вас с Пашкой в милицию заявлю! В суд подам! Вы, вы его утопили! И докажу, и свидетели найдутся!.. Вот увидишь!

Ленька, выглянувший на крик старика, пристально и осуждающе смотрел на Андрея, поглаживая крутившегося возле его ног Дика.

- Ну, это вы напрасно так... сразу... - растерянно стал оправдываться Андрей. - Никто его не топил, вы это прекрасно знаете. А пойти с вами я не отказываюсь, откуда вы взяли?.. Конечно, надо... предать земле. Вот только смогу ли я дойти?..

Старик резко переменил тон: в его голосе зазвучали просительные нотки:

- Сможешь, сможешь, а как же!.. Да тут и недалече, всего каких-нибудь верст десять-двенадцать, не боле. А мы с тобой все прямиком, прямиком!..

***

Когда они после недолгих сборов отправились в путь, Андрей вдруг обнаружил, что его уже больше не терзают страхи и недоверие к таежным дебрям, вновь обступившим его плотной стеной. Он поглядывал по сторонам без прежнего внутреннего напряжения и не дорисовывал воображением загадочных и жутковатых картин, созданных вокруг неистощимой на выдумки природой. Отдохнувшее тело не только не сопротивлялось предлагаемым ему нагрузкам, а как будто бы даже желало и требовало их - ходьба доставляла удовольствие, бодрила, и вскоре тягостное настроение, овладевшее было Андреем при мысли о новом таежном переходе, совсем пропало. Он шел по уже знакомой ему тропе, которая увела их с Павлом навстречу непредвиденным испытаниям, и, глядя в морщинистый затылок старика, думал о беспросветности тайников человеческой души. Ему не давало покоя недавнее превращение его попутчика из мудрого и степенного добряка в желчного шантажиста, угрожавшего ему судом. Конечно, старика можно понять - ведь речь шла о его родном сыне... Но такой резкий переход к угрозам, мягко говоря, озадачивал - неужели он так и не поверил, затаился?.. Тяжелый вздох, невольно вырвавшийся у Андрея при этих мыслях, заставил старика замедлить шаг.

- Што, притомился? - спросил он участливо, оборачиваясь на ходу. - Потерпи малость, скоро привал сделаем, чайку вскипятим...

Андрей промолчал, хотя усталости он пока не чувствовал. Ему не давала покоя невесть откуда взявшаяся тревожная мысль: а что, если старик и в самом деле вздумает заявить в милицию, будто в смерти Миньки виноваты они с Павлом? Скажет, что застрелили по пьяному делу или нечаянно спихнули в воду... Доказательств у него, конечно, нет, а у кого они есть?.. Но начнутся допросы, расследования, потребуют писать объяснительные...

Усилием воли Андрей заставил себя успокоиться. «Кому захочется, - думал он, - во-

зиться с этим в полном смысле «тухлым» делом - что там от Миньки осталось...» Вспомнился тошнотворный запах, исходивший от разлагавшегося трупа, когда они несли его на носилках. «Как, однако, быстро это с нами происходит: только что человек двигался, разговаривал, чего-то желал, добивался... Минька, например, хотел опохмелиться. И вдруг все разом куда-то исчезает, остается одна гниль да вонь... Как будто и впрямь душа покидает тело, и может быть, неприкаянная минькина душа сейчас витает где-нибудь рядом с нами...»

Старик тем временем подыскивал место для привала. Видя, что он по пути подбирает сухие сучья для костра, Андрей тоже стал осматриваться по сторонам. И тут он увидел неподалеку от тропы коренастый пенек со свежими следами топора. Вокруг валялись мелкие щепки, а чуть поодаль - вершинная часть недавно срубленного дерева... Андрей некоторое время всматривался в это показавшееся ему знакомым место, а потом, резко сменив направление, зашагал в сторону порубки. Проходя мимо пня, он потрогал руками его шероховатый срез. Так и есть - это та самая сушина, которую он той злосчастной ночью долбил своим топориком! А вот и выбоина от удара о землю бревна, которое он волок, пока не заблудился. Что же получается: он был рядом с тропой, а пошел... Ну-ка, ну-ка, куда он пошел?..

Андрей быстро отыскал бороздку - след от волочения бревна. Она круто уходила в сторону от тропы, в чащу леса! Пройдя в этом направлении несколько шагов, он резко остановился, оглядываясь по сторонам. Ему опять стало жутковато от мрачной неприветливости обступившей его тайги. С учащенно бьющимся сердцем он стал всматриваться в просветы между деревьями, отыскивая взглядом только что шедшего перед ним старика. Не обнаружив его, он бросился бегом туда, где только что сошел с тропы. Но - где она?.. Неужели он опять спутал направление? Что за проклятое место!..

- Эй, парень, ты што там?

Голос старика донесся откуда-то со стороны. Усилием воли Андрей заставил себя успокоиться. Пройдя с полсотни шагов по направлению голоса, увидел старика, сидящего на корточках возле кучки хвороста, внутри которой метались язычки пламени, перескакивавшего с сучка на сучок. Сизый дым, почти не поднимаясь кверху, стелился под напористым натиском низового ветра. Старик жмурился, отворачиваясь от костра, смахивал со щек слезы.

- Ну, ты што там замешкался? - повторил он вопрос, заметив приближавшегося Андрея. - Возьми-ка котелок да сходи за водой...

Там, куда показал рукой старик, ничего, кроме густых зарослей кустарников, не было видно, но у Андрея ни на момент не возникало сомнений, что река - рядом. Мысленно он снова и снова возвращался к той проклятой ночи, пытаясь найти ответ на вопрос: как его угораздило заблудиться? И до реки, и до тропы - рукой подать, а он шел и шел, как нарочно, совсем в другую сторону!..

Заметив, что Андрей медлит, старик с беспокойством спросил:

- Ты што - али худо тебе?

- Нет-нет, ничего, - спохватился Андрей, отгоняя неприятные воспоминания. - Тут где-то совсем рядом то место, где Павел... Где мы с ним... В общем, где я его потерял... оставил, то есть...

Старик осмотрелся по сторонам.

- Разве здеся? А я думал, еще не дошли... А ты как, однако, место-то это узнал?

Андрей рассказал, прибавив, что сегодня он во второй раз чуть было не потерял тропу, пытаясь проследить свой путь, который увел его той ночью совсем в другую сторону.

- Ишь ты, - задумчиво протянул старик. - А вот хошь верь, хошь не верь, а есть, видно, што-то такое, да не дано понять нашим умом...

Стало заметно вечереть. Андрей, обеспокоенный перспективой провести еще одну ночь под открытым небом, зябко поежившись, спросил:

- Как же мы ночью будем искать? Темнеет уже...

Старик посмотрел на небо и согласился:

- И то верно, надо поторапливаться...

Попив чаю и залив остатками кипятка костер, они направились вниз по реке, и буквально за вторым изгибом ее Андрей увидел старое кострище - то самое, возле которого оставил Павла.

Старик с минуту постоял у того места, где минькино тело сорвалось с носилок, покачал головой и, бормоча что-то себе под нос, пошел дальше вдоль реки. Андрей следовал за ним, показывая, где прибило к берегу Павла с Диком, куда он его, обессиленного, отта-

щил и усадил. Старик, молча, слушал, продолжая продираться сквозь кустарник и зорко присматриваясь к речной глади.

Вода в Нюбе слегка спала, но течение ее было здесь все таким же мощным и стремительным. «Да тут черта с рогами унесет, а не то что какого-то там Миньку», - с раздражением думал Андрей, едва поспевая за стариком. Ему с самого начала эта затея с поисками трупа казалась пустой тратой времени и сил. Мысленно он уже давно был дома, и только врожденная деликатность, что ли, не позволяла ему послать подальше все эти дурацкие хлопоты вокруг покойника, которому сейчас ровным счетом наплевать, где гнить, и никаких претензий за свои несостоявшиеся похороны он никогда никому не предъявит...

Уже заметно стемнело, и глаза старика перестали отчетливо различать предметы, проплывавшие по реке и лежавшие на ее берегах. Дойдя до одного из обрывистых овражков, по дну которого протекал довольно резвый ручей, он вдруг ойкнул, взмахнул руками и пропал из виду... Подбежав к тому месту, где только что маячила его щуплая фигура, Андрей увидел, что старик сидит на земле и, ругаясь, выливает воду из своих коротких резиновых сапог. Потом он, наскоро отжав и перемотав мокрые портянки, собрался было продолжать путь вдоль реки, но ледяная купель явно охладила его решимость. Сдерживая озноб, бивший его худощавое тело, старик покрутился некоторое время около большой речной заводи, открытой всем ветрам, потом с тяжелым вздохом осел на колени и запричитал:

- Ох, Димушка, сынок! Видно, не судьба тебе лежать в земелюшке... Видно, и на том свете душа твоя неприкаянной бродить будет... Ох, Господи-Боже! За что ты покарал меня бедой такой? Чем прогневил я тебя, грешный?..

Андрей, решив не мешать старику выговорить свое горе, отошел в сторону и присел на валежину. Он ни в чем не винил себя, хотя в глубине души его шевелился какой-то назойливый червь недовольства своей ролью во всей этой истории.

Старик наконец умолк, поднялся с колен и, продолжая изредка всхлипывать, подошел к Андрею.

- Ладно уж, парень, - заговорил он, все еще оглядываясь на подернутый сумерками речной изгиб реки. - На сегодня - шабаш. Мы потом сюда с Иваном на лодке приедем, баграми пошарим... Тут теперь недалеко до Милохинской избы, в ней и заночуем.

И как бы продолжая разговор, начатый им еще утром, посетовал:

- Разве ж кто думал, что он так вот жизнь свою кончит?.. А какой справный мужик мог бы из него получиться, если б...

Не договорив, махнул рукой и, не глядя на Андрея, пошел мимо него по тропе, проронив на ходу:

- Айда, што ли, на ночевку...

***

Избушка, которую старик назвал Милохинской, была поприземистей и пошире той, что уже дважды приютила Андрея. Отличалась она и по своему внутреннему устройству: топчаны в ней были расположены не вдоль боковых стен по разным сторонам от входа, а шли во всю ширину избушки, от стены до стены. Печь, сваренная из металлической бочки, была когда-то обложена кирпичами и обмазана глиной. Но кирпичи то ли сами по себе со временем съехали с ее крутых боков, то ли нетерпеливые путники, продрогшие в тайге, умышленно оголили быстро накаляющийся металл, чтобы не дожидаться, пока нагреется и станет отдавать тепло кирпичный панцирь печки.

Андрей долго сидел молча, смотрел на беснующиеся на стенах сполохи света, вырывающиеся из-под дверцы топящейся печки, и слушал, как старик, кряхтя и охая, устраивался на ночлег. Он подгребал под себя ворох лапника, выбирая ветки посвежее, с не осыпавшейся хвоей.

- Ох, перинушка моя стоеросовая, - приговаривал он ворчливо, явно тяготясь неудобствами походной жизни.

Когда дрова в печке прогорели, и она перестала гудеть трубой, старик тоже умолк. В наступившей тишине слышно было его затрудненное дыхание. Временами в горле у старика что-то начинало тоненько сипеть и посвистывать, и тогда он надолго закашливался, содрогаясь всем телом и бормоча про себя в перерывах между приступами кашля какие-то беззлобные проклятья. «Простыл, наверно, - думал Андрей, с тревогой прислушиваясь к бормотанию старика. - Не дай Бог, еще и с этим беда случится...» Но кашель вскоре отпустил старика, и он задышал ровнее, хотя при выдохе в груди у него по-прежнему что-то попискивало и сипело.

- Здоровьишко-то у Митрия и взаправду было не ахти какое, - заговорил он, немного погодя. - Помнится, все жаловался, что рука шибко болит и дрябнет. Лечиться пробовал, снадобья разные у меня брал... Однако не рука это, должно быть, а сердце у него болело. Такое бывает, я знаю. Сосед у меня все тоже жаловался, что спина под лопаткой побаливает - грел, примочки разные прикладывал, а потом - кувырк, и готов: инфарт! Молодой тоже был, лет за сорок. Но тот вовсе не пил. Митрий бы, ежели бы ему не пить, еще столько же мог прожить...

Переведя дыхание и откашлявшись, старик задумчиво, как бы исповедуясь самому себе, продолжал:

- А винить мне за такую его жизнь да болезненность некого, кроме самого себя. Смолоду-то я и сам рюмку мимо рта не проносил. А на фронте? Почитай, кажинный день по стопке употребляли. Другой раз и нужды особой не было - ни мороза, ни атаки не предвиделось, а все равно положенные сто грамм дерганешь. А иной раз и двойная порция доставалась - за убитого товарища... В привычку и вошло... А после войны как у нас было: водяры энтой - хоть залейся! На всех углах на выбор - с белой головкой, «сучек», наливки-настойки разные. А ежели лень с бутылкой возиться, сургучную пробку выковыривать, ступай в чайную, закусочную или еще какую забегаловку. Их тогда везде было понатыкано. Там тебе хочь сто, хочь двести нальют, да еще с «прицепом». А еще энтих, как их?.. автоматов напридумывали: на ручку буфетчица нажмет, и - извольте получить для вашего удовольствия! Куда ни пойдешь, бывало, - в кино ли, в парк ли, даже на стадион, - всюду выпить предлагали. Да еще под музыку! Ну, и пили, не отказывались. Как же - победителям все можно! Думали, что энто та самая жизнь и есть, за которую воевали. И пошло-поехало... Кто меру знал, те устояли, а слабокарахтерные поспивались вчистую...

С минуту помолчав, старик поменял позу и с тяжелым вздохом заключил:

- Вот и детям своим пьяную кровь передали, отравленную. Оттого такое хилое и никчемное поколение выросло...

Андрей дослушивал этот стариковский монолог, уже засыпая. Перед его глазами медленно и вяло проплывали картины минувшего дня. Мысли путались, прерывались, и ему никак не удавалось сосредоточиться ни на одной из них, чтобы принять какое-либо решение. Но одно твердо отложилось в его затуманенной дремой голове: домой, скорее возвращаться домой!..

***

Утром старик долго не вставал. Андрей отчетливо слышал его хриплое учащенное дыхание, прерываемое сухим покашливанием. Старик потихоньку ругал себя, называл пнем стоеросовым, бестолковым валенком... Андрей вдруг подумал, что за все время, пока они вместе, он не слышал от него ни одного грубого или похабного слова, хотя речь его нельзя было назвать безукоризненно правильной. Это как-то не вязалось с тем обликом человека «от земли», который утвердился у Андрея за время его общения с людьми из окружения Павла. В основном это были молодые бесшабашные работяги, нарочито демонстрировавшие свою склонность к соленому слову, крепкому, непечатному выражению. Под стать им были и крепыши-пенсионеры, проводившие на рыбалке, в тайге и на болотах больше времени, чем дома, а потому полуодичавшие и растерявшие и без того небогатый налет элементарной культуры. В их лексиконе самый низкопробный мат отнюдь не был редким исключением. Старик же в эти дни вообще ни разу не прибегнул к нецензурщине, хотя поводы «облегчить душу» были и у него - вон как гневно он наступал на Андрея, угрожая судом, когда вынуждал его идти с ним на поиски Миньки! Это неожиданное наблюдение приятно поразило Андрея, вызвав в нем невольную симпатию к его новому знакомому, и ему стало по-настоящему жаль этого убитого горем, осиротевшего человека...

От наскоро приготовленного Андреем завтрака старик отказался, попросив лишь налить ему кружку чая покрепче. Полулежа на топчане и прихлебывая из кружки маленькими глотками ароматный напиток, он часто вздыхал и постанывал. По его осунувшемуся и заросшему сивой щетиной лицу текли крупные капли пота.

- Щас, - бодрился он, - щас я встану, и мы пойдем... Дома-то, поди, на тебя в розыски подали... Женат ли хоть?..

Андрей кивнул головой и тут же почувствовал, как тревожно защемило в груди: Марина, мать, конечно, же сильно волнуются, теряются в тревожных догадках - уходили-то на два-три дня... А если еще, не дай Бог, о беде с Павлом узнают!.. Старушка точно сляжет...

Ах, как, оказывается, чертовски сложна жизнь, как все в ней перепутано! Почему же он об этом не задумывался до этого злосчастного похода в тайгу? Впрочем, думать-то он,

пожалуй, думал, но - походя, между делами. Вокруг него было столько людей, самых разных, но все они в его жизни занимали какое-то формальное, что ли, место, играли вспомогательную роль, не проникая глубоко в судьбу, не затрагивая смысла его существования. Товарищи по работе? С ними взаимоотношения строились чаще всего по принципу: утром - «Привет!», вечером - «Пока!» Ну, еще совместные сидения на планерках, совещаниях. Да и нужды в каком-то более тесном общении, похоже, никто не испытывал. Все ходили на работу как-то буднично, машинально, подчас не любя ни завод, ни начальство, ни дело, которым занимались...

Нет, Андрею в этом смысле повезло больше - работал он с увлечением, с людьми ладил. Его даже уважали. Но до сих пор он не задавался вопросом: за что? Сейчас он ответил бы на него так: начальство - за исполнительность и покладистость, за то, что «не возникал» по пустякам. А рабочие цеха, его подчиненные? А они, пожалуй, за то лишь, что он - начальник. Так сказать, уважение, положенное по штату...

И все-таки, решил он для себя, нашу российскую, ни на чью не похожую жизнь, олицетворяют именно такие, как Павел и этот старик, более к ней приспособленные. Мысленно Андрей вернулся к своему райскому уголку улучшенной планировки, где он так легко, в полном достатке и согласии жил со своей Мариной. Оба трудились, тащили все в дом, создавая свой неординарный быт: хотелось жить не хуже других, и это им удавалось. Хотя он уже давно обнаружил, что мебели, посуды, ковров, книг и прочих вещей в квартире накопилось гораздо больше, чем нужно двоим на одну жизнь. Тем более, что и с наследниками дело пока не клеилось: сначала оба считали, что нужно повременить, а потом, как ни старались, ничего не получалось...

***

За окном стало светать, и старик засобирался в дорогу.

- Ничо, ничо, - отмахивался он всякий раз, когда Андрей, видя, что его плохо держат ноги, пытался подхватить старика под локоть. - Я - семижильный! Уж коли дите свое пережил, то теперь за двоих жить надоть...

К полдню они удалились от избушки километров на пять. Во всяком случае, так считал старик, который сильно потел, шагая по таежной тропе, быстро уставал, но не сдавался. Присаживаясь отдохнуть, он приговаривал, что простуде поддаваться не надо и что он смолоду ее лечил работой, движением.

- Сляжешь, - возражал он сквозь кашель и хриплое дыхание, - можешь и не подняться. А на ногах и смерть не страшна, на ногах она - быстрая, не мучительная. Как у моего Димушки...

Чувствовалось, что еще долго не отпустит стариковское сердце скорбь по сыну, и страдал он от нее ничуть не меньше, чем от мучившего его простудного жара.

Андрей шагал рядом со стариком и сокрушался, что не может ему помочь морально, смягчить его отцовское горе. Он осознавал, что встреча с этим человеком поколебала его прежние представления о многих вещах, заставила по-новому взглянуть на взаимоотношения людей, на их поступки. Все, что до сих пор казалось ему простым и однозначным, приобрело новый, порой неожиданный для него смысл. Стало неловко вспоминать о многом из того, чем раньше была заполнена его жизнь, на что тратились силы его ума и души - любимые домашние тапочки, подаренные Мариной, долгополый шелковый халат, в котором он расхаживал после работы по квартире, двуспальная египетская кровать, занимавшая почетное место в центре спальной комнаты...

Нет, он не клялся мысленно, что, вернувшись домой, выбросит все это за порог и начнет жизнь сначала. Но ему уже было ясно: жить по-старому, суматошно и бесцельно тратя время, он больше не сможет, что-то обязательно придется менять...

А старик заметно слабел. Частые привалы, во время которых Андрей разводил костерок и грел чай, становились все более продолжительными. Мучительный кашель теперь не оставлял старика ни на минуту. Во время одной из таких остановок ему сделалось совсем плохо. Он отказался от чая и долго сидел под сосной, прислонившись спиной к ее стволу.

Ветер к этому времени наделал прогалин в тяжелых войлочно-серых тучах, и на землю стало изредка выглядывать солнце. Обмытый дождями лес повеселел. Какая-то юркая птица, профурчав крыльями, уселась на одном из деревьев шагах в десяти от Андрея. Он, занятый своими мыслями, сопроводил ее полет машинальным взглядом и уже собирался подняться на ноги, как вдруг оттуда, где села птица, послышался уже знакомый ему мелодичный многоколенчатый свист... Тот самый, который так ловко имитировал манком Па-

вел! Издававшая его небольшая серо-рябенькая птаха с хохолком на миниатюрной головке сидела на виду у людей, явно их не замечая.

Андрей, не шевелясь, долго вглядывался в неожиданного пернатого гостя, и его охватило чувство радостного удовлетворения. Вот и снова он приобщился к одному из таинств природы! На этот раз тайга доверила ему поющего рябчика - одного из своих самых робких и осторожных обитателей. Она как бы говорила Андрею: «Видишь, как хрупок и ранним этот комочек плоти? Будь у тебя сейчас ружье, о котором ты еще недавно так мечтал, тебе ничего не стоило бы отнять у него жизнь, прервать эту восторженную песню в честь солнца, выглянувшего из-за туч. Ты можешь превратить этого рябчика и любую другую лесную живность в комок перьев, шерсти и крови. Но ради чего? Чтобы потешить себя сознанием своей силы и преимущества над всем, рядом с тобой обитающим? А так ли это? Разве ты еще не убедился, что силы твои не безмерны, а власть - призрачна?»

Старик, отдохнув, зашевелился, и рябчик, опрометью сорвавшись с ветки, исчез в гуще леса. Проводив его взглядом, Андрей встал. По косым лучам уходившего за вершины деревьев солнца он понял, что наступает вечер. За время блуждания по тайге у него уже выработалась своеобразная реакция на предвечернюю пору: он невольно начинал подыскивать удобное для ночлега убежище. Вот и сейчас он поймал себя на том, что внимательно присматривается к громадной ели с очень густым навесом нижних ветвей. Это был готовый шалаш, и если накидать на землю побольше лапника, можно без горя скоротать неприветную осеннюю ночь...

- Ну дак пошли, што ли? - слабо подал голос старик. Он уже поднялся на ноги и стоял, держась рукой за ствол сосны, под которой только что отдыхал.

Андрей еще раз внимательно посмотрел на приглянувшуюся ему елку и сказал:

- Скоро темнеть начнет, а ходоки мы с вами неважные... Может быть, в лесу переночуем, а завтра со свежими силами?..

Старику было трудно говорить, но он твердо, хотя и срывающимся голосом, возразил:

- Не-не! Если я лягу, то уже не встану... Да и какой отдых под елкой, тебе ли не знать?.. Небо, вон, гляди, проясняется - к морозу, значит. Не-не, пойдем, пойдем!..

Андрей молча повиновался, хотя понимал, что после следующего привала его попутчик наверняка не сможет подняться. Он пошел первым, а старик упорно потянулся за ним. Казалось, он одержим какой-то трудно осуществимой идеей, однако не хочет даже самому себе сознаться в том, что его усилия обречены на неудачу. Это впечатление окрепло, когда до Андрея сквозь простудную хрипоту старика стали долетать отдельные слова, отрывки фраз, произносимых им на надсадном выдохе:

- «...не сдается... «Варяг»... пощады... не желает...»

«Поет, что ли?» - удивился Андрей, притормаживая, чтобы сократить расстояние между ним и собой. Старик, не сбавляя скорости и стараясь не сбиться с ритма ходьбы, прикрикнул на него:

- Топай, топай! «Еще немного, еще чуть-чуть!..»

И Андрей снова наддал, подчиняясь воле совершенно обессиленного человека и с изумлением вслушиваясь в его хриплую мелодекламацию, похожую на отрывистую команду самому себе:

- «Смело... товарищи... в ногу!..»

Но ему не давала покоя мысль о том, что долго так продолжаться не может, и старик вот-вот рухнет от переутомления. На что он надеется? Опытный таежник, считающий себя своим в этой глухомани, вдруг повел себя, как зеленый новичок...

И тут Андрей увидел, что тропа, по которой они шли, вдруг исчезла, а лес расступился, открывая широкую просеку с уходящей вдаль прямой и хорошо укатанной дорогой. Он еще не успел осознать всей значимости этой находки, как его внимание привлек какой-то, раздавшийся позади него, шум. Обернувшись, он увидел, что старик, не дойдя нескольких шагов до приглянувшейся ему густой елки, обессилено опускается на приземистый ивовый куст, подминая его под себя и ломая тяжестью своего тела.

Пока Андрей выручал старика и устраивал под кустом, тот слабо постанывал, приговаривая:

- Вот и ладно... Вот и дошли...

Полагая, что старик бредит, Андрей не возражал ему и стал готовиться к ночлегу. Но старик его остановил:

- Ты шибко-то тут не засиживайся... Вон, дорогу видишь? Вот по ней прямехонько и топай... Тут до города осталось всего ничего, каких-нибудь верст пять, а то и меньше. Я тебе адресочек дам, где Ваня живет. Скажешь ему, что искать меня надо у развилки на

Абрамиху...

У Андрея по телу пробежало что-то вроде нервного озноба - уж слишком все было похоже на тот злополучный вечер, когда они разлучились с Павлом... Он был почти уверен, что если пойдет сейчас искать дрова для костра, то опять заблудится!..

Старик, не подозревая о сумятице чувств в душе своего попутчика, сидел под елкой и недоумевал, почему тот медлит. Он собирался с силами, чтобы спросить об этом Андрея, но в этот момент тишину ночной тайги вдруг всколыхнул бесконечно тоскливый, утробный вой, начавшийся на низкой захлебывающейся ноте и постепенно повысившийся до плаксивого повизгивания... Звук этот повибрировал в воздухе несколько секунд и потом опять перешел, наподобие сирены, сбавляющей обороты, на басовитые рыдания.

Андрей вздрогнул. Он догадался, кому принадлежит эта леденящая кровь песня. Ему показалось, что ее «исполнитель» где-то совсем рядом, и стал даже всматриваться в сгустившуюся тьму, ожидая увидеть если не самого волка, то его горящие глаза... А еще через полминуты откуда-то издалека послышался нестройный хор сразу нескольких похожих, но более высоких подлаивающих голосов... Старик тоже вслушивался в эти звуки, приглушив свое хриплое дыхание. Но заговорил громко, не понижая голоса:

- Это в Сухом логу матерые выводок учат. Ну, а ты не боись, иди себе - волки осенью сытые. Да и далече они отсель, на дорогу не выйдут...

- Вот что, дед, - неожиданно для самого себя заговорил Андрей. - И не возражай, пожалуйста, но я тебя здесь одного не брошу. Одного бросил, теперь по гроб жизни казниться буду, хватит с меня и этого!.. Сейчас немного перекурим и прямым ходом махнем домой.

Старик, обескураженный решительностью тона еще недавно такого покладистого попутчика, некоторое время молчал. Потом упрямо возразил:

- А я ить и впрямь не ходок, не надейся...

- Ничего, хоть на своем горбу, а доставлю в лучшем виде! - заявил Андрей с непонятной даже для него самого решимостью в голосе.

***

Старик продолжал сидеть, даже не предпринимая попыток подняться на ноги. Он решительно не одобрял план Андрея, но у него не было сил на продолжение спора. А Андрей умышленно старался затянуть время, давая старику возможность отдышаться, прийти в себя. Ради этого он даже согласился разжечь костерок и, не отходя далеко от дороги, насобирал хворосту.

В момент, когда Андрей уже подносил спичку к кучке мелких веточек, ему показалось, что откуда-то издалека слышится гул автомобильного мотора. Еще не веря своим ушам, он выпрямился и посмотрел вдоль дороги - в ту ее сторону, которая, по уверениям старика, вела к городу. Но он тут же обнаружил, что звук доносится совсем с другой, с противоположной стороны. Обернувшись назад, Андрей, даже не напрягая зрения, разглядел то появляющиеся, то исчезающие на поворотах дороги проблески света от двух плохо отрегулированных фар, одна из которых сильно косила вверх, освещая не столько дорогу со всеми ее колеями и рытвинами, сколько кроны нависших над ней деревьев. Машина шла медленно и была от них еще на изрядном расстоянии, но по характерному гулу мотора Андрей угадал, что это «УАЗ».

Старик сидел спиной к приближавшемуся автомобилю, и ему не было видно света фар, но когда стали высвечиваться окрестные деревья, он с недоумением обернулся и спросил:

- Это кого же ночью леший на машине по тайге носит?..

Андрей пожал плечами:

- Охотники, может быть...

Старик отрицательно помотал головой:

- От Кузьминок едут, а там заказник, туда охотников не пускают...

Между тем, «уазик» был уже совсем близко. Его левая фара, светившая на дорогу, прошлась лучом по кустам, возле которых расположились Андрей со стариком. И тут Андрею в голову пришла обнадеживающая мысль: «Не попытаться ли воспользоваться этой неожиданно подвернувшейся оказией?» И он шагнул к середине дороги, подняв руку. Но машина уже и так сбавляла ход, притормаживая у противоположной обочины. Из нее вышел человек в милицейской форме с погонами лейтенанта и в бронежилете. На плече у него висел короткоствольный автомат. Андрей от неожиданности подался назад и опустил руку.

- Кто такие? - с ходу поинтересовался милиционер, подходя ближе и придерживая ру-

кой автомат.

Тут же следом за ним из машины вышел второй вооруженный милиционер, но форма на нем была полевая, комуфляжная.

- Да вот, - нерешительно стал объяснять Андрей, подбирая слова, - за клюквой собрались, да в беду попали - дед простудился, идти не может...

- Я спрашиваю: кто такие? - повторил милиционер, повысив голос.

Андрей назвал себя, место своей работы, но из документов смог предъявить только кандидатскую карточку охотника. Старик тоже полез было за пазуху, доставая какие-то бумаги, но второй милиционер сказал:

- А этого я знаю - он с моего участка. И с сынком его, пьянчужкой, тоже хорошо знаком.

Возмущенный этой репликой, старик попытался подняться и что-то на нее возразить, но ноги его не слушались, и он, надсадно закашлявшись, опять уселся под куст. Милиционер-лейтенант, обернувшись к своему напарнику, в раздумье стал советоваться:

- Что будем делать? Вообще-то одно место у нас свободно... И хотя это не положено, но ради такого случая... Одним словом, - обернулся он к Андрею, - кидайте жребий, кому идти пешком.

- Что за вопрос! - решительно возразил Андрей. - Конечно, надо взять деда, ему нужна помощь...

Когда старика, подхватив под руки, стали подсаживать в задний зарешеченный отсек милицейского «уазика», Андрей едва удержался, чтобы не вскрикнуть от неожиданности: из машины на него смотрел тот самый оборванец, с которым он переговаривался через реку. На его руках были наручники, а возле ног стоял рюкзак, еще тогда показавшийся Андрею диссонирующим с внешностью бродяги. Подумалось: «Наверняка это один из наших с Павлом». Но сейчас было не до того. Милиционеры торопились, усаживая старика на единственное свободное место, а поскольку оно находилось в том же отсеке, где сидел арестант, милиционер в комуфляже пошутил:

- Смотри, дед, чтобы этот мазурик снова не убежал! Мы за ним целую неделю гонялись.

Бродяга с ухмылкой поглядывал то на своих конвоиров, то на Андрея, явно узнав его. А когда стали закрывать дверцу машины, он ему подмигнул и что-то сказал, почти беззвучно шевеля губами. Но одно слово Андрею удалось разобрать: «Выкарабкался?» Однако эта выходка зэка не осталась незамеченной стоявшим рядом милиционером. Он внимательно посмотрел на Андрея и в упор спросил:

- Вы что, знакомы?

- Да нет, какое там знакомство! - смущенно отмахнулся Андрей. - Просто я его случайно видел в тайге, перекинулись парой слов через реку и разошлись в разные стороны...

Милиционер понимающе кивнул головой и, садясь за руль, сказал:

- Ну, об этом мы еще с вами поговорим позже, вас, наверно, пригласят... А теперь вам ходу тут часа полтора, а то и меньше, смотря как быстро пойдете. Никуда сворачивать с дороги не надо. А вон и луна взошла, - добавил он, взглянув на небо, - так что - счастливого пути!

«УАЗ», оставив после себя облачко едва заметного в ночном мраке сизого дыма, вскоре скрылся из вида, и Андрей снова остался один на один с тайгой. Но теперь у него была совсем другая, хорошо наезженная и ухоженная дорога, которая уже не пугала его своей враждебной неизвестностью. И он зашагал по ней, радуясь, что такой большой груз свалился с его души и плеч, причем чуть ли не в буквальном смысле. В то же время полного удовлетворения не было: в его мозгу острой занозой, раня и будоража, пульсировал вопрос: что с Павлом? Как он добрался до города? И что думает о нем, о его поступке?.. Кроме того, он ругал себя за то, что не удосужился спросить ни имя, ни адрес старика, так много сделавшего для него в трудный час... Но тут же сообразив, что все это теперь можно будет узнать через милицию, Андрей ускорил шаг.

Владимир ШНЮКОВ

ЭЛЕГИЯ

Рассказ

Порыв осеннего ветра задул свечу. Человек зябко поежился, подошел к окну и затолкал обратно выпавший из проема старый тюфяк, закрывавший выбитую часть оконного переплета.

Электричества в городе не было уже второй месяц: когда отступали либералы, то взорвали основную трансформаторную подстанцию, а когда уходили республиканцы, то взорвали и резервную. К тому же авиация патриотов разбомбила котельную, так что и тепла в городе не могло быть, и подступавшие зимние холода все более ощущались, являясь тем единственно безусловным и неизбежным, не подчинявшимся ни правительственным указам, ни воззваниям оппозиции.

Человек поджег фитилек, еще раз напомнив себе, что запас свечей кончается. Впрочем, как и запас продовольствия. Он все же тысячу раз был прав, когда летом отправил жену и детей к родителям - там они в безопасности, а сейчас бы вывезти семью вряд ли удалось.

Да, надо экономить. Хотя бы свечи. Но уж очень хочется дочитать начатое. Вчера артиллерийский снаряд угодил в здание городского архива. Через балкон на улицу из горящего помещения выбросили стулья, ящики, кипы бумаг. Все это мигом было расхватано - топливо ныне в цене. Человек прихватил домой то, что успел схватить: две стопки бумаг, перевязанные белым шелковым шнурком, - сгодится для костра, который он, как и многие, разжигал на лоджии для приготовления еды. Сегодня вечером, зажегши свечу, человек машинально взял несколько пожелтевших от времени листов из кипы принесенных для растопки бумаг и, чтобы чем-то занять себя, стал читать...

На излете ясного августовского дня 1819 года капитан Николай Федорович Синявин медленно поднимался к вершине покатого, кое-где поросшего могучими соснами, травянистого холма, вставшего как раз в том месте, где просторная, но мелководная, особенно по этому времени года, Соня берет начало из Лиственного - большого глубокого озера, примечательного обилием рыбы и многочисленными островами самой различной формы и величины. Николай Федорович дважды уже останавливался передохнуть - раскрылась рана, полученная под Смоленском, да и старая, еще альпийская, дала о себе знать.

Но сильнее вражеских отметин мучила старого солдата рана душевная: два дня назад умер человек, ставший ему как сын - молодой офицер Петр Анисимов, ученик его и верный товарищ, сам напросившийся, на свою беду, к Николаю Федоровичу в эту неблагодарную экспедицию по набору работников для государевых дел. Занятие и впрямь незавидное: сбивать в табун как на подбор хмурых, неразговорчивых мужиков и разъяснять им государеву волю, которая для дикого здешнего народа была, судя по всему, хуже плетки. Но служба есть служба, и царев указ - от двух хозяйств по душе - Николай Федорович выполнял неукоснительно, хотя предпочел бы такой службе хорошую перестрелку. Одно утешение было - разговоры с Петром. Тот, не по годам серьезный, порой до глубокой ночи все расспрашивал: об армии нашей и иноземной, о государе и полковод-

цах старых и нынешних. И когда видел Николай Федорович огонь в смышленых молодых глазах, то мягчал закаменевшей в тридцатилетней службе душой: «Хороший офицер растет - умен, удалью взял и честью не поступится». И вроде за два года их знакомства столько пересказано, а все новое для разговора находилось. Лестно было сердцу старого служаки, и в былые годы, и в нынешние не обремененному вниманием генералов, что молодой офицер тянется к нему. А для сироты Петра Анисимова Николай Федорович стал и отцом, и примером, которому надо следовать. Так блюсти воинскую честь, как это делал и делает капитан Синявин, было и думой, и стремлением молодого офицера.

И вот теперь Петра не стало. Четверо взятых в работы бежали. Петр пытался их задержать и получил пулю в грудь из отнятого у солдата ружья. Убийцы были схвачены и стояли на вершине холма, к ним и поднимался капитан. Век бы не сыскать беглых в диких лесах, но один из рекрутов, Тихон Корявый, зла скопивший вдвое против своего вершкового роста, то ли от невоздержанности матерного языка, то ли от досады, что сам не оказался с беглецами, проболтался, что зачинщик - Кирилл, по прозвищу Шалый, стрелявший в Петра, - подбивал как-то некоторых в селе поселиться у Лиственного. Не соврал - здесь и нашли душегубов. Те хотели уйти через холм к реке, там у них стоял плот, но на вершине их уже ждали.

Все четверо были связаны по рукам, а двоих, что помоложе, коренастых, упрямых братьев Лукиных, еще и привязали друг к другу. Еще один, годами старший по обличью, высокий, с большой худобой, стоял позади братьев. Последний же, светловолосый, сложения с виду почти хрупкого, сидел на земле, на взгорышке, чуть поодаль. Все беглецы разом посмотрели на подошедшего офицера, трое тут же опять уперлись глазами в землю, высокий же суетливо заплясал взглядом около капитана. Николай Федорович, медленно рассмотрев каждого, остановился взглядом на высоком.

- Помилуй, князь! - быстро выдохнул тот. - Бес попутал, не губи, прикажи искупить.

- О бесе раньше бы помнить надо, - тихий, тяжелый голос Николая Федоровича словно придавил высокого: тот сжался, почти скрывшись за спинами Лукиных. - Ты, что ли, Кирилл, прозванный Шалым? - капитан не повернулся к сидящему на земле, но тот понял.

- Я, - тихо ответил он, не поднимая глаз.

- За что псову кличку дали? Всю жизнь, что ли, шалишь?

Светловолосый молчал.

- А ты встань, вор, когда с тобой разговаривают... Не ленись, мне на тебя ближе надо посмотреть.

Светловолосый, неловко опершись о землю связанными руками, рывком поднялся.

- Так зачем, тать, убег от государевой работы и других подбил?

- По то и убег, что на государя работать не хочу, - тихо, но внятно ответил Шалый.

- Хорош, однако. Другие государеву службу за честь почитают, сил не жалеют, чтобы послужить царю и Отечеству. А ты что - не такой, как все?

Шалый молчал.

- Ну, отвечай. Или язык отсох, от страху-то? А вроде не из пужливых...

- А мне все едино: пужайся, не пужайся - не помилуешь, - голос Шалого дрогнул, напрягся и вдруг зазвенел. - И виниться не буду - не виновен. Потому как служба и царю, и Отечеству придумана, чтобы сильных кормить. И порядок тот неправеден, раз через униженье людское устроен. Не приемлю порядок тот и служить ни царю, ни Отечеству не хочу... - голос светловолосого сорвался, он закашлялся: тяжело, с хрипом.

Николай Федорович шагнул к Шалому, в упор долго смотрел в его распахнутые, отчаянной сини глаза.

- Та-ак. Порядок, говоришь, неправедный. А то, что порядок тот господом нашим устроен и един для всех не только у нас, но хоть и у немцев, хоть и у татар - тебе, может, неведомо? Что божеский это порядок и не человеку судить о нем?

- И бог выдуман, капитан, выдуман, чтобы порядок неправедный оправдать, как ты оправдываешь, - всхрипывая, торопливо заговорил Шалый, словно боясь, что капитан не даст досказать, - выдуман от робости людской, непонимания назначения своего человеческого. Сам себе человек и царь, и бог, а Отечество ему - мать с отцом, да дом родной...

- Молчи, пес! - оборвал Николай Федорович, чувствуя, как вместе с удивлением на странные слова Шалого в душе его поднимается гнев оскорбленной чести. - Я тридцать лет Отечеству - государству российскому служил, кровью своей славу и честь народу русскому добывал, а ты мне порядок свой устанавливаешь, тать! И по тому порядку поганому твоему я червь, получается, ползучий, так? А ты - выше всех в гордыне своей разбойной? А то, что порядок твой к уничтожению всякого порядка ведет - не ведаешь? Коль законы не писаны, да веры нет - так делай, что хочешь, любой разбой твори. Чем твой порядок обернулся, знаешь? Ты сына моего, долг исполнявшего, убил, душегуб, тварь ты ползучая... - и отвернулся, чтобы скрыть подступившую слезу.

В тихой, застенчивой Соне, глаже стекла стелющейся, застыло умиротворенное, подернутое легкой дымкой августовское небо, и благодатный от переполнявшей его спелости лес на противоположном берегу лениво красовался в голубом зеркале воды. Долго молчал старый капитан, глядя на реку, а затем сказал тихо, будто себе самому:

- А заболтался я что-то с тобой, тать... С чего бы это? Пора и честь знать. Суд свой тебе скажу: страшен поступок твой, и богопротивные, не людские слова еще более тяготят вину. И посему умрешь ты поганой смертью и закопан будешь так, что ни холма, ни кола на том месте не останется, - капитан выпрямился и, подняв еще более засуровевшее, неподвижное лицо, коротко бросил ближнему солдату: - Семенов, развяжи этих троих, - и подождав, пока Семенов выполнит приказ, ровно выговорил, внимательно глядя на высокого и братьев: - Ну, что, воры, искупайте вину свою. Веревка высвободилась, вот и повесьте атамана вашего на ближней сосне.

Высокий затравленно дернулся, сжался, но, подталкиваемый тяжелым капитанским взглядом, с веревкой в руках подошел к сосне. Братья стояли недвижимы.

- Ну! Что стали?! Аль глухие?

Старший поднял голову, сказал спокойно:

- А хоть и нас на ту сосну, офицер, только на товарища руку не подымем.

Чуть заметная усмешка тронула капитанские губы.

- Так, значит... Что ж... хвалю. Тогда землю ройте, если не желаете, чтобы атамана вашего воронье склевало. Семенов, Горбун, помогите согласному, а то у него что-то руки трясутся, поди, и веревки не завяжет.

Длинный упал на колени, завыл:

- Избавь, господин офицер, бога ради - избавь. Сил нету...

- А ты найди силы-то, - равнодушно бросил Николай Федорович. - А то запороть велю, - и отвернулся брезгливо. Подошел к Шалому, посмотрел в глаза. - Ну, вот, кончена наша беседа. Или еще скажешь что?

Молчал Кирилл Шалый, человек неведомого рода-племени, странных речей и неистового огня в ослепительно синих глазах. Молчал, глядя мимо судьи своего, не слыша слов его, подавленный тоской и страшным величием последней минуты своей.

Мирным августовским вечером старый капитан Николай Федорович Синявин тяжело спускался по склону покатого травянистого холма. Болели старые раны, болело сердце, помня потерю сына. И ко всему этому добавилось еще какое-то странное беспокойство, почти страх, и чувствовал Николай Федорович, что не будет ему от этого страха спасенья.

Александра МАРТЬЯНОВА

ЛАВАНДА

Ах, кабы на цветы не морозы...

«Случается же иногда в жизни такое непредвиденное блаженство. Ой! До чего добро! Слава те, господи! Тишина! Ну, Вера Васильевна, повезло тебе! И головушка утихомирилась. И хондроз смяк! А главное, схлынули гостеньки, разбежались все. Ох, и замоталась, ох, и умаялась. Где это слыхано - четыре дня кряду без передыху праздновать, бражничать. И чем думают там, в Кремле? Которым местом? Прохлаждайся, народ, смелей выбрасывай миллионы, заливай в горло погань - отраву. А, видно, уверены, что народ отдыху, ой, как обрадуется, что все с семьями на юга ринутся, к морю за здоровьем. Экстремалы - те на северный полюс. Трудоголики отоспятся за год. Поэты сочинят оды вдохновенному отдыху, заодно возвеличат и тех, кто даровал непрошенные каникулы.

Всего тяжелее достанется рабочему классу: придется наконец-то заняться воспитанием молодого поколения. Немножко можно и расслабиться - не грех выпить! Всем подфартило! Только - не женщине! Я, к примеру, вся извелась, ухаживая, подноравливая, угощая, прощая. Как сил хватило пережить эти четыре пустопорожних дня!

Все сын! Простота! Невестка под стать ему - ни в чем не перечит. Не годится, мол, перед гостями позориться. Полтеленка старики из деревни привезли. Одни кости после пира остались - грызите теперь! Горы жареной говядины как ветром подхватило. Давненько гости не едали такого сладкого, душистого мяса. Цельными кусками. Не опозорились деточки перед друзьями. А не стыдно ли назавтра с протянутой рукой к соседям стучаться, в долг до получки просить - клянчить! Эх, сынок, ничему ты не научился у Курта - немца, который с тобой на одном станке стажировался! Ладно. Хватит канючить. Не от этого наши домики покосились! Гостеньки схлынули: тишь да гладь - божья благодать! Наконец-то одна-одинешенька. До чего добро».

Так философствуя, летает по квартире бывшая учительница Вера Васильевна. Мать единственного сына. Бабушка единственному внуку Гене.

Плюхнулась в сыновье кресло. Утонула. Низко - не привычно, а сядешь, удобно. Подушки приняли в объятия, обволокли любовно тело. Не худо мастерят мебель за границей. Надо честно признать. Теперь и диваны со съемным чехлом появились. А автоматы для стирки! Нашим, не берегут копеечку, не накопить. Да, но как выпростаться из мягкого плена? А как получится! Сейчас блаженство. Сын бы сказал - кайф.

От прекрасного случившегося настроения, от синего безоблачного неба за окном, от состояния, похожего на счастье, Вера Васильевна будто оторопела. Неловко ей стало даже - столько радости да на одну! Внук в школе.

Всю жизнь она принадлежала школе, общественным нагрузкам и на остатки - семье. Ни минуты - сама себе. Сейчас - одна. А вдруг которая-то из подруг заболела... Второй год не собираемся за общим столом. А ведь когда-то жили в одном дворе. Не по-товарищески ей расточать радости одной... Будто подзуживает невидимый чертик. Не позвонить ли Коммунаре Ивановне. Бывшая физкультурница в школе, фронтовичка, сердечко у нее... можно бы пригласить...

«Нет! - говорит твердо и вслух, оглядывая книжный шкаф, - книжечки заждались. Переберу! Все! Ждут - любимые. Телефон - ни к чему. Выключу, не забыть бы». Любовно оглядывает книжный шкаф. Тургенев, Нагибин, Солоухин, Моэм, Лесков, Полуянов... Ни единой бабешки! Нет, вот притулились Митчел и Фокина. Жидковато, однако... Ага! Главное - отключить телефон, не мешкая! Совместить приятное с полезным, что может быть благодатнее.

Книжный шкаф невелик. Помнит Вера, где покупала, как досталась та или иная книжечка. За «Угрюм-рекой» (чтобы подписаться, талончик долгожданный в горсти зажать) стояла целую осеннюю ночь. Очередь волновалась, как неспокойный океан перед бурей:

достанется - не достанется. Иные убегали в соседний подъезд погреться, другие до дому - спящих деток проведать, третьи доказывают, что еще раньше именно тут стояли. Крику, шуму, разборок с номерами, что на ладонях химическим карандашом коряво начертаны. Блюстительница очередности неприступна - сама себя выбрала на главного смотрителя. Тут же суетятся две-три ее заискивающие знакомые помощницы. Не доверяя им в полной мере, седой ветеран встревает с дельным предложением, но получает шквальный натиск нахальной тройки. Не спорит, замолкает, мудро предвидит концовку: еще мгновение - разозленная и измотанная толпа может обрушиться на него...

А вот пять томиков любимого Лескова. Шла с работы, видит - старушка тапки самосшитые продает. Из военной шинели. Своей или сына. Простреляннное пулями, обожженное порохом, залитое кровью вырезала и, чтобы не ворошило душу, выбросила. А из добротных обрезков, голь на выдумки хитра, тапок настрочила. Чистенькая парочка на стопке, как на пьедестале, книжек красуется. Поинтересовалась, обмерла: Лесков! Жаль, денег хватило только на книги.

«Очарованный странник», спасла - выудила из грязной кучи макулатуры. Несколько редких томов купила у разорившегося собирателя - инвалида. Неподъемный чемодан с книгами увезли с мужем из Болгарии, благоговея перед духовным багажом. Многие нередко недоедали, лишь бы приобрести желанный томик. Искали спасенье в умной литературе женщины, отлученные от религии, обездоленные войной, не познавшие скупой мужской ласки. Мечтали бабушки и дедушки приобщить внуков к книге. Пусть учатся жить, любить, грызть гранит науки.

Слабоваты оказались внуки, не в коня корм. Тащат вещмешками прямо в скупку. Не прочитав. По рваному рублишку за том сдают. Одно успокаивает Веру Васильевну, никогда не узнают о предательстве Мериме, Д.Лондон, Куприн, Горький, Мамин-Сибиряк...

Также горько ей сознавать, что юность прошла без Есенина, без Ахматовой. Запрещены были. Как и Достоевский. И никогда уж не вернуть того благодатного времени, когда азартная молодость жадно впитывает все самое доброе, ценное: за что страдали Мандельштам и Бродский, почему замалчивают В.Белова и Л.Филатова?

Рассуждает, негодует, тужит, краснеет за судьбы своих друзей-книг бывшая учительница по литературе. Предвкушает удовольствие, будто с малыми детьми воркует. Сейчас почистит, погладит, вспомнит что-то сокровенное. Прижмет к груди.

Резкий телефонный звонок нахально и дерзко выдернул из уютного гнездышка нашу пенсионерку. Она сама не успела сообразить, как сумела выскочить из плена плотно облегавшего кресла. Схватила трубку телефона, досадуя на себя, что не успела отключить.

- Здорово! С прошедшими праздничками тебя! Узнала меня? - басовито затараторила трубка голосом Коммунары Ивановны.

- Коммунару да не узнать! За кого принимаешь! - нехотя, лениво включается в разговор Вера. Ушлая Коммунара замечает это.

- Одна, грустишь никак... Это мы исправим, - скоропалительно делает вывод подруга.

- Ой, ты не представляешь. Я сегодня вся такая... ой! Настрой какой-то... Просто счастье какое-то... будто навалилось, - защебетала Вера.

- Дак что такое приключилось-то? Рассказывай давай! - безотлагательно потребовала заинтригованная Коммунара.

- Ну... да... так, значит. Не поверишь, - Вера порастерялась от напора подруги и вслух не решилась произнести, что давно мечтала о встрече с классиками литературы, а посему не желает пока никого видеть, что ей приятно побыть в их обществе.

- Дуй тогда ко мне! У меня Клава, - начальственным тоном позвала к себе Коммунара Ивановна. Вера в душе проклинала свою всегдашнюю уступчивость, слабость, нерешительность и тут неожиданно для себя выпалила:

- Нет. Никуда не пойду. Во-первых, неохота, во-вторых, дел дома после праздников невпроворот, по горло, а в-третьих - скользко.

- Ладно, чую темнишь что-то. Пока, - Коммунара повесила трубку. Вере стало не по себе, настрой похолодал на несколько градусов. Оттолкнула, и кого! Самую уважаемую товарку. Бывшая фронтовичка, грубоватая, голос с хрипотцой, всегда прямая, пользовалась особым авторитетом в компании подруг. Особенно после случая двухгодичной давности.

Дочь Коммунары Ира устроилась на работу в ресторанный буфет. Ежемесячно выплывала недостача. Ее раскидывали на всех поровну и высчитывали из зарплаты. Виновные не обнаруживались. Ира плакала, мать возмущалась. Подруги дружно советовали искать дочери другую работу. Нечего и нервы зря трепать, справедливость и честность в

ресторане не ночевали. Коммунара сама пошла в администрацию, но ничего путного не выходила. Решилась на дерзкую операцию под названием «Кулак», по количеству участников - пяти подруг. Запланировали провернуть операцию перед октябрьскими праздниками.

После работы они окружили и задержали двух дам с полными сумками дефицитных продуктов, сунув им под нос давно просроченные корочки «Народного контролера». Мертвой хваткой вцепились в рукава. Вызвали милицию... Дело тянулось. Нашлись у жуликов высокие защитники, но настырность и твердость фронтовички смяли многочисленные заслоны покровителей. Воровское гнездо удалось разорить. Конечно, один в поле не воин, а пятеро, да с Коммунарой - сила!

Вера бережно выкладывает тома на ковер. Мысли переключаются от подруг к авторам, содержанию. Рассуждает вслух и про себя.

Вот небольшая, но «увесистая» по содержанию книга «Л.П.Никулина-Косицкая». О великой русской актрисе, о самой сильной в жизни любви драматурга Островского к ней. С нее, живой и светлой, писал он трепетный образ Катерины для «Грозы». Подгонял для ее исполнения, зная о тончайших струнах характера и возможностей. Казалось, сама судьба выковывала неразъемный слиток, сердечный золотой слиток любви из слов, формы, содержания, исполнения, логики и понимания самих гениев. Но Бог располагал иначе. Не суждено им соединиться.

Взволнованная Вера с книгой подошла к окну и - в который раз! - погрузилась в строки. Но вовремя очнулась. Если сейчас же не отложит ее на потом, вся затея с уборкой рухнет, как карточный домик. Оторвалась, с горечью размышляет о Косицкой и Островском. Отложила томик для перечтения, подошла к окну. Задумчиво впилась взглядом в дуб и рябину за окном. Это - они! Потом - на аллею, убегающую вдаль.

По дороге, прилепившись друг к другу, семенили две старушоночки. Беспокойное хозяйство, думает, не сидится дома трупердам в такую погоду. Уж не Клава ли с Коммунарой! Нет. Свернули влево. Не они. В церковь направляются. И ладно. С книжками сегодня, ох, как захотелось пообщаться! Кому-то благо для души молитва, кому-то книжечки. Листать их - бальзам на душу. Да и сама верующая, но лень-матушка. В церковь по случаю забежишь.

От этого бальзама Вера потеряла счет времени. Из благостного состояния испугал и вывел резкий звонок. Если б телефонный, то не подошла бы. Но звонили у двери, пришлось открывать. В прихожую шумно и бесцеремонно ввалились три аккуратно одетые, без претензий на современную моду дамы.

Всегда прямосмотрящая Коммунара. Клава, та, как обычно в слегка притемненных очках; так как у нее от рождения один глаз меньше другого, то очки как бы уж приросли к лицу и не портили ее природную миловидность, а даже усиливали. По жизни идет одна, не жалуется. Третья - Зоя, единодушно признанная подругами еще в молодости первой красавицей среди них - учительниц. И теперь какая старость - шестьдесят! Хороша. На лице ни морщинки. Слегка непроизвольно потряхивает головой. Так только подругам и ведомо.

Началась невообразимая толкотня, возгласы, похлопывания. Хозяйка откинула, словно и не бывало, раздражение, натянуто улыбаясь, включилась насильно в дамскую стихию.

- Пусть говорят, что дружбы женской не бывает, - повела за собой в песню басовитая Коммунара, и все разом пропели с упоением и утверждением концовку аж три раза, - и ни на что не променяем сердечной дружбы, нам подаренной судьбой.

- А где Зою-то подхватили? Ведь не по пути.

- А мы специально дали крюк.

Значит, именно их, приклеившихся друг к дружке для надежности, чтобы не упасть, и засекла Вера, стоя у окна в задумчивости.

- Идем, представляешь, а она - наша Зоенька - на углу у своего дома красуется. Воздухом дышит, - начала Клава.

- Не ври, не на углу, там опасно, сосуля - жуть! - парирует Зоя.

- Сама ты сосуля... Смотрим - оторопь взяла. Стоит она, а над ней с крыши козырек многотонный навис. Ну как ухнет с пятиэтажки громада экая...

- Тут и конец зоинькиным прелестям. Тут и в лепешку губки бантиком, - лукаво подшучивает Коммунара.

В суматохе не расслышала или не подумала и не к месту подлила масла в огонь Клава:

- Да, верно кто-то сказал, красота - страшная сила.

- Да при чем тут красота, не пойму! Ну вас к лешему! - начала сердиться Зоя.

- А при том, что ты замерла и не замечаешь, что на тебя смертушка нацелилась. Если бы не мы...

- Вот спасибочки, - слегка раздражаясь, сдержанно бросает Зоя.

Коммунара быстренько поворачивает на другую колею: как бы размолвка не переросла в ссору:

- Посмотрите, у меня - радость! Сапоги новые. Случай выдающийся. Не подумайте на худое - не из комиссионки! - хвастается Коммунара.

- Ничего сапожки, только вот шнуровка сзади пришпандорена. Мода наступает на удобства, - наводит критику Вера.

- Ой, ты, Верка-недоумок, да ведь это для форсу. Вот «молния» сбоку, видишь. А это так, шнуровка, обманка. Чтобы с нас содрать подороже. Изящно! Правда?

- Как и всюду теперь. Обман! А изящно! Не подкопаешься.

- Копила на обувку, не поверите, год!

- Что это - не поверим! Я примерно на первую пенсионную добавку завела... без промедления мочалку! А сломался телевизор - все, - вставляет свое слово Клава, - чем закончилась «Санта-Барбара», так и не узнаю.

- А ничем, - поясняет Зоя, - идет себе и идет. Ни конца, ни края, скорее мы кончимся, чем эта пресловутая «Барбара»!

Выкладывая последние новости, рассаживаются в зале. Коммунара не уймется - опять за сапоги.

- Да ведь и старые были ничего, но пропускали аш два о! Глянь - подошва, теперь крепко буду стоять на земле! До смерти хватит плясать.

- О, свет клином сошелся на твоих сапогах, - подшучивает Зоя, - разговору хватит на целый год. Не заскучаем. Я, бывало, купила «итальянские» с рук, как картинки. До первого дождя. На ходу развалились, еле-еле до дому доковыляла. Картон!

Хохот прерывает Вера своим рассказом.

- Помните, я выступала. За песню мне часы «швейцарские» вручили. Коробочка вся в душистых шелковых бантиках.

- Это за границей умеют!

- Ужо, не торопся! Будильничек - красота мой сразу забастовал, стали вертеть, читать. «Швейцарские» - сделаны в Грузии.

- Это нашенские местные функционеры, вшивая интеллигенция. Деньги им на подарки большие выделяют, себе волокут, а свое ненужное инвалидам да старушонкам спихивают. Подарки! Дак, однако, отнесла обратно, ткнула им под нос? - спрашивает категоричная Коммунара.

- Мальчишке соседскому для изучения вручила, пусть раскурочивает, механизм изучает. Все польза, - просто ответила Вера.

Коммунара возмущена попустительством.

- Грузины мастера мухлевать, - вставила Зоя.

- У вас если с Кавказа, то обязательно грузин! А там десяток других народов. И на фронте все бок о бок, как братья, как одна семья. Потому и победили, - рьяно наступает Коммунара. - У всех есть и герои, и мошенники.

- А заграница все сваливает на русских. Послушаешь радио, стрельбу в ресторане устроили русские, с витрины безделушки воруют русские, кто из бывшего СССР - все русские! Обидно, - горячится Клава.

- Успокойтесь и радуйтесь, балет, спутники - все ваше!

- И - бомбы! Я бы все вооружение уничтожила и объявила: нам чужой земли не надо, но и нас, пожалуйста, не задевайте! - вставляет реплику Зоя, что вызвало всеобщий смех, и подруги ринулись на кухню, спешно выкладывая на стол принесенные пакеты со всевозможной снедью.

Вера видит - все три подруги приодеты, не в будничной одежке. Всплеснула руками.

- Ой, я-то платье праздничное не надела!

- Так в чем дело? Давай переодевайся! Скорее! - приказывает Коммунара. - Хозяйка, называется!

- Ой, да еще и не сшито!

- Тащи сюда! Если там пуговки или подол подшить... Это мы мигом. Доведем, раз плюнуть.

- Шевелись давай, - подторопила Зоя.

Вера Васильевна замешкалась, глаза виновато и несмело забегали по книжному шкафу. Она слегка порозовела и с энтузиазмом заговорила:

- Материал-то приглядела у церкви в магазине... Все складочки, складочки будут... Водопад складок. Просторное, длинное, до пят. Давно мечтала о длинном, вечернем... И просто струится, струится... водопад складок... Как на Ниагаре!

- Где водопад? Где он? - по-командирски гаркнула фронтовичка, выведенная медлительностью Веры, сжавшейся под прямым прицелом глаз подруги.

- Да-да, точно, в этом году... заведу-таки. Прилюдно обещаю... А покамест...

- Так платья-то нет? - в сердцах воскликнула Клава, с нетерпением жаждущая взглянуть на водопад и не ожидавшая такой выходки от серьезной Веры.

Виновница, как провинившийся ученик, отрицательно покачала головой.

- Ой, бляха-муха! Держите меня! Водопад! Складочки, складочки! Ниагара! Крепкого матюга тут только и не хватает! - заключает Коммунара. Шквал смеха захлестнул пенсионерок. Натужно закашлялась Клава. Шилом кольнуло в боку у Зои, отчего она первая очухалась и замерла, привлекла на себя внимание остановившимся на секунду взглядом, устремленным в себя.

- Что такое сапоги! Проза жизни! Что такое водопад! Брызги! Вот у меня обнова так обнова! - признанная симпатяга Зоя, разомкнув ярко накрашенные губки, растопырив пальчики с розовыми ноготками, ловко выхватывает нижнюю челюсть, гордо, как драгоценный бриллиант, демонстрирует публике.

Все оторопели на миг от зойкиной бесцеремонности. Коротко матюгнулась Коммунара, сморщила нос и замахала руками Вера, потребовав поскорее убрать штуку.

- Фу, - отвернулась, сморщившись, и высказала свои претензии Клава, - зубы показывать! Убирай к черту, а то мне дурно станет, хоть я и не очень щепетильная - видывала коечто почище.

Зоя мужественно выдержала натиск протестов, придавив легкую обиду, твердо и уверенно изрекла, ернически отыгрываясь:

- Я вам не зубы показываю, дурищи неотесанные! Я вам демонстрирую скульптурное произведение! Поразительной работы вещицу. Оцените по достоинству - миниатюра, цвет, фактура, аккуратность! А уж как подогнано - как влито! - она без труда - чуть щелкнуло - водрузила штуку на законное место.

- Одним словом - протез! Нечего нам зубы заговаривать! - рассмешила всех Клава.

- Да, у меня протез! А вам всем я лично объявляю про-тэст! Вам - про-тэст, а мастеру Николаю Петровичу - именную, с большой буквы, Бла-го-дар-ность! Виртуоз! Рекомендую, кому если доведется наводить порядок во рту. И только его!

- У меня в шкафу тоже такое произведение искусства два года валяется. Прикладное искусство! Не могу поднароситься, вроде мартышки с очками, никак не прикладываются, хоть плачь, хоть плюнь, вот тебе и прикладное искусство.

Вера успела выложить из холодильника остатки праздничных салатов, разложила принесенное товарками съестное на тарелки и предложила позвонить пятой подруге Вале, чтобы и она присоединилась к компании.

- Не придет! - категорично отрезала Клава. - Муж! Муж теперь у нее - непьющий! Начинают жить по новой. Медовый месяц! Ха-ха, со своим-то ненавистным собственным. В 60-то лет!

- Не ерничай. Мир: и ладно, и хорошо, и прекрасно, и пусть.

- Любви все возрасты покорны, - со знанием проблемы вставляет Зоя. - «Комсомолка» врать не будет. Уважаю.

- Чушь собачья! - безапелляционно вклинивается Коммунара. - Теперешние газетенки готовы душу дьяволу продать, лишь бы куш сорвать. Сволочные. Раньше вера в Бога кого-то сдерживала. Теперь никаких препон. Легковерные, продают себя. Мол, жизнь коротка. Все стали грамотные. Бездушные. А маразматикам этим, старым пердунам - лафа. Ублажают их и газетенки, и змееголовые бабенки, и мужичонки с самого дна. И пусть эту импазу лопают. До отвала, - не гораздая на лекции Коммунара Ивановна раскраснелась, взволновалась и замолчала, выговорившись всласть. Ее подхватила Вера:

- У нас в педучилище преподавал педагогику некий по прозвищу Песталоцци. Нам деревенским он был интересен своей интеллигентностью. Усики, костюмчик, всегдашняя готовность выслушать, помочь. Без очереди в столовке, как иные преподаватели, - нини. И вот стоишь с ним в тесноте, приклеишься. Невольно чувствуешь его живую, теплую данность, стать. Он не виноват, что всякая выпуклость, наполненная тяжестью мужского достоинства, бесцеремонно касается твоих телес. Очередь прессует. Два его «подшипника» упираются в ягодицы. Необычное, неразбуженное, но уже сладостное предчувствие охватывает. Стыдно, но есть-то охота, не выскочишь из очереди. И вот в скорости - дис-

пут о любви. Зал битком. Студентки жаждут узнать истину. Выступают бывшие дворяночки, божьи одуванчики, называвшие нас, деревенских неучей, только на вы. Очень мы их уважали, влюблялись. Навек запомнили, переняли культуру общения: не повышать голоса - никогда! Мысли передавать точно, кратко, доступно! Свое мнение - не навязывать. В любом споре вести себя достойно, не опускаясь до насмешек над костюмом, тощей фигурой, скрипучим ли голосом... Говорят о любви, верности, дружбе. Комсомольский вожак Тамара Витальевна напутствовала: умри, но не давай поцелуя без любви. Песталоцци начал складно, исподволь, но стоило ему озвучить тезис о любви и продолжении рода человеческого, коммунистки захлопали, давая понять, что его время истекло... Тотчас увлекли за сцену.

Следующий семестр начался без него. А задлявшаяся в девушках комсомольский вожак - святоша Тамара Витальевна вскорости увела мужа у любимой подруги... От природы за занавеской не скроешься...

- Какая я несчастливая. Три раза выходила замуж. Видит Бог, всякий раз по любви. И все не везет, - начала вдруг слезливо жаловаться Зоя, - почему мне не везет? Почему? Неужели я не заслужила чуточку любви! Вроде все при мне. Теперь вот и зубы, что жемчуга!

- Побойся Бога, Зоенька! Не везет ей! Кто из нас пятерых более или менее счастливто! Про счастье так лучше и не вспоминать! Разве все мы не заслуживали лучшей доли. Мое счастье - живая из пекла вышла, с войны. Не надо канючить, живем, как можем. Не хуже других и прочих, - кому как не Коммунаре Ивановне поднимать тонус - не любит слюнтяев. - Вон на днях я допотопную обгорелую кастрюлю выбросила в мусорный контейнер, так одна старуха, сидя на скамейке у соседнего дома, приметила, выволокла из поганой кучи, обрадованная пришла ко мне под балкон и настоятельно кричала поискать еще и крышку. Во! У меня - просят. Я - богатая! Конечно, крышку ту искать - пустое дело. Нет ее уже много годов. Пришлось от добротной кастрюли другого цвета выбросить с четвертого этажа. И рады обе! Довольные расстались.

- Несчастная, кастрюлю приобрести не в силах. А мы сыты, обуты, одеты. Не война - и ладно. Оклемаемся потихоньку. Вот верю я, девки... А ты, Зоенька, пожалей немощных, да и помоги при случае чем-то, тогда и в голову тебе не придет жалиться на свою судьбу. Живешь как за каменной стеной. Мужик у тебя! Разве всем достались мужики-то! И внуки. Море любви.

Тут вступила Вера:

- У нас три сестры, а мужа нет ни у одной. У старшей погиб на фронте под Смоленском. У средней - милиционер, погиб, задерживая на дороге бандитов. Дочь осталась. От меня ушел... знаете, к этой сучке, медсестре. Увела. Хватка у нее железная. Уж такая у них любовь, такая любовь, что мне своей головушкой и не понять. Мечтала она, видишь, паиньку сделать. Это из моего-то! Я не противостояла. Нет! Пусть! Раз любовь... известно: любовь не картошка - не выбросишь за окошко. Через полгода бежит... Не поверите, ноги мои целует: возьми обратно. Плачем оба. Твердит: ты - ангел, ангел - ты! Она - дьяволица. А у меня уж все внутри перегорело. Зола одна холодная, и ту ветром унесло. Не приняла. Может, и виновата я, грешная. Года через два в петлю сунулся. Прямо в ее квартире... Виновата, может, я. Так и получилось, что в нашей большой семье мой сын - один взрослый мужчина. С проклятой войны навалились все неурядицы.

Горестная минута молчания уравняла подруг. Тут Коммунара напомнила утрешний разговор по телефону и спрашивает Веру:

- А сегодня-то что у тебя? Что такое радостное приключилось? Давай выкладывай на чистоту, не жмись! Мы тебе не чужие.

И снова, как с платьем, Вера попала впросак. Не могла же она честной компании, любящей ее, прямо признаться, как ей сегодня, ну точно приспичило, остаться с книгами наедине, как не жаждала никого видеть, какое приподнятое настроение явилось после надоевшего многодневного праздника, какой вдохновенный час настал. Как давно не снисходила на нее легкость на грани счастья...

«Боже мой, Боже мой, помоги сказать что-нибудь приемлемое. Пусть даже приврать, но складно. Ведь существует же все-таки святая ложь... Боже, прости меня, что вспоминаю тебя в самую неловкую критическую минуту...» Веру бросило в панику: отшутиться не удастся, солгать складно не разумеет, не имеет моды прибегать ко лжи. Смолчать бы сумела, но сейчас-то не отвертишься, надо ответ держать. «Боже, выручи, подкинь в мою бесталанную головушку какой-нибудь правдоподобный исход!» Мысли метались, пауза тянулась подозрительно долго. Смятение Веры подогрело интерес. Убийственно-насмеш-

ливая фраза Коммунары «остолбенела» вывела из ступора и каким-то волшебным ключом разомкнула уста.

- Вы знаете... Флегонт объявился! - Вера мысленно благодарила Всемогущего за озарение. Выручил! Не дал соврать! В который раз выручил! Есть Он! Бог есть! Есть! И поспешила подтвердить: - Да, Флегонт прикатил!

- Какой еще Флегонт, к лешему?

- Да ты что, Флегонта забыла?

- Не надо! Тот давным-давно умер! - решительно поставила точку Коммунара.

- А я говорю - жив! В Вологду явился - не запылился!

- Был бы в Вологде, я бы услыхала.

- А ты кто есть! Писатель, художник, фотокорреспондент?

- Боже упаси! - захохотала Коммунара.

- А он по ним первым делом пробежку сделал. Побежал по редакциям, да со своими юношескими неотразимыми фотками. Всех обаял. Оказывается, раньше тоже все писал - писал, больше товарищу Сталину в Кремль.

- Мать твою за ногу - писатель! Столько лет... Порисовывал, говорили, может, и в художники выбился. Чем черт не шутит! - ерничает Коммунара.

- Именно! Представь, портреты рисует. И кого! Луннят, юпитерят, сатанят!

Долготерпеливая Зоя не выдержала:

- Да плюнуть на этих бумагомарателей, и все! Головы морочат православным.

Коммунара со знанием дела хочет дотошно удостовериться, верно ли, тот ли Флегонт, не шутит ли Вера, как с платьем.

- Не верится, сюда, в Вологду, не смеет он показаться! Потому как подлец первостатейный!

- Что-то крепко тебя зацепило, - улыбается Клава, - колись - грех был? А может, любовь?

- Любовь! Да еще какая! - вся закипает Коммунара. - Встретил по случаю в поезде богатую вдовушку и удул на юг, к морям! С ней!

- Вот незадача, теплое море. С тобой бы остался, - переводит на смех Зоя, - а у нас холодно. И вот вывод: любят мужчинки, где потеплее, где море ласковое, где поцелуи горячие.

- Молчать! - не на шутку начала расходиться Коммунара. Все насторожились, замерли. Не будет спроста правдолюбка фронтовичка выходить из себя. - Любовь была, весь поселок льнокомбината радовался, глядя на них. Наталья, скажу я вам, красавица писаная, умница, каких не найти, труженица, да еще и кроткая, как голубица. Настругал четверых... Прекрасно. Богатства в те года ни у кого не водилось. Ох! Ни с того, ни с чего начал ей сцены закатывать. Так больше жить не могу! Пятый, что в брюхе, не мой, не мой! Знаю, с кем прижила, все мне добрые люди порассказали... Такое не прощается. Я честный коммунист. Опорочила, опозорила - не прощу! И укатил, гад, где сытно и тепло, где некому в глаза его бесстыжие плюнуть. Родила мальца, засучила рукава и запряглась на долгие годы на две работы. Старшие за гроши в школе убирались. Сама себя блюла, детки в ветхом, да в чистеньком. Одна подняла, выучила всех. Замуж выдала. Так вот не верится, чтобы он сюда в Вологду сунулся, где столько наварзал.

Клава, переполненная чувствами, тихонько заплакала, Зоя шумно сморкалась в свой надушенный кружевной платок.

- Явился в воскресенье. Две дочери как раз навестить мать приехали. У них давно свои семьи. Наталья вся седая, говорят, величественная, сидела, не дрогнув, не двинулась с места, сказывают. Молодец. И - ни слова! Дочери подали чай, печенье, к столу пригласили. Вдруг открывается дверь, и входит тот последыш, пятый, главный «виновник». Выплитый отец в молодости!.. - рассказывает Вера.

- Дайте мне пистолет! - зычно гаркнула Коммунара Ивановна, которая на фронтовых дорогах всего насмотрелась. Зоя, размахивая руками и судорожно захлебываясь сдавленными всхлипами, взвизгнула. - Я бы схватила первую попавшую под руку железяку, у меня бы без крови не отвертелся! Сволочь такая, всего бы до беспамятства измотелила!

Долго приходили в себя подруги, успокаивая трепетавшие чувства. Наконец, после паузы, Клава повернула к Вере заплаканное лицо и изрекла запоздалый комплимент ее бывшему: «Твой... лучше... Правда... Честно говорю. Совесть у твоего... Была она... За слабость свою сам себя и порешил».

Тут является пятая товарка. Круглая, как колобок, голова золотая. Волосы выкрашены в ярко-рыжий цвет. Брови выщипаны в ниточку, на круглом лоснящемся лице вызы-

вают невольную улыбку. В просторной новой крепдешиновой цветастой кофте. Вся моложавая, слегка на взводе, будто пригубила с утра чего-нибудь легкого французского. То-то светится насквозь: благоверный - опять душка. Выставляет бутылку красного вина. Все оживленно задвигались. Зоя торопится объяснить.

- У нас, представь, сегодня сухой закон. У Веры в холодильнике ни капельки после праздников не завалялось - все вылакали. Во, пошел молодняк! Стол, видишь, отменный, можно сказать, ломится от яств. Твоя бутылочка с лекарством ну просто не высказать, как кстати! - откручивает крышку, намереваясь разлить вино по чашкам.

- Да что это, или мы уж совсем никудышные, чтобы из чашек. Рюмочки у меня не какие-нибудь, гусьхрусталевские. Сейчас подам, - засуетилась хозяйка.

Обновленная Валентина со смехом и от всего сердца торопится поведать о своих семейных делах.

- А мой-то Гриша, не поверите, уже три месяца - ни-ни! В рот не бирал. А ведь какой был, такой и остался. Думаете, уж больно поумнел!

- Давно известно, пьяный проспится, дурак - никогда, - неосторожно некстати ввернула взбодренная предстоящей выпивкой Зоя.

Валентина, у которой по случаю кодирования мужа, наступила полоса «медового» месяца, дернулась всем телом, будто в спину вонзилась дробина, строго взглянула на Зою:

- Это ты... про кого?

- Про наших... Все одинаковы. Черного кобеля не отмоешь до бела.

- Нет, ты уточни, называй вещи своими именами. Я не позволю... - опять пошла в наступление Валя. Вера встревожилась, призывает охолонуть, отступить на поллаптя назад: подумаешь, недотроги.

- Дайте мне-то слово вставить! - требует разгоряченная Валя, которая сходу завелась, так же скоро и остыла, - слова уж молвить не дадут.

Она берет с подоконника зоин малиновый берет и вертит его на кулаке, любуясь мохером.

- Сама завела... - спешит оправдаться Зоя, мысленно коря себя за длинный язычок: слово - что воробей, вылетит - не поймаешь. - Теперь вещи какие-то...

- Да, вещи. У тебя... Твой...

- Что мой, что твой! Одна сатана! - не замечая впопыхах, что все давно взглядами переключились на мохеровый берет и хитро улыбаются, помалкивая.

- Не скажи, мне такой задаром не нужен. Глянь-кось, сзади протерся, спереди свалялся.

- Что? - под всеобщий хохот взрывается Зоя.

- Что-что! Берет твой херовый, извини, мохеровый. Новый век грядет, пора бы сменить это большущее гнездо на что-нибудь веселенькое и модное.

- Ну вас, я про Фому, а вы про Ерему, - вливаясь в общий хор, смеется Зоя, мысленно радуясь, что наклевывающийся скандал исчерпан. - Берет этот не простой, а оберег. Прикипела я к нему, в нем голова не болит, неприятности сами собой рассасываются. Да вам не понять! С первым мужем еще выбирали. Много у меня валяется всяких головных уборов, а этот особенный. Напоминает невозвратные денечки. Счастливые.

- Мы тебе скинемся, схожий подарим, а этот в шкаф упакуй.

Зоя нежно трется щекой о берет, точь-в-точь о теплый бочок ласкового котенка.

- Не знаю уж, как и быть. Точно не обещаю. Не модный, верно, зато голове уютно. Вам все шуточки, а меня поддерживает, будто сердечная таблетка.

Клава поддакнула:

- Иной раз какая безделица так всколыхнет, такую массу эмоций вызовет, просто окатит тебя с ног до головы освежающей волной приятных воспоминаний. Помните я по туристической в Югославию махнула... Там у меня что-то вроде любви получилось. Сказывать ли?

- Обязательно! Да поподробней! Дефицит!

- Помнится, с чего пошло - началось. Приехали мы - группа почти женская - жмемся с сумками, стенки подпираем в вестибюле, ждем, когда по номерам распределят. Заходят три серба. Два балагура помоложе, а третьему около пятидесяти, и тот постеснительнее, все больше помалкивает. Начались шуточки-прибауточки с нашими. Молодые неплохо говорят по-русски. Один обращается к тому, что постарше: «Ты у нас холостяк. Жених. Вон сколько красавиц понаехало. Выбирай любую». Претендентки на руку и сердце мило заулыбались, приосанились, заощипывались, другие тронули свои прически. Я равнодушна, нет, пожалуй, с любопытством и некоторой тайной насмешкой наблюдаю за соотече-

ственницами. И почему-то стыдно за их женские слабости. Взоры наших потянулись к двум ярким стройным подругам. Они будто два цветущих гладиолуса на салатной грядке притягательно-неотразимы. Все замерли, затаив дыхание, когда «жених» плавно, хитро улыбаясь сомкнутыми губами и глазами вприщур, пошел по кругу. Оскорбительно равнодушно миновал «гладиолусы». Приближается к нам. Останавливается напротив меня. Я спокойна: толстушка в очках, никого не могу зацепить. Просто мне показалось, что смотрит на меня, улыбается. Слегка отворачиваюсь. Он не отходит. Бросило в жар. Слышу взрыв аплодисментов и сквозь них его голос: «Такая мне нравится». Вечером зашел, нашел меня. Гуляли меж оливковых аллей. Вдовец, дом его тут же рядом. Садовник при коттедже. Петр серб. По-русски говорит неважно, но мы понимали друг друга. Наш руководитель мне выговор за выговором, покоя не дает. Чувствую, влюбляюсь по уши. Ой, неладно делаю, ведь все равно разлука предстоит, все равно уезжать мне. Рассудительный, не нахальный. Ненавижу, когда руки распускают. Так мои-то руки и глаза к Петру тянутся, ничего с собой поделать не могу...

Клава, устыдясь откровений, заслонила обеими руками горящее лицо.

- Хватит тянуть резину! Дала? - не выдерживая паузы, напрямик режет Зоя.

- Конечно, нет! - выпалила Клава.

- Ну, и дура! Была бы полноправной хозяйкой большого дома. Внуки теперь бы облепили...

- Последние слова утонули во всеобщем гвалте. То ли смеялись, то ли проклинали зашоренность, строгости, наказы тем, кто едет за рубеж. От группы ни на шаг, язычок на замок, чувства в кулачок. Честь страны прежде всего!

- Зато Петр наградил меня комплиментом, можно сказать, на государственном уровне: «Русский жена (то есть женщина) - харашо, немец жена - плохо».

- Ага, - догадывается Коммунара, - сперва удочку закинул на немку экономную, скуповатую... Обжегся, наверняка тянула подарочки, да подороже. Ты ведь глупышка, гордости-то выше головы.

- Не взяла ни одного. Как говорится, мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь. Цветок его и посейчас в конверте храню.

- Конечно, алая роза? Или пылающая гвоздика? - любопытствует Зоя, постигшая глубины и тонкости загадочной любви. Суровая Коммунара зарделась лицом, выдает свое:

- Точно - огненная! Маков цвет! Не успеешь припасть, насладиться вдоволь, пригреться - уж шалым ветром оборвало, унесло не знать куда, ищи-свищи. Мне лично навек памятны озерные лилии. Хрустально-жесткие, белоснежные. Катались с однокашниками перед войной на лодке. Махнули на другой берег озера, к лужайке. Лодка уткнулась в песок на мели. Все торопливо начали скидывать туфли, чтобы босиком дойти до берега. Я не успела разуться, Витек проворно выскочил из лодки, прямо в туфлях подхватил меня с лилиями в охапку и понес к берегу, бережно, как принцессу поставил на травку, - Коммунара замолчала, протолкнула комок в горле, пальцем осушила слезу. - Убили в сорок первом. Не верилось! Рванула на курсы медсестер - найду! Потом фронт. Всю войну с пистолетом в охране санитарного поезда пропахала...

- Неужели стреляла?

- Не раз, в воздух. Когда остервенелая толпа прет в вагоны, запросто и - в человека, по уставу военного времени. Война - сука подлая. Все на пределе ненависти, на острие лезвия. Так что не надо хлюпать носами, бабы. Несравнимо досталось мужикам, по полной. Даже букашке жить охота. Что говорить про человека.

- Зато ты выбрала себе наверняка самого-самого.

- Матюкальщик был отчаянный, но уж и труженик! Планида выпала счастливая, жив остался. Разведчик. Пошли раз за «языком». Это уж в третий приступ. Две самые мобильные группы не вернулись. Полностью! Сгинули. Это сколько Ванек, Сашек, Серег, Колек, Васек! Моему сотоварищи повезло. Приволок мой на закукорках дюжего красавца - фрица с кляпом в зубах. Весь такой лощеный, уверенный, головы не клонит. Держит марку. Только что «хайль Гитлер» не кричит. Ушлый Мишка Зайцев за переводчика. Навострился. Призван с последнего курса, немецкий изучал в тульском институте. Допрашивает. Так и так, выложишь все начистоту, мы не душегубы, даруем жизнь. Плен, сам понимай, не самое худшее... За час, считай, уломали, «неподкупного». Фриц смяк, очень, мол, хочет, пусть перед смертью, со слезами на глазах обнять свою фрау, поцеловать - благословить своих киндеров... Вывернулся наизнанку: где, сколько, когда наступление... Миновал узкий проем блиндажа, всей грудью вдохнул морозной сини безбрежного русского неба и, срезанный меткой пулей снайпера, рухнул как подкошенный...

Опять застопорилось, остановилось время, запнулось о колдобину.

- Ой, Коммунара, лучше бы не рассказывала. Вывела меня из строя совсем... Клава, ведь ты недорассказала про свой чудесный цветок. Покажи его как-нибудь нам. Обязательно принеси.

- Нет уж. Извините. Не хочу. Вы ничего не увидите, сколько лет прошло, поблек. Лепестки искрошились, осыпались в конверте. Только седенькие узкие листики плотно сидят на крепкой ветке. Мое это! Ни чужих рук, ни чужих глаз не допущу. А помню все! И цвет у моей кратковременной любви мой самый любимый - синий, - Клава приподняла глаза, окинула подруг выше голов, устремила взор в небесную синеву за стеклами. Озарилась улыбкой, от которой в тесной комнате всем стало теплее, просторнее. - Лаванда это. Неразгаданный скромный цветок... - любовь это.

- Ах, кабы на цветы не морозы, и зимой бы цветы расцветали, - итожит романтическая Вера.

- Вот то-то и оно, - зачастила Валентина, - у нас в колхозе была молодка. Двое детей, мужа убило. Краснощекая, статная. За рост Вершиной прозвали. По-теперешнему - модель. Так что вы думаете, в октябрьские праздники, когда бабешки «наплясалися, напелися - на что миленочек», убрались по домам, она присмотрела никудышного ветерана первой мировой. Никанор - метр с кепкой, да еще и ранением в ногу укорочен. Унесла, как самовар, к себе в баню, благо она еще не выстыла.

- Разбирается, знать, в «самоварах»... Кому - попеть, а кому - погорячее, - загомонили товарки, успокаиваясь от дружного смеха.

- А мы нынче и не пели, - замечает Зоя с сожалением. - Мне попеть - бальзам на душу. На теплоходе музыка играет, а я одна стою на берегу. Машу рукой, а сердце замирает, и ничего поделать не могу...

- Дома попоешь.

- Никак нельзя. Свекровь приехала больная. Я что - нехристь последняя. Не запоешь. А с вами бы за компанию - другое дело, душеньку бы отвела.

Неожиданно Вера взглянула на часы и ойкнула:

- Времени-то! Где мой Генаша?

Подруги засобирались по домам, подытоживая и запоминая запланированное на ближайший месяц. Во-первых, не забыть сходить на митинг против американской агрессии в Югославии, клавиного Петра поддержать. Во вторую субботу Вера выступает солисткой в своем хоре в клубе - подбодрить. В третью субботу - помочь клеить Клаве кухню.

- А ты, - обращается Зоя к Вале, - мне жилетку не навяжешь ли, села, тесновата, а уж больно любезна.

Коммунара, обувая новые сапоги, не обращая ни на кого внимания, тихонько запевает:

- Оторвали, оторвали, оторвали у попа... Не подумай на худое - от жилетки рукава.

Вера, собравшаяся встречать Гену, спрашивает:

- Ой, хорошо! Коммунара, откуда ты знаешь столько прибауток?

- Все, девушки, пошло - началось из деревни. И хлебушек, и рабочие руки, и солдаты - защитники наши, и песни. Все ведь оттуда изначально, от земли.

Неожиданно приоткрывается дверь в ванной комнате, и в толчею прихожей перед изумленными дамами является протирающий кулаками глаза Геннадий - внук Веры.

- Где ты был? - в недоумении строго допрашивает Вера.

- Заснул в ванной на табуретке.

- Ты сидел и подслушивал, какой ужас! - негодует бабушка.

- Я не хотел мешать! Зашел, вы не слышали, хохотали все, как... Сел на табуретку, я не хотел слушать. Больно мне надо слушать ваши тупые анекдоты. А потом заснул, - уже раздражаясь, почти кричит внук.

- Иди мой руки, поешь. Попозднее поговорим...

- Опять, опять, опять поговорим! Коммунара Ивановна, скажите бабушке, что не виноват я! У нее не поймешь, то - спи, то - зачем заснул! Коммунара Ивановна, я не виноват. Честно. Скажите ей, пожалуйста, - взмолился Гена.

- Само собой, не виноват, - авторитетно, по-командирски подтверждает Коммунара Ивановна. - Ты только взгляни, сколько свидетелей.

С полным удовлетворением Коммунара Ивановна крепко, по-мужски жмет руку отроку Гене, лицо которого расплылось в довольной улыбке.

Александр ХАЛОВ

КОГДА Б У МЕНЯ СЫН

I.

Когда у меня родился сын, я был далёк от него.

Как сейчас помню - да, как сейчас: я вернулся с работы, вошёл в квартиру, щёлкнула замком дверь. Начал переодеваться, не успел - застучали. Я открыл, стоял сосед. «Да?» Он сказал: «Звонили». Я ответил: «Не понял».

Он тогда сказал: звонили из роддома, у тебя сын. И стоял, зорко наблюдая за мной и чуть скалясь. Смешно. Пожалуй, не помню вовсе тех своих первых чувств. Да. Я не знал, как реагировать; то есть они не знали. Будь я дома один, взял б сигарету, большой фужер, бутылку коньяка и встал к окну. Да. Смотрел б на дома, на небо, сигарета бы дымилась, лился коньяк... Ну, не знаю...

А я б... Бы о чём-то мечтал. О чём, тоже не знаю. Так бы и достоял до утра. Сходил бы ещё за коньяком - ведь событие! И - до утра. Когда один, и сделано всё, и ничему не обязан, я всё мечтаю. Да!.. Туманно так, бесформенно... Приятно о чём-то...

«...Мечтать не вредно, а главное, не больно» - помнится, всегда подкалывала меня бывшая жена.

...Так бы и достоял до утра. Потом на работу. Но была реальность: сосед. И ещё реальность: в роддоме (где это?) - сын. Я мешкал. Сосед сказал: «Пойдём ко мне. Я понимаю... У меня борщ». Вот как. И простое (невкусное сегодня) слово «борщ» отрезвило меня. «Так - стоп, - сказал я. - Вот чего я хочу. Мы отметим моё событие истинно по-русски». (К чёрту свекольники, харчо, рассольники, солянки, борщи! И коньяк.)

...Была картошечка, - вчерашняя, холодная, в плотно сидящем «мундире», очищать которую, уже закусив и хрумкая дольку солёного огурца, одно удовольствие. Были солёные огурчики, прошлого года, в заплесневевшем рассоле, прозрачном под пенкой, пахнущие укропом, чуть чесноком и совсем чуть - смородинным листом. Была докторская колбаса, шпик, свежие помидоры (принесла соседова жена), хлеб. Ну, и водка, просто «Русская водка». Да, была простая изысканная русская еда.

За всем этим прошёлся по стаканам - чай (передышка, смена настроения). Затем «догонялись»: сардельки, водка, хрен, хлеб.

Очнулся я... Не в постели. Но было хорошо - какая-то благость, потому что первой мыслью - всё-таки сын!.. Я подумывал: может, перебраться на диван, укрыться с головой (слишком светло), да подремать?!

Но была неприятность (мешала). Через открывшийся ночью рот прошли (да пусть бы просто прошли, хоть не гадили) десятки кошек. Они же прошарашилось по столу (кулинарный мамай). Надо было избавиться от гадких ощущений и лицезрений (терпеть не могу любой беспорядок!). Я поднялся. Покачиваясь прошёлся.

Вот! Теперь я был один. На-ко-нец! Я встал у окна.

Враз всё пропало - чувствами я могу всё заглушить, всё изменить: все ощущения, все внутренние неприятности - всё!

Я стоял у окна. Сигарета, коньяк, - небо, улочка, солнце в утомлённых глазах. Жизнь - такая благодать!.. Хорошо бы жить так, как хочу.

...Не дали.

Оказывается, сосед не уходил. (Ушла у него жена, его жена.) «...О чём мечтаем?» «Да как бы тебе сказать, когда сын...»

Мои мечты, мои желания не были определённы, конкретны.

«...Но кажется, лучше дочь. Я слышал, девочки ближе к отцам.

...Знаешь, она предоставила мне выбор - два имени, если сын: Пётр или Данила. Я не знаю...»

- Давай-ка - чай.

(Вот так: конкретно.)

- А давай. Тебе не на работу?
- Я в отпуске.
- Как тебе хорошо.
- Хм-м...
(Моя действительность всегда умела хмыкать.)
- ...Я в отпуске, а ты вообще всегда сам себе хозяин!
- Не скажи - своё дело это!..
- Да брось!.. Давай посидим! Я первый день в отпуске - такое событие!
И мы посидели.

Мы посидели, а я хотел стоять у окна. Стоять и мечтать: мне всегда кажется, что мечты это тоже жизнь. И когда-нибудь сбудется всё - когда-нибудь, как-нибудь все мечты воплотятся. Но действительность (да хотя бы сосед) убеждала меня (и убедила): надо сесть за стол, надо пить чай, надо подумать о том (и о сём), обсудить варианты.

(Стоп, а когда же мечтать.)

- ...Что - Пётр!.. Что такое «Пётр» - рассуждала моя близко посаженная действительность.

- Что такое Пётр?!.. Например, - камень. Помнишь в Библии? «...И на том камне я построю...»

- Да брось!.. Пётр - это не современно. Петя, Петька... Вот Данила!.. Это Данила!

- Да?

(Кажется, я противоречил только из духа противоречия ей.)

- Пожалуй, лучше. Данила - мастер.

- Что - мастер?!.. Как мастер?!

- Ну как же! Ты разве не знаешь?

И я рассказал, что знал.

Моя действительность (в лице соседа) загнула один палец. А другой наставительно вздела вверх.

- ...Вот-вот! Данила-мастер!.. Хм-м, я и не знал. Теперь буду. Данила-мастер, так Хозяйка Медной горы порешила.

Я был доволен: одного просветил. (Другую б переубедить.)

Но её не переубедить - я знал мать своего сына. (Она идёт своим путём, я своим. Встретились на перекрёстке, столкнулись. И снова порознь.) Так что - либо Петька, либо Данилка. Второе звучало лучше. Сидя за столом, я достал коньяк. «Ну! Будем».

Так родился (мой) сын.

Когда он был совсем маленьким, мы были в ссоре с матерью его. И не виделись.

В год, наверное, я сумел несколько раз его покачать.

Когда он начал ходить, мы с его матерью в очередной раз «на всю жизнь» рассорились. И я не видел его ровно три года.

Я пытался обрести новую семью. А она мстила мне: иногда (но всегда в точку) звонила или писала письма. О чём? Какой он славный, умненький, пригожий, - и как невероятно похож на меня. А то писала - он падает на пол, бьётся и плачет. И кричит, что хочет папу, и всё - папа! Папа!.. (Я в ужасе расставался с очередной подругой.)

Когда сын подрос, как-то всё поутихло. (Может, мы от своей ярости отупели, состарились?)

...Когда сын подрос, как-то мы столкнулись. На улице. Вместе погуляли. Походили, даже посидели в кафе. Потом она расщедрилась - даже посидели у них в квартире, на кухне. (В моей квартире... На моей кухне... Я так любил эту квартиру...) И мой Данила стал бывать у меня.

Я двудомный. (Шучу.) У меня два дома. Летом в городе не живу. (Лето - животворящий поток, - вода, - небо, лес, травы. Лето - прелесть. Зима тоже. Зима - пристань, спокойный труд в затишье. Пристанище от холода и бездорожья. Зимой люблю суету городов.)

Деревня и город - две мои равные стихии, - я как оляпка: одинаково хорошо чувствую себя и в воздухе, на крыле, и на ногах, под водой, в воде. Зимой я мастерю и пишу, летом сажаю, копаю, пишу и мастерю. Писательство и мастерство/ремесло - две мои равные стихии тоже.

Я думал: хорошо бы мой сын мастерил, стал мастером. Мастер - это!.. Жизнь! Я счастлив в своих трудах, я знаю жизнь. Хорошо бы, он тоже.

Я стал наблюдать. Кто он, что он?

У двух «Близнецов» - существ воздушных, подвижных, сверхбыстрых, сверхчувствен-

ных, свободолюбивых, - до всего любопытных, ко всему восприимчивых, жадных до разносторонней деятельности, - при этом поверхностных, легкомысленных (в сравнении, конечно... Зато лёгких) к поражению, - и удивлению - мира обычно рождается основательный, упёртый в себя хваткий проницательный «Скорпион». (Неплохо для мастера.) (И для писателя.)

Но взаимоотношения «Близнецы - Скорпион» - сущий ад, для меня - сущий ад! Их ось проходит через ядро Земли и напоминает мне деревянное приспособление для извлечения огня. Медленное вращение - мука, ничего не добудешь, не горит - только трясёт. Быстрое - всё вспыхивает! Всё жжётся! Ломка и уголья. «Близнецы» - антиподы «Скорпионов».

Я уже не юн, чтобы давить на людей - в особенности на любимых (а я без ума полюбил своего сына), я решил: пусть дело, действие определяет наши отношения, так легче. И стал учить «Данилу-мастера» пилить, строгать, красить... И писать. И вначале пошло.

Но оказалось, он не хотел ни пилить, ни вырезать, ни строгать. Он любил ползать по деревьям, часами сидеть где-нибудь в гуще ветвей, листвы. И писать.

О-о!.. В семь лет он уже писал. В восемь - уже громадно! В девять - невероятно (по-детски, конечно, но куда мне до него - я сразу почувствовал: куда мне до него!.. Он пишет намного сильнее меня!) Я читал его работы и сдержанно хвалил. И критиковал. (А в душе ахал и восторгался, и наслаждался.) В моих руках был робертино лорети, и мой робертино обладал уникальным голосом. Я решил учить его «петь».

Вот что я стал делать. Я стал подбрасывать ему темы для небольших сочинений, убеждая написать на какую-нибудь из них. Да. Я убеждал его: получил талант, дар - надо учиться. Надо набивать руку. Надо стараться быть разнообразным, пока не выплыл на свою реку, - пока твой ручеёк не вынес тебя на твою реку: на свою писательскую тему. А он не желал никакого учения, никакого давления (будто я был - насилие), он другой.

Однажды (ему было с половиной девять) я заметил что его - ну очень! - заинтересовало! И подбросил тему. Он отнекивался, я давил. Он не хотел, я жал. Я приказал ему, он молчаливым бунтом отказался. Тогда я чуть не заплакал от досады - он бы это смог! Я взмолился! Он снизошёл. (Ой как хорошо.)

Вот что он сотворил.

Папин Данила

Рассказ о том, как папа САМ сделал свою РЕКУ, и о том, как она сейчас выглядит

...Недавно я стоял около реки, которую папа сделал сам. Вот как она появилась.

Раньше папина усадьба была школой. Затем там обосновался клуб. И в конце концов, когда местность, где стоял дом, окончательно заросла бурьяном, когда дорога была абсолютно испорчена тракторами и автомобилями и когда повсюду были разбросаны кирпичи, битые стёкла и ещё хлам, дом забросили.

Когда туда приехал папа, в доме был полный разгром. В некоторых местах вместо крыши - решето. Пол проломился. Стекла разбиты. Папа стал все восстанавливать...

Через определенное время, в доме были благоприятные условия для житья.

Проходило время. Папа вырыл трактором пруд для бани. Затем он вырыл пруд побольше, у леса, для купания. Так первый пруд стал Средним, а второй - Верхним. Но с самого начала хотелось папе, чтобы рядом с домом обязательно текла река. Без реки он не может. Но ближайшая река была далеко. Переселятся? Нужно много денег. Вот и вырыл папа трактором свою, лесную реку.

Во-первых, он вырыл ещё один пруд, для меня, очень мелкий. Этот пруд он назвал Нижним, или Детским. И соединил все пруды. Так возник каскад прудов. Ещё через год папа решился и поехал на тракторе в лес. Папа сказал мне: «По крайней мере, попробую». Что - он не сказал.

Ему не нравилось, что лес около дома сырой, болотистый и везде стоят лужи. Папа установил низкие места и через них прогрёб ножом трактора землю. Так за пять часов папа сделал русло. Когда он вылез из трактора, то был весь сырой.

...Сейчас река действует вполне по папиному замыслу. Снег тает, идут дожди, - вода собирается в лесу в русло, течёт по нему в Верхний пруд, из Верхнего пруда - в Средний, банный, из него в Нижний. А из Нижнего пруда вода вытекает в небольшое болотце. Из болотца она по канаве, через трубу в дороге, которую тоже построил папа, перетекает на

другую сторону дороги и бежит в канаву. Та канава вдоль другой дороги идёт в сторону реки Обноры.

Река Обнора впадает в Волгу, а Волга впадает в Каспийское море. Папа говорит, он шутит: «Наша река впадает в Каспийское море!..»

Около папиной речки много жёлтой глины. Она вышла на свет, когда папа на тракторе прорывал русло.

Когда заходишь в лес, слышишь щебетанье птиц, шорох листвы и звук текущей воды.

Я пробовал запускать кораблики. Ветки плыли прекрасно, а вот самодельный деревянный корабль всё время норовил застрять между корягами, задевал парусом за корни, торчащие везде из берегов, и ещё, он останавливался на мелководье.

Речка идет недалеко в лес. Если встать на её конце, то можно увидеть усадьбу.

Если нужно будет перейти на другой берег, надо пройти примерно чуть больше половины речки. Там лежит большое дерево. Оно может послужить мостом.

С того самого дерева виден танец водяной пены: небольшие кусочки пены разъединяются, плывут против течения, соединяются, снова разбиваются на маленькие частички, и так дальше. На дне очень много листьев. Из-под листьев идут цепочки пузырьков. Мне нравится папина река.

Прочитав, я понял. (Не скажу.)

Вторым делом я подумал - потенциал его мышц куда более значителен, чем предполагал я. Да. Этого мальчика надо напрягать. Да-да-да. Надо ставить ему невозможные, непосильные задачи (так я всю жизнь сам воспитывал себя), тогда он достигнет максимального. (Наполеон.)

Я перечитал его рассказ раз двадцать (не знаю, что я искал?), взял ручку и... Написал к нему вторую часть. Да, - предложу ему к чтению: пусть учится писать. Даже не так - пусть возьмёт мою главку как тезисы, осмыслит их, переработает по-своему. И дополнит рассказ. Вот как. Пусть это не его, ладно. Пусть продлит свою волну - моей помощью, во взрослую жизнь. Потянется за большим и, потянувшись, вырастет сам. (Да и я кое-чему научусь - уже научился! - у него.)

Вот что я написал.

...Кстати! Я совсем не подумал о том, что надо сказать: почему возник этот рассказ! Это всё папа. Папа у меня - мастер. Он придумал себе мастерскую, потому что мечтал мастерить, и сделал её. И работает теперь в своей мастерской. Мне редко нравится работать в мастерской, мне нравится писать книги.

Когда я у папы, он заставляет меня работать, сделать хоть что-нибудь в мастерской. Мне приходится. А ещё он много раз замечал мне, что если я пишу, то надо учиться писать. Наверное, он не дождался, пока я начну это делать. И однажды он сказал: «Давай, я буду придумывать тебе темы, а ты будешь писать маленькие рассказы». Но мне не хотелось. Я не умею писать о том, что меня не интересует. Но папа настаивал. И дал мне название, которое я когда-то выкрикнул сам: папина река! Так я однажды назвал рукотворный папин ручей в лесу вместе с каскадом прудов.

Мне пришлось послушаться, потому что папа сердился. Папа почти кричал. Вот что он кричал. Если я получил талант и знаю о нём, я - Должник. И должен талант отрабатывать. Папа сердился, и мне пришлось писать.

Потом я обиделся, потому что первый мой рассказ папа выкинул. (На самом деле он спрятал его в большой железный сейф, в котором хранит Архив.) А мне сказал: «Школьные сочинения пиши в школе. Пожалуйста, потрудись над рассказом». И ушёл в мастерскую. А я пошёл в лес и стал смотреть на реку.

Я смотрел на реку, а сам думал: «Папе хорошо, он всё может!..»

Люди называют его: Мастер. К нему приезжают из разных городов посмотреть Мастерскую, заказать и купить его изделия. Я хотел послушать, о чём они ещё говорят. Но там было много мне непонятных фраз. Тогда я пошел в Мастерскую, взял книгу отзывов и стал читать. Там много раз встречались слова: музыка, дерево, поэзия. Но один отзыв мне понравился больше всего. Вот он, цитирую: «Множество его талантов поражает. Музыка, математика, литература, фотография, чувство природы, мастерство, умение работать с живой тканью... - кажется, слились в его работах, в его изделиях вместе. Так течёт только единое целое...»

И я подумал: вот настоящая папина река.

Гм-м... Сам не понимаю, как вот так здорово вышло! Видно, большая польза продолжать песни и пение вслед за «робертино лорети»! Как это я: «Вот она - настоящая папина река!» Самому мне бы так никогда... Нет - самому б: не догадаться, не написать, не сказать. Неплохо. Потянулся за чем-то большим, и вырос сам. Вот так да!

Извилист путь авторского мышления - образы, домыслы...

II.

Задуманный мною рассказ не был написан: мы в очередной раз расстались.

...Она дала моему сыну свою фамилию, она забрала его, она увезла его к другому «папе» (не могу здесь без забора кавычек), - в иной город. Далеко от меня.

Хорошо, всё произошло летом, - у меня уже текла «Папина река», - она - вода, - я часто купался, а в воде не бывает слёз. Да, хорошо, что всё произошло летом: никто не видел, как я, подламываясь, поникал, мгновенно увядал, как лист, стукнутый внезапным морозом; - падал на землю, в траву, - сламывался пополам там, где заставала мысль о сыне. (Не было сил.) Сами собой враз подкашивались ноги, а я, - и я, не желая насилия над собой, - я давал им делать, что хотят. И почти валился. Когда был на суше, валился в траву, когда в воде, захлёбывался и не желал себе выплыть. Водой рыдал.

III.

...Горе не бесконечно.

IV.

От сильной беды нервы тупеют: их чувствительные окончания сшаркиваются драчёвыми напильниками болей. Я рвал траву и метал стога. Лето текло.

И протекло ещё лето.

V.

От сильных чувств всё становится образным. Домыслы либо исчезают, либо обретают реальность. Толкаемый острыми локтями болей (они толпились вокруг меня, куда-то вели), я сам оставил себя один на один с действительностью. И сам формировал её. Образы, образы... Помогло лето. (Выручила тёплая родная стихия.)

Тихое лето с ливневыми дождями, - пасмурное то дождливое лето замыло все следы; и даже безобразные колеи на лугах мягко заплыли, заровнялись землёй. Травы поднялись в рост человека; скрылись все обычновидимые горизонты.

Я нашёл свой поток и вступил в него - эти люди!.. Эта новая среда моего чувственного, эмоционального, мысленного обитания, - эти люди, их поток подхватил, понёс меня. Я недоумевал: где я был раньше - вот же моя настоящая человеческая стихия! (И очередная родная.)

Я выбрал место своего будущего родового имения. Ездил, ходил туда, - смотрел, думал, ощущал. Посадил первые деревья, потом мне привезли - подарили - орешки (то есть семена) кедра. Держал их на ладони: вот несколько будущих могучих деревьев - невероятно! Умещаются в ладони... Будущее в моих руках. (И я врастаю в него - кедр.)

...Я знаю ЧТО делать, знаю КАК делать: я ВСЁ мечтаю. (Не опять.)

Однажды сел, выкурил все сигареты, выпил весь коньяк. (Я не из тех, кто может выбросить эти приятные слабости в помойное ведро, я лучше пройду их до конца, пока не кончатся. Кончились. Сам помог.) Больше не покупаю. (Позабытые пылятся фужеры, в тумбочке на балконе забыта пепельница.)

Где бы я ни был, когда моя мысль свободна, мечтаю. Собираю свои туманности в облака, своим солнцем задаю формы. Размытые изображения беру в фокус, и если удаётся навести резкость, выставляю максимальную длительность выдержки и диафрагмы (растёт глубина резкого изображения): фотографирую мысленно их.

Всё это непросто. (Даже похудел - в мысли вкладываюсь, трачусь энергенно.) Всё непросто, просто я научился мечтать. Это так.

Вспоминая, завидую Грэю и Ассоль. (Где они сейчас, безумно интересно!) Вот - сильные мечтой - мыслью и воображением! (Знал ли сам Грин, ЧТО пишет!)

Мечта - модель действительности. (Ох, недаром запрещена - как грех - в любой религии, жрецы знали...)

Теперь я тоже знаю, как делать жизнь: надо мыслить о ней, её мечтать.

...Раз я люблю воду, мечтаю жить на реке: пусть течёт возле моего дома.

...Пусть не прервётся и моя река: будет сын. И будет сын у него. И у него. (Мой шанс вернуться на Землю.)

Когда у меня будет сын...

Но - по полочкам, я люблю всё по полочкам. И первое, - какой же сын, откуда же ребёнок без матери.

Странно, что я вовсе не думаю теперь о своей «половинке» - может, это неверно?

Когда-то я напряжённо думал, искал, теперь нет - теперь не то. Я успокоился: не от чего переживать. И вот почему. Я нашёл свою среду - свой поток, я вошёл в него. Значит, он уже несёт, - а значит, вынесет, куда надо меня. Конечно, целая жизнь - это только жизнь вдвоём, жизнь, когда вместе двое. Один - ручеёк, двое - река. Сейчас я не думаю - действую, плыву в своём потоке. Да, пусть он вынесет меня. Знаю одно: раз я «Близнец», значит... Будет так: два «Близнеца».

Никаких разногласий - единый образ жизни: наша земля соединят нас так, что будет никогда не расстаться. (Да и зачем, а?) Теперь я не боюсь - в единстве нет проблем.

Но вот надо подумать о чём (обязательно): как нам - двум существам от природы - воздушным, лёгким, но легкомысленным, не промахнуться в главном своём творении; и создать подобного себе: «Воздух». (На втором месте у меня - «Огонь».) А самое лучшее - третьего «Близнеца», мне мечтается так (так идеально). От будет семейство! 1 + 1 = 3. Да! Вот - по-нашему.

Когда у меня будет сын, мы будем близки - все втроём. Надо стараться.

Мне важно: каков будет продолжатель рода. (Шучу себе: «папина река».)

Я хочу назвать его... В последний год мне нравится имя «Дмитрий». («Митя - Дмитрий, Митрий хитрый...» «Митя был маленький и всё наблюдал...» «Дмитрий - Михаил - Адам» - имена одного порядка, ряда, рода. «От Адама...»)

«Пётр» же не забывается, как «камень». Потому, что хочу строить. Конечно, не на песке, а на камне. (Оставлю это имя своему Дмитрию, пусть думает о Петре.)

Итак, что уже выходит. Родовое имение - спутница - пара - единый образ жизни - родовое дерево - желание сына - сын. (Имя всему дать.)

...О, Творче мой, боже - какое звено чуть не выпустил! Нет опыта, спит ещё родовая память. Да, спит, но чувства вдруг всколыхнулись и подсказали (в чувствах - всё!). Кого - кого я Зову в моего будущего сына?.. Вот вопрос для меня! И теперь я знаю ответ! Прадед мой Михаил!.. Когда у меня будет сын, хочу видеть в нём лучистого своего прадеда. (Михаилом звали его.)

Прадед мой Михаил! Как ты любил жизни, как ты умел любить людей, так и тебя любили. И как река, которая текла через года, - как река, притекла ко мне солнечная о тебе память. И я тебя теперь так люблю.

Да и понимаю: уже ты заждался. (Хотя - плохо ли там, на небесах, кто знает?)

Прадед мой Михаил, тебя призываю в своего будущего сына! Каким ему быть, пусть твоя светлая, твоя беспокойная созидательная душа сама всё решит, всё установит. Буду помогать. Мне донеслось: твои лучистые глаза умели греть. Мне это - важно.

Вот и всё.

Продолжатель дела всегда найдётся среди людей - было бы дело. Главное, продолжатель рода, главное - продолжатель рода. Будем вместе, восстановим - пусть текут - реки: прадеды - деды - отцы - сыновья; внуки - правнуки - прадеды - отцы - сыновья... - река.

Рекла. Рука.

МИЛЫЙ ДРУГ...

Истинное дыхание

Милый друг; так хочется ответить на Ваше письмо - так хочется!

...Но я только ставлю пластинку, и вместо пера беру в пальцы иглу, - и незабвенная, неподражаемая Клавдия Шульженко снова и снова, как по моему душевному манию, выговаривает мне:

«...Давно!.. Забытых лет.
Я Вас звал!
Кругом молчало всё в ответ.
Лишь луна.
Ласкала Ваш портрет.
Луч Луны

Упал на Ваш портрет,
Милый друг -
Давно!.. Забытых лет.

И я лишь ещё и ещё, снова и снова вместо листа и конверта заполняю себя и свой дом; и ставлю, ставлю, ставлю пластинку - мы расстались.

...Мы расстались. Так радостно, что мы расстались на взлёте.

Внезапные две эти мысли вдруг привлекли меня. Завариваю сейчас чай - взял новую, взял нераспечатанную пачку «Ахмада» - «Ahmad tea», того, который «Green», - и сразу вспомнил: мы с Вами любили!

Мы - любили.

Мы всё любили; а после всего... Любили перебраться в кухню, открыть новую пачку этого самого чая, - маленькую, самую-самую, пачечку на пятьдесят грамм, купленную по пути в магазине, - вскрыть её, взять новую бутыль воды, скрутить пробку... «Скважина номер 5». И!.. Снова что-то бесконечное - наши взгляды, наши разговоры... Терпкий вкус, - о, аромат.

Мы расстались; так радостно мне! Мне никто не поверит; но и никто не поймёт меня - отчего?! Мне радостно оттого, что мы расстались на взлёте.

Мы всё неслись, - вверх, ввысь, - и уже достигли вершины, - ещё б один миг! И - на самой вершине! Но и на краю?!..

Но нет: вся история наша - подъём вверх без падений. Взлёт, подъём, нацеленность на успех. Ни который из нас не мыслил ничего по-другому. Только вверх! Только к солнцу! Вверх и вперёд.

Светлые чувства, светлые мысли, всегда - созидательность: всегда и во всём!

Созидательность во всём!

...Я знаю: не раз я огорчал Вас. Увы мне...

Ни единожды, никогда - Вы не огорчили меня!

Своей любовью Вы сотворили невозможное: Вы подняли меня - любовью! Любовью! Обожанием! Боготворением! - на новую высоту! Мою высоту, свою высоту.

Я знаю, Вы не считаете себя высотой. Это не так; это неважно; со стороны видней. И я не раз со стороны наблюдал за другими людьми при их общении с Вами, и я точно знаю: как высоко они, многие, ценят Вас!

Мой характер... Вы пишете мне сейчас: Вам не в чем меня упрекнуть. А мне себя? Вам - да, не в чем; и - Вы ещё любите. Я знаю, и после Вы скажете то же и так же; даже когда уж совсем не останется нашей любви.

Вам всё ещё досаждает наша разница в возрасте. Помилуйте - что она нам?!.. Для чего говорить об этом теперь, когда ранее мы об этом не говорили? Если мы с Вами её не чувствуем, не видим, не знаем оба - бог с ней... И - чёрт с ними: суждениями окружающих о нас.

Вам кажется, я её не замечал? Но нет же, не так: не придавал никакого значения ей.

Ах, как хорошо помню, как иной раз мы шокировали других. Вот, например. Прекраснейше помню взгляд - нет! Помню сами испуганные глаза! - моего приятеля. И немигающий взгляд, которым, в спину нам, он провожал нас.

Мы выбежали из дома, из подъезда, - того дома на главной улице города, где Вы тогда жили; там блюли квартиру родственницы, уехавшей в Индию. В Индию!.. Меня завораживало, интриговало! Как так?! Каков человек? Какова вообще жизнь?!! Вот взять, и уехать в Индию. И непросто - в страну, на отдых, а - в нечто: в ашрам. (Я не представлял тогда, не знал, что это такое - но каково само слово! Как звучит!) Уехала на полгода. А работа?! А предприятие?! А восьмичасовой рабочий день, как у всех?! А выходные?! Но вот же, можно! Но, с другой стороны, всё равно непонятно - а как так?!.. Но вот же: можно и так! Человек захотел, решил; взял, оставил всё и поехал. Ему ЭТО важней. Он ТАК живёт. Молодец, заранее люблю.

...И вот мы - после всего, и после традиционного нашего чая, - мы выкатились двумя умасленными колобками из своей божественной, напоённой любовью, - наполненной, и уже, по-моему, переполненной! - квартиры; и мой приятель возник, как километровый столб на шоссе: внезапный, на внезапном повороте. (А мы опаздывали, и бежали, в филармонию на фортепианный концерт.) «Привет!» «Привет». Всё обычно: приятель встретил своего приятеля с подругой. Но его глаза!.. Они отделились от тела и следовали за нами. Кажется, так. И ошарашено глазели на эту парочку, бегущую вперёд и интимно

судачившую о своём. Глаза озадачились чрезвычайно: наша разница в возрасте (тринадцать лет, приятнейшее число!), да ещё в наши года, когда и мне-то за сорок, всё-таки всем бросалась в глаза. Они (все) не знали, что мы равны. Ду-ра-ки. Кто не понимает. Кто не принимает путей любви, тот не понимает любви! Тот не знает жизни, кто не понимает любви. Тот не умеет жить! А значит, не живёт. Кто не принимает любви, не любит, не жаждет её постоянно - тот не живёт. Дураки.

Будем на них смотреть?

Будем на них смотреть - будем ловить их одиночные ориентиры, расставленные кем-то, как расставляют по правилам бакены, - как идут потом все по бакенам, выбирая точно безопасный путь. Зачем?! Будем держаться их курса - жизненного курса тех мудрецов, разум которых останавливается при виде необъяснимых любовных пар?! И пишет на челе аршинными буковами автоматическое «осуждам-с». А губы автоматически лепечут банальное, заученное в общеобразовательной школе: «Любви все возрасты покорны...» Нет, это пусть они учатся у нас: покорных служителей любви! Её хозяев и её рабов!

Нам же - вперёд! Снова и снова! И пусть краток путь летящей стрелы...

Мы сумели. Мы умели! Мы жили. Так.

Летели.

Наш путь - путь всего сущего на Земле: путь творчества и любви!

...Бывало, я замыкался в себе, и Вам что-то казалось. Вы отстранялись, уходили: мол, не стану мешать. Вы не понимаете характера творческих натур. Двойственность - мы двойственны. Как хлеб, нам нужны и общество, и общение, - и круг друзей, и подруга, и друг. И тут же - как хлеб: одиночество. Одиночество, одиночество, уединение, отъединение... Из состояния распахнутости, восторга, целования мира мы мгновенно погружаемся в сумрачность, отрешённость - даже забиякость, подобную огрызанию зверя в его лесном диком углу; бывает, впадаем в меланхолию. Ни от чего, без причин - от себя.

Составлять пару творческой натуре - о, волнообразная трудогольная бесконечность: никогда не достигающая конца работа союзнической души! Тут требуется либо верить, либо любить! Любовь и вера. Не размышляя, на лету объявляю единственно возможными для пары два этих, неподвластных (слава богу) разуму, человеческих - и человечных! - состояния.

Теперь я знаю: в Вас было и то, и другое. Загадка - вот загадка мне.

...Как загадка числа «13». Ну почему оно везде сопутствовало нам!.. Нашему движению, нашему совместному творчеству, - нашей встрече и нашим объятьям - всегда и везде, на всём протяженьи пути.

Вечно пугаясь его ранее, теперь я стал искать, стал любить его! Оно - как ввод, как вход - дверь в тайну. Не иначе так. (Что мне делать теперь с ним одному?)

Могу ли не замечать; когда даже познакомились мы (лучше - столкнулись), именно тогда, и после того, как в номере Вашего телефона, на дверях Вашей квартиры (и ещё) появилось число нашей разницы в возрасте: тринадцать. (Но уж - «Спокойно и просто мы встретились с Вами...»)

Как будто она была всегда: эта встреча жила, где-то спокойно жила, дожидалась нас. Она была всегда.

И теперь мне даже кажется, будто я сам планировал её. Да, не будет открытием интимного прилюдно сказать - вслух, в полный голос, при всех: мне всегда нравилась зрелость. Зрелая полность, даже так!

Может быть, всё дело в глубинном душевном укладе?!

Никогда не любил весну, никогда (тут я тоже о «весне») - девочек. Никогда - есть зелёные яблоки. Что находят во вкусе неспелого?! Что привлекает в неразвитости?!..

И ещё одно глубинное (субъективное, чисто моё личное): я всегда мечтал что-то вместе делать, строить. Строить, создавать - вот характер моей любви. Она никогда не прибивалась к бережку любовничества, развлечений. Созидательность во всём - мой главный критерий; вообще всего!

...Странно устроены люди: они не хотят даже присмотреться к этому. У них десятки критериев успешности действий, успешности жизни (положение, успех, деньги, любовь и так даль...). И ни одного: а что создал я? Это какое-то безумие для меня!..

Пусть наш пример - бога ради: несовершенный, несвойственный, - каприз, парадоксальность - кричит (раз он кричит): двое встретились и любили, чтобы создавать! Наша любовь - созидала. Вот наше! Вот истинное дыхание - и вдохи, и выдохи - любви! И вот

истинное - глубинное, кровное - человеческое. В том наша суть, мы заявляем о себе - так.

...Когда я оглядываюсь назад, и взгляд мой проносится по нашим дорожкам, тропкам, дорогам, бываю повержен. Шок и восторг присутствуют тогда во мне одновременно! Каждый наш шаг - каждый! - отмечен твореньем. Разноцветье - каким!.. Из нашей северной природы мы сотворили каскад тропических зон!.. Изданные книги, организованные выставки, написанные картины, устроенные творческие встречи, - праздники, - помощи в делах, быту, в устройстве личных дел, - сведение вместе нужных друг другу людей... Я поражаюсь.

При этом небесном, божественном бытии мы успевали уединённо праздновать, веселиться; раздаривая ещё и ещё счастье - налево, направо, назад, направо, налево...

Вы помните день рождения, устроенный нами одному мастеру? Конечно! Его не забыть; как не забывается своё лично праздничное, просвечивает сквозь все года.

Когда теперь он меня встречает, - случайно, на улице, - даже когда проходит по другой стороне, - заметив меня, он вспыхивает! Преображается! Он вспоминает и начинает излучать: тот давний-предавний восторг! Жаль, люди невидящи; я обязательно оборачиваюсь и смотрю ему вслед; и впадаю в озноб: вот идёт солнценесущий человек!

Разве не окупилось всё - и всё выпитое и съеденное - потраченное на тот день?

Вы помните: он, тот человек, и не гадал, что у него может быть - возникнуть и быть - такое количество не знаемых раньше друзей!

Но я, конечно, лучше помню свои ощущения - свои чувства, страсти: восторги, которые теперь по моему мановению вызываются из моих недр - восторги, которые теперь живут во мне всегда.

...Всегда! Я! Всегда!.. Буду помнить тот!.. Торт! О, вот то был торт!.. Лакомый, спелый!.. Чудо - кто придумал его!

Мы (мы с Вами) устроили себе ужин (рыба, овощи, вино), потом... («Потом» не для всех.) Потом мы решили: осталось место и время для чая и для торта. Но разве можем мы в одиночку пить чай и вкушать торт, когда сладко, будто сладким объелись?!.. Да и квартира уже переполнилась: счастливое наше состояние заструилось, заволновалось, начало перетекать - куда-то. «Что происходит?» - посмотрели мы друг на друга. Но мы и скорёхонько додумались, что именно! Джинсово оделись, выплыли на своей волне из квартиры, выбрали магазин, выбрали самый-самый «спелый» (вкусный на вид) торт, забрали его, «заработали вёслами, подняли паруса». Поплыли по городу - но, куда??!!.. Наши внутренние локаторы рыскали очень недолго, просвечивая засыпающий город. Наши локаторы сошлись на одной точке - и впору сказать: мы засекли её. Так - туда!..

...В кухне, между застрявшей, как в складе мебелью, - ниже белья, свисавшего с бельевых верёвок, среди сушащихся пелёнок, горок посуды, вещей, проскакивающих по стенам и столам тараканов, кашляющего малыша, ещё двоих, побольше, детей, - загнанности, как ломовой, донельзя утомлённой лошади, тянущей воз по замкнутому кругу, как по дну котлована, из которого ни выпрыгнуть, ни выехать - этой жизненной ямы с отвесными краями, - в кухне - квартире в одиночку бьющейся с жизнью неизвестной богеме художницы - был творческий вечер. Её личный творческий вечер; которого ещё не было у неё никогда.

...Когда она вначале хвалилась тем, чего давно уже нет (продано), жаловалась о том, что нет возможности писать, - что нет сил, что все они без остатка уходят на детей и оттого не пишется, - но ведь - было!.. Писала! Рисовала! Мы навалились на неё: и будет! Всё будет - надо желать и мечтать! Да, конечно, замечтала она, всё будет, конечно, конечно, я верю: всё будет снова!

...Когда она показывала черновые листочки, наброски, эскизы, - даже школьные рисунки в школьной тетради, - а потом встрепенулась, потом вспомнила, потом поднялась, побежала (и ПОДНЯЛАСЬ!): «Хотите, стихи свои почитаю?» «Конечно! Ты разве пишешь? Неси! Конечно, неси!»

И разве дело было в торте - он просто явился толчком. Он явился причиной прийти. Украсил обстановку.

Она читала!..

...Прости меня, душа моя: я так не могу - ведь сам пишу. И не слушать других - моя и вообще творческих натур всеобщая слабость... Ты же - да-да, теперь именно «ты», перехожу на близкое, на него! Разве на «Вы» душе своей скажешь?!.. - ты слушала сердцем. Ты реагировала восторженно, и искренне. И я потянулся, повлёкся за тобой! Преодолел себя!

Мы слушали сердцем - одним на двоих - большим! Преогромным! Сердцем совместным на троих и!.. Эти откровенно слабые (не боюсь сейчас обидеть никого) стихи, вдруг они зазвучали. Я встрепенулся от неожиданности - как?!!!.. Как такое?!.. Но вот что: они были родными для той натуры, для той квартиры, - мы поддержали, мы заслушались, мы приняли в себя их. Всем сердцем старались помочь. Мы поддержали их чувства, их звук, их и печаль и смех. И всё: вновь воскресла душа.

Что мы могли бы ещё? Никто бы не смог принести подарка более богатого - более богатого, более серьёзного. Денег дать?.. Но мы - ведь одной секундой мелькнуло у нас и такое - только мы успели переглянуться и покачать друг другу головой: нас не поймут, именно нас. Мы уже принесли ВСЁ.

Мы оставили - чай, торт, вечер, - свои сердца, - часть нашей безмерной, безграничной любви, часть нашего нескончаемого счастья; этому, обитающему сейчас, пока в руинах себя, талантливому сильному человеку. Она была готова упасть, мы не дали разбиться. И когда теперь я вижу её!.. (Если мне плохо, теми старыми чувствами, я поднимаю себя!)

Как все творческие натуры, особенно удачливые, - особенно средне, - я эгоист. И только ты так сделать могла, что я преодолел в этом сам себя. (Нет, теперь говорю про того себя - «его»!) Один бы я ничего не смог, одним своим сердцем. А вот в любви! А вот - в два!..

Люблю тебя. И за это ещё.

Ты знаешь, что мне теперь пришло? Я взялся за новую книгу. Да-да, кроме всего, мои ощущения изменились: я стал по-другому видеть мир. И взялся за новую книгу теперь.

Да-да, не успели мы с тобой издать предыдущую (то были и счастье, и изматывающий опустошительный труд для меня), как я опять... Едва восстановившись. Ничего не могу поделать с собой. И снова - и обо всём накопленном пишу опять.

Но знаешь, начал писать (а параллельно читаю в который раз «Войну и мир» графа Толстого) и тут же - постепенно, как издали, - как приближение горизонта, упорно стремящемуся к нему, как прочувствование и осознание ранее недосягаемого, пришло; вот что пришло. По-умному, по-мудрому (навеял мудрец Толстой?), мне бы сейчас нужно остановиться. Оставить всё. Всё - все свои дела, и особенно своё писательство, писание. Я знаю: мой настоящий талант - аккумулировать. Мой странный, необъяснимый феномен: аккумулировать, накапливать в себе! Действительно, как заряд электричества в аккумуляторе, во мне всё накапливается. Всё! С чем я когда-либо имел дело. Всё воспринятое растворяется до молекул и соединяется в новом качестве. В новое тело, в новом качестве, вновь; и - в нынешних условиях, при нынешнем уровне человеческого.

Так вот. Знаешь, я увидел: мне надо оставить всё. И погрузить себя в чтение. Дать себе одно только чтение. Устроить круг, устроить кольцо. Читать. Пройтись по нему, пройти его. Впитать, вобрать в себя. Каков этот круг? Мой всегдашний первый: - Грибоедов - Пушкин - Гоголь - Достоевский - Чехов - Толстой - Набоков. Вот главные. Если хочешь, вот держащая всё на себе внутренняя окружность. Первые. Ядро. А вторые - а внешняя окружность кольца - Экзюпери, Ремарк, Рекс Стаут, Паоло Коэльо, Александр Грин, Джек Лондон, Марк Твен, Николай Рубцов, Бунин, Куприн, Лесков, Салтыков-Щедрин, Булгаков с «Мастером и Маргаритой», Ромен Гари. (У Гари - предельная для человеческого писателя проза.)

Оставить всё, заняться только одним: напитаться, усложнить, утончить, усовершенствовать себя как писательский аппарат. Только затем, после - писать. Своё писать.

Вот задача! (Вот незадача...)

Я пробую. Такое отвлеченье (и отрешение от жизни) стоит того! Я попробую. ЭТО - будет сейчас: моё основное, главное.

...Но, конечно, главное - что ты, своей любовью, Подняла меня, Двигаться вдохновила.

Будто я засыпал. Будто - обездвиженный, омертвлённый, - до тебя, до того, - отсутствием энергии творения, задохшийся в безвоздушном пространстве жизнедеятельности, в которой нет любви - вдохнул полными лёгкими, поднялся, вновь пошёл. Вверх и вперёд. Созидать.

У-ди-ви-тель-но. Удивление - это!

И ещё удивляюсь - ещё более. Чему? Какие мы мудрые: мы всё тютелька в тютельку рассчитали! (Да? Как будто.) Прости: искреннюю радость мою от того, что как мужчина и женщина мы расстались на взлёте!

ШЕСТАЯ ТЕМА

(О смысловых вариациях темы основной музыкальной мелодии в кинофильме «Крёстный отец».)

I.

Когда-то, когда мне было шестнадцать, я много играл на гитаре. Это было...

Но я не просто играл - мы были повально увлечены! Нашу юность накрыл расцвет гитарной эстрады, и заодно - время ношения брюк клёш, длинных волос и электрогитар. Так же как в далёкие тридцатые годы, культовым был образ парня с гармошкой, в недавние пятидесятые - паренька с баяном, так теперь в умах молодёжи господствовали юноши с гитарами, особенно электронными. По вечерам попирая устроенную на уровне голов танцующей публики эстраду, они взирали небрежно, чаще высокомерно из-под своих кудлатых и прямых лохм, как из-под косматых бровей. Музыка стилей «поп» и «рок» поливала улицы, как крепкий ливень, и металась, как стая галдящих грачей. Шло время «Квин», «Дип пёпл», «Лед Зеппелин», «Битлз». Двадцатый век, восьмидесятые.

В девятом классе, благодаря своей настойчивости, увлечённости и музыкальному образованию, я был впущен в школьный вокально-инструментальный ансамбль. А так как среди бренчал кроме троечников никого в принципе не могло быть, то я, «пятёрочник», вкупе - недавний выпускник музыкальной школы, по соизволению школьного директора, стал руководить им.

Мы «рубили»! Мы «бацали»! Мы «резали», «ломили», «давали», «отрывались» - в общем, музыкально - куролесили на своих царских подмостках при школьных танцевальных вечерах. Никогда ни разу я не вспомнил о Бахе, Шумане, Листе, но - «Шисгае»! «Квадрат»! «Если ты нуждаешься во мне...», «Улица», «Солнце коснулось волны», «Лэт ит би», «Мелодия «Крёстного отца»... Как-то очень просто обходились мы без Моцарта и Рахманинова.

Школьный вечер ждался. Школьный танцевальный вечер, «танцы» - что-то вожделенное. Вся неделя - уроки, занятия, домашние задания, а тут - помешанный на изгибании тел под музыку полутёмный зал, блеск глаз и гром своего ансамбля. И медленные танцы.

Но что там танцы!.. Вот когда ты на сцене, когда с электрогитарой! Когда ВСЕ смотрят на тебя, ВСЕ ждут, что ты произнесёшь, что сыграешь, что запоёшь! Вот тогда ты кумир, идол, законодатель, исполнитель желаний, бог!

В меру своего ума, мы инстинктивно стремились творить. Но, кажется мне теперь, мы лишь вытворяли.

От ансамбля на танцплощадке требовалась музыка двух типов: быстрая, под которую зал, беснуясь, энергически дёргал руками, телами и ногами, и медленная. Под медленную все обнимались, покачиваясь, разделившись на пары. Так приятно обнимать девичью талию... Но даже стройная девочка не заменит эйфории кумирствования с ритм-гитарой!

Мы хотели быть местными идолами. Мы пели, подражая мировым эстрадным богам - гнусавя и завывая, притопывая и выкрикивая. Мы пробовали сами сочинять. И когда зал танцевал под наши музыку и слова, бывали на седьмом небе от счастья.

Когда теперь я морщусь, слыша тридцатикратные повторы одной той же строки!.. - «Боже ты мой, какое нынче всё поют убожество... Какая попса... Неужели ребята не понимают...» - то сейчас же и непременно вспоминаю вытянутые лица наших учителей, - вытянутые лица, натянутые улыбки взрослых... - обязанных дежурить, присутствовать в зале. «Да... - теперь подытоживаю я. - И тогда кому-то... И наши, как нам виделось, наполненные глубоким смыслом тексты, песни, казались, видимо, таким же, как мне сейчас эти, - убожеством». Да, чего только стоит один наш (если повспоминать) знаменитый, популярнейший шейк «Квадрат»...

Па-па - па-да-па-па - па-па. Па-па - па-да-па-па - да-па... О, «Квадрат»!.. Какая то была неистовая музыка! Мой любимый «Квадрат», какая то была вещь! Наш уникальный, единственный в своём роде, наш заводной бас-гитарист и теневой составитель репертуара ансамбля - «Рубильник» изо всей мочи ударял медиатором по одной струне. Пяу-у-у!.. У-ух па... Хриплый громовой раскат при этом оглушал зал. Чуть выждав - немного, когда у самого уляжется в ушах - «Рубильник» оттягивал, как тетиву, ещё раз струну!.. И отпускал. После зажмуривался, а потом лупал глазами, как после ночи филин. У-удар! Е-ещё у-удар! В эти незабываемые секунды с величайшим нетерпением, как фаворит на скачках, ожидал своей очереди с ритм-гитарой я! И дрожал, как перевозбуждённая борзая.

«Рубильник» делал ещё два удара по одной и той же хрипло-гласной струне!.. И безумие на сцене и в тёмном зале, освещаемой зарницами цветомузыки, начиналось. Па-па - па-да-па-па - па-па!..

Кажется, при «Квадрате», дежурившие на вечере учителя «закрывали дверь с той стороны». Не помню точно, потому что мы в эти минуты бывали не в себе. Зал скакал, мы «рубили», «бацали». Все - упивались.

II.

Однажды, после особенно удавшихся «скачек», когда у меня лично в голове мутилось от сыгранной, с позволения сказать, музыки, как от влитого в нос бензина, к нам на эстраду неожиданно поднялась наша «историчка». Впрочем, определение «наша» лучше отнести вообще к школьному: Людмила Ивановна не вела в нашем классе.

Мы поморщились, но стерпели, не сделали выходки - Людмила Ивановна была уважаема и в среде учителей, и школяров. Мы даже с некоторым удовольствием предоставили ей микрофон, отчего-то наверняка зная: «эта» не станет ни угомонять, ни поучать. Мы устали, пусть поговорит.

Кажется, Людмиле Ивановне было тогда тридцать. Да, наверное, так, потому что я могу вычислить по своим годам. Точно помню, она была интересная, волнующая женщина. Не богу говорить за других, мне в этом смысле она нравилась.

Она сказала (кажется так, ведь прошло уже - страшно подумать: двадцать пять лет!..): «Сейчас у вас на очереди медленный танец, как я понимаю». И вопросительно посмотрела на меня. Я благосклонно, я польщась, кивнул. О - здесь я царь...

Она сказала: «Я хочу спеть вам песню из кинофильма «Крёстный отец». Я слышала, эту мелодию у вас здесь играют». «Народ» в зале закричал: «Класс! Да! Браво!» Я снобистски чиркнул по струне. Девчонки в зале завизжали. Эту мелодию мы играли. Эту мелодию мы знали - она была тогда суперпопулярна! Зал загудел от восторга!

Тут... Людмила Ивановна повелительно - но одной кистью, но одним слабым движением своей руки (а я всё отметил, а отметил: вот это женщина!) приказала нашему «основному», «Рубильнику», исчезнуть с эстрады - «смыться». «Рубило» пожал плечами и снял гитарный ремень: «Пойду подымлю...» Меня же она попросила: «Саша, подыграй». И сняла со стойки микрофон.

Играть и петь в паре для меня всегда почему-то неимоверное сближение, а с девушкой, а когда в звуках и словах мы согласованы - будто даже что-то интимное. Я растерялся. Эта женщина!.. Она действовала теперь на меня, как магнит. Она показала мне (пальчиком, пальчиком): сними гитару. Я слепо повиновался. «За пианино». То есть садись за пианино. Я сел. Пианино всегда было на сцене, но мы никогда не обращали внимания на него. Подумаешь, пианино... Гитары!..

Юрка не успел уйти, Людмила Ивановна окликнула: «Киселёв!» И показала: обратно. Показала: так, потихонечку, очень тихо - подыграй. Показала: на ритм-гитаре. Юрка пожал плечами, влез на сцену, взял мою гитару вместо меня.

Ритм-гитара, пианино, солист - образовалась новая группа. Мы взяли вместе несколько нот, испробовали отрывок, испробовали его без слов - некогда. Я сомневался, что без репетирования у нас слаженно получится. Так и вышло.

Но даже то, что вышло!.. Нам после хлопали, кричали: «Ещё! Ещё!.. Потряс!..»

Что произошло?! Наша бездумно, без слов уже с год играемая, и всем привычная, мелодия вдруг воссияла.

«Не верю я, что ты уйдёшь во тьме ночной...
(Ми - ля - до - си - ля - до - ля - си - ля - фа - соль - ми...)
И в тишине растает милый образ твой.
Не верю я!
Не верю я...
Что ты пройдёшь
По утренней дороге
Не со мной».
...Си - до - ля.
«Вернись в наш дом
Над жёлтою рекой.
Помирит он
Тебя со мной...»
Ми - ля - до - си - ля - до - ля - си - ля - фа - соль - ми...

Руки пианиста всегда играют сами по себе. Источающая необыкновенный жар женщина стояла подле меня, я смотрел, - не понимая, о чём она поёт (я не о словах), - я заглядывал в её глаза, и мои от её загорались огнём. Я был без ума влюблён, она влюбила меня в себя за те краткие песенные минуты. Она звала любовь, она получила её.

Вот так творится любовь, - вот так из слагаемых чистых душевных встреч творится душа.

Прошло двадцать пять стирающих всё лишнее лет, но та горящая любовью женщина в длинном, среди короткоюбочных девочек и джинсовых мальчиков, платье до сих пор зовёт, чарует меня, подарив на раз идеал женственности.

...Да, но что - мелодия? Я понял: мы играли нечто бессмысленное, пусто-танцевальное, выкрашенное в невнятный цвет ложной грусти и фантастической тяги ко всему заграничному - вот какой была наша тема. Новая мелодия - страстный зов любви, призыв! Страдание! И вера, и надежда запали теперь в меня навсегда.

III.

Вышло так, что сам фильм «Крёстный отец» я впервые посмотрел только через пятнадцать лет. Фильм сразу стал одним из моих любимых. Но я не о том.

Никогда не думал, что мимолётные чувства давно отлетевших дней от одного толчка, от слабого внезапного толчка, так жарко загораются снова! Едва Майкл Корлеоне в сопровождении двух охранников, простых деревенских парней с охотничьими ружьями, двустволками на плечах, вышел на прогулку «ин Сичилия», - и вокруг него (и вокруг меня) раскинулись селения, горы, - едва зазвучала ТА мелодия, во мне вспыхнуло всё-всё с точностью до мелочей! - опять.

Но я смотрел фильм! Я следовал ему! Я следил за действием, участвовал в нём. И ТЕ, «наши», слова не зазвучали. И уже через минуту я невероятно удивился: в фильме не было песни о любви! Не было!.. Не звучало мелодии грусти, мелодии надежды и прощания!

Предо мной была ИНАЯ мелодия.

IV.

С интересом я просмотрел «Крёстный отец-1», затем «Крёстный отец-2», затем - 3.

Вот что я узнал.

Первое, что поразило меня: как одна и та же мелодия в зависимости от сюжета, от действия может звучать совершенно по-разному. По-разному? По иному! Каждый раз! В новом месте фильма! Мелодия даёт новую тему.

После, когда я не только хорошо знал - когда чувствовал весь фильм, я целенаправленно просмотрел все те кусочки, где есть «моя» мелодия. Сейчас жажду рассказать о ней! О том, что о ней узнал, о том, что рассказывает она. Она - одни и те же кусочки, пришедшие в мою жизнь не случайно. Она - одни и те же: «Ми - ля - до - си - ля - до - ля - си - ля - фа - соль - ми...»

О первой и второй встрече в моей жизни вы знаете.

Первая встреча в фильме. Майкл, молодой человек, - итальянец, родившийся и выросший в США, Америке, юноша, питавшийся равно, как традициями своей семьи, чтущей все обычаи родной Италии, так и американской гремучей смесью обычаев и традиций, - впервые попадает на прародину. Он не привык к такому солнцу, - он не привык передвигаться пешком по такому солнцу, по горам, он ослеплён, он щурится, задыхается, едва идёт. Ослепительное солнце, бескрайние горные просторы, перепады гор, долины, высоты.

И, отшагав день, Майкл вдруг узнаёт их! Её! Свою родину. Узнаёт не зрением, не слухом, не памятью - генами! Генами. Заработавшими и погнавшими соки земли корнями! Корни донесли до листвы: вот она, твоя родина.

И уже Майкл не просто идёт - он жадно вбирает её, он весь - стремление: набраться, наполниться ею! Влейся в меня!

И этот яркий, как сноп света, момент внезапно озвучивается, - и то, что озвучивает его, становится символом. ТА мелодия - вспышка новых чувств: чувств пробуждения корней, узнавания родины, напитывания родиной. Мелодия звучит, как гимн. Вот фильм, вот герой, вот ситуация, вот мелодия.

Гимн узнанной родины. Такой она впервые врезается в память чувств.

Проходит всего несколько минут действия, и к оглушительному новому ощущению, которого никогда бы не испытать в городской среде, городской жизни, Майклу прибавля-

ется ещё одно.

Ты потрясён, даже растерян, распахнут. Даже устал. Кажется, что ещё может произойти?! Что ко всему перечувствованному может что-то добавить?!..

Но встреча с родиной, но расширение человеческих чувств, расширяется встречей... Любви.

И мелодия стишается, и гимн уходит. Теперь она - первые нотки любви. Первые робкие, первые неуверенные звуки. Рождающаяся любовь - в глазах, в словах, в намерениях, жестах. Аккомпанирующие всему знакомые звуки есть звуки начинающейся любови.

Пока всё. Мелодия из фильма уходит.

В части 2-й действие переносится в далёкое прошлое. Молодой Вито, будущий отец Майкла, будущий «крёстный отец», беглец из Италии, житель Америки, первый раз в зрелом возрасте появляется «ин Сичилия». Он приезжает на родину (с которой бежал из-за вендетты), он возвращается на землю, в которой родился и рос, которую прекрасно знает. Он возвращается туда, где были - его родители, дедушки, бабушки, его младенческие пелёнки, его детские забавы - там всё его, вся веками шедшая жизнь. И всё - сам воздух в лёгких будто не истратился, остался внутри, воздух детства.

Уже знакомая мелодия сопровождает возвращение Вито, его короткую поездку.

Мелодия проста, не оркестрована, - чистые звуки, простые звуки - звуки 50-х. Она легка, не имеет подспудного багажа тяжёлого прошлого. Она - мелодия родины, её принимаешь в себя вместе с тем, что она олицетворяет.

Проходят годы и годы. В части 3-й отяжелевший, потемневший - но нет, тяжёлый и тёмный - от груза жизни, схваток за деньги, убийств, злодеяний, вместе - утрат, потерь, - респектабельный, но потерявший ту первую любовь, утративший в себе вообще любовь Майкл (Корлеоне) едет на Сицилию.

Там у него новый бизнес и встреча с партнёрами - противниками. Там случается первая в жизни внезапная исповедь - в Ватикане, папскому кардиналу, - там, в опере «Кавалериа» должен впервые выступить исполнителем главной роли любимый сын. Энтони отказался продолжить дело «семьи» и дело отца, Энтони хочет быть певцом. Учился, будет петь.

От этого в городок Корлеоне, в поместье Майкла Корлеоне, съезжаются все. В том числе, ненавидящая и боящаяся Майкла бывшая жена и мать его детей - Кей, в том числе - дочь Мария, и Энтони, сын.

Не желая быть с отцом в его всегда окрашенных кровью делах, дети любят его. А Энтони специально для отца разучил и собирается исполнить песню, которая «чисто сицилийская, местная. Для тебя, папа».

В этот момент мы тоже гости в доме, мы с нетерпением ожидаем её. И что же? Звучит до боли знакомая мелодия. Играет гитара, впервые являются слова.

Боже, что делает теперь песня!.. Она - утраченный ключ к памяти! Она срабатывает отмычкой. Она отпирает все замки. Казалось, все двери наглухо затворены, всё душевное лишне, ненужное - прочь. Годы потеряны, в прошлое, в светлые его минуты, не попасть ни-ког-да.

Но льётся песня и кусочками возвращается молодость. Конечно, только лишь в памяти. Вновь свежесть и чистота чувств. В сидящем за столом тяжком грузном человеке разливается молодость, возобновляется утраченный мир, мелькает та, первая любовь, случившаяся на родине, проходит та юная девушка. Вспоминается ещё о чём-то, прорывается (но не прорвалось) сожаление: всё могло быть не так.

Мелодия - ключ. Мелодия - воспоминание. О молодости, любви. Они не вечны.

Песня допета. Песня заканчивается, и глухие тёмные очки снова отчуждают героя, закрывая от всех его глаза.

Да и заканчивается уже вообще всё. В последний раз милые, родные звуки - «Ми - ля - до - си - ля - до - ля - си - ля - фа - соль - ми...» - вспыхивают, как маленький огонёк спички, во время прогулки по городу. Коротенько. Как отрезано ножницами от стопки листов бумаги, на которых повесть. «Вот дом, в котором родился мой отец...» Значит, всё-таки, это мелодия родины.

V.

Да... Да-да. Теперь я твёрдо уверен. Это та моя очаровательная учительница от своей жажды преподала её, как мелодию зова любви.

Елена ШАРЫПИНА

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

На севере лето почти сразу переходит в зиму, но в том году осень затянулась. Дни стояли такие теплые, как будто забыла природа, что край наш находится на крайнем севере. И климат у нас суровый, где зима правит половину календарного года.

Односельчане, радуясь солнечным дням, отдыхали после тяжелых дней уборки урожая. Но Дусю всеобщее спокойствие, которое как одеялом покрыло все село, не радовало. Она и сама не могла понять, почему отсутствие одной из дочерей в ее большой семье угнетающе давило на ее сознанье. Вроде радоваться бы надо, что на целое лето и осень свекровь забрала одного ребенка из шестерых детей. Дети шли друг за другом. И чтобы облегчить ей жизнь во время сенокоса и осенних хлопот по большому хозяйству родители мужа взяли пятилетнюю дочку к себе. Жили они в соседнем селе за тридцать километров от ее родного села.

Вдоль большой северной реки на большом расстоянии друг от друга стоят большие и малые села и деревни северного народа. Дороги между ними нет. Болота и непроходимая тайга разделяют соседние села друг от друга. Лишь широкая река является связывающим звеном. Синей лентой вьется она между высоких берегов. Длинные остроконечные лодки перевозят людей по разным надобностям от одного населенного пункта до другого. А зимой, когда лед на реке промерзает на несколько метров, прокладывают по ней зимник для транспорта. Но вот в межсезонье нет никакого сообщения. Иногда на два, а то и три, месяца села изолированы. Именно эта перспектива пугала Дусю. Если в эти пока теплые дни не забрать дочку из соседнего села, то еще на долгие месяцы Нина останется у дедушки с бабушкой.

Муж и отец большого семейства вот уже почти месяц отдыхает по горящей путевке в санатории на черноморском побережье. Его здоровье в последнее время вызывало тревогу, и потому этот отдых с лечением был необходим для мужа. Дусе надо было принять важное решение в одиночку. У кого попросить совета? У кого попросить помощи? Дуся привыкла жить так, что в семье муж принимает решение, а до его приезда оставалось еще больше десяти дней. Когда шумный вертолет привезет отца семейства домой, река уже покроется тонким льдом, и дочка останется зимовать в соседнем селе.

Дни, как осенние листья с деревьев, быстро летели. Целую неделю ни на работе, ни дома, несмотря на плотный график, на душе не было покоя. Дуся работала школьным учителем. В этот новый учебный год она приняла детишек в первый класс. Шесть раз в неделю она была мамой не только своим детям, но и двадцати первоклашкам. Воскресенье было ее единственным выходным. За этот день надо многое успеть сделать по дому. Утром, пока дети мирно спят, надо подоить корову и приготовить еду на целый день. Прижавшись лбом к теплому боку коровы Сюрки, Дуся привычно цедила молоко в большое ведро. Вдруг в памяти всплыло круглое личико Нины с белыми усами на губах от молока. Эта картина окончательно укрепила ее желание не оставлять дочку на долгие зимние месяцы у дедушки с бабушкой. В то осеннее воскресное утро она приняла решение отложить все домашние дела и привезти Нину домой. На душе стало сразу легко и хорошо. Занесла в дом молоко и побежала к соседям. Надо попросить соседа Василия, чтобы съездить с ним за дочкой. У него у самого восемь детей, и он поймет, почему Дуся идет на такой риск. Но Василий начал ее отговаривать.

- По реке после утренних заморозков уже идет шуга - тонкие кусочки льда. Такой лед очень опасен для деревянной лодки. Нет, Дуся, это плохая затея, да и дни осенние - короткие, мы не успеем засветло преодолеть тридцать километров туда и тридцать километров обратно. Течение большое, и плыть против течения, да еще и в темноте, очень опасно. Нет, я не собираюсь рисковать ни своей жизнью, ни твоей, ни твоей маленькой дочки. Да ведь ты еще ребенка ждешь. Тебе нельзя простужаться, а на воде сейчас очень холодно. Пускай Нина перезимует у дедушки с бабушкой. Почему ты так против этого?

Дуся не верила в Бога. Она родилась и выросла в стране, где все вокруг были атеистами. Но после отказа соседа она молча взмолилась к Всевышнему. И посмотрев своими большими голубыми глазами на Василия, она кротко сказала, что сама не понимает, почему так страстно хочет привезти Нину обратно домой. Василий, ругнувшись крепким словечком, махнул рукой и стал собираться в дорогу.

- Придется тебе Дуся багром поработать. Чтобы по необходимости лед от лодки отводить. Ты сможешь в твоем теперешнем положении багром-то помахать?

Дуся радостно улыбалась.

- Не переживай, Василий, у меня еще не большой срок. И побежала домой, чтобы наказать старенькой маме и старшим дочерям покормить и присмотреть за младшими.

Плыть по течению реки в яркий солнечный день было очень приятно. Закутавшись в овечий тяжелый тулуп, Дуся сидела на носу лодки и наслаждалась редкими минутами отдыха. Любуясь природой родного, любимого края, она радовалась жизни. Скоро она соберет всех своих детишек в их большом теплом доме. И Нина будет расти вместе со своими сестрами и братьями.

Маленькая Нина была названа в честь бабушки и была ее любимицей. В доме у бабушки она жила принцессой. Если в большой семье среди сестер и братьев, чтобы привлечь к себе внимание, она по утрам часто закатывала истерики, то в доме бабушки и дедушки Нина купалась в любви и обожании. Ласковая и веселая, она приносила радость в дом, где дети давно выросли и разъехались по белу свету. Дедушка во время обеда держал Нину на коленях и называл ее кулебякой. По вечерам бабушка укладывала внучку возле себя и рассказывала истории. Лето и осень пролетели, как в доброй сказке. Нина совсем не скучала по родному и шумному дому.

В тот воскресный день она вместе с бабушкой была в гостях, когда соседский мальчишка сообщил, что приехала мама и хочет ее забрать домой. Бабушка вместе внучкой взбунтовались против такой новости. Придя домой, они забрались под большую кровать и спрятались от Дуси. Грузная бабушка всем своим телом закрыла Нину от матери. Они обнялись и горько плакали, оттого что их собираются разлучать. Нина отпихивала мамины руки, когда Дуся вытаскивала ее из-под кровати. Но ни уговоры бабушки и деда, ни горькие слезы Нины не могли повлиять на твердое решение Дуси. Под причитания двух Нин Дуся одела дочку и посадила в лодку, завернув ее в тот самый овечий тулуп, в котором недавно сама сидела, как в теплом гнездышке. Нина плакала и дулась на маму и сетовала на несправедливую жизнь.

Пока Дуся боролась за свою дочь, короткий осенний день закончился. Как только солнце ушло за горизонт, сразу похолодало. На реке стали появляться тонкие, как стекло, кусочки льда. Нина сидела и сквозь слезы наблюдала, как мама стояла на носу лодки и высоко в руке держала керосиновый фонарь. Другой рукой она длинным багром отводила кусочки льда от лодки...

«Мама, моя милая мама. Что подвигло тебя на этот подвиг? В этом году тебе исполняется восемьдесят лет. Вот уже больше шести лет ты не узнаешь никого из своих детей. А я так и не спросила у тебя про тот случай. Мамочка, ты была всегда рядом с тем из своих детей, кто в этом больше нуждался. Благодаря тому, что ты не оставила меня в тепличных условиях у дедушки с бабушкой, я выросла сильным человеком. Но каждый раз, когда мне нужна была твоя помощь, ты была рядом. Я не слышала от тебя много слов любви, и мне не хватало твоего материнского тепла. Но я знала, что обо мне всегда думает моя мама. И что высоко на пригорке, на берегу широкой северной реки, отец с матерью стоят и ждут моего возвращения домой. Господи, спаси и помилуй мою смелую, добрую и любимую маму!»

КРОВИНУШКА

Василиса сидела за столом и смотрела, как ее дочь металась в бреду на кровати с высокой температурой. Маргарита стонала и что-то все время бормотала. Василисе было страшно смотреть, как она мучается. Уже давно забытая любовь к дочери загорелась в ее сердце робким огонечком. Светлые длинные волосы Маргариты тяжелой косой свисали с кровати. Василиса подошла к дочери, взяла в руки ее шелковую длинную косу, уткнулась в нее лицом и зарыдала.

Вот и у нее в молодости была такая же коса. Мамка до четырнадцати лет сама мыла в бане ей голову и полоскала настоями из трав. Она поливала водичку на голову Василисе и шептала: «Ты у меня самая красивая и самая умная. Вот выучишься на учителя и заберешь меня к себе в город, чтобы я хоть перед смертью в покое пожила».

Василиса окончила семь классов на одни пятерки. На школьной линейке ей и еще двум мальчишкам из класса дали направление на учебу в десятилетку в соседнее село. Василиса, словно на крыльях, летела домой, чтобы показать родителям свидетельство об окончании

семилетней школы. Она бежала, а русая коса била по спине, будто подгоняя ее. Василиса была так счастлива, что хотелось обнять все небо.

Но дома отец запретил даже думать про дальнейшую учебу. Семья была большая. В послевоенные голодные годы прокормить такую ораву ему было не по силам. И он уже договорился с соседом, что тот возьмет Василису в город и поможет устроиться на работу - на завод. Мама украдкой плакала за печкой, а отец тяжело стукнул кулаком по столу и сказал, как отрезал: «Хвать вам, бабам, мечтать. Завтра пойдет повозка от колхоза до станции. На ней и поедешь с соседом в город на заработки. Будешь нам с мамкой помогать младших поднимать».

Вот так закончилось детство Василисы, и ее мечтам не суждено было осуществиться. В голодном, холодном и чужом городе надо было просто хотя бы выжить.

В городе Василиса сняла у женщины койку в старом домике недалеко от завода. Чтобы заплатить хозяйке за постой она состригла свою косу и продала ее. Как она плакала, когда чужие руки унесли в глубь парикмахерской гордость ее матери! Но надо было жить дальше.

Однажды она после смены бежала по полю, которое отделяло завод от домика, где жила. Ветер рвал полы ее тоненького пальто. Вьюга закружила после обеда так, что снегу навалило по колено, а обувка у Василисы была единственная. И летом, и осенью, и зимой она носила легкие парусиновые тапочки. Бежала, на пальцы дула, чтоб хоть дыханием немного руки согреть. И вдруг споткнулась обо что-то и больно упала. Слезы градом из глаз потекли. А внутренний голос сказал: не убегай, посмотри. Василиса сгребла руками снег и обнаружила мешок с мукой. Еле этот мешок доволокла до хозяйки. Продала ей половину муки и купила себе сапоги, да мамке теплый платок.

...На заводе все постарше ее работали. После смены собирались у кого-нибудь на квартире, приносили патефон, пили вино и танцевали. Василисе один парень очень нравился. А он, видя, что девка молодая под его взглядом тает, и воспользовался ее доверчивостью. Поматросил и бросил, когда узнал, что она беременная. В семнадцать лет Василиса и родила Маргариту. Завод ей, как матери-одиночке, комнату выделил. И стали в эту комнату, а заодно к ней в кровать лезть все кому не лень. Василиса попала в капкан, а горе заливала вином...

Василиса все вдыхала запах дочкиных волос и плакала: «Бедная, бедная моя девочка, сколько же ты натерпелась в детстве!» Дочке, и правда, досталось. И в углу на лестничной площадке в одних трусишках стояла, и под дверями ночевала, и по три дня одна взаперти без еды сидела.

Василиса плакала, стоя на коленях около кровати дочери: «Не заслужила я такой дочери - ласковой, нежной, любящей, а у меня от этого только все больше злоба на нее поднимается. Вот допекла свою кровинушку. Я даже стакан воды не подала. Да какая же после всего этого я мать?» Василиса положила косу дочери на подушку, поднялась, одела пальто и пошла искать ночную аптеку, чтобы купить лекарства.

Маргарита была в бреду и ничего не слышала. Болезнь внезапно скосила ее, словно сухую траву. Утром вышла из дома на работу абсолютно здоровой, а обратно еле доползла. Упала на кровать и металась по постели, как в огне.

От щелчка замка входной двери Маргарита проснулась. Тело кто-то невидимый разделял на кусочки, словно в каждый орган втыкал копья. Маргарите слышались голоса. Один обвинял ее во всех смертных грехах, другой, наоборот, защищал. Один утверждал, что она заслужила смерти, другой говорил, что так просто ее не отдаст и будет за нее сражаться. Последнее слово в этом споре принадлежало невидимому защитнику...

Когда Василиса пришла из аптеки домой с пакетом лекарств, то увидела, что у дочки спал жар, и она ровно дышала. Василиса пододвинула к кровати кресло, в нем и провела остаток ночи.

Утром Маргарита проснулась с таким чувством, будто совсем не болела. Она улыбнулась и ласково дотронулась до руки мамы, дремлющей на кресле возле кровати. Мать открыла глаза и увидела счастливое лицо дочери.

УЧИТЕЛЬ АНГЛИЙСКОГО

Десятилетняя школа стояла на окраине села. Дорога к ней после метели была занесена снегом, и учителя и ученики пробирались до школы по узенькой тропинке. Степка шел в больших отцовских валенках, иногда проваливаясь в глубоком снегу. Рядом шли его дру-

зья. Они горячо обсуждали, что в школу опять прислали нового учителя английского языка. Не держатся учителя иностранных языков в их захолустье. И вот и хорошо, что не держатся. Степка терпеть не мог уроки английского. Ну зачем, зачем будущему трактористу нужен английский? Трактор Степка уже хорошо водит, а в прошлое лето все свои каникулы в колхозе проработал. Председатель колхоза обещал после окончания школы сразу взять его на работу.

И надо же, что первым же уроком в их классе поставили этот ненавистный урок. Степка, бормоча себе под нос, сел на последнюю парту и протянул свои длиннющие ноги в проходе между партами. После звонка в класс вошел директор Иван Кузьмич, а с ним молодая девушка. Она вошла в класс, как ангел неземной красоты. Высокая, стройная, с гладкими длинными волосами. Пышная короткая юбка в клеточку подчеркивала тонюсенькую талию. На ногах туфли-лодочки на высоченных каблуках. Она разительно отличалась от всех учительниц в школе. У Степки дыхание остановилось, он влюбился в «ангела» с первого взгляда и на всю жизнь.

Директор школы представил ученикам десятого класса новую учительницу: «Прошу любить, жаловать и не обижать Анастасию Павловну». Потом пожал ей руку и вышел из класса. Настенька стояла около доски и смотрела на своих учеников, которые были младше ее всего на два-три года, и ужасно волновалась.

В пединституте на третьем курсе из-за болезни матери она взяла академический отпуск, а после смерти мамы куратор помог ей устроиться учителем в сельскую школу. Ведь все равно восстанавливаться в институте можно будет только с начала учебного года, а здесь и денег подзаработать можно, и хороший опыт приобрести.

Степка с первого же урока стал ее личным адъютантом. Он окружил Настеньку заботой и любовью. Защищал ее от дерзких учеников младших классов, таская их за уши, не давал в обиду старшеклассникам, мощным кулаком раздавая им тумаки за любую дерзость в ее адрес. Носил Настеньке воду с колодца, колол дрова, чистил снег во дворе около ее маленького домика и неотрывно смотрел на уроках влюбленными глазами.

После выпускного вечера Степка уехал в город вместе с Настенькой и вскоре стал ее мужем У них родился сын. Крепыша назвали Игорем. Жить бы да радоваться. Но жизнь в семье не налаживалась. Сначала Настенька все дни пропадала в институте, а после окончания вуза - уже в школе, отдавая все свободное время ученикам. Игорюша ходил в круглосуточный садик, а Степан после смены на заводе сидел с друзьями в пивнушках. Он ужасно ревновал жену и начал поднимать на нее руку, тогда-то Настя с ним и развелась. Степан быстро спился и погиб, попав осенним вечером под колеса грузовика.

Игорь рос одиноким и нелюбимым. И сам никого не любил, друзей у него не было. В сердце мальчика сидела острым шипом боль безразличия. Окончив школу, он поступил в институт на переводчика - решил пойти по стопам мамы, связать жизнь с иностранными языками, а мама взяла, да и выставила его из дома, потому что устраивала свою личную жизнь. Взрослый сын мешал...

Прошли годы, все это время Игорь много размышлял - сначала злился и ненавидел, потом все же простил ее. Когда случилось большое несчастье, он не позволил себе оставить мать. Тот самый возлюбленный обманул ее и бросил, нервный срыв привел нестарую красивую женщину к полному параличу. Она лежала дома живым трупом и отказывалась принимать пищу. Игорь стал и няней, и психологом. Чтобы все время находиться рядом, стал работать дома. Утром он сажал маму в кресло, после обеда укладывал спать, после дневного сна снова сажал в кресло, а вечером переносил в кровать. И так изо дня в день.

Годы шли, а личную семью Игорю заводить было некогда. Однажды, обедая в кафе, он приметил официантку, которая была одета в русскую народную одежду, - настоящая русская красавица с яркими лучистыми глазами... Через неделю Игорь увидел эту красавицу среди своих знакомых...

Ольга оказалась очень мудрой и доброй женой. До рождения первого ребенка она ухаживала за свекровью, а потом Игорь купил для матери в соседнем доме однокомнатную квартиру и нанял сиделку.

Каждый день Игорь шел к матери - утром, чтобы посадить ее в кресло, а вечером - чтобы уложить спать. Каждый Новый год они с женой и с ребятишками встречали рядом кроватью, где лежала мама, свекровь, бабушка, которая держала в сердце большую обиду на судьбу.

Анастасия Павловна ненавидела «злополучную деревенскую школу, где Степан разрушил ее жизнь». На злословие матери Игорь не отвечал. Он был не только хорошим сыном, но и отцом - трех мальчиков и девочки.

Ефим ГАММЕР

АМДЕРМА - ЛЕЖБИЩЕ МОРЖЕЙ

Роман ассоциаций

XXI век. Ассоциация первая:

ТАКАЯ ОНА, ЦЕНЗУРА

К весне 1970 года была выдана первая сотня виз рижским евреям, выезжающим в Израиль на постоянное место жительства. Желающих поменять одно ПМЖ на другое оказалось намного больше. Они устремились в ОВИР, который в Риге тоже время от времени менял одно ПМЖ на другое. Но там их не хотели видеть. Они стали писать письма в Кремль с требованием - «отпусти народ мой!» Но там их не хотели читать.

Брожение чувств требовало какого-то выхода. Иначе... А что иначе? Застойное время. Застойные нравы. Застойный эзопов язык. Тогда-то, ради забавы, я и написал:

«Мы устроим демонстрацию
за свободу менструации».

И предложил эти стишки редакции. Не напечатали. Редактор газеты «Латвийский моряк» Яков Семенович Мотель сказал мне: «Свободы для этого дела, действительно, нет. Демонстрации, как и запланировано, - 1 мая. А что до твоего произведения, то - оглядись - красные флаги уже сегодня вывешивают».

На дворе стоял апрель 1970 года. И страна отмечала столетие со дня рождения Ленина, Владимира Ильича. Этому столетию и посвятил свое стихотворение Виктор Пузырь, инженер Латвийского морского пароходства и внештатный автор нашей газеты. Привожу его без купюр:

«Кто мог подумать век назад,
что в колыбельной лени
шлепком кормилицы под зад
на жизнь благославлен был Ленин».

Это стихотворение тоже не напечатали. Такая она была, советская цензура. Некуда податься талантливым людям. Разве что в пивную. А у меня намечалась ходка в Арктику. На латвийском танкере «Юрмала». От географически доступного, как Полярная звезда, Мурманска до абсолютно неведомой Амдермы. И я не предполагал, что мой репортаж выкатится на газетную полосу лишь в сокращенном варианте, а в полном - книжном - объеме его нигде не напечатают. Помнится, я решил для себя тогда: ну, что ж, хозяева нашей жизни, не вечно вам праздновать на моей улице! Пусть сегодня ваша взяла. Доживем до понедельника. Припрячу пока что машинопись в загашник, а потом, когда обрету «литературный вес» пуда в полтора, подкину ее, наподобие «Рукописи, найденной в Сарагосе», какому-нибудь свободному от предрассудков изданию. В этом случае никакая цензура и не прицепится. К тому же рукопись спустя тьму советских лет может быть найдена вовсе не в Сарагосе, а, допустим, в древнем Иерусалиме, где цензура - экзотическое, но вовсе не допотопное животное - практически не водится.

Правда, добавлю из времен нынешних, и мы тогда еще не водились на библейских пастбищах. Но очень надеялись, что погодные условия изменятся: к первой тысяче виз, выданных в 1970 году отъезжающим в Израиль «евреям молчанья», то бишь нашим соотечественникам, прибавится вторая, дай Бог, третья, и мы пощиплем еще травку на кисельных берегах, омываемых молочными реками. Так и вышло.

Написал я свою, далеко не первую прозу, как обычно, «в стол», а обнаружил рукопись чуть ли не сорок лет спустя в потайном кармане чемодана, с которым некогда выбирался из Риги, через Брестскую таможню, на Землю Обетованную. Что ж, раскроем пожелтевшую папку с бумагами. Интересно, хотя уже вряд ли актуально. Впрочем, мечтали ведь о «нетленке». Мечтали, мечтали, вот сроки и подошли «для проверки на вшивость».

Почитаем, окунемся во времена минувшие, сегодняшними ассоциациями обрастем. А понадобится, изменим некоторые фамилии и - в тираж. Сам себе автор, сам себе цензор, сам себе издатель. И сам себе читатель. Хорошо! Но бывает лучше.

1

Амдерма... Амдерма... Что за городок такой расчудесный? Для тех, кто, собираясь в Израиль, подпольно изучает иврит, в его названии таится приманка для лингвистического ума. Явственно чувствуется: оно ветхозаветных корней, в особенности при разделении на слоги. Отсюда и мысль богатая: Амдерма заложена древними евреями, теми, кто исчез со страниц Библии после Вавилонского пленения. А сколько их было? О-го-го! Сотни тысяч, по доисторической переписи населения.

И впрямь, десять пропавших колен Израилевых - не шутка. Не на летающих тарелках ведь их утащили на небо - к лучшей жизни. Расселились где-то по матушке-Земле. Живут и размножаются, плодят себе подобных. На разных участках суши и моря. Тут и вопрос наклевывается: почему бы им на заре цивилизации, тем более, что она называется иудео-христианской, не вырулить к Северному сиянию? Согласитесь, мастерить себе подобных гораздо вольготнее здесь. За Полярным кругом ночь долгая, протяженностью в полгода ночь, что способствует столь полезному и приятному занятию.

Не верится в эти догадки? Не наукообразны? А все же попробуем открыть рот, и по складам, по складам, как по кочкам: «Ам-дер-ма». Теперь - давай не ленись! - переквалифицируйся в полиглоты. Напрягаем мозги и принимаемся за язык Соломона мудрого.

«Ам» в переводе на русский - «народ». Конечное «ма» при расшифровке с иврита дает извечное - «что?» «Дер»? На идише подчеркивает принадлежность к чему-то. Это четко прослеживается в прозвищах и кличках местечковых евреев. «Авремеле дер математик» (Математик Авремеле), «Ошер дер глезер» (Стелкольщик Ошер), «Шмуел дер гелэр» (Рыжий Шмуел).

В конечном итоге у нас вырисовывается, что иврит в тесном контакте с разговорным бабушкиным идишем демонстрирует нам, что «Ам-дер-ма» при умелом подходе к этимологии слова представляет собой... Что? Правильно: «Народ-загадка». Либо - «Что за народ?»

Доходит? Не на все сто? Принимаю возражения. Но попутно приняв и недостающие сто грамм на посошок, допускаю, что все было бы намного проще, кабы вместо «Амдерма» на путевом знаке - визитке города - читалось: «Амдерман». Тогда автоматически устранялись бы наши домыслы, а взамен набегало на скоростях: «Шнейдерман, Цедерман, Гиндербург, Зандерберг и примкнувший к ним Рабинович». В такой благоприятной ситуации, признаю, только слепому не различить, что катишь в родные Палестины. В особенности, если еще раз вспомнить об иврите и прочитать название города справа налево, и опять по слогам. Ам-дер-ма в этом случае преобразуется в Ам-ред-ма.

«Ам», как мы уже договорились, «народ». «Ред» - повелительная форма ивритского глагола. За сим он и глаголит по-русски - «сойди, спустись!» На иврите назойливым людям - «нудникам», доставалам по-русски, обычно так и говорят: «Ред ми мейни» - «Сойди с меня!» Либо - «Спустись с меня!» Последний слог - перевернутый первый. Ивритское «ма» - оно же русское «что». На месте слова «народ» в перевернутом его состоянии находим снова загадку в виде пресловутого - «что». Ну, а где же разгадка? Не в перестановке ли слов? Переставим, и у нас получится: «народ, что спустился». И тут набегает внезапная ясность. Тех, кто покидает Святую землю, так и называют: «йордим ми Исраэль» - «спустившиеся с Израиля». Неужели, действительно, наши предки из какого-то потерянного колена Израйлева добрались до Карского моря? Могло такое быть? Вполне возможно. Остается только найти доказательства. А где их искать? Разумеется, не на рижском взморье. За полярным кругом? Что ж, невелика беда: за разгадками ходили и далече. Пржевальский в Центральную Азию, Арсеньев в Уссурийский край, Миклухо-Маклай в Новую Гвинею. Кинемся и мы в путешествие. Все же двигать не на своих двоих, а культурненько, с удобствами, - на «тушке» по воздуху да на танкере по воде.

Но прежде чем вязать морские узлы до Амдермы, следует запастись билетами на воздушный лайнер и махнуть в Мурманск, где на рейде, в ожидании сменного экипажа, стоит танкер «Юрмала». Но еще раньше предстоит наведаться в библиотеку, чтобы кое-что полезное о граде арктическом выведать.

Я позвонил своей надежной до потери пульса Галке Волошиной и попросил ее смотаться в библиотеку и выкопать там какие-либо сведения об Амдерме.

- Лично мне некогда, - пояснил я. - Мне командировку оформлять.
- А командировочные - «до» или «после»?
- Уже! И винчик купил - «сухарик» по кличке «Каберне».
- Тогда бегу.
- Сначала в библиотеку, Галка!
- Туда и бегу.
- До вечера...

«Самая читающая в мире страна», как выяснилось, штудировала в юбилейном году не только Ленина. Она озаботилась и моими потребностями. И пусть не к путеводителям вывела, но кое-какую информацию подкинула.

Надежная Галка Волошина нашла в студенческом загашнике томик Евгения Евтушенко. И доста-

вила ко мне домой - ул.Янки Купалы, 5.

- В одном из его туристических стихов, - сказала, - упоминается Амдерма.

- В каком?

- А вот в том, где наш автор клюкал тройной одеколон. Читаем?

- Читаем!

И прочли. Вслух. На два голоса.

«Мы сто белух уже забили,
Цивилизацию забыли,
Махрою легкие сожгли...
Но, порт завидев, грудь навыкат,
Друг другу начали мы «выкать»,
И с благородной целью выпить
Со шхуны в Амдерме сошли...»

- Подумаешь, невидаль, - промямлил я, когда поэтическая речь вывела к популярному у алкашей аптечному напитку. - Тройной одеколон и в Риге можно лакать. Лакать и стихами пробавляться от избытка алкогольных градусов.

Признаюсь, я не удержался и тут же продемонстрировал собственное сочинение:

«И я там был,
Мед-пиво пил,
И по усам текло,
И по зубам попало...»

- Ты написал?

- Вот именно, причем в пятнадцатилетнем возрасте, под воздействием русских сказок.

Мое ревнивое замечание вполне объяснимо. Кому из поэтов эпохи развитого социализма хотелось, чтобы на подушке рядом с изголовьем любимой девушки «красовался» вместо него Евтушенко? Мне этого не хотелось. И мы забыли об Евтушенко, Амдерме, Баренцевом море и северном сиянии. Нам и без всего этого было хорошо.

2

Чем плохи советские телефоны? Тем, что звонят в неурочное время. А несоветские? У них та же беда. Но они - импортные. Их звонки устроены таким образом, что в них слышится нечто многообещающее: приглашение на выставку, на просмотр заграничного фильма, на презентацию - с попутным выпивоном в баре-ресторане.

Мой телефон был советский, но звонок в него был вмонтирован импортный. Мне и «послышалось». Но приглашения не последовало. Звонил Ливик Генделист, по уважительным официальным бумагам - Лив Альбертович, судовой кок и «лично мой» внештатный корреспондент, с которым предстояло лететь в Мурманск, где на рейде стоял танкер «Юрмала».

Назван парень был с претензией на родство с древними ливами. Для справки: «Земля ливов» - Ливомния (лат. Livonia, нем. Livland) - это часть восточной Прибалтики. Захвачена немецкими рыцарями-крестоносцами. Окрещена ими же по аналогии с одним из живущих на территории Латвии и Эстонии, с тринадцатого по пятнадцатый век, финно-угорским племенем. В конце сороковых - начале пятидесятых годов, может быть, в знак «тихого» протеста против очередной потери независимости, название племени перекочевало в метрику новорожденных прибалтов, превратилось в собственное имя - Лив. Являлось оно и довольно редкой фамилией, тщательно оберегаемой и переходящей из поколения в поколение без изменений или прибавки латышского суффикса - «ис». К слову, один из фотокоров нашей редакции, Гунар, и носил такую достопримечательную фамилию - Ливен. Но вернемся к телефонному звонку.

- У меня для тебя есть информация - пальчики оближешь, - сказал мой приятель, внештатный корреспондент и судовой кок по совместительству.

Ливик Генделист всегда говорил на «журналистском уровне». И всегда, при встрече либо по телефону, стремился «пробиться» на страницы легендарного «Латвийского моряка». Он обладал редким даром «засветиться» там, где меньше всего его ожидали увидеть.

- Когда я в 1969-м был в Каннах на внеконкурсном показе «Андрея Рублева», - говорил Ливик с выраженьем на лице, - мы так быстро разгрузились, что даже не успели посмотреть картину. И очень об этом потом сожалели. Пришлепали домой, а дома, оказывается, она еще на экран не вышла.

- Почему же, Ливик? - возражал я. - Это на широкий экран она не вышла. А тишком ее показывали во Дворце культуры завода ВЭФ и у нас в Интерклубе.

- Оки-доки, «показывали»! Но для кого? Для избранных?

- Для оповещенных...

- Смотрел?

- Оба раза.

- Кинчик стоит того?
- Стоит.
- А нам его покажут?
- Когда у тебя следующая ходка в Канны?
- Месяца через два...
- Вот как раз и поспеешь к началу сеанса. Там...
- Спасибочки - раз-цвай-драй! Может быть, ты мне и валюты на просмотр кинчика подсыплешь?
- Держи карман шире!

Больше всего в жизни Ливик любил сочинять стихи, особенно под гитару, чтобы быть похожим на Пушкина и заодно не отстать от Высоцкого. Аккорд - слово за слово - строчка. Скоропись воодушевляла его и благотворно влияла на зрение, когда он смотрелся в зеркало и видел там Александра Сергеевича. С ним, несмотря на явную блондинистость, был схож по комплекции и волнистой шевелюре, да и в росточке не отстал от классика - куда уже меньше? - 158 сантиметров. При удобном случае он мог заметить: «Я поэт и бард с двойной композиторской фамилией». На самом деле, его фамилия была никакая не двойная, ординарная латышская фамилия немецко-еврейского корня - Генделис. Однако плодовитый на выдумки Ливик припарковал к хитрому лисьему окончанию буковку «т» и приобрел превосходный фирменный знак - Генделист, с которым хоть в Союз композиторов вступай. Но вместо музыкального училища он поступил в ШМО - школу мореходного обучения, освоил специальность моториста и вышел в море. Правда, в море предпочел машинному маслу - сливочное и переквалифицировался в повара.

«Я кок - инди-виду-алист! Оки-доки! - говорил он о себе. - Мое призвание - персональные блюда. Такие, что пальчики оближешь!» Готовить надо было на всех и в большом количестве. Так что поварские таланты не очень-то раскрывались, и приходилось больше полагаться на журналистское перо, чем на поварешку, чтобы прославиться в экипаже. Вот и сейчас, прослышав о совместном полете в Мурманск и рейде в Амдерму, Ливик Генделист решил порадовать меня по телефону наброском забойного репортажа, импровизацией в стиле путевого дневника.

- Так и пишем, прямо на первую полосу: «От нашего специального корреспондента».
- Что пишем, Ливик?
- Самолет стремительно разбежался по взлетной полосе и, подогнув по-птичьи тонкие ноги, на авиационном языке - «шасси», поднялся в бескрайний небесный океан. «Оки-доки!» - сказал командир воздушного лайнера и взял штурвал на себя.
- Стоп! Стоп, Ливик! - занервничал я, видя, что Галка грозит мне из-под одеяла кулаком. - Не торопись взлетать. И не заставляй командира лайнера говорить твоими словами. Я тут босыми ногами стою на полу.
- Надень тапочки.
- Тапочки в другой раз.
- Подожди, подожди. Тут у меня и географическая сноска есть.
- Лучше узнай, что означает слово «Амдерма».
- За нами не заржавеет. Распознаем. А пока послушай, что я надыбил из истории Амдермы. Можно дать подверсткой к репортажу, послушай! «Амдерма основана в 1933 году. Представляет собой поселок городского типа, возникший в ту пору, когда началось строительство рудника по добыче плавикового шпата. Поселок расположен на побережье Карского моря - северная граница Полярного Урала, у хребта Пай-Хой. До Воркуты по прямой - 350 километров, до Нарьян-Мара - 490, до Архангельска - 1260, если шлепать морским путем. По воздуху короче - 1070».
- А на оленях?
- Не понял.
- На оленях - ближе. Так, кажется, в песне.
- Я не знаю, как в песне. Я ее еще не сочинил. Напоминаю: сейчас я не бард, а корреспондент. Надо песню: закажи - сделаем!
- Все?
- Напечатаешь?
- Если все, напечатаю.
- Тогда - пока все! Родится ненароком песня - сообщу тут же, где бы ты ни находился. Оки-доки! И семь футов под килем!

Трубка дала отбой. И я, имея доброе морское напутствие, поспешил, форштевнем вперед, под теплое одеяло.

3

Из-под теплого одеяла, понятно, человека никуда не выманишь, особенно ближе к ночи. Разве что - за не менее теплым, чем одеяло, пальто. Мне пылить в Мурманск, а верхняя одежка - всего лишь названье на рыбьем меху. Мой демисезонный плащ, вполне подходящий для дождливой Прибалти-

ки, тотчас при упоминании о Заполярье смущенно «затерялся» в платяном шкафу.

Какая погода в морозном краю, я не знал. Но мне было ведомо: обезопасить себя от температурных сюрпризов необходимо. Отсюда и потребность в пальто. Но не с вешалки же его снимать, если его там нет. А с кого? Разумеется, с брата моего Бори. Он хоть и моложе меня на четыре года, но по росту и объему соцнакоплений превзошел на несколько выигрышных сантиметров. Поэтому его пальто годилось и мне. А в Мурманске оно будет гораздо полезнее для организма, чем в Риге, где ходить можно и без него.

Шаг - направо, шаг - налево, топ-топ-топ, и я уже на набережной Даугавы, в прогреваемом алкогольными градусами Интерклубе моряков загранплавания. Слово - туда, слово - сюда, бля-бля-бля, и «гардеробный» номерок на серое в клетку пальто перекочевал ко мне в карман. Дальше - «джем-сейшн» - импровизационный джаз-концерт американских моряков вкупе с нашими «подпольными» звездами свинга.

Среди рижан - звездой первой величины в ту пору как раз и был мой брат Боря Гаммер, на газетном сленге «кудесник саксофона». Его ансамбль «Комбо» гремел в Риге, и каждый исполнитель слыл истинным виртуозом. Это Майрум Аронес, муж моей сестры Сильвы, - бас-гитара, Юра Смирнов - фоно, Владимир Банных - контрабас, Валерий Гарфункель - труба, Владимир Болдырев - ударные, певец - Анатолий Могилевский.

В Интерклубе, сбоку от зала, где куролесил «джем-сейшн», в двух небольших комнатах располагалась редакция «Латвийского моряка». Здесь, если позволительно так сказать, «активно дневали и ночевали наши плодовитые первые перья». Кто - за пишущей машинкой, кто - за столом для пинг-понга, а кто - и за стойкой в баре.

Время, назад! Имена - на поверку! Редактор газеты Яков Мотель, его заместитель Эдуард Лапидус. Дальше - старейшина журналистского цеха Юпитер Езусенко, выпускница сценарного отделения ВГИКа Людмила Нукневич и ее неразлучная подруга, знаток английского языка Кларисса Перельмутер, литсотруднки Ефим Гаммер, Кармелла Медалье, Сергей Ясон, Светлана Расолько, фотокоры Гунар Ливен, Григорий Илугдин, художник Виктор Лурин, машинистка Лариса Молчадская. И примкнувший к ним Ливик Генделист, помнивший, что сорок процентов газетных материалов должны быть - авторские, а шестьдесят - внештатных корреспондентов, значит, и ему открыта дорога к печатному станку.

Ливик - надо же такому случиться! - прослышав о «джем-сейшне», приволокся в Интерклуб вместе с неразлучницей-гитарой и экстренно сочиненной, будто бы по уговору со мной, песней «блюзового характера». Но эта песня, рожденная вдали от Нью-Орлеана, вряд ли сошлась бы «характером» со своей американской соперницей. Ведь мы только «в области балета впереди планеты всей». С вокалом похуже. Вот и пришлось, во имя спокойствия, чтобы не дошло до выяснения творческих отношений, затолкать подвыпившего для храбрости Ливика в редакционный кабинет, взять в буфете пару пива и пояснить:

- Когда на сцене дядя Сэм, то в первых рядах слухачи-стукачи. Из подотряда искусствоведов в штатском. Повремени со своей музыкой. Янки-дудл схиляют, тогда и солируй.

- А я сейчас хочу. У меня - с пылу, с жару. Душа горит!

- Охладись пивком. И заводи пластинку. Но втихую, чтобы джазмены не услышали. А то выгонят.

- Что за фигня? Я телепатическое пение еще не освоил, - почти обиделся Ливик, но желание продемонстрировать изделие собственного голоса пересилило. Хлебнул из горлышка, плюнул на огорчение и театрально вывел:

- Оки-доки! Музыка Генделя и Листа, слова телефонные, твои, но в моей термитной обработке, исполнение тоже мое. Исполнять?

- Только вполголоса.

- Раз-цвай-драй! - Ливик мягко провел пальцами по струнам, призывая к вниманию. И налег на речитатив, не мешая фирмачам за стенкой:

«Самолетом - далеко,
на оленях - ближе.
В санях дышится легко,
тем, кто дышит.
Мне не нужен паровоз
и купе-плацкарта.
Еду-еду сквозь мороз
в май-июнь из марта.
Еду-еду за Урал
я к такому месту,
где Хор-Хай мне обещал
подарить невесту.
Еду, молод, утром - днем

И в ночных потемках.
А доеду стариком
До любимой тетки».

- Ваше слово, товарищ Маузер? - выдал вопросительную интонацию Ливик Генделист.

- Текст одобряем, - произнес я с характерным для отца народов акцентом.

- На первую полосу?

- Э, нет! - переключился я на картавость, подражая знаменитому Щукину из фильма «Ленин в Октябре». - Архисложно давать на первую полосу вашу рифмованную галиматью, голубчик. Буржуазия не поймет, а народ не простит, скажет: верхи не могут, а низы не хотят. Вот если прибавить про соцобязательства, взятые к столетию Ильича, тогда и обернется ваш текст необходимой для передовой «газетной» правдой.

- Товарищ Маузер, а нельзя ли по существу, без «газетной» правды?

- Можно. «Правды» нет, «Труд» стоит две копейки, - подкинул я обиходную шутку. - «Советскую Россию» продали, остался «Латвийский моряк», да и он у нас сегодня для гостей редакции бесплатно.

Я протянул Ливику номер газеты с плакатным Лениным и стихами, посвященными его столетию:

«Мы с Ильичом -
К плечу плечо -
Идем,
Весне внимая.
Горят знамена
Кумачом
Зари
И Первомая».

Ливик пробежал глазами по рифмованным строчкам:

- Оки-доки! «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Стихи того стоят - бесплатно. А музыка? Моя... Ты ведь слушал... сейчас. Можно ее продать? Ну, в РЭО, Раймонду Паулсу - на эстраду?

- Раймонд чужое не покупает. А музыка твоя, как обычно, в цене, - вернулся я к напускной иронии. - Однако Гендель в тебе звучит более выразительно, чем Лист. А вообще-то ты - Гендель-Лис, хитрый Лис, Ливик! Ты ведь не на «джем-сейшн» прихилял. Нужны тебе, гордому ливонцу, эти янки-дудл, с их джазом и местными слухачами из органов, как же! Тебе первая полоса нужна.

- Для песни сойдет и четвертая.

- Для песни и «подвал» газетный сойдет. Но я им не заведую. Потому и далеко до «подвала».

- На оленях, понимаю, ближе. Тогда я двину в зал, к братану твоему... Исполню...

- Больше налегай на Генделя. Но не забудь, от тебя еще требуется срочное распознание слова «Амдерма».

- Распознаем.

- Хорошо, тогда подкинь мне свой рукотворный текст. Я сейчас отшлепаю его на машинке. И оставлю Якову Семеновичу Мотелю - на прочтение. Авось, и ему покажется с утра, что на оленях ближе.

- Ему не покажется, - пробурчал Ливик Генделист. - У него с утра похмелюги не бывает.

- Согласен, снегом он только на войне закусывал. Но я тут сделаю пометку, что этот стишок просится для колорита в подверстку к моим арктическим репортажам, которые буду гнать по рации с судна. Глядишь, и посоавторствуем.

- Пока что мы с тобой соавторствуем лишь по части выпивки, тебе половина и мне половина, - Ливик опорожнил бутылку и упрятал ее в нижний ящик стола. - Двенадцать копеек на черный день.

- Ничего ты, Ливик, не понимаешь.

- А что?

- Этот стишок Мотель, по всей видимости, как раз и напечатает. Есть в нем такой момент, о каком ты и не догадываешься.

- Оки-доки! Получается, я сам не знаю, что сочинил.

- А если знаешь, то объясни, откуда у тебя взялся «Хор-Хай»?

- Да из книжки об Амдерме! Написано - находится она на восточных склонах хребта Пай-Хой. А самое древнее поселение там - Хор-Хай. Заложено в таком допотопном году от сотворения мира, что не упомнишь.

- Ливик! Кем заложено?

- Кем надо, теми и заложено. Что я тебе - комсомолец на допросе? Пристал!

- А ты хоть усек, что значит «Хор-Хай»?

- «Хор» и по-русски - хор.

- На древнееврейском - дыра. «Хай» - живая. Получается, поселок твой называется - Живая дыра.

Звучит очень симптоматично, если подумать о приросте народонаселения.

- Раз-цвай-драй! Язык - того... под запретом. Откуда свинтил информ-бля-шку?

- От Файвиша Львович Аронеса. Это отец Майрума, мужа моей сестры Сильвы.

- Бас-гитариста?

- Да... Папа его был знаменитый еврейский актер. Играл в Харькове, Минске, Биробиджане, снимался в фильме «Граница», переводил Маршака на идиш, писал книги. Пока не посадили. Когда? В конце сороковых. После убийства Михоэлса. Сейчас пенсионер. От него и набрался словечек разных. Все-таки язык, на котором Соломон Мудрый говорил.

- А не боишься разоблачаться?

- Перед тобой - нет. Ты же сам запретный язык закамуфлировал под родную мову. Стихи на нем слагаешь, как наш классик царь Давид - псалмопевец.

- Положим, не на нем. А что? Думаешь, Мотель клюнет на «Хор-хай» и напечатает?

- Еврей! Когда распознал, что среди 26 бакинских комиссаров чуть ли не треть евреи, тут же, под какой-то юбилей - кажется, пятьдесят лет с расстрела, дал о них разворот. С фотографиями, фамилиями и с неблагозвучными именами-отчествами. Перепечатал из «Моряка Каспия». И твой «Хор-хай», помяни мое слово, даст. В подверстку к моему репортажу. Как образец местного фольклора.

- Но с моими позывными!

- Не обидит твою фамилию, Ливик. А потом будет у меня выпытывать: еврей ли ты скрытый.

- Я не еврей. Во всяком случае, по паспорту.

- Так я Мотелю и скажу: по паспорту Ливик Генделист не еврей.

- А что? Это важно?

- В каком-то смысле - да. Увереннее себя будет чувствовать, подписывая газету с твоими стихами в печать.

- Оки-доки! Тогда у меня для него есть еще один сюрприз. По второй твоей специальности, боксерской. Не 26 бакинских комиссаров, но все же... Мотель твой обязательно клюнет и пальчики оближет. Материал на первую полосу!

- Не темни.

- Какая темень, когда сплошные звезды заграничного бокса? И все евреи!

- Ты уже и боксер?

- Наполовину. Практику у тебя проходил...

- Пару тренировок и один синяк не в счет...

- Полно тебе! Лучше слушай. Когда я был в последний раз у дедушки на Шкюню, 17, в Старой Риге, то выпросил у него книжку тридцатых годов о профессиональном боксе в Англии и Америке. Там тьма тьмущая евреев. От мухачей до тяжей. Имена знаменитые, а поди ж ты, кто знал, какой они национальности. Так что оказывается, ты у нас не единственный чемпион из евреев...

- Книжка с собой?

Ливик вытащил из-за пазухи конверт, а из него тоненькую брошюрку без обложки. По ее виду и не поймешь, в какой стране опубликована.

- Держи и приобщайся к памяти предков. Издано здесь, на ходовом для тебя языке - русском, еще в буржуазной Латвии. А я пошел давать гастроль.

Прихватив гитару, он двинулся из редакционного кабинета. Я добрал со дна бутылки пиво и прислушался: в концертном зале уже не захлебывался мелодией саксофон, не стонала под сурдинку труба, не сотрясали воздух барабаны. «Фирмачи», видимо, ушли, а с ними ускользнули и топтуны-искусствоведы, остались свои ребята-выпивохи. Они и без ориентации на «блюзовый характер» поймут песни Ливика и оценят. Поймут, оценят, а потом, добавив по сто-двести, подхватят на два-три-четыре-пять голосов. И пойдут сами распевать: «самолетом далеко, на оленях ближе»...

XXI век. Ассоциация вторая:

ЕВРЕЙСКИЙ БОКС С АНГЛО-РУССКИМ АКЦЕНТОМ

Мало кто знает, что евреи были среди зачинателей бокса. Понятно, всем известно, что бокс родился на берегах туманного Альбиона в 1719 году, когда местный силач, борец и фехтовальщик Джеймс Фигг был признан лучшим кулачным бойцом Англии. Он вызывал на поединок соперников и жестоко поколачивал их. Некоторых зарвавшихся хвастунов, завсегдатаев паба, местная - алкогольного наполнения - общественность направляла к нему, так сказать, на перевоспитание. Наверное, тогда и появилось выражение: «послать на фиг!»

С незапамятных времен бокс стал называться «джентльменским видом спорта». Но далеко не джентльмены зачастую колошматили друг друга, чтобы добыть средства на пропитание семьи. Одним из самых знаменитых английских чемпионов 18 века слыл Даниэль Мендоса. Он родился в лондонском Ист-Энде 5 июля 1764 года в небогатой еврейской семье. У его родителей насчитывалось

11 детей, и каждый получил достойное образование. В том числе и Даниэль, который настолько освоил грамоту, что впоследствии, став прославленным боксером, написал несколько книг, в том числе и мемуары. По ним можно судить, что он, как и положено приличному мальчику Ист-Энда, ходил в еврейскую школу, изучал английский и иврит, математику, другие предметы. И довольно часто, как не положено приличному мальчику, дрался на улицах, пуская кровь из носу мелким антисемитам и прочим обидчикам маленьких. Его заприметил кумир детворы - известный боксер Ричард Хамфрис и взял над ним шефство. Уже через неделю никому не ведомый шестнадцатилетний подросток бился с профессионалом и, дав во всю охотку ему по зубам, получил свой первый в жизни гонорар. Деньги, как легко догадаться и в нашем 21 веке, никогда не бывали лишними в многодетной еврейской семье. Так что Даниэль Мендоса, притащив домой первую «боксерскую получку», заслужил отцовское позволение на дальнейшее «выбивание денег при помощи кулаков».

Надо признаться, выбивал он их успешно. На ринге молодой лондонец выступал под именем «Еврей Мендоса». А болельщики-соплеменники негласно называли своего любимца «Свет Израиля», как бы намекая, что он в какой-то мере повторяет героические подвиги царя Давида, который укокошил непобедимого великана Голиафа. И, действительно, его бой против многопудового мясника Мартина напоминал схватку Давида с Голиафом. А проходил он в присутствии принца Уэльского, наследника трона. Выигать при таком свидетеле было не просто престижно, но и необходимо. И не только ради упрочения еврейского самосознания. Финансовый мотив тоже играл не последнюю роль. Денежный приз - это тебе не фунт изюма. Правда, он тоже выдавался в фунтах. Но в каких! С портретами сиятельных особ из королевской фамилии! Согласитесь, 1000 фунтов за бой - это и сегодня неплохо, а в 1785 году подобный куш представлялся просто баснословным. Короче говоря, 21-летний Даниэль, готовящийся к женитьбе, не пожалел себя и, разумеется, противника. «Свет Израиля» лупил здоровенного мясника с таким поэтическим вдохновением, что ему аплодировали все, включая и «самого главного» из присутствующих на матче болельщиков - наследника английского престола принца Уэльского.

Вскоре после этой победы «Еврей Мендоса» стал сильнейшим боксером Англии и открыл собственную школу. Нокаутируя раз за разом титулованных противников, он превратился в кумира детей и взрослых. «Даниэль Мендоса! Даниель Мендоса!» Его имя мелькало в стихах, песнях, пьесах и книгах. О нем слагали легенды. Его приветствовали на улицах и в зрительских залах. А этот великий чемпион еврейского происхождения, помимо нанесения черепно-мозговых травм противникам на ринге, писал исключительно полезную для спортсменов книгу «Искусство бокса», выход которой в свет явился подлинной сенсацией. Произошло это в 1789 году. С некоторой самонадеянностью можно утверждать, что с появлением этого первого в мире, я бы сказал, «учебного пособия для студентов из институтов физкультуры» и родился современный бокс. Недаром ведь последователи Мендосы, знаменитые боксеры той эпохи, называли его «учителем боксеров на научной основе».

Сегодня эта книга, на которой выросло несколько поколений знаменитых кулачных бойцов прошлого, исторический раритет. Редко в какой библиотеке ее увидишь. Но об основных постулатах боксерского учения «Еврея Мендосы - Света Израиля» не трудно догадаться. В особенности мне, прожившему на ринге вот уже пятьдесят лет.

Основные составные бокса - это реакция на удар, комбинационное мышление, контригра. Все это есть у каждого человека, независимо от национальности. Ну, и у евреев, конечно. Причем с избытком. В Израиле это видно невооруженным взглядом. Чего нет - так это желаемых материальных вливаний для развития бокса. И посему еврей в Израиле, пусть и является истинным сокровищем для кулачного боя, но кулачный бой, если и дальше придерживаться шутливой формы изложения, не является сокровищем для еврея в Израиле.

В 1980-м, вскоре после репатриации, я убедился в этом воочию. Тогда, будучи тренером, я выставил одиннадцать своих воспитанников на первенство Иерусалима. Восемь из них сошли с ринга победителями. Затем я мотался по их домам, чтобы вытащить чемпионов на тренировку.

- Тренировка? Зачем? - говорил мне отец одного из них, потомственный продавец-бакалейщик. - И теперь можно вывесить его золотую медаль в лавке. Покупателей прибавится. А в остальном... Бокс - не футбол. За мордобой у нас не платят. И пойми, учитель бокса, завтра - армия. В армии какой спорт? Лечь-встать, лечь-встать, шагом марш! А после армии - путь земной не в чемпионы, а в отцы семейства. Таков круговорот вещей у нас в Израиле...

Все мои доводы о том, что первенство Иерусалима - это всего лишь первая ступенька на пьедестале спортивного почета, разбивались о логику израильской жизни. В 1985-м, когда в Иерусалимском клубе бокса братьев Люксембург я судил за рингом на соревнованиях юных мастеров кожаной перчатки, один из участников финальной схватки опроверг, к моей радости, эту формулу. Мальчишка лет пятнадцати, которому я дал весомое преимущество в очках за техническое ведение боя, после оглашения победы перескочил через канаты ринга и... Такого еще не видели в этом спортивном зале. Он бросился ко мне в объятия.

- Учитель! Ты меня узнаешь?

Я его не узнал. Но вспомнил мою команду из Неве-Якова пятилетней давности и подумал: должно быть, этот мальчуган из тех моих воспитанников. Скорее всего, из тех трех, кто тогда проиграл. Только проигрывающие поначалу способны переломить судьбу и побеждать, побеждать.

Бокс - это характер. А отнюдь не развитые мышцы. Вспомним классические примеры. Обладатель кубка Баркера, олимпийский чемпион в Токио Валерий Попенченко слыл хлюпиком и был неоднократно бит Лопоухим с Самотеки. Гроссмейстер ринга, двукратный олимпийский чемпион Борис Лагутин тоже пошел в бокс не от природных дарований. Кстати, рельефом а-ля Арнольд Шварценеггер не обзавелся и на пике своей карьеры. А Королев? Шоцикас? Енгибарян? Шатков? Григорьев? Агеев? Баранников? Абрамов? Фейерверк имен. Каждое - легенда.

И тут дошлый друг детства 106-килограммового Андрея Абрамова, трехкратного чемпиона Европы в тяжелом весе, может ухмыльнуться: автор загнул! Уж кого-кого, а Андрея записывать по малолетству в дохляки, ха-ха! Лично мне бил морду еще в первом классе!

Оставим битые морды. Хотя... может быть... с них и начинается для некоторых мальчишек с развитым чувством человеческого достоинства путь к рингу. У еврейских мальчишек Советского Союза оно родилось сразу же с открытием первых боксерских клубов. «В созданном в 1923 году спортивном обществе «Динамо» была организована секция бокса, вырастившая первых чемпионов Советского Союза, - пишет профессор Константин Градополов. - Владимира Езерова, Якова Брауна, Александра Павлова, Федора Бреста, Александра Гольдштейна». Кто из них евреи? Об этом Константин Градополов в своей книге «Бокс» не упомянул. И понятно: на национальности спортсмена нет особого смысла заострять внимание читателя, если ты и твой читатель - не евреи и вас никогда не упрекали в том, что вы бежите от «опасных» видов спорта так же, как во время войны с передовой в Ташкент. А так как мы евреи, и нас упрекали, то я позволю себе составить таблицу первых чемпионов Советского Союза по боксу. Будет о чем поразмыслить нашим соплеменникам, увлекающимся на досуге игрой «Кто? Где? Когда?»

1926 год. Первый чемпионат СССР по боксу. Имена обладателей золотой медали. Наилегчайший вес - Владимир Руктешель. Легчайший вес - Федор Брест. Полулегкий вес - Лев Вяжлинский. Легкий вес - Александр Павлов. Полусредний - Яков Браун. Средний - Константин Градополов. Полутяжелый - Алексей Анкудинов. Тяжелый - Владимир Езеров.

В последующие годы, в условиях жесткого боя, когда евреи сражались на сером квадрате сразу с двумя противниками - с живым, реальным, вооруженным десятиунциевыми перчатками и стоящим за ним Голиафом - антисемитизмом, они умудрялись год за годом становиться лучшими из лучших, оставаясь зачастую «невыездными» и, следовательно, «непригодными для употребления» на чемпионатах Европы и Олимпиадах. Вот их имена...

Наилегчайший вес - Лев Сегалович, чемпион СССР в 1940 и в 1944-1948гг. Наилегчайший вес - Владимир Ботвинник, чемпион СССР в 1959г. Первый полусредний - Герман Лободин, чемпион СССР в 1951-1952гг. Первый полусредний - Леонид Шейкман, чемпион СССР в 1957 и 1959гг. Первый средний - Владимир Коган, чемпион СССР в 1949г.

А теперь вопрос на засыпку. Кто установил рекорд «живучести» на высшей ступеньке пьедестала почета? Напоминаю, Анатолий Грейнер. 1937г. - чемпион СССР в полулегком весе, тогда он представлял Харьков, потом Москву. 1946-1949гг. - четыре раза подряд чемпион СССР в легком весе. Напомним, в 1941-1943 годах первенство СССР не проводилось из-за войны. 1951г. - чемпион СССР в легком весе. 1953г. - чемпион СССР в легком весе. Итого, семикратный чемпион СССР. Разумеется, был и вторым, и третьим на различных соревнованиях. Но прикиньте, чего стоит «золото», выбитое в 1953-м, в пору «убийц в белых халатах», «наймитов Джойнта» и смерти Сталина. Но отбросим эмоции. Обратимся к математике. С 1937 по 1953 год Анатолий Грейнер был первой перчаткой самой мощной боксерской державы мира. Сколько же лет? Шестнадцать. По сути дела, четыре Олимпиады. Такому долгожительству в боксе можно позавидовать.

И, помнится, в 1963-м, когда Анатолий Грейнер, весь увешанный медалями, вручал мне и моим товарищам по сборной Латвии спортивные награды, мне, восемнадцатилетнему, и не представлялось, что и через сорок пять лет я буду так же стоять на ринге и (правда, из других рук) принимать очередную золотую медаль чемпиона. Но уже не чемпиона Прибалтики, а запредельного по тем временам Иерусалима. Как-никак в 2008 году исполнилось ровно пятьдесят лет моим выступлениям на ринге. Первый бой я провел в возрасте 13 лет в далеком 1958 году. Впервые стал чемпионом Латвии в 1962-м, выступая за СКА (Рига), последний раз на пьедестал почета первенства Латвии поднялся в 1978-м, перед отъездом в Израиль, тогда защищал цвета спортобщества Даугава (Рига).

50 лет на ринге... Такого мирового рекорда история бокса не знает. И вряд ли возможно повторить подобное: ведь возрастной предел в любительском боксе - 34 года.

Вообще, когда я умозрительно прослеживаю свой боксерский марафон, то мне бросается в глаза, что каждый новый двадцатилетний отрезок своей жизни с 13 лет - «бар-мицвы», совершеннолетия по-еврейски - я начинаю с бокса. Дело в том, что первый раз после более чем десятилетнего перерыва я вернулся в бокс в 33 года и вновь завоевал титулы моей молодости. Это было в Риге, в

1978 году. Второй раз, и опять после многолетнего перерыва, теперь уже в 18 лет, я вернулся к боксерским перчаткам в 53 года. Это было в Иерусалиме, в 1998 году. И с тех пор неизменно становился чемпионом открытого первенства нашего Вечного города. Соревнования проводятся у нас дважды в году и на них съезжаются лучшие спортсмены из многих городов Израиля - Тель-Авива и Натании, Хайфы и Эйлата, Петах Тиквы и Холона, Кирьят Гата и мошава Азария Нешер.

23 ноября 2007 года по первому каналу израильского телевидения демонстрировали репортаж об открытом первенстве Иерусалима по боксу, посвященном памяти израильского сапера Стива Хильмса, погибшего у Могилы Рахели, на полпути между Иерусалимом и Бейт Лехемом - Вифлеемом, при разминировании взрывного устройства, подложенного террористами. Показывали и мой бой, победив в котором я стал в 19-й раз подряд чемпионом нашего вечного города. Вот что об этом писала израильская пресса.

Элиягу бен Мордехай. Из статьи «Турнир памяти Стива Хильмса» (об открытом первенстве Иерусалима по боксу). Газета «Репортер», приложение к еженедельнику «Новости недели». 29 ноября 2007 года. Израиль. «Максимальный возраст бойцов в любительском боксе - 34 года. Фима Гаммер чуть ли не вдвое превышает сей возраст. Однако располагает справками от врачей, особым разрешением Всеизраильской федерации бокса. Ходят слухи, что Гаммер внесен в Книгу рекордов Гиннесса как старейший из действующих спортсменов в мировом любительском боксе. Он был чемпионом Латвии, Прибалтийского военного округа, неоднократным чемпионом Израиля. Толпы болельщиков ходят на бокс исключительно из-за него. У этого человека масса талантов. Он писатель и поэт, отмеченный международными премиями, график и художник - победитель всевозможных конкурсов, обладатель множества медалей и дипломов. В быту он журналист радио РЭКА - Голос Израиля. Жребий свел Фиму Гаммера с его одноклубником Никой Доуэлем (полулегкий вес). Оба воспитанники тренера Гершона Люксембурга, оба знают слабые и сильные стороны друг друга. Все три раунда прошли в плотном напряженном темпе. Наступательный стиль не принес Нике желанного преимущества. Фима был быстрее, разнообразнее. Трюки и финты его тут же переходили в контратаки. Парадоксально звучит, но старость переиграла юность. Гаммер, разменявший седьмой десяток, в очередной раз стал чемпионом Иерусалима и получил золотую медаль и кубок «за самый красивый бой».

Согласитесь, это ведь своеобразное чудо - получить боксерский кубок «за самый красивый бой» в возрасте, когда исполняется пятьдесят лет со времени первого выхода на ринг.

4

На рассвете меня опять разбудил телефонный звонок импортного производства, дающий надежду на что-то хорошее. Однако и в этот раз на противоположном конце провода топтался неугомонный Ливик Генделист, проведший остаток ночи, как выяснилось, не в баре Интерклуба моряков загранплавания у кружки пива и красных, как первомайские транспаранты, раков, а за познавательной книжкой.

- Оки-доки! - доложил он. - Полное распознание слова «Амдерма» у нас состоялось. Пострадавших нет.

- Древнее слово?

- Древнее, древнее. Почитай, со времен динозавров.

- Динозавры вымерли, Ливик.

- А слово осталось.

- Ну, расшифровывай.

- Чего расшифровывать? - понес на скоростях Ливик. - Я тебе цитатку выложу, как из учебника. «До наших дней, - говорится в книжке, - дошло предание о происхождении названия поселка Амдерма. Однажды охотник-ненец, плывший на лодке по Карскому морю, увидел на побережье многочисленную залежку ластоногих. И пораженный, воскликнул: «Амдерма!» В переводе это - «лежбище моржей». Потом первопроходец-ненец привел сюда своих родичей. Они поставили на берегу чумы, образовали стойбище. С той незапамятной поры это местечко так и называется - «Амдерма».

- Ливик! А на каком языке воскликнул ненец? Не сказано?

- На древнем, должно быть.

- Каком - древнем?

- Матерном, полагаю.

- Не городи чепухи!

- Почему - чепухи? Слушай сюда! Продаю информ-бля-шку на первую полосу. В последний раз, когда я был в Интерклубе, там выступал Ролан Быков.

- Вчера там выступали заезжие лабухи, Ливик! Забыл?

- Не лови на слове. У меня присловье такое, для девочек, чтобы вешать лапшу на уши.

- Мне не вешай.

- Тогда гони уши к пониманию, слушай сюда.

- Слушаю.

- Знаешь, что рассказывал Ролан Быков? А рассказывал он вот что... Ладно, моему изложению на вольную тему ты не доверяешь. Оки-доки! Секундочку терпения: раз-цвай-драй! Открываю журналистский блокнотик, и... Теперь слушай. Запись, как с магнитофона «Яуза». Читаю вслух: «Чтобы правдиво сыграть роль скомороха у Тарковского в том самом «Рублеве», что на наши экраны не вышел, Ролан Быков по блату пролез в спецхран, где хранились оригинальные тексты этих шутников-затейников пятнадцатого запойного века. И что? Последние волосы потерял от удивления! Древние тексты наших предков-юмористов представляли собой сплошной русский мат». Конец записи - в вольном моем изложении. Годится на первую полосу?

- Ливик, я интервью с Роланом Быковым напечатал еще три недели назад.

- С матом?

- Без мата.

- Оки-доки! С тобой все понятно. В современную газету с древним языком - ни-ни! Выпрут. Но под ледяным солнцем чем еще греться ненцу? Какой к нему там древний язык может пожаловать, кроме русского мата?

- Ливик! У нас только один древний язык остался, да и тот под запретом. Не соображаешь?

- Динозавры вымерли, а язык остался. Опять за свое. Так, что ли?

- Кстати, Ливик. А динозавры тут при чем?

- Динозавры там, под землей, в вечной мерзлоте. Они всегда «при чем», если покопаться в прошлом.

- Об этом тоже есть в книжке?

- В книжке больше о мамонтах, - пояснил Ливик.

- А о ненцах нет ли чего путного? Откуда они явились, от кого произошли?

- Все мы произошли от Адама и Евы. Что тут неясного?

- И динозавры?

- Динозавры вымерли...

- А евреи остались, - машинально выдохнул я.

- Вот и поезжай к вымершим. Вдруг живого динозавра откопаешь среди вечной мерзлоты.

- Мне эти «живые» уже два года не выправляют визу в загранку. Это мне - морскому журналисту! А я ведь тоже не прочь сходить в Канны - на фестиваль. Заглянуть на виллу Бельведер в Грассе, где Бунин написал «Жизнь Арсеньева», за что и получил Нобелевскую премию в тридцать третьем году. Или отчего не махнуть в соседнюю Ниццу - посмотреть знаменитые витражи Марка Шагала? А оттуда - небольшая ходка вдоль моря, километров на сто с лишком - и пожалуйста, Монако, Монте-Карло, казино, и загребай шальные деньги в рулетку.

- А к северному сиянию - слабо? К белым медведям, в Арктику, можно сходить и без визы.

- Но не к африканским бабуинам...

- По бабам и в Африку нельзя. Се-ла-ви! Такая она, житуха!

- Полное пузо, но рваное ухо, - срифмовал я.

XXI век. Ассоциация третья:

АУ, ДИНОЗАВРЫ!

Динозавры жили-жили и вымерли. А евреи остались. Древнейшая нация, что тут поделаешь. И как выяснилась, очень несимпатичная динозаврам. А почему? Да по той простой причине, что природе динозавра юмор противопоказан. А природе еврея, как раз наоборот, юмор - точно манна небесная.

Возьмем для примера доисторических динозавров. Библейский богатырь Самсон бил их насмерть десятками. И чем? Обычной ослиной челюстью. А они, получая удары могучие, не понимали, в чем тут юмор: в ослиной челюсти или в убойной силе кулаков? Наконец выяснили через подставных людей, что сила кулаков Самсона зависит от длины его волос. Юмора динозавры и на этот раз не поняли. Но богатыря на всякий пожарный случай, заманив в ловушку, остригли, ослепили и стали ждать, когда отрастут его волосы. Своего они-таки дождались. Даже похоронить потом было некого. Самсон раздавил всех в лепешку. Кто ныне о них помнит? Особенно - поименно. А богатырь остался. В нашей памяти.

Возьмем для примера вполне исторического динозавра. По прозванию Голиаф. Выставили против него, чужеземного великана, вифлеемского пастушка Давида, златокудрого псалмопевца с голубыми глазами, ростом - метр шестьдесят три см. Не проникся чужеземный великан еврейским юмором. Воспринял его за насмешку над видом своим свирепым, над мощью своей звериной. А чего, спрашивается, не понять в этом юморе? Сказано ведь было в его адрес доходчиво, с намеком: «Морда у тебя кирпича просит!» Сказано не в бровь, а в глаз, куда и закатали из пращи камушком.

С тех пор и пошло: «Юмор - дело серьезное, бьет не в бровь, а в глаз». А кого бьет? В основном -

динозавров, которые, юмора не понимая, прут на нас и прут. А откуда, спрашивается, им валить на нас, если они, по научным предположениям, уже благополучно вымерли? Поясняю: оттуда, где вымерли, и прут. Из прошлого. Хотим мы того, не хотим, а они там, где вымерли, живут и размножаются. Оттуда и прут на нас.

Притягательная сила юмористического произведения в том, что каким бы «плохим» ни был литературный герой, писать о нем необходимо «хорошо», я бы сказал - «талантливо». Как делали это Аверченко, Саша Черный, Ильф и Петров, Зощенко и некоторые другие писатели.

5

В самолете Ливик Генделист упросил меня составить обиходный словарик джазмена. Без всякого напряга я поднял планку его музыкальной культуры, выдав достойную употребления в среде профессионалов фразу:

- Когда я в последний раз прихилял в Интерклуб, там лабали чуваки из Сакраменто. Мы посвинговали, не выходя за квадрат, кирнули и поберляли на шару. И не поверите, фирмачи меня пригласили лабать к ним, в Штаты.

- Про Штаты не стоит, - сказал Ливик, выслушав мою заумь. - А то примут за чистую монету и донесут в первый отдел.

- Для этого надо хотя бы уловить смысл сказанного.

- Я уловил.

- Да ну?

- В переводе на нормальный язык это... - Ливик задумался: - Раз-цвай-драй! Когда я в последний раз «прихи...» Что?

Я подсказал:

- «Прихилял» - пришел.

- Ага. Значит, так. Когда я в последний раз пришел в Интерклуб, там «лаба...» Что?

- «Лабали» - играли. Спросишь - «кто?» Отвечу: «чуваки из Сакраменто» - ребята из этого горбатого города, где проводят фестиваль диксилендов. Усек?

- Оки-доки, будь спок! Но переведи все до конца, а то у меня в мозгах уже кошки скребутся.

- О`кей! Наматывай на винт. «Посвинговали, не выходя за квадрат» - это, условно говоря, сымпровизировали, но с таким расчетом, чтобы никто из музыкантов не вышел за пределы отведенного для соло времени. Ну, а все остальное - проще пареной репы. «Кирнули и поберляли на шару»... Это - выпили и закусили бесплатно, за счет заведения. Годится, Ливик?

- Даже нравится. Бесплатно... За счет заведения... Как за границей...

- Тогда осваивайся на джазовом приволье. Зови стюардессу и напомни ей: девушка, настала пора...

- Поберлять?

- Точно! Да ты полиглот!

- Но я и кирнуть не против.

- Кир, Ливик, при наших воздушных удобствах не предусмотрен. Не заграница. К тому же на иврите «кир» значит - «стена».

- Неприступная?

- Под нашими безалкогольными небесами, думаю, - да.

- Не скажи, - хитро усмехнулся Ливик. - Раз-цвай-драй! - и словно фокусник вытащил из потайного кармана форменной тужурки плоскую двухсотграммовую бутылочку с коньяком.

- Не переберем?

- За квадрат не выйдем. Время - за нас. Полярный день длится в Амдерме с 20 мая по 30 июля, полярная ночь - с 27 ноября по 16 января. Так что доберемся без опоздания.

С этими, очень полезными для почитателей Бахуса сведениями, нам и предстояло вступить на мурманскую аэродромную рулежку.

У входа в аэровокзал, на гулливеровом по размеру щите, выставленном для повышения самообразования туристов и аборигенов, мы прочитали-запомнили: «Мурманск - крупнейший в мире город, расположенный за Северным полярным кругом, в зоне распространения многолетней мерзлоты. Город покоится на скалистом восточном побережье Кольского залива Баренцева моря, в 50 км от выхода в открытое море, в 1967 км к северу от Москвы и в 1448 км от Ленинграда».

На улице ни день, ни ночь, но именно та предвечерняя пора - очей очарованье, когда в портовом ресторане-стекляшке призывными маяками зажигаются огни.

- Вздрогнем? - Ливик Генделист щелкнул себя по кадыку.

Я пожал плечами:

- Если Родина прикажет, пацаны ответят - «есть!»

Но излишнюю инициативу за полярным кругом поостерегся проявлять. Для этой цели предназначались спутники.

За компанию с нами «тушка» закинула в моржовый край первого помощника капитана Якова

Харламова, стармеха танкера «Юрмала», на морском сленге - «деда» Семена Огневецкого, старпома - «чифа» Алексея Рогычаева, который сразу после прибытия удалился по каким-то своим неотложным делам. В Мурманске нам предстояло встретиться с капитаном судна Владимиром Гальфериным. А где встретиться, не уточнялось. И без того координаты были ясны. Порт. Административное здание морского пароходства. Второй этаж, а там - заведение известного типа, где питательные мясные калории неразлучны с предательскими - алкогольными. Здесь и состоялась наша встреча.

Войдя в ресторанный зал, я чуть ли не обомлел. Полярная ночь! Сплошняком - черные форменки моряков торгового флота, а промеж них ни одного привлекательного цветового пятна, платьица, что ли. Лицом к входной двери, у окна, потолок подпирает юбилейный вождь - картина из учебников для начальной школы - Ленин на броневике. В черном зале и Ленин, разумеется, тоже в черном. Стоит он в черном пальто, развивающемся под штормовым ветром, на крыше черного броневика. Левая рука цепко зажимает черную кепку. Правая тычет пальцем в небо, указывает впечатлительным клиентам направление. Внизу печатными буквами выведено: «Правильным путем идете, товарищи!»

Что ж, Мурманск - не Рио-де-Жанейро. Да и не Рига - маленький Париж янтарного края. Такого избыточного изобилия черного цвета у нас даже в Интерклубе не встретишь. Кругом - пестрота от инвалютных нарядов девушек с факультета иностранных языков. А тут черные мундиры, черные тужурки, черные галстуки. Орнамент - черные усики или черные шкиперские бороды. В ярком свете люстры - черный дым свирепых кубинских сигарет «Портагос» либо трубок кустарного производства, от ленинградского мастера Петрова, благоухающих амстердамской «Амфорой». Смесь запахов, кулинарных и табачных, достойная плодовитого пера Хемингуэя. И все это великолепие пропитано притягательными водочными парами. Так что эффект полный: еще не подойдя к стойке, испытываешь неистребимое желание напиться.

Впрочем, стойки и не было в наличии. Была эстрада, на четыре стула и пюпитра. Но без оркестра. Были официантки. Две голенастые подавальщицы, в белых фартучках на черных, в обтяжку, платьях и кружевных накрахмаленных коронах на завитых головках.

Были столики. Десятка два-три. Все заняты, кроме первого. Первый стоял напротив входной двери, под портретом Ильича, указывающим нам верный путь. По негласным правилам, как мне думается, за этим столиком набираться до кондиции возбранялось. Поэтому сознательные люди и сторонились его, оставляя свободным для малопьющих. В Мурманске малопьющих не было. Это и вызвало к нам повышенный интерес. Сначала, как положено, со стороны официантки Машеньки, в черном платье в обтяжку и белом фартучке.

- Что будем пить? Что будем есть?

Она очень удивилась, когда, заказав обед, мы снарядили под него всего один графинчик коньяка, грамм по сто на трезвого человека. Под кофе, так сказать, для мажору.

Потом интерес к нам перекочевал к двум длинноногим девушкам, явившимся неведомо откуда, возможно, из кухни - и сразу попросившимся под наше крылышко, будто мы из подвида тех залетных птиц, что носят золотые яйца. Яйца же у нас были обычные, и не для заклада в ломбард. Плеснув в их рюмки, я даже начал было читать одной из девушек стихи собственного приготовления: «А я тебя еще не встретил, не знаю, что тому виной, порывистая, словно ветер, еще не узнанная мной...»

Ливик Генделист тоже попытался намекнуть, что именно эту девушку он не встретил. Но особенно не выставлялся. Ситуация у него, в отличие от меня, была сложная: не повыпендриваешься, будучи рядовым коком, в окружении капитана, первого помощника и стармеха. А комсоставу, при подчиненном коке и неподчиненном «третьем глазе - журналисте», тоже не до заигрываний с прекрасными незнакомками. Так что девушки могли бы для своих прогулок подальше выбрать закоулок, здесь - «непрохонже».

Потом интерес к нам принял совсем неожиданную форму. И выразил его матерый мореход преклонных арктических лет. Местный, массивный, как шкаф, капитан. И столь же малоподвижный. Направляясь в туалет по малой нужде своего просоленного в штормах организма, он, качнувшись, остановился у нашего столика. Развернулся всем корпусом и, указав пальцем на капитана Гальферина, недоуменно провозгласил: «Еврей - моряк!» Подумал секунду, обкатывая во рту вкусовое слово. И снова, с тем же недоумением: «Еврей - моряк!» И - тишина! Тишина, таящая взрывоопасную искру отчуждения в участившихся табачных выхлопах под потолком. «Еврей - моряк!» Подумаешь! Ну, и что в том такого? Чем тебе не по нутру, что еврей? Отчего тебя воротит? Видеть в нем равного себе - вот что тебе не по душе. Оттого и остановился. Оттого и пальцем показал, недоумевая. Как это так? Еврей, и не завмаг, не продавец газированной воды. Моряк! А какой из еврея моряк, когда он еврей?

Во мне мгновенно сработала боксерская реакция. И я, резко встав во весь свой невеликий рост, четко выложил:

- Заткнись, антисемитская морда!

И - еще более глубокая тишина. Теперь уже полнейшая тишина и за нашим столиком.

Что такое капитан на судне? Это фельдмаршал, это министр, это непререкаемый хозяин твоей жизни.

Матерый мореход преклонных арктических лет стал жадно хватать воздух, будто сердце его зашкаливало. В глазах высветилось непонимание, переходящее в помрачение рассудка: «Как это так? Ему? Ему - капитану! Ему - морскому волку! И кто? «Салага» двадцати с лишним лет?» Вот это - «кто?» - и перебороло его открытое желание разорвать меня на части, уступило место - страху. «Кто?» - читалось в его глазах, когда он медленно поворачивался и, тяжело неся себя, двинулся в туалет по малой - теперь и большой - нужде своего просоленного в штормах организма.

Девушки, напросившиеся к нам в компанию, как-то незаметно слиняли. Недочитанные стихи, типа - «Еще не узнанная, где ты? Как долго мне осталось ждать?» - выветрились из головы. Мы выпили по коньяку и закусили спрессованным в пахучую табачную лепешку воздухом. Напряжение в ресторанном зале росло. Представьте себе, вы в питейном заведении, и нигде вокруг не слышно ни заздравных тостов, ни бульканья разливных пивных бутылок, ни постукивания вилки, гоняющейся по дну тарелки за маринованным грибком. И тут к нам подошел рослый, под два метра, моряк с лычками старпома. И обратился напрямую ко мне, как бы не замечая моих спутников:

- Почему ты оскорбил моего капитана?

Я опять встал в полный рост, отнюдь не впечатляющий: метр шестьдесят три см. Доставал всего лишь до плеча своего противника. И машинально, уподобляясь одесским предкам, ответил через стол вопросом на вопрос:

- А почему он оскорбил моего капитана?

Капитан Гальферин поднял на меня глаза. И дал мне прочитать в них нечто такое, что мог понять именно я, и никто другой. Я и понял. Но сказать, что понял, был не вправе никому, и в первую очередь старпому с «вражеского» судна. А он, видя мою непримиримость и не постигая умом, что за «высшая воля» диктует мне столь наглое поведение, предложил выяснить отношения наедине - за его столиком.

Провожаемый, как в покойницкую, я не подавал виду, что вмазался в пренеприятную историю. Чем она способна закончиться при пьяных разборках? Это одному черту известно. Но при любом раскладе, со смертельным исходом либо с элементарным мордобитием, на повестку дня выставлено: быть или не быть. Моя козырная карта - еврейская честь, его - виза моряка загранплавания.

Мы угнездились за столиком.

- Степан Антонович, - представился мурманский моряк.

- Ефим Аронович, - ответил я.

- Я здесь - по делу. В море, без малого, двадцать лет хожу.

- Мили на километры мерим?

- Что?

Насмешка «западника» смутила арктического волка.

- Чиф! - повысив голос, старпом назвал свою должность на морской манер.

- Специальный корреспондент газеты «Водный транспорт», журналов «Морской флот» и «Вымпел».

В последнюю секунду меня осенило - на чем играть. Моя козырная карта для партнера по игре в «быть или не быть», разумеется, не в том, что я еврей, и не в том, что я из «Латвийского моряка». Убийственно для него могут прозвучать только центральные московские издания «Водный транспорт», «Морской флот», «Вымпел», где я и впрямь довольно часто печатался.

По беспокойству, промелькнувшему в расширенных от гнева зрачках Степана Антоновича, я увидел: попал в точку. Больше всего «загранщики» остерегаются встреч в поддатом состоянии с въедливыми журналистами: слово за слово, и мордой сунешься по пьянке в фельетон, выпадешь в бичи, как в осадок, а то и визы лишишься.

- Машенька! - позвал Степан Антонович пробегающую мимо официантку. - Коньяка!

С некоторым изумлением Машенька посмотрела на него, человека, по всем алкогольным статьям, скорее водочного направления в искусстве веселия на Руси, но, припомнив, что и мы не портвейн заказывали, кивнула:

- Несу! - и поспешила в буфет.

За нашим столом тягостно затягивалась минута молчания. На исходе минуты появилась Машенька. С бутылкой.

- Вот, Степан Антонович... Что заказывали...

Старпом разлил по граненым стаканам: себе и мне.

- Будем! - сказал.

- Будем! - ответил я.

В жизни я еще никогда не выпивал разом полный стакан коньяка. Мог опростоволоситься. Не допить. Поперхнуться. Слезы от избытка горячительных градусов пролить. Но честь еврейская была дороже. Выпил. Посмотрел на старпома. Он посмотрел на меня. Потом на Машеньку, которая, будто в ожидании второго отделения концерта, не отходила от нас.

- Машенька, - сказал старпом. - Повторить!

- Несу!

Еще одна минута тягостного молчания медленно разменивалась на секунды за нашим столиком. И вдруг я осознал: эта тишина, как заразная болезнь, передалась всем зрителям ресторанного представления. Причем с той же непостижимой силой, как прежде, когда было произнесено: «Еврей - моряк!» Автор этого высказывания, кстати, так и не возвращался. За него «горбатился на швартовке» Степан Антонович.

- По второй! - сказал он и опять разлил поллитровку. Опять на два стакана, вровень, до краев. - Будем!

- Будем! - ответил я, чувствуя всей душой, что мой питьевой подвиг никто не оценит, и более того, впоследствии «никто не узнает, где могилка моя» - ведь предстояло подниматься на танкер «Юрмала» не у причала, по переходному мостику, а в открытом море, по свисающему за борт шторм-трапу.

Выпив второй стакан, я услышал:

- Ты свой парень!

Я был еще трезвый. Я еще трезво ответил:

- Я свой! - и повернулся к официантке: - Машенька!

Машенька тут же откликнулась:

- Несу!

Третью бутылку по стаканам разливал я. И ни капли не пролил.

- Будем?

- Будем! - ответил Степан Антонович. - А о чем ты будешь писать в свою газету? Про нашу встречу будешь?

- Про нашу встречу не буду.

- Правильно, Ефим Аронович! Что тут писать: выпили - поговорили. А о чем будешь? Про моего капитана будешь?

- Не буду про твоего капитана!

- Правильно, Ефим Аронович! Что тут писать: выпил - поговорил, заснул, небось, в сортире. А о чем будешь?

- Про своего капитана писать буду.

- Правильно, Ефим Аронович, пиши про своего капитана. А чем он знаменит?

- Напишу - узнаешь.

- Правильно, Ефим Аронович! Нам не к спеху. Пусть только не обижается на «еврей-моряк».

- А он и не еврей! Еврей - наш «дед» Семен Огневецкий.

- Что?

Тайна капитана Гальферина заключалась в том, что, располагая специфической еврейской внешностью, он был русским. И не только по паспорту, но и по воспитанию. (Это я знал от его друга детства Изи Манова, с кем прежде работал на заводе №85 ГВФ.) Но еврейская внешность досталась капитану Гальферину не случайно. Наследственно перешла к Владимиру Александровичу внешность еврейская.

Его родителей расстреляли в Бабьем Яру. 29 сентября 1941 года. Он же в тот день родился заново. Из очереди евреев, идущих по киевским улицам к смерти, его вытолкнул Изя Манов. Добрые люди подхватили беглеца, спрятали, уберегли от доносчиков. А потом и усыновили. И он вырос в русской семье, приняв национальность спасителей. Да и как могло быть иначе в оккупированном Киеве? Скажи кому ненароком, что прячешь еврейского ребенка, и сам окажешься в могильной яме. Вот и не сказали, вот и вырастили, отдали в мореходку и вывели в люди. И совсем не для того, чтобы какой-то другой русский человек, демонстративно указывая на него пальцем, говорил во всеуслышанье: «Еврей - моряк!» Не для того...

XXI век. Ассоциация четвертая:

ЧЕЛОВЕК С ТОГО СВЕТА

Все случается на белом свете. Случаются на белом свете и люди, подобные Изе Манову, заживо похороненные, но живые. Изя - воплощение чуда. Один из немногих. Бабий Яр поглотил его мать и отца. Бабий Яр поглотил его детство. Было ему немногим более десяти лет. Он жил в пору расцвета чувств, когда «мы не рабы!» звучало в нем восторженной медью оркестра. Каждый день приходил он со школы в родительский дом в полной уверенности, что родительский дом незыблем, как тепло материнских рук, солнечный свет, вишня в саду.

Изя Манов родился в Киеве, на Подоле. Он вырос среди боевых сорванцов, пропахших Днепром, медовым воздухом и семечками. Он знал в лицо всех. И все знали его в лицо. И евреи, и украинцы, и русские. Изя был счастливым человеком: он знал всех, все знали его, и у него было все, что нужно для счастья, - родина, родители, брат Моня и друг Володя Гальферин, с кем они сидел за одной

партой в школе.

В детстве жизнь кажется вечной. В детстве невозможно себе представить, что люди смертны, что всего через срок небольшой, когда лето склонится к осени, не будет уже ни мамы, ни отца, ни приятелей, с кем распевал «три танкиста, три веселых друга - экипаж машины боевой». Будут выстрелы, кровь и крики страданий. И тела, тела, тела... летящие в ров... на него, Изю Манова, лежащего, затаясь, на дне... вздрагивающего от толчков сердца, которое, если бы мог, он заставил бы силой воли остановиться. Сердце могло выдать его своим оглушительным стуком: все еще живет... живет!.. живет!.. уже не имея права на жизнь.

Сердце с болью и грохотом било в грудную клетку, перекрывало выстрелы и вопли. И Изя оглох от страха за сердце, яростно предающее его. Он рвался тщедушным тельцем - к солнцу, заслоненному трупами, к небу, зачеркнутому упавшими на его глаза женскими волосами.

Его, скользкого от льющейся сверху крови, сдавил мертвой хваткой старший брат Моня. И прошептал: «Не двигайся!» Прошептал почти неслышно, едва разлепляя губы, чтобы не качнулась над ними груда обмякших тел. И Изя отдался силе брата, не выскользнул из его цепких рук, не пополз по мертвому лабиринту наверх - к рыскающей над бровкой рва смерти со «шмайсером».

Изя отдался силе брата, ибо только брату было по силам вырвать его у смерти. Всего несколько минут назад, когда над Бабьим Яром хлестнул свинцовый ветер, брат Моня, подхватив его, скатился вниз по склону - туда... туда... где корчились, вслепую вгрызаясь пальцами в воздух, внезапно умирающие люди: чьи-то дедушки, чьи-то матери, чьи-то сестры и внуки. Еще сутки назад - да что там сутки! - часы и минуты назад они были, все до единого, живы-здоровы и могли бы, дай волю, прожить целую жизнь, до 70-80, 90 и 120 лет...

Они густой толпой ползли по улицам, обреченные, подавленные, но не понимающие происходящего.

Ползли со своими, загнанными внутрь, переживаниями, надеждами, помыслами. А над ними зависало фиолетовое полчище мух, в ожидании обильного пиршества. Никто не мог до конца поверить, что участвует в похоронной процессии. Что медленное шествие к Бабьему Яру осуществляют на Их, подвластных Им ногах живые покойники. Мухи ощущали трупный запах, исходящий от толпы. И, обманываясь, набрасывались на все еще вполне живых людей. И, недоумевая, отмахивали, зудя, от их шальных рук - вверх, выше и выше, где застили небо фиолетовой пленкой. Мухи знали, что переживут этих людей, как знали это и конвоиры, как знали это и тысячи киевлян, с состраданием, удивлением, ужасом или ненавистью взирающие на траурную процессию, втекающую в безразмерную братскую могилу.

Изя шел среди обреченных, держа за руку Володю Гальферина, и рыскал глазами по сторонам. Он искал спасения. Для себя, для брата, для друга. Для родителей. Но его взгляд натыкался на колючую проволоку, произрастающую вдоль тротуаров на месте чужих глаз. Проволоку? Произрастающую? Действительность это, наваждение?

Изя почувствовал толчок в спину. Он оглянулся на старшего брата. Моня кивком головы указал ему на человека, стоящего на тротуаре. И ему наконец-то открылись глаза, живые глаза их недавнего соседа, а в них он различил - так ему показалось - душевное смятение. Изя Манов, незаметно для конвоира выпихнутый из толпы братом, больно ушибся о недавнего соседа, точно о гранитную глыбу. Он успел протолкнуть Володю Гальферина в щелку между людьми, а сам отлетел назад, в толпу, к брату, к смерти поближе. Гранитная глыба не сделала ни движения. Она не убила Изю, но и не спасла. Хата у глыбы стояла с краю - по ту сторону Бабьего Яра. А ведь вроде бы раньше была всего через улицу. Годы спустя, когда Изя Манов вновь побывал в Киеве, хата соседа стояла, как и встарь, через улицу, в двадцати шагах от заселенного чужими людьми изиного дома.

Годы спустя, когда Изя вновь побывал в Киеве, сосед потчевал его горилкой, варениками в сметане и помидорами со своего огорода. Он помянул изиного папу, изину мать. И, посмеиваясь, вспоминал за чаркой, как «перегавкивались» через улицу они, по-добрососедски, без всякой злобы, лишь бы скрасить обыденность, лишенную еще телевизора, да и радиоприемника. Теперь у него «ящик» отменный, с большим экраном, и он коротает вечера без свар с соседями, ибо по нему краше - смерть, чем пропустить одну из серий «Семнадцати мгновений весны» с неуловимым Штирлецом-Тихоновым и милым-премилым Мюллером - «вот ведь толстячок какой, и не поверишь, что добродушная рожа эта - вражина-гестапо. Не доверили роль немецкому артисту, на своего Броневого понадеялись, а он им по-еврейски и выложился в любезностях-реверансах. Ну какой из еврея эс-эс? Побойтесь Бога, товарищи сочинители». Изя, не испытывая внутреннего протеста, слушал бывшего соседа. Чокался с ним за накрытым скатеркой столом. И только, прощаясь, не подал руки. Он помнил отстраненной от реальности памятью, что гранитная глыба безрука.

Годы спустя, когда Изя вновь побывал в Киеве, он побывал в нем, городе детства и своего двойного рождения, первый и последний раз после Бабьего Яра. «Мало вас били», - сказали ему в музее Шолом Алейхема экскурсанты - экскурсанты поневоле, очевидно, - из Днепропетровска. «Везде одни евреи!» - разглядели его в темноте, у мощей какого-то святого, в лабиринтах Печорской лавры.

Изя своей шкурой прочувствовал, как «мало их били». Изя своей шкурой прочувствовал, что это - «везде одни евреи».

Он был единственным евреем в штамповочном цехе завода №85 ГВФ. И ему приходилось нередко выслушивать ядовитые анекдоты на еврейскую тему или «достоверные» рассказы о том, что евреи постоянно ищут легкой жизни, поэтому в цехах, у станков их не встретишь, они всегда норовят проскользнуть к кульману, в конструкторское бюро. (Конструкторское бюро, к слову, располагалось в административном здании, которое, из-за внешнего вида и цвета камня, либо по иным причинам, называлось Белым домом.) На заводе №85 ГВФ было несколько рабочих-евреев. И каждый являлся не просто рабочим, а своего рода живой легендой предприятия. Таким был Изя Манов - штамповщик.

Таким был мой отец Арон Гаммер - жестянщик и музыкант, рационализатор, изобретатель и композитор. Их портреты вывешивали на Доску почета. И Доска почета с семитским разрезом глаз вызывающе утверждала: «Везде одни евреи!»

Изя Манов считался воспитанником завода. Впервые он появился в штамповочном цехе еще совсем пацаном в годы войны, когда завод именовался 245-м авиационным и дислоцировался на Урале, в Оренбурге, тогда Чкалове. Изя представлял из себя жалкий комочек нервов. И этот комочек работал по двенадцать часов в сутки. Работал до полного истощения мальчишеских сил. Лишь бы сделать побольше. Лишь бы побыстрей разбить фашистов. Лишь бы забыться в настоящем, в изнурительном до одури труде, и уйти от прошлого...

Он старался уйти от прошлого. Сначала там, в Чкалове-Оренбурге. Потом и в Риге, куда осенью 1945-го был передислоцирован завод. Но прошлое не уходило от него. И по ночам он вновь и вновь продирался во сне сквозь гору трупов за глотком воздуха и натыкался, вырываясь к поверхности земли, на колючую проволоку враждебных взглядов.

Я познакомился с Изей в 1961-м году, двадцать лет спустя после его повторного рождения. Помню, работал рядом с ним у «гильотины». Она с лязгающим скрежетом разрезала металлические листы толщиной с палец. А я под шумок рассказывал ему страшную историю Румбульского леса, где гитлеровцы проводили массовые расстрелы наших соплеменников. Время от времени евреи Риги, конфликтуя с властями, ездили туда, отдавая дань памяти жертвам Холокоста. Папа тогда отозвал меня в сторону. «Не трожь его! Не напоминай!» - сказал мне, мало смыслящему еще в человеческой психике, тем более травмированной войной.

Изя жил в своем настоящем, как в безвременьи. Иногда представлялось: он заговаривается, невпопад бросает какие-то слова, обрывки фраз, непонятных, странных или же наполненных скрытым философским подтекстом, недоступным мне, пятнадцатилетнему подростку.

- Смотри... Я иду, - вдруг, казалось бы, ни с того ни с сего, когда запускал многотонный пресс, произносил он. - И ты идешь. И он... Смотри... Мы все идем. А куда? Зачем? Мы ведь даже не знаем самих себя, а идем. Идем, не зная куда.

- Изя, - не поддаваясь его игре, говорил я с чувством некоторого превосходства, простительного по юности. - Никуда ты, Изя, не идешь. Посмотри на себя в зеркало и увидишь - ты стоишь у пресса и ни на сантиметр с места не трогаешься.

Он изучал меня невидящими глазами и улыбался чему-то своему, потаенному.

- Я и стоя, в смысле, не двигаясь, - иду.

- Куда? - освоившись, подстраивался я под его игру. - Куда, стоя, в смысле, не двигаясь, можно идти, Изя? К старости? Или - куда поведут?

- К старости. И - «куда поведут». Неизвестно - куда... Это и не важно... Главное, я иду, ты идешь. И все мы - всем миром идем. Все идем. И нам идти целую вечность. Ибо мы идем по жизни.

- Но, Изя, сколько ни иди по жизни, все равно придешь к смерти.

- К своей смерти, милок. К своей смерти, - теплился Изя недосказанной мыслью. - Своя смерть в радость.

- А чужая? - настороженно спросил я.

- Чужой смерти нет, милок. Нет! Есть только своя. И она в радость, когда ты идешь к ней, но не она - к тебе. Я иду... Всего вам доброго, люди встречные...

6

На причале, у выхода из ресторана-стекляшки, я оказался в довольно подпитом состоянии и поначалу даже не заметил, что остался один. Где мои спутники? - задумался я. И вспомнил: когда в гардеробе облачался в утепленное пальто моего брата Бори и брал на плечо походную сумку с вещами, капитан Гальферин сказал... Что? Нечто вроде:

- Мы должны оформить портовую декларацию, судовые документы. Скоро вернемся.

Как долго двигалось это «скоро», трудно было понять. И не с чем было соразмерить. Ни день, ни ночь. Электрический свет фонарей. Ритмичный плеск воды. Пологие волны медленно, словно при рапидной съемке, накатывались на каменную кладку. Захлестывали ее, ничем не огражденную от

моря, и острыми язычками старательно тянулись к какому-то странному сооружению, фанерно-плакатного типа - о двух металлических ногах, с панорамой города по нижнему краю и белыми пятнами, изображающими северное сияние поверху. В центре, чуть ниже ленинского профиля, скопированного с юбилейной медали либо с ее близняшки - монеты рублевого достоинства, шел крупногабаритный текст, своеобразная памятка для въедливых туристов. «Пишем?» - мелькнуло в мозгу. «Пишем! - откликнулось на хмельную нотку под Ливика Генделиста. - На первую полосу!». И я вытащил из кармана блокнотик и шариковую ручку. Вот эта запись.

«Планы устройства портового города за полярным кругом появились в 70-х годах XIX века. Первые изыскатели пришли на Мурман для разведки новых мест в 1912 году. Известный географ Федор Литке, побывавший в Кольском заливе летом 1822 года, писал, что его берега в южной части покрыты «березовыми и еловыми рощами». Город возник во время Первой мировой войны. Черное и Балтийское моря были заблокированы неприятелем. Чтобы иметь возможность бесперебойно доставлять военные грузы от союзников по Антанте, Россия спешно строила железную дорогу от Петрозаводска на Мурман и одновременно порт на незамерзающем Кольском заливе. Летом рабочие жили прямо под открытым небом, зимой, несмотря на заполярную стужу, в хлипких, насквозь продуваемых бараках. В пищу получали тухлую солонину и непропеченный хлеб из негодной муки. Страдали цингой. Скалистую землю долбили киркой и лопатой. «Мурманка», как называли Мурманскую железную дорогу, в буквальном смысле слова уложена на тела людей, погибших от непосильного труда, голода, холода и болезней. Вот поэтому, когда здесь прозвучали ленинские слова - «мы не рабы!», весь народ в едином порыве избрал социалистический путь переустройства общества и пошел в революцию. Да здравствует столетие со дня рождения великого провозвестника коммунизма и лидера мирового пролетариата товарища Владимира Ильича Ленина!»

Пхай-пхай! С каллиграфией, наконец, справился. Буковки туда-сюда, будто под градусом, но смотрятся-читаются. Пальцы закоченели. В мозгах сумбур. Накатилось тягостное ощущение внезапного сиротства. Торчишь, как гвоздь, на берегу коварного Кольского залива. Столкнуть тебя, как говорится, за борт - плевое дело. В особенности для тех, кому море по колено. После принятия на грудь трех стаканов коньяка, море и мне глубоким показаться не должно. Но я и по пьяной лавочке помнил предостережения старых разбойников пера из нашей газеты: в арктической купели долго не продержишься - пять минут до разрыва сердца. Сердцу же моему не разрыва, а любви хотелось.

- А я тебя еще не встретил! - вырвалось недочитанное в ресторане стихотворение.

- Кого? - вдруг послышалось сзади, из фойе.

Я обернулся. За распахнутой стекляшкой-дверью клубилась беличья шубка. Над ней беличья шапка внушительных размеров.

- Вы ко мне? - спросил я.

Шубка ответила:

- За вами.

- Кто послал?

- Капитан Гальферин. Он вас на пирсе ищет - не доищется. За нами буксир пришел. А вы - в отлучке.

- Не в отлучке, - я машинально воспротивился явной несуразице. - Я за дверью.

- Не за той дверью, - пояснила мне девчушка. - Вы не в ту дверь тиснулись.

- Все двери одинаковы, - пожал я плечами. - А как вас зовут?

- Янат.

- Таня!

- Почему Таня?

- Справа налево будет - Таня.

- Вы читаете справа налево?

- Подражаю Леонардо да Винчи, с его «зеркальным» письмом. Но только когда вижу красивых девушек.

- Тех, кого еще не встретили?

- Именно. В их присутствии у меня глаза справа налево скашиваются.

- И ходите, куда глаза глядят - налево?

- Сначала я девушкам акростихи пишу.

- А это что такое?

- Вот встречу и объясню.

- Тогда поторапливайтесь.

- А где свиданка?

- На борту танкера «Юрмала». Свидимся - не заблудимся. Акростих с вас! Я вестовая и дневальная по камбузу.

- В подручных, выходит, у Ливика Генделиста?

- Пойдем, пойдем... Там разберемся...

Буксир-тихоход, забитый пассажирами, как городской автобус в часы пик, развозил моряков по судам, стоящим на рейде. На нем мы и задымили в запредельную даль, призывно подмигивающую звездочками навигационных огней.

«В тумане скрылась милая Одесса», а если не по песне, то портовой Мурманск. На горизонте проглядывались обводы танкера «Юрмала». Он был из породы «двадцатитысячников» - двадцать тысяч тонн водоизмещением, таких как «Алуксне», «Имант Судмалис», полученных Латвийским морским пароходством относительно недавно. Приветливым ориентиром светился фонарь на клотике. Желтыми глазницами выставлялись иллюминаторы. Мокрая веревочная лестница с деревянными плашками-перекладинами свисала за бортом, над которым приплясывал от озноба вахтенный в объемистом бушлате.

Мое внимание зациклилось на шторм-трапе. И мало-помалу озноб палубного матроса передался мне. «Интересно, какая тут глубина?» Впрочем, утопленнику без разницы: в Марианской впадине он захлебнулся или в бассейне для оздоровительных процедур. «Свалишься в арктическую воду, и каюк: пять минут до разрыва сердца», - опять вспомнились наставления излишне серьезных людей из нашей редакции. А как тут сердцу не разорваться, если и впрямь грозит ухнуть к рыбам на дно. Коварный сюрприз состоял в том, что буксир и не думал швартоваться к теплоходу. Он по-бычьи тыкал автомобильной покрышкой, установленной на носу для смягчения удара, в покатый борт теплохода, затем по инерции отваливал на несколько метров назад, чтобы без промедления опять двинуться на приступ. И так с постоянством клинического идиота. Взад-вперед! Взад-вперед!

Как я усмотрел по действиям попутчиков, прыгать на шторм-трап нужно было со звериной ловкостью и непременно в промежуток между тычком и отходом нашего мелкого суденышка. Показать страх мне, морскому журналисту, было неприлично. Но я понимал, что выпитый коньяк ведет во мне свою подпольную и, надо полагать, сволочную работу. Моя боксерская реакция - единственная спасительница в столь конфузный момент - способна подвести. Но что делать? Вместо меня никто не прыгнет. Ни капитан Гальферин, ни первый помощник Харламов, ни стармех Огневецкий, ни Ливик Генделист. Пока я «соображал об этом на одного», они - первый, второй, третий - и принялись прыгать. Зрелище выразительное: реальность, а смотрится все, как на черно-белом экране в продуваемом сквозняком деревенском кинотеатре. Я бы добавил еще: в эпоху «Великого немого».

В серой полумгле вырастает металлический борт теплохода. Легкий тычок автомобильной покрышки, пружинистый отход кормой, вода вскипает пузырьками пены на расстоянии метра между буксиром и танкером. Теперь не зевать. Прыжок. Зацеп. Вертикальное перемещение рук - ног. Довольное: «Оки-доки!» И голос вахтенного: «Следующий!»

Следующим был я. Во мне три стакана коньяка. На мне теплое, но широковатое, следует признаться, пальто брата Бори, на плече сумка с вещами. Я и прыгнул. В нужный момент. По велению боксерской реакции. Она же меня и подвела, подлая. Подвела в тот, совсем уже «не нужный момент», когда я находился в воздухе, между носом буксира и бортом «Юрмалы». Должно быть, я оттолкнулся от буксира излишне сильно, и в следующую секунду моя сумка, подчиняясь инерции, соскользнула с плеча. «Там фотоаппарат!» - ахнуло в мозгах. И я инстинктивно прихватил свой багаж правой рукой. Дальше? Дальше я, все еще находясь в воздухе, осознал, что пропал. Свободной у меня оставалась только левая клешня, и если я не ухвачусь за веревочную лестницу, то питательный корм рыбам обеспечен. И надо же, ухватился. Причем так намертво, что подтянул свое шестидесятикилограммовое тело на одной левой руке, чего в обычной жизни и представить себе не мог, почувствовал опору под ногами, укрепился на перекладине, перекинул лямку сумки через голову и тяжко вскарабкался на судно.

Долго ли находился я в полете между буксиром и танкером? Две-три секунды? Но то, что рассказано, помню до мелочей. Странно, но психологически объяснимо. И как памятно! Хоть и не птица, а видел будто бы все с птичьего полета. Стоит закрыть глаза, и сейчас все это представляется чередой черно-белых кадров - «лихой кинчик!»

Как могло вместиться в мою бедную головушку такое количество мыслей и переживаний за мельчайший отрезок времени? Не мне судить. Говорят, что в момент клинической смерти перед человеком таким же незатейливым образом проходит кинохроника всей его жизни. Моя кинохроника содержит всего несколько кадров - прыжок над морем, с буксира на борт «Юрмалы». И снималась без всякой клинической смерти самой выверенной оптикой - глазом журналиста, который полагал себя в будущем и писателем.

7

Проснулся я в каюте с ощущением невыполненного долга. Какого? Акростих! - осенило.

По выверенной привычке, очнувшись после сна, я не выскочил из постели, поэтому и восстановил тут же во всех мелочах вчерашний день и встречу с прекрасной незнакомкой Янат - Таней, которой пообещал стихи. Пообещал - сделай! Сделаешь - вручишь. Вручишь... Впрочем, не стану строить планы на будущее. Мы и сегодня еще не разобрались в ситуации. Поначалу, конечно, следует осмот-

реться в каюте. Две койки, две тумбочки, один иллюминатор на противоположной стене. Сбоку от него фотка, на ней какой-то чеканный профиль. Ни дать, ни взять, Ливик Генделист: вытянутый нос, заостренный подбородок. Но странно, в шлеме со шпилем. Дикие дивности с этим Генделистом. Он и не он вовсе. Артист! Ну, конечно, играл, наверное, в каком-нибудь самодеятельном театре латышского богатыря Лачплечиса. Вот и отчеканили на память.

Память... Моя так устроена, что если что-то ее зацепит, то не успокоюсь, пока не вспомню. Фотография и зацепила. Ливик на ней, не Ливик, но, определенно, где-то я видел эту героическую мордоворенцию. Но где? Точно, в редакции! А еще точнее, в фотолаборатории, у Гунара Ливена. Демонстрируя фотку, он говорил: «Переснял в этнографическом музее. По просьбе одного моряка с «Юрмалы». Парень утверждал, что на чеканке не кто-нибудь, а прямой его предок Лив - Отважное Сердце. По прозвищу «Лев». По преданию, он правил прибрежными территориями Рижского залива в тринадцатом веке».

Правил ли могучий Лив - Отважное Сердце прибрежными территориями либо всего лишь рыболовецкой артелью, не чуравшейся и пиратского промысла, это одному Богу известно. Но чего от латвийского помора не отнимешь, внешне он здорово смахивает на Ливика Генделиста, словно одна мама их родила. Правда, у моего приятеля Ливика, если порыться в его семейных тайнах, укрываемых от отдела кадров, мама - чистых еврейских кровей, а вот у его предка вряд ли. Хотя кто их знает, этих доисторических мам. Самая доисторическая - Ева. А ее, хотя она вообще по национальности никем не значилась, почему-то считают еврейкой. Но вернемся из райского сада на песчаные дюны янтарного края, к древнему воителю. От кого ему досталась такая кликуха «Лев»? Может быть, он получил ее не в честь царя зверей, чуждого флоре Рижского залива, а подлинно во славу собственного отважного сердца? Секретов не держим: «сердце» на иврите созвучно со словом «лев» на русском языке. Вот и гадай, кто дал герою давнего эпоса прозвище: латыш, русский, немец или еврей? По всему видать, без евреев здесь не обошлось. А как они добрались до Юрмалы в ту глухую пору, когда еще электричка из Риги на взморье не ходила, это не моего ума дело. И без того столько вокруг несуразностей, что диву даешься. Зачем мне лишняя путаница в голове? Лучше стишок для девушки сочиню, просто так, для освежения мозгов да взаимного удовольствия. Где мои рабочие инструменты? Вот мои рабочие инструменты! Блокнотик кладем на тумбочку, раскрываем на чистой странице и давай выстраивать именные буковки сверху вниз.

Я
Н
А
Т

Буковки выстроил, архитектор-затейник. Пора и вдохновением обрасти, рвануть по строчкам, как по кочкам. Вдохновение - верное средство против похмелья. Проверено: мин нет! Итак? Пишем? Пишем! Я... Я встретил вас, и все былое... Э, нет, так не годится. Зайдем с другой буквы. Н... Никогда я не был на Босфоре... Черт! Кто это втемяшил мне в башку, что вдохновение - верное средство против похмелья?

Я заглянул в тумбочку, стоящую у койки. Обнаружил на верхней полке бутылочку из-под йода, грамм на пятьдесят, ярлыком к ней была прицеплена бумажка с надписью: «Лекарственная настойка. Перед употреблением не взбалтывать. Градусов не прибавит». Отодрал резиновую пробочку, принюхался. Не йод, разумеется, оставил мне Ливик Генделист. А что? Это придержим в секрете, так как на судне после поднятия якоря - «сухой закон».

Якорь подняли - это чувствовалось по усиливающейся качке и рокоту двигателей. Якорь подняли - отныне на борту пить нельзя. Нельзя, так нельзя! Но, честно признаться, хочется. К тому же вдохновению «сухой закон» не писан. Никак не раскачается оно, поддатое со вчерашнего вечера вдохновение, пока температурку не поднимет до сорока. Глоток, второй. Температурка и подскочила. Итак? Пишем? Пишем!

Я... Я в поздний час вас встретил на причале.

Н... Ночь. Ресторан. Фонарь дымит свечой.

А... Ассолью вас хотел назвать вначале...

Т... Таинственною гриновской мечтой.

Ну, и хотел. А что дальше? Где логическое завершение? Акростих есть, а стихотворения не видно. Дальше? А что, если дальше дадим акростих на ее оборотное имя? Будет, действительно, оригинально: Янат - Таня.

Т
А
Н
Я

Т... Теперь я знаю, вы звались Татьяной... Нет! Попытка вторая.

Т... Теперь мне ведомо, Янат вы и Татьяна.

А... Астральной чайкою парите под луной.
Н... Навечно ваш! В каких бы ни был странах...
Я... Я с вами мысленно, вы мысленно со мной.

8

Море катило бутылочного отлива волну, кромка гребней была густо усеяна белыми брызгами, и это создавало иллюзию снежной пороши. По своеобразному коридору, узкому деревянному настилу с алюминиевыми трубками-поручнями, проложенному метрах в двух над палубой, я прошел на камбуз к Ливику Генделисту.

Металлическая дверь не заперта. За ней виднелась массивная плита, узкий кухонный стол, покрытый пластиком, с бордовой механической мясорубкой, размером с бочонок. В стороне от двери сидела на табуретке моя ненаглядная, она же Янат-Таня, и чистила картошку, ловко снимая кожуру остро заточенным ножиком. Перед ней два ведра, в одно она бросала округлые плоды своего труда, а в другое... В другое ее рвало... Ну, и морячка! Довольный тем, что она меня не заметила, повернул назад и побрел в курилку. Может быть, там пропадает Ливик Генделист, пока его напарница готовит полуфабрикаты. Не иначе, как пошел подымить. На танкере разрешается курить только в специально отведенных помещениях. Рядовому составу в курилке, а штурманам и механикам в кают-компании. В кают-компании баловаться сигаретой мне было не интересно, ничего нового не услышу. Не то, что в курилке. Здесь собираются местные балагуры, любители потрепаться, позубоскалить, причесать кое-кому гривку. При виде журналиста, в отличие от офицерского состава, не обремененного партийным билетом и семейным положением, еще более расходятся, полагая, что береговому ферту, мало смыслящему в морском деле, легко навешать лапшу на уши.

Пересменка вахт еще не наступила. В курилке, как я и полагал, оказался Ливик Генделист. В гордом одиночестве он дымил сигаретой, листал местную газету с романтическим названием «Заполярная звезда».

- Оки-доки! - сказал мне. - Входи! Гостем будешь. Смотри, что брешут.

Через его плечо я прочел заголовок заметки: «В Ненецком округе нашествие белых медведей».

- Ого! Где это?

- Там! - махнул Ливик рукой. - За что боролись, на то и напоролись. Россия - родина слонов, а Амдерма - белых медведей.

- Наша - куда идем?

- Туда и идем. Первая остановка - Североморск, вторая - Амдерма. Читай - знакомься. Экзотика - первый класс! А я побежал, мне картошку ставить.

- С блевантином, - хмыкнул я.

- Чего так?

- Да Янат твоя - того... Был там, видел! Выворачивает ее всю наизнанку!

- Не то видел.

- А что не углядел?

- Ты бы ей еще в животик рентгеном посмотрел.

- Да ну?

- Гну! Там мой наследник, может быть, лопатится. А ты...

- Молчу!

- Молчи и, главное, помалкивай. Нам ведь, если поженимся, раз-цвай-драй, на одном судне не ходить. Доперло?

- Докатилось.

- Оки-доки!

Вроде бы и ответил по существу. Но куда теперь девать изделие моего поэтического вдохновения? Выбросить? Жалко. Держать до лучших времен в кармане? Глупо. Лучшие времена по отношению к девушке Янат-Тане теперь уже не настанут. А вот приятный подарочек для сердца - почему бы не сделать. Я протянул Ливику вырванный из блокнота листок.

- Прочти и передай товарищу.

- Что это? Сердечные тайны?

- Тайны этой жизни тебе раскроются в следующей, - назидательно сказал я.

Ливик прочел. Хмыкнул.

- Рифма у тебя хромает. Но мой товарищ женского пола, с согласия экипажа, тебя в щечку поцелует. А пока позволь приложиться и мне.

Ливик чмокнул губами, будто намеривался облобызать меня. Но я отстранился, приняв боксерскую стойку.

- Что ж, - притворно вздохнул Ливик Генделист. - Я не Олег Григорьев, чтобы в боксе с тобой соревноваться. А вот что касаемо стихов.

- Знаю, слышал... Уже сравнялся с Пушкиным. По росту. Метр пятьдесят восемь.

- По росту, - хохотнув, согласился корешок в клешах. - Ты вот, хоть и перерос Александра Сергеевича на целых пять сантиметров, тоже не Пушкин.

- Скорее Байрон! В Лондоне он слыл еще и отменным боксером.

- Хромой?

- Хромой. Но заядлый драчун. Без этого по тем временам ни один джентльмен не обходился.

- Ну, конечно. Поэтому ты и хромаешь на рифму, - продолжал хохмить Ливик Генделист.

- Почему? Мы и к прозе питаем почтение. С младых ногтей. И посейчас помню наши детские, литературные, я бы сказал, сочинения на вольную тему. Из жизни замечательных людей.

- Оки-доки! Из жизни замечательных - это годится.

- Вот послушай про Пушкина, что с тебя ростом, - и, не задумываясь, я автоматически покатил по словам, как это бывает при пересказе анекдотов. - Пушкин, Лермонтов и дворовая девчонка Буся играли в прятки. Пушкин спрятался со своей подругой под столом и кричит Лермонтову: «Ищи!» Лермонтов бродит по комнате, ищет-ищет, но не может найти. Наконец взмолился: «Пушкин! Пушкин! Где ты?» А Пушкин в ответ: «Я и Буся под столом!»

- Очень смешно, - хмыкнул Ливик Генделист. - Но это правда литературы. А вот правда жизни, - он выдрал из местной газеты страницу с заметкой об Амдерме и белых медведях и передал мне. - Пригодится для репортажа, - и вышел из курилки.

Я сел на его место, распечатал пачку рижской «Элиты», принялся читать. «Жители одного из отдаленных поселков Ненецкого автономного округа столкнулись с нашествием белых медведей. Белые медведи появились в окрестностях поселка Амдерма около двух недель назад. По словам местных жителей, рядом с Амдермой бродят от пяти до десяти особей разного возраста, живущих отдельными группами. Одно из животных ранено. Пока медведи не проявляют агрессии. Однако ранее случаи нападения на военнослужащих местной военной части были. Что делать с незваными гостями, власти поселка пока не знают. Медведи занесены в Красную книгу, а значит, убивать их нельзя. Прежде чем усыпить, отловить и транспортировать этих зверей «домой», необходимо получить официальное разрешение территориального управления Росприроднадзора, что администрация Заполярного района НАО и сделала, отправив письмо по нужному адресу. В ожидании ответа жители Амдермы нашли достаточно безобидный выход из ситуации: когда медведи приближаются к поселку, мужчины на машинах отгоняют их подальше от человеческого жилья. При этом следует уточнить: медицинскую помощь людям, если на них нападут и укусят медведи, в поселке может оказать только местная амбулатория, стационара в Амдерме нет, хотя с просьбой об его создании жители поселка обращались к заместителю начальника Заполярного Бассейнового медуправления Михаилу Израйлевичу Рапопорту».

- Такие дела, - пробормотал я, спрятал заметку в портмоне и закурил сигарету. - Поэт горбат, стихи его горбаты. Кто виноват? Евреи виноваты.

Портить легкие табачным дымом было мало желания. Но это - хочешь, не хочешь - необходимо по роли. Искусство, как говорится, требует жертв. Признаться по чести, я был еще абсолютно некурящим молодым человеком, с приличной дыхалкой, в сравнительно недавнем прошлом - чемпион Латвии и Прибалтики по боксу. Но, предполагая, что ради морской травли непременно засяду в курилке чуть ли не на весь арктический рейс, купил в Риге блок латвийских сигарет «Элита». Весь и пустил на воздух. И как бы то ни было, хоть и приучился коптить легкие, об этом потом не жалел. Набрал целый ворох забавных историй. Сегодня впервые их публикую. Спешите видеть: живые слепки 1970 года.

XXI век. Ассоциация пятая:

НАД ЧЕМ СМЕЮТСЯ МОРЯКИ

Нейлоновая шевелюра

Говорят, волосы выпадают от излишнего ума. А у боцмана Треплова ни ума, ни волос. Раньше волосы у него были. Даже не обыкновенные, а нейлоновые. Вот такую, необычную, стало быть, для наших краев шевелюру приобрел он в одном из иностранных портов. То ли во Франции, то ли в Швеции. Доподлинно это никому не дано знать. Зато все прекрасно помнят, как предстал боцман Треплов перед подопечными ему матросами во всем своем волосатом великолепии. Разве не могли его подопечные не отметить столь великое преображение командира палубной команды?

Только пришли в родной порт, как сразу же стали «обмывать» зарубежную шевелюру. «Обмыли» одну прядь, другую, а на третью спиртного не хватило. Но какой моряк растеряется в такой ситуации? Свистать всех наверх! Свистнули. Еще раз свистнули. И сообразили разом на всех. Вмиг снарядили своего предводителя - боцмана Треплова - в ближайший магазин, на поиски дополнительной выпивки. Спустился он с трапа, выскочил за пределы порта. Подался по адресу. В один магазин -

закрыт! Во второй магазин - закрыт! Посмотрел на небо: вечереет. Посмотрел по сторонам: завмаги двери запирают, торопятся к телевизору - смотреть на Аркадия Райкина и его театр миниатюр.

Что делать? Не сдаваться же, право! Разве положено моряку теряться в такую тревожную минуту, когда душа горит? Не положено! Поставит он нос по ветру и рванет в дежурную аптеку, попахивающую не обязательно нашатырным спиртом. Боцман Треплов так и поступил. Появляется он перед милой медицинской работницей, что в белом халатике и чепце смотрится, как кинодива. Спрашивает-интересуется:

- Тройной одеколон есть в наличии?

- Есть, не извольте беспокоиться, товарищ морячок дальнего плавания. Завернуть бутылочку?

- Завернуть! - воскликнул «морской волк». - Но не одну, а пару дюжин. Гулять, так гулять!

- Пить его будете? - ужаснулась продавщица с медицинским образованием. - Это же слизистой оболочке и желудку противопоказано. Язву наживете. Отравитесь!

- Не отравимся, - заверил девушку боцман Треплов. - Чтоб мне якорей не вирать!

- Я про якоря ничего не знаю. Но если брать потом вас на анализ мочи, то белковые антитела в ней будут показывать резко отрицательную синусоиду во вред вашему здоровью.

- Зато тело будет пахнуть по-человечески! - отпарировал боцман Треплов. - А мне ничто человеческое не чуждо! Заверните пару дюжин, и наше вам «адью» с кисточкой!

Открутил пробочку. Выпил содержимое. И пошел на улицу, на прощанье сказав:

- Пора и ребятам поблагоухать.

Но не удалось боцману Треплову претворить в жизнь столь благородное намерение. Зашатало его под тяжестью пакета, повело по тротуару зигзагом - никак самостоятельно не добраться до усыхающих от жажды друзей-приятелей. Довезла его машина. Синенькая, с красной каемочкой - скорая милицейская. Правда, сколько он ни указывал ей правильную дорогу, маршрут избрала другой: не к причалу, а в медвытрезвитель.

А там пихнули боцмана под холодный душ и постригли наголо. И сколько он ни доказывал медбрательникам, что волосы его нейлоновые, заграничные, не проникли - не поверили. Решили: белая горячка. Где это видано, чтобы у живого человека росли мертвые волосы? Думали, что из нейлона делают только рубашки и галстуки.

Экзамен

Пароход «Котлас» стоял в доке. Шел капитальный ремонт. На палубу поднялся рослый парень в свитере, плотно облегающем его могучий торс.

- Силен! - приветливо улыбнулся вахтенный штурман. - К нам?

- По направлению. Матросом.

- Откуда будешь?

- На заводе работал. Сейчас вот в море выпросился.

- О“кей! - полиглот-штурман выразился по-английски, но с русским акцентом. - Первый раз в море, что ли?

- Первый. Докладывал ведь. Я с завода. Но в секции юных любителей моря состоял. Называется «Алые паруса».

- Что ж, хорошее дело. Пора тебе оморячиваться. Бери ножовку. Ступай на корму, к гребному винту. Этот винт, да будет тебе известно, насажен на стержень. По-морскому, на вал. А вал сильно выступает за лопастями, в задней, так сказать, части. Надо отрезать его, вровень с винтом. Иначе в рейсе он будет тормозить ход судна. Ясно?

- Чего ясней! Обрежем! - парень взял ножовку и удалился на выполнение производственного задания.

Вахтенный штурман жизнерадостно поплевывал за борт в ожидании сменщика. Но дождался не его, а возвращения новичка-салажонка. Весь из себя взмыленный, он предстал перед командиром и с чувством исполненного долга доложил на доступном пониманию английском:

- О“кей.

- Что о“кей?

- Вал не будет больше тормозить ход судна.

- Что? - у штурмана глаза полезли из орбит.

- Спилил я его, к черту, как и было велено.

Штурман ухватился за поручни, чтобы не упасть за борт.

- Ты!.. Ты!.. - и побежал к стармеху, «деду» на морском наречии.

- Так и так, - стал докладывать. - Опростоволосились, не знаю, как и быть.

Еще что-то говорил в свое оправдание, но в ответ слышалось лишь одно:

- Он пилил ветку, на которой сидел ты. Теперь будешь сидеть уже не на ветке.

Когда же «морские волки» прошли на корму и спустились к гребному винту, их ждало новое

удивление. Вал не был спилен. Торчал себе и торчал, как и положено. Рядом валялась ножовка.

- Чего так? - растерялся вахтенный штурман, глядя на виновника неприятностей.

Тот широко улыбнулся:

- Кстати о розыгрышах. Я же говорил, что работал на заводе. Но не уточнил, что на Рижском судоремонтном. Судно я знаю от киля до клотика.

Техминимум

- Следующий! - сказал председатель комиссии Латвийского морского пароходства капитан-наставник Тукумс и пронизывающим взглядом окинул робко вошедшего в просторный кабинет моряка. - Что? Волнуетесь, молодой человек? Вопросов побаиваетесь?

- Побаиваюсь, - согласился моряк и уточнил: - Не вопросов, а своих ответов.

- Очень остроумно, молодой человек. Но у нас здесь не КВН. Давайте приступим. Вы готовы?

- Так точно!

- Итак... Что вы будете делать, если разразится девятибалльный шторм?

- Якорь отдам.

- А при десятибалльном?

- Второй якорь.

- А при двенадцатибалльном?

- Третий.

- Пятнадцатибалльном?

- Четвертый.

- Семнадцатибалльном?

- Пятый.

- Постойте-постойте, молодой человек! А где вы возьмете на судне столько якорей?

- Там же, где вы взяли все эти «балльные» штормы.

Куриная слепота

На газовоз «Краслава» был назначен новый «мастер» - капитан дальнего плавания Дадзис. А новая метла, как известно, по-новому метет. Явился капитан Дадзис на судно. Начал мести. Мел-мел и добился того, что экипаж стал работать, как хорошо отлаженный двигатель. И все бы отлично, да вот беда! - вечного двигателя не бывает.

Как-то на рейде славного черноморского города, который одновременно и мама, то бишь на одесском рейде, капитан Дадзис скомандовал:

- Отдать правый якорь!

- Есть отдать левый якорь! - откликнулся боцман Треплов.

- Прошу не путать! Правый, - поправил его капитан Дадзис.

- Левый? - переспросил боцман, будто ослышался.

- Вы что? Глухой? - вспылил капитан Дадзис. - Сказано - правый, значит, и отдавайте - правый!

- Может, все-таки лучше левый? Мы всегда при заходе в Одессу отдаем левый якорь. Так повелось еще при бывшем капитане Драугсе.

Злость взяла капитана Дадзиса.

- Бывшие Драугсы сегодня на мостике не стоят. Слушай мой приказ, боцман! Никаких «левых» дел! Отдать правый якорь!

- Несушек жалко! - взмолился боцман Треплов.

Капитан Дадзис стукнул кулаком.

- Я тебе сейчас понесусь! Исполнять, недодел!

Со слезами на глазах боцман Треплов отпустил ленточный стопор. Смычки якорной цепи пронзительно заскрипели, унося металлическую махину на дно. Раздалось пронзительное кудахтанье, и в небо взлетели куриные перья.

- Что там творится такое? - закричал, обезумев от ярости, капитан Дадзис.

- Я же говорил, несушек жалко, - пробормотал боцман Треплов.

- Каких несушек?

- Тех, что жили в нашем цепном ящике, над правым якорем. Бывший наш капитан Драугс любил поутру употреблять сырые яйца, чтобы командирский голос не садился от крика. Вот и возили с собой кур.

Капитан Дадзис побледнел. Он тоже любил яйца, правда, в виде омлета.

9

В ходовой рубке у карты на длинном - от стены до стены - столе «колдовал циркулем» вахтенный

штурман, мой старинный приятель с подрифмованным под «речную» фамилию имечком Стасик Карасик. «Морские» зубоскалы, если использовать фразеологию журнала «Крокодил», не могли пройти мимо такого несоответствия: мелкая пресноводная рыбешка на борту просоленного океанского лайнера.

Впрочем, неотлипную приставку к фамилии - и вовсе не в виде дразнилки - Стас Карасик получил еще в далеком 1962 году, на первом курсе мореходки, сразу же как записался в секцию бокса Рижского СКА и попал на выучку ко мне, тогда семнадцатилетнему чемпиону Латвии. Сколько я ни мытарил его в спаррингах, ему не давалась ударная «двойка» левой-правой. Он запаздывал со вторым ударом ровно на ту долю секунды, потерю которой осознаешь уже сидя на полу. И тогда я придумал, чтобы ребята, стоящие вокруг ринга, скандировали во время боя: «Ста-сик! Ста-сик!» Получалось: «Ста!» - удар, «сик!» - второй. Пацан прибавил в скорости и силе. А потом, по той же технологии, я разложил его фамилию на три слога и научил, отступив на шаг после раскатистого «Ста-сик!», то бишь «двойки» левой-правой, бросаться в повторную, совсем неожиданную для противника атаку. Под клич «Ка-ра-сик!» он и шел на добивание. Надо признаться, такая забавная метода привела моего выученика к званию чемпиона Рижского мореходного училища и - чуть позже - на высшую ступеньку пьедестала почета первенства Риги. Он выходил на ринг, после удара гонга раздавалось: «Ста-сик Ка-ра-сик! Ста-сик Ка-ра-сик!» Минутное оживление среди болельщиков на трибунах. И... Все заканчивалось в первом раунде. С явным преимуществом. Из боя в бой. Мог бы и дальше совершенствоваться, но морская практика гробила все накопления спортивного зала. Так что обижаться на «Стасик Карасик» морскому штурману не было никакого резона, хотя в физическом отношении он перерос уменьшительное, оно же ласкательное, прозвище вдвое: размах плеч полтора метра, вес за восемьдесят. Да и повыше меня на голову плюс шея. Но - что интересно - в боксерах постоянно живет застарелая память о бойцовских качествах своего соперника, в особенности если он заодно и «играющий» тренер. Некогда, уверовав в убойную мощь моих кулаков, Стасик Карасик не изменял этой вере. Он совершенно серьезно полагал, что, выпади нам причина стать спина к спине, мы разгромим любое неприятельское войско. Я так не думал, но и не отлучал старого приятеля от его веры. Стасик иногда, во здравье этой веры, мог учудить великое непотребство, что и сделал, прослышав, что я нахожусь на борту танкера «Юрмала». Непотребство выражалось в том, что, будучи по комсомольской «нагрузке» физоргом экипажа, он отправил в спорткомитет Амдермы радиограмму с предложением провести товарищескую встречу по боксу, приуроченную к столетию со дня рождения Ленина. Отказаться от предложения, в котором фигурировало пусть даже для «галочки» имя вождя мировой революции, было невозможно. А набрать городскую команду, если бокс культивировался в крае вечной мерзлоты, было несложно. И ответная радиограмма не заставила себя ждать. «Вызов на боксерский матч в честь столетия со дня рождения В.И.Ленина принят!» - было сказано в ней. Эту радиограмму и показал мне Стасик Карасик, когда я вошел в ходовую рубку.

- Не понял, - сказал я, разглядывая депешу.

Стасик взял со штурманского стола бинокль и протянул его мне.

- На, приглядись. Цейсовские стекла помогут.

Я шутливо посмотрел на радиограмму через бинокль.

- Стасик! Этот боксерский вызов - в мой огород?

- В наш. Честь экипажа в опасности. Надо драться, и чтоб в каждом кулаке по нокауту, как ты говорил.

- Стасик, нокаут пусть остается при тебе. Я не в форме!

- А я?

- Как же ты намерен выступать?

- На старом опыте.

- Мне прикажешь кричать: «Ста-сик Ка-ра-сик»?

- А экипаж на что?

- Но я не шнуровал перчатки... не припомню, с каких пор.

- Тебе поможет вся наша сборная.

- А из кого она состоит? Я да ты, да мы вдвоем?

- Почему? Кое-что наскреб.

- Кто же это? Я ведь никого из вашего экипажа на ринге не видел.

- А Ливик Генделист?

- Ливик? - удивился я. - Откуда?

- От верблюда! Он говорил: у него был первый юношеский разряд.

- Брось! У него разряд по всем видам творчества и краснобайства! На ринге - юношеский, а под одеялом - взрослый. Но все это от излишнего энтузиазма. Познает, что формируется бригада для полета на Марс, тут же заявит: он пилот высшего космического разряда.

- Подожди, подожди! А как же спарринги с тобой? По пятницам, для поддержания спортивной формы?

- Это он тебе говорил?
- Ну, говорил...
- А язык у него - что?
- Что?
- Помело, Стасик. Пару раз - да, я таскал его на тренировки, но у него ножки, как у козы - рожки, не держат нагрузки. И соревновательных боев - ни одного. А без боевого опыта - нет боксера. Сам знаешь,
- Зато энтузиазм - выше головы!
- При его росте... Ладно, проверим этот энтузиазм в деле, если его не съест предстартовая лихорадка.
- Вот и хорошо. Он у нас пойдет в «мухе». Ты в легком весе.
- Глаз - алмаз! Сразу определил, сколько я прибавил.
- А то!
- Ты в «тяже»?
- Других не держим. В полутяже можно было бы выставить нашего «чифа».
- Старпома? Того, что из Сибири?
- Ага! Алексея Рогычаева! В годы курсантские он тоже шнуровал перчатки. Но...
- Что?
- Неудобно к нему обращаться.
- Старший по званию?
- И это... Тридцать два года человеку стукнуло. А тут - бокс...
- Ладно, оставь это мне.
- Договорились, «чифа» бери на себя...
- Все?
- Годи, стрелец-молодец! Только вышли в финал. А в финале - наш «классик». Семьдесят пять кг. Вес - один к одному: второй средний. По манере - Лагутин. Но с маленьким преимуществом.
- Не загибай, Карасик!
- Левша!
- И кто же это? Почему не знаю? - сыронизировал я под Чапаева из любимого некогда фильма.
- Наш док Эрих Эриксон. Правда, он родом из Ленинграда, потому и не знаешь, - ответил вполне серьезно мой бывший спарринг-партнер.

Но я еще не освободился от юморного настроения:

- Из потомков Эриха Рыжего, что захватил Гренландию?
- Викинг он, скорей, по фамилии, швед славянских кровей. Ну, и на ринге...
- Не припомню, чтобы у нас врачи занимались боксом.
- Эрих к Риге не имеет никакого отношения. Он из Ленинградского медицинского. По юношам - призер Союза, а в студенческие времена был чемпионом спартакиады «Буревестника». Кажется, в шестьдесят пятом. Точно не припомню.
-У меня тоже был тогда шанс.
- Что? Ты ведь не из «Буревестника».
- Да нет, ничего. Это к слову. Дело в том, что я, и многие наши ребята - боксеры, борцы, гимнасты, - должны были участвовать в этой спартакиаде, - разоткровеничался я. - Мы тогда заранее, в 1964-м, за год до соревнований, поступили в Рижский политехнический институт, на факультет ПГС - промышленное гражданское строительство, чтобы нас своевременно перевели в спортобщество «Буревестник». Это была история!

Выглядела эта история так: благодаря стараниям Молчановой, заведующей спорткафедрой, факультет ПГС превратился в своеобразный филиал Рижского института физкультуры. Инженерный диплом казался нашим мастерам спорта более привлекательным, чем корочки учителя физкультуры. Так что в градостроители двинулись чуть ли не все лучшие спортсмены Латвии, в том числе легендарные баскетболистки из «ТТТ» Скайдрите Смилдзиня и, если не ошибаюсь, Ульяна Семенова.

Нетрудно представить, какой силы сборную Рижский политехнический готовил к спартакиаде «Буревестника». Равной ей, по сути, не было во всем Советском Союзе. Разгромили бы всех! Так, во всяком случае, нам представлялось. Но что? В 1964 году министр обороны маршал Малиновский издал указ: студентов мужского племени - всех поголовно, кто не в медицинских или авиационных вузах, - обрить и отправить в армию, на защиту родных рубежей от условного, но коварного врага. И вместо подъема на пьедестал почета всем нашим некоронованным королям спартакиады «Буревестника» выпало восхождение на другие высотки. И мы пыхтели: «Сопки ваши стали наши», - когда потенциальные противники делили между собой золотые медали спартакиады.

- Се-ла-ви, такова жизнь, как говорят французы, - отмахнулся от моей истории Стасик Карасик. - Я ведь - помнишь? - тоже намеревался стать чемпионом Морского флота СССР. Но эти бесы из спорткомитета так и не провели чемпионат, хотя обещали, обещали... - и опять согнулся над картой, что-

то отмеряя циркулем.

Штурвальный доложил:

- Впереди по курсу эсминец «Стремительный».

- Пусть идет своим курсом, - пробурчал Стасик Карасик, ориентируясь на мое ухо. - Мы его не тронем.

Я поднял бинокль. Серые воды, серый корабль. Серые зенитные установки. Вдоль бортов серые торпедные аппараты. Буруны у форштевня, будто пена от шампанского. Единственное живое пятно во всем разливном море серятины и тревожной, пахнущей ожиданием войны, скукоты. Казалось, поравняется военный корабль с нами, развернет убойную артиллерию, да как шарахнет крупнокалиберной сволочью по ходовому мостику. Впрочем, зенитные установки-таки разворачиваются, но не встреч нашему курсу, а назад. И... Что это? Рассыпали приглушенный рокот очередей, выцеливая... Господи! Идут учения, что ли? Или это и впрямь летающие тарелки? Тарелки? В такой близости от Североморска, засекреченной военно-морской базы? Ни хрена себе!

Три зеленовато-жемчужных диска, с перламутровым переливом на ребрах, метров десяти в диаметре, вынырнули из-под воды и закружили по часовой стрелке над кормой эсминца. Секунду кружили, вторую, третью, а может, и целую вечность - время куда-то утекло, словно его и не было в наличии. Я потряс головой, чтобы смахнуть оторопь, и едва успел ухватить глазом, как странные диски, взяв с места в карьер, растворились в воздухе, либо скакнули сразу, в один прием, за горизонт, по направлению к Амдерме. Я потянул Стасика за рукав форменки к иллюминатору.

- Ты видел?

Он приложил палец ко рту.

- И ты ничего не видел.

- Как так? Только что были...

- Были, да сплыли.

- Чьи они?

- А кто их знает? Мы их не видели, ничего про них не знаем. И в вахтенный журнал ничего про них не записываем.

- Но это же НЛО!

- Они тебе сами о том доложили? А если это наше новое секретное оружие? Визу отберут, и в психушку - за разглашение.

- Но я же сам видел, Стасик!

- Тут навидаешься. Братья по разуму или еще кто... Каждый раз на подходе к Североморску такой чертовщиной накормят, что... Ладно, не буду. Виза дороже. У нас негласное указание: ничего не видеть и ничего не разглашать.

- Но ведь это сенсация!

- Только для коммунальной кухни. Но не у нас на судне. Здесь на эту тему даже в кают-компании не говорят.

- А помнишь? Пару лет назад в газете «Советская молодежь» появилась заметки очевидцев - «летающие тарелки над Сигулдой...»

- Помню, и ты там «прописался». А чем это кончилось?

- Редактора сняли.

- То-то и оно!

- Но ведь я видел! Тогда! В Сигулде!

- Ну, и молчал бы, умник! А если невмоготу, то исповедуйся об этом по другому адресу - перед Ливиком Генделистом. Он сам из древних ливов, а они, по его версии, от космических пришельцев. Общий язык на общую тему вам обеспечен. А мне... Мне - прокладывать курс. И помни, ничего не видел, ничего не знаю. Моя хата с краю. Здоровее будешь.

XXI век. Ассоциация шестая:

«СТРАННОСТИ» В НЕБЕ ЛАТВИИ

Начнем с газетных заметок. «Коммунист», Лиепая. 1 декабря 1967 года. «А что если это марсиане?» «Некоторые лиепайчане оказались свидетелями загадочной картины. В небе передвигалось светящееся тело, которое нельзя было спутать с облаком, самолетом или спутником. По свидетельству очевидцев (одна из которых - работница гидрометеослужбы), это была полусфера больших размеров, низко висевшая над землей, которая затем, всколыхнувшись, быстро удалилась за горизонт, унося с собой огненный свет, на который было больно смотреть незащищенными глазами. Я.Калей»

«Советская Латвия», Рига. 10 декабря 1967 года. «Летающие феномены». «Последний сезон повышенной активности НЛО начался летом 1965 года, когда над некоторыми странами Европы и Аме-

рики, а также в Австралии были замечены таинственные фантомы. Много раз «летающие тарелки» появлялись и над территорией Советского Союза. Совсем недавно необычное явление наблюдали в Лиепае. Сообщения очевидцев наталкивают на мысль, что это не мираж, что в данном случае речь идет о настоящей «летающей тарелке». Что касается гипотезы, рассматривающей НЛО как посланцев других космических цивилизаций, то пока этот вопрос остается под большим сомнением, хотя и нет веских причин для того, чтобы категорически отвергнуть такую версию. Несомненно одно - наука столкнулась с совершенно неизвестным доселе явлением. Необходимы глубокие и тщательные исследования, изучение свойств таинственных летающих объектов. Р.Витолниек»

Сигулда приветствует инопланетян

Сигулду называют латвийской Швейцарией. Расположена она в гористой местности, на расстоянии 53 километров от Риги, по обе стороны сноровистой реки Гауи. Первые поселения возникли здесь задолго до нашего времени. В устных преданиях сказано, что их основали «породители ливов - звездные люди». Кто они такие, никто не знает и, разумеется, не помнит. Но в конце шестидесятых годов, после появления летающих тарелок над Сигулдой, потомственные старожилы стали «вспоминать» о том, что им рассказывали деды. А деды им поведали вот такую занятную историю: здесь некогда приземлились космические корабли с голубой звезды Сириус. Космические пришельцы, соскучившись по телесным ласкам, стали ходить к местным плодовитым женщинам. А потом улетели в дальний космос, обещав на обратном пути вновь приземлиться в Сигулде и забрать с собой народившихся внуков-правнуков. В точности дату их повторной посадки в Сигулде никто не уточнял, в особенности если говорил на эту тему с малознакомым человеком. Но это не мешало старожилам, ведущим свой род от древних ливов, проводить тайную перепись населения, чтобы в космическую делегацию отобрать самых стойких и представительных потомков «звездных людей». Об этой переписи проведал Ливик Генделист. Согласно его заверениям, он был включен в список покорителей космоса, так как без собственного летописца, искусного мастера «информ-бля-шек», готового из любой межзвездной дали дать первополосную заметку в газету «Латвийский моряк», латышским аэронавтам не было смысла покидать свои обустроенные квартиры с центральным отоплением и дашавским газом.

Собственно, история Сигулды ничем не отличается от преданий. За две-три тысячи лет до нашей эры здесь жили финно-угорские племена. До конца двенадцатого века Сигулдой владели ливы, чьими потомками почему-то хотели называться многие латыши. Затем ее отвоевали немецкие рыцари-крестоносцы. В 1562 году, во время Ливонской войны, город перешел в руки поляков. Потом его отбили шведы. Потом... потом... потом... Северная война. Первая мировая война. Гражданская война. И лишь в двадцатых годах, когда в Латвии впервые была провозглашена независимость, жители Сигулды вырвались из-под опеки чужеземных властителей. Но всего на двадцать лет. Потом договор Риббентроп-Молотов. Вторая мировая война. Неизвестно какая по счету оккупация. И опять, с потерей независимости, тайно жди космических кораблей с голубой звезды Сириус, на которую были сориентированы египетские пирамиды, как говорили мне местные знатоки астрономии и уфологии.

Так это или не так, но с появлением летающих тарелок над Сигулдой они стали собирать чемоданы. Что стало с ними и их чемоданами впоследствии, мне неведомо. Поговаривали, что одних определили в психушки, других отправили в места не столь отдаленные. Во всяком случае, при последующих наездах в Сигулду я не сталкивался ни с кем из тех, кто делился прежде тайнами своего происхождения и стремился побывать в космосе «за красивые глазки». Я не оговорился, сказав - «за красивые глазки». Как доказывал мне Рихард Упит, бывший экскурсовод по латвийской Швейцарии, у потомков космических пришельцев глазной хрусталик с секретом. Каким - хрен его знает! Но космические отцы, если заглянут при помощи какого-то хитрого микроскопа в их «красивые глазки», мигом отличат своего внука-правнука от любого другого охотника прокатиться по Млечному пути «зайцем». Халявщиков, получается, и они не жалуют.

Мне Рихард Упит самолично выделил участочек на обрывистом берегу Гауи для установки палатки.

- Здесь место для костерчика, - показал мыском закрытой сандалии на округлую черную плешь земли, расположенную в центре лужайки со скошенной травой. - Здесь место для бивака. Костер запалите, не забудьте его потушить. Пить будете, пустые бутылки в Гаую не кидать.

- Выпить можно и сейчас, - предложил я.

- А что у вас?

- «Сухарик».

- На службе не пью. Мне и других ребят надо устроить. Слышишь, уже поют, а палатку еще не поставили, - сказал Рихард.

- Водку пьют, оттого и распелись.

- Согласен. Водка - песенная продукция. Вот их мне и надо устроить.

- Бывай!

Мы раскинули палатку, разложили костерчик, открыли бутылочку. У нас было в наличии все: и выпить, и закусить, и хорошее настроение. И поговорить было о чем - без лишних ушей. Представляю компанию: брат мой Боря, его Тамара, я и моя Галка Волошина, сокурсница и подруга бориной жены. Ближе к ночи, когда стало смеркаться, мы залезли в спальные мешки: по двое в один, соблюдая туристический принцип: пусть в тесноте, зато в тепле. Боря с Тамарой. Я, понятно, с Галкой. И сделали вид, что заснули, прислушиваясь к равномерному дыханию соседей, чтобы определить, когда они отключатся от нашей действительности. Тот, кто был молод и регулярно выезжал на выходные с палаткой за пределы коммунальных квартир, прекрасно поймет, почему мне и Галке не спалось. Не спалось, и все тут!

- Извини, - пробормотал я, вылезая из мешка. - Я на минутку.

Реакция на сухое вино - известная. Я выбрался из палатки, и первое, что бросилось в глаза, это раскаленные угли, ярко попыхивающие искрами. «Придется на обратном пути водой их залить, а то еще ветерком разнесет - и пожар», - подумал я и вышел на отвесный берег. Подо мной, на глубине чуть ли не в десять метров, светилась капризная Гауя, любящая завлекать неосторожных пловцов в омуты и водовороты. Но сверху она выглядела совершенно не опасной. И мне вдруг вспомнился детский стишок: «На берегу реки Дуная Пушкин сцал на Николая». Вспомнилось, и я последовал примеру Пушкина, отнюдь не помышляя об унижении какого-либо Николая.

Косая струя, не рассеиваясь в воздухе, скользнула с десятиметрового обрыва к воде, прямиком в центр лунного отражения, которое... Которое внезапно покрылось волнистой тенью. Я поднял глаза вверх и увидел прямо перед собой, метрах в ста, летающую тарелку, попыхивающую изнутри жемчужным огнем, с иллюминаторами перламутрового свечения. Долго ли длилось мое удивление? И испытал ли я его вообще? Понятия не имею. Знаю лишь одно: в какой-то миг я почувствовал неловкость оттого, что меня заснимут космические фоторепортеры не в очень приличном виде. Вспомнив, что «у советских собственная гордость», я опустил глаза долу, чтобы застегнуться. А потом, когда вновь устремился к небу, чтобы позировать в надлежащем для первой полосы виде, оказалось, не перед кем уже выставляться. Тарелки и след простыл. А вот там, где она была, небо посветлело, да и везде вокруг. Я обернулся к палатке, вспомнив, что так и не загасил искрящие угли. К моему недоумению, костер прогорел вовсе, угли превратились в серый порошок, будто для них, как и для неба, время переключило коробку скоростей, и в две-три минуты вместило несколько часов.

В палатке все спали крепким предутренним сном. Я не стал никого будить, пристроился на пеньке рядом, раскрыл походный блокнотик и стал эскизно по памяти набрасывать привидевшуюся небесную тарелку и описывать свои впечатления...

В следующее воскресенье республиканская газета «Советская молодежь» выдала сенсационный разворот о неопознанных летающих объектах над Сигулдой. Чуть ли не с десяток заметок очевидцев. И каждая - подтверждение того, что мы - не единственные разумные существа во Вселенной. Однако такие наблюдения и выводы не устраивали кураторов молодежной газеты из ЦК компартии и комсомола Латвии, и они бросили летучие отряды дружинников на киоски. Но опоздали, бесы, изъяли далеко не все. Газета уже разошлась, и передавалась из рук в руки, как подпольная прокламация, а на «черном рынке» шла за баснословные по тем временам деньги: за четвертак. Представьте себе, люди платили двадцать пять рублей за товар стоимостью в две копейки. Ничего не скажешь: русский бизнес, прибыль в тысячу процентов и без всякой затраты собственных средств.

10

Бедный Ливик Генделист! Подобные физиономии встречаются в фильмах о покинутых любовниках. Ни кровиночки в лице, как писали беллетристы девятнадцатого века. В движениях заторможенность. А ведь занимается очень опасным для жизни делом: ошкуривает картошку остро заточенным ножом. Да-да! Ливик Генделист, лучший кок-деликатесник Латвийского торгового флота, чистит картошку. И где? На родном судне, будто там дневальных никогда не водилось. Что это такое случилось с ним? Так я и спросил, войдя на камбуз и увидев его сидящим на табуретке у двух ведер.

- Что с тобой?

- Закрой дверь! - ответил Ливик.

Я плотно закрыл металлическую дверь, чтобы никакие подлые слухи не проскользнули наружу. И, прибавив таинственности, повторил свой вопрос.

- Что с тобой?

- Янат...

- Что? Выкидыш?

- Пропала, - потерянно пробормотал он.

- Не городи чепухи!

- Пропала, говорю тебе! - повысил голос.

- Да ведь полный штиль...

- Оки-доки - полный штиль! Ты - что? Русского языка не понимаешь? - вспылил мой приятель. - Я не говорю: смыло за борт. Я говорю: пропала! Была здесь, когда я шел в курилку. И пропала, когда вернулся. Вот такая информ-бля!-шка.

- А ты ее искал? Может, она в гальюн отвалила?

- Не ерунди! Это я отвалил в гальюн. После курилки. А потом - раз-цвай-драй! - прямым ходом на камбуз, и... никого... Я все осмотрел, обыскался! Нет ее нигде! А у нас не такие правила, чтобы - в самовольную отлучку. Люди кушать хотят!

- Ну-ну, не зря у французов по любому поводу - «ищите женщину».

- Но не на судне! Дошло? Обед ждать не будет! А не поспею с обедом - жди расследования... И тогда...

- Ладно, Ливик! У нас еще пропасть времени.

- Но я не имею права шнырять где ни попадя!

- Ливик, зато я имею. Любознательный журналист, видите ли. Не боись! Посуюсь везде. Глядишь, в какой койке ее и обнаружу!

- Я тебе обнаружу ее в койке! Винтики у тебя в порядке? - Ливик Генделист покрутил пальцем у виска.

- А вот это мы и проверим! Сначала мои винтики, а потом тебя на ринге. Тоже мне, перворазрядник по боксу!

И я отправился на поиски.

...В машинном отделении я поговорил со стармехом Огневецким о технической оснащенности судна, о тех тысячах лошадях, впряженных в судовой дизель, чтобы «отразить в газете свои личные впечатления о научно-технической революции на флоте». И убедился: Янат здесь нет.

...С первым помощником Харламовым совершил беглую экскурсию по каютам командного состава, чтобы «отразить в газете состояние быта советского моряка дальнего плавания». И убедился: ни одна койка не примята.

По матросским кубрикам я не стал ходить. Там между вахт спят по несколько человек, и втихую не проведешь никакого «любовного соития на сексуальной почве». Все - как в коммунальной квартире, ничего не скроешь. Более того, припишут и то, чего в действительности не было.

И тут меня «осенило». Что, если поискать в лазарете? Самое укромное местечко для тайных свиданий. К тому же пора и с местным Эскулапом познакомиться - как-никак чемпион всесоюзного «Буревестника», член сборной команды нашего судна, капитаном которой, со слов Стасика Карасика, определен я.

Но знакомство с доком пришлось оставить «на опосля». Судовые склянки позвали в кают-компанию: так незаметно, за хлопотами о судьбе беглянки Янат, натикало время обеда.

11

В кают-компании, в кресле у журнального столика, сидел Алексей Рогычаев, старший помощник капитана. Задумчиво посматривал в иллюминатор и нехотя, с какой-то леностью пощипывал струны гитары, лежащей на коленях. Мелодия была мне знакома. Помнится, на фестивале художественной самодеятельности моряков в нашем Интерклубе Рогычаев был удостоен за эту песню первого места, о чем я тогда и написал, отметив, что «авторское исполнение отличалось особой задушевностью, свойственной людям, находящимся в долгом отрыве от берега и своих любимых». Как ни смейся сегодня над журналистским стилем конца шестидесятых, однако чувство, с каким пел сибирский моряк, и впрямь - «отличалось особой задушевностью». Чем это доказать? Да и как это передашь на бумаге? Остается одно: настроиться душой и прочесть рогычаевские стихи, ощущая на лице порывистое дыхание арктического ветра, соленые брызги только что освобожденного ото льда моря.

- У компаса нет для нас, - пел Рогычаев, делая ударение на втором слоге в морском слове «компас», как и положено бывалому моряку, - лишней стрелки про запас. У компаса правило: курс - «туда», хоть рвись - «обратно». Уходить легко, а приходить приятно.

- Возвращаемся к жизни, - подхватил я, пристраиваясь напротив старпома к журнальному столику.

Он кивнул, принимая меня в компанию:

- Возвращаемся к жизни,

и к любви,

если жизнь - любовь...

- А к боксу? - ввернул я в нужный момент, зная наизусть авторский текст. - Слабо?

Алексей Рогычаев усмехнулся.

- Пришел агитировать?

- Да нет, к слову пришлось. «Возвращаемся к жизни...» А тут как раз поступило предложение вернуться к жизни и первой любви - боксу.

- Наслышан, наслышан. Но я не с Даугавы, я с Лены. И первая моя любовь - не бокс, а гребля... или

что похожее в рифму... Главное, чтобы лодчонка да девчонка! А бокс... Не возрастное это дело. Старик! И... и...

- Проигрывать нельзя, так, что ли?

- Авторитет, дорогой ты мой журналист!

- Его и кулаками зарабатывают.

- В моем возрасте «на кулаках» его можно только потерять.

«Рассудочность» Рогычаева была мне понятна. Он достаточно намаялся в «бичах», так что рисковать авторитетом не имел никакого желания. Чувствовалось: продолжения разговора о боксе у нас не получится. К тому же в кают-компании стали собираться люди.

- Кушать подано!

«За столом никто у нас не лишний», - вспомнилось мне, когда мы рассаживались вдоль полированной под красное дерево громадины, установленной на толстых «биллиардных» ножках. «Никто не лишний» - имело для меня какую-то комическую подковырку. Рассаживались по старшинству: капитан Гальферин во главе стола, на торце, старпом Рогычаев справа от него, первый помощник Харламов слева, стармех Огневецкий на противоположном конце стола, лицом к капитану. А где пристроиться мне? Напротив первого помощника? Займу место старпома. Рядом со старпомом? Займу место второго штурмана.

- Садитесь ко мне, - позвал меня незнакомый моряк с двумя широкими золотыми полосками на погонах форменки. С виду - лет под тридцать, высокорослый, светлые волосы гладко зачесаны назад, глаза цвета морской волны.

- Эрих Владимирович Эриксон, - представился он.

- Боксер? - разом вспомнилась мне рекомендация Стасика Карасика.

- И боксер тоже, - как-то неопределенно ответил он.

Мне показалось, что все прислушиваются к нам. И я, чтобы не сплоховать неведомо в чем, быстро поправился.

- Понятно, здесь вы судовой док.

- И судовой док тоже. А что до бокса, заходите ко мне в лазарет, там у меня боксерская груша в приемном покое к потолку подвешена. Для успокоения слабонервных.

Ни дать, ни взять, ожидает меня тут какой-то розыгрыш. Но какой? В чем загвоздка? По фамилии он швед. Но Стасик Карасик ясно дал понять: «швед славянских кровей». К тому же иностранцем быть по определению не должен. Да и смешно. Перебежчик? Оттуда? И на тебе, виза - «туда». Почти как в рогычаевской песни: курс - «туда», хоть рвись - «обратно». Уходить легко, а приходить приятно.

- Варяг?

- Нет, я не из варягов в греки, - засмеялся швед славянских кровей. - Я внук выстрела «Авроры».

- Как так внук?

Теперь уже, устраиваясь за столом, смеялись все. Первый помощник капитана Харламов на скоростях пояснил мне:

- Помните выстрел «Авроры»?

Я заученно, как в четвертом классе на уроке истории, утвердительно мотнул головой.

- Комиссар Белышев приказал: Пли!» - а комендор Евдоким Огнев и дернул за веревочку. В результате получился исторический выстрел из бакового шестидюймового орудия.

- Отлично! А кто был командиром «Авроры», кто провел ее по Неве к Зимнему дворцу и не посадил на мель?

- Это мы не проходили.

- А журналистская любознательность? А - «никто не забыт и ничто не забыто»? К вашему сведению, дорогой мой «Латвийский моряк», командиром «Авроры» на тот исторический момент был старший лейтенант Эриксон, - после секундной заминки добавил: - Николай Адольфович.

- Дед?

- Предок, - опять с какой-то неопределенностью отозвался судовой врач.

- А Владимирович - вы?..

- Ну да, папа назван - в честь Ленина. В честь кого еще его называть, если семья поспособствовала революции?

- А революция - семье?

- Это лишнее, - заметил первый помощник Харламов. - Но в блокнотике можете отметить: обошлось без репрессий, старший лейтенант Эриксон, по личному ходатайству Владимира Ильича, получил в 1922 году разрешение на репатриацию в Швецию. А вот его потомки, носители славной фамилии революционного моряка, остались в России, дабы преумножить ее славу.

- И к столетию со дня рождения Ленина взяли повышенные обязательства, - сыронизировал судовой врач. - Выйти на боксерский матч с амдеровцами и разбить их наголову.

Я подумал: как легко далось Якову Ивановичу запретное для нас слово «репатриация». До чего

же богат на смыслы русский язык! Когда речь заходит о шведском моряке, говори без стеснения вслух - «репатриация на историческую родину»! Но тут же забудь об этом в связи с Израилем. Только откроешь рот, чтобы вякнуть о праве евреев на репатриацию, как тебе его тотчас запечатают сургучом. Эрих Владимирович, не догадываясь о моих мыслях, протянул мне руку:

- Поручкуемся или поспаррингуем?

Мы обменялись рукопожатием.

- Поручкуемся. Не в одной мы весовой категории, чтобы спарринговать.

- То-то и оно! Заходите после обеда. Как у вас с давлением?

- Позволяет.

- Я не о том. У нас сухой закон. Но провериться на давление - не повредит. Мне ведь на вас медицинскую карточку заводить. А то до соревнований не допустят.

- Заводите. Я - чистый, без гриппера.

Дневальные занесли большую кастрюлю с борщом. Разместили фаянсовые тарелки по специальным держакам, чтобы при качке ничего не выплескивалось. И ложки принялись за свое благородное дело... Ам-ам, вкусно нам!

12

Послеобеденная сигарета - самая сладкая, в особенности для того, кто еще не закупорил легкие копотью. С этой, вычитанной у кого-то мыслью неоперившегося курильщика я вытащил из кармана пачку «Элиты».

- А вот это - лишнее, - заметил Эрих Эриксон, будто уже сменил квалификацию на спортивного врача, готовящего меня к соревнованиям.

- Один грамм никотина убивает ломовую лошадь, - усмехнулся я.

- Да будет вам! Это то же самое, что положить в карман кусок льда и не замочиться, - он посмотрел на наручные часы - «кирпичек». - Сейчас у меня прием. Думаю, за час управлюсь.

- На судне больные?

- Случаются и больные. Но тут непредвиденный случай.

- Что-то вроде операции аппендицита в море?

- Ищете сенсацию?

- У нас пресса без сенсаций, Эрих Владимирович. У нас рубрика: «Так поступают советские люди».

- Хорошо поступают советские люди. Я в курсе. Заходите через часик, и мы поступим с вами тоже хорошо.

Какая-то неграмотность или двусмысленность проскользнула в словах шведа славянского племени. Однако в ней мне почудился намек на нечто приятное, пусть и неожиданного толка.

Устроившись под иллюминатором в кресле у журнального столика, я попыхивал сигаретой и листал подшивку нашего «Латвийского моряка». Вдали от Риги газета смотрелась совсем по-другому, чем в редакции. Именно газетой. Это трудно объяснить, но понять легко. Дома она представлялась какой-то «комнатной собачонкой», будто и не выходящей за пределы Интерклуба. Не то, что здесь, на краю Земли. Как мне было ведомо, перед заходом в иностранный порт подшивку прятали в сейф, чтобы иностранцы, не дай Бог, не прочли в «Латвийском моряке» что-то секретное. Секретного же там практически ничего не могло появиться по определению. Правда, так представлялось нам, авторам, желающим быть «прочитанными и понятыми между строк» и за рубежами нашей страны.

На борт наших танкеров и сухогрузов иногда поднимались журналисты радиостанций Би-Би-Си, Голоса Америки, Свободной Европы, представляющиеся обычными экскурсантами. Но чаще ностальгирующие белоэмигранты, их дети и внуки. Многие из них числились в «друзьях советского народа» или в «побратимах судна», входили в какие-то общественные комитеты, субсидируемые Москвой. И, казалось бы, ничего дурного не будет, если эти люди полистают подшивку нашей газеты. Но так казалось нам, честолюбивым авторам очерков, статей, фельетонов, не знакомым с хитросплетением умов кагебешников-особистов, погруженных по уши в шпиономанию. В высшей степени подозрительной им представлялась постоянная рубрика четвертой полосы «Где наши суда?», которая давала далеко не полный перечень теплоходов и пароходов, прибывших в те или иные порты. Специалисты из «органов» вывели, что вражеские аналитики способны по этой рубрике вычислить общее - засекреченное, надо понимать, - количество судов Латвийского морского пароходства, определить коллективный, так сказать, тоннаж их грузоподъемности. Цитата: «Разгорись новая мировая война, это им сыграет на руку, а нам нанесет значительный урон в живой силе и материальных ценностях». Лично мне думать о последствиях новой мировой войны совсем не хотелось. В моей голове, как и в любой другой, побывавшей в «штабных» кабинетах нашего пароходства, крутилась совсем не секретная цифра - 69. Именно таким количеством судов располагал Латвийский торговый флот, если я не ошибся и не перепутал ее с другой, по тем временам столь же не секретной для рижанина цифрой.

А вот и рубрика «Где наши суда?» Сколько их в этой подборке? Двадцать пять? Негусто. Пароход

«Янис Райнис» - Ливерпуль. «Волоколамск» - Дублин. «Имант Судмалис» - Мурманск. О! Гляди, пересечемся в море. Придется навестить. А газовоз «Кегумс»? Ага! Нашел. «Кегумс» прибыл в Одессу, на родину моих предков. Танкер «Прейли»? «Прейли» разгружается в Роттердаме. Тут и моя заметка. Как раз на четвертой полосе и как раз про Роттердам. Посмотрим-поглядим...

Шторм в Северном море

Это случилось не сегодня и не вчера. Двадцать лет минуло. Ветеранам флота памятен пронесшийся тогда над Северным морем ураган сокрушительной силы, сметавший все на своем пути. Эфир был заполнен сигналами бедствия. Пароход «Стрельня» стоял в Роттердаме. Моряки нервничали. «Ну, и штормяга!» Молодой начальник радиостанции В.Бураков получал «погоду». Стихия не думала менять гнев на милость. Приемник был настроен на московскую волну. Радиограмма: «Немедленно выходить в Северное море на спасение двух советских кораблей». Записав координаты местонахождения судов, радист бросился к капитану. Командир судна отправился «заказывать» лоцмана. Но тот, поднявшись в штурманскую рубку, первым делом спросил:

- Какой у вас максимальный ход?

- Восемь с половиной узлов.

- Гудбай! - сказал лоцман. - В такую непогоду это не ход. Надо минимум 15 узлов.

К утру шторм начал стихать. Капитан вновь вызвал лоцмана. Видя такую настойчивость, тот решил помочь «Стрельне», но предупредил:

- В открытое море выходите самостоятельно. Я доведу вас лишь до лоцманской станции.

Бураков попытался по рации связаться с судами, на розыск которых двинулась «Стрельня». Эфир был забит. Идти на координаты, полученные ночью, было бесполезно: за прошедшие часы многое изменилось. Наконец связь наладилась.

- Идем к вам навстречу. Доложите местонахождение, - передает Бураков.

- У нас все благополучно. Добрались своим ходом до Флюссенгена.

Не успел начальник радиостанции доложить капитану о том, что их помощь уже не требуется, как шторм будто решил отыграться на «Стрельне». Пять суток моталось судно в море, выдерживая схватку с разъяренной стихией. Пять суток занял путь от Роттердама до Кильского канала. А затем двое суток по приходе в Вентспилс экипаж пытался «оттаять» ледяной покров на палубе «Стрельни». Латвийские докеры с каким-то суеверным восхищением рассматривали прибывших.

- На таком старом корыте - и в такой дикий шторм? Невероятно! Недаром написали о вас в «Комсомолке».

- Что?

Моряки удивленно переглянулись. «Комсомолка»? Отправили гонца за газетой. Оказывается, там опубликована статья, посвященная спасшимся судам и суровому рейду «Стрельни».

- Володя! - обращались ребята к Буракову. - Ты часом информацию в редакцию не отправлял?

Радист только отмахивался от этих шутливых замечаний:

- Не до того было.

За смелость, проявленную во время тяжелого морского похода, когда, невзирая на одиннадцатибалльный шторм, «Стрельня» вышла на спасение советских кораблей, ЦК ВЛКСМ наградил Почетными грамотами радиста В.Буракова, боцмана Н.Чернухина, третьего помощника капитана Н.Шелушенкова.

Е. Гаммер

13

Да, интересно вот так встретиться с самим собой, за сотни километров от редакции и будто в ином временном измерении. Но куда как интереснее и неожиданней прочитать вдруг не себя самого, любимого, а и вовсе потерянного для нескольких поколений автора из давно уже несуществующей газеты. Не тот ли это сюрприз, что послышался мне в словах «внука выстрела «Авроры»?

«Кронштадтский вестник» (опубликовано 12 мая 1900 года по старому стилю). «Вчера, 11-го мая, в Санкт-Петербурге, происходило морское торжество - спуск на воду крейсера 1-го ранга «Аврора». Погода была ясная, тихая, теплая. Крейсер выходил из-под крыши эллинга кормой вперед, и на нем поднимались флаги. Как только носовая часть крейсера погрузилась в воду, были отданы оба якоря. С судов, стоящих на Неве, был произведен установленный салют». Эта заметка - размер 13 на 18 сантиметров, фотобумага фирмы «Унибром» - была отпечатана на фоне крейсера «Аврора» и прикноплена к деревянному мольберту, стоящему в кабинете Эриха Эриксона. Кабинет был пуст, но за ним, в «больничной палате», слышалась какая-то невнятная возня.

- Вы уже кончили? Кто-то пришел! - донесся приглушенный женский голос. По тембру вроде бы пропавшей нашей красавицы Янат.

- Одевайтесь!

Врач выглянул из-за двери.
- Это вы? Я ведь просил не раньше, чем через часик...
- Помешал?
- Не то, чтобы помешали. Не ко времени. Она еще не отлежалась.
- Могу и в другой раз.
- Другого раза не получится, если вы все поймете превратно.
- «Ничего не видел, ничего не знаю». Так, что ли?
- А что вы видели?
- Ничего.
- Тогда откройте глаза, посмотрите на пациентку. Янат! - позвал он девушку. - Вы свободны.

Как-то неловко, припадая на ногу, будто ей больно ходить, Янат вышла из каюты-палаты.

- Здравствуйте, - пряча глаза, она виновато шмыгнула носиком и протиснулась между мной и мольбертом к выходу.

Мне стало как-то совестно, словно подглядывал в замочную скважину. Но я ведь никуда не подглядывал! Попросили - пришел. И тут - на тебе! - душа пропащая, по всему судну разыскиваемая. Что ей сказать?

- Привет, Янат-Таня! - сказал и добавил автоматически: - Ливик тебя не доищется. С ума сходит. Сам картошку чистит.

- Догадываюсь.

Нервным тиком исказило лицо девушки, и, едва сдерживая слезы, она выскользнула за дверь. Эрих Эриксон указал мне на стул, сам сел за стол напротив.

- Вопросы?

- У матросов нет вопросов, - ответил я, не желая преждевременно, до реакции Ливика Генделиста, вмазываться в выяснение непонятных мне отношений.

- Тогда вопрос у меня. Почему Янат - Таня?

- По кочану! Слева направо - Янат, справа налево - Таня. Двойное имечко, для латышей - латышское, для русских - русское. Братство народов, пхай-пхай!

- А расшифровывается на еврейский лад?

- Я не шифровальщик. Я филолог. ЛГУ, отделение журналистики.

- Что ж, тогда проверим давление. Снимите пиджак. Заверните рукав рубашки. Так... Вот так... Молодцом.

Док охватил мне мышцу правой руки черной надувной повязкой, стал пальцами раз за разом давить на грушу и наблюдать за шкалой, по которой чуть ли не до верха резко подскочил ртутный шарик, чтобы потом плавно опуститься вниз, порывисто вздрагивая на двух отметинах: 110 и 70 .

- У меня зачастую чуть пониженное, - подсказал я врачу.
- С похмелья? Или от сгонки веса?
- И от сгонки тоже.
- Значит, кофе вам только на пользу. У меня растворимый. «Элит».
- Откуда? - удивился я, помня, что это - «посылочное» кофе в металлических баночках - большая редкость даже в Риге, и его можно достать только у евреев, имеющих родственников в Израиле. А их еще несильно много.
- Оттуда, - невозмутимо ответил Эрих Эриксон.
- У меня там никого нет! - среагировал я совсем некстати. А в мозгу стрельнуло: «Не стукач ли?»
- И у меня. Но я не учусь читать справа налево.
- Вы - потомственный моряк. Читаете по звездам.
- А-а, и вы, значит, видели?
- Что?
- Летающие тарелки.

«Точно, и не просто стукач, а комитетчик! - поставил я диагноз. - Стасик ведь говорил, что никто о них не обмолвится на судне ни словом. Видел, не видел - главное, молчок! Иначе законопатят! А этот?..» Я сделал постную физиономию.

- Какие тарелки?
- Те самые, что у нас по курсу из-под воды выскочили.
- Не видел.
- Так вот! Да будет вам известно, и Янат их не видела. А потом - бац! - и оказалась на борту одной из них.
- Вы меня за этим пригласили?

Эрих Эриксон разлил кофе.

- И за этим.

Затем нагнулся, вытащил из нижнего ящика стола фляжку с медицинским спиртом, плеснул по мензуркам.

- И за этим.
- А сухой закон?
- Вы все равно сегодня еще не сухой. С похмелья.
- Мокрый еще, совсем мокрый, как после тренировки.
- Тогда - «прозит»!

Мы глотнули в один прием, крякнули, запили кофейком. И меня как-то отпустило. Хрен его знает, может, и не стукач. Кто их разберет, этих загранщиков? По одному их на берег в иностранном порту не отпускают. Ходят тройкой. А один из троих, пожалуй, и пишет рапортички. В чужую шкуру не залезешь, а свою все равно не убережешь, сколько ни осторожничай. У тебя с «ними» всегда - первопуток, а у «них» с тобой иначе. У «них» всегда - тропа, проторенная предшественниками, освоенная на уроках психологии, изученная до каждого извива. Ты слышишь от постороннего человека об Израиле, инстинктивно определяешь его - «не свой» и сразу кидаешься в подозрения: не провоцирует ли? А он, поди, просто любопытствует. Может быть, и ему желательно выхватить хоть толику об этой загадочной стране, родине библейских пророков. Как-никак, но в Шестидневной войне малышка эта разгромила самые мощные на Ближнем Востоке арабские армии, оснащенные, кстати, советским оружием. Да, но почему Эриха Владимировича понесло к летающим тарелкам? Знаком с тем выпуском «Советской молодежи» об НЛО над Сигулдой? Или кто-то стукнул, что я уже не первый раз встречаюсь с ними? Вот и вывел - это к смеху, конечно, - будто инопланетяне прилетают на связь со мной. Нет, не утрируй. Не своди свои дурости к космической шпиономании! А то ведь с похмелья и впрямь водка по мозгам ударила. Тут что-то другое. Но что? Вот это «что?» из меня и вывалилось невзначай.

- Что? - спросил я, чувствуя, как хмель катает меня уже в потных ладонях, и потянулся мензуркой за второй порцией спирта, который - хитрец! - имеет свойство оказывать с опозданием свое пагубное влияние на организм: чем больше жидкости в себя вольешь, хоть колодезную воду, тем сильней окосеешь.

Судовой врач разлил по второй. Мы глотнули в один прием, крякнули, запили кофейком.

- Подозрения отпустили? - поинтересовался Эрих Эриксон.

С пьяной смелостью я ответил:

- Временно отпущены. Под подписку о неразглашении.

- Разглашения не будет. Должны понимать, при разглашении Янат спишут на берег. И - прощай море.

- Здесь она, понятно, нужнее, - схохмил я.

- Ваше остроумие неуместно. Вы и не подозреваете: она действительно побывала там, - он показал пальцем на потолок. - И там с ней проделали какое-то медицинское чудо, не пойму - как и, главное, зачем. Вынули из нее зародыш ребенка, понимаете...

- Аборт?

- Если бы аборт... Нет, ничего в ней не вычищали. Я сейчас все проверил. А вы некстати все засвидетельствовали. Теперь мы повязаны... Узнают... Мне за проявленную самодеятельность и за недонесение тоже быть списанным и визы, пожалуй, больше не видать.

- Не узнают. Я из породы молчальников.

- Это и видно. Тогда слушайте дальше. Не представляю - как, но там вынули плод, а это уже полностью сформировавшийся ребенок. Вынули, и все тут. Будто - там, - он опять показал на потолок, - они способны довести младенца до кондиции.

- Вырастить, - перехватил я, - и прислать к нам иноземного шпиона под видом человека.

Эрих Эриксон недовольно поморщился.

- Бросьте! Какой из вас майор Пронин? Все гораздо сложнее. У вас хоть есть какое-то представление, откуда они прилетают? Вы - журналист, с разными людьми общаетесь. С учеными мужами, полагаю, со степенью в области физики, астрономии.

- Представление у меня есть, - заверил я, готовый в «кирном» состоянии высказать свои революционные идеи. - Но прежде уясните простую истину.

- Попробую. Ну?

- Где мы находимся?

- В море.

- А под морем - что? Продолжение Сибирского кряжа. Многокилометровый подводный шельф. Миллионы лет он существовал прежде, в мире с динозаврами, над поверхностью моря. А потом опустился туда, к рыбам на дно.

- Вместе с динозаврами?

- А вы без иронии, Эрих Владимирович! Не только с динозаврами. Но и с людьми. Вы - что? - думаете за сто двадцать миллионов лет существования динозавров не появились в ту пору разумные человеки? Какая же после этого эволюция? Никакая! И Чарльза Дарвина следует перечеркнуть. А теперь задумаемся: когда появилось современное человечество? Всего каких-то шесть тысяч лет

назад. Так?

- По Библии мы и от сотворения Вселенной далеко не ушли.

- Бросьте теперь вы городить чепуху, товарищ Эриксон! Человек разумный исторически развивается всего где-то шесть тысяч лет. Это и без Библии известно - ученые доказали! При этом только за последний век этот наш человек сумел из первых самолетов братьев Райт пересесть на спутники и шагнуть в космос. Теперь представьте себе, что у наших предшественников был хотя бы один полезный для развития ума миллион лет. Это из ста двадцати, положим, пещерных, не пригодных для разумного развития. А? Примите это за рабочую версию. И будьте уверены: они такие подземные ангары отгрохали до потопления на окраине Сибирского кряжа, что любо-дорого. И преисполненные комсомольского энтузиазма ушли под воду со всеми полезными ископаемыми, чтобы оттуда вылетать наружу и смотреть за нами, неумехами: правильным ли путем идут их товарищи по эволюции. А потом, когда убедятся...

- Продолжайте, продолжайте...

Но «продолжение» застряло у меня в горле. Оно выглядело «несъедобно», если предположить, что Эрих Эриксон примазан-таки каким боком к скрытому племени комитетчиков.

- Давайте лучше еще по маленькой! - нашелся я.

- Еще по маленькой, а потом, дорогой мой человек, в «солому».

- Куда?

- Спать!

Мы глотнули в один прием, крякнули, запили кофейком.

- И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет, - затянул я, чтобы сбить судового врача со следа моей мысли, но не преуспел в этом. Он логически точно развернул мой намек во всю его опасную ширь.

- А потом, когда убедятся, что их товарищи по эволюции идут неправильным путем, заменят их так, что никто и подмены не углядит. Выведут новую породу...

- По образу и подобию нашего человека, - подсказал я, коль уже деваться было некуда. - И отсель, от Старого Сибирского кряжа, вновь пойдет вперед человечество. Семимильными шагами - к новому светлому будущему.

- Русское по крови и существу? Это вы имеете в виду?

- Русское-русское, Эрих Владимирович Эриксон. Но с примесью динозавра. Раскосые глазки, знаете ли, зубастая пасть. К тому же неизвестно, какие алфавиты изучали они на дне морском. Может быть, подводным Марксом созданые... справа - налево, так сказать.

- Умно, но...

Тут мне вспомнилось, что о предстоящем спортивном матче мы и не упомянули.

- Товарищ Эриксон, - сказал я, поднимаясь со стула. - А где у вас тут боксерская груша к потолку подвешена? Обещали ведь показать...

- Дошли до кондиции?

- А что нам, малярам? Постоим за русскую землю! Давай сюда иноземцев с летающих тарелок!

- Пройдемте...

В приемном покое - палате на четыре койки, поставленные в два яруса, - Эрих Эриксон легким тычком заставил грушу, прикрепленную на электрошнуре вровень с его плечом, плавно ходить из стороны в сторону.

- Бей!

Я ударил и промахнулся.

- Бей! - повторил он.

Я ударил, и груша стала вертеться вокруг оси, как ужаленная. Видимо, задел ее лишь костяшками кулака, скользяще, по краю.

- Идите спать, - резюмировал доктор. - Вы еще не в форме, что и следовало доказать.

Я повернул на выход. Но он остановил, хватко взяв за локоть.

- Куда вы? Без пиджака? И в таком виде, с подвернутым рукавом? Заметят - доложат. А мы в море, у нас сухой закон. Ложитесь здесь.

- Но здесь Янат-Таня лежала, - заартачился я с «поддачи».

- А теперь полежите вы. И приснится вам...

Он не закончил. Но я уже точно знал, что мне приснится. К слову, то самое и приснилось: летающие тарелки, выскакивающие из-под воды, с маленькими голубоглазыми и белобрысыми человечками, похожими на меня, как близнецы-братья.

14

В полночь я приволокся в свою каюту и застал Ливика Генделиста в каком-то помраченном состоянии. Локти на тумбочке, подбородок в ладонях. Полуодет-полураздет: кальсоны, тельняшка, морская курточка. Сидит на койке у ночника и долгим немигающим взглядом пялится на лампочку, буд-

то это экран телевизора.

- А ты где пропадал? - незряче посмотрел на меня.

И действительно, натруженным глазам его я мог представиться форменным привидением.

- На летающей тарелке, - пошутил я.

Но мой приятель, стукнутый переживаниями, шутки не принял.

- И тебя тоже?

- Тоже, - брякнул я, не определяясь в ситуации.

- Оки-доки, материал на первую полосу! Пиши информ-бля-шку, - вздохнул Ливик.

- Но ни одна редакция не примет.

- Ну да! Янатку утащили прямо из камбуза. И куда? В космос. Ребенка вынули, девку домой доставили и сказали: «Молчи!» Кто такое напечатает?

- И не поверит.

- А ты веришь? Ах, да! Ты сам был там. Был?

- Был!

- С ней встречался?

Я немного замялся. Подумал: «Куда это Ливик клонит?»

- Нет, она лежала в женском отделении! - бухнул первое, что пришло в голову.

В голове же крутнулось кульбитом: «Недоверие его заедает. Впрочем, какой мужчина примет на веру ее объяснения? А мои?» Но Ливик был в том состоянии духа, на грани свиха, когда любое «потустороннее» свидетельство воспринимается без всякого внутреннего сопротивления.

- И что там?

Я немного помялся. Но фантазировать, так фантазировать. Главное, чтобы выглядело все правдоподобно. Хотя... не представляю, что тут правдоподобного:

- Много света! Все слеплено будто из света, - вдохновенно импровизировал я, будто вместо моего брата Бори включился в соло на... В моем случае, на языке. - И механизмы, и фигуры людей - все из чистого света, меняющего на глазах окраску. Просто как голограмма. О! - шлепнул я себя по колену, садясь на свободную койку, напротив Ливика. - А что, если это и впрямь все - сплошная выдумка, голограмма какая-нибудь?

- Думаешь?

- А то! Голограммой проще всего заморочить весь мир. Она и в России смотрится, как живая, и в Америке. И запузырить ее можно куда угодно.

- На самолетах?

- Нет, самолеты - это международный скандал. Запеленгуют, собьют. На подводных лодках проще. Всплывет где-нибудь в Бермудском треугольнике и давай кино на Флориду показывать. А?

- То-то они...

- Летающие тарелки?

- Само собой! То-то они возле наших военно-морских баз околачиваются, словно отсюда и родом. Лиепая! Североморск! А ведь базы эти - морские побратимы.

- Испытания, Ливик! Боевые учения!

- Раз-цвай-драй - у них подъем по тревоге. А нам указание: забудь, что видишь, и заткнись в тряпочку, иначе - в психиатричку.

- Не бери в голову! Сплошной обман зрения, Ливик! Голограмма под видом нашего сверхсекретного оружия.

- Оки-доки, голограмма-голограмма... Чтоб тебя и твою маму! - вдруг вспылил Ливик Генделист. - Что ты мне морочишь мозги с этой голограммой? Ты ведь на ней побывал и не провалился под воду. И Янатка. Какая же это голограмма, когда она летающая тарелка?

Да, в логике ему не откажешь. Даже когда он во взвешенном состоянии. И в бешенстве. Ливик соскочил с кровати и поднес мне кулак к носу.

- Что ты там делал с Янаткой?

- Где?

- На летающей тарелке!

Я покрутил пальцем у виска.

- Ты того?

И получил удар по ребрам.

- Ах, ты, мать твою, перворазрядник! - психанул я. И встал в стойку.

Ливик кинул правую, но не попал мне по лбу. Я успел отклониться и левым боковым засадил ему по скуле, уложил на одеяло верблюжьей шерсти. Ливик проверил челюсть: не вывихнута ли?

- Порядок! - сказал.

- Успокоился, ревнивец?

- Я спокоен, как Тутанхамон в саркофаге.

- К твоей Нефертите я не имею никакого отношения. Не ко мне она ходит на медицинские анали-

зы.

- А кто ей любовные акростихи писал?

- Акростихи писал, не отрекаюсь. Но не любовные.

- А кто говорил, что я с тобой не спарринговал?

- Чего? - удивился я. И внезапно осознал, что к чему. - Ну-ну, боксерское заело! Никак со Стасиком Карасиком пообщался?

Ливик Генделист посмотрелся в карманное зеркало, синяка не обнаружил. Умиротворенно сказал, махнув рукой.

- Он отказывается теперь, без твоего ходатайства, вводить меня в сборную команду.

- Введет, я порекомендую. Ты меня чуть на задницу не усадил.

- Промашка вышла не по моей вине, - измученно улыбнулся мой нежданный спарринг-партнер.

- По моей, - свел я все в шутку.

- Раз-цвай-драй... Дружба? - протянул он руку.

- Пхай-пхай! - я обнял страдальца, по-приятельски похлопал по спине. - А сейчас в «солому», а то и тренировочный раунд не выдержу - запарюсь.

И, не раздеваясь, отвалил на подушку. Последнее, что услышал, это скрип цепей.

- Якоря!

- Что, Ливик? - пробормотал я спросонья.

- Оки-доки. Якоря отдают. Североморск!

- Передай ему привет от Лиепаи.

XXI век. Ассоциация седьмая:

МОРСКИЕ ПОБРАТИМЫ

Североморск. Расположен на Кольском полуострове, в 25 километрах к северу-востоку от Мурманска. Морской порт на берегу незамерзающего Кольского залива. Первое становище возникло на территории нынешнего города в конце девятнадцатого века, на рубеже 1896-1897 годов. Коренные жители Кольского полуострова - саамы - назвали его в честь местной горной речки, полной рыбы, - Ваенга. Всего же их в этом «медвежьем углу» насчитывалось в 1917 году 13 человек. Они занимались охотой, рыболовством и скотоводством. Но положение резко изменилось, когда бухта была выбрана для базирования создаваемого Северного флота. Произошло это в 1933 году. Накануне Великой Отечественной войны Ваенга стала достаточно крупным населенным пунктом, имеющим большое стратегическое значение для Советского Заполярья. Здесь базировалась авиация, наносившая мощные удары по гитлеровцам. А с 1947 года сюда передислоцировались штаб и управление Северного флота. Поэтому никаких более обстоятельных сведений о Североморске не имеется.

Лиепая (Либава). Основана древними ливами более 750 лет назад. Первое упоминание о ней мы найдем в латвийских летописях 1253 года. Городом же этот приморский поселок, являясь владением Курляндского герцога Вильгельма, стал в 1625-м. На грани веков, 17-го и 18-го, он обзавелся морским портом и каналом. С приходом советской власти, после соглашения Риббентроп-Молотов, Лиепая превращается в крупнейшую военно-морскую базу на Балтике, где до распада СССР дислоцировалось значительное количество подводных лодок. Здесь в 1940 году, незадолго до войны с Германией, был построен военный аэродром. С него, как поговаривали старожилы, в июне 1941-го взлетали советские самолеты, которые бомбили Берлин. (Достоверно об этом ничего не известно.) Впрочем, и без того Лиепая прославилась не меньше, чем Брестская крепость. О ее обороне тоже был снят художественный фильм по сценарию Сергея Смирнова - «Город под липами», режиссер Алоиз Бренч. Картина вышла на экраны к тридцатилетию обороны города. А тогда, жарким летом 1941-го...

Без пополнения боеприпасов и продовольствия местный гарнизон, возглавляемый генералом Дедаевым, более двух недель защищал морскую крепость. Уже была взята Рига, немцы рвались к Ленинграду, а горстка уцелевших моряков, находясь в полном окружении, продолжала сражаться с врагом. И под конец, не имея никакой возможности удержать город, совершила самоубийственный прорыв в направлении Шкедских дюн, ставших впоследствии латвийским Бабьим Яром. В живых почти никто не остался, они полегли там, где вскоре был создан концлагерь смерти. Нацистами и местными националистами было уничтожено в Шкедских дюнах 18 тысяч евреев. (Понятно, расстреливали и людей других национальностей: в частности, военнопленных, подпольщиков, противников режима. Но ни в одном справочнике я не нашел данных о них. А вот о евреях сказано: 18 тысяч.) Туристы, посещавшие эти дюны в шестидесятые-семидесятые годы, нередко становились невольными свидетелями «скрытых достопримечательностей», появлявшихся, казалось бы, ниоткуда. На глазах экскурсантов прибойная волна выкатывала на отмель выбеленные черепа. Объяснялось это тем, что море подмыло берег и открылись давние захоронения - бывшие рвы с останками людей. Лично

мне приходилось в 1969 году, когда редакция «Латвийского моряка» приехала в гости к морякам-подводникам, ходить по пляжному песку между человеческих костей. Там я и нашел небольшой серебряный перстенек с магендавидом, навечно приросшим к обглоданной рыбами фаланге пальца. Коснуться его я не смел. Поэтому щепкой, лежащей поблизости, выкопал ямочку в мокром песке и захоронил память о неведомом мне человеке, принявшем смерть только потому, что родился евреем.

15

Танкер был «опечатан». На палубе краснофлотцы-автоматчики. На причале они же. Черные шинели, черные бушлаты, поперек - черные стволы АКМ.

Шла откачка топлива, доставленного «Юрмалой» в Североморск. Курить категорически запрещалось даже в отведенных прежде для этого местах. «Несанкционированное» передвижение членов экипажа во время разгрузки тоже не приветствовалось. Словом, «не высовывайся наружу - здоровее будешь» - превратилось из анекдота в правило поведения. Мне оставалось бы лицезреть постную физиономию Ливика Генделиста до самого вечера, если... Но тут раздался стук в дверь, и Ливик весомо сказал:

- Войдите!

На пороге показался вестовой - мичман-сверхсрочник. В черной шинели, черной фуражке, с черной кобурой от «Макарова» на поясе. Вспомнились стихи Есенина о черном человеке. Моряк лихо вскинул руку к козырьку.

- Разрешите доложить. Машина подана.

- Оки-доки, ждите на причале. Сейчас будем, - барственно ответил с койки Ливик Генделист.

- Вы не один?

- Доложите командованию. Со мной паразит.

Я с недопониманием взглянул на мичмана. Мичман с полным пониманием происходящего кивнул:

- Есть доложить, пропуск на двух человек.

- Не забудьте вписать в пропуск: «Маэстро Ливий и личный его паразит».

- Так точно! Разрешите идти, товарищ маэстро?

- Свободны.

Мичман отдал честь, развернулся и был таков. Я же с новым интересом посмотрел на Ливика Генделиста. Как воспринимать подобное хамство? То он канает под Пушкина и пишет стихи, которым вредные критики выдергивают ручки и ножки на полпути к печатному станку. То превращается в боксера и вешает на уши доверчивых слушателей, что он уже перворазрядник и готов - пусть кровь из носа! - постоять за честь любимого судна. То, совсем уже не к месту, зная несколько гитарных аккордов, обзаводится прозвищем Раймонда Паулса «маэстро» и переименовывается из зарегистрированного в ЗАГСе Лива в римского патриция Ливия. Не соскучишься.

- Ливик! Что за концерт? - обратился я к мастеру на все руки, когда он, нырнув под кровать, вытащил увесистую сумку с гитарой и торчащим над ней накрахмаленным колпаком повара из фешенебельного ресторана. - Куда ты собрался?

- Ты со мной разве не пойдешь?

- С тобой можно и на край света, хотя ты не женщина.

- Забудь французское - «ищите женщину»! Моя женщина... Пойми, я и сам в удрученном состоянии и трагедийных чувствах. Но актер и при личной трагедии должен соответствовать роли.

- Не подскажешь, какой?

- По договоренности, я им устраиваю оргию в порту.

- Что? Что? - обалдел я.

- А, испугался за моральный облик? Не пугайся. Лучше вернись на первый курс своего «универа» и навались на античную литературу.

- У меня по Гомеру пятерка. Уж кто-кто, а Лея Черфас за просто «хорошо живешь» пятак не поставит.

- Но то по Гомеру. Родственная душа! А по Вергилию? Апулею с его «Золотым ослом»? В Риме побывать слабо? Забыл? Оргия у римлян - это никакой тебе не свальный грех, а простая обжираловка. Дошло?

- Ладно тебе, Ливик. Уже уел меня!

- Ам-ам, вкусно нам! - Ливик повторил мою шутку и сделал вид, что облизнулся. - Соглашаешься быть моим паразитом?

Что за подвох? Я напряг память: что-то вспоминалось, но толком так ничего и не восстанавливалось.

- Оки-доки! Не мучайся. Вот тебе мой конспект. Хоть я и не ходил твоими коридорами по «универу», но знаю не меньше. - Ливик вытащил из сумки общую тетрадь в коленкоровом переплете. - Тут как раз все по кулинарной теме. Страница пять. Читай: имформ-бля-шка первый сорт!

Я прочел: «В Древней Греции любили устраивать обеды в складчину. Составлялись списки приглашенных в гости. Каждый из них имел право привести с собой кого-либо из приятелей, но только человека мужского пола. Вот этого, не званного распорядителями на пир, и называли - «парасит» - все остальные античные гости. (Не античные отдали дань современности и переименовали его на русский манер «паразитом».)

- Теперь понял, кем ты будешь на нашей оргии?

- Оргия и без баб?

- Раз-цвай-драй - бабы-выпивка-курение - все официально под запретом. Район взрывоопасный.

- А бабы при чем?

- При том! Бабы - мины замедленного действия.

- Тебе что за выгода во всей этой истории?

- Товарообмен! На уровне командования! Я им - оргию-деликатес, они мне - два ящика тушенки. Вот и будут у нас макароны по-флотски. А то, сам видишь, борщ да борщ кругом.

- Мы бросаем в свой животик все, что скушать хочется. У них - что? - некому сготовить макароны по-флотски?

- Опять - двадцать пять! Макаронами они объелись. Я же говорю, товарообмен! На уровне командования! Они нам - тушенку, я им - деликатес под видом древнеримской оргии. Любопытно, знаете ли, отведать то, что уже не подают к столу две тысячи лет.

- Что именно?

- Страница четвертая! Читай!

Я прочел: «В Древнем Риме существовало определенное представление о полноценном обеде с изобилием блюд. Назывался он - «Цена». Может быть, оттуда у легионеров и пошли строчки: «Мы за ценой не постоим». Состоял обед из закуски, основного угощения и десерта. Все в больших количествах. В качестве закуски подавали салат, яйца, рыбу под пикантным соусом. На второе - горячие блюда: мясо, курица, рыба, запеченная в тесте, различные морепродукты. В качестве десерта - печенье, соки. Но основное достоинство стола заключалось в умелом использовании приправ и пряностей, таких как оливковое масло из Палестины, уксус, соль, перец, зелень майорана из Сицилии, семена аниса, укропа из Греции, тмин из Карии, сельдерей и петрушка из Македонии, тимьян из Фракии, имбирь и корица из Индии...»

- У тебя все это есть? - удивился я.

- Названия! И пакетики! - Ливик потряс сумкой, вызвав струнный перезвон, нахлабучил колпак, посмотрел в иллюминатор на «погоду». - Не замерзну, - пробормотал с некоторым удовлетворением и повернулся ко мне. - Собирайся, друг-человек и «парасит» впридачу. Время пошло.

По трапу мы спустились на причал, сели в военный газон: мичман впереди, рядом с водителем, я с Ливиком и его пахучей сумкой сзади.

- Полный вперед! - скомандовал мичман, и машина тронулась.

Через пять минут первая остановка. КПП. Шлагбаум. Матрос - черная шинель, черная ушанка, черный ствол автомата. Голос с хрипотцей:

- Спички, зажигалки есть?

Я сунулся в карман пальто.

- Вот, - сказал, недопонимая: курить запрещается, чего же он, без понятия?

Ситуация прояснилась без проволочек.

- Прошу отдать. На обратном пути заберете.

Отдал.

- Полный вперед! - скомандовал мичман, и поехали дальше по портовой улице, углубляясь внутрь территории, обставленной часовыми, как шахматная доска фигурками в разгар игры.

Через пять минут вторая остановка. КПП. Шлагбаум. Матрос - черная шинель, черная ушанка, черный ствол автомата. Хлюпает носом, голос простуженный:

- Папиросы, сигареты есть?

Я вынул початую пачку «Элиты», протянул в окошко.

- Вот.

- Прошу отдать. На обратном пути заберете.

- А почему сразу не взяли, вместе со спичками? - завелся я.

- Здесь вопросы не задают, - пояснил мне матрос.

Глядя в его такие же голубые, как у меня глаза, я внезапно прочитал в них отгадку забавного кроссворда. Вся эта нелогичность и дикость, упакованная под грифом «совершенно секретно», расшифровывались очень просто. Тот, кто отобрал у меня спички, должен был оставаться без сигарет. Тот, кто отобрал у меня сигареты, должен был оставаться без спичек. Окажись сигареты и спички в одних руках, они поддадутся невольно вполне понятному соблазну и поднесут спичку к сигарете, тут и ахнет - вызывай пожарных! Впрочем, не уверен полностью, осенила ли меня истинная догадка. Умом ведь, как известно, Россию не понять, а уж распоряжения коменданта военно-морского порта

тем более. Хорошо, что я не заядлый курильщик, и лишние два-три часа без сигареты мне не в тягость.

Два-три часа - вот тот срок, на который судовой кок Ливик Генделист переквалифицировался в маэстро Ливия. И следует сказать, это получилось у него превосходно. Полуметровый накрахмаленный колпак возвышал его над всеми людьми из приданной ему в подчинение поварской команды. Маленький Ливик был вровень с высокими по званию офицерами флота, собравшимися на оргию. Среди них - каперанг, два кавторанга, три капитан-лейтенанта и «наш» мичман. Разумеется, никто не представлялся. Так что ни фамилий, ни имен. Но скушано было!.. И с какой подачей! Маэстро Ливий организовал подачу блюд, как, наверное, это делалось в Кремле в довоенную пору, когда Хрущев под дирижерскую палочку товарища Сталина отплясывал гопак на паркетной плитке, выложенной при царе Иване Грозном.

Вынося во главе белых фартуков и колпаков Верховное блюдо на праздничное застолье, Ливик с оглядкой на мое чувство юмора, несколько подпорченное обилием черных, как столовый перец, кителей, провозгласил:

- Кушанье римских легионеров подано к столетию со дня рождения Ленина!

- В какое время жуем! - воскликнул мичман и, встав по стойке «смирно», отдал честь главнокомандующему поварской бригады.

Тут я чуть было не упал в обморок от нокаутирующего удара смеха, идущего изнутри куда-то к горлу и способного угробить тяжеловеса, не только меня. Однако любопытство пересилило смех. И я удержался на ногах, присматриваясь к деликатесному изобилию, атакующему мой нос изысканными ароматами.

Такого количества разнообразной еды я в жизни не видел. Как говорится, случается и на нашей улице... чуть не сказал, праздник... А ведь следовало. Почему? Ливик, оказывается, подготовил и для меня тайное подношение. Я и не догадывался, что в заключение этого пиршества меня ждет сюрприз. Дело в том, что давние римские оргии заканчивались песнопениями. Заглавную песню импровизированного концерта исполнял не кто-нибудь, а шеф-повар. Кулинара-солиста награждали аплодисментами, если обед пришелся всем по душе, но могли забросать его и мочеными яблоками, окажись несъедобным какое-либо кушанье из очередной подачи. В случае с Ливиком Генделистом все было на мази. Людей покормил, киселем напоил, настало время и музицировать: уши меломанов в черных мундирах уже развешаны. Тут-то и раскрылись увесистая сумка, и на свет Божий была извлечена гитара. Ливик уселся на табуретку, заложил ногу на ногу, провел пальцами по струнам.

- Оки-доки. В прошлый раз вы просили меня подыскать в маленьком Париже, то бишь у нас Риге, что-то из самого современного репертуара. Самое, что ни на есть, нашенское, с юморком и перчиком...

- Чтобы чертям было жарко, - донеслось с отрыжкой из-за стола.

- И американцам тошно!

- Так тошно! - подхватил, хитро улыбаясь, Ливик. - Американцам - тошно, а нам с перчиком. Но начну с анекдота, для настроения.

- Про американцев?

- И про них. Из мира животных. Но по моей кулинарной части.

- Заводи пластинку! - раздался командирский голос.

- Из Чарльза Дарвина известно, что жена богомола по окончании сексуального акта откусывает голову у своего бесшабашного муженька.

- Чтобы по чужим бабам не ползал! - хохотнули сытые люди.

Придержав смех ладонью, Ливик продолжил:

- Однажды сынок богомол спрашивает у любимой своей мамочки: «А каким был мой папа?»

- Вкусным! - взлетела под потолок отгадка.

- Правильно... «Вкусным!» - ответила мама.

- Песня, значится, тоже на эту тему?

- Не совсем. Но с намеком. Слова, - Ливик посмотрел на меня, - не мои, но исконно рижские, музыка народная. Исполняется впервые, специально для вас.

Я сразу же уловил мелодию: ну, конечно, сейчас прозвучит одна из моих хулиганских песенок, распеваемых в пивных барах на рижском взморье. Она и прозвучала:

Ты пристала ко мне крепче триппера.
И теперь я хожу, как больной.
Ты меня без остатка выпила,
Закусив коньячной звездой.
Весь губами твоими иссосанный,
Стал похож на бродячий скелет.
Под тобою, кустами и соснами
Похоронен во цвете я лет.

Ты пристала ко мне крепче триппера.
Ты сжигаешь меня, как напалм.
Для тебя я посылочку выберу
И отправлю тебя во Вьетнам.
Пусть там помощь мою безвозмездную
Примут радостно и любя.
И затем, как оружие местное,
Против янки направят тебя.

16

Опять мы в открытом море. Тихое урчание двигателя, подрагивание переборок, плеск волн. Я еще не поднялся с койки. Сонливое состояние не отпускает. Хочется еще разок потянуться, зевнуть раз-другой. Но стук в дверь, и высовывайся из-под одеяла, поспешно влезай в пиджак, брюки, туфли...

- Кто там?
- Вестовой. Разрешите войти?
- Входите, не заперто.

В каюту вошел парень приблизительно моего роста, но шире в плечах и корпусе.

- Вам пакет.
- От кого?- недоуменно спросил я.
- Первый помощник капитана распорядился.
- По какому случаю?
- В Североморске нас догнала почта. А там журнал с вашей статьей.
- Какой журнал?
- Московский. «Вымпел». Три штуки. Вот Яков Иванович и распорядился. Один в кают-компанию, один в судовую библиотеку и один вам - лично в руки.
- Расписаться? - насмешливо поинтересовался я.
- Расписки не требуется. У нас все на полном доверии.
- Тогда гуляйте!

Вестовой - по выправке чувствовалось, что он недавно из армии, - козырнул мне двумя пальцами. Но не покинул каюту.

- Разрешите вопрос.
- Спрашивайте.
- Я слышал, вы набираете команду боксеров.
- А вы - что? Боксировали?
- Первый полусредний вес. Третий призер первенства города Балтийска.
- Когда?
- Год назад, когда служил там на флоте.
- Земеля, значит...
- То есть?
- Калининградская область. Вы в Балтийске. Я в Калининграде. Между нами даже матчевые встречи проходили. Пилотки против бескозырок. Но что-то вас не припомню.
- Опоздал родиться.
- Что?
- Просто позже призывался. А вообще я приметный. У меня такая конфигурация в имени-отчестве-фамилии, что любой приметит и запомнит.
- А ну?
- Константин Григорьевич Бровиков.
- И что?
- А то! В итоге по первоначальным буквам - КаГеБе.
- Боятся?
- На судейскую коллегию действует. Опасаются засудить.
- И как же вы им свои опознавательные знаки выкладываете?
- На взвешивании, при предъявлении паспорта. Не засудят и здесь. Моржовый край, а понятия столичные.
- Поспарринговать не хотите?
- Это можно. У меня и перчатки имеются.
- А где? - я оглядел каюту, поморщился.
- Здесь тесно, - согласно кивнул матрос. - Но я слышал, что вы вызвались на мойку танка, то есть трюма. Там просторно.
- А не надышимся?
- Да нет! Все топливо перекачали, помещение проветрили. Войлочного покрытия, правда, нет, но

пол в самый раз, если без нокаута. И перчатки у меня есть.

- Хорошо.

Вестовой еще раз козырнул и выскочил за дверь. Я вернулся к койке, присел у тумбочки, к ночнику. С любопытством раскрыл морской журнал, который догонял меня в различных портах Латвии и России. Зеленая обложка, справа внизу изображен океанский лайнер с красным флагом, поднятым над ним подобием паруса. На белом поле вверху двухсантиметровыми черными буквами выведено «ВЫМПЕЛ». На развороте читаем: «Орган министерства морского флота СССР», «№8». Содержание: Д.Гашумов. Трудовая поступь каспийцев. М.Гладышев. Под флагом дружбы. А.Варзегов. Будни «Оренбурга». Г.Ястребцов. Достойно представлять родину. В.Сысоев. Несколько дней в Одесской мореходке. Е.Гаммер. Успешные старты.

Само собой, мое внимание привлекла собственная заметка. Как сверстали, как выдали на полосу? Что пропустили в печать, что зарезали? Год ведь какой? Юбилейный! О чем ни пишешь, везде упоминай об этом. Не упомянешь, самостоятельно вставят строчку о столетии со дня рождения Ленина. Цензура свирепствует. Крамолу найдет и там, где ее не было. Посмотрим, что оставили нам для чтения бесы из Главлита?

Перечисление фамилий оставили, а это героям моих газетных произведений больше всего и нужно. Иначе они не станут соваться носом в печатную продукцию, о которой в народе говорили так: «Утром в газете, вечером в туалете». Да и как ее пошлешь родителям, без фамилий? И девушке не подаришь. А с фамилиями... С фамилиями эти журналы расходились огромными тиражами по всему Союзу, хотя и не попадали в свободную печать. Во всяком случае, «Вымпел» я не встречал в киосках тех морских городов, куда приводили меня журналистские дороги. Тем приятней было получить его тут, на судне, где сейчас, в данный момент, некоторые моряки выискивают в нем свои позывные. И выищут. Уж что-что, а с фамилиями у меня - щедро.

Успешные старты

Моряки Латвийского пароходства в дружбе со спортом. Это они убедительно доказывают в товарищеских встречах по футболу, волейболу, баскетболу с советскими и зарубежными коллегами, на гаревых дорожках стадионов, в соревнованиях теннисистов. Экипажи судов Латвийского пароходства приняли участие в Международной спортивной неделе моряков - 70, проходящей во многих портах мира. На их счету немало побед. Золотую медаль завоевал курсант Рижского мореходного училища В.Альчин в толкании ядра. Бронзовым призером стал штурман танкера «Юрмала» Стас Карасик. (Вот это да! В Москве-таки оставили без изменения: «в Международной спортивной неделе моряков - 70». Не приписали самовольно: «приуроченной к столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Может быть, по той причине, что автор - из Риги, по фамилии, вполне возможно, латыш или немец - полуиностранец какой. Ну, а что дальше? Читаем? Читаем!)

В розыгрыше Кубка Балтики команда теплохода «Энгуре» заняла второе место. Экипаж «Энгуре» первым из советских моряков добился такого успеха в этих соревнованиях. Из Гданьска от руководителей комитета Кубка Балтики на теплоход пришло письмо: «В течение ряда лет, - писали польские друзья, - мы наблюдали за ростом ваших спортивных достижений, радовались вашим удачам в труде и спорте. Поздравляем вас с победой и желаем первого места в спортивном сезоне наступившего года». По инициативе первого помощника капитана В.Барютина футболисты «Энгуре» в каждом зарубежном порту проводят товарищеские встречи с докерами и моряками других судов. Боцман Е.Суворов, третий помощник капитана В.Щербук, старпом В.Пучков, моторист П.Чепелянский, токарь В.Мухин - основные бомбардиры команды. Не менее результативны и их основные соперники с танкера «Юрмала» - штурман Стас Карасик, боцман Андрей Распашкин, матрос Константин Бровиков, токарь Владимир Котлов, которые тоже мечтают о завоевании Кубка Балтики. Впереди у энгуровцев и юрмалчан новые соревнования на кубок Балтики. И хочется пожелать им, как и всем нашим морякам-спортсменам, еще более успешных стартов.

Е.Гаммер, г.Рига.

17

Журналиста кормят ноги. Это присловье кочует со мной по жизни. Куда я, туда и оно. Рига - Таллин - Одесса - Севастополь - Калининград - Москва - Ленинград - Мурманск - Новосибирск - Иркутск - Киренск...

Казалось бы, здесь, в море, когда вместо тебя по воде «ходит» судно, можно ноги поберечь. Но - отнюдь. И здесь тебе надо обегать все, обойти от киля до клотика, чтобы не называться, а быть «морским журналистом». Вот и вызвался я на мойку танка - трюмной цистерны. Но не предполагал, что ждет меня погружение по предательски скользкой металлической лестнице-стремянке, приклепанной с внутренней стороны борта, на глубину ого-го какую - дна не увидишь. Однако вызвался - иди. И пошел. Сначала по палубе к люку, затем, под напутствие боцмана Распашкина, под люк и со

всей осторожностью в тартарары: с перекладины на перекладину.

Вниз не гляжу, чтобы не подхватить головокружение и не сверзиться прямиком на дно. Гляжу на небо, солнышком привечаемое. А оно все удаляется и удаляется, как при погружении под воду. И мало-помалу превращается в своеобразный лунный диск голубого отлива. А в центре... В центре этого диска другой диск, ниже его еще один, в два раза меньше в диаметре. И переливаются - гады! - перламутровым огнем, будто подрядились путь освещать в потайное чрево танкера. Что за наваждение? Опять летающие тарелки? Не могли бы для прогулок, твари эти небесные, подальше выбрать закоулок? А то ведь мозгов не хватит на разборки с ними. Плюнуть бы, и с глаз долой. Но не доплюнешь, и глаза опустить боязно.

Смотреть вниз - накличешь головокружение, смотреть вверх - напросишься на незапланированный контакт с неземной жизнью. А при шатком равновесии, между небом и железным днищем судна, собственная жизнь тебе кажется намного важнее неземной. Пусть уж простят меня братья по разуму, но это святая правда, что бы ни утверждали башковитые наши ученые - исследователи Вселенной. Вселенная бесконечна, и, пожалуйста, исследуйте ее до бесконечности долго. А жизнь одна, от зарплаты до зарплаты, и прожить на нее надо так, чтобы не было мучительно горько с похмелья. Мне и не будет. Прежде всего, у меня не бывает похмелья. А второе, стыдиться некогда, надо отбрехиваться.

- Видели? - подбежал ко мне с вопросом и ведром, полным ветоши, Костя Бровиков, когда я ступил... чуть не сказал - «на землю». Нет, не «на землю», на дно, или днище, если искать более правильный эквивалент. Богат русский язык, но и ему подчас не справиться с наворотами смыслов.

- Что? - воззрился я на матроса с недоумением.

- Летающие тарелки!

- Костя, я смотрел себе под ноги, чтобы не сверзиться с верхотуры. Какие тарелки?

- В лючине, прямо над головой торчали.

- Ну, ты даешь, шустряк! - я машинально перешел на «ты», как это обычно бывает, когда разговариваешь с младшим по возрасту. - Прямо как в песне из кинофильма «Небесный тихоход» - с Крючковым и Меркурьевым. «Нам сверху видно все, ты так и знай!»

Костя тоже автоматически переключился на доверительное «ты».

- Им, поверь мне, там все видно. Присматривают за нами.

- За мной следить нечего, Костя. Даже с неба. Я чист перед судьбой и законом.

- Не нашими письменами их законы пишутся. Да, и справа налево, как у этих...

- Откуда наворотил?

- Поговаривают... В Амдерме, говорят, табличка с неба упала. А на ней не нашими письменами что-то вытравлено. И в обратную сторону - справа налево.

- Читают?

- Пробуют.

- Слава Богу, мне хватает и русского правописания.

- И с нашим правописанием можно верить в их Бога. А ты веришь?

- В народе говорят: «Все под Богом ходим».

Я помнил наставления Стасика Карасика. И знал: на судне негласный запрет на упоминание об НЛО. Видел - не видел, это остается с тобой навечно и не доходит до чужого уха. Одно дело поговорить с судовым врачом, другое - с человеком, выставляющим напоказ, словно предупредительный знак, дикую для загранщика кликуху: «КаГеБе». В этом заложена определенная двусмысленность: то ли тем самым Костя говорит: «опасайтесь меня, не откровеничайте», то ли: «будете выпендриваться, загоню к белым медведям!» Но лучше не разбираться в психологии, а сразу приступать к мордобитию.

- Костя, а где перчатки?

- Тут! - парень потряс ведром, которое держал в руке, и вытащил из-под ветоши две пары «кожаных рукавиц». - Десятиунцовые, для первых весовых категорий.

Я помял перчатку в руке. Чувствовалось, что она была уже «разбитой». Лупили ею, видать, по переборкам, так как тренировочного мешка на танкере не наблюдалось.

- Разомнемся? - предложил я.

- Шнуруй!

Костя сделал шаг назад, натянул перчатки. По его примеру я запихал шнуровку вовнутрь, постучал «рукавичками» друг о друга. Сверху за нами, находящимися в поле светового круга, наблюдал боцман Андрей Распашкин.

- Эй, авральщики! - крикнул он, просунув вихрастую голову в люк. - Время засекать?

- Включай хронометр! - откликнулся я и двинулся в бой.

Левой-левой, уклон. Скользящим шагом в сторону. Нырок, еще нырок. Так и есть! Коренастый Костя, ростом не намного выше меня, бедра по ширине вровень с разворотом плеч, бомбил кулаками размашисто, оставляя неприкрытым живот и, главное, челюсть. При умелой «разборке» спра-

виться с ним несложно. Пару обманных финтов, нырок под левую руку, и боковым ударом по скуле. Дальше работа для рефери на ринге - считать секунды: «раз, два, три, четыре». Но мелькнувшее в мозгах «распознание» я держал при себе. Ведь нужно было «не пробить» противника, а проверить его на пригодность выхода на состязание. По сути, для встречи с амдермовцами Костя годился. Не слабак, дыхалка в норме, отваги тоже не занимать. Интересно, что же подвигло Стасика Карасика на отказ от включения его в нашу могучую сборную?

- Гонг! - послышалось сверху. - Конец первому раунду.

Костя задрал голову.

- Андрей! Какой счет даешь?

- Товарищеская ничья.

- Ничья - для кого равна и победе! Он же мастер спорта!

- А ты мастер швартовки! - засмеялся боцман Распашкин. - Займитесь делом.

- Да, - вспомнил я, зачем пожаловал сюда. - Давай поработаем, а то напросился, и дурака валяю.

Мы прошли в дальний конец пустой подпалубной цистерны. По краю узким ручейком текла маслянистого оттенка вода. Ее предстояло собрать в ведро и насухо протереть ветошью дно. По моим представлениям, все это выглядело несерьезно. Мойка произведена, все убрано и почищено. Для чего же я здесь? Только лишь потому, что вызвался? Может быть, и так. Вызвался - уважили. «Хотел посмотреть на морскую жизнь без прикрас, вот и смотри, журналист, делай выводы!» Какие выводы? А на что голова? Думай, чувак!

До чего-то конкретного я додуматься не мог. И не додумался бы самостоятельно, если б не известие, полученное мной по возвращении в Ригу от редактора «Латвийского моряка» Якова Семеновича Мотеля. Он сказал: «Ты знаешь, тебе объявлена благодарность! На моей памяти это впервые, чтобы капитан судна объявлял по радио на весь флот благодарность корреспонденту газеты... То, что ты вызвался мыть танки, - это так себе... это официальное прикрытие для изъявления скрытых чувств. Было что-то еще неофициальное... Не скажешь ли, что?» И я сказал - «что», вспомнив об истории в мурманском ресторане-стекляшке, когда заставил арктического антисемита, «из тех, кто мерит мили на километры», подавиться собственным оскорбительным высказыванием - «Еврей - моряк!»

Наполнив ведро собранной при помощи ветоши водой, мы с Костей задумались: а не провести ли нам второй раунд?

- Как ты? Готов?

- Всегда готов! - охотно отозвался крепыш-полусредневес. - Если партия прикажет, комсомол ответит...

- Да... ты боевой парень!

- В подплаве служил!

- Оно и видно.

- Тогда шнуруем перчатки.

Я опять затолкал кулаки в «кожаные варежки». И глядя, как Костя зубами натягивает закраину перчатки, спросил его:

- А почему Стас не вставил тебя в список команды?

- Не знаю. Он третий помощник капитана, не я. Это к боцману я могу с расспросами... А к нему - «слушаюсь-повинуюсь».

- Странно.

- И мне странно. Пришел я к нему, значит, записываться. В зубах зачетная книжка спортсмена второго разряда и свежий анекдот, чтобы, как говорится, пристроиться к нему в кильватер.

- И что? Не пристроился?

- Он сказал, что второй разряд - это мало.

- Мало?

- Так сказал.

- Сказал до анекдота или после?

- Опосля.

Я насторожился, чуя какую-то подлянку. Стасика я знал, как облупленного: в парне никакого высокомерия, и к спортивным разрядам отношение плевое - в бою покажи себя, а не нарисованные в зачетке цифирки!

- Что за анекдот?

- Да ходовой, как «Армянское радио». Из серии «Еврей-боксер».

- А ну, расскажи!

- Пришел еврей в боксерскую секцию. «Кому надо заплатить, чтобы стать боксером?» - «Платить не надо, - отвечает тренер. - Надевай перчатки и выходи на ринг драться». - «А это больно?» - «Больно. Но зато станешь боксером». - «Нет, уж лучше я запишусь в шахматисты».

Я усмехнулся, продемонстрировав Косте ожидаемую им реакцию. На самом деле, мне смешно

было не от тупого, как валенок, анекдота. От совершенно другого. Меня, если я лично не намекал на свое еврейское происхождение, все принимали либо за латыша, либо за немца, а когда не называл фамилию, то и за русского. Глаза голубые, волосы русые, боксер, журналист, говорун - свой человек в компании. Вот и сейчас та же ситуация. Но разрешалась она просто, совсем не теми методами, как с капитаном-антисемитом в ресторане. Я был в боксерских перчатках, и он в боксерских перчатках. И, как говорится, ринг покажет: кто есть кто.

- Засекай время! - крикнул я боцману Распашкину, выходя в освещенный солнцем круг.

- Гонг! Раунд второй! - раздалось из-под неба.

И я пошел в бой. Левой-левой, правой по корпусу. Выход в стойку, отход. Финт плечом, нырок под руку. И с выходом правым боковым по левой скуле. Раз! Добавки не понадобилось. У Кости подкосились ноги. Я едва успел подхватить охотника до анекдотов, иначе шмякнется и разобьет голову накануне соревнований.

- Что это было? - спросил он, опомнившись.

- Ты просто удар пропустил, - ласково заметил я. - С кем не бывает.

- Но мы же договаривались - без нокаутов.

- Верно, Костя Бровиков! А вот о нокдаунах мы не договаривались. Ты часом шахматами не интересуешься?

- Не-а, - покрутил головой, проверяя шейные позвонки. - Я и не заметил... Как это ты меня засадил?

- По-еврейски: справа - налево!

XXI век. Ассоциация восьмая:

ЛЕГЕНДЫ БОКСЕРСКОГО РИНГА

И вновь я возвращаюсь к профессиональному боксу прошлого, чтобы вместе с вами совершить исторический экскурс по «еврейскому рингу». Итак, гонг. И начинается первый раунд отсчета имен.

Натания. Институт физкультуры имени Вингейта. Международный зал славы еврейского спорта. Здесь среди лучших боксеров Англии 18-19 веков представлены: тяжеловес «Голландец Сэм», настоящее имя Сэмюэль Эллиас (1775-1816), его сын - «Молодой Голландец Сэм» (1808-1843), который в двадцатых-тридцатых годах был чемпионом мира в полусреднем весе и - что поразительно! - не проиграл ни одного боя в жизни. В подверстку к семейной компании «голландцев» достойно впечатывается и «Звезда Востока» - Барни Аарон (1800-1850), сильнейший легковес мира на протяжении 15 лет, с 1819 по 1834 год.

Гонг. Раунд второй. Перенесемся в Соединенные Штаты Америки. «Великий Эйб», или Абрахам Вашингтон Аттел (1884-1970), считался «абсолютно лучшим боксером всех времен, независимо от весовой категории». Он выступал в полулегком весе, был чемпионом мира в 1901-1904 и 1906-1912 годах. Провел 165 боев, из них в 92 победил, в 51 - нокаутом.

«Человек-Ножницы» - прозвище другого американского чемпиона еврейского происхождения, уроженца Чикаго, Гарри Харриса (1880-1959), являвшегося первой перчаткой мира в легчайшем весе в 1901 году. Затем его титул переходил в легчайшей весовой категории, как по наследству, от одного еврея к другому. В двадцатые годы это были Эйб Гольдштейн и Чарли Розенберг, в пятидесятые Роббер Коэн и Альфонс Халими.

В 1914 году Эл Мак-Кой, по документам Александр Рудольф (1894-1996), первый в мире левша на ринге, нокаутировал в самом начале схватки Джорджа Чипа и стал на последующие три года непобедимым для всех претендентов на престол чемпиона мира.

Невероятных достижений на ринге добился выходец из Англии Гершон Менделофф, по прозвищу «Малыш», (1894-1970). Он выступал в шести весовых категориях, что по сути своей непостижимо. В 1915 году Гершон впервые примерил лавровый венок чемпиона мира - тогда во втором полусреднем весе. С тех пор, увеличиваясь в габаритах и переходя из одной весовой категории в другую, он оставался при мнении, что лавровый венок все еще ему впору. И это мнение жестко отстаивал на сером квадрате ринга. Всего же он провел 283 боя, одержал 215 побед, из них 71 нокаутом. Позавидуешь такому послужному списку!

В 1916 чемпионом мира в полутяжелом весе провозглашается Барни Лебрович, известный в кругах болельщиков под именем Бэттлинг Левински, или по прозвищу «Драчун» (1891-1949). Четыре года подряд он удерживал звание сильнейшего полутяжеловеса в мире, никому не давая спуску на ринге. Провел 287 боев, выиграл в 192 из них.

В 1917 году королем ринга в легком весе становится несравненный Бенни Леонард - Бенджамен Лейнер (1896-1947). Гроссмейсер и кудесник бокса, технарь и нокаутер. Он ушел из спорта непобежденным, 14 раз в течение восьми лет успешно защищал свой чемпионский титул. На счету Бенни Леонарда 213 боев, 180 побед, из них 70 нокаутом. При этом, как некий парадокс, надо отметить: он

происходил из ортодоксальной религиозной еврейской семьи и никогда не выходил на ринг по субботам и праздникам.

Еще одним легендарным американским боксером был и Макс Бэр (1909-1959), абсолютный чемпион мира в 1934-1935 годах. Он обладал невероятной силой удара. И это привело к тому, что в 1930 году Макс убил кулаком на ринге Френки Кэмпбелла.

И снова гонг. Раунд третий. Еврейские боксеры блистали не только на профессиональном, но и на любительском ринге. На олимпиаде в Антверпене 1920 года золотую медаль получает американский легковес Сэмюэль Мосберг, а через четыре года в Париже - полулегковес Джеки Филдс, тоже из команды США. Ну, а самую первую «еврейскую» золотую медаль олимпийского достоинства завоевал еще на заре двадцатого века в 1904 году американский тяжеловес Сэмюль Бергер.

Исторический экскурс можно продлить до наших дней. Тем более, что на американском профессиональном ринге появился новый выдающийся еврейский боксер Роман Гринберг, бывший израильтянин, выходец из России. Впереди у него, как считают специалисты, большое будущее. Но зачем забегать вперед? Я остаюсь верным давнему боксерскому присловью - «Ринг покажет». А ринг временами показывает настоящие чудеса.

Удивительное дело, но и в боксе, как выяснилось, регистрируются всевозможные рекорды. Нужно потратить немалый кусок жизни, чтобы собрать их воедино. Это сделал Эли Люксембург, израильский писатель, историк спорта, боксер и тренер международного класса. «Классификация боксерских рекордов проста, - говорил мне Эли в иерусалимском клубе «Маккаби», где я тренируюсь до сих пор у него и его младшего брата Гершона-Гриши, тоже великолепного в прошлом боксера, а ныне тренера и барда. - Первое - это долгожительство на ринге. Затем - скоротечность боя, количество побед или завоеванных званий чемпиона. Вот посмотри, об этом я и написал статью».

Эли Люксембург, тренер по боксу. Из статьи «Рекорды и рекордсмены мирового бокса» (израильская газета «Вести», вторник 27.11.2001): «Легендарный Джо Луис дольше всех удерживал титул чемпиона мира в тяжелом весе - 11 лет и 252 дня. То есть с 22 июня 1937 года по 1 марта 1949-го. Его настоящее имя Барроу Джозеф Луис. С раннего возраста к нему пристала кличка Коричневый бомбардир. Начал он свою карьеру в 16 лет. На любительском ринге Джо Луис провел 58 боев, из которых проиграл только 4, а все остальные выиграл нокаутом.

Меньше всех властвовал на чемпионском троне американец Кен Нортон - 83 дня. Его результат в точности повторил Джеймс Смит по кличке Костолом. Он удерживал звание чемпиона мира те же 83 дня и был побит по очкам. Боб Фитцсимонс выходил на поединки за звание чемпиона мира в течение 31 года, с 1883 по 1914, и выиграл звание чемпиона в последний раз 20 января 1905 года в возрасте 43 лет.

Самый продолжительный поединок без перчаток (в эпоху, когда боксировали голыми кулаками) длился 6 часов и 15 минут - бой между Джейсом Келли и Джеком Смитом. Было это в Австралии 3 декабря 1855 года. Самый же долгий бой в перчатках состоялся 6 апреля 1893 года. Энди Боуин и Джек Берк начали поединок в 9 часов вечера и закончили в 3 часа 34 минуты утра. Бой длился 7 часов и 19 минут. Это был бой продолжительностью в 110 раундов. Надо заметить, что в ту пору раунды не имели временного ограничения. Заканчивался раунд при падении одного из боксеров, после чего участников разводили (или растаскивали) по углам. Рекордный бой Боуина и Берка закончился ничейным результатом.

Самый короткий бой за титул чемпиона мира состоялся 6 апреля 1900 года, когда Джеймс Джеферис послал Джеймса Финнегена в глубокий нокаут через 55 секунд после первого удара гонга. А самый быстрый нокаут был зафиксирован в Лондоне на турнире профессионалов в Национальном спортивном клубе 20 февраля 1922 года. Тогда Джек Кейн нокаутировал Гарри Диммера за 11 секунд, включая те 10 секунд, которые отсчитывал упавшему на пол Диммеру рефери на ринге. Этот же рекорд - в одну лишь секунду от удара гонга - повторил Хью Келли, нокаутировавший Стива Кулда в Глазго 14 апреля 1984 года.

Рекорд долгожительства среди чемпионов мира принадлежит Джеку Демпси. Умер прославленный боксер в 1983 году в возрасте 88 лет. Настоящее имя его Келли Джон. Это был первый чемпион мира в среднем весе. Титул чемпиона он удерживал 8 лет подряд.

Есть уникальные достижения и в истории советско-российского бокса. Боксер-тяжеловес Николай Королев является 13-кратным чемпионом СССР, 4 раза он завоевывал звание абсолютного чемпиона страны (1936-1945) и 9 раз владел званием чемпиона страны в тяжелом весе (1936-1949). Королев провел на ринге 204 боя, 180 из которых выиграл, причем 50 - нокаутом. Его тренером был А.Харлампиев, один из первых российских боксеров-тяжеловесов.

Единственным в своем роде и по сей день никем не побитым является рекорд Сергея Щербакова: с 1944 по 1953 год он неизменно завоевывал звание чемпиона СССР в одной и той же полусредней категории. Одновременно он является и обладателем двух «международных» серебряных медалей - Олимпийских игр в Хельсинки в 1952 году и чемпионата мира в Варшаве в 1953 году. Сергей Щербаков провел на ринге 227 боев, в 207 из которых одержал победу».

18

В каюте я застал Янат. Она сидела на моей койке, у ночника, держа на коленях какую-то книгу.

- Привет, - сказал я.

- Привет.

- Ливик на камбузе.

- Знаю.

- Так вы, получается, ко мне?

- К вам. С благодарностью.

- Да ну? - удивился я.

- Ливик передал мне ваши стихи.

- Акростихи, - поправил я. - В них сверху вниз, из первых букв каждой строки, складывается ваше имя.

- Знаю, - Янат поднялась с койки, вынула из книги листок бумаги с моим произведением несколько пародийного характера. - Подпишите?

- Вы собираете автографы?

- Вот подпишетесь и начну собирать коллекцию. Вы будете первым.

- Что ж, - я взял протянутую книгу, не посмотрев на заглавие, наложил сверху листок и подписался. - Скажу вам по секрету, Янат, для меня это тоже первый автограф в жизни.

- Вот и хорошо. Под такими стихами не грех и подписаться, - и она, к полнейшей моей неожиданности, прочитала по памяти:

Я в поздний час вас встретил на причале.
Ночь. Ресторан. Фонарь дымит свечой.
Ассолью вас хотел назвать вначале,
Таинственною гриновской мечтой.
Теперь мне ведомо, Янат вы и Татьяна.
Астральной чайкою парите под луной.
Навечно ваш! В каких бы ни был странах,
Я с вами мысленно, вы мысленно со мной.

- Браво! - похлопал я в ладоши. - Да вы прирожденная чтица!

Янат немного смутилась, но быстро нашлась.

- Не чтица, а артистка нашей художественной самодеятельности.

- И много здесь таких хорошеньких артисток?

- Я в единственном экземпляре.

- То-то, куда не сунусь, все вы и вы! В море, на суше и в космосе.

- Про космос не будем, ладно? - с какой-то горечью попросила меня Янат. - И про визит к врачу... хорошо?

- Забыто и похоронено. Вы с Ливиком объединены на все прожитые жизни. И на те, что ожидают вас в будущем.

- Ливик в курсе про визит к врачу, - зардевшись, поспешила меня заверить Янат. - Но и при нем не надо...

- Ни в коем случае! Я ведь уяснил: это для Ливика вы в единственном экземпляре. Не для меня, понятно. Мой экземпляр в Риге. Галка.

- Но к вам я не одна, - попыталась улыбнуться Янат.

Изображая недоумение, я посмотрел по сторонам:

- Где вторая?

- Нет, вы меня неправильно поняли. Я с презентом. С книгой. За границей купила. Все покупают шмотки, а я купила книгу. «Ценная!» - говорят понимающие люди.

Я взглянул на обложку. Ну, конечно! Очень редкую книгу дарила мне Янат. Книгу, которую можно было достать только у библиофилов, причем за большие деньги. Книгу, которую, несмотря уже на «Хрущевскую оттепель», отказался печатать журнал «Новый мир». Книгу Константина Паустовского «Время больших ожиданий». С некоторой растерянностью, позабыв даже о дежурном «спасибо», я начал ее перелистывать, помня, что где-то, на какой-то странице, в воспоминаниях о Бабеле, есть слова, полностью соответствующие моему сегодняшнему, после поединка с Костей Бровиковым душевному состоянию. А вот и они...

«Я не выбирал себе национальности, - неожиданно сказал Бабель прерывающимся голосом, - я еврей, жид. Временами мне кажется, что я могу понять все. Но одного я никогда не пойму - причину той черной подлости, которую так скучно зовут антисемитизмом». Он замолчал. Я тоже молчал и ждал, пока он успокоится и у него перестанут дрожать руки. «Еще в детстве, во время еврейского погрома, я уцелел, но моему голубю оторвали голову. Зачем?..»

- Зачем? - я поднял глаза от книги. И увидел, что произнес это слово в пустоту. Янат, не мешая мне

читать, тихонько вышла из каюты.

19

- Амдерма! Амдерма!

Вот и выплыла ты, Амдерма, из-за горизонта. Первый слог - «ам», последний слог, прочитай его справа налево, - «ам». Ам-ам, вкусно нам! Вкусно и на слух приятно. Звучит «ам», звучит, и никто из тех, кто на ухо тугой, не догадывается: закодированно звучит для меня в этом легковесном слоге старинное еврейское слово - «народ». Слева направо читай - «народ», справа налево читай - «народ». Вечное слово, вечный народ... Но - молчок! Сам понимай, недругу не разглашай. Разнесут - донесут, а меня по всяким инстанциям затаскают: что за вымыслы? что за домыслы?

А что в том слоге зазорного? То, что в крохотном слоге - целое слово? Слово? Слово! Но ведь какое? Привечаемое у нас слово - народ! Только вот беда - не на том языке, на запрещенном для изучения, на преследуемом с тридцатых годов... Ам-ам, вкусно нам! Запретный плод всегда сладок.

Хорошо, пусть мои нехитрые умозаключения - пустой звук. И то, что тайно звучит для меня, не имеет под собой никакой конкретики. Хорошо, пусть все это фантазии! Но фантазии подчас более верно ведут по жизненным лабиринтам, в особенности в творчестве, чем советы опытных, поднаторевших во всем наставников. Да и есть ли они ныне, в семидесятом, наставники? Какие из них, детей двадцатого века, наставники, когда глаза зашторены, самостоятельного мышления с гулькин нос, а головы скручены вправо: «на грудь четвертого равняйсь!» Чего скрывать, мозги нескольких поколений людей загублены. Спроси у нашего человека: зачем нужна жизнь? Ответит: чтобы строить лучшую жизнь! Жизнь нужна, получается, для того, чтобы строить лучшую жизнь. А жить когда? Просто жить?

Я жить хочу, граждане-люди! Мечтать хочу и фантазировать! Видеть в небе хочу летающие тарелки и говорить об увиденном, не боясь, что закроют мне рот либо потащат к психиатру из следственного отделения. Изыскивать хочу в забавном «ам-ам» какие-то загадочные совпадения и без опаски делиться лингвистическими находками с друзьями-приятелями. Читать хочу - слева направо, справа налево, хоть по диагонали. Я много чего хочу... Но прежде всего... сейчас... хочу в Амдерму! Ам-ам, вкусно нам!

«Ам!» - какое древнее незабываемое слово. А вот и посланцы этого вечного слова. Гляди, уже пыхтят по морской глади: два буксира с «плакшоутами» - плоскими цистернами, наполовину погруженными в воду. Значит, предстоит разгружаться на рейде. А в город? В город - ам-ам! - смотаемся на обратной ходке буксиров. С этим у нас не заржавеет, только бы приодеться.

Через полчаса я был наряжен по последней рижской моде. Черный костюм с искрой. Галстук в бело-голубых ромбиках, отглаженная сорочка, серебристый значок члена Союза журналистов СССР на лацкане пиджака. Свое телесное великолепие упаковал в просторное борькино пальто и спустился по шторм-трапу на древний, пыхтящий трубой буксир. Командир этой достопримечательности из лавки старьевщика приветствовал каждого ступившего к нему на борт аптечной мензуркой с довольно прозрачной жидкостью.

- Даем отвальную гастроль!

И наливал - наливал. Не из бутылки. Из закопченного кофейника. Вероятно, чтобы с мостика не разглядели, что нарушает «сухой закон».

- Праздник какой? - полюбопытствовал я у великого маскировщика.

- А ты кто будешь?

- Журналист!

- Журналист - это хорошо. Пиши: «пей компот, читай газету, пионером станешь к лету».

- Сам сочинил?

- Она надоумила, белоголовочка! - плеснул мне в мензурку из кофейника. - Будь здоров и не кашляй! А в газету сообщи читателю: сочинение сообразили на двоих, Ортем Картузов и подруга его белоголовочка.

- Артем? - переспросил я.

- Ортем!

- О! - удивился я, чуя в имени его израильский корень. Вне сомнения, первый слог «Ор» - это ивритское слово «свет». В памяти тут же возникли имена: Ор, Орен, Орна. Но раскрываться в присутствии посторонних я не стал, мне достаточно было объяснить свое восклицание элементарным: - Справа налево, Ортем, ваше имя читается... знаете как?

- Ну?

- Метро.

- Ну! А как это понимать - справа налево?

- С заду наперед.

- Ну, ежли с заду! С заду можно и в метро. Но посуду верни, журналист! Очередь у нас живая, пока на ногах стоим. Даешь отвальную гастроль!

Ливик Генделист протиснулся ко мне, перенял у Ортема эстафету в виде мензурки с рисками у цифр - от 10 внизу до 100 у самого верха.

- Оки-доки! Открытие навигации у них! Информ-бля-шку даем на первую полосу! - и, крякнув, занюхал рукавом форменки.

- Не то поешь, кореш! - перебил его Ортем-североморец. - Кому открытие, а нам сухой закон, понял? С завтрашнего дня все питье - на амбарном замке.

- С открытием навигации - у них полное закрытие магазинов на предмет продажи винно-водочных изделий, - паясничал Ливик Генделист, посыпая без содрогания соль на душевные раны местного жителя, нареченного наполовину по-еврейски. Правда, если взглянуть на него хоть в упор, никакой еврейской половины не различить. На философском уровне это выражается приблизительно так: этнографическая удача свела тебя, добрый человек, с последним представителем одного из десяти потерянных израилевых колен. Но распознание уточняется. Известно только, что беспрестанной мимикрией и пьянством этот последний представитель довел себя до полной потери древнего иудейского облика.

20

Атавизм и комплекс динозавров... Чем не заголовок для романа? Но мы роман не пишем, мы пишем репортаж. Вот и пишем: отрастающих хвостов не обнаружено, когтей и клыков тоже. Потомки библейского племени, если они таковыми и были по генному коду, внешне ничем не отличаются от правнуков викингов, славян и ненцев. Скорей всего, их предков просто перемешали в одной доисторической купели, а потом пустили под ближайший кустик поиграть в любовь. Кстати, в пятидесятых, когда я в четвертом классе добросовестно изучал историю древнего мира, об атавизме и комплексе динозавров говорил мне папа Арон Гаммер, музыкант, жестянщик, изобретатель и неистощимый на реальные истории из собственной жизни рассказчик. Говорил, вспоминая, как в 1941-м попал он вместе с моей мамой Ривой, бабушкой Идой и многочисленными племянниками прямиком из оставленной советскими войсками Одессы в глубокую эвакуацию, на южный Урал, в башкирское село, где и не представляли, что библейские персонажи все еще существуют и называются по паспорту ныне евреями.

«Евреи, евреи! Привезли евреев! - лихорадило деревенское население, не очень образованное по части обременительной для ума антропологии и других естественных наук. «Это какие евреи?» «Допотопные! Те, что великану Голиафу башку камнем пробарабанили!» «А как они выглядят?» «Так: глаза - во! И в каждом огонь! Зубы - во! И каждый - что твой клык!» «Пойдем смотреть на евреев!» «А где их прячут? В клубе?»

- И пошли в клуб. Как в зоопарк, - рассказывал папа. - Входят и по стеночке притираются к нам поближе, чтобы посмотреть: есть ли у нас копыта, растут ли рога? А я сижу на эстраде клубного помещения, куда нас временно распределили. Сижу на табуретке, обнимаю баян и думаю об атавизме и комплексе динозавров. И еще я думаю, что кушать нам нечего. И мы тут подохнем с голоду раньше, чем устроимся на работу. Вижу, собралось вдоль стеночек множество народа - мужики, бабы, дети. Не шепчутся, не толкаются, глазеют - высматривают: где у нас рога, где копыта? Тут я и рванул меха баяна! Да как дал парочку басовых аккордов! О-го-го! Все - врассыпную, будто бомба разорвалась. А минуту спустя опять дверь открывается, и бочком-бочком, притуляясь к стеночке, один, второй, третий. Повеселело во мне, я и подумал: чего их пугать басами? Давай-ка, как в одесском парке Шевченко, отыграю им плясовую. И отыграл. Ноги - врозь, руки - врозь, танцуют - радуются. А с радости и догадались: никакие мы не питекантропы, тем паче не динозавры. Такие же обычные люди, не страшнее их. И пошло - поехало: я им музыку, они нам покушать. Сплошная любовь и взаимопонимание.

«Любовь, любовь, как много в этом звуке!» - внезапно раздалось во мне, загасив досужие воспоминания в момент. На причале... Такое могло случиться только в сказке...

На причале... На причале меня встречала Галка! Моя Галка Волошина! Галка, которая бегала в библиотеку на поиски какого-то географического справочника об Амдерме. Галка, которая провожала меня в Риге до самолета. Там, в фойе аэропорта Румбула, я простился с ней на месяц. Вот так встреча! Полторы недели не прошло, и она тут как тут! В своей серой куртке с капюшоном и на молнии, купленной для нее мной в Ленинграде, когда ездил с ребятами из пароходства туда на экскурсию - «Аврору» посмотреть, в «Эрмитаж» сходить. Действительно, запоешь: «Моряк вразвалочку сошел на берег, как будто он открыл семьсот Америк». Но какие песни? Какие Америки? Добраться бы скорей до арктической суши да прыгнуть с носа буксира прямо в объятья «ненаглядной плясуньи моей».

- Галка! Ты? - в прыжке я и явился перед ней.

- Я!

И предстал я на береговом гравии, чисто дядька Черномор, вышедший из моря. Не совсем, конечно, Черномор. Но и такой, без меча и шлема, сгожусь. Да и сопровождение... Что за чудный подарок

для ее заполярных подруг! Пусть и не тридцать три богатыря, но каждый - десяти стоит. Это - маэстро Ливик Генделист, штурман Стасик Карасик, боцман Андрей Распашкин, матрос Костя Бровиков. Посмотри на них, Галка, оцени. Но не обращай внимания на изумление в их глазах, которого хватит на всех тридцать трех молодцев из царства Нептуна. В изумлении сокрыта, пойми и проникнись, зависть непритворная - зависть в мой адрес: «Это надо же, не успел пришвартоваться, а уже обеспечил себе якорную стоянку на всю ночь».

- Галка! - я обнял девушку, чмокнул в щеку. - Как ты тут оказалась?

- Приехала.

- Понимаю, что приехала. Но почему мне не сказала?

- А как тебе скажешь, когда ты уже отчалил? - девушка схватила меня за пуговицу пальто, чтобы, полагаю, не отчаливал я больше в чужие края. - Да и некогда было, точняк! Телеграмму получила, что сестра родила, и махнула.

- Семимесячный?

- Семимесячный.

- Преждевременный?

- Преждевременный!

- Негаданный.

- Гаданный и законный.

- Как назвали?

- Помнишь, я обещала: родится мальчик, назовем твоим именем.

- Так и назвали?

- Так и назвали. Сашей.

- Как?

У меня, говоря языком романистов, потемнело в глазах, а в сознании, наоборот, прояснилось: надежды, что юношей питают в отношении сексуальной разрядки, оказались полным блефом. Ни застеленной постели, ни взбитой подушки, да и Галка моя на поверку выявилось вовсе не моей - сашиной, здрасте!

- Саша, - обратилась ко мне Галка, держа меня за пуговицу пальто, чтобы, должно быть, не сбежал. - Я сестре обещала...

- Что?

- Познакомить с тобой. Должна же она знать, в честь кого сыночка нарекли.

- А папа у сыночка есть?

- Папа в плавании. Поэтому я и ухнула сюда. Прямиком из Питера.

- Из Питера? - замялся я.

- Точняк, а что ты? Можно подумать, с Марса свалился...

- Я из Риги, Галка!

Мое разочарование передалось и спутникам моим, цоканье языком прекратилось, зависть в глазах потухла. И послышалось со стороны.

- Ты уже скоро, герой-любовник? - это Ливик Генделист подает ехидные позывные.

- Не забывай, тут с началом навигации всю водку прячут под замок, - это боцман Андрей Распашкин.

А это кто ему в ответ? Ах, да! Галка это, Галка. Та, что сашина - не моя.

- Не беспокойтесь за водку, до завтра не запрячут!

Мой поцелуй все еще щекотал ее щечку. И под влиянием его, либо по иной причине, она не отпускала пуговицу моего пальто, машинально крутила ее туда-сюда, вот-вот оторвет. И что бы вы думали? Оторвала.

- Ой! - сказала испуганно. - Пришить надо! А то так неудобно ходить по улицам, правда? - и просительно посмотрела на меня.

- Правда, - ответил я, не постигая, как совладать с женской хитростью.

Но моим спутникам было плевать на женскую хитрость. Им своя дороже. А своя - это поспей в продмаг до закрытия, обломи в ближайшей столовке алюминиевую «бескозырку» на полулитре «Московской», выплесни из стакана кисель и налей «под козырек» сороковочки. Почему в стакан из-под киселя? Потому, что затенена водочка будет свекольным оттенком, и никто не приметит под ним истинного цвета напитка.

- Навигация! - торопят меня моряки.

- Не переживайте сверх головы! - вразумляла их Галка. - Навигация - точняк! - начинается только завтра. Так по всем документам записано. По этому случаю и праздник даем.

- Праздник?

- А как же! С украшением. На украшение - боксерский матч: Амдерма против танкера «Юрмала».

- Мы с «Юрмалы», - сказал я.

- Вас и встречаю!

- Тогда разрешите представиться. Капитан сборной «Юрмалы» и ваш несостоявшийся Саша - в одной упаковке. А вы, извините, кто, если не секрет.

- Я Галка Привалова. Тут, - показала под ноги, - сестру заменяю. Пока она в декрете, я вместо нее - в спорткомитете «Водник». Точняк! Мне вас встречать и устраивать.

- Оки-доки, но сначала в магазин! - протиснулся к девушке Ливик Генделист. - Потом в забегаловку: выпить-закусить.

- А потренироваться?

- Мы тренированы, - не растерялся Ливик, показал кулак. - Ну, красавица, веди... Навигация у них, вишь, завтра начинается. А раскупать уже сегодня приступят.

- Не успеем, - согласились мои спутники.- Увольнительная до вечера. А нам еще отрезветь предстоит.

- Но как же пуговица? Ее ведь пришить надо. - девушка сделала вид, что растерялась, но пуговицу, будто невзначай, положила в карман своей куртки.

Теперь - и это разом поняли все - я был к ней пришит. Понятно, не к Галке, а к пуговице. Но пуговица была все же в ее кармане.

21

- Рельсы упрямо режут тайгу, - исполнял под гитару какую-то комсомольскую песню Ливик Генделист. А я, дурачась, подпевал:

- Папочка маму жарит в снегу.

Мы сидели на диване, у подготовленного к пиршеству стола: граненые стаканчики, фаянсовые тарелочки, скатерка накрахмаленная, искусственные цветы в глиняном кувшинчике. А напротив Галка, пришивающая пуговицу к моему пальто, и сестра ее Ира, мама новорожденного Сашеньки, чей папа в дальнем плавании. Обе девчушки - первой амдермской свежести. Наряжены, как на парад. Шелковые блузки разной расцветки, но одинакового фасона. Узкие юбки офицерского сукна: широкий пояс на высокой талии и шеренга лобастых пуговиц от бедра до щиколотки ноги. Такие юбки звались у нас: «мужчинам некогда».

Левую руку с грифом гитары Ливик держал для устойчивости на подлокотнике, перебирал струны, прикидывая: петь или не петь, а если петь, тогда - что? На потребу дня или для настроения? Выбрал - настроение. Но перед тем как подражать Высоцкому, предупредил публику: «Музыка и исполнение - мое, домашнего приготовления, а слова песни не мои. Правда, их автор далеко от песни не отходит, сидит рядом - ревнивый, стервец, но прошу любить и жаловать». И запел:

Выходят замуж девочки.
Мы рады и не рады.
Как змейки вились ленточки
В косичках их когда-то.

Он толкнул меня локтем и, выстраивая мелодию второго куплета, попросил подключиться. Я и подключился, автор все же!

Как змейки вились ленточки,
Огнем горя лиловым.
Выходят замуж девочки.
Как странно это, ново.
А так недавно просто мы
Играли в прятки с ними.
На фоне белой простыни
Нас всех фотограф снимет.

К песне подключился и Стасик Карасик, знакомый с ней еще с начала января 1966 года, когда это стихотворение напечатали в латвийской «Молодежке», и оно сразу превратилось в своеобразную фишку неженатой части мужского населения Риги.

Получим фотокарточки
От девочек в наследство.
И - до свиданья, мальчики!
И - до свиданья, детство!
Выходят замуж девочки.
Как странно это, ново.
А мы храним их ленточки -
Огонь тех лет лиловый.

- Все! - сказал Ливик Генделист. И подделываясь под Крючкова из фильма «Небесный тихоход», продолжил, чуть переврав фразу. - Встали, подняли сумки, поклонились и разгрузились.

Мы и поднялись с дивана. И давай «разгружать» добро, купленное в продмаге: водку, консервы, колбасу. На кухню, в помощники Галке, пришившей уже пуговицу, выделили судового кудесника-

деликатесника Ливика Генделиста, чтобы он закатал пир на весь мир. А пока что налили по маленькой и отметились за столом «по-походному»: крякнули и в очередь поковыряли вилкой «завтрак туриста» из жестяной банки, стоящей на тарелке, чтобы не запачкать скатерку. Обещались еще гости, тоже из первых красавиц Амдермы, которых, не глядя, мы якобы «пригласили в кино на дневной сеанс». И мы, выпив еще по одной для согрева, настраивались на встречу. Мне почему-то вспомнилось папино, родом из Одессы тридцатых годов, изречение: «Пойдем в кино, там будет темно, купим пирожное, купим мороженое, и будем делать все, что только возможно».

Обо всем, что только возможно, мы и не помышляли бы за накрытым столом в довольно просторной - на три комнаты - квартире. Однако уже первый проход по заполярному городу, где бегают, как сообщает местная пресса, белые медведи, дал нам некоторые представления о его, доступном пониманию, моральном облике. Первое, что бросилось в глаза, когда с покрытого гравием и бетоном побережья мы поднялись к главной улице, должно быть, нареченной проспектом Ленина, это - недостроенное четырехэтажное здание серого цвета, типа «хрущевка». Пустые глазницы окон, широкая трещина, спускающаяся зигзагообразной молнией с самого верха к фундаменту. Поперек трещины, в обхват дома, красной лентой подрагивал на ветру выгоревший транспарант: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Над транспарантом возвышался Владимир Ильич с протянутой в будущее рукой. С крыши броневика, намалеванного под ним на двухметровом листе фанеры, он возвещал: «Правильным путем идете, товарищи!»

Мы шли правильным путем. Прямиком по Амдерме. И не смотрели себе под ноги. А когда посмотрели, то тут же, прыская, начали переглядываться. Притом с таким расчетом, чтобы избежать, пожалуй, от смущения, глаз нашей спутницы - Галки из спорткомитета «Водник». Под ногами, справа и слева, на расстоянии метров двух от домов - дальше не закинуть! - валялись использованные презервативы, «гандоны», если по рабоче-крестьянски: четыре копейки за пару. Чем тут по ночам занимаются строители коммунизма, было ясно. «Про это» из одноименного романа Уэллса мы подумали в унисон. Мысль наша телепатически передалась от одного к другому, вызвала ехидный смешок и игривое перемигивание. А в теле у каждого из нас возник прилив здорового оптимизма, порождающий волну сексуальных сил.

Всем известно: самая мощная в мире энергия - это сексуальная. Если соединить ее воедино, то советские люди и без ракетоносителей запузырили бы в космос Стрелку и Белку еще за десять лет до их исторического полета. При ограничении сексуальных свобод, при элементарной невозможности отдаваться любви от души, этой энергии накопилось у советского человека, собирающегося жить в коммунальных квартирах еще и при коммунизме, на сто с лишним запусков космических кораблей. И используй ее по назначению, то, вне всякого сомнения, мы опередили бы американцев с высадкой на Луне. Но стратеги завоевания околоземного пространства не думали об «ядреных ракетоносителях», заключенных в недрах своего народа, и поэтому мы имеем, что имеем. Хотелось, как лучше, а получилось, как всегда. На Луне американцы, а мы - там, откуда и вышли на свет Божий.

Се-ла-ви, как говорят французы, когда думают о том же, что и мы, «закупаясь» в магазине с желанием отметить начало навигации, открытие которой совершили не чужие дяди, а именно мы, юрмалчане, прибывшие первыми в освобожденный от матерого льда амдермский порт. Ур-ра, товарищи! Между тем предприимчивый Костя Бровиков наладился к Ирочке, кормящей матери с большой грудью. И прикинувшись большим любителем маленьких детей, удалился поглазеть на новорожденного младенца в спальню. Из кухни потекли дурманные запахи, явно не от бычков в машинном масле.

- Жареная колбаска! - кинул предположение Стасик Карасик.

- С яйцами, - подметил боцман Распашкин. - Омлет мне, омлет! Полцарства за омлет!

- Погоди! А это что? Лучок в кислом соусе: томатная приправа, уксус, соль, перец, - штурман безошибочно ориентировался в кулинарном лабиринте.

- Закус - первый сорт! - согласился Андрей Распашкин, машинально протянул руку к бутылке, налил по стопарику.

Боевитость его передалась и мне. С нетерпением я крикнул в запертую на кухню дверь - кудеснику-деликатеснику Ливику Генделисту:

- Долго у тебя?

- Сей момент, господа гусары.

- Мы ждем!

- Оки-доки! Вам - как? На блюдечке, с голубой каемочкой?

- Хватит хохмить! Народ кушать хочет!

- Раз-цвай-драй! А сенсацию народ не хочет?

- Какую еще сенсацию?

- Журналистскую! Информ-бля-шка на первую полосу!

Магнитную приманку изобрел Ливик! Вот мелкий бес! Инстинктивно я поднялся с дивана, шагнул на кухню и отворил дверь, полагая увидеть судового кока фарширующим голову белого медведя - из тех, кто повадился пугать амдермскую детвору, что явствовало из прочитанной давеча в курилке

заметки. Но ничего подобного. Ливик мелко крошил чеснок, помогая Галке заправлять борщ. Я посмотрел на него вопросительно. Он посмотрел на меня заговорщицки и, подмигнув, указал ножом на дверь, ведущую в смежную комнату - в ванную, как выяснилось через минуту.

- Деда, - предупредил кого-то за дверью. - К вам журналист. «Латвийский моряк». Пропишет-прославит на весь Союз, - а мне полушопотом: - Дод Лавандов! Народный умелец, из ненцев. Резчик по кости и дереву.

- А что он тут делает? На квартире у девочек?

- Оки-доки, режет, - невозмутимо пояснил Ливик Генделист, скрывая усмешку в глазах. - А что режет? Материал на первую полосу режет. Ленинского фасона, как раз на юбилей - к столетию, так сказать.

Видя мое недоумение, Галка поспешила с разъяснениями.

- Деда - папа папиного Сашки, голопуза нашего...

- Понятно.

Еще не совсем врубившись в ситуацию, я вошел в незапертую комнатушку и обнаружил старца костлявого, вида азиатского, росточка невеликого. Он сидел лицом ко мне на табуретке, у прогретой печурки с колонкой, подающей воду. Сбоку от него, на черной, чугунного литья, ванне лежал лист трехслойной фанеры, а на нем полутораметровые палки. Они походили на толстые бамбуковые удилища, укороченные для спиннинга, сантиметров по пять в поперечнике. Блокнотные листки с какими-то четко, чуть ли не каллиграфически выведенными писаниями были прикреплены прищепками на бельевых веревках.

- Дадзы-бао? - спросил я, наблюдая, как старичок-ненец, склоняясь над палкой бежевого отлива с продольными прожилками, старательно вырезал на ней профиль Ленина.

- Чо? - поднял он голову.

- Цитаты из Мао?

- Не то говоришь, человек. Маяковский!

- Маяковский? - удивился я.

- Читай, коли грамотный! - резчик по кости и дереву протянул мне недооформленное удилище, без катушки и лески, и я прочел выгравированное на ней: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше».

- Это вы, что ли, чистите себя под Лениным?

- Почему я? Он.

- А кто он?

- То, что держишь в руках.

- А что это?

- Хер! Хер моржовый!

- Что?

- А чо? Самое ценное в наших краях.

- А моржовая кость?

- И моржовая кость ценная. Но моржовый хер ценнее. У моряков за полста идет. А на столетний юбилей - с Лениным и Маяковским - еще ценнее будет. На четвертак, пожалуй, прибавят, - и процитировал по бумажке, выдернутой из прищепки, что на бельевой веревке над головой: «Партия и Ленин - близнецы братья. Кто более матери-истории ценен? Мы говорим - Ленин, подразумеваем - партия, мы говорим - партия, подразумеваем - Ленин».

Я выслушал чтеца и глухо промолвил:

- У меня и ради Маяковского полста не наберется. Червонец сгодится? Тоже денюшка ходовая, и тоже с профилем Владимира Ильича.

Продавец революционных сувениров не упрямился. По всему чувствовалось: в отношении своих барышей он сильно загибал, хотя не мне, прибалту, судить об истинной стоимости моржового хера. Кстати, слово это старик-ненец произносил без всякой неловкости, не то, что я - «образованец» середины двадцатого века. Ведомо было ему или неведомо, но само по себе слово «хер» отнюдь не несет никакого паскудного смысла с эротическим привкусом. По сути, оно и не слово вовсе, а, согласно объяснениям наших университетских преподавателей, обычная буква древнерусского алфавита и рисуется в дореформенных букварях подобием креста. В подобии же креста, как и в десятке с изображением Ленина, ничего вульгарного нет. Так что старик торговаться не стал.

- Ладно, договорились. Червонец - в оплату за надпись. А хер моржовый тебе - за так, подарок на день столетия Ленина.

- У меня бабушка Сойба и дедушка Фройка тоже родились в 1870-м, у них тоже в эти дни столетие, да никто об этом не помнит. И в газетах не пишут.

- Во-во! Бери хер бесплатно, чтобы не было обидно! Подарок будет тебе и на их столетие. Так и напиши в газете: народный умелец Дод Лавандов подарил мне моржовый хер на общее столетие правильных людей, берущих начало от Авраама.

- Не Адама? - переспросил я, вспоминая, что некогда, еще сидя в Риге, посчитал ненцев за потерянное израйлево колено.

- Авраама! Авраама! - укоризненно заметил мне Дод Лавандов. - Как в Библии сказано, так тому и быть: Авраам породил Исаака, Исаак породил Яакова. А потом народились и мы, грешные.

- Не считаете ли вы, что у вас еврейские корни? - задал я журналистский вопрос, который на территории Советского Союза впервые проклюнулся во мне.

Старичок пожал плечами.

- Корни у нас у всех одни, от Авраама. А по роду мы ненцы.

- Но ведь у вас и имя на еврейский лад.

- Чего?

- Лад, говорю, древнееврейский.

- Лад - древний, согласен. Но не еврейский. Ненецкий у нас лад, от дедушки, от бабушки.

- Тогда имейте в виду, «дод» - слово древнееврейское. В переводе с иврита: «дядя».

- Откуда знаешь?

- Из университета, - правдоподобно солгал я..

- Это там, где мертвые языки изучают?

- Точно.

- Ну, и как я гляжусь на мертвом языке? Правильно?

- Очень даже правильно. Фамилия ваша на этом мертвом языке вообще такая, будто язык и не мертвый.

- Лавандов я! Какая фамилия?

- А такая! Фамилия ваша на университетском языке - Белый медведь. Получается, вы в полном переводе с еврейского - Дядя Белый медведь.

- Даешь стране угля!

- «Лаван» - это по-русски - «белый», - поспешно растолковывал я, - а «дов» - «медведь».

Дод Лавандов посмотрел на меня с недоумением.

- Белый медведь - да! Водится у нас. Но я не белый медведь. И не его дядя. Это у эскимосов прозвища по зверям. А у нас все по паспорту. Я Лавандов. От собственного папы, от собственного деда. Лавандов, и все тут! А он, дед мой, сторожем был при аптеке. Лавандой-одеколоном пропах на работе, вот и фамилию получил по запаху. Ну, так берешь моржовый хер?

- Беру.

- Тогда гони кормилицу, с самым человечным на красненькой.

Я вытащил из портмане ассигнацию.

- Вот.

Дов Лавандов принял десятку, положил на ладонь, другой разгладил и любовно сказал:

- Охота на него посмотреть. Самый человечный человек, когда на червонце. На моржовом хере так не получается. Но все равно он у меня и на моржовом хере живее всех живых.

- По Маяковскому?

- По Маяковскому! - серьезно ответил народный умелец. - А как же иначе? Хер моржовый - это тебе не на день-два... Шалишь, товарищ! Это инструмент - на вечность. Он и в двадцать первом веке будет тебе служить, как живой. А бумажка? Бумажка не ему чета. Сотрется, потеряется...

- Да и пропить ее можно невзначай.

- Это уж непременно. А в магазин сбегаешь?

- Зачем бегать? У нас уже все припасено и на стол выставлено.

- Чего же мы здесь сидим? Разговоры лучше вести за столом. Бутылка - не хер моржовый, попусту вечность стоять не будет. Выпьют...

XXI век. Ассоциация девятая:

КТО ЕСТЬ КТО В НАШЕЙ ИСТОРИИ

Словно в магический кристалл глядел народный умелец... Моржовый хер я вывез в Израиль, поместил на ковре в спальне. И теперь он - вперекрест с охотничьим ружьем - всегда перед глазами. Этакое вечное - прав был, прав старик-ненец! - напоминание о том, как проходит мирская слава. Впрочем, в Израиле я не единственный обладатель экзотического сувенира. Имеется подобное украшение и у Игоря Губермана, популярного в размер обоих земных полушарий автора «Гариков» и страстного коллекционера живописи, обладателя и моих графических работ.

Помнится, когда распивал я с ним на пару бутылочку чистой, как слеза, он вздумал задать мне визуальную загадку: вынес из кладовки отвердевший моржовый хер и спрашивает: «Угадаешь, что это, с меня пол-литра». Нечего и говорить, вторую «полшу» выставлял Игорь. Было это недавно, было это давно - в январе 1988 года, сразу же после того, как Игорь вместе с Сашей Окунем, уже

тогда широко известным живописцем и радиожурналистом, побывал на открытии моей выставки в Доме художников Иерусалима и пригласил к себе - «обмыть это дело». Мы и обмыли. И раз. На его квартире. В компании с Сашей Окунем. И два на моей квартире. В компании с Сашей Окунем. И неоднократно в буфете, у себя на радио «Голос Израиля» - «РЭКА», где много лет проработали бок о бок - я, Игорь Губерман и Саша Окунь. За обмыванием не заметили, как пролетело два десятилетия.

...Вот мы и вступили в новый, 2008 год. В сумме его нумерология дает заветную десятку: два плюс восемь. А десятка, как мы помним из начальной школы, делится на две пятерки. Вот я и желаю вам, господа читатели, каждое из двух полугодий прожить на пятерку, как это удавалось некоторым из героев последнего тысячелетия. Кому? Не буду скрытничать: тем, кто вошел в список самых великих людей последней тысячи лет и ощутимо повлиял на развитие нашей цивилизации. Этот список был озвучен в королевской обсерватории в Гринвиче - Англия. И, несомненно, представляет для нас особый интерес. Ведь с его помощью мы можем совершенно объективно, глазами всемирно-известных ученых-специалистов, определить: кто есть кто в истории, от тысяча первого года нашей эры до конца двадцатого века. Итак? Начнем?

Начнем! Но предупреждаю, я не стану перечислять подряд все имена, чтобы вас не утомлять, а ограничусь лишь теми, которые чаще всего были у нас на слуху. И первым назову того, кто, по версии Пушкина, в Европу прорубил окно. Это, разумеется, Петр Первый. Но в списке, как вы уже догадались, он занимает далеко не первое место. К лидирующей группе путь нам предстоит долгий. Почему? Да потому, что находимся мы пока что в хвосте очереди, на месте №83. Вот под этим восемьдесят третьим номером и входит царь Петр в список великих людей последнего тысячелетия. Пойдем дальше.

79. Иосиф Виссарионович Сталин. Удивительно, но Гитлер в этом реестре занял более высокое место - 16. Трудно судить - по какой уважительной причине? Может быть, потому, что своих соратников он, в отличие от Сталина, не стремился уничтожать в огромных количествах.

62. Уолт Дисней. Автор «Белоснежки» и многих других мультфильмов. С детства Уолт мечтал стать карикатуристом. В 1923 году он открыл студию рисованных фильмов, где и был рожден знаменитый мышонок Микки Маус, который, выйдя на экран, принес своему создателю всемирную славу и большие деньги.

60. Франклин Рузвельт, единственный американский президент, который избирался три раза.

58. Жанна де Арк. Легендарная Жанна, память о которой будет жить столько же лет, сколько просуществует Франция.

57. Элвис Пресли, король рок энд рола. Продюсеры нашли его и возвели на престол, когда парень записывал в ничем не примечательной студии песню, сочиненную на день рождения мамы. Так в Америке, где очень любят феномен Золушки, рождаются земные звезды.

55. Магеллан - первопроходец, открыватель новых путей. Он совершил кругосветное путешествие и нашел морской проход в Тихий океан.

На 54 месте другой, не менее знаменитый путешественник. Венецианский купец Марко Поло, в 1271 году «открывший» для европейцев Китай.

49. Михаил Горбачев, первый и последний президент Советского Союза.

42. Просто Мендель. Человек, чье имя мало кому, в особенности в СССР, было известно. А ведь скромный монах Мендель сделал величайшее открытие, благодаря которому возникла генетика.

41. Билл Гейтс - ныне один из самых богатых людей на Земле. В реестре великих значится потому, что является разработчиком компьютерных программ, завоевавших всю нашу планету.

40-е место занимают братья Райт, изобретатели самолета. Первый их летательный аппарат поднялся в воздух 17 декабря 1903 года и по сути дела открыл дорогу двадцатому веку в космос.

Всего на пять пунктов опередил братьев Райт Владимир Ильич Ленин. Так проходит мирская слава. Казалось бы, ни о ком в мире не слагали в таком количестве стихов и песен, как о нем, доказывая, чем он «матери-истории ценен». А в результате всего 35 место.

30. Людвиг Ван Бетховен. В детстве деспотичный отец хотел сделать из него второго Моцарта. Но упрямый ребенок не внял папиным «палочным» рекомендациям и пошел своим путем. И получился из него не второй Моцарт, а первый на весь подлунный свет Бетховен. Кстати о птичках: его «Аппассионату», если верить идеологам от советской музыки, любил Ленин. В галерее политической иконографии существовала даже картина «Ленин слушает «Аппассионату» Бетховена». Но от музыки и революционных идей перейдем на минуточку к понятиям капиталистического рынка.

29. Генри Форд. В первой половине двадцатого века создал самую крупную автомобильную империю. По сей день машины с маркой «Форд» высоко котируются у профессионалов и любителей прокатиться с ветерком и комфортом. А теперь с шоссейных трасс вновь вернемся в чарующий мир музыки.

28. Иоганн Себастьян Бах. Для современников он был всего лишь обычным органистом - исполнителем и сочинителем. Лишь спустя два века его имя вошло в анналы истории, а его божественного

звучания фуги получили мировое признание.

27. Еще один беспощадный покоритель Европы. Наполеон. К власти он пришел в год рождения другого гения Александра Сергеевича Пушкина - в 1799 году. И властвовал много лет, усеяв поля Европы сотнями тысяч трупов. Воистину, как он сказал, от великого до смешного один шаг. Каким бы ни был талантливым полководец, но нельзя забывать: всходы его величия орошаются живой человеческой кровью, а урожай измеряется тысячами жизней.

Что ж, забудем о войнах, вспомним другое, более приятное: когда молчат пушки - говорят музы. Впереди Наполеона, на 26 месте, гений на все времена - Моцарт. «Все было в его голове изначально, когда он сочинял музыку, - писали современники. - И казалось, он не сочиняет, а как бы переписывает партитуру. Можно было бы сказать - списывает. Но у кого? Не у Бога ли самого?»

23. Американский президент Авраам Линкольн. Он возглавил Соединенные штаты в период гражданской войны, будучи до того адвокатом. Небезынтересно, что на адвоката он выучился экстерном. В историю Авраам Линкольн вошел во многом благодаря своей знаменитой декларации. Как мы помним из университетских учебников, эта декларация отменила рабство. Но она не способна была изменить человеческую сущность. И Авраам Линкольн был предательски убит заговорщиком, как впоследствии другой, не менее знаменитый президент Соединенных Штатов Америки Джон Кеннеди. Эти два убийства имеют мистическую окраску. И массу непонятных совпадений.

Авраам Линкольн был избран в Конгресс в 1846 году. Джон Кеннеди - в 1946. Авраам Линкольн стал президентом в 1860 году. Джон Кеннеди - в 1960. Обоих убили выстрелом в голову. Мало мистики? Что ж, продолжим. Фамилия секретаря Линкольна - Кеннеди. Фамилия секретаря Кеннеди - Линкольн. Преемниками обоих на посту президента были выходцы с юга, оба носили фамилию Джонсон. Причем, Джонсон, преемник Линкольна, появился на свет в 1808 году. А Джонсон, преемник Кеннеди, - в 1908. За неделю до гибели Авраам Линкольн посетил город Монро. За неделю до гибели Джон Кеннеди был в гостях у Мерелин Монро. Полное совпадение по году рождения и у убийц этих выдающихся американских лидеров. Джон Вилкс Бут, убивший Линкольна, родился в 1839 году. Ли Харви Освальд, убивший Кеннеди, - в 1939. Обоих преступников - Бута и Освальда - прикончили до начала судебного процесса.

Покушение на жизнь Авраама Линкольна - президента-реформатора - было совершено в театре. Так что, волей-неволей, подражая Шекспиру, можно воскликнуть: «Весь мир театр, и люди в нем актеры!» К этому восклицанию остается добавить рассудочное: жизненные спектакли идут без репетиций, а кто их ставит - один Бог знает. Но забудем о мистике и снова вернемся к неуемным завоевателям и поработителям нашего мира. С ними все ясно.

Под номером 22 в нашем реестре мы обнаруживаем неуловимого Чингис Хана, возводившего в бескрайней степи многометровые курганы из черепов. Что о нем известно, кроме прописных истин? Мало кто знает, что злодеи-враги отравили его отца. Мало кто знает, что он поклялся отомстить злодеям. Но хорошо известно - на тысячу лет вперед, что он не только отомстил злодеям-врагам, но попутно и всем прочим жителям нашей Земли-матушки. Правда, опять-таки мало кто знает - за что. Чингиз Хан покорил почти половину всех известных в пору его владычества земель и создал первую на нашей планете настоящую империю. Пошли дальше...

21. Джордж Вашингтон, первый президент США. Американцы не боготворят своих политических лидеров, хотя и относятся к ним с почитанием и уважением. Поэтому о каждом, помимо его заслуг, имеется у них и немало анекдотов. До наших дней дошла любопытная деталь облика Джорджа Вашингтона. Как утверждали очевидцы, у него были вставные зубы, похожие на клыки бегемота, и поэтому он практически никогда не улыбался. Таким мы и видим его на долларовой ассигнации - не улыбчивым. Оно и понятно: «Время - деньги, а деньги - штука серьезная».

19-м значится в списке Микеланджело, величайший скульптор и художник Возрождения, который уже в довольно преклонном возрасте расписал Сикстинскую капеллу. Великолепную Пьету он «извлек» из мрамора в 25 лет, псалмопевца Давида, победившего Голиафа, - в 29. Скульптура Давида стала символом Флоренции.

17. Махатма Ганди, великий вождь Индии. Он привел свою страну к независимости без единого выстрела, без кровавых бунтов и революций.

16. По иронии судьбы рядом со светлым обликом Ганди, опередив его на одну ступеньку, соседствует Адольф Гитлер - один из самых кровавых злодеев за всю историю человечества.

14. Томас Эдисон. Этот невероятно одаренный в области технических новаций человек проучился в школе всего три месяца. И вот, имея, казалось бы, очень ограниченный набор знаний, он запатентовал 1093 изобретения. Уму непостижимо - просто рекорд для книги Гиннеса! Среди его изобретений - электрическая лампочка, кинескоп и многое другое. Когда он умер, а случилось это в 1931 году, то в память об изобретателе по всей Америке всю ночь мигали фонари.

12-м в списке стоит Зигмунд Фрейд - человек, который в корне изменил человеческие представления о самих себе, раскрыл наши тайные страхи, забрался в глубины подсознания.

11. Наконец-то! Леонардо да Винчи - гений всех времен и народов. Художник, изобретатель, уче-

ный. Его полотна «Мона Лиза», «Тайная Вечеря» навсегда останутся непревзойденными шедеврами. Но и достижения его научной мысли не знают равных. Он проводил анатомические исследования, изобрел танк, вертолет, строил фортификационные сооружения. По сути дела, Леонардо опередил свой век чуть ли не на пятьсот лет. И с этим практически согласны все.

10. Галилео Галилей. Благодаря этому ученому появилась современная астрономия. Он развенчал миф о том, что Земля является центром мироздания.

9. Николай Коперник. Он жил за сто лет до Галилея. Определил, что Земля вертится вокруг Солнца и вокруг своей оси, полный поворот совершает за 24 часа. Свое революционное открытие скрывал 30 лет, боясь церковного наказания.

8. Альберт Эйнштейн. С детства страдал косноязычием. Начал свободно говорить лишь в девять лет. А когда заговорил, то его тотчас услышал весь мир. Уже в 26 лет, после того как он создал теорию относительности, к каждому его слову прислушивались от Берлина до самых до окраин, с южных гор до северных морей. В 1933 году нобелевский лауреат, опасаясь преследований нацистов из-за того, что он еврей, эмигрировал в США. В 1952 году ему предложили стать президентом Израиля. Но Альберт Эйнштейн предпочел оставаться до конца жизни не политиком, а ученым.

7. Этот человек, хоть и являлся ученым-экономистом, предпочитал, по всей видимости, быть политиком. Карл Маркс. О нем, как мы помним, в Советском Союзе говорили так: «Учение Карла Маркса всесильно, потому что оно верно». Верно или неверно - это мы проверяли на себе, и каждый из подопытных кроликов, полагаю, остался при своем мнении.

6. Первооткрыватель Америки Христофор Колумб. Жизнь его - это увлекательная история для авантюрного романа. Он решил, что можно попасть на восток, плывя на запад. И стал первым европейцем, вступившим на землю Южной Америки и побывавшим на Карибских островах.

5. Вильям Шекспир. Театралы его называют - «величайшим из писателей всех времен». Им написано 154 сонета и 35 пьес. И все - классика.

4. Чарльз Дарвин. Любил наблюдать за миром животных. И на основе этих наблюдений создал свою теорию о видах. Впрочем, у каждого человека есть право выбора, он может идти за размышлениями Чарльза Дарвина и считать, что произошел от обезьяны. А может и не идти. Произошли мы от обезьяны или не произошли - это, как говорится, Бог его знает.

3. Священник Мартин Лютер. «Нет, веру нельзя получить от других!» - утверждал этот неистовый человек. Он перевел Библию с латыни на немецкий. Был объявлен еретиком, отлучен от церкви. Его религиозные реформы привели к 30-летней войне.

2. Вице-чемпионом тысячелетия стал Исаак Ньютон, открывший, как поговаривают, закон всемирного тяготения из-за того, что ему упало на голову яблока с дерева. Он учился в Кембридже, занимался гравитацией, оптикой, математикой, физикой.

1. Чемпионом на все времена признан Иоганн Гуттенберг, изобретатель книгопечатанья. Он создал печатный станок, который, можно сказать, и породил информационную революцию, продолжающуюся в мире и поныне. Настоящая фамилия Иоганна Генсфляйш. На свет появился в Майнце, между 1394 и 1399 годами. После 1420 года его семья, как указывает советская энциклопедия, изгоняется по каким-то неустановленным причинам из родного города Майнца и обосновывается в Страсбурге, где талантливый ремесленник-самоучка переименовывает себя в Гуттенберга, взяв, как поговаривают, фамилию матери.

Я не поленился. И посмотрел по несоветскому историческому справочнику: а что происходило в Майнце, этом епископском городе, в 1420 году? Оказывается - именно в этом году в Майнце прошло первое изгнание евреев, проведенное по приказу архиепископа. Второе изгнание евреев из Майнца датировано 1438-м годом, третье проведено в 1462-м, четвертое - в 1471-м. Ну, что тут скажешь? Факты - штука упрямая. Только это и скажешь. А все остальное - не моего ума дело. Пусть специалисты разбираются...

22

Передо мной давний, потертый блокнот, с выцветшими от времени записями - комментариями к боям, проведенным в Амдерме. Листаешь его, и в памяти оживает все, до последней мелочи.

Мы были трезвыми. Это могло считаться единственным достоинством нашей сборной... Правда, стоит добавить: у нашей сборной имелось про запас еще одно выигрышное качество - она располагала собственным корреспондентом, способным расписать театральное действо на ринге в удобоваримом виде.

Комар носа не подточит, а уж тем более не унюхает, чем разило тогда от команды «Юрмалы» с похмелья. Пришлось - по рецепту Ливика Генделиста - напихать в рот раскрошенного репчатого лука вперемешку с чесноком и жевать, жевать, будто мы - «западники» - подражаем американцам. Двигая безостановочно челюстями, мы вышли на парад-алле, пожали дружески протянутые нам руки, которые через четверть часа превратились в убойные кулаки, раздали вымпелы с кипенью бело-голубых волн под изображением латвийского герба, взамен получили вымпелы с лобастой физией

белого медведя на фоне ледяных торосов и разошлись по своим углам. Историческая схватка двух морских гигантов начиналась. Балтийское море пошло на приступ Карского.

- Искры из глаз, и в каждом кулаке по нокауту!

- Оки-доки!

С моим напутствием, застрявшим в ушах, Ливик ринулся в бой. Чего скрывать? Особых надежд я не испытывал, выпуская кудесника ложки-поварешки в атаку на «живой кусок мяса». С «мертвым мясом» он справлялся, и неплохо. Но с живым? Однако на первых секундах я был приятно удивлен. Ливик месил противника, таскал его, уходящего в глухую защиту, по углам. Долго такое надругательство над спортом добропорядочных джентльменов, разумеется, продолжаться не могло. Дыхалки у моего визави было накоплено в судовой курилке не больше чем на один раунд. И это выявилось уже на пятой минуте. А в перерыве между раундами выявилось и другое: чем Ливик загнал в глухую защиту своего клиента. Оказывается, этот мастер разговорного жанра, вручая ему перед матчем вымпел, успел шепнуть, что он-де чемпион прибалтийских стран, включая Швецию, Финляндию. Вот амдермский «мухач» и струхнул. А когда разобрался, Ливику пришлось пожалеть о неуемном хвастовстве. Счет 1:0 в пользу Амдермы.

Тяжело пришлось и Косте Бровикову. Второразрядник. Это как клеймо. Предположение, что местные исполины мысли задумаются над аббревиатурой его имени, отчества, фамилии не сработало. Опасение у потенциальных противников парень вызывал не намеком на принадлежность к КаГеБе, а внешним видом. Вот они и искали путь к победе над его физически развитым телом, внушающим страх мужчинам полусреднего веса, но отнюдь не женщинам, каких бы габаритов они ни были. И нашли, конечно, такой путь. Разумеется, он начинался и кончался женщиной.

Следует отметить, в женщинах, в отличие от мужчин-боксеров, Костя как раз и вызывал непреодолимую тягу к близости, и они готовы были сойтись с ним в клинче: и стоя, и лежа, и как угодно. Что и было доказано вчера на вечеринке, когда матрос удалился с мамой-кормилицей Ирой в спальню посмотреть на новорожденного младенца. Не думал Костя, не гадал, что спонтанная любовь сыграет с ним скверную шутку, и он израсходует себя преждевременно, до выхода в бой. Так и вышло. В спальню наш боксер вошел при наличии всех мужских сил и добродетелей, а на ринг поднялся уже как птица-подранок. И будь он хоть стервятником в кубе, но свой нокаут так и унес в раздевалку, где ждала его, чтобы снова утешить, Ира, невестка резчика по кости и дереву Дода Лавандова. Счет 2:0 в пользу Амдермы.

Положение критическое. Первому отыгрываться предстоит Эриху Эриксону, шведу русского происхождения. Для своих противников он очень неудобен - левша, причем обладающий специфической манерой поведения на ринге. К нему сложно приспособиться. Его надо уметь «передумать». Но если это не получается, тогда будешь пропускать неожиданные удары. Что и произошло с Олегом Лапиным, солдатом из местной воинской части. Один нокдаун в первом раунде, второй - во втором, и проигрыш «техническим нокаутом». Итак, результат 2:1. Но, к сожалению, не в нашу пользу.

На ринг поднимаются тяжеловесы. Третий помощник капитана Стас Карасик и сын Карского моря - смотритель маяка - Игорь Створ. С первой же секунды Игорь ринулся в атаку. Его мощные кулаки месили воздух, создавая непреодолимую преграду для соперника. На первый взгляд казалось, что штурман «Юрмалы» как-то сник, запертый в углу, и не способен найти ни одного достойного контрдовода, чтобы перехватить инициативу. Но тут с трибун, в знак поддержки, раздалось: «Ста-сик! Кара-сик». И мне вспомнилось, именно под этот зычный зов в Стасе пробуждается необоримая сила, и он, сокрушая все на своем пути, идет к победе. Так и получилось. Стас ринулся вперед и в считанные минуты «раздавил» своего соперника, не оставив ему ни одного шанса на выигрыш.

Счет 2:2. Боевая ничья? Нет, последнее слово еще не сказано. И произнести его предстоит мне. Являясь «играющим тренером» команды, я секундировал нашим боксерам и теперь, закончив со своими «заканатными» советами, шнурую перчатки и сам выхожу на серый квадрат. Судья-информатор заводит рекламную, привлекательную для болельщиков речь: «Финальная встреча нашего турнира, проводимого в честь столетия со дня рождения Ленина, пятидесятилетия возникновения бокса в Латвии и досрочного, приуроченного к взятию новых повышенных социалистических обязательств, открытия навигации. Сейчас раздастся удар гонга, и мы в ходе решающей схватки нашего турнира воочию увидим - чье море, Балтийское или Карское, позволительно будет отныне величать «студеной матерью бокса».

Смешная фраза комментатора о «студеной матери бокса» врезалась мне в память. Хотя бы уже по той причине, что приливной волной Карского моря, как мне представлялось, еще не вынесло на ринг ни одного заметного чемпиона. И мне подумалось: разве можно сравнивать боксерские достижения Амдермы и Риги? Первые поединки мастеров кожаной перчатки были проведены в Риге в августе 1920 года. Уже через год состоялось открытие первого чемпионата Латвии. Победителями стали Э.Гутманис, В.Хейнце, К.Томсон, Ж.Дзенис.

В довоенные годы боксеры Латвии вышли на международный уровень, участвовали в Олимпийских играх и первенстве Европы. Лучшим из них считался легковес Рихард Бертиньш, который, как

рассказывали, провел на ринге 60 боев и ни в одном из них не проиграл. Я его знал довольно хорошо, так как не раз и не два сражался с его воспитанниками из «Динамо». А вот перечень других известных боксеров Латвии тех времен: В.Клезбергс, Ф.Микуцкий, Ю.Дренгерс, Б.Долгицер, Я.Зультерс, К.Кясто, В.Матисон и прославленный легковес А.Книсис. В честь Арнольда Книсиса, чемпиона Прибалтики, погибшего при защите Москвы, в 1950 году был учрежден мемориальный международный турнир, на который в Ригу съезжались спортсмены со всего Союза и многих зарубежных стран.

С 1954 года латвийские мастера кожаной перчатки стали принимать участие в борьбе за звание чемпиона СССР. Некоторые из них поднялись на высшую ступеньку пьедестала почета, другие стали серебряными медалистами или бронзовыми призерами. Это Имант Энкузис, Янис Ланцер, Яйя Асанов, Владимир Трепша, Янис Рович, Виестур Тераудс, Владимир Бодня, Юрий Ваулин. Самого большого успеха добился Алоиз Туминьш. В 1961 году в Белграде он завоевал золотую медаль чемпиона Европы в первом полусреднем весе, а через два года в Москве занял второе место.

У меня таких титулов не было. Но я представлял Ригу. Это придавало уверенности и не позволяло проигрывать. Хотя, конечно, наши желания зачастую расходятся с реальностью. Боксерская же реальность такова: или ты бьешь, или бьют тебя. Механика известная. Но в ней потаенно скрывается маленькая пружинка, обнаруженная американскими теоретиками и практиками профессионального бокса в 1937 году во время матча-реванша: Джо Луис - Макс Шмерлинг, когда черный бомбардир в присутствии 70000 зрителей в самом начале первого раунда поверг «надежду третьего рейха» в тяжелый нокдаун, а затем и нокаутировал. Этот исторический бой, после которого Джо Луис правил на троне чемпиона мира еще 12 лет до 1949 года, длился всего две минуты и четыре секунды. В чем же его секрет? А в том, что на первых секундах, пока мышцы еще не эластичны, надо нанести противнику разящий удар, после которого, побывав в нокдауне, он не оправится в течение всей схватки. Учеными установлено, что пока боксер не разогреется до определенных кондиций в ходе поединка, он чрезвычайно болезненно воспринимает точные попадания в «убойные точки» и не способен быстро восстановиться.

Но мало обладать этими секретными сведениями, нужно ими и пользоваться качественно. А это я умел, и очень хорошо. Не зря ведь разработал свою личную тактику ведения боя, которая меня никогда не подводила. Как бы схватка ни складывалась, но первый удар был постоянно за мной. И этот удар достигал цели. Так и сейчас.

Гонг! Я делаю исходные четыре шага по диагонали серого брезента: левой, правой, левой... Шаг четвертый. Но не вперед, а в сторону, вбок от выкинутой «на разведку» левой руки противника. И справа кроссом, через эту его левую руку, точно по челюсти.

- Стоп! - кричит рефери на ринге. И открывает счет: «один, два, три...»

Я отхожу в нейтральный угол. Смотрю в плавающие зрачки сбитого мной на брезентовый пол мужика, слежу за размеренным движением судейской руки, отмеряющей секунды, и думаю: у меня с дыхалкой тоже дело дрянь, мне нельзя затягивать.

- Бокс!

Пропускаю над собой «вражью» перчатку и, пригнувшись, наворачиваю справа по солнечному сплетению, добавляю, на выходе, левым боковым по голове и завершаю серию коронкой своей - кроссом по челюсти - через руку противника.

- Стоп!

Нокаут... Я не дал сопернику даже разогреться, воспользовавшись практическими рекомендациями короля чемпионов Джо Луиса. Счет 3:2. В нашу пользу. Моряки «Юрмалы» отстояли честь Балтики.

Тогда, в 1970-м, простившись, в общем-то, с боксом за несколько лет до этого, я и не полагал, что в 1978 году, перед отъездом в Израиль, снова выйду на ринг. Сгоню 19 килограмм, с 70 до 51, и верну себе звание чемпиона Латвии. А потом стану и израильским чемпионом, готовящимся к поездке на Московскую Олимпиаду 1980 года. Но так вышло, что западные страны отказались от участия в той Олимпиаде, и я вновь, теперь уже на 18 лет, позабыл о боксе. Вспомнить о нем мне «удалось» в 1998 году, когда исполнилось 53. Опять я скинул вес, с 70 до 54 килограмм, и пошел в бой.

С тех пор и воюю... Теперь уже в качестве многократного чемпиона Иерусалима, где и отмечаю свое пятидесятилетие на ринге...

Виктор ЗАЙКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Ты, кто нашу ваяет судьбу
От цветенья ее до истленья,
На корыстную эту мольбу
Не клади своей длани забвенья.

В скучных промыслах жизни людской
Сделай так, как любилось, молилось:
Руки милой в исход восковой
Чтобы мне целовать не случилось.

Наташе

«Лешева дудка», «Юлиная стрекотня» -
коленца соловьиного пения

Туч таинственных зыбкие гребни
В косы вьются, то пенятся вдруг.
Выходи за развалы деревни,
Мой, не связанный клятвами, друг.

Слышишь, как по укроминам, чутко
Откликаясь на шорох ночной,
Соловьиная лешева дудка
Прозвенела янтарной слезой.

И рассыпалась ливистой дробью
По орешинам, дуплам и пням.
Как в тиши расплескалась любовью
Эх, юлиная - всласть! - стрекотня.

Слышишь? Близится в тонком зачине
Полевых колокольцев напев.
Скоро он в занебесье остынет,
Наши чувства смятеньем согрев.

Мир движенья бесчисленных судеб
Обнажит эта песня до дна.
Но с тобой и со мною что будет,
Умолчит, недоскажет она...

Охота

По извалам предзимних прилужий
С фонарями, прислугой, вином
Цепко стая охотников кружит -
Шум, пальба! - как в романе дрянном.

Я гляжу на галдящую лаву
И дивлюсь: кто же странный досуг
Тут устроил чертям на забаву,
Выбрав этот погибельный луг?

Здесь и воли-то - в три переклика.
Зверь бывалый сюда не зайдет.
А наезжим ловцам повилика
Ноги спутает, след заплетет.

И - что хуже - приветливым свистом
В хлябь болотную, «адову щель»
Заведет ведь низиною мглистой
Пастушок водяной - коростель.

* * *

Поезжай-ка ты, сам-друг, за Можай.
За Можаем, говорят, Русь - не та.
Да косою там в лугах поиграй,
Да узнай, что жизнь твоя - суета.

Болен духом? Надо спину ломать?
С мужичьем себя ронять в кабаках?
Нет, не примется крестьянская знать
Славу петь тебе в своих уголках.

Тот ли ты, кто обновленью равнин
Угождал заботой вешних деньков,
Ранней пашней шел не чуж-чуженин,
А хозяином на сорок сроков.

За Можаем, друг, все просто всерьез.
И слезам готов поверить Можай.
Коли жизнь горчит, ну как тут без слез -
Больно? Страшно? Ты кричи, но рожай!

* * *

...А над пожней, хранимой денницей,
Где покинуто мокнут стога,
Пташек малых печально станица
Мечется - настигают снега.

Медлить - гибельно! Путь за пределы
Отчих пастбищ трагично далек.
Но! Внизу кружит лес поределый
С гнездами - к волоску волосок,

А по мшаникам избура-красный
Еще ягоды виден узор...
Но! зовет неизвестный и ясный -
До киргизских кочевий простор.

О, знакомое сердца боренье!
В нем и жизни, и тления суть.
Дай им, крохотным, сил и везенья
До цветущих долин дотянуть.

* * *

Где-то в той стороне и моя сторона
Захудалой раскинулась вольницей.
У родной избы бузина больна
От удушья лугов за околицей.

А в самой избе - что увидишь ты?
Прах, роди`ны ли, свадьбу застанешь?
Чем печали избудешь сыновней вины,
Если сердцем в окошко заглянешь?

...А в углах там коробится скарб лубяной.
На божнице - небесные лица
Неизбывной и зоркой страшат немотой.
И клюка возле прялки пылится...

* * *

Пустит ветер по миру сад.
И обвеет меня, растревожит
Чьей-то юной души аромат,
Так с цветущею липою схожий.

И не он ли погонит искать
Утешенья в хоромах дремотных,
Где хула будет дегтем стенать
На резных полотенцах воротных.

* * *

Я помню: жизнь тому назад
В осенний час исповедальный
Грустила ты, что листопад -
Знак и печальный, и прощальный

Для чувств, которым мы с тобой
Отдались как-то обреченно.
Не в этой осени - другой
Они царят невоплощенно.

И как безжизненно горит
Их ускользающее пламя.
Весна, увы, не воскресит
Сирень, увядшую меж нами.

Любви - для равновесья сил -
И страсти, и забвенья мало...
Была права ты: я забыл,
Что кровь тогда мне бунтовало.

Кручина

Не того я полюбила и не с тем осталась.
Вот какая моя радость и такая жалость.

Он сидит большой и светлый здесь - под образами
И ногой качает праздно. И молчит глазами.

Рожь убрали за буграми. Холоднее стало.
Он в поля уходит часто, знать, душа устала

Видеть домик наш убогий, петуха на крыше,
Чьи раскрашенные крылья ветерок колышет;

Слушать журавлей нездешних, плачущих за током.
Может, он в полях ненастных сгинул ненароком?

Надо б выйти за дорогу, что-то сердце сжалось.
Эх, кого я полюбила? С тем ли я осталась?

* * *

Из глубин, из дремучих, из вязких
Верой, тщаньем, слезой проросло
В самородной глуши - из опаски
По молве: так - село - не село.

А на семь дворов там один топор.
Не с того ль тлеют ссоры угольями?
Как колоть дрова, украшают спор
Слова темные, острые - кольями.

И живет потеха - гостям хмельным
Предлагают на обруче с горочки
Прокатиться вниз с ветерком шальным
Без наград и без всех оговорочек.

И смешок не в том, что тебя потом
На рогожу, да в баньку шалфейную.
Но! По ссадинам веничком, что кнутом
Пригласят бить красу тиховейную!

Эх, снеси белоярой искусницы взгляд.
Страсть уйми своей волей-разволицей.
Проводить тогда тебя стар и млад
Выйдет утром до самой околицы.

На дорожку дадут и вино, и табак,
И разлучные всхлипнут припевки,
И лубочек подарят - с намеком иль как?
С ликом той - банной сладостной девки.

* * *

И тогда, когда осени прах
Разлетится по нашему краю,
Там - на гулких церковных хорах
Песнь прощенья басы зарыдают.

И для тех, кто у бедных могил
Усомнился в величье ушедших,
Кто тлетворные клятвы таил
В отведенных глазах сумасшедших;

Кто искал на Руси с кистенем
Правду глупую, волю шальную.
Мир из грезы построил, и в нем
Не согрел свою старость больную.

И для тех, кто на пир шутовской
Облачался в одежды святые;
Кто бродил по пустыне людской,
Вверив небу глазницы пустые;

Кто спасительной верви конец
Тем отсек, кто по ямам был заперт.
И для тех, кому нищий мудрец
Звонкий грошик не бросил на паперть.

* * *

Н.И.

Петелька к петельке. Думушка с кровушкой -
Вяжется скатерть с каймой.
Май за оконышком ветку с соловушкой
Клонит к землице самой.

Нить изумрудная сменит червленую,
Песнь отзвучит не одна.
Так и украсят холстину беленую
Музыка, юность, весна.

Жизнь твоя, девонька, лишь начинается,
Тянется к свету, теплу.
Только не зря ведь и черт ухмыляется
В дальнем - за печью - углу.

Видит он, бес пустоглазый: равнинные
Осени небо багрят.
И чьи-то души, от века невинные,
В горло дороге глядят:

Выхрипит, выстонет, может, оно, окаянное,
То, что спросить нету сил:
Живы ли те, кому `на поле бранное
Бог собираться судил?

Всех ли упас от позору и холоду
Темный, неведомый рок?
Где опочили, кто тайно и смолоду
Желтой тоской занемог?

Чешется черт, неприлично сморкается.
Зная ответы, молчит...
Вяжется скатерть. Как грустно смеркается!
Дым от лампадки горчит.

* * *

Тишь. Спадающий трепет батиста.
Август. Яблочный Спас.
И веду я тропинкой росистой
Незнакомую - Вас.

Расхрабрюсь, заболтаюсь счастливо.
Возвращусь на заре,
Получив лишь в награду учтиво
Приглашение к некой игре.

В ней - мне выпало с чувством бороться,
Обожание, вздохи и проч.
Вам - разбойная глушь отворотца:
Ни догнать, ни спасти, ни помочь...

Похороны

Роща дубовая. Дроги дубовые.
Ящик дубовый на них.
Клирик, смежая веки свинцовые,
Тянет положенный стих.

Скоро осинник. Там двое без ругани
Тяжкий исполнят свой труд -
Крест над тем ящиком свежеоструганный
К Богу, звездам вознесут.

Так же, наверно, под юною вишнею
Лбом - на вишневый закат -
Скроет и нас, как безделицу лишнюю,
Пара могильных лопат.

Так же, быть может, двое рябиновой
Вязкой настойки хлебнут.
Ягоды горсть, от мороза рубиновой,
В стылый суглинок вомнут.

И не заплачут. Где им, сердешным,
Слез-то на всех напасти...
Что это я мыслям следую грешным?
Отче всеправый, прости...

* * *

Уневестили рано Ульяну.
И с широкою славой ее
По дороженькам табельным да бурьяну
Отвезли - страсть! - в худое былье.

Что невеста взяла - неизвестно -
В жизнь чужую. Но много - едва ль.
Средь богатств ее главное место
Заняла вековая печаль.

Та тоска по родимому краю,
По привольным у дома жнивьям,
Боже, как это верно я знаю -
Перейдет и к ее сыновьям;

Думной песней и светом молений,
Полномочным заветным стихом
Разольется в крови поколений,
Что взойдут и окрепнут потом.

Ведь судьба и прилежное время
Нас недаром из соли земной
Собирают в единое племя
Для любви и для Веры одной.

Воспитание

Через лужи мостки у ворот.
Вечер зреет. Картина - привычная.
Вон, скосившись, бредет вдоль черемух урод
Боль сиротская, голь горемычная.

Он дрожит. Он страдает. Он гладит рукой
Златокудрого мальчика, дранного
То ль собаками или в драке какой.
И шумит: «Мне родиться бы заново!

Я бы мир перестроил и Бога простил
За его Всевышние промахи.
Да и вас, дурачье, полюбить научил
Легкий цвет нашей русской черемухи!»

А мальчишка его свистом вслед полоснет:
«Эй, катись кверху дном, каракатица!»
Одним глазом уродец ему подмигнет,
Из другого ж слезинка покатится.

* * *

Пташка подколодная ольшанка,
Сумеречной подожди поры.
Тут ко мне одна печальная славянка
Подойти должна из-под горы.

Ты ее цветущим косогором
К порубежью леса, будь добра,
Выведи приветно. И дозором
Облетай округу до утра.

В мае всякий может без причины
Потревожить твой звериный рай.
Ты тогда на жилах бирючины
«Во поле береза...» заиграй.

Пусть всплакнут и горестно, и кстати
Над незваным гостем сестры той,
Некому какую заломати
На весенней воле за рекой.

Пусть пришелец знает, что в соитьи
Грозных толщ и песни вековой
Зачат смех не канувших событий,
А грядущей свадьбы огневой;

Что кручина - счастья не умножит,
Так же как вечерняя заря
Сопричислить к утренней не сможет
Крыльев несходимые края!

Художник

В дни смятенья написал он Фею
Из любви ушедшей и мечты.
Пусть на сердце хоть они развеют
Чары одичалой пустоты.

Лгут эстеты: красота - не лечит!
Скоро грань дешевого стекла
Рассекла божественные плечи,
Между сном и явью пролегла.

Пил, несчастный. И скорбел речами.
Фея же, как горний ключ чиста,
Увядала вещими очами
На измятом рубище холста.

...Продал он ее. И предал сразу.
Бог ему судья. И не вина
Тронутого тленом богомаза,
Что на свете худо без вина.

Видно, в жизни чинной и картинной
Скорби есть потяжелей земных -
Даже смерти в койке карантинной
Без души, оставленной в пивных...

* * *

Знал я, знал, с кем иду. И жалея
Его старость, себя утешал
Тем, что мир ни добрее, ни злее,
Нет, не стал с тех былинных начал.

Отчего же тогда и тревога
В этом взгляде, и речи надлом?
И безлюдно сереет дорога,
Оборвавшаяся за углом?

Как спросить его, битого ложью,
Жизнью клятой и верой ничьей:
Почему нам милей бездорожье
И теплей у остывших печей?

Русь. Судьба. Вековой перекресток.
«Чем же все же печалишься, дед?»
И с усмешкой, пощечиной, хлестко
Он влепил мне - наотмашь - ответ:

«Вот, Россия... в ней даже покойники
Слышат нынче ликующий звон.
То куют себе счастье соловьи да разбойники,
А по весям унылым - мольба у икон...»

* * *

У подножья моих философий
Ледяные громады времен
Слились с пеплом на русской Голгофе
И желтеют оскалом имен.

Истончаясь в полях, на закланье
Скачут идолы темных годин.
И готовит, готовит свиданье
Им паучья кудель средь осин.

И ни песен тоскливых изливы,
Ни молебна серебряный глас
Не проводят их бег торопливый
За черту, к избавленью от нас.

И в светлицах вечерних лампады
Перед ликом иным возжены...
Философий чужих листопады
Никому, никому не нужны.

* * *

Гитара. Герань. Серафимы.
Кисти небрежной портрет.
Домик, затерянный в зимах,
Дал посещать я завет.

И приходил по субботам.
И по убранству стола,
Платью, разложенным нотам
Видел: хозяйка ждала.

Сколько - считать не хотели
Так пропечалило дней.
Старились мы и болели
Горькой влюбленностью с ней.

И затворилось устами
Время. И пыль на часах.
Неизреченное нами
Кто отрыдает в ночах?

Кто у черты неминучей
Выглядит в холоде глаз,
В скорби березы плакучей
Муку, истлившую нас?

* * *

Сколь много в осени всежертвенности странной.
Приготовления к торжественным часам,
Когда полмира розой безуханной
Падет к ее хладеющим ногам.

Когда бесстыдно сметь она позволит
Кружить обряду голой красоты.
Ничто не разорвет объятий ее воли,
Сработанных из тьмы и немоты.

Но так ли все? Зачем снегирь нарядный
Облет свершает рощицы глухой?
Ведь жизнь ему не мнится безотрадной
И ягод плоть не кажется сухой.

А легкий след зверушки безымянной
В часы, когда лишь только грусть цветет,
Преследованье думы окаянной
От нас - случайно ли? - бесстрашно отведет.

И этот край, забывший поскрип санный,
Не зря дымами теплыми сквозит:
Пекутся хлебы - гостьи самозваной
Как до`лжно тут готовится визит.

Александр ЛОМКОВСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОМАШКИ И ВИТАМИНКИ ИЗ ВЕСЕЛОГО ПОСЕЛКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой выясняется, где живет Бог и что было бы, если б кошки были большие

Наверху, по крыше, надоедливо и монотонно шуршал дождь. За маленькими окошками веранды ничего не было видно: на смену вечеру незаметно подкралась ночь. Только и слышалось, как стекающая по желобу вода, звонко булькая, падает в бочку. Изредка еще раздавалось тяжелое, глухое, но негромкое: «Бум!» Маша знала - это на железную крышу веранды падают яблоки. Мама говорила, что в этом году яблок уродилась целая прорва, и весело при этом улыбалась. А Машу это незнакомое слово «прорва» почему-то пугало. Оттого, наверное, что слышалось в нем девочке что-то тревожное и злое. Как будто кого-то хотят порвать. Однажды Маша видела, как дядя Паша весь бледный прибежал домой, зажимая одной рукой другую. Из-под ладони щедро бежала кровь. Все в доме тут же забегали, засуетились. Бабушка налила в тазик теплой воды, а мама достала из комода большую коробку с лекарствами. Машу, чтоб не путалась под ногами, выпроводили на улицу. А дядя Паша успел как-то грустно еще подмигнуть и кривовато улыбнуться. Потом, уже с красиво перебинтованной, сияющей белизной, ладонью, он объяснил Маше, что «порвал лапу» на работе в мастерских. Маше тогда было страшно. И вот сейчас, когда мама говорит о «прорве» яблок, ей тоже становится не по себе. Хотя на плодах никакой крови и не видно.

На веранде очень вкусно и тонко пахнет яблоками. Они везде: в двух ведрах возле кровати, в корзинах у окна и даже просто навалены большой кучей в углу на газетах. Особенно сильно они пахли сегодня днем, когда было жарко, а ночью запах уже был не тот, хоть и все равно очень вкусный. Может, это из-за дождя? Этого Маша не знала. Зато одно она знала очень точно: через неделю ей пора идти в школу. Это значит, что она снова будет дружить со Светкой Макаровой и Олей Лапиной. Снова Валерия Аркадьевна будет задавать им домашние задания, а на большой перемене в класс будет заходить буфетчица Зоя Федоровна и приносить им на обед какао и булочки. И снова Мишка Пичугин, сидящий сзади, будет постоянно дергать ее за косичку или же развязывать большой белый бант, который так красиво завязывает по утрам мама. Маша с Мишкой Пичугиным похожи в одном: у них нет отцов. Только Мишку дразнят иногда «безотцовщиной», а вот Машу - нет. Потому что у Маши есть дядя Паша. Он, дядя Паша, хороший. Никогда не кричит и не ругается, как, например, отец Оли Лапиной. Он ее даже ремнем порет. Если она двойку принесет. Поэтому Оля и учится хорошо. Маша со Светкой Макаровой тоже стараются хорошо учиться, чтоб не отставать от подружки, но у них это иногда не получается. Куда как интереснее вместо того, чтобы рисовать в тетрадке палочки, сбегать к старой полуразрушенной церкви на окраине поселка. Машина бабушка говорила, что когда-то там жил Бог. Только очень-очень давно, когда Маши и на свете еще не было. И даже мамы не было. Вот этого Маша понять не могла: как это, мамы не было? Мама была всегда, сколько себя Маша помнит. Это дядя Паша появился у мамы только три года назад, когда Маша еще ходила в садик. А мама всегда была рядом. А бабушка говорила, что Бога из церкви прогнали злые люди. Они пришли в черных кожаных курточках и сначала сбросили сверху крестик и колокол. Потом вынесли красивые иконы и сожгли их во дворе. Но бабушка успела спасти одну икону, когда эти люди отвернулись. На иконе была нарисована грустная тетенька с маленьким мальчиком на руках. Вокруг них летали крылатые голенькие ребятишки. Про мальчика бабушка сказала, что это и есть Бог. А тетенька - его мама. А ребятишки - это ангелочки. Маша со Светкой не могли никак понять, за что люди в кожаных курточках выгнали мальчика из церкви. И когда туда ходили, чтоб хоть издалека посмотреть на полуразвалившееся здание, то очень надеялись на то, что Бог туда вернется, и они его увидят. А может, и подружатся. Но сколько они ни смотрели на церковь, мальчика с иконы так и не заметили.

А еще подружки обожали бегать в рощу. Ах, что это за роща! Ее всю заполонили бе-

резки. И между ними растут колючие кусты шиповника. Еще там на самом краю рощи лежат несколько больших бревен, на которых и любят сидеть Маша со Светкой. Иногда к ним присоединяется и Оля. Но в глубину рощи девчонки заходить боятся, потому что там почти всегда носятся мальчишки и играют в войну. Или же стреляют из рогаток по воронам и сорокам. Валерия Аркадьевна как-то раз на уроке обмолвилась о том, что это вредные птицы. Вот ребята и стараются вовсю. Летом Маша в рощу не ходила из-за того, что осталась одна. Сначала Светку с Олей родители отправили в лагерь, а потом они обе разъехались по своим деревням. А у Маши никакой деревни нет. И даже бабушка живет с ними. Вот потому, оставшись одна без подружек, она к роще не приближалась ни на шаг. Но вот к церкви пару раз сбегала, потому что та находилась недалеко. Но мальчика-Бога так и не углядела. А как было бы славно похвастать подружкам, когда они приедут в поселок, что она его видела!

Маша глубоко вздохнула и повернулась со спины на бок. Сегодняшней ночью ей отчего-то не спалось. Нет, сначала она, конечно, уснула, но проспала не так уж и долго. Ее, видимо, разбудил дождь. К тому, что по крыше грохочут падающие яблоки, она уже привыкла. Это началось неделю назад. А вот дождя давно уже не было. Маша всегда любила слушать дождь. Его ласковое шуршание навевало какие-то смутные мысли, и внутри становилось тепло и уютно. Еще она любила смотреть, как по стеклам веранды стекают вниз капли воды. Сначала висит себе капелька, а потом появляется вторая, третья... Потом они как-то соединяются вместе, и вот по стеклу бежит вниз тонкая струйка. Потом этих струек становится много-много. А еще можно открыть маленькое окошечко и высунуть под дождь руку. Повернуть ладонь вверх, собрать ее «лодочкой» и смотреть, как в нее постепенно набирается влага. Потом этой водой можно потереть себе лицо, или полизать ее, или побрызгать на рыжего кота Жоржика. Тогда он смешно отпрыгивает назад и начинает тут же умываться. Вообще-то у кота более полное имя. Его зовут Жорж Дюруа. Почему дядя Паша так его назвал, никто не знает. Даже и сам дядя Паша не помнит. Говорит, что где-то чего-то слышал, ну, и запомнил. А имя, конечно, красивое. Но длинное. И поэтому все зовут его просто Жоржем или Жоржиком. Маша любит потискать Жоржика. При малейшей возможности тащит его к себе на колени и чешет ему за ушами. Коту это очень нравится. В ответ он начинает урчать и зажмуривает свои желтые глаза. Сначала он урчит негромко, а потом, разохотившись, поет не хуже трактора. Когда Маша была еще маленькая, и начала гладить котенка возле печки, а тот замурлыкал, Маша здорово перетрусила и за хвост побыстрее оттащила его к дивану. На мамин вопрос, зачем она таскает за хвост животное, девочка очень серьезно ответила, что «Жоржик у печки вскипел»... Маша до сих пор с улыбкой вспоминает об этом случае. А как тогда смеялись мама с бабушкой! Сейчас Жоржа на веранде нет. Скорее всего, он снова ушел на охоту за мышами. Но позже он обязательно придет. Когда Маша просыпается утром, то кот обычно лежит рядом с ней. И даже сквозь одеяло чувствуется, какой он горячий. Ну, еще бы! У него такая длинная шерсть! Дядя Паша даже иногда шутит, что это не кот, а целая лиса, и из него можно сшить воротник. Тогда Маша обижается на дядю Пашу и быстро утаскивает Жоржа подальше.

... Дождь за окном припустил еще пуще. Сильные тяжелые капли начали стучать прямо в стекло. Светка Макарова боится дождя. И когда грохочет гром, она с головой забирается под одеяло или же ищет защиты у своей мамы. А на Машу дождь всегда навевает странные мысли. Так вот и сейчас. Неожиданно думается: а что было бы, если бы кошки были, как люди? Они большие, а мы маленькие. И они таскали бы людей к себе на колени и чесали их за ушами. Только Маша прикорнула где-нибудь на диване, а тут как тут приходит Жорж и волокет ее к себе. Или же заставляет носиться за веревочкой, на которой привязан конфетный фантик... Маша даже поежилась и подумала, что природа все сделала правильно. Кошки, какие большие они ни были б, не смогут шить людям одежду и варить им еду. Значит, все верно. Так и должно быть: люди большие, а кошки маленькие. Занятая такими важными сопоставлениями, Маша не заметила, как, под неумолчный клекот дождя и глухие удары падающих яблок, уснула.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
где дядя Петя называет коров мартышками, а Светка Макарова напрасно ищет Бога

Утром ее разбудила бабушка.

- Хватит спать, соня! К тебе уж, ни свет, ни заря, подружка прибежала. Вставай!

«Что еще за подружка? - недоумевала Маша. - Это только Светка или Оля. Из деревни вернулась». Быстро натянув синее платьице и сунув ноги в босоножки, она, даже не причесанная, выскочила на улицу. На скамеечке, действительно, сидела Светка Макарова. За лето веснушек на ее мордашке стало поменьше, и они уже не так выделялись под загаром, как это было весной. Кудрявые светлые волосы выцвели под солнцем и заметно побелели. Она была в новом красном тренировочном костюме и в сандалиях.

- Ой, Светка! - счастливо завизжала Маша и кинулась в объятия к подружке. - Когда приехала?

- Вчера! А я в деревне в лес ходила. А еще мы с ребятами бегали стадо смотреть! А пастух дядя Петя ругается и мартышками их зовет...

- Кого? - удивилась Маша. - У вас в деревне мартышки, что ли, пасутся?

Светка недоуменно посмотрела на Машу.

- Коров! Коров он мартышками зовет! Разве я не сказала?

- Нет. Ты сказала, что стадо смотрели.

Тут Светка начала неудержимо и звонко хохотать.

- Ой, мамочки! - с трудом выговаривала она сквозь смех. - Стадо обезьян такое... пасется...

Тут на крыльцо вышла бабушка.

- Давайте-ка, милые девушки, в дом забирайтесь. Завтрак уж налажен.

На столе стояла большая тарелка с горячими оладьями. В двух чайных блюдцах были сметана и клубничное варенье. Съев бабушкино угощенье, девчонки выкатились на улицу. Но тут снова начал накрапывать дождь. Взяв с веранды по яблоку, подружки пристроились в красном углу под иконами. Распахнули окно и начали глядеть на дождик. Бабушка в кухне мыла посуду.

- А нам в лагере воспитательница говорила, что Бога нет, - таинственно прошептала Светка.

Маша опасливо посмотрела на иконы. Казалось, что бородатый дедушка с поднятой вверх рукой глядел прямо на них. Грозно и предупреждающе.

- Бабушка говорит, что если будешь ругать Бога, то он покарает.

- А как? - поинтересовалась Светка.

Маша снова поймала грозный взгляд бородача.

- Вдруг он камнем кинется?!

- Мы тогда в рощу убежим! - не растерялась Светка.

- А думаешь, он до рощи камнем добросит?

- Не знаю... - Светка тоже посмотрела на иконы. - Вон какой сердитый. Такой добросит... У нас в деревне Витька Попов камнями здорово кидается. И через реку перекинет запросто.

Некоторое время помолчали. Дождь на улице припустил сильнее.

- У тебя бабушка говорила, что Бог - это мальчик. А тут он и мальчик, и дедушка тоже. Чего-то я, Машка, не понимаю.

- Ну, он сначала был мальчик. А потом стал дедушка. Чего тут непонятного?

- А, поняла! Когда его из церкви выгнали, то он был мальчик. Потом научился камнями бросаться, чтоб отомстить этим... А сейчас уж постарел.

- Кто постарел? - спросила бабушка, заходя в комнату и услышав последние слова Светки.

- Бог! - хором ответили подружки.

- Да что вы, девушки... - даже расстроилась бабушка. - Не может Бог постареть.

- А на этой картинке он мальчик с мамой, - показала Светка Макарова пальцем на одну икону, - а здесь уже и с бородой. Вот!

Бабушка облегченно вздохнула.

- Да с бородой-то Никола-чудотворец, поди. Святой это. Он на небе живет.

- А Бог где живет? - спросила Маша.

- Везде, - немедленно откликнулась бабушка. - В тебе, во мне, в дереве, в реке, в лесу. Я вам потом расскажу. А сейчас в магазин пойду.

Бабушка ушла, а подружки все смотрели на иконы. Потом Светка неожиданно начала проверять карманы спортивного костюма.

- Чего ищешь? - спросила Маша.

- Бога... - ответила Светка. - Если бабушка говорит, что он везде... Ну вот, так и знала, что нету!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
объясняющая, как «доходят» бревна,
кто идет за покупками и какими бывают сокровища

Дом крепко стоял на земле. Срубленный когда-то еще машиным прадедом, он, казалось, так и врос в почву всеми своими венцами-лапами. Правда, и его тоже коснулись усовершенствования: то один, то другой потомок что-то добавляли к дому, переделывали. Один пристроил веранду и просторное крыльцо; другой изукрасил окна и фасад наличниками; третий обшил бревна вагонкой и покрасил, отчего дом сразу помолодел и стал выглядеть нарядным. Вот только машин папа так и не успел ничего добавить к своему жилищу. Потому что, как объяснила Маше мама, он погиб на войне. На какой войне, мама не уточняла, но из каких-то разговоров мамы с бабушкой Маша сделала вывод, что его убили в Москве, когда он защищал президента. Вот как... оказывается, еще есть в стране войны, хотя Валерия Аркадьевна говорила, что все войны уже давно кончились. А вместо папы у Маши теперь дядя Паша. И он, Маша знала, хочет построить в доме второй этаж. И даже сделать балкон, чтоб дом был не хуже, чем каменные двухэтажки, рассевшиеся посреди поселка. Дядя Паша уже привез бревна и доски, и они аккуратно лежали в углу двора. Им нужно пролежать год, чтоб высохнуть. Надо, чтобы их помочило дождем, потом поморозило, а потом погрело солнышком. Тогда бревна будут готовы. Сначала бревна были красивого желтого цвета, а сейчас они потемнели. «Доходят!» - говорил дядя Паша. Странно было слышать Маше такое о лежащих бревнах. Ладно еще там, если бы так было сказано о телеграфных столбах: они, действительно, имели сходство с длинноногими шагающими друг за другом цаплями. А тут нисколько не было похоже, и Маша не верила, что они куда-то «дойдут». А пока же в промежутках между бревнами любил прятаться Жоржик.

Сегодня у Маши с утра приподнятое настроение. И вовсе не потому, что суббота и у мамы с дядей Пашей выходной. Не оттого, что бабушка с утра пораньше затеяла печь пироги. Сегодня мама пообещала пойти с Машей «по магазинам», чтобы приобрести обновки к школе. Маше очень хотелось красивый ранец, вместо надоевшего уже за год портфеля, такой же, как у Оли Лапиной. Еще она хотела настоящие джинсы и кроссовки. И, конечно же, самой ее заветной мечтой являлась коротенькая курточка с множеством молний и кармашков. Но мама говорила, что курточка, поди, стоит дорого, и денег на ее покупку не хватит. Но где-то в глубине души Маша все же надеялась, что мама поймет, как ей необходима такая курточка, и купит ее. А еще Маше хотелось пойти в парикмахерскую и отстричь свои косы. Тогда Мишка Пичугин не сможет дергать ее за них и развязывать банты. Потому что и бантов уже никаких не будет. Но мама, узнав о намерении дочери лишиться кос, этому воспротивилась. Она сказала, что Маше косы очень идут и чтобы она не выдумывала ничего про парикмахерскую. Маша, конечно, жутко расстроилась, но спорить с мамой не посмела. Подойдя к зеркалу, она долго рассматривала свое отражение. Прямой тонкий нос, упрямо сжатые губы, синие-синие глаза. И две черные косы, которые доходили ей уже до середины спины. А ей очень хотелось такую же прическу, как у девушки Нины в комедии о кавказской пленнице. Маша старалась во всем подражать этой Нине: пыталась копировать походку, улыбку, смех. Очень любила и веселую песенку про медведей, которую выучила наизусть.

А еще у нее было сокровище. О котором не знала ни мама, ни бабушка, ни дядя Паша. И даже Светка Макарова ничего о нем не знала. Сокровище свое Маша хранила, как зеницу ока: в письменном столе в самом нижнем ящике. Сверху лежали старые журналы «Мурзилка», которые еще читала в детстве мама, и поэтому, если открыть ящик, то ничего и не было заметно. Сокровищем был журнал мод. Очень толстый, с глянцевой бумагой и множеством фотографий высоких и очень красивых девушек. Журнал Маше достался совершенно случайно. Идя как-то раз домой из школы, она увидела на скамейке что-то яркое и блестящее. Подойдя поближе, она и обнаружила это чудо. С сильно бьющимся сердцем, она, неожиданно вспотевшими руками, быстро сунула журнал в портфель. Оглядела улицу. Никто машиного поступка не заметил. Все люди были заняты своими делами: входили и выходили из магазина, переходили через улицу, разговаривали или же молчали. Не разбирая дороги, Маша понеслась домой. Забравшись в свою комнату, она открыла журнал и... окунулась в совершенно иной мир. В глазах запестрело от изобилия элегантных женских костюмов, платьев и блузок. На любой вкус и самых разных цветов. На последних страницах она обнаружила детскую одежду. И была буквально потрясена фотографией одной девочки, держащей в руках роликовую доску для ка-

тания. Маша с девочкой были поразительно похожи: те же глаза, нос, губы. Существовало только одно отличие - у девочки из журнала были короткие волосы, точно такие же, как у «кавказской пленницы». Маша долго, не отрываясь, изучала фотографию. На девчонке ладно сидели синие джинсы, а ноги были обуты в белые кроссовки. И, что самое главное, это, конечно же, курточка. Просто не курточка, а мечта. Серый переливчатый материал, косая молния через всю грудь и множество больших и маленьких карманчиков.

Первый раз в жизни Маша кому-то позавидовала. Почему у этой девчонки с доской есть такая одежда, а у нее нет? И отчего сфотографировали ее, а не Машу? Ведь они так похожи... А если бы в журнале красовалась фотография Маши, то Мишка Пичугин ходил бы вокруг нее на цыпочках, а не дергал за косы и не толкался бы.

И тогда Маша решила добиться того, чтобы быть во всем похожей на кралю из позабытого кем-то на скамейке журнала. Тогда, может быть, какой-нибудь фотограф увидит ее и тоже сфотографирует. И поместит ее фотку в журнал. А что будет дальше, она не знала. Но так приятно было мечтать об этом. И еще она подумала, что сфотографируется не одна, а с котом Жоржиком. Потому что у нее не было доски для катания. А у той девчонки не было Жоржа Дюруа. Так что, они будут квиты. И она начала приставать к маме со своими просьбами. Мама ахала, охала, притворно хваталась за голову и говорила, что у них вечно не хватает денег. Но постепенно нужная сумма накопилась. И вот сегодня они, наконец-то, пойдут «по магазинам». От радости Маша готова была петь что-нибудь несуразное и даже «ходить на голове». Это бабушка всегда так говорит, когда Маша с Жоржем затевают веселую возню в комнате, что они «ходят на головах». Хотя, она не представляла, как это можно: ходить на голове - ведь там нет ног. Если только прыгать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
где смеются пироги в кепочках, а Барби демонстрирует наряды

В тот же день после обеда Маша побежала в гости к Светке. Странно, но никто на улице не обращал никакого внимания на ее обновки. А сама Маша летела, словно на крыльях и улыбалась. В новых джинсах и кроссовках. Правда, кроссовки были серые, а не белые. Но это даже и лучше - меньше пачкаться станут, как сказала мама. Проходя мимо большой витрины поселкового продмага, она не удержалась и снова оглядела себя с ног до головы в витринном стекле. Машина мечта - серая короткая курточка - сидела на ней, как влитая. И она прекрасно подходила к цвету кроссовок. И серая бейсболка с длинным козырьком тоже. На бейсболку Маша не рассчитывала, но мама, довольная тем, что удалось купить все дешево, приобрела и ее. Маша не удержалась, показала своему отражению «нос» и, крутнувшись вокруг себя, побежала дальше. Вот и дом Светки Макаровой - кирпичная двухэтажка в центре поселка. Светка дома была одна. Она уже готовилась к школе: на столе ровной горкой лежали учебники и тетрадки, авторучки и карандаши. Сама Светка переписывала в дневник расписание занятий на неделю.

- Ну, скажи что-нибудь! - потребовала Маша, едва успев войти в светкину комнатку.

- Ой, Маха, привет! - спохватилась Светка. - Я тут так стараюсь, что даже поздороваться забыла.

- А ты что, совсем ничего и не видишь? - даже расстроилась Маша.

- Ой, я еще не проснулась, наверное. У тебя такая кепочка клевая...

- Да? А кроссовки, а джинсы, а курточка? - у Маши от обиды даже защипало в глазах.

Ей-то казалось, что все немедленно должны замечать ее новую одежду. И восхищаться ею.

- Ух ты, точно! Класс! - спохватилась Светка. Она встала из-за стола и обошла вокруг подружки. Присела и дотронулась пальцем до кроссовок. - Я тоже у папы давно кроссовки прошу. А он только хохочет и говорит, что еще коньки не износила. Хотя у меня и коньков никаких нет. А мама тоже смеется и говорит, что он так шутит.

Маша подумала, что ее настоящий папа тоже бы с ней шутил и смеялся. А дядя Паша смеется редко. Он очень серьезный дядя. Но добрый. Это именно он настоял сегодня, чтобы Маше купили курточку. И еще он сказал маме, что всех денег не заработать и жалеть их нечего.

- У тебя же есть кроссовки, - удивилась Маша.

- Ну и что? - пожала плечами Светка. - Я и еще хочу. Но мама говорит, что я очень быстро расту и на меня не напокупаешься. Как на дрожжах, говорит, расту!

Маша не удержалась и захихикала.

- Бабушка дрожжи в пироги ложит...

- Ага, мы с тобой, как два пирога такие! С ножками и ручками!

- И в кроссовках! - поддержала подругу Маша.

Они повалились прямо на пол и захохотали в полный голос.

- И... в ке...почках! - сквозь смех приговаривала Светка. - Представляешь, пироги в кепочках!..

Вдоволь нахохотавшись, они решили отправиться в гости к Оле Лапиной. Надо ведь узнать, как там подружка. Оля жила через три дома от Светки. Но дом был такой же, как и у Маши, - деревянный и низенький. Во дворе, гремя цепью, бегал Жук - большой черный пес. Заметив девчонок, он остановился посреди двора и задумчиво посмотрел на них, предварительно пару раз гулко тявкнув. Хоть он и знал их, но порядок есть порядок - полаять было просто необходимо. Маша весело помахала Жуку рукой, а Светка решительно надавила кнопочку звонка на калитке.

- Зачем звонишь? - удивилась Маша. - Пошли, да и все.

Светка чуть свысока посмотрела на Машу.

- А Жук?

- Дак ведь он нас знает...

- Ага, знает. А если забыл за лето? Набросится, да и порвет тебе джинсы новые. Вот!

Маша, опасливо глядя на Жука, попятилась за спину Светки. Но в это время на крыльцо вышла Оля.

- Ой, девчонки! - радостно заверещала она и кинулась к подружкам.

Жук неторопливо и тяжеловесно побежал рядом. Подбежав к калитке, он уже не лаял, а наоборот - приветливо помахивал хвостом, будто бы извиняясь за негостеприимную встречу. А когда девчонки вошли во двор, то он и вовсе начал подпрыгивать и пытаться положить лапы на плечи Маши. Маша визжала и пряталась за Олю. Но Жук догонял ее и там.

- Олька, он мне всю куртку новую уляпает! Отгони его!

Оля попыталась было загнать пса в конуру, но тот, подумав, что с ним играют, удвоил натиск и снова начал громко лаять. В такой ситуации подружкам пришлось срочно бежать в дом.

- Ну и глупый он у вас, - отдышавшись, пожаловалась Светка Оле. - Ты ему команду отдаешь, а он и не слушает совсем.

- Он не глупый, - оправдывалась Оля. - Просто все время на цепи сидит, вот ему и скучно. Тебя бы на цепь возле дома посадить, то и ты тоже на всех бы кидалась... А мне мама Барби купила. Хотите посмотреть?

- Ух ты... Барби! - тут же позавидовала Светка, хотя у нее дома таких кукол было уже две. - Покажи!

Олина Барби оказалась одета в строгий серый костюм и к тому же была в очках. Волосы своей кукле Оля завязала сзади в пучок.

- Ой, как на Валерию Аркадьевну похожа! - удивились Маша со Светкой.

- У моих дак нет такого костюмчика, - пожаловалась Светка и начала, загибая пальцы, перечислять, какие платья и костюмы были у ее кукол, хотя подруги и так прекрасно все знали. Добравшись до белого свадебного платья, Светка внезапно прекратила подсчет и задумчиво посмотрела на Олю. - А что у нее еще есть?

Оля с безразличным видом достала большую коробку с куклиной одеждой.

- Смотри...

Светка тут же переворошила все наряды Барби и чуть не застонала от зависти.

- У тебя тут и врачебный халат даже есть! И купальничек... И туфли красные!.. Олька, дай мне на денек вот это... и это... - Светка шустро доставала платья из коробки, - я своим дам их поносить. Ладно?

Оля чуть замялась. Ей, судя по всему, не больно-то и хотелось расставаться с барбиной одеждой. Но как можно отказать лучшей подруге?

- На денек только... - неуверенно попросила она, хотя прекрасно знала, что Светка, дай бог, вернет наряды к Новому году. Если вообще не к Восьмому марта.

- Ой, Олька, как я люблю тебя! - пищала Светка и сворачивала платья. Ей уже не терпелось бежать домой и примерять куклам обновки.

Маша чувствовала себя немножко потерянно. У нее таких кукол не было, да и вообще - она не любила играть в куклы. Ей гораздо больше нравилось просто погулять по улице или повозиться с Жоржиком. Или, забившись куда-нибудь в уголок, помечтать о чем-то несбыточном. Иногда она сочиняла себе целые истории и потом сама начинала в них

верить. А еще за это лето она пристрастилась к чтению и перечитала чуть ли не все детские книжки с большими буквами в поселковой библиотеке. Ходила туда почти каждый день, кроме вторника. По вторникам в библиотеке был выходной. Она брала там по три-четыре книги, причем основным критерием выбора являлось только одно - читала она эту книжку раньше или же нет. Она проглатывала буквально все: сказки, стихи, рассказы. Сюжеты книжек давали ей благодатную почву для ее мечтаний. Иногда она просто-напросто подставляла себя в книжную ситуацию и шла по накатанной дорожке, заходя гораздо дальше, чем это было в книге. И смотрела, что из этого получается. А куклы ее не интересовали. И поэтому она не понимала эти охи и ахи, которыми обменивались Оля со Светой. И наряды кукол она не принимала всерьез, понимая, что все это - игра. Настоящие наряды были только у нее в журнале.

Наконец, Светка Макарова закончила выбирать платья, и они побежали домой. К себе Светка Машу не пригласила - ей не терпелось, как можно скорее, переодевать своих ненаглядных Барби.

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой Маша хочет посадить «свой» тополь, и наконец-то появляется Витаминка с хомячиллом и чапчерицей

Поселок, в котором жили подружки, носил странное и удивительное название - Веселый. Кто придумал ему это имя - история умалчивает. Находился Веселый поселок почти в черте города. Это «почти» составляло пять километров. Но сюда ходил регулярно городской автобус, была в поселке своя школа, клуб, четыре магазина и местная администрация. И даже был небольшой кирпичный заводик. И еще на улицах росло много-много тополей. Мама рассказывала Маше, что тополя сажали в свое время школьники. Существовала такая школьная традиция: перед экзаменами каждый выпускник должен был посадить тополь. Традиции уже было больше двадцати лет, и поэтому все улицы поселка оказались густо засажены этими деревьями. В середине лета весь поселок покрывался тончайшим белым, словно снег, пухом. Дядя Паша шутил, что в Веселый поселок зима приходит два раза в году. Поэтому-то он и Веселый. А Маше почему-то думалось по-другому: когда-то сюда пришли люди, построили на пригорке церковь, увидели, как под солнцем заблестели купола и начали улыбаться, радуясь такой красоте. А потом между церковью и рощей построили себе дома, не желая уходить из такого хорошего места. А еще Маша знала, где посадили свои тополя ее родители. Почти возле церкви, в самом конце Маленького переулка. Переулок и действительно был очень маленьким - всего-то четыре дома. А тополя уже переросли крышу крайнего из них.

Маша решила для себя, что свой тополь она посадит рядом с папиным: тогда все их деревья будут расти в одном месте. Сначала ей думалось, что посадить дерево - это очень сложно. Но в том году дядя Паша принес из леса пять елочек - совсем еще крохотулечек. Лесные гостьи едва достигали Маше до пояса. И они за какие-то полчаса посадили все елочки вдоль забора своего дома. Дядя Паша копал небольшие ямки, вставлял туда деревце, притоптывал землю, а Маша поливала саженцы из лейки. За год елочки чуть подросли и уже достигали машиной груди. Дядя Паша объяснил, что они растут верхушками: каждый год появляется новая вершинка, понизу которой распускается венчик из более тонких веточек. А прошлогодние ветки толстеют и набираются сил, выпуская новые ростки. Маша целое лето наблюдала за этим ростом. Все правильно: как сказал дядя Паша, так и происходило. Сначала на верхушке появлялся небольшой коричневый кокон, а буквально через неделю он лопался, и из него стремительно вырастала новая вершинка. Сначала она резко отличалась по цвету от остальных ветвей - была гораздо светлее. Но потом все приходило в норму, и цвет становился одинаковым.

Маша раз в неделю поливала свои елочки из лейки и радовалась их быстрому росту. И часто думала - кто быстрей вырастет: она или елки? Она подросла за год на три сантиметра, а елки чуть ли не на двадцать. Пользуясь простой арифметикой, она подсчитала, что саженцы перерастут ее уже через два года. Но мама сказала, что если она будет есть много морковки, то вырастет раньше. Это мама, наверное, посмеялась - сколько морковки ни ешь, елки все равно растут быстрее.

И вот пришло первое сентября. С утра накрапывал мелкий, надоедливый дождь. В лужах на тротуаре плавали желтые и красные листья. Изредка налетавший ветер перемешивал их и бессмысленно гонял в разные стороны. Маша в своих новых кроссовках ста-

рательно обходила все попадающиеся на пути лужи. За ее спиной прочно висел ранец, а в руках она несла большой букет георгинов для Валерии Аркадьевны. Ее то и дело обгоняли школьники. Некоторые из них шли с родителями. А Маша уже давно ходила в школу одна. Это сначала, первые два месяца, мама провожала ее по утрам на учебу. Но потом сказала, что она уже вполне взрослая и поэтому может ходить в школу самостоятельно. Когда Маша первый раз шла на уроки без мамы, то отчаянно трусила - а как да пройдет мимо школы и заблудится? Но, как оказалось, в их поселке особо блудиться было негде. Так что зря она только и расстраивалась. И вот теперь она идет во второй класс. Проведшей почти все лето в одиночестве, Маше не терпелось увидеться со школьными подругами. Снова окунуться в мир учебы и веселой суеты на переменках. И, конечно, на каждом уроке узнавать что-то новое.

Неожиданно она почувствовала несильный рывок сзади за косу. Даже не оборачиваясь, Маша с уверенностью определила, кто это. И действительно, ее тут же обогнал Мишка Пичугин - худощавый светловолосый паренек, сильно похожий на крылатого мальчишку с бабушкиной иконы.

- Ворон не лови! - дружелюбно посоветовал он уже издалека. - В школу опоздаешь!

- Ну, Пичугин, дак... - Маша притворно погрозила кулачком вслед удаляющемуся однокласснику.

Этот эпизод нисколько не испортил настроения. С Пичугиным всегда так: дернет за косу и убегает, словно боясь, что Маша его отлупит в ответ. Из-за угла дома вышли Оля со Светой. Их сопровождал олин отец. Он был в сером костюме и при галстуке. Обе подружки шли с букетами поздних астр. Возле школы ученики выстроились по классам на торжественную линейку. Сначала говорила речь директор школы Людмила Алексеевна. Потом ее сменила завуч - только Маша до сих пор не знала, как ее зовут. Завуч поздравила с началом учебы первоклашек. И только тут Маша вдруг ясно осознала, что они теперь не самые младшие в школе. Она с интересом рассматривала первоклассников и удивлялась их чуть испуганному и взъерошенному виду. Больше всего они сейчас напоминали нахохлившихся воробьев. Неужели и они год назад выглядели такими же? Завуч пригласила к себе двоих десятиклассников - парня и девчонку, которые поздравили первоклашек с началом новой жизни и вручили каждому по авторучке. В том году, Маша помнила, им дарили по коробке цветных карандашей. Этот набор у Маши сохранился и до сей поры - на память. Наконец торжественная линейка завершилась, и ученики под руководством классных руководителей пошли в классы.

В этот день в машином втором «б» было всего два урока. Все подоконники были завалены цветами для Валерии Аркадьевны. Наверное, поэтому учительница часто и много улыбалась. Да еще в их классе появились два новых ученика: полный, краснощекий Дима Петров и Вита Максимова - рыженькая, малюсенькая и худенькая. На переменке девчонки обступили Виту. Раньше, оказывается, она жила в городе и ходила сразу в две школы: обычную и спортивную.

- Не похожа ты на спортсменку, - очень уверенно заявила Анжела Кап - самая крупная девочка класса, - тебе даже гирю не поднять будет!

- А зачем мне гири? - пожала плечами Вита. - В спортивной гимнастике тяжести не таскают, - и тут же неожиданно для всех, прогнувшись самым невероятным образом назад, взмахнула руками и, достав кончиками пальцев до пола, перевернулась. Только мелькнули в воздухе ноги, совершив красиво очерченный круг.

У девчонок от изумления приоткрылись рты. Анжела недоверчиво пощупала руку новенькой.

- А ты и на бревне можешь? - ей все еще не верилось, что такая пигалица может так уверенно пройтись колесом.

- Могу, - кивнула в ответ Вита. - И еще через коня прыгать, и на брусьях, и на перекладине. Нас там всему учат. Я уже и на соревнованиях была.

Девчонки тут же забросали ее вопросами: как давно она занимается?.. интересно ли бывает на соревнованиях?.. где можно записаться в такую школу и что для этого нужно? А после уроков как-то так вышло, что Маша и Вита пошли домой вместе: оказывается, новенькая жила всего через четыре дома от Маши. Но вот получилось, что Маша ее ни разу еще не видела, хотя Витаминка - как сразу окрестили Виту Максимову девчонки - переехала в поселок почти месяц назад.

- А я тебе могу папин тополь показать, - предложила Маша новой подружке. - И еще церковь, из которой Бога выгнали. Только это наш со Светкой секрет. Ты никому не скажешь?

- Не скажу! - пообещала Вита.

Оставив дома ранец, Маша вышла на улицу с двумя самыми большими яблоками, какие ей только удалось найти на веранде. За ней увязался было Жоржик, но Маша быстро захлопнула калитку перед его носом. Кот тут же мягко запрыгнул на забор и даже прошел по нему несколько метров. Но дальше идти раздумал и, пристроившись поудобнее на столбике, начал с самым серьезным видом вылизывать лапу.

- Это твой кот? - спросила Вита.

- Ага. Его Жорж Дюруа звать. Его так дядя Паша назвал. А почему - и сам не помнит.

- А у меня дома черепаха и хомячок есть, - не осталась в долгу Вита. - Хомяка звать Кузька, а черепаху - Виолетта. Почти как меня. Смешно, да?

- Ты мне их покажешь? - Маша еще никогда не видела настоящих черепах.

- Ну! Сейчас и посмотрим. Только надо им яблока оставить немножко.

Витаминка жила на той же улице, только чуть дальше. Дом был такой же, как и у Маши, но вокруг него не было яблонь. Зато в огороде имелось много грядок, и стояла настоящая, крытая стеклом, теплица. Да еще в самом углу возле сарая все заросло кустами малины. Девчонки сразу прошли в дом.

- Это моя комната! - похвастала Вита, показывая Маше небольшую тесную каморку с одним окном и с боком печи, вместо одной из стен.

Там только и хватило места для кровати и письменного стола. Да еще прямо над столом красовались три почетные грамоты. В углу рядом с кроватью стояла большая клетка, разделенная на две половины. В одной копошилась большая рыжая мышь, а другая казалась пустой, если не считать перевернутой кверху дном тарелки. Дно клетки было выстлано свежей травой.

- Кузька!.. - Вита присела перед клеткой и открыла дверцу. - Как ты тут без меня?

Мышь, которая оказалась уже хомяком, шустро полезла в раскрытые витаминкины ладошки.

- У-у, хомячилло! - обрадовано приговаривала Вита и слегка щекотала пальчиком жесткую шерсть хомяка за ухом. - На, Маш, подержи. Не урони только.

Маша неуверенно приняла в ладошки животное. Что с ним делать, на что он способен - она еще не знала. А как да укусит?! Кузька оказался неожиданно горячим. Его шерсть была гораздо жестче, чем у Жоржика. Он сразу уютно устроился на подставленных ему ладонях и начал смешно поводить по сторонам остроносой усатой мордочкой.

- Вот и чапчерица! - Вита уже открывала вторую дверцу в клетке.

- Кто? - удивилась Маша.

- Ну, черепаха то есть... Виолетта. Когда мы в деревню к бабушке приехали, то она никак не могла запомнить, что это - черепаха. Так все и говорила - чапчерица, да чапчерица. Теперь и мы все так говорим...

Между тем, тарелка, мирно лежавшая до сей поры в клетке, вдруг высунула из-под себя лапки и полезла в угол.

- Ой-ей! - Маша от неожиданности чуть не выронила из рук хомяка.

А Вита, просунув руки в клетку, тащила Виолетту к выходу. Вынув черепаху, она водрузила ее на стол. Тут Маша рассмотрела и маленькую коричневую голову, и лапки, торчащие из-под панциря, и черные смородинки черепашьих глаз. Недолго понаблюдав за тем, как Виолетта упорно лезла куда-то по столу, она пожаловалась Вите:

- Грустная она какая-то... Может, ты не кормишь ее?

- Нет, она просто спала сейчас. Еще не проснулась. Давай им яблока в клетку откусим. Только маленькими кусочками надо... Да и побежим церковь смотреть!

ГЛАВА ШЕСТАЯ
В ней Витаминка проявляет смелость, а Маша сообразительность

Через десять минут девчонки уже стояли под тополем, посаженным машиным отцом, и во все глаза смотрели на церковь. Красивая белая штукатурка в нескольких местах осыпалась, и там виднелись большие красные кирпичи. Невысокие входные двери были заколочены крест-накрест досками и еще закрыты на замок. Один угол здания был немного разрушен, и оттого церковь казалась присевшей на бок.

- Здесь Бог жил... - отчего-то шепотом, произнесла Маша. - Только его отсюда выгнали. Давно еще.

- А у нас в городе в церкви живет поп. Он большой, и у него крест на пузе! Крест тоже большой, - Вита немного осмелела и говорила уже нормальным голосом. - Мы Ваську

туда крестить ходили. Васька - это братик мой маленький. Он в садике сейчас. Так поп его прямо в ванночку с водой совал, хоть Васька и не грязный совсем был. А потом тетя Катя его по церкви на руках таскала, а батюшка пел чего-то.

У Маши от удивления приоткрылся рот.

- Ничего не поняла. Братика там у тебя мыли, что ли? Как в бане? И чей батюшка пел чего-то?

- Нет. Ваську там просто искупали. Так надо делать, чтобы окрестить. А батюшка - это и есть поп. Только его попом называть нельзя, а то вдруг, да обидится. И петь не станет. Он важный и в бороде весь.

- И чего он пел? - Маша все больше и больше запутывалась. - Он певец?

- Я такой песни раньше не слышала, - просветила подругу Вита. - У него вообще - такой голос толстый... и музыки не было.

- Ну, значит, он был пьяный! - сделала вывод Маша. - У нас сосед дядя Саша есть. Так он, как пьяный сделается, то всегда песни поет. Верней - песню. Про тигров. Ап!.. И тигры у ног моих сели! А дальше он слов не знает. Но я бы послушала, чего там дальше с тиграми-то стало.

- Нет, он вовсе и не пьяный был, - не согласилась Вита. - Он просто молитвы пел.

- Молитвы петь надо? - не поверила Маша. - А у меня их бабушка всегда шепчет. Ни разу не слыхала, чтоб она пела. Она и петь-то не умеет.

- А он пел. А потом давал всем с ложечки сладкое чего-то. Сказал, что это кровь Христова.

- Ты, что ли, кровь пила? - изумилась Маша.

- Да нет же! Папа потом рассказал, что это специальное вино - церковное. Так его и маленьким тоже можно пить.

- Как у вас в городе все интересно... - даже позавидовала Маша. - А я вот в церкви не была ни разу...

- Ну так пошли! - не стала откладывать дела в долгий ящик Вита. - Прямо сейчас и сходим, - и она махнула рукой в направлении церкви.

- Да ты что... я боюсь!

- Пошли давай! Чего бояться? Там интересно!

Путаясь в высокой пожухлой траве, девчонки осторожно приблизились к церкви. Маша передвигалась с явной опаской за своей более смелой городской подругой. Церковь ее давно уже притягивала, словно магнитом, но Оля со Светкой тоже отчаянно трусили подходить к ней, и поэтому подружки рассматривали ее только издали. А вот Витаминка сразу взяла и пошла. И ничего не испугалась. Вблизи церковь оказалась значительно старей: все стены покрывали - будто морщины - трещины. Низы стен отсырели, на них вырос зеленоватый мох, и все вокруг заросло крапивой. Под ногами валялись какие-то обломки досок и кирпичей, и вообще: было много мусора. Подружки обошли здание со всех сторон. Везде картина была примерно одинаковой, только с одного бока имелось разбитое окошко, в котором не было железных прутков, тогда как на остальных окнах - были. Да еще на крыше главного входа выросли две маленькие пока березки.

- Ничего себе! - удивилась Маша. - Ты видела, чтобы деревья на крыше росли?

- Еще нет, - призналась Витаминка. - Во, а давай внутрь заберемся?

- Ты что! - перепугалась Маша. - Зачем? Да и как тут забраться?

- Сама только что говорила, что в церковь хочешь, а сама и боишься! - презрительно дернула плечиком Вита. - А залезем просто - вон в траве лесенка валяется. Как раз до окна хватит.

Маша испуганно посмотрела на узенькое окошко.

- А мы туда влезем?

- Главное, чтобы голова прошла, - с видом знатока пояснила Вита. - Потом и вся залезешь.

- Тебе-то хорошо, - загоревала Маша, - ты гимнастикой занимаешься. В любую щель заберешься...

- Полезем или нет? - прервала поток машиных жалоб Витаминка.

- Полезем...

Они выпутали из крапивы полусгнившую лестницу и с трудом водрузили ее к окну.

- Чур, я первая! - тут же сказала Вита.

Маша не стала спорить - что ж, первая, так первая. Лезь, пожалуйста! На лестнице не хватало нескольких ступенек, но оставшиеся витаминкин вес выдерживали. Гнулись, скрипели, но держали. Забравшись к окну, Вита заглянула внутрь.

- Лезь сюда! - прокричала она Маше. - Тут на руках нужно повиснуть, чтобы на пол спрыгнуть!

После этих слов Витаминка шустро, словно белка, исчезла в окне. Маша, вздохнув, полезла следом. Заглянув в окно, она сначала ничего не увидела. Но когда глаза постепенно привыкли к полумраку, царившему в церкви, Маша в первую очередь разглядела Витаминку, машущую ей снизу рукой.

- Прыгай, тут невысоко!

На самом деле окно, снизу выглядевшее совсем небольшим, вблизи оказалось вполне нормального размера. Маша зацепилась руками за скос подоконника, разжала пальцы и, пролетев около метра, оказалась на полу церкви. Тут же к ней подскочила Витаминка и ободряюще взяла за руку. Первым делом девчонки огляделись. Всюду вдоль стен стояли большие стеллажи, заросшие пылью и паутиной. В дальнем углу виднелась еще одна дверь, на которой висел большой замок. На одной из стен, за грубо сколоченным стеллажом, угадывалась нарисованная зачем-то фигура. И еще несколько каменных ступенек вели вниз, к входной двери. В церкви было очень холодно.

- А зачем тут полки-то наколочены? - удивилась Витаминка. - У нас в городе никаких полок не было. И везде свечки горели.

Маша ненадолго задумалась, припоминая все то, что рассказывала ей о церкви бабушка.

- Да вроде тут в войну склад какой-то был, что ли... Вот полки и сделали.

- И они до сих пор здесь стоят? - Вита недоверчиво ткнула пальцем брус одного из стеллажей. - Пошли, еще чего-нибудь посмотрим.

Они обошли церковь, но кроме все тех же стеллажей и запертой двери ничего не обнаружили. Да еще рядом с дверью стоял большой стол.

- Ничего интересного! - сделала вывод Витаминка. - Полезли назад.

Маша с радостью согласилась. Она все искоса поглядывала на большую нарисованную фигуру на одной из стен, полузакрытую полками. В ней за толстым слоем пыли угадывалась женщина. Куда бы Маша ни пошла, ей все казалось, что женщина смотрит прямо на нее. Девчонки подобрались к окну.

- А назад-то как полезем? - спросила Маша. - Тут же высоко.

Вита огляделась вокруг. Но не обнаружила ничего, что можно было бы использовать в качестве подставки.

- Надо мне тебе на плечи встать, - придумала она. - Тогда я залезу и тебе руку подам.

Маше стало до слез жалко свою новую курточку. Тогда она решила ее снять. Сразу же стало холоднее. Витаминка вскарабкалась ей на плечи и, держась руками за стенку, начала выпрямляться.

- Ты тоже поднимайся...

Маша встала в полный рост.

- Достала?

- Ага... - пропыхтела сверху Витаминка. - Только тут зацепиться не за что. У меня пальцы соскальзывают.

- Попробуй подпрыгнуть, - посоветовала Маша.

Витаминка несколько раз подпрыгнула.

- Все равно не могу, - пожаловалась она. - Тут на окошке наклон, и стена сильно толстая. Повыше бы чуть-чуть...

У Маши от страха затряслись колени. Вот тебе и раз - слазали в церковь! Теперь им отсюда в жизни не выбраться... Витаминка, цепляясь руками за машину шею, слезла с нее и встала рядом. Чуть испуганно посмотрела ей в глаза.

- Не знаю теперь, как и вылезем...

Маша с тоской взглянула на высокое окно.

- Может, попробуем двери вышибить? - неуверенно предположила она.

- Пойдем, попробуем...

Они прошли к выходу и спустились по ступенькам вниз. Поторкались в дверь плечиками. Но дверь даже не шелохнулась. Тем более, возле нее было так темно, что девчонки тут же оттуда сбежали.

- Может, покричать? - внесла дельное предложение Витаминка. - Кто-нибудь услышит и поможет.

- Давай...

Они разом закричали. Сразу со всех сторон на них неожиданно обрушился их же крик. Он бил по подружкам отовсюду: слева, справа, сверху и даже, казалось, снизу.

- Ой!.. - Маша взметнула кверху ладошки и, прижав ими уши, испуганно присела.

Рядом уже точно так же сидела Витаминка. Прошло не меньше полминуты, а отголоски их крика все еще гуляли где-то в вышине, возле купола. Да откуда-то сверху сорвались и вылетели в окно два голубя.

- Не будем больше кричать, - прошептала Маша.

- Не будем...

Они все так же сидели на корточках и испуганно смотрели на женщину, которая была нарисована на стене.

- Скоро темно будет, - вздохнула Витаминка, - а мы еще не вылезли...

- Мы... умрем? - дрогнувшим голосом спросила Маша. Она уже собиралась заплакать.

- Нет уж, дудки! - возразила Вита. - Мне завтра на тренировку ехать. Мы к соревнованиям готовимся.

- А что тогда делать? Может, опять попрыгать?

- Нет, я все равно не допрыгиваю. Надо попробовать полку двинуть.

- Да ты что!.. - охнула Маша. - Она такая огромная...

- Ты хочешь здесь ночевать? - лаконично поинтересовалась Витаминка.

Девчонки подошли к стеллажу и попробовали в него упереться. Тот даже не шелохнулся. Маша села на нижнюю полку, и слезы помимо ее воли медленно покатились по щекам. Ну, все. Теперь они здесь умрут, и она больше никогда не увидит маму, бабушку, дядю Пашу, Жоржика... Не пойдет больше в школу или гулять. Как глупо все получилось. Их, конечно, будут искать, но только к вечеру. Сначала мама сходит к Светке и Оле, а потом начнут смотреть на улице. Или в роще. А в церковь никто даже и не попытается заглянуть. Потому что в нее никто никогда не заглядывал. К ночи их, наверное, будет искать уже весь поселок. А утром приедет милиция из города. С собаками. Как в том году, когда искали какого-то шестиклассника, который просто удрал от родителей в Москву...

Витаминка присела рядом и взяла Машу за руку.

- Мы все равно что-нибудь придумаем!

- Ага. Поживем здесь годик, вырастем, тогда ты и до окошка допрыгнешь, - мрачно пошутила Маша.

- А как мы вырастем? - не приняла машиной шутки Витаминка. - Когда мы и есть ничего не будем?

- Мы голубей станем ловить, - продолжала фантазировать Маша. - Или Зоя Федоровна будет нам кофе с булочками из школы носить.

- Кто это?

- Повариха из столовой. Она на большой перемене с тележкой в класс приходит и кормит нас.

- А-а...

Некоторое время посидели молча. Маша снова покосилась на фигуру женщины. Теперь ей показалось, что она смотрит куда-то в угол, в сторону непонятной двери на замке. Может, помочь хочет?

- Во, Вита, а пойдем замок на маленькой двери подергаем? - тут же пришла ей в голову мысль. - Вдруг, да совсем плохой - возьмет и отвалится?

- А чего может быть за той дверью? - вяло поинтересовалась Витаминка.

- Не знаю... - Маша встала со стеллажа и пошла к двери. - Может, там поп жил?

- Батюшка, - автоматически поправила Вита.

- Ну да... Только подергать все равно надо.

Но замок оказался на удивление крепким. Сколько девчонки ни дергали и ни шатали его, тот никак не поддавался.

- И чего делать будем? - спросила Витаминка и со злости пнула доску низкого приземистого стола, стоящего рядом с дверью.

Край доски неожиданно подпрыгнул, и она, сухо треснув, встала торчком.

- Совсем гвозди ржавые, - поняла Маша. - А если стол попробовать к окну подтащить?

Они тут же уперлись в стол, но тот оказался слишком тяжелым и только едва пошевелился. Девчонки растерянно посмотрели друг на друга. Неожиданно Маше пришла в голову новая мысль.

- А если доски поотрывать, то стол легче станет. Смотри, гвозди ржавые, доски сами лезут.

Они тут же приступили к работе. Две крайние доски оторвались довольно легко, а остальные были прибиты более прочно.

- Давай доской их подцеплять, - пропыхтела Витаминка.

Дело пошло веселее, и скоро они оторвали все доски со столешницы. Стол, действительно, сделался гораздо легче, и подружки, хоть и с огромным трудом, но сумели дотащить его до окна, несмотря на то, что он упирался и отчаянно скрипел ножками по каменному полу. Потом они быстренько стаскали и положили на место доски.

- Ну, вот вроде и все! - обрадовалась Витаминка. - Сейчас вылезем!

Девчонки залезли на стол, и Маша довольно легко подсадила Витаминку. Та протиснулась в окно и уже сверху подала руку Маше. Потом они мигом слетели по лестнице вниз. На улице уже сгущались ранние сентябрьские сумерки. По Веселому поселку вовсю гулял ветер. Он тревожно раскачивал верхушки тополей и странно гудел где-то вверху возле купола церкви. Высоко в небе быстро летели серые мутные тучи.

- Как ты догадалась замок-то идти дергать? - поинтересовалась Витаминка.

- Да мне тетенька со стены - что ли? - помогла... - чуть смутилась Маша. - Показалось, что она в тот угол смотрит...

- Ничего себе! - присвистнула Вита. - Повезло! Ой, а ты чумазая вся... И одежда грязная.

- Если я такая домой завалюсь, то мама ужасно расстроится. Неделя только, как курточку ношу.

- Ну, и пойдем ко мне. Почистимся, - тут же предложила Витаминка. - У меня родители ничего не скажут.

Взявшись за руки и все еще украдкой оборачиваясь на церковь, девчонки припустили к дому Виты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
в которой Маша становится Ромашкой и совершает взрослый поступок

Маше снова не спалось. Из-за холодных ночей она давно перебралась спать с веранды в дом. Их с бабушкой Ниной кровати стояли почти рядом - за печкой. От большой комнаты этот закуток отделяли огромный старинный комод и легкая ситцевая занавеска в сиреневых мелких цветочках. На комоде высилось, чуть ли не до потолка, трехстворчатое зеркало. Мама с дядей Пашей ночевали в своей комнате. Дверь туда имела несколько стеклянных небольших окошек. Маша отодвинула рукой занавеску и посмотрела на часы, стоящие в серванте. На табло весело мигали зеленые циферки: ноль пять и тридцать. Половина шестого. Маша вздохнула и повернулась на бок. Жоржик, лежащий рядом, тут же вытянулся на боку и запустил когти в одеяло. Недолго поперебирав лапами, когтя при этом пододеяльник, он встал и начал обнюхивать машину щеку, тычась в нее мокрым носом и щекоча усами.

- Да иди ты! - хихикнула Маша и, почесав щеку, спихнула кота на пол.

Жорж Дюруа, вытянув передние лапы, прильнул грудью к половику, смешно выставив кверху зад и хвост. После чего потянулся, зевнул, широко открыв пасть, и побежал в кухню, где у него стояло блюдечко с едой.

Машина кровать стояла рядом с окном. В узенькую щелку между занавесками был виден двор. Ровный штабель бревен возле сарая и две яблони. На самых верхушках яблонь еще красовались по десятку крупных красных яблок. Дождя не было, но утро выдалось сереньким. Маша снова вспомнила приключение, случившееся с ними две недели назад. Когда они с Витаминкой залезли в церковь и еле оттуда выбрались. Потом Маша осторожно выпытала у бабушки все, что та знала о поселковой церкви. Оказалось, что у церкви имелось даже свое название: Рождественская. Вот потому-то главной иконой там и являлось то изображение женщины на стене. Это была Богородица, и она родила Бога. Хоть люди в черных куртках и сожгли все иконы, стену с изображением они ломать не стали и даже не закрасили ее. Наверное, просто не успели. А потом, когда из церкви сделали склад, то у нового начальства тоже не дошли руки до Богородицы. Тем более что когда сколотили полки и завалили их складским имуществом, то ее и вовсе не было видно. А в военные годы возле церкви стоял часовой с ружьем. И еще туда все время приезжали грузовики. А после войны двери заколотили, и с тех пор никто в церковь и не заходил.

Сейчас Маша думала о нарисованной Богородице. Выходит, что она помогла попавшим в беду девчонкам. Маше просто почудилось, что женщина смотрит в угол, а там и было спасение. Интересно. А если бы им не удалось подтащить к окну стол, то что было бы? Они бы так в церкви и остались? Бр-р, ужас просто! О своем приключении девчон-

ки никому не сказали. Слава Богу, что хоть одежду сумели вычистить до прихода родителей. И с тех пор Маша с Витаминкой стали неразлучны: в школу и из школы ходили вместе, и на переменках тоже о чем-то загадочно шушукались. Светка Макарова даже обижаться на Машу стала: как же - бросила лучшую подругу! Поэтому им приходилось иногда после школы брать с собой гулять и Светку. Они ходили к роще, а о церкви при Светке даже не заикались - Макарова такая болтушка, что мигом всем расскажет о том, как Ромашка и Витаминка чуть не померли в церкви. Ромашкой Машу окрестила Витаминка. Как только узнала, что фамилия у нее - Романова, тут же и придумала это прозвище. Романова Машка - Ромашка. Маша улыбнулась: что ж, не самое плохое прозвище! Анжелу Кап, например, в их классе прозвали Бабой. Потому что она самая большая и вся такая угловатая. Но в глаза ее так никто не называет, даже мальчишки. Иначе - побьет. А Пичугина она однажды посадила под парту и не выпускала его оттуда всю перемену. И смех и грех! (Это так часто бабушка Нина говорит, когда услышит что-нибудь смешное. Ну, и Маше это выражение тоже понравилось). Еще бабушка может сказать про кого-нибудь: наказание Божье. Хотя почему - этого Маша не понимала. Она мысленно повертела это выражение и так и эдак, но все равно ничего не придумала. Это можно понимать, как будто кого-то Бог наказывает, или наоборот - наказывают Бога. Хотя, кто может наказать Бога, было уяснить и вовсе трудно. Скорее всего, его наказывала в детстве мама, которая была нарисована в церкви. Но за что? Бабушка говорит, что Бог добрый... Да, взрослые часто говорят так запутанно... Валерия Аркадьевна, к примеру, иногда может после окончания урока сказать: «Все в сад!» А вот никакого сада возле школы и нет. Зачем она так тогда говорит?..

Вернулся Жоржик и с ходу запрыгнул на одеяло. Лизнул шероховатым горячим языком машину руку и гордо улегся рядом. Ну, подлиза! Маша автоматически начала почесывать его за ухом. Кот принялся вертеть большой круглой головой, стараясь подставить разные места для чесания. А затем и вовсе развалился на спине, выкатив кверху пузо - чеши, мол! Маша осторожно пощекотала Жоржику живот. Кот буквально запел от счастья, того и гляди - в пляс сейчас пустится! Машины мысли постепенно приняли иное направление. Она вспомнила, что вчера после уроков показала Витаминке свое главное сокровище - модный журнал. Вита довольно равнодушно пролистала его, но на фотографии девчонки со скейтом остановилась.

- Слушай, Ромашка... если тебе косы остричь, то вас и не различить будет. Как двойняшки!

- Я и сама давно уж заметила. Тут даже про нее написано что-то внизу. Только я таких букв не знаю.

- Это, наверное, по-английски, - решила Витаминка. - Я могу девчонке знакомой показать - она в школе с английским уклоном учится. Вот и прочитает.

- Хорошо бы... А откуда ты такую девчонку знаешь?

- В спортшколе занимаемся вместе. Ну, так я беру журнал?

...Вчера была суббота. Значит, сегодня воскресенье. А тренировка у Виты только завтра. И кончается она поздно. Выходит, что журнал попадет к ней в руки не раньше вторника. Придется ждать...

Маша вздохнула и повернулась на спину. Витаминка тоже сказала, что без кос ей будет лучше. Взяв в руку прядь волос, Маша подняла их кверху и посмотрела через волосы на просвет окна. Кос, почему-то, совсем не было жалко. Да, по правде сказать, и поднадоели они уже изрядно. И как мама этого не понимает? Взрослые вообще много чего не понимают. Такие... «небольшие», что ли, взрослые. Как вот, например, мама или дядя Паша. А «большие» взрослые, такие как бабушка - то есть старенькие, - соображают гораздо лучше в детских вопросах. Маша с бабушкой Ниной давно уже нашли общий язык и иногда даже подсмеиваются над мамой, когда она упрется на чем-то своем. Бабушке все равно: будут у Маши косы или нет. Она даже сказала, что чем короче волосы, тем голове легче будет. И возни меньше. Хорошо было бы, если б бабушка сумела поддержать Машу и попробовала уговорить маму сводить ее в парикмахерскую. Да, неплохо было бы... Маша снова вздохнула. Вот Витаминке хорошо: у нее короткая прическа, потому что на гимнастике длинные волосы только мешают. А может, и ей тоже на гимнастику записаться? Тогда можно будет сразу и постричься. От неожиданности Маша даже села в кровати. Конечно! Как она раньше-то не додумалась! От внезапно найденного решения даже слегка перехватило дыхание, а сердце застучало радостно и сильно. Вот и выход! От избытка чувств девочка даже подергала за ухо Жоржика. Тот вроде был не против и снова замурлыкал. Внезапно Маша увидела на подоконнике большие ножни-

цы. Вчера вечером бабушка выстригала лоскутки для одеяла из старой одежды, да так и оставила ножницы в комнатке.

«А что, если... - машина мысль заработала быстро и четко. - Если взять, да и отхватить косы самой? Вот прямо сейчас, взять, да и отхватить?!»

Быстро, боясь передумать, Ромашка слезла с кровати и взяла ножницы. Они были большими и холодными. Жоржик лениво посматривал на нее с одеяла и даже, казалось, подмигивал. Отодвинув занавеску, Маша вышла в комнату и остановилась перед трельяжем. Глубоко вздохнула, взяла в одну руку косу и щелкнула ножницами. Но ножницы, сжавшись совсем немного, остановились, словно не желая участвовать в таком проступке. Маша надавила сильнее. Ножницы медленно, неохотно, подались еще чуть-чуть. Тогда, раззадорившись, Маша начала давить и давить на ручки. Через минуту одна коса уже лежала на полу. Маша смело приступила к следующей. Эта коса уже так долго не сопротивлялась. Покончив со стрижкой, девочка посмотрела на себя в зеркало. Волосы, раньше стянутые к затылку, теперь свободно падали на стороны и шевелились от любого движения. Озорно встряхнув головой, отчего волосы взлетели вверх мягкой волной, Маша победно улыбнулась. Положила ножницы на место и туда же на подоконник сложила все еще заплетенные косы. Потом снова залезла под одеяло и тут же уснула.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Мама сердится, бабушка молчит, а Витаминка достает «шпионский» фотоаппарат и становится парикмахером

Что было потом - лучше не вспоминать. Увидев утром остриженную голову дочери, мама схватилась за сердце и молча опустилась на стул. Посидев так с минуту, она пришла в себя, открыла рот, собираясь что-то сказать, но так ничего и не сказала. Потом безнадежно махнула рукой в сторону нахохлившейся, готовой к отпору, дочери и тихо заплакала.

Лучше бы она начала кричать. Но к тихим, беспомощным слезам матери Маша не была готова. Она стояла растерянная и переводила недоумевающий взгляд с плачущей мамы на хлопотавшую возле плиты бабушку, тоже непривычно молчаливую. Один только дядя Паша, невозмутимо дымивший папироской возле порога, решился что-то сказать.

- Эка невидаль - девчонка косы состригла! Невелика и потеря.

Но его утешающая фраза так и повисла в общем молчании. Мама продолжала тихо плакать, безвольно держа машины косы на коленях. Из-под кровати вылез Жорж Дюруа, потянулся и, заметив болтающийся конец косы, свисающий почти до пола, начал тут же с ним играть. Так и тянулся этот день - ни шатко, ни валко. Мама упорно молчала и, казалось, вообще Машу не видела - словно ее и не было. И даже когда Маша одевалась, чтобы сходить в гости к Витаминке, она ничего у нее не спросила. Подавленная, с низко опущенной головой, девочка вышла из дома.

На улице хозяйничал ветер. Он властно пригибал к земле длинные ветви стоящей у соседнего дома березы с жалкими остатками листьев. И тут же, словно только этого и ждал, он, ветер, распушил короткие теперь уже машины волосы. Кинул в лицо пригоршню холодной мороси и полетел дальше. Против воли Маша улыбнулась: это было похоже на то, что ветер с ней поздоровался. Словно какой-нибудь знакомый пес - лизнет руку при встрече и побежит себе по своим делам. В небе не было заметно ни одного просвета - сплошные серые краски. Такой же серой и бесприютной была и земля под ногами.

Осторожно обходя лужи, Маша медленно шла к подружке. Подумала, что лужи похожи на кусочки неба, поселившиеся на земле. Только по небу не плавали желтые и красные листья. Елочки возле забора стояли чуть взъерошенные и даже как бы немного испуганные. В их хвое тоже запутались березовые и тополиные листья. И еще между острыми стрелами веточек было натянуто много-много мелких сеточек паутины. Паутинки с капельками влаги на тонких ниточках дрожали под ветром, но не обрывались. В низко надвинутом на глаза капюшоне, Ромашка, чуть пригнувшись вперед и тем самым преодолевая сопротивление ветра, шла дальше. Стоило ей выйти на перекресток двух улочек, как ветер тут же набросился на нее, казалось, со всех сторон. Девочка побыстрее пробежала продуваемый перекресток и уже через минуту была возле дома подружки. Странно, но в такую погоду на грядках копался отец Виты - дядя Денис. Что-то весело напевая, он, не обращая внимания на ветер и сырость, перекапывал гряду. Маша уже знала, что дядя Денис был, как и ее папа, военным. Но служил он в каком-то «ящике», про который даже Витаминка ничего не знала. Просто она однажды подслушала разго-

вор родителей, когда папа жаловался маме, что им в их «ящике» совсем перестали платить. Подружки попробовали представить себе этот «ящик», но так и не смогли. И решили, что это какой-нибудь склад, который витаминкин папа и охраняет. Хотя, как утверждала Вита, ее папа был также и инженером-электронщиком. Это дополнение вконец их запутало, и они эту тему больше не затрагивали.

- Вот так раз! Ромашка пришла! - улыбнулся дядя Денис и, воткнув лопату в грядку, подошел к забору и открыл калитку.

Подхватив Машу под мышки, поднял высоко кверху и тут же поставил назад. Отец Виты был большим сильным человеком с густым голосом. От него так и веяло какой-то былинной мощью. Он даже немного напоминал Алешу Поповича с картины Васнецова «Три богатыря». Репродукция этой картины висела у Витаминки на стене в кухне.

- Ну, беги, беги к Вите. А то она совсем черепаху заездит, - хохотнул он. - Пытается научить хомяка ездить на чапчерице. Иди, спасай бедных животных!

Витаминка, в отличие от Светки, в свое время не заметившей новой машиной одежды, моментально углядела изменения, произошедшие с подругой.

- Ух ты! Разрешили в парикмахерскую сходить? Сколько взяли? А мама долго сопротивлялась? - тут же забросала она вопросами Машу.

Та глубоко вздохнула, взяла на руки хомяка и, почесывая его за ухом, призналась:

- Да и не разрешали мне вовсе. Я сама косы отхватила... Ножницами.

- Да ты что?! - глаза у Витаминки округлились и сделались похожи на кошачьи. Она даже поднесла ладошки к щекам, как это иногда делала машина бабушка при сильном удивлении. - И чего теперь?

- Мама плачет, а бабушка дуется. Один только дядя Паша хорохорится, да Жоржик косу по полу таскает. И не разговаривает со мной совсем.

- Кто не разговаривает? Жоржик?! - глаза Витаминки, хоть это и казалось невозможным, стали еще круглее и больше.

Маша впервые, пожалуй, за весь день засмеялась.

- Не Жоржик, конечно! Мама не разговаривает. А Жоржику что? Ему только в радость.

- Дела!.. - присвистнула Витаминка. - Во, а давай я у папы фотик возьму, и мы тебя щелкнем с новой прической. А потом сравним фотографию с той, что в журнале.

- Так ведь долго это, - засомневалась Маша. - Ведь пленку нужно отнести в салон, да напечатать. Нам в тот раз три дня фотку делали.

- Ничего не долго, - успокоила Машу Витаминка. - У папы - «Полароид». Это такой специальный фотоаппарат. Он сразу же фотографии из себя выдвигает.

- Ничего себе! - не поверила Маша. - Хитрый какой фотоаппарат. Шпионский, наверное.

- Скажешь тоже - шпионский! Их сейчас в любом магазине полно. Только к нему бумагу специальную покупать надо.

Витаминка убежала к отцу, а Маша снова оглядела себя в зеркало. С новой прической она сильно изменилась. Построжел взгляд, чуть заострился нос, и вообще: казалось, что она немного даже повзрослела. «Ну и пусть мама обижается! - подумала девочка. - Зато вон какая я теперь стала... цаца!»

Витаминка принесла фотоаппарат. Немного полюбовавшись чудом заграничной техники, подружки приступили к делу. Маша, за неимением Жоржика, с которым она хотела видеть себя на фотографии, взяла на руки Виолетту. Черепаха вроде не возражала. Ей, наверное, тоже хотелось попасть на фото. Витаминка навела на Машу фотоаппарат и нажала на кнопочку. Тут же ярко вспыхнуло, щелкнуло и негромко зажужжало. Из аппарата начал медленно выезжать снимок. Девчонки с интересом рассмотрели его. С новой прической Ромашка, действительно, изменилась. Стала как-то взрослее, что ли. Но сравнить фотографию было пока не с чем, потому что журнал все еще был у витаминкиной подруги.

- Зато Мишка Пичугин теперь меня за косу не дернет! - сказала Маша, поглядывая на фото.

- Ой, а у тебя сзади неровно получилось, - сообщила Витаминка, разглядывая Машу со всех сторон. - Как будто лесенки такие.

- А мне не видно...

- Давай я подровняю чуть-чуть. Хочешь?

Маша засомневалась. С недоверием посмотрела на подружку.

- Ты умеешь?

- Ой, делов-то! - храбрилась Вита. - Что я, безрукая, что ли?
- Ну, давай...

Витаминка быстро принесла мамин фартук и обвязала его вокруг машиной шеи. Потом сбегала за расческой, ножницами и кастрюлей с водой.

- А вода зачем? - испугалась Маша. - Пить, что ли?

Витаминка засмеялась.

- Ты в парикмахерской ни разу не была?
- Нет...
- Это надо волосы намочить. Чтоб ровнее получилось. А то они у тебя пушистые больно.
- Ну, тогда стриги!

Вита достаточно бодро приступила к стрижке. От усердия она даже высунула кончик языка и громко сопела над машиным ухом.

- Ну, как? - то и дело спрашивала Маша. - Скоро?
- Да не мешай ты! - шипела на подружку Витаминка. - Я бы и сама побыстрее хотела. Только ножницы сильно тугие.

Минут через десять дело было закончено.

- Все! - радостно пропыхтела Витаминка. - Теперь - как в аптеке!
- Почему - в аптеке? - не поняла Маша.
- Ну, это папа у меня так говорит. Когда все нормально.
- Да? - Маша уже вертелась перед зеркалом, сильно выворачивая шею, чтобы посмотреть, что у нее теперь творится сзади. - Чего-то шее холодно, - пожаловалась она.
- Это у тебя пока волосы от воды мокрые, - поспешила успокоить ее Вита. - Сейчас высохнут, и все. Теплей станет.

Внезапно машин взгляд уперся в кучку остриженных волос на полу.

- Это... мое? - поинтересовалась она, тыча в волосы пальцем.
- Ну не черепахино же, - как-то не очень уверенно подтвердила Вита.
- Много уж очень чего-то, - засомневалась Маша.
- Это только кажется! - поспешила успокоить Витаминка подружку.

Она собрала остриженные волосы в газету и быстро вынесла их. По мере высыхания волос, Витаминка все больше нервничала.

- Ну, чего там? - теребила ее Маша.
- Да чего-то, как-то... - мямлила Вита и стыдливо отводила глаза в сторону. - В общем, я чуть-чуть перестаралась, - наконец призналась она.
- Сильно... перестаралась? - осторожно спросила Маша.
- Сильно... - вздохнула Вита и поколупала пальцем побелку на печке. - Когда они мокрые были, то было как раз. А теперь они высохли и поднялись. Вот шея и голая.
- И чего теперь? Мне все время с мокрой головой ходить? - у Маши затрясся подбородок, и она чуть не плакала. - Чего теперь делать-то?
- Может, в платочке?
- Как бабушка? Спасибо! Ну, Витка, я не ожидала от тебя...
- Да я и сама как-то... Я же помочь хотела...
- Помочь, помочь... Сперва бы на куклах потренировалась. Или на Кузьке - у него все равно шерсти много. Я домой пошла.
- Давай провожу, - вызвалась Вита.

Подружки оделись и быстро выкатились на улицу. Дождя не было, но ветер словно осатанел: быстро гнал по небу низкие серые тучи и клонил к земле верхушки деревьев. Тут же сорвал с машиной головы капюшон, отчего ее волосы вообще поднялись кверху. Витаминка не выдержала и захохотала.

- Ты сейчас на ведьму похожа сделалась! Такая свирепая, растрепанная...

Маша, сердито зыркнув на подружку, поглубже натянула капюшон.

- Смейся давай. Не умеешь, так нечего и браться было.
- Ну, хочешь - стукни меня, - предложила Витаминка. - Палкой.

Ромашка тут же принялась осматриваться в поисках подходящей палки. Вита притворно заверещала и бросилась бежать. Маша со смехом кинулась вдогонку. Набегавшись по улице, они остановились возле машиного дома.

- Мама теперь меня убьет, - вздохнула Маша, вспомнив о волосах.
- Тогда я домой пойду, - попятилась Витаминка. - Как бы и меня не прибили за компанию...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
В ней подружки мечтают отыскать в поле магазин одежды, гадают: что же такое - табор, а Витаминка беседует с говорящей головой

Мама продолжала упорно не замечать Машу, будто бы ее и не было. Зато бабушка быстро помогла горю: отыскала в старых вещах тоненький свитерок с длинным воротом. Ворот свитера плотно закрывал горло и шею, и поэтому отсутствие сзади волос не так бросалось в глаза. Но Ромашка все равно дико стеснялась идти в школу на следующий день после стрижки. Хорошо еще, что зашла Витаминка и почти силком вытащила ее из дома. В классе все поудивлялись отсутствию у Маши кос, да и перестали обращать внимание. Маша облегченно вздохнула. Вот только Светка с Олей проявили интерес на перемене.

- Тебя мама постригла?
- Нет, я сама.
- А в парикмахерскую не сходить было?
- Я без спросу... - стушевалась Маша.
- Ничего себе! - присвистнула Светка. - И чего тебе за это было? Выдрали?
- Нет.
- Везет же некоторым... - погрустнела Оля. - У меня бы отец сразу за ремень схватился.

Да еще, пожалуй, Мишка Пичугин как-то грустно смотрел на Машу. Толокся где-то рядом на всех переменах, но подойти - не подошел. Это раньше он мог два раза за переменку пробежать мимо и дернуть ее за косу. Правда, совсем не сильно, а так. Скорей для порядка. А может, ему просто было скучно, вот он и приставал к Маше. Теперь такая длинная коса в их классе осталась только у Анжелы Кап. Но у Пичугина и мысли даже не могло бы возникнуть, чтоб дернуть анжелину косу. Враз бы отлупила!

После школы Мишка с унылым видом плелся позади девчонок на приличном расстоянии.

- Чего это Пичугин-то за нами прется? - удивилась Светка.
- Он, наверное, следит за нами, - предположила Оля.
- Зачем? - спросила Витаминка. - Мы что - какой-нибудь секрет знаем? Ромашка, ты знаешь секрет?
- А какой? - тут же заинтересовалась Маша.
- Ну, любой.
- Нет, любого не знаю.
- Жалко! - вздохнула Вита.

Потихоньку добрались до улицы, где жили Светка с Олей. Они свернули, и дальше Ромашка с Витаминкой пошли вдвоем. Пичугин не отставал.

- Может, он заблудился? - занервничала Маша.
- Ага, точно! - подтвердила Вита. - Только стесняется подойти дорогу спросить. Скажешь тоже! Ему что-то надо.
- А что у нас есть?
- Пеналы, учебники, тетради, линейки, - начала перечислять Витаминка. Сунула руку в карман, пошарила там и добавила: - Проездной на автобус есть. Ему нужен проездной?
- Ну, если только на автобусе бесплатно покататься. Ты во сколько с тренировки приедешь?
- В семь часов. А зачем тебе?
- Я к тебе за журналом приду.
- А-а, приходи. Ну, я побежала.

Витаминка уже ушла, а Ромашка все никак не могла зайти в дом. Потрогала зачем-то елочку. Деревце облегченно сбросило с колючей веточки капельки блестящей воды. Маша украдкой оглянулась: Мишка Пичугин медленно шел по переулку по направлению к ее дому. С безразличным видом, словно он тут каждый день гуляет, прошел мимо. Маша так и не повернулась. Мишка прошел ее дом и свернул за угол. «Странный он какой-то!» - решила Маша и, захлопнув отводок, поднялась на крыльцо.

Вечером она прибежала к Витаминке. Подружка уже сидела за столом и делала уроки.

- Ну, чего? - с ходу выпалила Ромашка. - Принесла?

Вита достала журнал и открыла на нужной странице. Там оказался листок бумаги с переводом.

- Вот, смотри: девочку зовут Карин, ей десять лет, и она любит кататься на доске.

- Ну, это и так видно! - фыркнула Ромашка. - А то бы она со скейтом и не стояла тут. Давай дальше!
- Дальше, дальше... Карин хорошо учится и мечтает стать дизайнером одежды.
- Как это? - не поняла Маша.
- Я тоже не поняла, - призналась Витаминка. - Это чего-то с одеждой надо делать.
- Может, стирать ее? - предположила Маша.
- С чего бы? - удивилась Вита. - Ты бы мечтала стирать одежду?
- Не-а...
- Значит, тут что-то другое. Потом узнаем. Так... Карин любит красиво одеваться и одевается так, чтоб ей было удобно заниматься спортом, то есть кататься на доске. Такую одежду вы можете приобрести в магазинах «Пежо авеню» на Елисейских полях. В «День покупок» скидки. Все.

От удивления у Ромашки даже широко раскрылись глаза.
- На каких полях?
- На Ели-сей-ских, - еще раз прочитала Витаминка.
- Это там чего - королевич Елисей, что ли, живет? На полях?
- Так написано, - пожала плечиком Вита.
- А зачем на полях магазины построили?
- А я знаю? У нас вон на полях свеклу, да капусту садят. А там - магазины...
- Слушай, а может, и у нас в поле какие-то магазины есть?

Витаминка призадумалась. Потом покачала головой.
- Я когда в город на тренировку еду, то магазинов в поле не вижу. Хотя, возле леса и стоит какая-то сарайка. Может, там?
- Сходим завтра?
- Пошли...

На другой день после уроков Маша с Витой, кое-как отделавшись от Светки с Олей, направились в противоположную от дома сторону. Выйдя за поселок, они еще недолго прошли по дороге. За поселком везде гулял настойчивый упругий ветер. Он отрывал последние коричневые уже листья с ивовых кустов, росших по обочине, и все норовил забраться под курточки подружек.
- У, какой ветер... толстый! - удивилась Витаминка.
- Ветер, ветер - ты могуч, ты гоняешь стаи туч! - по памяти процитировала Маша.
- Сама придумала? - ежась под порывами ветра, поинтересовалась Вита.
- Нет, летом в книжке читала. Про королевича Елисея книжка-то.
- Чего он делал?
- Принцессу спасал, конечно. Она съела яблочко и умерла. А он ее из гроба достал.
- Принцесс в сказках всегда спасают, - согласилась Витаминка. - Как только появляется в сказке принцесса, так ее сразу воруют, а потом кто-то спасает. Чего-то совсем плохо родители следят за ними.
- Ага, - согласилась Ромашка. - Они, принцессы, все полоротые какие-то. А нас могли бы украсть? Мне бабушка всегда говорит: не гуляй одна, а то цыгане утащат.
- Меня бабуля в деревне тоже цыганями пугала, - вспомнила Витаминка. - Они еще в каких-то таборах живут.
- Как это? - не поняла Маша.
- Не знаю. Но так бабушка сказала. И еще они на лошадях катаются.
- Я бы тоже хотела на лошадях кататься, - грустно вздохнула Маша.

Подружки уже давно шли по убранному к зиме свекольному полю. Сапожки вязли в сырой глине, и через каждые несколько шагов девчонки останавливались и стряхивали с сапожек лепехи налипшей земли.
- Вон, видишь, сарайку-то? - спросила Витаминка и показала рукой в конец поля.

Там скособочилось небольшое строение. Чем ближе подружки подходили к нему, тем яснее становилось, что это явно не магазин «Пежо авеню» на Елисейских полях. Уже видна была дверь, болтающаяся на одной петле, прорехи в драночной крыше и гнилые стены.
- На магазин не похоже, - протянула Витаминка и оглянулась в надежде увидеть еще что-нибудь. И тут же крепко ухватила Ромашку за рукав курточки. - Смотри, за нами идет кто-то!

Маша посмотрела назад. Облегченно перевела дух.
- Да это же Пичугин!

- А чего он за нами тащится?
- А я знаю, что ли? Он и вчера тоже за нами до самого дома шел, помнишь?
- Помню. А вдруг он цыган и тебя своровать в табор хочет?
- Я же не принцесса. Чего меня воровать?
- Побежали быстрей. Надо от него в этом сарае спрятаться. Посмотрим, что он тогда делать будет!
- А если это ихний табор и они нас только и дожидаются? - испугалась Маша.
- Не дожидаются, - успокоила ее Витаминка. - Они же не знали, что мы сегодня сюда пойдем.
- Верно! - признала правоту подружки Ромашка. - Побежали!

В сарае царил полумрак. Постояв чуть-чуть на пороге, девчонки робко шагнули внутрь. Глаза постепенно привыкали к темноте.

- Куда тут спрятаться-то? - недоумевала Витаминка.

И действительно - в помещении оказалось удивительно пусто. Голые стены и пол, а больше ничего не было.

- Смотри, лестница какая-то, - заметила более остроглазая Ромашка. - Может, на чердак? Залезем?

Витаминка сняла с плеч ранец, поставила его в уголок и осторожно подобралась к лестнице. Через полминуты уже весело кричала сверху:

- Ромаха, давай сюда! Здесь клево!

Маша поставила свой ранец рядом с витаминкиным и пошла к лестнице. Старые скрипучие доски пола приятно пружинили под ее ногами. Ей это понравилось. Она подпрыгнула. Доска с готовностью подбросила ее кверху. Еще и еще.

- Витамина, тут так здорово прыгать! Слезай ко мне...

К-ра-к! Старая доска сломалась, и Маша ухнула куда-то вниз.

- Ой-е-ей! - заверещала она.
- Машка, ты где? - Витаминка проворно, словно белка, скатилась с чердака и пыталась рассмотреть что-то через дыру в полу. - Ау, Маша!
- Я здесь! - закричала в ответ Ромашка. - Я боюсь! Тут темно!
- Что-нибудь видишь? - деловито спрашивала Вита.
- Нет! Тут что-то большое и твердое. Много...
- Что?
- Не знаю... Но по нему можно лазать.
- Ну так лезь!
- Залезла, - раздался снизу дрожащий голосок Маши.
- До дыры высоко? - спросила Витаминка. - Ой, да я уже твою голову вижу. Это твоя голова?
- Наверное... - донеслось из дыры. - Тут больше никого нет.
- Ну, значит, твоя! - решила Витаминка. - Если разговаривает твоим голосом. Подпрыгнуть можешь?
- Зачем? - не поняла Маша.
- Ну, ты за доски зацепишься, а я тебя вытяну. Понятно?
- Понятно...
- Прыгай!

Маша подпрыгнула и сумела ухватиться за край проломленной ею дыры. Ноги повисли в пустоте.

- Тащи! - пропыхтела она. - Я долго не продержусь. Руки устанут.

Витаминка попробовала захватить подругу за рукав курточки и потянуть ее вверх. Но из этого ничего не вышло.

- Тебе надо одной рукой отцепиться, тогда я тебя вытащу, - придумала Витаминка.
- Если я отцеплюсь, то и упаду опять, - возразила Маша. - Так тащи!
- Ты тогда хоть подтянулась бы. Как на физкультуре.
- Пытаюсь... Тяни давай, чего ждешь?
- Тяну...

И неизвестно, сколько бы еще продолжалось это безрезультатное вытягивание, если бы над ухом Витаминки не раздался вдруг чей-то голос:

- А чего тут такое?

Это был Мишка Пичугин, про которого подружки в суматохе как-то позабыли.

- Чего, чего, - ответила Витаминка. - Ромашка в подвал ухнула. Теперь достать не могу. Помог бы хоть.

- Я в подвал не полезу, - резонно возразил Мишка. - Там крысы водятся. А я их боюсь.

Ромашка дико заверещала и в мгновение ока очутилась рядом с Витаминкой. Как она выскочила в дыру - для нее и самой осталось полнейшей загадкой.

- Я тоже крыс боюсь, - призналась она удивленной сверх всякой меры Витаминке.

Та похлопала глазами и недоверчиво ощупала Машу.

- Это ты, что ли?

- Я...

- А как ты вылезла?

- Не помню. Это все Пичугин со своими крысами.

- Ну, Пичугин, дак!.. - хором произнесли подружки и начали грозно надвигаться на порядком струхнувшего Мишку.

Тот отбежал к выходу и уже оттуда начал оправдываться:

- Мне Витаминка говорит, чтоб я в подвал прыгал. А у нас в подвале крысы живут. Ну, я подумал, что и здесь тоже... А зато Маша вылезла, - тут же нашелся он.

- А и верно ведь! - сообразила Витаминка. - Если б он про крыс не вспомнил, то ты и до сих пор там болталась бы. А чего вы крыс-то боитесь? - вдруг спросила она.

- Они же страшные! - сделав круглые глаза, сообщила подруге Ромашка.

- А чего в них страшного-то? - удивилась Витаминка. - Кузя - тоже крыса. А ты его на руках даже держала.

- Фу! - брезгливо отряхнула ладошки Маша. - А ты говорила, что он - хомяк.

- Ну и хомяк. Та же крыска. Эй, Пичугин! А ты чего за нами который день таскаешься?

Мишка стыдливо опустил глаза.

- Я и не таскаюсь вовсе. Гляжу - вы в поле полезли. Думаю: игру новую придумали. Вот я за вами и пошел.

- Тебе что - играть не с кем? - спросила Ромашка.

- Почему - не с кем? Я подумал, что с вами интереснее...

- Ты хочешь играть с девочками? - удивилась Витаминка.

- Хочу... - покраснел Пичугин.

- Это, Машка, он с тобой играть хочет, - не упустила случая поехидничать Витаминка.

- Ну и ладно... - буркнул Пичугин и, махнув рукой, вышел из сарая в поле.

- Миша, подожди! - окликнула его Ромашка. - Пойдем вместе. Ты нас защищать будешь. От цыганей.

- От каких цыганей? - удивился Пичугин.

- От всяких, - внесла ясность Вита. - У которых табор есть.

- Какой табор? - еще больше запутался Мишка.

- Ну, Пичугин, дак!..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
где Витаминка попадает на отбор; объясняет, какими бывают зебры и зеленые человечки; а Ромашка с Мишкой Пичугиным думают, что встретили Бога

Произошли два важных события: Маша помирилась с мамой, а Валерия Аркадьевна рассказала подружкам, где находятся Елисейские поля. Оказалось, что Елисейские поля - это вовсе и не поля, а улица в Париже. А Париж - столица Франции и заодно столица мировой моды. Потому что там самые лучшие в мире модельеры и дизайнеры. И они вовсе не стирают одежду, как думала Ромашка, а изобретают ее. И еще там самые шикарные торговые дома. И «Пежо авеню» один из них. Уф, все! И откуда Валерия Аркадьевна это знает? Наверное, на то она и учительница, чтобы знать все.

А с мамой Маша помирилась так. Она сидела за столом и учила уроки. Мама подошла, села рядом и долго смотрела на дочь. Маше даже стало не по себе. Она то и дело косилась в ее сторону, совершенно не понимая смысл читаемого. Наконец мама вздохнула, взъерошила короткие дочкины волосики и улыбнулась:

- Горе ты мое луковое!..

Маша всхлипнула и уткнулась в мамин живот. Немного даже поплакала. Примирение состоялось. Хорошо, что мама не умеет долго сердиться! Она самая хорошая!

Потихоньку подобрались осенние каникулы. Не очень-то и большие - всего неделя. Но у подружек было на это время запланировано важное мероприятие. У Витаминки будут соревнования, и она, естественно, пригласила на них Ромашку. А Маша в свою очередь решила позвать за компанию Светку Макарову с Олей Лапиной и Мишку Пичугина. Чтоб не так скучно было. Витаминка с готовностью согласилась. Конечно, родите-

ли ни за что не отпустили бы их одних, но к счастью, с ними ехала мама Виты.

В назначенный день веселой толпой сели в автобус и поехали в город. До этого случая Маша в городе успела побывать всего два раза. Она и запомнила только множество больших каменных домов и магазинов. Да еще дядя Паша водил ее в зоопарк и городок аттракционов, где она каталась на смешных маленьких машинках.

Автобус привез их почти к самому залу, где и проходили соревнования. Даже идти далеко не пришлось: остановка так и называлась - Спортшкола. Витаминка сразу убежала переодеваться и разминаться, а подруги с Мишкой Пичугиным и мамой Виты сели на невысокие длинные скамеечки, стоящие вдоль окон. В зале было очень интересно: тут и там стояли различные спортивные снаряды, и сновало множество кричащего и гомонящего народа. Все говорили, размахивали руками и что-то быстро записывали в бумажках. Участники соревнований облепили брусья и бревна и отрабатывали какие-то элементы выступления. Там были как совсем маленькие девчонки и мальчишки, так и дети постарше. У Ромашки даже зарябило в глазах, и она не знала, куда ей смотреть. Наконец, начались соревнования. Витаминка свою программу отработала чисто, без помарок. А у других получалось не столько хорошо. Одна девочка упала с бревна, когда попыталась на нем перевернуться. Но хорошо, что кругом были расстелены маты, и с ней ничего не случилось. А ребята постарше - те выступали вообще замечательно: словно настоящие спортсмены по телевизору.

В итоге Витаминка заняла всего лишь одиннадцатое место, но ее мама сказала, что это очень хорошо. На прошлых таких же соревнованиях Вита даже в двадцатку не попала. А соревнования эти очень важные и нужные. После них происходит отбор. А что это за отбор, она не сказала. Только вышли из спортзала, как тут же подошел автобус. Так что им даже не удалось походить по городу.

- Ты все время так на тренировки ездишь? - спросила уже потом Ромашка.
- А чего? - не поняла Витаминка.
- Даже города не видишь?
- Да чего там смотреть-то! - фыркнула Витаминка. - Город, как город. Не диво.
- Точно! Ты же в нем даже жила раньше! - припомнила Маша.
- А ты что: город посмотреть хочешь?
- Хочу...
- Ну, так я поеду потом на тренировку, и ты со мной едь, - придумала Витаминка. - Пока я тренируюсь, ты по улицам побегай. Делов-то!
- Страшно! - испугалась Ромашка.
- Ну, так хоть Пичугина вон с собой возьми.
- Все равно страшно! Вдруг да заблудимся?
- Было бы где! - развеселилась Витаминка. - В трех домах-то! Не бойся, я научу потом, как по городу ходить надо.

Но Маша все равно боялась. И даже дома, лежа в кровати, она страшно переживала. Город ей представлялся таким многоликим и пугающим. Для нее и за поселок-то выбраться уже представлялось подвигом. А тут - целый город! Это вам не хвостик поросячий, как любит говорить дядя Паша. Но город посмотреть очень хотелось. Просто побродить по улицам, поглазеть на городских сверстников, полюбоваться церквями, которых, как она помнила, там было очень много. Может, в них ей посчастливится встретиться с Богом? Потому что там есть поп. То есть батюшка, как сказала Витаминка. Уж он-то, наверное, сможет устроить ей встречу с Богом. А когда они встретятся, то Маша попросит у Бога выполнить самое ее заветное желание: чтобы ее тоже сфотографировали в журнал мод...

С пола на кровать мягко запрыгнул Жорж Дюруа. Понюхал машину щеку, смешно пощекотав усами и тычась в нее холодным мокрым носом. Потом, громко урча, улегся рядом. «Ну, Жоржик, дак!» - успела еще подумать Маша и уснула.

Пичугин сначала никак не мог поверить, что Ромашка, действительно, собралась сбежать в город.

- Нас же искать станут, - убеждал он подружку.
- Никто не станет, - возражала Маша. - Я скажу, что к Витамине в гости пошла. А приду домой вечером. Ты тоже наплети чего-нибудь. Вот и все.
- Нет, не поеду! - никак не мог решиться Мишка.
- Трусишка! Я лучше с собой Светку Макарову тогда возьму.
- Сама ты трусишка!

- Почему?
- Потому что одна боишься по городу шастать. Вот!
Ромашка чуть подумала.
- А вот и не боюсь. Захочу, так вообще одна поеду. И без Витаминки.
Мишка понял, что переубедить Машу не удастся.
- Ладно, - вздохнул он.
- Значит, едем? - обрадовалась Ромашка.
- Едем... Только где денег на автобус взять? Это же по двадцать копеек надо туда и обратно.
Ромашка, загибая пальцы, быстро подсчитала необходимую сумму. Вышло восемьдесят копеек.
- Копилку разобью! - решила она.
Тренировка у Витаминки была в среду. В этот день и решили ехать. С утра начал было падать мокрый снежок, но к обеду весь растаял. Но Ромашка все равно решила одеться потеплее: мало ли, заблудятся в городе, и еще ночевать там придется. Потом подумала, трижды сплюнула через левое плечо и постучала по дереву, как это делала бабушка: чтоб не сглазить. Покрутилась немного перед зеркалом, проверяя, как на ней сидит новая вязаная шапка с большим круглым помпоном, и побежала к Витаминке. Та сразу же начала поучать подружку:
- В городе все просто: одна улица идет вдоль, другая - поперек. Главное - запомнить название улицы, с которой начала гулять. Почти все улицы сходятся в центре города. Там есть площадь. На ней еще Вечный огнь и карусели.
- Ой, - вспомнила Ромашка, - мы же там с дядей Пашей были. Я там на машинке ездила. А у огня цветочки лежали.
- Вот видишь! - подтвердила Витаминка. - Никак не заблудишься. Улица, по которой пойдешь, называется - проспект Ленина.
- Как это? - не поняла Ромашка. - Сама говоришь - улица, а называется - проспект...
- Это так надо говорить, - не очень-то уверенно предположила Витаминка. - Что проспект, что переулок, все равно - улица...
- Так и представляю себе - переулок Ленина! - фыркнула Ромашка. - Дядя Паша говорил, что известные имена дают только большим улицам.
- Наверное, - согласилась Витаминка. - Так значит, запомнила, по какой улице идти надо?
- Запомнила.
- А другие улицы переходи только по «зебре».
Ромашка в недоумении помотала головой.
- Чего? Там зебра, что ли, лежит? Ничего не понимаю!
Витаминка расхохоталась.
- Ты «зебры» не видела?
- Чего это: не видела-то! - даже обиделась Маша. - Как раз в зоопарке и живет. Лошадка полосатенькая. Вот.
- Это не та зебра. В городе зеброй называются полоски на дороге. Где машины ездят. Дорогу надо переходить только по ней, или по светофору.
- А то чего будет?
- А будет... - призадумалась Витаминка, - а будет... Или под машину попадешь, или тебя милиция поймает.
- Зачем?
- Что - зачем?
- Зачем милиция-то словит?
- Чтобы штраф дать.
- Какой такой штраф?
- Ну, Машка, дак! Это с тебя деньги когда берут. Вот и штраф.
- А если денег нет? То в тюрьму посадят?
Витаминка с удивлением посмотрела на подружку - как можно не понимать таких простых вещей?
- Переходишь улицу только по «зебре» или по светофору. Поняла? Зеленый человечек загорается - идешь. Красный - стоишь!
- Ничего не поняла... - вздохнула Ромашка. - Еще человечки зеленые какие-то...
Как оказалось, в светофорах и «зебрах» Мишка Пичугин разбирался довольно-таки уверенно. Он с мамой в город ездил не один уже раз. Маша его даже невольно зауважа-

ла. Витаминка убежала на тренировку, а Ромашка с Мишкой шли по проспекту Ленина. Кругом было множество народа, несмотря на промозглый холодный день. Люди так и сновали по всем тротуарам, суетились, спешили. На ребятишек никто не обращал никакого внимания. По дорогам ездило очень много автомобилей. Сначала Маша даже растерялась и то и дело пыталась спрятаться за Мишку, когда надо было переходить дорогу. На асфальте проезжей части, действительно, были нарисованы белые полоски в местах перехода. Но потом она осмелела и даже потрогала одну из них носком сапога. Ничего страшного! Просто белая полоска.

Церковь они увидели уже издали. Вернее - услышали. В воздухе коротко и мелодично раздавался высокий и чистый звон. А уж потом, из-за крыш домов, показались купола храма.

- Чего тебе в церкви-то надо? - спросил Пичугин.

Маша коротко вздохнула и решилась поведать Мишке тайну о Боге, которого у них в Веселом поселке выгнали из церкви злые люди. И он, возможно, теперь перебрался сюда. Во время рассказа Мишка только крутил головой и молчал. Потом поинтересовался:

- Откуда ты это знаешь?

- Мне бабушка рассказывала. Она там даже одну икону спасла.

- А она видела Бога?

- Нет, - вздохнула Маша. - Но я думаю, что мы его должны встретить.

- Почему?

- Зря, что ли, мы в такую даль приперлись? Обязательно встретим!

Против такой логики у Мишки не нашлось возражений. За разговорами они незаметно подошли к церкви. Оттуда как раз выходил народ: старушки в черных платочках, мужчины, женщины. Было даже и несколько детей. Люди, выходя из храма, останавливались, оборачивались и крестились - совсем как бабушка у Маши. Подождав, пока разойдется большинство народа, маленькие путешественники осторожно приблизились к высокому крыльцу церкви.

- Ну, пойдем? - Маша несмело взялась за ручку двери.

Она еще не забыла, как они с Витаминкой побывали в церкви и как тогда перепугались. Маша с Мишкой робко шагнули в притвор.

- Вам чего, дети? - спросила у них какая-то женщина, стоящая за небольшим прилавком почти сразу за дверью. - Иконку хотите купить?

Маша подошла поближе к строгой тетеньке.

- А где тут... этот...

- Отец Александр? Батюшка? - подсказала женщина. - Он сейчас выйдет. Служба-то уже кончилась. Вы поговорить с ним хотите?

- Да...

- Ну, и подождите здесь. Вы из воскресной школы?

- Нет, мы из своей школы, - ответил Мишка.

А Маша уже стояла возле дверей, ведущих в саму церковь. В отличие от их мрачной и темной поселковой церкви, тут было очень светло и красиво. На всех стенах висело множество икон: маленьких, больших и просто огромных - побольше даже самой Маши. Перед иконами стояли на столиках железные штуковины, в которых горели свечки. Иконы были все нарядные и разноцветные - не то, что у них дома. И еще здесь пахло чем-то неуловимо сладким, необычным. По церкви неторопливо перемещались несколько человек. Кто-то зажигал свечки - одну от другой, кто-то крестился, а некоторые просто стояли перед иконами и ничего, казалось, не делали.

- Смотри, идет! - подтолкнул Машу в бок Пичугин. - Наверное, Бог...

К дверям быстро подходил человек. На нем было надето что-то вроде черного сарафана, полы которого доходили до пола, а на груди висел большой крест на цепи. Еще у него была длинная белая борода и такие же волосы. Он был точь-в-точь похож на святого с бабушкиной иконы. Маша невольно попятилась назад, и будь ее воля, она бы выскочила из храма через стену: лишь бы не видеть строгого взгляда подходящего к ним человека в странном одеянии.

- Отец Александр, - окликнула человека женщина из-за прилавка, - вас дети спрашивают.

Человек остановился. Внимательно оглядел Мишку с Машей. И неожиданно мягким и негромким голосом спросил:

- Вы в воскресную школу хотите записаться?

Ромашка облегченно выдохнула: когда человек заговорил, то оказался вовсе уж и не

таким страшным, как на первый взгляд. С ним, наверное, можно даже разговаривать.

- Мы, дяденька, Бога ищем, - чуть заплетающимся от недавнего страха языком пояснила она. - Он, наверное, к вам в город перебежал...

Человек чуть заметно улыбнулся. Потом нахмурил густые брови. Потом снова улыбнулся. Маша стояла, ни жива, ни мертва - а как да он начнет ругаться и выгонит их? Но человек, приобняв их за плечи, увлек детей за собой в какую-то боковую комнатку. Там находился длинный пустой стол, стояла скамья, а больше ничего не было. Свет в комнатку проникал из продолговатого небольшого окошечка над столом.

- У вас в школе учительница есть? - поинтересовался он.

- Ага, - обрел, наконец, дар речи Пичугин. - Валерия Аркадьевна.

- Я тоже как бы учитель, - пояснил человек. - Священник. Называйте меня отец Александр.

- А какой вы учитель? - сразу заинтересовался Мишка.

- Я учу людей закону Божьему, - ответил отец Александр. - А теперь расскажите мне, как вы ищите Бога?

Маша посмотрела на Мишку, вздохнула и, в который уже раз, начала рассказывать:

- Когда Бог был мальчиком, то злые люди выгнали его из нашей церкви. А потом там был склад. И часовой еще стоял. Теперь там ничего нет, а на стенке нарисована его мама. Она нам еще с Витаминкой помогла оттуда вылезти. А Бога там уже нет. Вот мы сюда и приехали. Я хочу у него попросить что-то.

- Рождественская церковь. Храм Богородицы, - вздохнул священник. - Так вы, дети, из Веселого поселка сюда добрались?

Маша удивленно кивнула: как это отец Александр догадался, что они из Веселого поселка? Неужели он все знает?

- Не удивляйтесь, - как бы отвечая на ее мысли, пояснил священник. - Такая церковь у нас только одна - где Богородица на стене. Приходит в запустение. Я ее видел не однажды. Очень жалко... Так вы, значит, ищите Бога?

- Ищем... - подтвердили Ромашка с Мишкой.

- Бог вездесущ, - объяснил отец Александр. - То есть он везде. Без него не было бы жизни.

- Вот и бабушка у меня тоже говорит, что он везде, - перебила священника Маша. - Только, как я его ни искала, то нигде и не видела. Может, здесь он живет? Тут свечки даже горят...

- Свеча - это жертва Богу, - мягко продолжал отец Александр. - Всякий человек подобен свече: свеча горит, и человек должен гореть сердцем. А когда человек приходит в храм Божий и произносит здесь молитву, то он ближе к Богу, чем где бы то ни было. Бог - это основа, поэтому его нельзя увидеть. Но с ним можно поговорить, вознеся ему молитву. Вы сможете больше узнать о Боге, если станете посещать воскресную школу. И тогда вам не нужно будет его искать - он сам найдет вас.

... - Ну, вот. И опять мы его не сыскали, - горевала Маша, когда они с Мишкой быстро шли назад. - Я-то думала, что здесь он точно будет.

- Когда священник подходил, то я подумал, что это - Бог, - признался Пичугин.

- Я тоже. Строгий такой и в бороде.

- Маша, ты чего-нибудь поняла? - робко поинтересовался Мишка.

- Ага, поняла. Нам в воскресенье нужно снова будет ходить в какую-то школу. Пойдем?

- Да ну ее! - отмахнулся Пичугин. - Лучше поиграть. Зима скоро, в хоккей можно порубиться будет. Да на лыжах там. Ты хочешь со мной на лыжах покататься?

- Хочу. А куда мы поедем?

- Я такую горку за рощей знаю! - похвастал Мишка. - Крутая!

- А Витаминку с собой возьмем?

- Возьмем, - согласился Мишка. - Вон, гляди, она на остановке нас ждет.

- Где вы ходите? - напустилась на них Витаминка, едва они подошли к остановке автобуса. - Никуда отпустить нельзя! Уже хотела искать вас идти!

- Мы с отцом Александром разговаривали, - важно заявил Пичугин. - Он нам еще иконки подарил, вот!

- Какие иконки? - удивилась Витаминка.

- Маленькие, - объяснила подруге Ромашка. - Ладанки называются.

Она достала из кармана курточки теплую маленькую иконку. На ней была нарисована Богородица с младенцем.

- Ух ты! - позавидовала Витаминка. - И я такую же хочу! На меня взяли?
- Нет, он только две дал...
- Ну, вот - про меня дак и забыли, - огорчилась Витаминка. - Так вот и знала...
- Не расстраивайся, - утешила ее Ромашка. - Мы тебя потом на горку возьмем...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, объясняющая, как нужно выбирать лыжи; кто может сплести три короба и как нужно поступать по-товарищески

В середине ноября пришла зима. Пришла как-то неожиданно и быстро. Просто однажды утром Ромашка выглянула в окно и ахнула: всю землю во дворе укрывал белый пушистый снег. А с неба падал еще и еще.

- Наконец-то зима пришла! - сообщила она домашним.

- Да видим мы, - улыбалась бабушка. - Вчера еще ничего не было, а нынче уж и намело! Беги давай умываться. Да и позавтракаем.

- Где у меня лыжи? - приступилась Маша за завтраком к дяде Паше.

- Так ведь известно где - на чердаке, - отвечал тот.

- А ботиночки?

- В сундуке и лежат.

- А когда мы их достанем?

- Да не сейчас ведь, - немного охладила пыл дочери мама. - Вечером займемся. И неизвестно, что это за снег. Вдруг, да растает к обеду?

- Нет! - заступилась за снег Маша. - Я знаю - он не растает.

Дядя Паша засмеялся.

- Можно подумать, что тебе небесная канцелярия докладывает - растает снег или нет.

- А кто это - небесная канцелярия? - удивилась Маша.

- Никто. Ешь давай. Это просто так говорят.

Маша с трудом дождалась вечера. Придя домой из школы, она то и дело выглядывала в окно, боясь пропустить приход с работы дяди Паши. Наконец, он пришел, но сначала начал ужинать. Потом пил чай. А уж только после этого полез на чердак. Мама тем временем добыла из сундука на веранде лыжные ботинки. Но этим вечером, как Маша ни уговаривала взрослых, кататься ее не отпустили. Сказали, что снегу пока мало, и она, Маша, может поцарапать полозья о землю и камешки. А если лыжи будут поцарапаны, то они потом будут плохо скользить. Маша, скрепя сердце, согласилась, но несколько раз за вечер выбегала в коридор, полюбоваться своими новенькими лыжами. Их ей купили прошлой зимой, когда Валерия Аркадьевна сказала, что на уроки физкультуры нужно приходить со своими лыжами. Ботинки купили на размер больше, так как мама заявила, что каждый год она делать такие покупки не в состоянии. А так можно будет ездить в них еще две-три зимы. Маше очень понравилось покупать лыжи. Оказывается, нужно было встать прямо и вытянуть руку вверх. И пальцами руки дотянуться до загнутого кончика лыжины. Это значит, что покупка сделана по росту. Но мама и тут купила, что называется, «на вырост». То есть чуть больше, чем надо. А палки должны доставать до подмышек. Маша вспомнила об этом и решила сделать проверку. Сначала она легко дотянулась до кончика лыж. Потом подставила к подмышке палку - пришлось как раз впору. Вот только нога в ботинке до сих пор ходила свободно, и ей пришлось надеть сразу два шерстяных носка, чтобы нога сидела плотно. Тут было над чем задуматься. Выходит, что с прошлой зимы она выросла, потому что и лыжи и палки ей сейчас впору. А вот размер ноги остался прежний. Тут что-то не так! Она решила разузнать об этом у мамы поподробнее.

- Ты сама подумай, - ответила мама, - если ступни ног будут расти так же быстро, как и тело, то к двадцати годам, когда человек прекращает свой рост, тебе и лыжи уже не нужны будут.

- Почему? - не поняла Маша.

- Да потому, что к этому времени ступня вырастет без малого на полтора метра!

- Ой-е-ей!.. - испугалась Маша. - Вот это да!

Она на время отступилась от лыж и, усевшись за письменный стол, начала рисовать нелепых человечков с огромными ступнями. Выходило очень странно и уродливо.

- Ой-е-ей! - подивилась уродцам Маша и пошла смотреть «Спокойной ночи, малыши!»

Мишка Пичугин совсем, казалось, позабыл о своих подружках. Теперь на каждой пе-

ремене они с приятелями вспоминали вчерашние хоккейные баталии и договаривались о предстоящих играх: кто с кем будет играть сегодня, кто встанет на ворота и придет ли хромой сторож из конторы дядя Степан - известный поселковый «хоккейный судья». А Ромашка все ждала, когда же Мишка позовет их с Витаминкой кататься на давно обещанную горку.

- Ну, Пичугин дак!.. - жаловалась она Витаминке. - Сам обещал горку показать, а сам и не подходит даже!

- Может, мы ему надоели? - предположила Вита.

- Не знаю, - горько вздохнула Маша. - Эти мальчишки все такие - наплетут с три короба, а потом в кусты прячутся.

- Это как? - сразу заинтересовалась Витаминка.

- Ну, так тетя Валя, соседка наша, маме говорила недавно. Только про больших дяденек.

- Так чего они плетут-то? Три короба?

Ромашка с удивлением посмотрела на подружку.

- Нет, это когда кто-то врет, то и говорят, что наплел с три короба. У меня и бабушка тоже так говорит.

- А может, сами попробуем эту горку найти? - придумала Витаминка.

- Да как ее найдешь-то? - огорчилась Маша. - Мишка сказал, что за рощу идти надо. А я там не была еще ни разу.

В это время мимо подоконника, у которого секретничали подружки, пробегал Мишка Пичугин. Витаминка так грозно посмотрела на него исподлобья, что Пичугин тут же и остановился.

- Вы чего злые такие? - поинтересовался он.

- Ничего... - буркнула Витаминка и отвернулась к окну.

- Беги в свой хоккей играть, - поддержала подругу Маша.

В это время прозвенел звонок, приглашающий на уроки. Мишка на уроке сидел задумчивый и осторожно поглядывал на подружек. Но те как будто его и не замечали - внимательно слушали Валерию Аркадьевну, читающую рассказ Виталия Бианки о синицах. После школы он снова увязался их провожать. Опять, как и осенью, понуро тащился за ними на некотором отдалении.

- Вот видишь! - подтолкнула Витаминка Ромашку локтем. - Идет...

- Идет, - подтвердила Маша. - Ты так зыркнула на него на перемене, что он чуть не помер со страха.

- Подождем?

- Нет уж! Пусть помучается!

Так дошли до машиного дома. Пичугин не отставал. Подружки остановились возле калитки и начали подзывать к себе Жоржа Дюруа, сидящего на крыше сарая. Но сами краем глаза наблюдали за передвижениями Пичугина. Тот, поколесив чуть по переулку от забора к забору, решился, наконец, и двинулся в их сторону. Не дойдя до них пяти шагов, остановился.

- Ромашка, смотри-ка, Пичугин! - с деланным удивлением воскликнула Витаминка. - И что ему здесь надо?

- Не знаю... Он ведь должен уже в хоккей играть!

- Ага, там его заждались уже! Без него не начинают.

Мишка покраснел и смущенно ковырял снег носком ботинка.

- Вы это... чего?.. - нерешительно поинтересовался он. - Чего я вам плохого-то сделал?

- Он еще и спрашивает! - завелась Витаминка и грозно надвинулась на паренька. - А кто нас на горку обещал свозить? Ромаха вон ночами не спит, все уши мне своей горкой прожужжала. Лыжи под подушку на ночь кладет, а он еще и спрашивает!

- Да полно врать-то тебе! - испугалась Ромашка. - Чего это я лыжи-то под подушку кладу? Скажешь тоже!

- А, вы про горку! - облегченно выдохнул Мишка. - Так бы сразу и говорили. Да хоть сейчас поедем!

- А как же хоккей? - съехидничала Витаминка.

Пичугин вмиг загрустил. Оглянулся назад, словно надеясь услышать выкрики играющих. Но так ничего и не услышал.

- Да ладно там... - смущенно пробормотал он. - И без меня поиграют.

- Сам говорил, что дружить с нами хочешь, а как снег выпал, то и не подходишь, - продолжала добивать Мишку Витаминка. - Разве это дружба?

- Дак мне чего - все с вами, что ли, сидеть? Мне и в хоккей хочется...

- Ладно. Беги в свой хоккей играть, - смилостивилась Маша. - А на горку в воскресенье съездим. Хорошо?

- Хорошо! - радостно прокричал Пичугин и опрометью кинулся по переулку.

- Зачем ты его отпустила-то? - удивилась Витаминка.

- А мне чего - домой его, что ли, тащить? А на горку поздно уже ехать: скоро темно будет.

- Ладно, ждем воскресенья, - решила Витаминка.

И вот настало воскресенье. С самого утра валил густой снег. Потом небо чуть прояснилось, и снег начал падать не так сильно. Маша надела синие шерстяные шаровары и такую же куртку. Ей их еще той зимой сшила бабушка из своего старого пальто. Мишка ждал подружек в конце Маленького переулка, как раз там, где грустили себе под снегом родительские тополя. Проехав невдалеке от церкви, дети углубились в рощу. Мишка бодро бежал впереди, набивая лыжню. В этом году еще никто, видимо, рощей не ездил, потому что следов лыж там не было. Через двадцать минут роща закончилась, и впереди открылось голое снежное поле.

- Чего-то никакой горки и не видно, - пожаловалась Витаминка. - Поле и поле...

- Не туда смотришь! - ответил Мишка. - Тут надо вдоль рощи проехать.

И действительно, через пять минут ходьбы на опушке рощи обнаружился довольно-таки глубокий овраг.

- А как тут ехать? - удивилась Ромашка.

- А вот так! - и Мишка смело сиганул вниз.

Доехав до середины косогора, он не удержал равновесия и сунулся головой в снег. Подружки наверху засмеялись. Мишка, меж тем, выбравшись из сугроба, отряхнулся и начал взбираться наверх. Оказавшись наверху, он объяснил:

- Пока еще тут лыжни нет. Мы этой зимой первые сюда приехали. А так-то тут хорошо бывает. Весело. Хотите попробовать съехать?

- Конечно, хотим! - заявила Витаминка и, чуть присев, словно настоящая лыжница, покатилась вниз по мишкиному следу. Уже снизу помахала им лыжной палкой: - Давай сюда!

Маша подобралась к самому краю оврага. Это только со стороны казалось все просто: подумаешь, горка! Встала и катись! Но когда она посмотрела вниз, то сердце захолонуло, а ноги начали подрагивать в коленках. Сверху гора казалась просто огромной! Огромной большой горищей. И тут, наверное, можно легко сломать себе шею. Хотя, Витаминка - вон она. Стоит, палкой машет. К себе зовет. А тут еще Пичугин. Улыбается. Думает, что испугалась. Была не была! Ромашка зажмурила глаза, потом передумала и наоборот - широко распахнула их. Легонько толкнувшись палками, аккуратно заскользила по двум тонким ниточкам - лыжне. Съехав, перевела дух. Оказалось, вовсе не страшно. А сверху уже летел Мишка. И нарочно, ну, конечно, нарочно, врезался в Ромашку. Ромашка не удержалась на ногах и толкнула Витаминку. Обе оказались в сугробе. А Пичугин, ловко перебирая палками, уже взбирался на горку.

- Ну, Пичугин!.. Сейчас мы тебя догоним и тоже в снег посадим!..

Через час, все извалявшиеся в снегу, но зато веселые и довольные, ребятишки засобирались домой.

- А тут еще и трамплинчик есть, - вспомнил Мишка. - Так же надо катиться, а в конце еще и подкидывает.

- Ой, давай попробуем! - сразу захотели подружки. - Где он?

Мишка подъехал к кусту шиповника, росшему на краю оврага.

- Отсюда надо, - сообщил он.

Тут горка была даже покруче. А внизу виднелось возвышение. Видимо, это и был трамплин.

- Ну, я попробую?.. - Пичугин неуверенно потоптался на краю косогора.

- Может, не надо? - испугалась Ромашка.

- Давай попробуем! - наоборот, подзадоривала Мишку Витаминка. - А то вон Машка скажет, что испугался.

- Ничего и не скажу! - запротестовала Маша.

Пичугин посмотрел на Машу и, лихо оттолкнувшись палками, заскользил вниз. Его подбросило высоко вверх на трамплине, и он, не удержав равновесия, упал чуть в сторону на бок. Девчонкам стало смешно от вида Пичугина, пытающегося выбраться из сугроба. Они стояли наверху и неудержимо смеялись.

- Он... как мед...вежонок! - заливалась Витаминка. - Такой же неуклюжий!

Наконец Мишка кое-как вылез из сугроба, попытался подняться, но тут же снова сел в снег, схватившись за ногу. Подружкам стало еще веселее. Они уже чуть ли не падали с косогора от смеха. Мишка что-то крикнул, но из-за хохота ни Вита, ни Маша его не расслышали.

- Смотри, он из снега вылез, да еще и говорит чего-то!..

- Мишка - снежный человек!..

Пичугин махнул на них рукой и, опираясь на палки, поднялся. Одну ногу он держал чуть подогнутой под себя.

- Он... как аист! Ой, мамочки, не могу!.. - и Витаминка, держась руками за живот, упала на снег.

Мишка, все так же не опираясь на одну ногу, попытался проехаться по дну оврага. Но покачнулся и снова упал. Маша резко оборвала смех. Она поняла - что-то случилось.

- Ты чего? - крикнула она.

- Я ногу, наверное, сломил, - прокричал в ответ паренек. - Больно...

- Ой!.. - испугалась Маша. - Чего делать-то? Витамина, - затрясла она за плечо подружку, - Мишка ногу сломил...

- Да ну вас, - махнула рукой Вита. - Где тут ломать-то? Притворяется!

- Нет! - возразила Маша. - Он там на снегу сидит и встать не может...

Девчонки осторожно, делая лыжами ступеньки, спустились вниз. Мишка снова к этому времени поднялся. И опять стоял на одной ноге.

- Где болит? - с видом знатока поинтересовалась Витаминка.

- Тут, - Мишка ткнул пальцем на ботинок. - Так-то небольно, а ступить не могу.

- И чего нам с тобой делать? - задумалась Вита.

- Мне бы домой как-нибудь, а?

- Ясно дело, не оставлять же тебя тут. Но сперва надо наверх вылезти.

- Если лыжи снять, то я, наверное, на коленках смогу заползти, - предположил Пичугин.

- Снегу много больно, - засомневалась Ромашка. - Утонешь. Давай, ты нас за плечи обнимешь и на одной лыже допрыгаешь?

- Давай, - тут же согласился Мишка.

Он обнял подружек за плечи, и они начали потихоньку карабкаться вверх. Лезли боком, по тем ступенькам, которые были сделаны, когда девчонки спускались вниз. Когда с подъемом было покончено, стали думать - что делать дальше? Боком до поселка не пойдешь - это почти два километра. На одной лыже тоже не допрыгаешь. Решили, что снова Мишка пойдет в середине, а подружки по бокам. Остановки делали каждые десять минут. Это туда было ехать легко и весело, потому что Пичугин натаптывал лыжню, а девчонки шли за ним. Теперь по старой лыжне хромал на одной лыжине Мишка, а Ромашка с Витаминкой торили по бокам новые следы. На очередном отдыхе, когда прошли примерно половину пути, Витаминка предложила:

- Может, мы с Ромахой в поселок сгоняем, взрослых сюда приведем? Гораздо быстрей выйдет.

- А мне тут одному сидеть? - испугался Пичугин. - А как да волки прибегут?

- Какие такие волки? - удивилась Витаминка. - Кто их тут в роще видел? И вообще: уже вон церковь видать.

- Я в кино видела, - припомнила Ромашка, - как один дяденька наломал еловых лапок, положил на них другого дяденьку и поехал на лыжах. А эти носилки за собой тащил. Вот и приехал.

- Куда? - заинтересовалась Витаминка.

- В деревню какую-то.

- А ты умеешь елки ломать?

- Нет, - сникла Маша.

- И веревки у нас с собой нет, чтоб Мишку волочить. Ты бы, Миша, попробовал на ногу наступить - вдруг да прошла?

Пичугин осторожно поставил ногу на лыжню, но тут же снова скривился от боли.

- Не могу, - сказал он. - Болит еще.

- Ну, так мы поедем? - предложила Витаминка.

- Нет уж, - вздохнула Маша. - Давай снова тащить его. Немного и осталось.

- Ну, давай поедем, - негромко заворчала Витаминка. - Жених и невеста тоже мне...

- Чего говоришь? - спросил Мишка.

- Ничего, - огрызнулась Витаминка. - Хватай его за плечи давай.

До поселка добрались, когда короткий зимний день уже клонился к вечеру. Доставив Мишку к дому, сняли уже порядком поднадоевшие за день лыжи и дальше пошли пешком.

- Ничего себе, съездили покататься! - горевала по дороге Витаминка. - На тренировках так не устаю.

- Не оставлять же там его было, - возражала Маша. - Это было бы не по-товарищески.

- Ну да, - соглашалась Витаминка. - Только все равно - устала. Потом уж и одни можем съездить.

- Там посмотрим, - ответила Маша.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
В ней рассказывается о том, какими должны быть настоящие герои и как их можно заманить тортом в гости. В ней же Мишка Пичугин мечтает о волшебных таблетках, а Ромашка наряжает елку

Оказалось, что у Мишки Пичугина - вывих. Но мама не повела его ни в какую больницу. Она просто пригласила свою соседку - бабушку Полину. Та считалась знатоком по части народной медицины, а заодно также вправляла грыжи и вывихи. К ней люди и из города ездили - так она была знаменита. Она осмотрела мишкину распухшую ногу, повертела ее и сильно дернула. Мишка даже сначала закричал. Но потом боль внезапно ушла: только ступня еще ныла немножко. Все это Пичугин рассказал подружкам в школе через два дня, которые все-таки просидел дома, ожидая, пока спадет опухоль. И пригласил Ромашку с Витаминкой к себе в гости. Его мама очень хотела познакомиться с такими геройскими девчонками. Он так и сказал - «геройскими».

- Ромаха, мы что - герои с тобой теперь, что ли? - недоуменно интересовалась Витаминка.

- Не знаю... Мы ведь ничего такого не сделали. Даже и хохотали над ним, помнишь? Когда он в снегу кувыркался.

- Ну да, хохотали. Так ведь смешно было.

- Значит, мы не герои.

- А мама мишкина вон чего говорит...

- Не знаю... Я читала, что герои, это когда с гранатой на танк лезут или на самолете в другой самолет втыкаются. И умирают потом. А мы ведь живые.

- Ну да, живые, - огорчилась Витаминка. - И гранаты у нас нет.

- А еще герои людей из пожара спасают, - продолжала Ромашка. - Так что мы с тобой просто девочки, а вовсе и не герои никакие.

- Но ведь мы тоже Мишку-то спасли! - вдруг догадалась Витаминка. - Он бы так и умер там в сугробе.

- Скажешь тоже - спасли! - фыркнула Ромашка. - Помогли ему до дома доехать, да и все.

- А если бы нас не было? - продолжала настаивать Витаминка. - Он бы так там и остался. Вот!

- А если бы нас не было, - парировала Маша, - то он бы никуда и не поехал, а играл бы себе в хоккей. Это мы, если помнишь, его на горку позвали.

- Точно... - сникла Витаминка. - А мне бы хотелось героем быть, - внезапно призналась она. - Медаль бы дали...

- Да уж. А давай не пойдем никуда, а?

- Ну ладно, не пойдем, - вздохнула Витаминка.

Но Мишка на другой день, как подружки ни упирались, все-таки затащил их к себе домой. Он очень загрустил, когда они объявили ему, что никуда не пойдут.

- А мама для вас там торт приготовила...

Упоминание о торте и сыграло решающую роль.

- Вот, значит, вы какие: Ромашка и Витаминка! - встретила их мишкина мать. - Миша мне все уши прожужжал вами. Как из школы придет - только и разговоров, что...

- Мама!.. - перебил ее Пичугин. Он даже покраснел до самых кончиков ушей. - Чего и говоришь-то!

- Ой! - засмеялась мать. - Все ведь его военные тайны выдала!

Она предложила называть ее просто - тетя Галя. Затем по отдельности познакомилась с Машей и Витой. У каждой подробно расспросила о житье-бытье и только после этого

позвала их за стол. Торт, действительно, был великолепен. Как оказалось, тетя Галя сама его и испекла.

- Счастливый ты, Мишка! - уплетая за обе щеки нежданное угощение, рассуждала Витаминка. - Вон у тебя мама какие тортики вкусные делает. Хоть каждый день ешь!

- Если бы... - вздохнул Мишка. - Она их только на Новый год, да на день рождения и печет.

- Ой! - вдруг всполошилась Маша. - Точно! Новый год скоро настанет! А я чего-то и позабыла.

- Да, - подтвердила тетя Галя. - Через две недели и наступит. Вы снова к нам в гости приходите. Я другой уже торт сделаю.

- Классно! - рассуждала позже Витаминка. Они перебрались из-за стола на диван, где и рассматривали семейный фотоальбом. Тетя Галя ушла на кухню мыть посуду. - Не успели одни каникулы кончиться, как уже и другие на носу.

- А я бы согласился, чтоб всегда каникулы были, - размечтался Мишка.

- Если бы всегда были каникулы, то когда учиться? - удивилась Маша.

- А зачем учиться? - пожал Мишка плечами. - Вот бы ученые такие таблетки придумали. Представьте: на ночь почитал учебник, утром встаешь и все уже знаешь.

- Весь учебник? - изумилась Витаминка.

- Весь! - подтвердил Мишка.

- Во придумал-то! - засмеялась Ромашка. - А как бы... а как бы ты тогда читать научился, без школы-то?

- Ну, в первый класс можно походить было бы. А потом - все!

- Нельзя такие таблетки изобретать! - отчего-то разволновалась Маша.

- Почему? - удивились Витаминка с Пичугиным.

Маша недолго подумала, отчаянно морща лоб. Она понимала, что изобретение таких таблеток отняло бы из ее жизни что-то важное. Но что, на ум так и не приходило. Поэтому она только упрямо повторила:

- Нельзя, да и все!

- Тебя не переспоришь! - слегка даже обиделась на подругу Витаминка. - А чего? Классные бы такие таблеточки были.

- Обо всем сразу знать невозможно, - неожиданно вмешалась в разговор детей тетя Галя. Она уже с минуту стояла возле дверей, слушая их спор. - Знания нужно впитывать постепенно. И тем более, школьное общение не заменит никакое общение уличное. В классе вы как бы соревнуетесь друг с другом - а кто больше знает? Кто знает лучше? И это подстегивает человека к получению новых, более качественных знаний. И в учебниках всего не опишешь. А в школе есть учителя, которые так же когда-то учились в школе. И они-то уж знают, как лучше давать вам новые знания.

- Ой, это значит, что Валерия Аркадьевна тоже училась раньше в школе? - удивилась Витаминка.

- Конечно! - рассмеялась тетя Галя. - А ты думала, что учителями сразу рождаются?

- И это в школе она всему научилась? Она так много знает... Про Париж, например.

- Сначала в школе, а потом в институте, - подтвердила мишкина мать. - Так что вы ерундой себе голову не забивайте, а лучше ходите в школу, да запоминайте все там покрепче.

Но информация о том, что Валерия Аркадьевна тоже, оказывается, училась в школе, никак не давала покоя Витаминке.

- Разве и я потом смогу стать учительницей? - недоверчиво поинтересовалась она.

- Сможешь, - подтвердила тетя Галя. - Но для этого нужно как раз закончить школу.

- Тогда я вместе с Машей, - вздохнула Витаминка. - Маша права, а Мишка - нет.

- Ну, и как хотите... - буркнул Пичугин. - А таблеточки все равно, классные бы получились...

Потихоньку-потихоньку к Веселому поселку подбирался Новый год. Снегу намело много, и весь поселок, словно тонкими ниточками паутинок, покрылся тропинками. По одной из тропинок, что вела от отводка до машиного крыльца, осторожно пробирался Жорж Дюруа. Иногда он останавливался, прислушивался к чему-то и пробовал сойти с тропы в снег. Но это ему, видимо, не нравилось, и он обиженно тряс лапой. Затем снова аккуратно шел дальше. Маша следила за ним из окна. Стекла были покрыты красивыми морозными узорами, но по бокам оставалось немножко чистого места - такие оттаявшие неровные полоски, которые и давали возможность видеть то, что происходило на улице.

Маша негромко стукнула по раме. Жоржик остановился и внимательно посмотрел на окно. Маша скорчила ему страшную рожу. Неизвестно, увидел ли ее ухищрения кот, но идти дальше он раздумал. А вместо этого прочно сел на тропу и принялся выкусывать из подушечек лапы набившийся туда снег. «Глупый! - вздохнула Маша. - Лучше бы шел домой. Елку бы вместе посмотрели».

Елка в доме стояла уже второй день. Ее еще позавчера принес из леса дядя Паша. Когда лесную красавицу занесли в дом, то во всех комнатах сразу запахло чем-то праздничным и необычным. Так пах только Новый год. Какой-то свежестью и чудом. Жорж Дюруа тоже немедленно подобрался к елке, обнюхал ее и обошел со всех сторон. А потом удрал на диван: мол, сами принесли, так и делайте с ней, что хотите! Вот Маша с мамой и дядей Пашей и провели весь вечер возле елки.

Сначала дядя Паша принес с веранды большой деревянный крест с дыркой посередине. В него-то и нужно было ставить ель. Потом он взял веревочку и привязал ее одним концом к стволу. А второй конец - к гвоздю, специально вбитому в стенку для этого случая. Это нужно было для того, чтобы елка ненароком не упала. Мама уже принесла к этому времени коробку с ватой. Ею выложили пол под елкой: как будто она стоит в снегу. Очень красиво получилось. Потом дядя Паша притащил большущую коробку с игрушками. С прошлого года Маша уже успела позабыть многие из этих славных, новогодних игрушек. И сейчас встречала их, как старых добрых знакомых.

Вот мама достала большую стеклянную морковку на прищепке. Если бы Маша не знала, что игрушка сделана из стекла, то непременно приняла бы ее за настоящую. Следом последовал заяц с барабаном. Симпатичный веселый заяц. Помнится, в том году Маша даже разговаривала с ним, когда ее никто не видел. Она просила, чтоб заяц ожил и прибежал к ней в гости. Они славно бы поиграли! Потом из коробки доставались и находили свои места на елке и другие друзья Маши: лесовичок из папье-маше, грустная русалочка, вовсе не страшный одноногий пират, самолет, пузатый телефон, по которому никуда нельзя было позвонить, космонавт, у которого на шлеме было написано «СССР», и многое-многое другое. При виде каждой доставаемой игрушки у Маши радостно екало сердечко, а в душе поселялась радость, оттого, что все игрушки оказались целыми и ни одна за лето никуда не сбежала. Потом дядя Паша встал на табуретку и приладил блестящую вершинку. Внизу она была толстой и напоминала куполок церкви. Зато потом тянулась вверх и заканчивалась острым навершием. И была раскрашена во все цвета радуги. В самом низу коробки еще лежал серебряный дождь. Дождь был разный: толстые, похожие на перекрученные колбаски длинные гирлянды, и легкие, почти невесомые нити разных цветов. Маша знала, что дождь будут вешать в последнюю очередь. А сейчас нужно приладить мигающие огоньки. Огоньки лежали отдельно от игрушек. Дядя Паша принес их, распутал и развесил на ветви. А потом Маша с мамой уже украсили елку дождем.

Но главный сюрприз ждал впереди. Мама снова вышла на веранду и принесла оттуда большого нарядного Деда Мороза и Снегурочку. Под елку на снег из ваты Маша ставила их сама. Дед Мороз был одет в красную шубу и валенки, а Снегурочка в голубенький тулупчик и сапожки. После этого в комнате выключили свет, и дядя Паша щелкнул выключателем гирлянды. Сначала ничего не произошло, но потом огоньки вдруг вспыхнули, и елка начала переливаться мягкими разноцветными огнями. По комнате заплясали цветные тени, и у Маши от восторга перехватило дыхание. Только раз в году и можно было устроить такое чудо! И этого чуда она с нетерпением ждала весь год.

Даже Жорж Дюруа заинтересовался пляшущими огоньками. Соскочив с дивана, он подобрался к самой елке и долго следил за перемигиванием лампочек на гирлянде. Потом осторожно потрогал лапой кончик свисающего с ветки дождя. Дождь потянул за собой колючую ветку, и она легонько шлепнула кота по голове. Тот отскочил от елки на порядочное расстояние и недоуменно смотрел на раскачивающуюся ветку. Потом снова полез на диван.

А у Маши в душе все пело от счастья - скоро, совсем скоро Новый год! Это значит, что на новогоднем утреннике в школе им опять дадут большие бумажные кульки со всякими сладостями. И на кульках снова будет нарисован Дед Мороз. А потом этот Дед Мороз, или уже другой - это не важно, принесет ей под елку какой-нибудь подарок. В том году это были красивые рукавички с шарфиком и небольшая коробочка с конфетами. До этого старый волшебник приносил девочке то красивую книжку, то альбом для рисования с красками, то еще чего-нибудь. Все подарки оказывались к месту, как будто Дед Мороз точно знал, чего хочет Маша. Она, конечно, подозревала, что тут не обходится дело без мамы, но какое участие она принимает в появлении подарков, Маша сказать затрудня-

лась. То ли мама сама и клала эти подарки под елку, то ли как-то договаривалась с Дедом Морозом. Но Маше это было, по большому счету, неинтересно.

Гораздо интересней было, встав утром первого января, с сильно бьющимся сердцем, босиком прошмыгнуть к елке и развернуть подарок. И на другой день тоже. Но почему-то на другой день подарки оказывались точной копией прошлогодних: немного конфет, грецкие орехи, шоколадка и мандарин с яблоком. Тут уж Маша знала определенно - эти подарки ей кладет бабушка Нина. Маша несколько раз даже видела украдкой, как бабушка собирает вечером этот кулек. Но все равно, и на другой день было очень приятно подойти к елке и достать бабушкин подарок.

В этом году Маша тоже сильно ждала первое января. Интересно, каким будет подарок на этот раз?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
Очень важная глава, в которой выясняется, что Маше уже девять лет и ей пора познакомиться с Томом Сойером. И что из этого знакомства вышло

У Маши в жизни произошло очень важное событие. Однажды, придя в библиотеку, она, как обычно, пошла к стеллажу с детскими книжками. Но библиотекарь Ирина Николаевна внезапно задержала ее.

- Маша, скажи мне - сколько тебе лет?

- Девять! - не задумываясь, выпалила Маша.

- Хорошо! - улыбнулась Ирина Николаевна. - А как думаешь: тебе уже - девять, или пока еще - девять?

- Как это?

- Понимаешь, некоторые дети и в двенадцать лет еще маленькие. А некоторые и в восемь уже вполне самостоятельные люди. К кому ты себя относишь?

Маша задумалась. Конечно, хорошо, когда ты маленькая, и тебя все любят и выполняют любые твои капризы. Но с другой стороны, так хочется скорее стать самостоятельной! Чтоб самой отвечать за свои поступки. Ей вспомнилось, как она остригла себе косы, как сбежала в город, как они с Витаминкой чуть не умерли со страху в церкви... Да мало ли чего! Еще и тетя Галя назвала их геройскими девчонками.

- Мне, наверное, уже девять, - ответила она Ирине Николаевне.

- Я так и думала! - обрадовалась библиотекарь. - Тогда скажи мне, Маша, почему ты до сих пор берешь читать детские книжки? Некоторые из них ты читаешь уже по третьему разу.

Маша смутилась. Как объяснить взрослой тетеньке свою тягу к книгам? Они ей уже давно стали настоящими добрыми друзьями. И со многими из них она встречалась с удовольствием по нескольку раз. Хоть и знаешь наперед, чем все кончится, но как приятно просто читать их снова, рассматривать картинки и в глубине души надеяться, что вдруг да в этот раз там все окажется по-другому?

- Не знаю... - Маша беспомощно посмотрела на Ирину Николаевну. - Я не думала, что нельзя...

- Что ты, Машенька... конечно, можно! И даже - нужно! Но я к чему спрашиваю? Не пора ли тебе переходить от этого стеллажа к более серьезным книгам?

- К каким? - сразу заинтересовалась Маша.

- Книг очень много, - пояснила Ирина Николаевна. - Ни у одного человека не хватит жизни, чтобы прочитать их все. Но лучшие из них нужно знать и читать их.

- А какие - лучшие? - удивилась Маша.

- Хотя бы вот эту книжку почитай, - предложила Ирина Николаевна и достала из-под библиотечной стойки толстую книгу. - «Приключения Тома Сойера». Очень хорошая повесть. Я ей в детстве просто зачитывалась.

- Такая большая! - ахнула Маша.

- Если бы! - вздохнула библиотекарь. - Ты еще не один раз пожалеешь, что она такая короткая!

- Ничего не поняла! - призналась Маша.

Она осторожно взяла книгу, ощутив ее немалый вес. Открыла и сразу отметила для себя, что буквы в ней были маленькие.

- Это ж мне на год читать хватит... - пробормотала она.

Но глаза, помимо ее воли, уже сами прикипели к первой строчке повести. «Том!» - так там было написано. И пошли захватывать все дальше и дальше:

- Том!

Нет ответа.

- Том!

Нет ответа.

- Куда же он запропастился, этот мальчишка?.. Том!

Нет ответа...

Она прочитала о старушке, которая оглядела комнату поверх очков, потому что редко пользовалась парадными очками, когда ей приходилось искать такую мелочь, как мальчишка...

- Так записывать ее на тебя? - поинтересовалась Ирина Николаевна.

- А?.. - Маша недоуменно взглянула на улыбающуюся Ирину Николаевну - она уже целиком находилась в маленьком американском городишке в середине девятнадцатого века. И теперь явно не понимала того, как она очутилась здесь, в библиотеке. Но вроде сообразила. - Конечно, записывайте!..

Домой она бежала, словно боясь куда-то опоздать. Едва раздевшись, сразу схватилась за книгу. И... не отрывалась от нее до самого вечера. Так что маме даже пришлось насильно отбирать книгу и усаживать дочку за стол. «Спокойной ночи, малыши!» Маша в этот вечер пропустила. Пропустила и в следующий. А к вечеру третьего дня она, неожиданно для себя, обнаружила, что переворачивает последнюю страничку повести. Как же так?! Книга ведь только-только началась... От обиды Маша едва не заплакала. Не зря Ирина Николаевна говорила, что она не раз пожалеет, что повесть такая короткая. Теперь Маша прекрасно ее понимала. Ну, и чтобы не расставаться с полюбившимися героями, она тут же начала читать повесть сначала. И снова, как и в первый раз, остро переживала приключения героев. За чтением книги, Маша совсем не заметила, как наступил канун Нового года. Просто утром мама сказала, что сегодня Маше нужно идти в школу.

- В какую школу? - пробормотала, не отрываясь от книги, Маша. Она как раз заблудилась вместе с Томом и Бекки в пещере. - Каникулы же...

- Здравствуйте! - слегка опешила мама. - А елка?

- Ой! - Маша испуганно взглянула на маму. - Елка? Разве сегодня тридцать первое?

- Конечно! Ты со своей книгой света белого не видишь!

Стоя уже перед зеркалом и наряжаясь на школьный утренник, Маша только сейчас сообразила, что три дня не видела ни Витаминку, ни Мишку Пичугина и вообще никого. Она безвылазно просидела дома, всецело захваченная в плен ярким талантом Марка Твена, написавшего о Томе Сойере.

- Ой-е-ей! - вздыхала она. - Вот Витамина ругаться-то станет... Хотя, могла бы и сама забежать, - нашла она оправдание.

В школе было нарядно: на окнах висели бумажные снежинки и разноцветные завитые полоски, тоже из бумаги. Кое-где на стенах виднелись надписи «С Новым годом!» С потолка на ниточках свисали ажурные шарики и гирлянды серебряного дождя. Двери классов были украшены еловыми веточками. Все учителя и ученики ходили нарядные и веселые. Сама елка стояла в спортзале. Она была просто огромная! И на ней было множество игрушек.

Витаминку Маша отыскала в самом углу спортзала. Она сидела на низенькой длинной скамейке и исподлобья посматривала на веселящуюся публику.

- Привет, Вита! - обрадовалась Ромашка и облегченно плюхнулась рядом с подружкой на скамейку.

Витаминка обиженно надула щеки и отвернулась к стенке.

- Ты чего? - растерялась Маша.

- Ничего... - буркнула подружка.

- Представляешь, я три дня дома высидела, - объяснила Маша.

- Заболела? - чуть смягчилась Витаминка.

- Нет! Я тут в библиотеке новую книжку взяла. Большущую. Но Ирина Николаевна сказала, что я пожалею, что она такая маленькая. Я и пожалела.

- Ничего не понимаю! - удивилась Витаминка. - Сама говоришь, что большущая. А и маленькая. Так не бывает.

- Бывает! - доказывала Маша. - Вроде большая, а начала читать - и нет ее. Кончилась.

- Там картинки, что ли?

- Есть и картинки. Но в основном буковки. Маленькие.

- И ты вот из-за книжки не могла в гости ко мне забежать? - недоверчиво прищурилась Витаминка.

- Да! - подтвердила Маша. - Такая книжка интересная, что и не оторваться. Я уже второй раз читать стала.

- Про войну, что ли?

- Сама ты - про войну! - даже обиделась Маша. - Про Тома Сойера, вот! Это мальчик из Америки.

- И чего он натворил?

- Они с Геком много чего натворили. Даже и клад нашли. А еще Том забор красил. А ему неохота было. Так он всех мальчишек заинтересовал, и они ему всякую дребедень волокли.

- Зачем? - не поняла Вита.

- А чтоб он и им дал покрасить. А один даже говорит: я, говорит, дам тебе дохлую крысу на веревочке покрутить, а ты мне забор покрасить дашь. А Том говорит: ладно, пока я крысу буду крутить, то ты и покрасишь. А как надоест, то опять забирай свою крысу. А потом к нему даже очередь выстроилась. Вот!

- Ничего не поняла, - призналась Витаминка. - Но книжка вроде интересная. Если они там клад вырыли. Там написано, как его искать надо?

- Кого?

- Клад! - таинственно прошептала Витаминка.

- Написано, - припомнила Ромашка. - Они в пещере там ходили и нарвались на индейца Джо. А до этого они искали клад сперва под сухим деревом, куда тень падает, потом под другим, а потом в разрушенном доме. Только индеец Джо его там раньше уже нашел. И отнес в номер второй под крестом.

- Че-го? - от удивления глаза Витаминки округлились. - Куда отнес? Какой индеец?

- Ну ты и непонятливая! - огорчилась Ромашка. - Я же тебе объясняю: сначала они искали клад под деревом, потом была пятница, и они играли в Робин Гуда. Потому что в пятницу клады искать нельзя. А в субботу снова пошли искать. Залезли в развалины. А туда пришел Джо. И выкопал клад до них. И отнес его в номер второй - в пещеру. Хотя Гек и думал, что номер два - это номер в гостинице Общества трезвости. Все просто и понятно. А Том с Бекки потом блудились в пещере. И увидели индейца. И Том понял, что номер два - это пещера. Ясно?

- И как ты во всем этом разобралась? - позавидовала Витаминка. - Я бы не поняла. А где мы найдем пещеру?

- Зачем нам пещера?

- Как это?! - Витаминка даже вскочила со скамейки. - Как - зачем? А клад искать? Уже забыла?

- Ты это серьезно?

- Конечно! Я теперь поняла - нам нужен клад! - у Витаминки даже щеки разгорелись от нетерпения. Но внезапно блеск в ее глазах поубавился. - Только где пещеру найдем?

Ромашка тоже потупилась. Но внезапно ей в голову пришла неплохая мысль.

- А помнишь - мы хотели в поле магазин одежды найти, и я в дыру провалилась?

- Помню...

- А помнишь, как я из дыры вылезла?

- Да. Пришел Пичугин и напугал тебя крысой. Ты и выскочила, как ошпаренная. Я до сих пор не поняла - как.

- Не то все! - Ромашка тоже встала со скамейки и горячо зашептала на ухо подруге: - Я там по каким-то штукам к дыре подлезла, чтоб за край зацепиться. Это мешки вроде.

- Ты думаешь, что клад может в мешках быть? - удивилась Витаминка.

- Да хоть в мешках, хоть в сундуках, хоть и в кувшинах. Надо проверить.

- А как же крысы? Ты же их боишься.

- Крысы, крысы... Я как прочитала, что Том крысу на веревке крутил, то и перестала бояться. Смешно просто.

- Ну, и правильно, - одобрила Витаминка. - А теперь пошли к елке: вон сюда уже Оля со Светкой идут. При них о кладе - молчок!

- А Мишке скажем?

- Ладно, Мишке можно...

После школьного утренника, сравнив подарки - хотя чего там было сравнивать? - все подарки оказались одинаковыми, разве что у Витаминки яблоко оказалось побольше, Ромашка с Витаминкой и Пичугин снова поехали кататься на лыжах. В этот раз за рощу не ездили, а сразу поехали к сараю. Но внутрь попасть не удалось, потому что вся дверь была завалена снегом. Покатавшись возле сарая, дети отправились в поселок.

- Нам надо или лета ждать, или лопату с собой тащить, - авторитетно заявил Мишка Пичугин.

- Эх, ты! - чуть свысока посмотрела на него Ромашка. - Разве клады так ищут?

- А как их надо искать? - удивился Мишка. - Я еще ни одного не нашел.

- Ну, без лопаты тут делать нечего. Здесь ты прав, - объяснила Ромашка. - Но нам еще и в дыру надо спускаться. Надо туда Витамину засунуть, как самую ловкую. Но все равно нужны еще фонарь и веревка.

- Зачем? - в один голос спросили Витаминка с Мишкой.

- Фонарь, чтоб светить, а веревка, чтоб лезть по ней. Да и клад к ней тоже привязывать. Понятно?

- Я другое поняла, - сообразила Витаминка. - То-то, думаю, ты вдруг крыс перестала бояться. А ты просто меня хочешь туда засадить.

- А ты и испугалась!

- А вот и не испугалась!

- Вот и слазаешь. А то я один раз там уже была, а ты - нет.

- Ладно. А где мы фонарь возьмем?

- У меня фонарь есть, - сообщил Мишка. - Мне мама на тот Новый год его подарила.

- А у меня на веранде веревка висит, - вспомнила Маша.

- А у меня лопата у крыльца стоит. Вот все и нашлось! - обрадовалась Витаминка. - Завтра и поедем за кладом.

- Завтра нельзя, - запротестовала Ромашка.

- Потому что первое января?

- Нет. Потому что пятница. А в пятницу клады никто не ищет. Про это и в книге написано.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
В ней выясняется, сколько может прожить японский поросенок и какими бывают клады

И вот наступил вечер тридцать первого декабря. Вся суета с кладом отошла на задний план. Сегодня - Новый год! А это значит, что будет накрыт стол, на котором будут стоять всякие вкусности. В приготовлении этих лакомств участвовала вся семья. Бабушка Нина пекла пироги, отчего по всему дому распространялся тонкий и вкусный запах теста. Мама готовила салаты, а дядя Паша с крайне заинтересованным видом колотил специальным молотком по куску мяса - отбивал его. И Маша не осталась в стороне: ей дали деревянную доску и нож и заставили резать на кубики соленые огурцы. Это нужно для салата. После огурцов Маша резала сыр, колбасу и хлеб. Жорж Дюруа настойчиво крутился рядом. То он выпрашивал на кухне у бабушки кусок свежей рыбы, которая была приготовлена для рыбника, то ластился к маме, в расчете поживиться крабовой палочкой, то запрыгивал к Маше на колени, высовывал голову над столом и пытался стянуть с него колечко колбасы. Мама и бабушка кота просто прогоняли, но Маша жалела его и тайком кормила колбасой. Кот сметал колбасу и снова бежал на кухню просить рыбы. Потом начали накрывать стол. А по телевизору уже шло кино о смешном дяденьке, который перепутал города и вместо Москвы оказался в новогоднюю ночь в Ленинграде. Потом в гости пришли тетя Надя с дядей Валерой. Мама и тетя Надя вместе работают. И дружат между собой, как, например, Ромашка с Витаминкой. Тетя Надя подарила Маше большую шоколадку. И сказала, что это от Снегурочки. Она всегда дарит Маше на Новый год шоколад. И всегда от Снегурочки. Видимо, она и с ней тоже дружит. Наконец, все оказалось приготовлено, и все уселись за стол. Включили елку, и опять по стенам заплясали цветные огоньки. Взрослые начали выпивать вино и веселиться. А Маше наливали лимонад и компот. Пока Маша решала, что вкуснее: компот из абрикосов или же лимонад «Буратино», куранты начали бить полночь. По телевизору коротко выступил президент и поздравил всех с наступающим Новым годом. Взрослые закричали «Ура!», и дядя Паша открутил пробку с бутылки шампанского. Пробка выстрелила в потолок, а из горлышка бутылки хлынула белая пена. Маша тоже закричала «Ура!», потому что ей было очень радостно: впервые в жизни взрослые не отправили ее спать в десять часов. И ей все казалось интересным и необычным. Только Жорж Дюруа ничего не кричал. После того, как из бутылки с грохотом выскочила пробка, он задал стрекача под комод и теперь испуганно высовывал оттуда рыжую голову, поблескивая глазами, словно желтыми фонариками. А по телевизору начали петь песни. Дядя Валера с тетей Надей вовсю пытались под-

певать исполнителям. А Маша этих песен не знала, и поэтому ей скоро стало скучно. Она даже начала откровенно зевать. И тогда ее уложили спать. Уже лежа в постели, Маша удивлялась: это вот и есть Новый год? А где чудеса?! Где Дед Мороз со Снегурочкой, где, наконец, подарки? Раньше она думала, что вместе с боем курантов сразу начинается сказка. А ничего и не произошло. Просто ей стало весело, когда грохнули шампанской пробкой. Или надо говорить: пробкой от шампанско... И тут Маша уснула.

Хоть она и легла спать довольно поздно, но утром проснулась в свое обычное время: часы показывали шесть часов сорок минут. Это, как Маша знала, Светка Макарова любила поспать. Если ее не разбудить, то может спать и до двенадцати. И Вита тоже. И Оля Лапина. А у Маши в организме словно срабатывали какие-то свои часы: проснувшись, она еще пять минут ворочалась с боку на бок, потом отодвигала занавеску и смотрела на часы. И на табло всегда были одни и те же циферки: шесть и сорок. Но так она просыпалась только тогда, когда ходила в школу. На летних каникулах что-то сбивалось, и она могла проспать даже до восьми часов. Или же наоборот: встать ни свет, ни заря. Мама говорит: это из-за того, что теперь два раза в год переводят часы. На час назад и на час вперед. И поэтому сбиваются какие-то биоритмы. Что ж, маме лучше знать. Рядом, уютно посапывая и закрыв голову лапой, спал Жорж Дюруа. Как-то раз по телевизору шла передача о кошках. И там сказали, что кошки спят по шестнадцать часов в сутки. Что-то не очень похоже: Жоржик спит только утром, а весь остальной день шастает по двору или по дому в поисках кормежки. Хоть возле дверей у него и стоит блюдечко с едой. Но он предпочитает выпрашивать. И ест даже черный хлеб, если выпросит. «Добыча!» - говорит дядя Паша. А вчера кот испугался выстрела пробкой. И смех и грех!..

Ой! Маша внезапно вспомнила, что сегодня уже Новый год. И значит, под елкой ее ждет подарок! Она быстро соскочила с кровати и пошлепала босиком по холодному полу в комнату. Жорж, словно он и не спал всего мгновение назад, побежал следом. В комнате еще было темно. Но Маша знала, как включить елку. Щелкнула тумблером, и на елочных ветках заперемигивались малюсенькие лампочки. Встав на коленки и раздвинув струи серебряного дождя, Маша, с сильно бьющимся сердцем, заглянула под елку. Там, на вате, между Дедом Морозом и Снегурочкой, стоял небольшой мешочек, завязанный сверху красной ленточкой. Девочка осторожно потянула к себе мешок. Тут же под елку влез Жорж Дюруа и начал обнюхивать подарок.

- Жорж, не мешай! - шепотом прикрикнула на него Маша. - Это мне от Деда Мороза. Понятно?

Тогда кот потерял всякий интерес к подарку и принялся играть с кистью дождя. А Маша уже поставила мешок на стол и начала развязывать ленточку. В мешочке оказалось две коробки. Первая коробочка была набита доверху конфетами, жевательными резинками и орехами. Было также и два мандарина. Вторая коробочка была гораздо легче. Что же внутри? На глянцевой блестящей поверхности был нарисован экранчик телевизора, с которого улыбалось какое-то зеленое чучело. Так ничего и не поняв - не телевизор же там, в конце концов! - Маша открыла подарок. И едва не завизжала от восторга. В коробочке лежал настоящий тамагочи. Это такая маленькая электронная игра. Притоптывая от нетерпения ногами, окоченевшими на холодном полу, Маша потащила оба подарка в постель. Сунув в рот сразу две жвачки, она принялась с интересом рассматривать игру. Небольшой экранчик посередине красной круглой коробочки, несколько кнопочек и непонятная надпись, наверное, снова по-английски. Как и в журнале мод. Маша осторожно понажимала на кнопочки. Ничего не случилось. Наверное, она просто не умеет пока включать игру. Ладно, мама проснется и научит. Это, насколько Маша себя помнила, был самый ценный новогодний подарок в ее жизни. Вот так Дед Мороз! О такой игре Маша даже и мечтать не смела. И видела только несколько раз, когда, примерно такую же игру, только синюю, недели две назад приносила в школу Анжела Кап. Но она и притронуться к ней никому не давала. И только на большой перемене демонстрировала потрясенным девчонкам, как по экрану скачет цыпленок. Его нужно было постоянно кормить, заботиться о нем, лечить, если заболеет, и прибирать за ним. Это было за гранью машиного понимания. Но она все равно остро завидовала Анжеле. И вот теперь такое же чудо будет и у нее. И еще Анжела сказала, что существо, живущее в коробочке, может даже и умереть. Тогда - все. Игрушку можно будет выкидывать. Только если ее Цыпа умрет, то Анжела его выкидывать не станет. А похоронит в землю - настолько она его полюбила. И даже один раз, когда Цыпа болел, она просидела с ним всю ночь, чтобы вылечить. А теперь и Маша может небрежно достать на переменке своего тамагочи и показать девочкам. То-то Анжела обзавидуется!

Как назло, мама с дядей Пашей спали сегодня особенно долго. Уж и бабушка давно проснулась, и позавтракать они успели, а мама все не выходила из своей комнаты. Маша уже и бабушке показывала тамагочи. Та подивилась такой заморской игрушке, но сказала, что включить ее тоже не сможет. Маша уже хотела идти к Анжеле Кап, чего раньше никогда не бывало, и просить совета у нее, но тут, наконец, проснулась мама. Маша тут же принялась просить ее включить игрушку. Но мама сначала умылась, причесалась, потом они с дядей Пашей пили чай, и только потом мама взялась за тамагочи. Она почитала инструкцию, нажала на какую-то кнопочку и экран засветился. В этой японской игрушке жил, оказывается, зеленый поросеночек. Имя для него пришло само - Хрюша. Он немного походил из угла в угол, потом игрушка запищала. Это значит, что Хрюшу пришло время кормить. Посредством нажатия кнопок Маша выполнила его просьбу. После чего поросенок уснул. Как Маша ни будила его, тот и не думал просыпаться. «Ну и как хочет!» - подумала она, сунула игрушку в карман и побежала одеваться: сегодня они с Витаминкой были приглашены в гости к Пичугиным.

Во время поедания у Мишки новогоднего торта Хрюша просыпался еще дважды. Один раз попросил поесть, а потом за ним нужно было убирать. Что Маша быстро и сделала. Потом тамагочи снова уснул.

- Соня он у тебя какой-то, - ехидно сказала Витаминка, - спит только. У Анжелы вон как прыгал.

- Маленький он еще у нее, - заступался за Ромашку Мишка. - Она только сегодня его включила. Новорожденный, во! - вспомнил он нужное слово.

- А долго он расти еще будет? - поинтересовалась Маша.

- Не знаю. Можно у мамы спросить.

Тут в комнату вошла тетя Галя.

- Мам, поросята долго растут? - спросил Мишка.

- Зачем тебе? Завести хочешь? - улыбнулась тетя Галя.

- Нет. У Маши в тамагочи поросенок живет. Вот когда он вырастет?

- Ну, настоящий-то растет больше года, пока кабаном станет. Но я слышала, что эти тамагочи недолговечны. И месяца не живут. Но растут быстро.

- Как?! - у Маши даже слезы на глазах выступили. - Всего месяц?

- Ну, я так слышала, - подтвердила мишкина мать. - Но может, и не так. Как ухаживать за ним станешь.

- Я за ним очень хорошо буду ухаживать, - поклялась Маша. - Честное слово!

- Тогда, может, и два месяца проживет, - сказала тетя Галя и снова вышла в кухню.

- Два месяца - тоже недолго, - огорчилась Маша. - Зачем мне Дед Мороз тогда и принес Хрюшу?

- Какой Дед Мороз? - удивился Пичугин. - Разве тебе не мама его подарила?

- Нет, конечно! Мне каждый Новый год Дед Мороз подарки приносит...

- Ты до сих пор веришь сказкам? - удивился Мишка. - А ты, Витамина?

Хоть Витаминка тоже не верила в Деда Мороза, она предпочла поддержать Машу. На всякий случай.

- Это, Пичугин, не сказки. Подарки приносит Дед Мороз. Правда. И в школе у нас он был.

- Да вы что, с Луны свалились? - Мишка даже покрутил у виска пальцем. - Это же липовый Дед Мороз на елке был. Это - физкультурник. Только с бородой.

- Ну и что! - не сдавалась Вита. - А подарки приносит настоящий. Вот. А если будешь спорить - за кладом не возьмем. Да, Маш?

На другой день маленькая экспедиция, состоящая из троих детей, отправилась на поиски клада. Витаминка принесла лопату и тут же вручила ее Мишке. Не осталась в долгу и Маша, накинув Пичугину на плечо свернутую кольцом толстую лохматую веревку. Маша так и не могла припомнить, чтоб эту веревку, столько лет мирно висящую на веранде, кто-то использовал.

- Как же я поеду? - изумился Пичугин, разглядывая лопату и веревку. - Веревка-то ладно. А чего с лопатой делать? У меня же руки лыжными палками заняты.

- А ты лопатой отталкивайся! - посоветовала Витаминка.

- Нет. Не так надо, - придумала Ромашка. Она чувствовала себя сегодня старшей, и Мишка с Витой охотно ее слушали. Потому что она одна читала, как надо искать клад. - Ты, Миша, веревку к лопате привяжи, как будто ремень у винтовки. Потом на спину и повесишь.

- Точно! - обрадовался Пичугин и быстро исполнил требуемое.

Затем, нагруженный инвентарем для поисков клада, словно маленький верблюжонок, он бодро побежал полем по старой лыжне. Подружки двинулись следом. Прибыв на место, Мишка тут же приступил к делу: скинув лыжи, отчего ноги провалились в снег по колено, он начал откапывать двери. Через двадцать минут одну створку дверей уже можно было приоткрыть. Как раз на столько, чтобы в образовавшуюся щель могли протиснуться искатели сокровищ. На полу сарая кое-где лежал снег, наметенный сквозь дыры в крыше. А свет проникал только через приоткрытую дверь. Мишка включил фонарик. Витаминка тут же фонарик забрала и подошла к проломленной Машей дыре в полу. Посветила вниз.

- А и точно - мешки какие-то! - сообщила она друзьям. - Привязывайте к двери веревку - я вниз полезу!

Неожиданно Маша что-то сообразила.

- Стоп! - остановила она Витаминку. - А как мешки туда попали?

- А просто кто-то их туда положил, да и все, - предположил Пичугин.

- А как?

- Что - как? - не поняла Витаминка. - Руками, конечно. Чего и спрашиваешь-то?

- Так не бывает, - не сдавалась Ромашка. - Чтобы сперва мешки положили, а потом сверху пол приколотили.

- Точно! - хлопнула себя по лбу Витаминка. - Где-то вход должен быть!

Они осторожно, подсвечивая себе фонариком, обошли сарай по периметру. И действительно, в дальнем от входа углу обнаружили старую крышку голбца с железным кольцом вместо ручки. Мишка смело потянул за кольцо. Крышка не поддавалась.

- Надо лопату в щель всунуть! - сообразила Витаминка и сбегала на улицу за лопатой.

На этот раз крышка со скрипом начала приподниматься. Откинув крышку, ребятишки заспорили, кому надо лезть в дыру.

- Мы ведь договаривались, что ты полезешь! - наступала на Витаминку Ромашка.

- Ага, как же! - не уступала Витаминка. - Это если бы в дырку на веревке спускаться. А тут даже целые ступеньки есть. Так что ты и ползи!

Маша с ужасом смотрела на зияющий, словно черная пасть, провал и даже ежилась от страха. Внезапно подружки одновременно посмотрели на Пичугина.

- Э, вы чего? - даже попятился он. - Такого уговора не было! Я же крыс боюсь!

- Ты же мальчик, - подлив в голос меду, просветила Мишку Витаминка. - Значит, должен защищать девочек. Вот и защищай. А крыс там никаких и нет. Им там есть нечего.

Как Мишка ни упирался, его все же заставили лезть в подвал. Он глубоко вздохнул, потрогал на всякий случай в кармане иконку, подаренную отцом Александром, и, втянув голову в плечи, начал осторожно спускаться по старым скрипящим ступенькам. К счастью, подвал оказался не слишком глубоким. Посветив фонариком, Мишка и обнаружил искомые мешки. Их оставалось всего несколько штук, как раз над тем местом, где провалилась Ромашка. А больше в подвале, как и наверху, ничего не было.

- Ну, как там? - поинтересовались сверху подружки.

- Да тут даже в футбол можно играть - столько места! - сообщил Мишка.

Наверху подумали, пошептались и пришли к решению:

- Стой там, мы тоже к тебе лезем!

Уже втроем подошли к мешкам. На ощупь они оказались очень твердыми.

- Наверное, они набиты золотом... - прошептал Мишка.

- Или бриллиантами... - поддержала Витаминка. - Надо мешок развязать.

- А тут и завязок нет, - разглядела Маша. - Мешки-то зашиты!

- У меня ножичек есть, - сообщил Пичугин.

Он достал перочинный ножик и смело резанул бок мешка. В разрезе блеснуло что-то белое.

- Что это? - удивилась Витаминка, пытаясь отколупнуть пальцем хоть небольшой кусочек этого белого вещества.

Но то, что было в мешке, никак не хотело отколупываться. Ноготь скользил по веществу, словно по льду.

- Не знаю, что и есть... - пожаловалась она. - Твердое...

- Это... героин! - наконец догадался Мишка. - Наркотик такой. Я в кино видел. Только он сыпучий, как порошок.

- Ну, так и не то, раз сыпучий, - решила Ромашка. - И вообще: что такое наркотик?

- Это чего-то такое, за чем все гоняются и отнимают друг у друга. И стреляют из пистолета даже.

После этих слов все испуганно огляделись - не целятся ли в них уже из пистолета? - хотя в подвале ничего не было видно. Неожиданно Ромашка заметила на боку одного из мешков приклеенную бумажку.

- Ой, смотрите, тут написано чего-то! Давайте прочитаем?

- Читай!

- Высоко-эф-фек-тивное, - по слогам начала читать незнакомые слова Ромашка, - гранули-рован-ное фос-форное удо...брение... Удобрение! - сообразила она. - Вот же большими буквами и написано сверху: суперфосфат!

- Удобрение? - пожала плечами Витаминка. - Разве удобрение может быть кладом?

В это время в кармане у Ромашки что-то требовательно запищало. Ребятишки от неожиданности даже подпрыгнули.

- Эт-то чего? - Мишка от испуга даже начал заикаться.

Глаза у него округлились, а ноги противно задрожали. Хорошо, что в темноте никто этого не заметил. Писк не прекращался.

- Да это же Хрюшенька проснулся! - сообразила Ромашка. - И чего-нибудь просит. Витамина, посвети мне...

- Еще чего! - не согласилась Витаминка. - Пока ты за ним будешь ухаживать, то и фонарь погаснет. Уже вон мигает. Ничего с твоим Хрюшенькой не случиться.

- Дак ведь пищит...

- Попищит, попищит, да и перестанет, - решила Витаминка. - Что с кладом делать будем?

- Не нужен мне такой клад! - заявила Ромашка. - Его и не унести даже. Если бы в мешках хотя бы тамагочи лежали...

- Тебе дак только бы тамагочи... - зашипела на подружку Витаминка. - А ты, Мишка, чего скажешь?

- Плохой клад, - согласился с Ромашкой Пичугин. - Ненастоящий.

- Ну, и как хотите, - обиделась на друзей Витаминка, - а я так не откажусь и от такого!

Она с пыхтением вцепилась в мешок. Но тот даже не пошевелился.

- Как ты его потащишь? - удивилась Ромашка. - Тут же написано, что масса, то есть сколько он весит, - пятьдесят килограмм.

- Как-нибудь дотащу! - не сдавалась Витаминка.

- А вот и не дотащишь! - поддержал Машу Мишка. - Только надорвешься. Он же больше тебя весит.

- Дотащу! - твердила Витаминка. Ей уже удалось свалить мешок на землю. - И откуда ты знаешь, что мешок больше моего весит? Я, может, вешу сто килограмм!

- Ври давай! - не поверил Мишка. - Ты вон какая худенькая. Даже мама у меня говорит, что весит шестьдесят кило. И ей срочно надо худеть. А она большая.

- Ну и что? Я, может, худенькая, а тяжелая... Уф, вот это мешочек...

- Если бы ты была тяжелая, - сообразил Мишка, - то тебя бы в гимнастику не взяли!

Снова раздался писк.

- Да пойдемте уже! - взмолилась Маша.

- Пойдем, пойдем, ладно, - проворчала Витаминка и, с сожалением пнув по мешку, первой пошла к выходу.

Выбравшись из сарая на улицу, ребятишки сразу зажмурились: так стало больно глазам после темноты подвала на ярком солнечном свете. Пока терли глаза, писк из кармана прекратился. А когда Маша вытащила тамагочи из кармана, то экранный поросенок лежал кверху лапами и на нажатие кнопок не реагировал.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, заключительная
В ней воскрешается Хрюша, рождается семья Шариков и наконец-то находится Бог

Уже второй день Маша безвылазно сидела дома. Она горевала по погибшему Хрюше. Хоть ей и говорили, что тамагочи живут недолго, но чтобы так недолго... Всего два дня. И как об этом сказать маме? Ой-е-ей, что будет... И все это случилось из-за нелепого клада. Который и кладом-то нельзя назвать. Маша слонялась из угла в угол, иногда читала, иногда смотрела телевизор, но из головы ни на минуту не выходила мысль, что у нее больше нет такой замечательной игрушки. Забегала Витаминка, звала гулять, но Маша никуда не пошла. Наконец, страшно переживая, она решилась поведать тайну бабушке Нине.

- Полно расстраиваться-то, девушка. Было бы из-за чего! Если бы живой поросенок...

- бабушка махнула рукой. - А из-за игрушки-то...

И тогда Маша рассказала обо всем маме. О том, как искали клад, и поэтому она не сумела вовремя накормить Хрюшу. Мама только посмеялась, потом взяла тамагочи и сказала, что у нее на работе есть мастер, который чинит все, до чего у него руки дотянутся. Вечером тамагочи снова был у Маши. Живой и невредимый. Оказывается, на задней крышке игрушки есть маленькая дырочка. И если туда ткнуть иголкой, то тамагочи просто перезагрузится. Вот и все. Как все оказалось просто! Вечером Маша поиграла с ним и легла спать. А утром неожиданно поняла, что он ей и не нужен. Что она столько переживала из-за пустяшного поросенка, что просто перегорела. Как лампочка. И решила взять, да и подарить его Витаминке. А что? У нее уже есть хомяк и черепаха, пусть будет еще и поросенок. Обрадованная этой мыслью, Маша заметно повеселела. Днем она побежала к подружке. Неожиданно на пути ей встретилась библиотекарь Ирина Николаевна.

- Романова, Маша! - окликнула девочку Ирина Николаевна.
- Ой... - Маша остановилась. - Здравствуйте!
- Ты, Машенька, почему за продолжением не приходишь?
- За каким продолжением? - удивилась Ромашка.
- Ты Тома Сойера прочитала?
- Конечно! Я уже и в третий раз читать начала!
- А хочешь узнать, что дальше было?
- А там и дальше есть? - у Маши от внезапной радости даже перехватило дыхание.
- Есть! - улыбнулась Ирина Николаевна. - Следующая книга называется «Приключения Гекльберри Финна».
- Правда? А вы говорили, что книжка такая короткая... Я думала, что и все...
- Приходи завтра в библиотеку и ты увидишь, что двумя этими книжками цикл не ограничивается. Есть еще «Том Сойер за границей», «Том Сойер - сыщик», «Заговор Тома Сойера» и «Школьная горка». Как видишь, Марк Твен очень много написал о мальчике Томе. И все это случайно оказалось у нас в библиотеке.
- Ух ты! - обрадовалась Маша. - Обязательно приду!

Ирина Николаевна уже ушла, а Маша все так и стояла на одном месте. Это же надо! Есть и еще книги о Томе. Просто здорово!

Витаминка в огороде лепила снеговика.

- Привет, Ромаха! Иди помогать!
- Давай! - согласилась Маша. - А кто это будет?
- Пусть это будет сторож! - решила Витаминка.
- А чего он станет сторожить?
- Дом, конечно!
- Тогда ему надо ружье сделать.
- А мы ему досочку на спину вместо ружья приладим.

Через полчаса сторож был готов. С детским пластмассовым ведерком на голове и еловой шишкой вместо носа. За спиной у него красовалась дощечка, обозначающая ружье.

- Если это сторож, то ему надо завести собаку, - решила Витаминка, оглядев со всех сторон свое творение.
- Лучше кошку, - не согласилась Ромашка.
- Где это ты сторожей с кошками видела? - удивилась Витаминка. - Лепим собаку.

Они быстро скатали четыре маленьких шарика и посадили на них шар побольше. Потом приладили голову. Вместо хвоста воткнули ветку березы.

- Это - собака? - усомнилась Маша. - Больно уж круглая. Таких и не бывает совсем.
- Так это же - Шарик! - нашлась Витаминка. - Вот и круглый!
- Точно. Шарик!..
- Семья Шариков!

Подружки посмотрели друг на друга и неудержимо расхохотались.

- Чего это вы тут смеетесь-то? - прервал их смех Мишка Пичугин. Он стоял возле забора. - Я к Маше зашел, а бабушка сказала, что она сюда пошла. Я прихожу, а они - хохочут.
- Да мы тут семью Шариков слепили, - объяснила Вита.
- А-а, точно, - согласился Мишка. - Похоже. Я чего пришел-то... Тут поп в церковь приехал.
- Какой поп? - удивились подружки.
- Да отец Александр, который в городе живет. Он еще нам иконки подарил. Помнишь, Маша?

- Конечно, помню! А чего он приехал-то?

- Не знаю. Только я как увидел, то сразу к тебе и побежал. А вы тут Шариков лепите.

- И чего, он сразу в церковь полез? - спросила Витаминка.

- Нет. Когда я к вам побежал, то он вокруг все ходил. Стены трогал.

- Пойдем к нему? - поинтересовалась Ромашка.

- А и пойдем! - расхрабрилась Витаминка. - Не съест же он нас. А то и мне еще иконку подарит.

- Ой! - спохватилась Маша. - Я ведь тебе тоже подарить чего-то хочу. Вот, держи, - и она достала из кармана тамагочи.

Витаминка широко распахнула глаза.

- Ты чего?.. Это же твоя...

- Теперь твоя будет, - как можно равнодушнее произнесла Маша. - Я не маленькая уже, чтоб в такие игрушки играть.

- Хочешь сказать, что я - маленькая? - надулась было Витаминка, но рука сама собой потянулась к подарку, лежащему на машиной ладони.

Цап! И тамагочи в один момент перекочевал к новой хозяйке.

- Ух ты! Вот классно! - радовалась Витаминка и уже нажимала на кнопки.

А у Маши росло непонятное чувство в душе. Ей вроде и жалко было расставаться с Хрюшей, а вроде и нет. И в то же время ее переполняла радость за радость подруги. Оказывается, делать подарки так приятно! Она даже не ожидала.

Дверь церкви была уже открыта. Ребятишки, осторожно ступая в следы на снегу, оставленные, видимо, отцом Александром, подобрались к входу. И в нерешительности остановились, не зная, что делать дальше.

- Чего встали-то? - спросил Мишка. - Пойдем с батюшкой поздороваемся.

- Да, ты не знаешь, как там страшно... - прошептала Ромашка.

- Вовсе и не страшно, - не согласился Пичугин. - Мы ведь в городе заходили с тобой, помнишь?

- Тут по-другому все. Тут темно и свечки не горят. И тетенька на стенке.

Мишка пожал плечами и нырнул в открытую дверь. И почти сразу вышел.

- Горят. Свечки-то горят. А поп на коленях стоит чего-то. У каких-то полок.

- Ладно, пойдем. Чего и пришли тогда? - набралась смелости Витаминка.

Мишка смело, а девчонки все еще осторожничая зашли в церковь. Там, действительно, горело несколько свечек. Некоторые из них стояли на стеллажах и выхватывали из темноты лик Богородицы. В гулкой тишине храма внезапно раздался чуть глуховатый голос отца Александра, стоящего на коленях возле стены со стеллажами, которые прикрывали лик:

- Стена еси дева в чистоте девства во обителях подвизающимся, Богородице Дево...

Его голос, сначала тихий и негромкий, со временем, казалось, заполнил все пространство церкви. Он то возносился к куполу, то стлался по полу, то обрушивался со всех сторон. Ребятишки стояли, ни живы, ни мертвы: они никак не ожидали такого. Они вроде уже и сбежали бы отсюда, но голос батюшки не отпускал. Он придавливал их к полу и завораживал своей энергетикой.

- Радуйся, Чертоже Вседрагий всякаго доброделания, во всех Дарах Духа Святаго нас утверди. Радуйся, Богоизбранная Отровице, вхождением во храм двери райские нам отверзшая. Аминь.

Уже отец Александр закончил разговаривать с Богородицей, а отзвуки его молитвы все еще заполняли церковь. Ребятишки, словно околдованные, смотрели, как батюшка поднялся с колен, загасил свечи и медленно пошел к выходу. И тут заметил детей.

- Не старые ли это мои знакомые? - теперь нормальным голосом спросил он.

Маша судорожно вздохнула, прокашлялась и ответила:

- Это мы. Маша и Миша. Да еще Витаминка с нами. Здравствуйте.

- Доброго дня и вам, - тоже поздоровался отец Александр. - Пойдемте на воздух.

Долго упрашивать детей не пришлось: они тут же стремглав вылетели на улицу. Священник вышел следом.

- Ах, и благодать же в мире божьем! - внезапно восхитился он. - Вы только посмотрите!

Маша посмотрела вокруг и замерла: таким необычайно прекрасным оказался этот обычный зимний день.

Ярко светило солнце. Где-то возле Маленького переулка, там, где были посажены родительские тополя, чуть клубился туман. Маша удивилась - она еще никогда зимой тума-

на не видела. Почему, откуда он? Но когда она посмотрела на дальний лес, то разгадка пришла совершенно неожиданно для нее. Весь воздух в солнечных лучах был заполнен мельчайшими кристалликами снега. И они, словно звездочки, блестели под солнцем - такая искрящаяся взвесь блестяшек. Они, блестяшки, были не больше иголочного острия, но их было так много, что воздух, казалось, сверкал и переливался. Это было завораживающе красиво. Это было нереально красиво и прекрасно. Это было чудо. И туман, видимо, получался из-за того, что эти мельчайшие блестяшки таяли возле земли под солнечными лучами.

- Красота-то какая, дети! - воскликнул отец Александр. И словно повторил машины мысли: - Это же чудо! Доброе, очень доброе знамение. Быть, значит, здесь храму божьему!

- А вы что, приехали сюда церковь строить? - робко спросил Мишка.

- Она уже построена, - улыбнулся священник. - Но ее нужно восстанавливать. Будете мне помогать?

- Будем! - тут же согласились ребята. - А когда?

- Тут работы очень, очень много, не на один год. И восстанавливать храм будут взрослые люди. Но и вы тоже сможете внести свою посильную лепту.

- А какую? - заинтересовались друзья.

Отец Александр внимательно посмотрел на них.

- Вы говорили, что ищите Бога?

- Искали, - вздохнул Мишка. - Даже в город ездили. Да вот не попался он нам.

- Ага, - подтвердили и Ромашка с Витаминкой. - Никак не могли сыскать. Он прячется?

- Нет, он не прячется, - улыбнулся отец Александр. - Незачем было ездить в город и искать его там. Он в каждом из вас. Поэтому, сначала найдите его каждый в своей душе. А потом и приходите в храм. Если придете, то это и будет ваша помощь. Помощь в восстановлении храма, в восстановлении веры. И не стесняйтесь спрашивать о Боге у родителей и учителей. Они, я думаю, худому вас не научат. А наоборот: помогут найти Бога.

Отец Александр снова повесил на дверь церкви замок, повернул в нем ключ и неторопливо пошел по снегу. Ребятишки гуськом заспешили за ним - след в след.

- А на чем вы приехали? - вдруг спросил Пичугин.

- На автобусе. А ты думал, что я на танке приеду?

Ромашка с Витаминкой засмеялись. Мишка же наоборот - смутился и покраснел.

- Нет, я тут подумал, что автобуса еще долго ждать. А на улице холодно. Пойдемте к нам? Мама вас чаем напоит. А еще у нас сосед есть дядя Ваня. Он потом вас может на машине в город увезти.

Отец Александр улыбнулся и взял Мишку за плечо.

- Ты добрый мальчик. И этим своим поступком ты приблизился на шаг к своим поискам Бога. Ты уже почти нашел его. Спасибо за предложение, но я все-таки пойду на остановку. Неудобно мне отрывать людей от дела. Бегите, дети. До свиданья!

Отец Александр уже ушел, а ребятишки все еще стояли на месте.

- Пичугин, - спросила Витаминка, - я чего-то не поняла: как ты нашел Бога? Где?

Мишка смущенно посмотрел на Машу. И она ответила вместо него.

- Вита, это же так просто! Миша позвал батюшку согреться в доме. Поэтому он проявил участие. Видимо, если совершать добрые поступки, то и приближаешься к Богу. Понятно?

- Так, значит. Мишка позвал попа в гости. Ты, Маха, отдала мне своего Хрюшу. Вы оба добренькие. А мне чего тогда делать?

Она глубоко вздохнула и достала из кармана тамагочи. Протянула Мишке.

- На...

- Зачем? - удивился Пичугин.

- Ну, это... чтоб и я, значит...

- Да не надо мне, - даже испугался Мишка.

- Ну, тогда и мне не надо, - пошла на принцип Витаминка и аккуратно положила игрушку в снег.

Потом посмотрела на Машу с Мишкой.

- Я тоже сделала шаг к Богу?

- Наверное, ты сделала глупость! - засмеялась Маша.

Ее смех подхватил Мишка. Немного погодя к ним присоединилась и Витаминка. Потом они, все так же хохоча, стали спускаться с горки, на которой стояла церковь, к своему Веселому поселку.

Юрий ЛИФШИЦ

И МЫ

Роман-CD (full version)

Трек 01	**Я УХОЖУ**	**4:51**
Трек 02	**ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ЛИВШИЦЕМ**	**7:58**
Трек 03	**ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ**	**5:51**
Трек 04	**ЙОРСК**	**2:24**
Трек 05	**КАК ХОЧЕТСЯ ПОРОЙ**	**2:38**
Трек 06	**И ТОГДА**	**5:06**
Трек 07	**ЛЯРУССА М**	**4:20**
Трек 08	**ВХОДИТ ДВОРЯНИН**	**5:34**
Трек 09	**УБЕЙ КОЛДУНА, ЗИГФРИД**	**8:30**
Трек 10	**ИНКУБАТОР**	**4:42**
Трек 11	**ЧТО УДИВИТЕЛЬНО**	**7:49**
Трек 12	**ТЫ БЫЛА**	**7:08**
Трек 13	**СОЖЖЕННАЯ РУКОПИСЬ**	**2:26**
Трек 14	**САМОЕ ТРУДНОЕ**	**6:22**
Бонус:		
Трек 15	**МАЛО МНЕ**	**7:06**
Общее время звучания		**82:45**

Если уж Дарвины произошли от обезьян, обезьяны - от людей, а люди - от Дарвинов...

Трек 01

- Я УХОЖУ, -
сказала Поулина.
- На рынок? - без отрыва от монитора поинтересовался Лившиц.
- Насовсем.
- И кто же он?
- Ты его не знаешь.
- Сапожник?
- Его сын.
- Вот дура! На кой тебе он сдался, - глухой, немой, слепой?
- Безрукий и безногий, - вздохнула Поулина и спохватилась: - Сам дурак! - она машинально паковала вещи. - Я заберу холодильник и телевизор. Ты все равно не смотришь.
- И обхожусь без манны колбасной, - согласился Лившиц, отстукивая на клавиатуре текущий текст. - А как у него с корнеплодом?
- Свинья!
- Как у свиньи?!
- Скотина!
- Свинья или скотина? Либо то, либо другое.
- Либо ты!
- Я? - изумился Лившиц. - Не уходи, Поулина! Восклицательный знак. Мы с тобой еще не исчерпали всех моих ресурсов.
- Я ему нужна.
- Ты нужна всем. Во-первых, мне, твоему родному извергу, во-вторых, а в-третьих...
- Ему нужнее.
- Ну да, он тебя бить будет.
- Я его люблю, - не подумав, возразила Поулина.
И ушла, прихватив холодильник.
Пару недель спустя Лившиц встретил ее на панели: вся в синяках, под глазами круги, она потемнела, осунулась лицом, раздобрела корпусом, зрачки помутневших глаз ширились от счастья. «Чем это он ее? - завистливо подумал Лившиц. - Какая она красивая стала, вся такая беременная!»
В его редкие сновидения все чаще стал просачиваться сын сапожника. Оседлав корнеп-

лод, он нетопырем порхал над Йорском и сыпал матерными пророчествами.

Сеансы полуночной магии стали достопримечательностью. Йорчане и гости города сходились на Костоломской площади, бесперебойно лузгали подсолнухи и с ностальгическим восторгом комментировали экспрессивные проповеди. Время от времени сборище топорщилось от мегафонного чавканья матострелковой милиции.

Глухонемой обкладывал пространство мозаичными проклятиями. На стену многоэтажной мэрии карабкались альпинисты с электрогитарами. У памятника Тленину цыганские дети среднеазиатских народов оптом и в розницу услаждали слух интернациональной попсой. Городской поэт и голова Маклай Саратов в четыре руки затачивал под рифму речи летучего экстрасенса. Местечковый партайгеноссе Яша Бейжидов с братанами-нибелунгами по союзу «Бурёж» рыскал среди себе подобных, разыскивая ненаших. Подруги Тапочка и Т.М.Катерпиллер, любимые друг другом, пробирались на панель. Древний грек Шоколадзе, почетный житель Йорска, прямой потомок Герострата по материнской линии, бродил в толпе с походным мангалом наизготовку, торгуя третьеводнишними кот-догами. Так он зарабатывал себе на хлеб.

- Побойтесь Бога! - ярился новый йорский Контрацептус. - Вот я вас!

Но его никто не боялся.

Лившиц остался совсем один. Если не считать кошки Мошки. Но ее, набравшись храбрости, можно было единым духом сбросить со счетов. Тем более что она, отсидев свое на сухой диете из вермишели, вскорости сама покончила с собой через форточку. Но неудачно: поскучневшую великопостницу сняла с асфальта все та же Поулина.

Они нашли общий язык на почве йорской тушенки и общеполовой солидарности. Мошка тоже была не той, за кого ее принимали, не той, за кого она себя выдавала и какой казалась самой себе. Она умела летать. Вдоль времени, поперек пространства и обратно. Сверху вниз и наоборот. Во всех мыслимых и немыслимых измерениях сразу и попеременно. Разрывая земное притяжение и сплющивая неземное. Что удается далеко не каждой кошке. Тем более не каждой женщине. А Мошка была истинной женщиной (в подреберном понимании этого слова), как и Поулина - подлинной кошкой.

Идеальная женщина долго не давалась Лившицу. Она была стройной, но не мощеобразной; красавицей, но не фарфоровой; раскованной, но не развязной; общительной, но не болтливой; веселой, но не пустосмешкой; умницей, но по-женски; все понимающей (прежде всего - самое себя), но незаметно для мужчин; отличной хозяйкой, но не идиоткой от стерильности; пикантной, но не страдающей врожденными мигренями; знающей толк в сексе, но не озабоченной сексуально; мягкой, но не периной; ослепительной, но не сучкой; настоящей, но не мегерой; еще той, но не стервой.

Эксперимента ради Лившиц поместил в «Хроникальном Йорске», радикально умеренной газетке для пожилых цыплят, личную версию матримониальной иллюзии. Изложив на бумаге необходимые плюсы предполагаемой подруги по объявлению, он присовокупил пару слов и о себе. Безработный, бесхозный, безалаберный, беспробудный, безразмерный, бесконвойный, беззаботный, бессловесный, бездомный, беспорточный, безобразный, бескозырный мужчина прустовского возраста домогается исключительно брачного контракта и готов от избытка генитальной мощи возложить бремя на кого Бог пошлет.

После чего Лившицу пришлось бегать по чердакам, подвалам, катакомбам, конурам, дачам, канализациям, вокзалам, антресолям и травмпунктам. Женщины, девушки и бабушки забросали его фотографиями, пирожками и нижним бельем без крылышек; атаковали поротно, повзводно и поодиночке; рвали на части, частицы и античастицы. Лягались за право первой и последней ночи, за право приодеть и подбросить деньжат всех цветов радуги, хранить верность и наставлять законные рога. В заметке были четко проставлены - от и до - возрастные размеры, но йорские леди школьно-пенсионного диапазона опирались на исторический опыт сопланетчиц и могли перебить кости всякому ограничителю (половому - в том числе). Так случилось и на этот раз. Так Лившиц впервые сошел с ума. Так он познакомился с Поулиной.

Она явилась, сгребла его в охапку и отнесла к себе домой, после чего - с первой попытки - пинками отшила многоразовых претенденток на его исхудавшую руку и изможденное тело. До сердца дело обычно не доходило.

Поулина оказалась классической подругой жизни, хотя относительно лившицких представлений ее формы отличались в одну сторону, содержимое - в другую. Это ему понравилось. В этом ощущался известный субстанциональный смак. Формальный, допустим, избыток, перетекая в содержательный, предположим, недостаток, рассуждал Лившиц, генерирует оптимальное напряжение, необходимое для немордобойного союза разнополой

пары. Тогда как наружно-нутряной абсолют супруги взмучивает в супруге отнюдь не гармонические грезы, а метафизические угрызения по поводу собственного несовершенства и разгильдяйства. Он же, разгильдяйничая духом и телом, нипочем не желал угрызаться. Как ни странно, Лившиц оказался совершенным - ровно настолько, насколько таковыми казались его прародители.

Он был профессиональным читателем и работал по специальности. Он прочитывал книги быстрее, чем опорожнял стопку. Всасывал их в себя, как аэротруба. Глотал, как шпаги - глотатель. По корешку догадывался о содержании; по титульному листу постигал суть; наскоро перелистав, запоминал наизусть, навечно и неизвестно на кой. Его норма - 200 книг в день - постоянно вы- и перевыполнялась. Если под рукой оказывалась книга, Лившиц уже не мог. Книги были для него ахилловым щитом, полетом валькирий, платоновой пещерой, магеллановым проливом, электронной почтой. Он читал даже газеты, даже «Хроникальный Йорск» (главный редактор - Неолид Хазаров), даже «Йорский Известняк» (главный редактор - Лярусса М), в натуре, честное слово, век воли не видать, есть свидетели, зуб дам. И не был похож ни на энциклопедическую передвижку, ни на сборный цитатник, ни на картезианскую впадину мудрости.

Единственный и неповторимый талант Лившица пришелся ко двору одного-двух его йорских современников, охочих до интеллектуального медку, отцеженного из разноплеменных сот. То да се, преломить бы культурную пайку, а жевать не с кем, да и недосуг, особенно когда кругом сплошная дамская и - тем более - вандамская суета. А ты, тебе, с тобой плюс конкретные бабсы, хотя бы и в рублевом исполнении.

И Лившиц пал на дно библиотек. Когда естественное и потому любимое ничегонеделание сопровождается реальным соцобеспечением, уже не стоит глотать жизнь большими кусками, а, нарезав на дольки, следует употреблять с чувством ежесекундного удовлетворения, с толковой партнершей, с расстановкой сервиза, если о нем кто-нибудь предварительно озаботился. У Поулины сервиз имелся, и сердце книжного червя, обожавшего фарфоровую хрупкость, млело от предвкушения, вкушения и послевкусия.

О коньячном нектаре, водочной амброзии и этиловом эликсире можно и не упоминать. А раз уж упомянуто... В доме было налито во все: от громокипящих кубков до тазиков из-под варенья. Отворились спиртовые шлюзы, разверзлись старковые хляби, забили ромовые ручьи, растеклись озера виски, заскворчали фонтаны бренди и текиловые водопады. Если же дело доходило до пива, к женатому отшельнику съезжались Очаков, Бадаевский, Невский, Толстяк, Афанасий, Шихан, Бочкарев, Медведев-Белый, Мельников-старший и прочая шпана. Вобла текла и вялилась рекой. Вино Лившиц не уважал.

Лившиц читал и предоставлял работодателям эксклюзивные сводки о прочитанном в текстовом, дискетном либо лекционном виде, когда к нему вламывались с нижайшими просьбами предстать, не усугубляя рукотворными градусами свои природные 36,6. Скрепя сердце и внутренности каким-нибудь неместным зельем, Лившиц представал. В смокинге, манишке и бабочке на босу ногу он выглядел фешенебельно по сравнению с самим собою диванным, библиотечным и нересторанным. Это ему шло, но и не шло тоже. Он наскоро одухотворял элиту жмыхом своего умозрительного времяпрепровождения, многократно опрокидывал и в совершенно нереспектабельном виде препровождался домой в какой-нибудь «беэмвошке», заблаговременно подставленной хозяйскими мордохранителями и теловоротами под его интеллигентные, но размягченные сугубым употреблением члены.

Пытка счастьем длилась бы, наверное, до сих пор, если бы Лившиц не нарвался на дуэль. Сладкая жизнь завершилась ударом шпаги. И рана-то оказалась невсамделишная, так себе царапина, не о чем говорить, а вот поди ж ты...

«Глянул я на него, - рассказывал потом Лившиц, - а он так ехидно смотрит: дескать, иди, ждут тебя, не задерживай! или слабо? Разозлился я, была не была, где наша не пропадала, прорвемся! Шагнул - и как там и был: в правой руке - шпага, в левой - кинжал, а сам я - легкий, почти невесомый, веселый, злой, я таким и не был отродясь. Глядь, а передо мной - другой, и тоже со шпагой и кинжалом. Ну, я прошу его заняться делом, атаковать всерьез. Подозреваю, вы, как с мальчишкой, возитесь со мной. И замешкался-то на мгновение. Только шпагу поудобнее перехватил, а тот как полоснет по руке. Я и не почувствовал ничего, а на рукаве - кровь. Если б не кровь, я бы так не распсиховался. Изловчился, выбил у него шпагу, так и есть: заточена. А ведь уговор был, честь по чести, бой-то тренировочный. Вижу, смутился он и уже не так резво железкой машет. Поднапер я и аккурат в самую грудь ему шпагу и всадил. Чуть ли не по рукоять. Он так и рухнул.

Все меня обступили, что-то говорят, я что-то отвечаю, а сам ничего понять не могу, словно мне кто-то дыхание перекрывает, хватает за горло, все сильнее, сильнее, задыхаюсь,

ноги-руки ватные, голова тяжелеет, сознание теряю. Так и отошел, не приходя в себя...»

Трек 02

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ЛИВШИЦЕМ,

говаривал Гегельян за кружкой пива, я бы написал такой рассказ.

Представьте себе абсолютный мрак. Космическую полночь. Вселенское отсутствие света. Никакой определенности, никакого намека на дискретность. Совершенное ничто. Бытие, взятое со знаком минус. Инобытие. Нежизнь. Не жизнь... но и не смерть. Ибо кое-какое различение все же намечается. Точнее - зарождается. Здесь, продолжал Гегельян, прихлебывая, необъяснимая, потому труднопонимаемая часть рассказа. Каким образом в абсолютном ничто возникает нечто? Однако оно возникает. И это надо принять, постараться усвоить, постигнуть или поверить на слово, хотя в этом месте повествования не было и не могло быть никаких слов. Произносимых сию секунду - тоже. Вам придется поверить, говорил Гегельян, иначе не будет никакого рассказа, а значит, и самого Лившица. А без него, сами понимаете...

Итак, в бесконечном отсутствии чего бы то ни было появляется точка, не имеющая, как сказано в геометрии, никаких размеров, следовательно - безразмерная, следовательно - зародыш всего на свете, в том числе и света как такового. Точка уже есть, но вместе с тем - еще нет, раз она не сознает самое себя, не ощущает ни времени, ни пространства. Причем, втолковывал Гегельян, ни времени, ни пространства тоже нет. Пока нет.

И вдруг (это слово будет выбегать в исторически значимые моменты повествования, первое время - довольно часто), и вдруг мрак начинает сгущаться - вокруг точки и благодаря ее возникновению. Абсолютная ночь в течение, скажем, нескольких миллиардов лет уплотняется, пока в конце концов (в нашем случае это эквивалент слова «вдруг») не вспыхивает свет. Свет - как следствие внутренней работы этой точки, как способ воздействия на точку, испытавшую безотчетное, но сверхъестественное потрясение при переходе из одного состояния в другое. В дальнейшем потрясение мало-помалу уляжется, ибо смена света и тьмы обретет известную цикличность (день - ночь), но созидательный импульс - мгновенный и сверхмощный - уже получен, и нечто в виде точки теперь можно смело начинать с прописной буквы. Что я и сделаю, продолжал Гегельян.

В Нечто завязывается росток жизни. Начинается бессознательное постижение только что произведенного на свет пространственно-временного конгломерата, постижение в виде ощущений, принципиально отличающихся от человеческих чувств. Первичные ощущения Нечто следовало бы назвать категориальными: переход из одного качества в другое, накопление количественной / временной информации, смена состояний (ночь - покой, день - импульс, побуждающий к действию) и пр. Нечто пока не чувствует ограничений ни внутри, ни снаружи. Но через какие-то, условно говоря, миллионы лет количество измерений / ощущений Нечто возрастет беспредельно. Между тем в поле его существования - внутреннем или внешнем, пока неясно и неважно - формируется настоящий космос, во всем своем макро- и микро- многообразии. Образуются сонмы галактик, планетных систем, звезд, пульсаров, черных дыр и т.п., состоящих из молекул, атомов, ядер, частиц, античастиц и т.д.

Но главное - в Нечто постепенно пробуждается сознание, поначалу довольно примитивное, затем более тонкое и даже изощренное. Нечто учится усваивать и постигать как внешний / внутренний мир, так и самое себя. Оно учится видеть / чувствовать и спустя сотни тысяч лет неожиданно для себя и весьма отчетливо видит одну из планет, сразу же начиная ощущать неразрывную с нею связь - прочную, непосредственную и в то же время опосредованную не совсем явной и до конца не реализованной своею возможностью творить все из ничего. Планета независимо от него - будто что-то может не зависеть от Нечто! - то приближается, то отдаляется, и оно долго не может понять, в чем дело, пока не научается осуществлять свои внутренние либо внешние приближения к данному объекту.

В каждое из таких приближений (кстати говоря, их вполне можно считать посещениями), в каждое такое посещение на планете что-то происходит. Взвихривается атмосфера, взбухают океаны, вздымаются горы, возникают флора и фауна, - все это очень напоминает Землю во всем ее ветхозаветном великолепии, благополучии и безгрешности. Будем, наконец, называть вещи своими именами, как-то неожиданно громко возопил Гегельян (видимо, уже под влиянием пивных паров) и, пригубив свеженького, перешел к следующей части рассказа: наша планета и есть Земля, и она готова ко всему.

Острейший интерес испытывает Нечто к необычным существам, впрочем, их можно сразу назвать людьми, и нечего наводить тень на плетень. Люди пашут землю, возделыва-

ют сады, выращивают овощи, разводят скот, готовят нехитрую еду, едят, пьют, спят, поют песни, веселятся, печалятся, ссорятся, но быстро забывают о своих ссорах, ибо не могут долго сердиться друг на друга. Порою у них появляются дети, и это очень занимает Нечто. Иногда люди молятся, чаще всего - женщины, и тогда Нечто обволакивается испариной самых противоречивых желаний. Оно пока не умеет их разбирать, не понимает их смысла, и, может быть, оттого в нем зарождается сострадание к людям - а это уже совсем, совсем по-человечески.

Когда в одной семье между двумя родными братьями вспыхивает очередная ссора, Нечто поначалу не очень обращает на них внимание: люди вечно о чем-то спорят. Старший брат, земледелец, прежде чем принести на алтарь плоды дела рук своих, долго постился, молился, отскребал от себя духовную скверну, наконец тщательно мылся, умащивался благовониями и облекался в чистые одежды. Только после этого, захватив заблаговременно испеченный хлеб, собственноручно вымытые овощи и фрукты и полный кувшин виноградного вина, чистый, свежий и благоуханный, отправился к алтарю. Младший же брат, пастырь овец, приперся к святилищу как есть, прямо с поля, в засаленном овчинном кожушке, грязный, потный, нечесаный, небритый, и старым зазубренным ножом со следами запекшейся крови прямо на алтаре, с пошлыми шутками-прибаутками, принялся пилить горло вонючему барану, обрекая животину на бессмысленные страдания. Стреноженная скотина жутко взблеивает, захлебывается предсмертным хрипом, а бедный старший брат едва успевает уберечь свои чистые приношения от неосвященной идоложертвенной крови.

- Дай вина! - требует младший, кое-как прикончив барана, и, не дождавшись разрешения, не отерев рук, хватает кувшин и присасывается к узкой глиняной горловине.

Пьет он жадно, неряшливо, чистое вино нового урожая стекает по его бороде, по вонючей овчине прямо на алтарь, смешивается с черной бараньей кровью. Старший не выдерживает.

- Отдай, свинья! - говорит он, выхватывая у брата кувшин.

Младший мутно глядит на брата тупыми до отвращения глазами. Когда же до него доходит сказанное, он свирепеет и ловким ударом посоха разбивает кувшин. Старший отшатывается. Остатки вина заплескивают хлеб, овощи и фрукты. Теперь они непригодны для обряда.

- Недоносок! - старший с омерзением смотрит на брата, бросает прочь ручку от кувшина и резко поворачивается, чтобы уйти.

Младший набрасывается на него сзади, сбивает с ног, грузно наваливается, крепко прижимает к земле, изрыгая грязные проклятия. Старший пытается вывернуться из-под жирной туши, шарит руками по земле, нащупывает нечто бесформенное, с острыми краями...

Опомнившись, он долго смотрит на окровавленную голову мертвеца, на свои руки, перепачканные кровью брата, на потемневшую от крови ослиную челюсть...

Нет, считать Нечто Богом пока рано, останавливает Гегельян преждевременные догадки пьющих, завороженных пивом и повествованием и, похоже, догадавшихся, о ком идет речь. И хотя оно, сострадая как убитому, так и братоубийце, глубоко переживает по поводу безвинно пролитой крови, отвлеченные боль и жалость еще никого не делают Сущностью всего. В полной мере Бог проявится в этой истории только через десятки столетий. А пока... братоубийство и бесконечные войны, развязанные потомками старшего брата, побуждают Нечто всерьез заняться изучением самого себя, созданного им мира и своих взаимоотношений с этим миром. Время от времени Нечто удается каким-то образом прекратить текущее кровопролитие. А порой буквально на ровном месте, из ничего, завязывается многолетняя вражда между самыми близкими друзьями, семьями, даже странами, и Нечто ничего не может с этим поделать. Оно уже ясно понимает свою причастность ко всему на свете, свою творческую первопричинность, но механизм воздействия на Землю и на события, там происходящие, ускользает от осмысления. Нечто вполне сознательно берет на себя ответственность за все им сотворенное и намеревается во что бы то ни стало обезвредить свое непрерывное, бесконечное и, как показывает история, разворачивающаяся перед ним, не всегда позитивное влияние.

Увы, это легче подумать, чем осуществить. Впервые Нечто сознает свое бессилие, невозможность выразить себя целиком и полностью, поведать кому бы то ни было о себе и своих замыслах. Оно сознает... сознает... запинается явно косеющий от не своего рассказа Гегельян... собственное несовершенство, собравшись с силами, выпи... выпаливает он. Что же тогда требовать от людей? Их надо принимать такими, каковы они есть, какими они сотворены. Их не переделаешь, не пересоздашь. Эта мысль, подкрепленная внезапно про-

ступившим и очень неуютным ощущением небеспредельности сотворенного универсума, погружает Нечто в бесконечную тоску. Скорбь и безысходность надолго, если не навсегда, овладевают им. Тоска стала бы совсем непереносимой, если бы...

Если бы оно, то есть он, нет, все-таки оно... Гегельян сбивается, наливает, пьет, снова наливает - через край льешь! - спохватывается и, опомнившись, то есть выпив, продолжает: если бы Он внезапно не увидел... Себя, неуверенно бредущего по Земле. Подлинность, натуральность, а с другой стороны, какая-то сверхъестественность происходящего завораживают Его. Он - Тот же Самый и в то же время Другой - оживший, живой, из плоти и крови, в здравом уме и трезвой памяти. Но это не раздвоение, нет, это целокупность бытия, полнота осуществления, еще одно, может быть, самое важное, самое необходимое измерение...

Под ногами пыль, над головою солнце, жарко, но Он не чувствует жары. Он внимательно смотрит на горы, на реку, сверкающую вдали, на солнце, словно... вглядывается в Себя... и не узнает. Потому что Он... человек. Он - человек.

Он подходит к группе полуобнаженных людей, совершающих ритуальное омовение. Один из них, похожий на бесноватого, преклоняет пред Ним колена, и... что-то вроде недостоин развязать сандалии на ногах Твоих, Господи. Точно, бесноватый, думает Он, ведь Мои ноги босы, а Я всего лишь человек. Он тоже снимает одежды и входит в воду...

Происходит необъяснимое, потому неизбежное. Везде, где бы Он ни проходил, Его приветствуют, славят, поют осанну, называют Спасителем, Сыном Божьим. У Него появляются друзья, сторонники, последователи. У Него даже отыскивается Мать, седая старушка, и Он испытывает непередаваемое волнение от слов «Сын мой! Вернулся!» Все словно чего-то ждут от Него, ожидание концентрируется в коротком, емком и маловразумительном слове - чудо. Однажды Он, задумавшись, прошелся по воде, и толпа в благоговейном страхе пала перед Ним ниц. Ему стало стыдно. Совестно творить чудеса на глазах у тех, кому это не дано. Более того. Совестно быть Богом среди людей. Гораздо благородней, будучи Богом во плоти, все-таки оставаться человеком и, оставаясь им, отказаться от права на всяческие чудеса. Чудо как средство убеждения, как предикат веры - запрещенный прием. Уверуй - и это будет самое настоящее чудо. Но бедные люди страстно желали иных чудес, нетерпение толпы принимало самые болезненные, порой самоубийственные формы. Толпа хотела чуда, и Он подарил ей чудо. Он... заговорил:

- Благословенны слепые, ибо они прозреют.

- Благословенны нагие, ибо они облекутся в одежды.

- Благословенны заключенные, ибо они освободятся от оков.

- Благословенны согбенные, ибо они распрямят спину.

- Благословенны усталые, ибо они обретут силы.

- Благословенны бодрствующие, ибо они уснут сладким сном.

- Благословенны смертные, ибо для них создан этот мир...

Больше для людей Он ничего сделать не мог.

Многие потрясены Его речами, сотни людей ходят за Ним по пятам, кое-кто называет себя Его учеником. Но в целом толпа испытывает разочарование: если мертвые не оживают - какое же это чудо? И так было везде, куда бы Он ни направлял стопы Свои. Как раскрыть людям глаза, не прибегая к чуду, Он не знает. Впрочем, от чудес тоже не много проку. Значит, Его миссия на Земле обречена на провал. Значит, обречен и Он Сам.

Вскоре Его действительно предают, и Он принимает это как должное. Он не промолвил ни слова, когда солдаты вели Его сквозь беснующуюся толпу. Он добровольно, даже не помышляя спастись, отдал Себя в руки врагов Своих. Для Него Самого, пришедшего указать людям спасительный путь, спасения не было, и Он это знал. Своим явлением Он Сам отрезал пути к нему. Иначе и быть не могло. На Земле Он был человеком и обязан был поступать по-человечески. Когда Ему в руку забивали первый гвоздь, Он понял, каково это - быть человеком, состоять из плоти и крови, испытывать не метафизическую, а настоящую боль. Он закричал и на какое-то время лишился сознания.

Когда Он пришел в Себя, то, кроме нечеловеческой боли, почувствовал еще кое-что. Он сначала не понял, что именно почудилось, привиделось или, быть может, приснилось Ему на кресте, ибо невозможно, будучи Распятым, заниматься Самопознанием, исследовать пределы Собственного Я. Но некоторое время спустя Он (в своем новом - крестном - состоянии) ясно ощутил... Собственные границы. Какая-то невидимая и довольно упругая пленка окружала Его и созданный Им мир. Мысленно и - кто знает? - может быть, не только мысленно Он натыкался на нее, и это причиняло Ему дополнительные страдания. Что это за пленка, Он не знал, а сумбурные предположения на этот счет, тлевшие в Его воспален-

ном мозгу, не освещались даже искрой вероятности. Постепенно в Нем созрело едва ли осуществимое в Его положении намерение выйти на свободу из этой пространственной или, быть может, внепространственной тюрьмы. И чем больше Он этого хотел, тем больнее, как Ему казалось, впивались гвозди в Его ноги и руки. Если бы Ему удалось найти выход, то, вполне возможно, и крестные муки сошли бы на нет. Или же их не было бы вовсе, не окажись Он в одиночной камере... Своего духа?

Несколько часов ждал Он смерти. Он не мог ускорить ее приход, не мог Своевольно прекратить Свои страдания, ибо, вернувшись туда, откуда пришел, Он был бы не вправе считать Себя чьим бы то ни было отцом, тем более Отцом небесным. Настоящий Отец должен знать, на что Он обрекает своих детей. Но более всего угнетало Его замкнутое пространство, очень похожее на своеобразный орех с упругой оболочкой, где Он, по всей видимости, оказался с самого начала. Ранее, по Своей беспомощности и слепоте, Он не замечал никаких ограничений, а теперь просто физически - благодаря тем, кто пригвоздил Его к кресту (как ни чудовищно это звучит!) - физически ощущал не имеющую ни конца, ни начала скорлупу, неизвестно кем (неужели Им Самим?) воздвигнутую вокруг Него и Его мира. Он чувствовал беззащитность, неуверенность, безысходность, страх.

С Землей тоже творилось невообразимое. Сначала разодралась посредине завеса в ближайшем храме. Потом покосился и рухнул сам храм. Солнце исчезло, небо заволоклось клубящейся чернотой, хищные клювы молний впивались в землю, громобойная канонада крошила пространство и время, черные тучи налились оловянной жидкостью, заходили ходуном безумные смерчи, вспухли океанские волны - Он Сам и Его Вселенная, два полюса, две точки или, вернее, две взаимопроникающие сферы Его существования находились на грани катастрофы, и Ему было до слез жаль навсегда утратить Себя Самого и Свой мир. Но более всего Ему до смерти захотелось воссоединиться со Своим Отцом - стать наконец Самим Собою, то есть... Богом, Кем Он, собственно говоря, и был изначально.

И вот, когда томление достигло предела; когда непреходящая тоска заставила Его биться на кресте в бессознательных попытках прорвать треклятую и удивительно гибкую оболочку; когда в то же самое время гигантские массы дождевой и океанской воды разом обрушились на сушу; когда вспучилась и полопалась земная кора островов и материков; когда в чудовищные земляные разломы стали проваливаться целые селения и даже города, а люди - гибнуть десятками, сотнями, тысячами тысяч, - только тогда Он прозрел. Он наконец понял, каким образом следовало устраивать земные дела, как можно было сохранить Землю в первозданном виде, сделать жизнь людей безоблачной и счастливой. Но было уже поздно. Он не мог, не должен был, не имел права остановить светопреставление, тем более - отменить Распятие.

- Отче! - из последних сил воскликнул Он. - В руки Твои предаю дух Мой!

И дух Его, навсегда покидая человеческое тело и сотворенный мир, точнее - телесную оболочку этого мира, - рванулся навстречу Отцу... на встречу - с Отцом...

Раздался немыслимый в земных условиях взрыв. Земля раскололась на миллионы кусков разной величины - и в ту же секунду пленка, окутывавшая Его, разверзлась, и Его буквально ослепил пронзительный свет, по своей глубине и мощи сравнимый разве что со светом, некогда потрясшим точку, зародыш Его погибшей Вселенной. Он рванулся к пролому, напрягся, выскользнул на свободу и... едва не задохнулся от собственного крика...

... ...

- Какой крикун, - удовлетворенно пробасил акушер, принимая младенца. - Килограмма на четыре потянет...

... ...

Последнюю фразу произнес уже не рассказчик, а сам Лившиц, под утро забредший к Гегельяну на огонек и заставший компанию в антирефлекторном состоянии. Все спали мертвецки, и только Гегельян, засыпая, все еще продолжал по инерции ворочать отяжелевшим языком...

- Так я и родился, - тихо сказал Лившиц, только чтобы как-то закончить затянувшийся рассказ, много лет назад начатый трезвым Гегельяном, и, стараясь никого не разбудить, вышел из дома спящих наружу.

Трек 03

- ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ -

бытие, взятое со знаком минус?

- Вас что интересует: минус или взятое, то есть то, что берет?

- Гм, пожалуй, минус. С теми, кто берет, знаете ли, хлопот не оберешься.
- Хорошо. Есть несколько вариантов. А именно: антибытие; небытие; не бытие, а что-то другое; далее - инобытие, то есть бытие иного рода; наконец, просто отрицательное или, как говорил один мой знакомый, отрижительное бытие. Вспомните Стагирита, у него это хорошо прописано.
- Не знаю, не слыхал. А нельзя ли как-нибудь попроще?
- Можно. Возьмем, к примеру...
- Возьмем?! И вы туда же!
- Какой же вы, право... Хорошо. Есть фраза... Так пойдет?
- Вполне.
- Есть фраза: «Я хочу спать». В свете нашей беседы ее можно видоизменить, как минимум, трояко. «Не я хочу спать». «Я не хочу спать». «Я хочу не спать». Каждое из этих утверждений имеет особый смысл, а по отношению к первоначальному является отрицанием. Это азбука логики.
- Понятно. Значит, мы с вами рассуждаем о бытии этой фразы?
- Мы с вами... М-да... Безусловно. Бытие наличествует у всех и у всего. Говоря точнее, оно дано. Людям, животным, неодушевленным предметам, ну, я не знаю, произведениям искусства... А! Вот вам любопытный пример. Возьмем... простите великодушно, всем известную «Антигону».
- Эсхила? Знаю.
- Софокла. Но это неважно. Как можно словесно оформить отрицательное бытие «Антигоны»?
- Ну, и вопросик! Так... если есть Антигона... значит, есть Анти, а это отрицание. Так?
- Допустим.
- Значит, так. Если отбросить Анти, останется... Гона.
- Блестяще! В таком случае не логично ли было бы присоединить к именам остальных персонажей «Антигоны» отброшенную вами... гм... частицу? Получится Антиэдип, Антикреонт, Антиисмена, Антигемон и т.д. С другой стороны, Антигону, по-вашему просто Гону, можно переименовать и в Антиантигону.
- Слишком громоздко.
- Вы правы. Есть еще вариант. Антигона - женщина. Значит, возможен и мужчина: Антигон.
- Точно! Как я раньше не додумался!
- Погодите. Одним Антигоном дело не ограничится.
- Как так?
- Придется менять пол остальным персонажам.
- Что же в этом хорошего?
- Конечно, ничего. Да я и не настаиваю. Мы же говорим теоретически. Однако, изменив половую принадлежность действующих лиц «Антигоны» и оставив нетронутой интригу пьесы, мы тем самым поставили бы все с ног на голову. Матриархат в Древней Греции, - а без него тут не обойтись, - это, знаете ли, такая чудовищная несообразность. Чтобы этого избежать, пришлось бы перенести действие в Антигрецию или Негрецию, или еще в какую-нибудь не Грецию. Разницу улавливаете?
- Теперь - да.
- Только Сфинкс можно оставить такой, какая есть.
- Почему какая есть, а не какой?
- Потому что Сфинкс по-гречески женского рода. Но тут, повторяю, лучше ничего не менять. Путаница все равно останется, даже если наша Сфинкс превратится, условно говоря, в мужчину либо станет зваться Антисфинкс.
- Хорошо, пусть будет по-вашему.
- Постойте! Меня осенило. Попробуем усложнить задачу.
- Каким образом?
- Давайте введем в «Антигону» еще один персонаж, Софоклом не предусмотренный. Нет, лучше в «Царя Эдипа». Там больше простора. Да и Сфинкс, кстати говоря, не из «Антигоны», а из «Эдипа». И как это я запамятовал?
- Что же получится?
- «Эдип» без постороннего - одно, с посторонним - нечто совершенно противоположное.
- Кого вы хотите внедрить в пьесу?
- Ливщица.
- Что бы мы без него делали, ума не приложу!

- Напрасно иронизируете. Не будь его, мы с вами просто пропали бы. Ну да Бог с ним. Приступим?

- Давайте, где наша не пропадала!

- Предварительно освежим в памяти первоисточник. Фиванскому царю Лаию, женатому на Иокасте, было предсказано, что он будет убит своим сыном Эдипом. Лаий велит пастуху бросить младенца в пропасть. Но пастух отдает мальчика коринфскому царю Полибу и его супруге царице Меропе. Эдип вырастает в полной уверенности, что они его родители. В юношеском возрасте он, в свою очередь, получает предсказание от дельфийского оракула, что убьет своего отца и женится на собственной матери. Тогда он покидает Коринф, случайно оказывается в Фивах, где пророчество в точности сбывается.

- Что изменится благодаря Лившицу?

- Сущность происходящего. Не станем назначать Лившицу никакой роли. Будем только иметь в виду его постоянное присутствие. По нашей версии, Лаий, узнав волю провидения, не бросает сына в пропасть. Эдип благополучно вырастает, женится на Эвригании и становится отцом двух мальчиков, Этеокла и Полиника, и двух девочек, Антигоны и Исмены. Однако дамоклов меч, в течение нескольких десятилетий нависающий над родителями Эдипа, едва не сводит их с ума. В конце концов Лаий, измученный страхом и неизвестностью, решает разом разрубить гордиев узел своих проблем: отправляет Эдипа от греха подальше в Коринф. Эдип, почуяв неладное, сперва заезжает в Дельфы, где и узнает о своей ужасной «миссии». Он решает навсегда осесть в Коринфе, у царя Полиба и царицы Меропы.

- Кое-какие изменения, конечно, произошли. Но большой разницы между версиями я не вижу.

- То есть как? Вам мало того, что Лаий и Эдип, Эдип особенно, поступают наперекор богам? Боги этого не прощают. Они и так слишком долго терпят своеволие отца и сына.

- И что будет дальше?

- Дальше было вот что. Фивы поражает смертоносная болезнь - вот она, карающая длань богов. Люди умирают даже на улицах. Оставшиеся в живых не могут покинуть города, потому что беглецов подкарауливает невесть откуда взявшаяся / взявшийся Сфинкс. Он / она задает всем свою неразрешимую загадку и пожирает тех, кто не может ее отгадать.

- Но это же происходит не по вине Лившица?

- Кто знает, кто знает... Теперь ни за что ручаться нельзя. Чем сейчас занят Лившиц как действующее лицо «Эдипа»?

- Понятия не имею.

- То-то и оно. Тем временем Антигона, любимая дочь Эдипа, посылает отцу письмо с описанием фиванских безобразий. Речь в депеше идет не столько о бедах, постигших город, сколько о сложившейся там политической обстановке. Иокаста почти безумна. Лаий одряхлел. От его имени правит Креонт, которого поддерживает Этеокл и ненавидит Полиник. Братья постоянно грызутся. Исмена занята только собой и своими амурными (если по-гречески, то эротическими) делами. Антигона умоляет отца вернуться, пока Лаий в приступе старческого маразма не передал власть Полинику или Креонту.

- Эдип, конечно, решает ехать.

- Да. Навстречу своей судьбе.

- Ему не позавидуешь. Но сможет ли он управиться со Сфинкс... сом?

- Еще как! Эдип разгадывает загадку, Сфинкс бросается в пропасть, а будущий фиванский царь появляется в отчем доме как раз в тот момент, когда слабеющий рассудком Лаий под давлением Креонта намеревается сложить с себя царские полномочия. Лаий уже произносит: «Отрекаюсь в пользу... - тут он видит любимого сына, входящего тронный зал, и с облегчением добавляет: - ...в пользу Эдипа!» Все потрясены.

- На месте богов я бы отменил все пророчества и дал бы этим людям пожить по-человечески. Они это заслужили.

- Вы плохо знаете богов. Во-первых, они никому ничего не прощают; во-вторых, даже боги подчиняются велениям судьбы. Впрочем, на этот раз они вроде бы отступают, ибо эпидемия мало-помалу сходит на нет. Хотя возвращение Эдипа вписывается в рамки и другого истолкования: возможно, он вознамерился осуществить чудовищное предначертание, поэтому боги решают и сами немного отдохнуть, и дать передышку своим подопечным. Так или иначе, Фивы ликуют, объявляют Эдипа спасителем народа, радуются гибели Сфинкс, и вообще все поголовно счастливы. Но недолго.

- Так я и знал! И порадоваться людям не дадут!

- Как по-вашему, что там происходит?

- По-моему, на глазах царя Эдипа усиливается распря между Этеоклом и Полиником, за которым стоит Креонт.

- Увы, да. Особенно раздосадован Полиник, ведь он давно хотел сместить деда. Этеокл мешал брату. Креонт, лукавый царедворец, всячески раздувал эту вражду, потому что в глубине души сам надеялся захватить трон. Вспыльчивый Полиник теряет терпение, тайно покидает город, собирает войска и осаждает Фивы. Этеокл, во главе фиванской армии, готовится отразить осаду. В самый разгар подготовки к гражданской войне эпидемия возобновляется.

- Час от часу не легче!

- Однако и в отсутствие Сфинкса покинуть Фивы невозможно. Ввиду военных действий, развязанных Полиником, Эдип под страхом смерти запрещает жителям уходить из города. Язва поражает и армию Полиника. Его солдаты бегут куда глаза глядят.

- Но в Фивах ситуация, по-видимому, гораздо хуже.

- Город вымирает. Эдип в отчаянии. Положение Лаия и Иокасты еще ужасней. Они устали жить. Старики не раз пытались добровольно расстаться с жизнью, но именно по этой причине за ними было установлено строжайшее наблюдение. Правда, последние события отвлекли внимание Эдипа от престарелых родителей.

- Да и о серьезной дисциплине в гибнущем городе не может быть и речи.

- Полубезумный Лаий ускользает из-под домашнего ареста. Стража перехватывает его на выходе из города и под охраной препровождает обратно. Лаий нарушил приказ царя Эдипа и должен умереть. Кого-либо другого стражники убили бы на месте, но в случае с Лаием лишняя осторожность не повредит. Гонец докладывает Эдипу о происшествии. Царь глубоко огорчен и озадачен. В это время его извещают, что слепой прорицатель Тиресий явился объявить царю волю богов.

- Ничего хорошего я от него и не ждал.

- Эдип должен изгнать из города убийцу Лаия.

- Но ведь Лаий жив...

- То же самое, возражая Тиресию, говорит и Эдип.

- Тиресий продолжает настаивать. Эдип недоумевает. Прежде чем изгнать из города убийцу Лаия, надо его сперва... убить, - так, что ли? Кто же дерзнет поднять руку на моего отца, спрашивает Эдип.

- Ты сам, - отвечает Тиресий.

- Эдип в ужасе, он вспоминает о своем приказе никому не выходить за городские ворота. Кроме того, продолжает Тиресий, ты должен жениться на своей матери. Должен. Иначе боги сотрут Фивы с лица Земли. Вместе с великим фиванским народом.

- Примерно то же самое советует отцу и Антигона. По сравнению со своей сестрой Исменой она обладает прямо-таки мужским характером.

- Эдип сломлен. Оказывается, от судьбы не уйдешь. Он не препятствует казни отца, значит, косвенно становится его убийцей, после чего женится на матери. Во время брачной церемонии к сумасшедшей Иокасте на какое-то время возвращается рассудок. Обезумев от содеянного, она налагает на себя руки. В отчаянии Эдип выкалывает себе глаза и уходит... гм... куда глаза глядят, уже не скажешь.

- А что же наши воители, Этеокл и Полиник?

- Бесконечные стычки и особенно моровая язва делают свое дело. Война угасает сама собой за отсутствием полноценных армий. Попавший в двусмысленное положение Полиник вызывает Этеокла на поединок. Ставка: фиванский трон. Этеокл соглашается, убивает Полиника, но и сам умирает от ран. Царем становится Креонт.

- Он долго шел к этому и может гордиться собой.

- Мог бы, но ему некогда. Болезнь отступает. Пора налаживать в Фивах нормальную жизнь. Креонт велит предать земле Этеокла и запрещает хоронить Полиника. Антигона предлагает Исмене нарушить приказ царя, но исполнить волю богов, предписавших смертным чтить мертвых. Сестре не до того, у нее на уме сын Креонта Гемон, официальный жених Антигоны, с которым Исмена за спиной сестры неплохо проводит время. Антигона без посторонней помощи погребает Полиника. Креонт бросает ослушницу в тюрьму. Это известие заставляет Гемона порвать с Исменой. Он идет к отцу просить за невесту. Исмена, отрыдав свое, навещает Антигону в темнице. Антигона готова простить сестру, если та обещает ей разыскать отца и сопровождать его в скитаниях. Исмена клянется. Несмотря на доводы, просьбы, мольбы Гемона, Креонт непреклонен: Антигона нарушила царскую волю и должна умереть. Именно так, если вспомнить, поступил великий Эдип со своим больным отцом. Гемон, не сумевший отстоять любимую, бросается на меч. Супруга Креон-

та Эвридика, мать Гемона, заканчивает жизнь в петле. Убитый горем Креонт пытается спасти Антигону, но тщетно: она уже мертва. Исмена отыскивает отца и вместе с ним уходит из этих проклятых Фив... Все!

... ...

- Спасибо, господин Лившиц, за увлекательную беседу. Слушая вас, я получил огромное удовольствие.

- А разве Лившиц не вы? Я, напротив, старался как можно полнее высказаться в вашем присутствии.

- Кажется, мы оба попали впросак. Впрочем, я не в претензии.

- Я тоже.

- Остается только выяснить, какую роль сыграл Лившиц в нашем с вами изложении «Царя Эдипа».

- Сдается мне, коллега, он и был тот самый Сфинкс - здесь мужской род вполне уместен, - который досаждал Фивам.

- Трудно с вами не согласиться, коллега. А я, кажется, знаю, какой вопрос Сфинкс задал Эдипу.

- Весь внимание.

- Сфинкс сказал: «Эдип, попробуй разгадать загадку собственной жизни».

- И, не дожидаясь ответа, бросился в пропасть?

- И бросился в пропасть.

- Все же я не совсем удовлетворен результатами нашего эксперимента.

- Я, признаться, тоже.

- Лившиц заставил нас внести в «Эдипа» существенные изменения. Но главное все-таки осталось в первозданном виде.

- Вы хотите сказать, финал мифа, реконструированного нами, в деталях совпал с драмой Софокла?

- Увы, да. И это неспроста. По всей видимости, волю богов не дано нарушить никому.

- Даже Лившицу.

- Тем более нам с вами.

- Тем более персонажам «Царя Эдипа».

- Я полагаю, Лившиц, побывав в шкуре Сфинкса, понял это раньше нас.

- Поэтому и не стал мешать Эдипу.

- Поэтому и покончил с собой...

Трек 04

ЙОРСК

Костоломская площадь. Лето. Полдень. Скамейка в тени. На скамейке Лившиц. Дремлет. Ему хорошо. Когда спит. Спитама. Или тута. Или...

Это протокол. Между прочим. Чтобы комар носу. Иначе - не дай Бог. Кабы чего. Не вышло. И не надо. Это не может повториться. Люди, будьте. Будьте же вы, люди. Людьми.

Йорский театр. Имени Поэта. Балет. Метопилотрен. Опера. Оперение. Перья. Пачки. Похожие на памперсы. Или памперсы? Похожие на пачки? Зато! Какие негритянки! Балеринки. Лебедины. С такими вот фуэте. Вот с такими антраша. Ноги, ноги, ноги. И что там еще есть? У балерин? И если резвой ножкой - то убьет. Девушки. Через одну. Спортсменки. Через две. Красотки. Почти что. Йорск на ушах. Соскучились по большому. По балету, естественно.

Йорск готовился. К выборам мэра. Выборам мэра Маклая Саратова. Выборам Маклая Саратова в мэры. Выборам Маклая Саратова в Маклаи Саратовы. Вот он и. Новый Йорк + Йорск = города-братаны. Не то - как своих ушей.

Лившиц дремал. И ни о чем. Ему было еще лучше. Как в скорлупе. Как в утробе. Как... Йорская жизнь Лившица не. Не холодно. Не жарко. Тепло. Лето ведь. Бабье. Театр Поэта. Бабьё. Аншлаг. Метопилотрен. Озеро. Идиллия. Кромешные одиллии. Не лебеди. Зебры. Черный верх. Белый срез. Черный низ. Буфет. Мясо по-ангольски. Проглотишь. И пропустишь. Повторить? Буфетчик - Клинт. Американец. Осел в Йорске.

Больше всего хотел Яша Бейжидов. Магистр союза «Бурёж». Мочи не было. Больше всего писал. Описывал. Заборы. Стены. Памятник Тленину. Сгинь, Маклай! Вали, Маклай! Не пролезешь! Так и знай! Стихоблудие. Бейте чумазых! Усатых зверей! День твой последний! Приходит! Гребрей! Стихоложество. Над Яшей - смеялись. Яшу - не воспринимали. Но - «Бурёж». Недоношенный. Но - бестиарий. Органы тоже. Не котились. Не мырчали. Не блеяли.

Как-никак Бейжидов. Чтоб его. Хоть и Яша. Чтоб ему. Не наркоша какая-нибудь. Это алкаша можно. По органам. А Яша сам мог. Любую наркошу. Ночью подловить. И в задницу. Шприц. И еще шприц. И еще. Знай наших. И колись. Где и почем. А то в три шприца. Трахнем. Сука.

Мы - многонациохальные национанисты. Вещал Бейжидов. Сквозь «Хроникальный Йорск». (В междуречии - «ХЙ».) Мы за всех против черных. Гнусь, конечно. Говорил Неолид Хазаров. Но кто платит. Под того и страницы. Подстилаем. Стелем. Стелемся. Рынок. Если одним словом. Демократия. Если другим. Дерьмо. Если третьим.

Лившиц дремал. Ему было...

- Папа, кто это? - детский голосок.

- Это? Памятник. Тленину, - мужской голос. Папин.

- Кто он?

- Вич. Родился. Умер.

- Папа, кто он?

- Не знаю, дочка. Тленину. Памятник. Он всегда был. Здесь. Пошли. Маклайлэнд закроют.

- Кто это, папа? - детский голосок. Удаляясь.

- Опоздаем! Скорей! - папин голос. Тоже удаляясь. Туда же.

Лившиц протер. Действительно. Кто же он? Тленин? Зачем памятник? Почему? За что? На кой?

Тленин. Вич. Умер. Родился. Рыжий. Судя по галстуку. Картавый. Судя по лысине. Литератор. Судя по чугуну. Кто такой?

Никто не знал. Даже профессор. Даже доктор. Местных наук. Светило. Иногда. Не грело. Ни за коврижки. Лингвофилолог. Филолингвист. Ни в словарях. Ни в библиотеках. Ни сном. Ни духом. Нигде. Тленин? Мираж. Муляж. Меланж. Не было такого. И не будет. Нет. Подпись. Дата. Непапин-Новосибиряк. Филингвист. Лифилолог. Проктор. Дофессор. Делать мне больше нечего!

А Тленин - вот он. Вич. И пр. Как ни в чем. Памятник.

Что же это? Писал Лившиц. В «ХЙ». Не знаем. Не помним. Не ценим. Не уважаем. Не чтим. Не думаем. Не видим. Не слышим. Не хотим. Слышать. Видеть. Думать. Чтить. Уважать. Ценить. Помнить. Знать. Что мы за люди? Мы с вами богатые. Очень. Мы вам не они. Которые еще богаче. Почему же им не все, что нам равно? Нехорошо. Некрасиво. Не стыдно? Плохо. Мерзко. Бессовестно.

Знал только один. Не два. Не полтора. Один. Метр. С бейсболкой. Нет. Чуть выше. Без нее. Великий Ё. Тогда, правда, он еще не был Великим. Но Ё - был. Всегда. И до. И после. После того как. Обнаружил. Обнажил. Обналичил. Внутренние резервы. Личного погреба. Резервного погребения. Погреб-резервация. Консервированная идея. Идейные консервы. Идеальный консервант.

Сучьимнения. Потное. Соврание. ПСС. Тленина. «Чё надоть?» «Опрелые грезисы». «Матьегоитизм и вампириокретинизм». Марпсизм. Тленинизм. Социоклизм. Интер. Наци. Анал. ПСС. КПСС. Вы из СС? Что вы! Мы из КП. СС - детсад. КПЗ - ясли. Ура! Наши пришли!

«Бурёж» покраснел. Яша окумачел. Йорск обагрился.

Сперва актив. Рецидив. Реакция. Резекция. Ряды редеют. Но это ряды. Союзнерушимость. Дисциплина. Порох в пороховницах. Песок в песочницах. Не за страх. Не за трах. Мочить. Строчить. Дрочить. Палычи-палыванычи.

Потом трудяги-работяги. Фиги. Флаги. Фляги. Ското-мото-фаги. Кир. Блуд. Мак. Бухалово. Курево. Порево. Жуйбуржуй. Гробь угробленное. Пашки.

Затем студенты. Студни. Стадно. Стандартно. Штандартно. Молодые. Ломовые. Костоломцы-доброловцы. Одной цепью. Цепные. С цепи сорванные. Павки.

Наконец детишки. Ромашки-глютики. Анютины сглазки. Ивашки да Машки. Махровенькие. За наше шкодливое детство. Школьные роды чудесные. Ваньки Жуковы. Жуки ванькины. Павлики.

Ё шептал. Маклай пропал. Яша стал. Лившиц сел.

Он лежал. На нарах. Бился головой. О шконку. И повторял:

- Зачем... зачем... зачем... зачем...

- В исполнение... - выдохнул Великий Ё.

Яша привел. Своими руками. Умеючи - долго ли!

... ...

Поулина пробилась к Бейжидову. Вцепилась в лицо.

- Ублюдок! Ты убил своего отца!

... ...
Тленин и теперь...

Трек 05

КАК ХОЧЕТСЯ ПОРОЙ

стать лишним человеком, лежа в своей скорлупе, думал Лившиц. Лишний человек никого не трогает, никому не должен, никем не интересуется, ни от кого не зависит, ни о ком не думает и не желает знать, как относятся к нему окружающие. Лишний человек довольствуется малым, но не отказывается от большего. Богатство не делает лишнего человека скупым, бедность - алчным. Он располагает достаточными средствами для удовлетворения своих прихотей. Но, как правило, ему быстро надоедает заземленный процесс изобретения потребностей и культивирования желаний.

Лишний человек готов и к блаженному труду, и к вдохновенному ничегонеделанию. Если лишний человек гениален, он не осыпает близких и дальних гроздьями своего вдохновения, а если не располагает никакими талантами, то не придает своим псевдотворческим наклонностям даже статуса способностей. Он не подает руки славе, особенно когда ей не терпится по-дружески набросить на его плечи свою радужную, но дырявую хламиду. Нередко только после смерти лишнего человека разрозненные результаты его деятельности обретают свободу, и тогда мир приставляет к ним почетный караул благоговейного восхищения. Когда в глухонемой провинциальной библиотеке ни с того ни с сего начинают звучать пожелтевшие партитуры неведомых доселе хоральных месс, когда надежно забытые драмы внезапно сбрасывают со своих страниц коросту многовекового грима, когда потрескавшиеся от неизвестности холсты, близоруко щурясь в лучах электрического света, по непонятной причине выбираются из запасников, - это значит, лишние люди прошлого хорошо потрудились.

Первым лишним человеком был Адам. Никакой необходимости в нем универсум не испытывал. В нем не нуждался никто, даже его первая невеста. Земле он также был безразличен. До него она находилась в гармонии с самою собою, а стало быть, и с космосом. Только без человека Земля была подлинным Эдемом - в широком смысле этого слова. Она прекрасно обходилась без экспериментов над собой, вызванных бесконечной интервенцией рода людского по отношению ко всем четырем стихиям. В узком / библейском смысле слова Эдем представлял собой доисторический инкубатор, и если бы не Ева, которая оказалась отнюдь не лишней женщиной (женщины всегда и всюду к месту), мы бы до сих пор жили в тех одномерных и одноразовых яслях. Что ж, скажем спасибо Еве, ибо Эдем не превратился в первый концентрационный сад именно благодаря ей.

Адам, лишний и одинокий во всех отношениях человек, совершил все свои открытия, пока не вступил в законный брак. После свадьбы, завершившейся изгнанием счастливой парочки из райских кущ, ему было уже не до невинных развлечений. Одиночество - праматерь лишних людей, их колыбель, перегонный куб, где и происходит дистилляция их несуетного духа. Впрочем, как сказал поэт, быть можно лишним человеком и думать о своей семье, в лоне которой одиночество иногда ощущается значительно острее, мощнее и продуктивнее.

Лишние люди освежали собою историю и в постбиблейскую эпоху, хотя эпоха об этом и не подозревала. Еще не так давно возникновение и становление лишних людей носило более-менее исключительный характер. Как явление лишний человек изобретен лет сто пятьдесят назад, ибо только позапрошлому веку это оказалось по карману. На этом развитие человеческих типов завершилось, и прав был тот сумасшедший, который считал наше время фальшивым бриллиантом в венце истории. Означенное столетие, правда, не оценило своего изобретения, устами чахоточной критики пригвоздив лишнего человека к позорному столбу бесперспективности и бесхозности.

Истекший век - безусловный регресс хотя бы потому, что количество лишних людей, избранных стать счастливыми празднолюбцами, превысило нормы допустимого. Их невмешательство в судьбы мира уже не могло остаться безнаказанным. Может быть, поэтому новейшее время стало кануном истребительных войн, плавно и органично перераставших в массовые бойни мирного времени. Тираны, подстрекаемые своим искалеченным чувством юмора, повели охоту на лишних людей, причисляя к ним те или иные категории населения, классы, социальные или этнические группы. Это была явная методологическая ошибка, поскольку быть лишним вовсе не означает принадлежать чему бы то ни было. Лишние люди не сбиваются в стаи, они почти не соприкасаются друг с другом. Более того:

зачастую они не узнают в другом себе подобного, ибо привыкли не только уважать чужую автономию и всяческий суверенитет, но и получать наслаждение от общения с собой. Лишний человек не принадлежит даже самому себе, вполне возможно, этим он и отличается от остальных людей, призванных обретать чувство собственного достоинства только в русле элементарного товарообмена.

Что касается взаимоотношений с повседневностью, то здесь лишние люди вполне схожи с остальными. Лишний человек точно так же обуреваем страстями и соблазнами, он любит, бывает любимым и во имя любви, как и все, совершает массу недозволенного, вплоть до преступлений. Все же с ним гораздо меньше хлопот, ибо объектом его экспансии чаще всего является он сам, а не внешние предметы. Поэтому он даже не пытается примерить на себя нимб спасителя человечества. Спектр отношения лишних людей к жизни имеет более чем широкий диапазон, они только не терпят, когда жизнь покушается извратить структуру их бессистемного существования.

Впрочем, у лишних людей всегда под рукой возможность выбраться из лабиринта противоречий с помощью оружия собственного уничтожения. Ибо главное для лишнего человека - вовремя умереть, а если вовремя умереть не получается, то хотя бы на время исчезнуть из поля зрения назойливых потомков...

К несчастью, ореховая скорлупа, в которой Лившиц с таким комфортом расположился, непроизвольно выкатилась под чей-то кирзовый сапог. Хрустнуло так, что этого никто не услышал. Остальные сапоги, следующие нога в ногу, сперва размолотили, затем и вовсе стерли то, что осталось, с лица земли...

Трек 06

И ТОГДА

Лившиц возымел желание произнести слово.

И взошел он на гору Преображенскую, которая, как это часто бывает в подобных случаях, вознеслась пред ним на берегу реки, едва он успел о ней подумать. И только вознамерился он обратиться к солнцу, земле, воде и воздуху, как вдруг увидел у подножия горы застывшую в нетерпении толпу.

И опечалился он в сердце своем, и пеленою скорби подернулось лицо его, ибо прежде никто никогда не мешал Лившицу исполнять предначертанное. И прислушался он к себе, и услышал безмолвную просьбу людей, собравшихся ради него.

«Воистину, - подумал он, - только тишина, вопиющая в безгласной пустыне духа, оглушает богов и наполняет душераздирающей тоской сердца проповедников».

И подошел он к самому краю горы и взглянул вниз, и мелькнуло в толпе удовлетворенное лицо Поулины, измученной постоянными родами. И взглянул он вверх, и увидел безрукобезногого слепоглухонемого сына сапожника, который восседал на своем корнеплоде, зависшем над толпой, и, против обыкновения, не произносил ни слова. И заглянул Лившиц себе в душу, и душа его, сжигаемая всесветной болью и вселенской виной, повелела ему разомкнуть уста.

- Я расскажу вам о любви, - сказал он, и слова его опоясали толпу белесыми кольцами. - Я спою вам о царе Соломоне, о его славе и мудрости, о его глубокой скорби и запоздалом прозрении. Я поведаю вам о четырех женщинах, которые сотворили великого царя по образу и подобию своему. Четыре женщины: четыре судьбы и тайны, четыре любви и пророчества, четыре степени свободы и ступени рабства.

И первой была Вирсавия. Она подарила жизнь Соломону. И это уже было много, ибо не всякая женщина имеет право стать матерью. Вирсавия сделала больше, чем просто женщина, - она спасла жизнь Соломону, ибо не всякая мать умеет защитить своего сына. Вирсавия сделала еще больше, - она подарила трон Соломону, ибо была великой женщиной и настоящей матерью. И воцарился в Иерусалиме Соломон, ибо Вирсавия, его мать, безошибочно знала, кто остался ему другом и кто стал ему врагом.

И умерла Вирсавия, и погрузился царь Соломон в печаль и тоску, и целых три года не снимал траурных одежд.

И второй была царица Савская. Она подарила Соломону источник плотских радостей и утех, открыла тайну вожделения, преподала науку сладострастия. И научила царица Савская царя Соломона, который доселе был непорочен и целомудрен, доставлять наслаждение женщине и наслаждаться женщиной, ценить шелковистую нежность упругой женской плоти и свежую силу своего крепкого мужского тела. И познал царь Соломон царицу Савскую, и утолял ее ненасытное тело исступленными ласками, и сам не мог насытиться

изощренными и смелыми ласками царицы.

И наскучил царице Савской царь Соломон, и покинула она его, и тосковал он по ней целых шесть лет. И ни одна из его трехсот жен и семисот наложниц не помогла ему забыть уроки сластолюбивой царицы.

И третьей была прекрасная Деотима. Она подарила Соломону мудрость, научила получать удовольствие от ученых бесед, побудила задуматься о благе государства и благополучии подданных. И отрешился царь Соломон от страстей, обуревавших его, и позабыл дорогу в свой многочисленный гарем, и отряхнул пыль с манускриптов, которые погибали в дворцовой библиотеке от тоски по рукам и глазам человеческим. И понял царь Соломон свое высокое предназначение и долг свой перед Израилем и народом израильским. И стал Соломон мудрым правителем, справедливым судьей и прозорливым военачальником. И обходили враги его пределы владений его, и не дерзали молвить о нем худое слово, и даже не смели дурно помыслить о великом царе.

И исчезла прекрасная Деотима, и долго не мог поверить царь Соломон, что это навсегда. И повелел он искать ее, и целых девять лет ходили приближенные и слуги царя по городам и странам, пока не прекратил он бесплодные поиски.

И четвертой была девушка Суламита. Она подарила Соломону свою любовь, и это было все, что у нее было. Суламита не могла подарить Соломону жизнь, ибо это было невозможно, - она умела только любить и быть любимой. Суламита не могла подарить Соломону искусные ласки, ибо была невинна и чиста сердцем, - она умела только любить и быть любимой. Суламита не могла подарить Соломону высокой мудрости, ибо отроду ничему не училась, - она умела только любить и быть любимой. Деревенская девушка отдала великому царю самое себя и не просила ничего взамен. И сложил он в честь возлюбленной своей сладчайшую Песнь песней, и не было никого счастливее них во всем Израиле.

И погубила Суламиту черная зависть, истребила Суламиту черная злоба, извели Суламиту черные сердца. И похоронил несчастный Соломон свою Суламиту на самом высоком холме в окрестностях Иерусалима, и был безутешен царь до конца жизни своей, ибо не сумел он уберечь возлюбленную свою от черных людей, которые отравили ее.

И тогда, дабы утолить скорби и печали свои, принялся царь Соломон строить города и мосты, возводить дворцы, храмы и башни, прокладывать дороги и каналы, отводить реки, насаждать сады и рощи. И раздвинул Соломон пределы владений своих, и многие страны и народы почли за счастье соединиться с Израилем и народом израильским. И правил царь Соломон мудро, и судил справедливо: миловал правого, казнил неправого, щадил чистосердечие юных и седины старцев. И никто из живущих не в силах был солгать великому царю, отвести ему глаза хитростью, переложить свою вину на другого, ибо досконально разбирал Соломон всякую вину, прежде чем наказать виновного и отпустить невинного. Потому и славил царя Соломона со всех стен и башен, потому и возносил ему хвалу на рынках и площадях, потому и молился за него во всех храмах и сердцах своих народ израильский.

Целых двенадцать лет провел великий царь в трудах, заботах и хлопотах, и пресытился хлопотами и заботами, и отвратился от трудов своих, ибо перестали они услаждать его душу и приносить удовлетворение его сердцу.

И отвратил великий царь лицо свое от мира сего, обратился сердцем и душой к Богу своему, стал проводить время в постах и молитвах, слово за словом, буква за буквой изучать священную Тору, перечитывать книги великих учителей и пророков Израиля. И если выходил царь Соломон к народу своему, то со смиренной проповедью; и если принимал кого в покоях своих, то священнослужителей; и если покидал дворец свой, то ради храма Божьего, который сам некогда построил трудами и заботами своими. И спустя целых пятнадцать лет померкли в памяти царя четыре женщины, которые сотворили его по образу и подобию своему, - четыре судьбы и тайны, четыре любви и пророчества, четыре степени свободы и ступени рабства.

И тогда открылась Соломону великая истина, которая открывается только великим людям и великим царям, - все суета сует и всяческая суета. И исцелился он от печали и скорби, и принялся записывать жизнь свою, и потекли на пергамент строки, начертанные рукой царя, - строки погасших страстей, тихой мудрости и целебного прозрения.

И составил Соломон книгу свою, и совсем немного времени прошло от первоначальных слов «...сына Давидова, царя в Иерусалиме...» до завершающих «...всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно или худо», ибо не мудрствовал лукаво великий царь, когда составлял книгу, а только записывал то, что было в душе его и на сердце его.

И едва поставил точку Соломон в рукописи своей, и едва отложил в сторону перо свое,

как новая, доселе неведомая мысль поразила разум великого царя. «Если бы у меня были дети, - подумал он, - я никогда не написал бы этой книги, никогда не сказал бы, что все суета сует и всяческая суета».

И глубоко опечалился Соломон в душе своей, ибо Ровоам, преемник его, был только приемным сыном его. И воскресли в душе царя Соломона умершие скорби и печали его по четырем женщинам, которые сотворили его по образу и подобию своему. И что стоило царство, подаренное Соломону Вирсавией, ибо не было у него детей своих, кому он мог бы его оставить. И что стоило искусство плотской любви, подаренное Соломону царицей Савской, ибо не было у него детей своих, ради рождения которых стоило быть искушенным в этом искусстве. И что стоила мудрость, подаренная Соломону прекрасной Деотимой, ибо не было у него детей своих, которым он передал бы мудрость свою. И что стоила любовь, подаренная Соломону Суламитой, ибо не было у него детей своих, зачатых от него возлюбленной его.

И уходит человек в иные миры, и ничего не может взять с собой, кроме грехов своих, которые совершил он ради детей своих. И уходит человек в иные миры, и ничего не оставляет на земле из того, что стоило бы жалости, кроме детей своих. И уходит человек в иные миры, и обретает вечный покой душа его, иссушенная прижизненной заботой о детях его.

И понял Соломон, что прожил напрасно он жизнь свою, ибо не оставил по себе детей своих: ни сына, о котором сказали бы: вот он, наследник великого царя; ни даже дочери, о которой сказали бы: вот она, плоть от плоти великого царя. И еще понял царь Соломон, что не стала рукопись его книгой великой истины и целебного прозрения, но стала рукопись его книгой великого разочарования и несказанной усталости.

И не выдержало сердце царя Соломона ядовитого жала этих мыслей, и остановилось сердце его, и отлетела душа его от тела его, и наполнились дома, улицы и храмы израильские неутешными плачем и горькими воплями...

И сказал Лившиц слово свое, и посмотрел с горы Преображенской, вознесшейся пред ним, на людей, которые взирали на него, и не нашел никого, кто слушал бы его со вниманием, кроме сына сапожника. Большая часть толпы покинула Лившица, едва он заговорил, часть мирно спала у подножия горы, меньшая часть расходилась по своим делам либо укладывалась спать, насилу дождавшись конца проповеди. И только сын сапожника, соскочив с корнеплода, тихо подошел к Лившицу на безногости своей, обнял его безрукостью своей, глянул в глаза ему незрячестью своей и поцеловал его устами своими.

И возликовал Лившиц в сердце своем, ибо посчитал удачно исполненным дело свое. Но не тут-то было: подошли к ним свирепые нибелунги и взяли сына сапожника, который не мог уйти от них без своего верного корнеплода. И вступился Лившиц за сына сапожника, и сказал нибелунгам, что арестован совершенно безвинный человек, что истинный виновник всего, то есть он, Лившиц, оставлен на свободе. Но нибелунги грубо насмеялись над ним и прогнали его. И все, кто был свидетелем тому, все, кто слушал или проспал его речи, тоже злорадно смеялись.

И долго ходил Лившиц от одного йорского конунга к другому и рассказывал о чудовищной ошибке нибелунгов, и убеждал всех и каждого в правоте своей, но никто не слушал его, и все гнали его и смеялись над ним. И горько заплакал Лившиц, и навсегда покинул йорские края, а когда уходил, то пошел прямо по воде, ибо не помнил себя от горя и печали. И все, кто видел, как он ногами своими пересек реку невдалеке от большого моста, не сочли это чудом из чудес, но потешались над Лившицем, как над шутом гороховым, отпускали вслед ему непристойные словечки и крутили пальцем у виска.

И погрузился Лившиц в вопиющее безмолвие души своей, и пошел чужой дорогой из селения в селение, из города в город, из края в край, из страны в страну, из века в век, из эпохи в эпоху, и нигде не находил пристанища телу своему и успокоения сердцу своему.

И везде, в каждом селении, в каждом городе, в каждом краю, в каждой стране, в каждом веке, в каждой эпохе настигала Лившица слава сына сапожника, ибо возрастала она с каждым поколением живущих, которые слагали в его честь песнопения и молитвы и знать ничего не хотели об ужасной ошибке, совершенной в баснословные времена дикими нибелунгами...

Трек 07

ЛЯРУССА М,

будучи единственной элитной журналисткой в городе, первой покинула дырявую палубу «Хроникального Йорска». Это озадачило всех, кроме хроникалов, ибо «ХЙ» давно уже

плыл до ветру без руля и царя в голове Неолида Хазарова. Лярусса перемахнула в «Йорский Известняк» за деньги и, освоившись, за рубли перетянула туда же Вралика с Юзерушкиным из «ХЙ» и Тапочку из «Ne Bhдьмостей». Хазаров, не моргнув, оттуда же перетащил к себе Зеленова и Гебельсюк ни за что, ни про что. «NB» тогда еще заведовал Лившиц, ему переманить никого не светило, и он - очень мило и весьма печатно - признался старшему брату и младшей сестре по клавиатуре, что самолично видел их в гробу красного дерева. После чего с удовольствием поддался мощному искушению дать пинка возлюбленной тапочкиной подружке Т.М.Катерпиллер, которая также приземлилась в «Йорском Известняке».

Хазаров и Лярусса возрадовались, ибо главные редакторы, будучи чистокровными журналистами, обожают играть в поддавки. «ХЙ», откушанный только с одного бока, с той же стороны выразил «NB» злорадное сочувствие, с другой - полуокрысился. «ЙИ», злорадствуя, не выразил никакого сочувствия, зато окрысился на всю рулетку. Вспухла фронтальная полемика, мало-помалу переходящая в тыловую свару. В строго расчисленные периоды дискутилы ежедневно и случайным образом спаривались, дабы завтра же обложить вчерашнего партнера по вербальному сочленению.

Непечатные эмоции пришлись публике по тонусу, но опустили настроение новосовращенным сместителям мэра, коих набралось до полутора десятка. Выборы на сносях, а тут, понимаешь, средства массовой инфильтрации известняковый бес попутал. Маклай Саратов призвал взбесившихся смишников что-нибудь перекурить, где-нибудь перепить, кого-нибудь переспать, но взяться в конце концов за предвыборный гуж. Хазаров почти не пил, Лившиц почти не курил, Лярусса почти не спала, вот почему они сошлись в «Мезальянсе», лучшем ресторане в пределах Йорска, на почти семейный брудершафт за счет Саратова.

Мэр со своими полумэрами уже отплясывал горькую, когда Лившиц в отдельном с коллегами кабинете набрался сил нарушить межалкогольное молчание посредством внутреннего монолога. И хотя Лившиц не состоял ни в узкой загот-охоткомпании Хазарова, ни рыцарем междугородного ордена подвязки Ляруссы, лившицкие речи оказались вполне снисходительными.

- Не знаю, на что рассчитывает г-н Саратов, но слиться в евангельском поцелуе нам с вами едва ли удастся. Мы не просто разные, - наши естественные состояния даже не перпендикулярны, ибо мы приносим жертвы разным тельцам. А раз так, тему для беседы - не сидеть же сложа руки в кабаке - я избираю совершенно отвлеченную. Чем меньше она относится к нашему общему делу, тем лучше. Расскажу-ка я о себе. Ручаюсь, будет интересно.

Вы считаете, я не журналист. Возможно ли сие, многоуважаемые? Отказывать в профессионализме тому, кто за четыре года превратился из внештатного корреспондента в главного редактора не самой худшей газеты? Я не журналист?! Не журналист? Я?! Да. Вы абсолютно правы. Я философ. Не мыслитель, конечно, я знаю свой эверест, зато во мне действительно нет ничего специфически газетного. Журналист что мешок: что положишь, то и несет. Такова суть ремесла. Журналисты не имеют права мыслить. Их образ жизни - фиксация происходящего. Анализ и, тем более, синтез действительности - задача философа. Словесность - во всем ее многообразии - для него не тайна, он может все: от стишка до трактата. А журналисту по зубам только борзопись, изредка выше среднего уровня. По большому счету, журналист - это графоман, к которому приценяются бездарные читатели газет. Разница между философом и журналистом как раз и заключается в их категориально не совместимом отношении к продуктам собственной жизнедеятельности: философ продает свои труды, журналист продается сам. Ибо, как вещает публичное суемудрие, мал журналист, да дорог.

Жизнь - это творчество, друзья мои. В этом и только в этом мы похожи на Творца, создавшего нас по своему образу и подобию. «И сотворил я нечто, и сказал себе, что это хорошо», - так должны говорить мы по завершении трудов своих праведных. Или так: «Ай да я! Ай да сукин сын!» Мы с вами не менее сукины дети, чем этот самый «я», только «он» собственноусто определил тип своей личности в момент ее наивысшего взлета, а нас таковыми числят наши благодарные работодатели повседневно.

Жить - значит творить, повторяю я, а газетное дело не имеет к творчеству ни малейшего отношения. Процесс изготовления статей, заметок, интервью и пр. сродни естественным отправлениям организма. Достаточно натрудить руку, вынудить ее повиноваться доисторическому клише, и уже можно доить свою популярность. Кстати говоря, бизнесмены, которых мы хором презираем за все хорошее и у которых не стесняемся изымать на пропитание, имеют более крутое отношение к творческому акту, нежели писчая братва. Бизнес

и есть творчество в чистом виде, только иного, не изобразительного, качества, и это нам с вами еще предстоит усвоить.

Господа мои, пока вы просиживали штаны и юбки в аудиториях, а потом шли на все четыре стороны в поисках субтильной информации, я успел послужить в рядах по повестке, подышать дымом ради пропитания, покружиться в соломе ради жилья, поучиться вполглаза и вполуха, наконец, посидеть на женской шее в пору кристаллизации моего отношения к реальности. В те годы, завтракая тремя корочками хлеба, я на обед не имел даже надежды на то, будет ли мне чем поужинать. Это еще что. Я воочию наблюдал беспредел - лет за двадцать до того, как узнал о существовании этого слова. Если хотите, могу рассказать. А вы хотите, по глазам вижу.

Это случилось по дороге в армию. Все мы были лысы, одеты черт знает во что и чувствовали себя не совсем уютно, особенно обладатели третьеэтажного спального отделения, куда регулярные пассажиры обычно суют багаж. Общий, одним словом, вагон. Но кое-кому было комфортно даже здесь. В поезде оказались подонки из уголовной стаи. Они установили среди нас новый порядок. Своими у них считались только йорские, и это меня спасло. Прочие подверглись изощренным издевательствам, даже пыткам. Дошло до мужеложства, и я до сих пор внутренне вздрагиваю от омерзения, когда мне приходится слышать или видеть в печати слово «вправить». Сопровождали нас офицер, кажется, старлей, и сержант. Но старлею все было по хрену, он не просыхал все пять суток пути, а сержант в одиночку не мог справиться с остервенелым шакальем.

Это было страшно. Это было гнусно. Это было невозможно. Но это - было. Было в самое что ни на есть распросытое время, и дорого бы я дал за то, чтобы забыть этот кошмар. Именно тогда я понял, что значит остаться целым и невредимым. Если бы со мной произошло что-нибудь запредельное, я бы не смог жить. Я отказываю этим тварям в праве называться людьми. Здесь святая литература мне не указ. Это не люди. Это - нелюди. Оборотни. Вервольфы. Вурдалаки. Они не щадят никого: ни старых, ни малых, ни мужчин, ни женщин. К счастью для нас, они отмечены каиновой печатью: упыриный образ жизни с неумолимостью впечатывается в их недочеловеческие черты, и это служит нам предупреждением.

Но я отвлекся, друзья мои. Простите мне это псевдолирическое отступление от сути. Со мной бывает. Вы правы, конечно, не стоило. Я и так отнял у вас массу времени.

Осталось прояснить всего один вопрос, а именно: в чем мы с вами все-таки сходимся, ведь, несмотря на многокалиберные разногласия, должно быть что-то общее между теми, кто разрабатывает один и тот же клондайк. Не знаю, насколько я прав, но, по-моему, вам точно так же плевать на журналистику, как и мне. Она для нас, мои неслучайные сотрапезники, не цель, а всего лишь средство, и довольно пакостное, для достижения иных целей, не будем уточнять, кому потребных. Что ж, каковы храмы, таковы и болота вокруг них.

Ну, вот и все. Миг настал. Честно говоря, я ожидал этого гораздо раньше. Я был уверен, вы не дослушаете меня до конца. Вы и так внимали мне дольше некуда. Нет, я еще не все сказал, но продолжать нет смысла. Ну да ладно. Делайте свое дело, если без этого не обойтись. Я вам не помеха. Меня интересовала только ваша реакция на мои слова, точнее, степень отсутствия вашей реакции.

Однако, ребята, вы не оставляете мне выбора. На что вы надеетесь? На что рассчитываете? О чем думаете? Я ведь не грохну кулаком по столу, не стану крушить чужую посуду или ваши физиономии. Я даже не двинусь с места. Нынче мне пришла фантазия выпить, закусить, поговорить, потанцевать, наконец, хотя я не доверяю ни кабацкой аэробике, ни алкологической трепотне.

Я выпью. Непременно выпью. Я просто обязан выпить отраву, которую вы мне подсыпали. Вы проделали это открыто, даже не пытаясь меня отвлечь, отвести глаза каким-нибудь анекдотом. Я вас даже зауважал, честное слово. Придется максимально соответствовать вашим вожделениям. Все. Смотрите: я беру фужер, я делаю глоток... Хотя нет. Еще минуту. Вам же не терпится узнать, как завершилась моя пятидневная одиссея и илиада по дороге в армию? Я так и думал.

Когда совсем стемнело, я вышел в тамбур, распахнул двери, и свежий майский воздух ворвался в мои мозги и легкие. Я стоял долго, мучаясь оттого, что не могу стряхнуть с себя скверну увиденного и услышанного. И тут лязгнула дверь. Я даже не повернул головы. Мне было все равно. Если что, спрыгну, решил я. «Заратустра?» - послышался за спиной вопросительный шепот. Сделав над собой усилие, я обернулся. И увидел... Хагена. Я не мог не узнать его заросшую дикой шерстью рожу. Вылитый урка, генетический предок поездного отребья. Кажется, за ним маячил Яша Бейжидов, но было темно, я мог и ошибиться. Хаген не произнес ни слова, не осклабился, по обыкновению, он просто ткнул меня в грудь

своей железной палицей - этого оказалось достаточно, чтобы я на ходу выпал из вагона. Как на грех, поезд проезжал по арочному мосту. До сих пор не пойму, почему я не почувствовал боли, когда меня разметала ажурная эстакада. А может, я умер до того, как врезался в нее? Но ведь услышал же я торжествующий хагеновский рык...

- Ваше здоровье, господа!

Трек 08

ВХОДИТ ДВОРЯНИН

- Милорд, король послал меня справиться, готовы ли вы к поединку или намерены перенести состязание на более поздний срок?

- Я не меняю своих решений. Они сообразуются с волей короля. Его дело - приказывать, мое - повиноваться. Раньше или позже - все равно, лишь бы у меня было такое же настроение, что и сейчас.

- Стало быть, я предложу королю, королеве и свите спуститься в зал?

- Я буду ждать их.

- Милорд, позвольте мне отклониться от текста и сказать вам несколько слов.

- Отклоняйтесь. Говорите. Я весь внимание.

- Милорд, насколько вы уверены в Горацио?

- Как в самом себе. А в чем дело?

- Речь идет о подозрениях, не более того. Но они покоятся на такой прочной основе, что, с моей стороны, было бы преступлением не сообщить вам о них.

- Все это не более чем слова, а многословие в наши дни подозрительнее всего. Я ведь могу прервать ваши излияния на полуслове. Едва ли ваша речь останется такой же обстоятельной, если я кликну стражу. Заметьте, я даже не спросил, кто вы такой.

- Прошу прощения, ваше высочество, можете звать меня господин Циркумферент. Должен, однако, заметить, что обстоятельства дела не терпят скоропалительности. Позвольте мне изложить все по порядку.

- Циркумферент - это псевдоним?

- Безусловно.

- Хорошо. Излагайте.

- Впервые я заметил неладное в пятой сцене четвертого акта. Когда королева, ваша матушка, узнает о сумасшествии Офелии, то, захваченная чувством жалости-раскаяния, произносит:

Моей душе, испорченной грехом,
Начало бедствий видится во всем.
Так лиходей, предчувствуя исход,
Себя боязнью выдать выдает.

Обратите внимание, милорд, королева делает свое довольно рискованное признание при Горацио, словно тот посвящен во все происходящее. Вероятно, так все и было, иначе она не поступила бы столь неосмотрительно.

- Ошибочность вашего суждения подчеркивается его предвзятостью. Взволнованная женщина не всегда отвечает за свои слова и даже поступки. Если это все...

- Не совсем, милорд. Я счел необходимым проверить свои смутные догадки...

- Продолжайте.

- Я подверг тщательному исследованию исходный текст и пришел к заключению, что при каждом появлении Горацио возникает повод для недоуменных вопросов. Например, в первой же сцене первого акта Бернардо и Марцелл сообщают о Призраке не вам, как следовало бы, исходя из логики вещей, а ему, Горацио, который появился в Эльсиноре всего лишь пару месяцев назад. Что же получается? Офицеры стражи рассказывают вам о происшествии только с санкции вашего университетского друга? Если так, то они совершают и дисциплинарный, и политически неблагонадежный проступок. Еще одна деталь. Не кто иной, как тот же Горацио дает обстоятельные ответы на вопросы Бернардо и Марцелла о подоплеке предшествующих событий. Возможно ли, спросил я себя, чтобы человек, проживший за границей чуть ли не всю жизнь, человек, считающий себя не столько датчанином (он даже не помнит местных обычаев), сколько римлянином, был так хорошо осведомлен о датских делах? А вспомните вашу встречу с Горацио во второй сцене первого акта. Согласитесь, вы были крайне удивлены, увидев того, с кем не так давно расстались в университете. Стало быть, поездка в Данию не входила в планы вашего друга.

Но чем же надоел вам Виттенберг? -

тут же поинтересовались вы, но Горацио уклоняется от ответа, а вы, ваше высочество, потому не обратили на это должного внимания, что в тот момент обменивались приветствиями с дежурными офицерами.

Так чем вам опротивел Виттенберг? -

вторично спросили вы, но теперь захваченный врасплох Горацио пытается отшутиться:

Моею ленью собственной, милорд.

Это не совсем правдивое признание вашего друга вынудило вас в третий раз обратиться к нему с тем же в сущности вопросом:

Что, дело привело вас в Эльсинор? -

на что Горацио отвечает откровенной ложью:

Нет, похороны вашего отца,

который, если вспомнить, погребен два месяца назад! Как ни странно, ложь срабатывает. Вы не заметили ее, поскольку все еще находились под впечатлением от скоропостижной и таинственной смерти короля, вашего батюшки. Иначе уклончивость Горацио заставила бы вас отнестись к нему точно так же, как к вашим недостойным друзьям Розенкранцу и Гильденстерну.

- Ваши предположения не лишены правдоподобия. Но я никак не возьму в толк, к чему вы клоните.

- Я тщательно изучил речи и поступки Горацио в каждой сцене и готов поделиться с вами результатами моих наблюдений. Только прошу вас, ваше высочество, не прерывать моего рассказа своими, может быть, вполне обоснованными возражениями. Я постараюсь не упустить ни малейшей подробности и ответить, насколько это будет возможно, на все вопросы, если они у вас возникнут.

- Делать нечего, говорите. Только имейте в виду: вы сами это предложили, я вас ни о чем не просил.

- Это истинная правда, милорд. Итак, я начинаю. Горацио состоял на службе у вашего августейшего батюшки, покойного короля, оказывал ему неоценимые услуги дипломатического характера, вот почему вашему другу известны все датские перипетии. Когда вы, ваше высочество, отправились на учебу в Виттенберг, Горацио было поручено вести за вами негласное наблюдение, ведь наследник трона не должен оставаться без присмотра. После трагической гибели короля и вашего возвращения в Эльсинор Горацио, лишившись хозяина, остается не у дел, а значит, без средств к существованию. Помыкавшись без работы некоторое время, он отправляется в Данию предложить свои услуги - профессионального соглядатая - вашему дядюшке, и тот принимает их, ибо непредсказуемость вашего высочества повергает в отчаяние его величество. Король назначает Горацио своим доверенным лицом и для пользы дела передает в его распоряжение дежурных офицеров, поэтому они и приходят к своему руководителю с докладом о Призраке. Вслед за мнимым отплытием вашего высочества в Англию (мнимым - потому что вы с помощью так называемых пиратов легко избежали неотвратимой смерти) сходит с ума Офелия, и король приказывает своему новому придворному присмотреть за ней. Казалось бы, чего проще установить неусыпный надзор за бедной девушкой, но Горацио делает все, чтобы не выполнить поручения, ибо, как опытный интриган, понимает его тайный смысл. Его величество, похоронив Полония, отправив вас, ненавистного престолонаследника, на верную смерть, наконец усмирив взбунтовавшегося Лаэрта, предполагал как следует отдохнуть. В его планы вовсе не входили постоянные встречи с безумной Офелией, один вид которой напоминал бы державному владыке о пережитом. Простите великодушно, милорд, но у вашей августейшей матушки тоже имелись основания устранить Офелию, до своей трагической гибели возымевшую дерзкое желание вскружить вам голову. Не случайно именно королева с протокольной точностью повествует о гибели несчастной дочери Полония. Но монархи - ввиду вашего неожиданного возвращения - так и не смогли насладиться покоем. И что же? Ваш так называемый друг тут как тут: прямо на кладбище, в районе которого вы совершили высадку, он снова берет вас под надзор. Вот, собственно, и все. Через несколько минут между вами и Лаэртом состоится поединок, исход которого, увы, предрешен, ибо вашему высочеству просто не на кого положиться. Именно это обстоятельство, милорд, заставило меня высказать вам свои соображения.

- Если у вас действительно все, то позвольте и мне сказать несколько слов. Ваши, как вы говорите, соображения не лишены интереса. Вы неплохо потрудились и, должно быть, рассчитываете на вознаграждение. Но вы совершили непоправимую ошибку.

- Какую, ваше высочество?

- Вы не просто отклонились от текста, вы внедрились в него самолично, а это едва ли не

худший вид преступления: соваться в чужой монастырь со своим уставом. Из-за вас все может пойти кувырком. Точнее говоря, могло пойти, ибо текст, в котором вы существуете и который вы приметали на живую нитку к тексту, в котором существую я, будет отторгнут как инородное тело. Даже если бы вы, господин Циркумферент, находились со мной в одной системе координат, пользы это никому бы не принесло. Ни мне, ни, тем более, вам. Я все равно погибну, и неважно, когда это произойдет: чуть раньше или чуть позже, при вашем участии или без него, с соблюдением известных правил или с нарушением таковых. Моя смерть не зависит ни от времени, ни от пространства, ни от чьих-либо слов и поступков, ни от таких обоюдокруглых господ, как вы. Видите, я еще не забыл латынь. Такое понятие, как судьба, ко мне неприменимо, и этого вы также не учли. Я вне предопределения, ибо сам являюсь его составной частью. Допустим, Горацио - действительно шпион - что из того? Сейчас это уже не имеет значения. Вы избрали для своего доклада не самое лучшее время. Вам следовало бы появиться еще в первом акте, когда кое-что можно было переиграть. Хотя нет... Только время, которым мы с вами не располагаем, имеет право вносить изменения в текст. Только вечность может справиться с ролью редактора или режиссера, ибо обладает безупречным вкусом ученого и тонким чутьем импровизатора. Я уже не говорю о том, что вы могли ошибиться в своих умозаключениях, а для проверки ваших данных у меня нет...

- Времени?

- Опять ошибка! На проведение расследования у меня нет соответствующего текста. Я и сейчас - благодаря вам - произношу не свои речи. Думаете, это доставляет мне удовольствие? Какое заблуждение! Если я и возьмусь за дело так, как на это намекаете вы, меня просто не поймут. Теперь вам ясно, что вы натворили?

- Еще раз простите, но мне кажется, одно обстоятельство ускользнуло от внимания вашего высочества. Вы правы, я в самом деле не тот, за кого себя выдаю, но я хотел вам помочь, и не моя вина, что сделать это, как вы утверждаете, невозможно. У меня есть одно преимущество: я знаю, чем закончится ваш поединок с Лаэртом, а вы нет. Почему бы вам не воспользоваться моей осведомленностью?

- Еще как воспользуюсь, приятель, только по-своему. Вот шпага и кинжал. Берите. С минуты на минуту они вам очень пригодятся.

- Но, ваше высочество, я не солдат и с оружием не в ладах.

- И все-таки берите. Смею вас уверить, у Лаэрта шпага не из жеваной бумаги. Да вы и сами скоро в этом убедитесь.

- Вы что, хотите, чтобы я дрался с Лаэртом?!

- Вы же сами вызвались мне помочь.

- Да, но не таким образом. Лаэрт меня убьет.

- Скорее всего, да. Он отлично фехтует: французская школа. Но если вы намеревались выйти сухим из воды, нечего было вторгаться на чужую территорию. Почва, в которую вы не вросли корнями, не про вас. Сидели бы дома, кропали бы диссертации на вольную тему. Здесь, в походных условиях текста, нет места для лабораторных работ в духе конца века - любого века, если вам угодно. Подлинный текст невозможно разбить на сцены, он не имеет ни ремарок, ни характеров, неизвестно кем навязанных действующим лицам. В нем нет даже распределения ролей, да не покажется вам странным это утверждение. У нас каждый персонаж сражается - не на жизнь, а на смерть, в меру своих сил и возможностей. И умирает - вне зависимости от исхода поединка. Это касается всех, в том числе и меня. Повторяю вам: мне все равно несдобровать, буду я драться с Лаэртом или нет.

- Но там, откуда я пришел, не принято защищать себя таким варварским способом.

- Я так и думал. Вы слишком изнежены, господин школяр. Вы привыкли разводить турусы на бумаге, упиваться красотами стиля и прочей дребеденью. Однако стилистические изыски неуместны там, где льется настоящая кровь, даже если это происходит в рамках пяти воображаемых актов. Вам тоже придется сражаться за свою жизнь, дружище, и не только в силу вышеуказанных причин, но еще и потому, что ваше благородное негодование пришлось не ко двору вообще и не к датскому двору, в частности. Видите, я тоже в какой-то мере стилист.

- Неужели ничего нельзя сделать?

- Почему нельзя? Берите шпагу - и за дело. Ну, живо. Лаэрт вас уже заждался и может подумать неизвестно что. Имейте в виду: прослыть трусом я вам не дам. Смелее, господин Циркумферент. Вы же знаете: исход этого тренировочного боя не зависит от вашего умения или неумения обращаться с оружием.

- Так-то оно так, но...

- Никаких «но»!
- ...но это же моя роль!
- А о чем я вам толкую вот уже битый час? Это не ваша роль, не ваш текст, не ваше привычное состояние, не ваша жизнь, наконец - но в настоящую минуту Лаэрт ждет именно вас и никого другого. Вы же сами заговорили со мной, никто вас за язык не тянул.
- А как же вы?
- А меня уже нет. Или почти нет. Не заботьтесь обо мне. Я же вам говорил: мне не спастись... Но хватит. Мы заболтались. Ступайте. Еще неизвестно, каким образом вы войдете в действие. Не ровен час, сразу же напоретесь на шпагу... Прощайте, господин Циркумферент.
- До свидания, ваше высочество...
- Как вам будет угодно...
... ...
Убрать убитых. Видеть нету сил
Тех, кто не в битве голову сложил...

Трек 09

- УБЕЙ КОЛДУНА, ЗИГФРИД!

Убей колдуна, говорю я во второй раз. Скажу и в третий: Зигфрид, убей колдуна! Не хочешь сам - поручи мне. Я свято исполню твою волю.

- Я в этом не сомневаюсь, Хаген. Но только это будет уже не моя воля. Я знаю, ты мастер убивать. Можешь не беспокоиться: твой черед еще настанет. А пока...
- Зигфрид, убей колдуна!
- Это становится забавным. А ты что скажешь, Кримхильда?
- Если ты о том, что Хаген зарвался, то его давно пора осадить. При Зигмунде и Зиглинде, твоих родителях, он не смел бы и пикнуть. А если о том сумасшедшем прорицателе, который появляется ниоткуда, уходит никуда, все время молчит...
- Именно что молчит...
- ...и с которым ты постоянно беседуешь, забывая о делах государственной важности...
- И ты туда же, Кримхильда! Дался вам этот старик! Ничего страшного в нем нет. Да, он помалкивает, но не потому, что ему нечего сказать. Это другие много рассуждают, потому что им не о чем молчать. Если хотите знать, не такой уж он и молчун. Просто он умеет говорить, не произнося ни слова, и порой бывает куда красноречивей записных болтунов. Он и возражает, и одобряет, и упрекает, и хвалит, и даже обижается - но только молча. Это настоящий клад. Золото нибелунгов ничто в сравнении с ним. Если бы я умел так молчать...
- Ты же воин, Зигфрид, твой дед и твой отец тоже были настоящими воинами. И вдруг такие речи. Я совсем перестаю тебя понимать...
- Очень плохо. Когда слуга становится непонятлив, значит, он не прочь сменить хозяина. Раз ты не в силах понять, Хаген, хотя бы запомни: я больше не намерен терпеть твои наглые выходки. Сунешься еще с подобными разговорами, пеняй на себя. Ступай прочь. Не смей показываться мне на глаза, пока я сам не призову тебя.
- Ты сходишь с ума, Зигфрид! Ты гонишь своего вассала и приручаешь безумного колдуна.
- Вы что, сговорились? Опомнись, Кримхильда! Почему ты называешь его колдуном?
- Потому что в нем заключена какая-то тайна, а всякая тайна запредельна. Это намек на нечто потустороннее, а люди боятся потусторонних намеков. Когда нет видимых связей между событиями, люди сами пытаются связать концы с концами. Это не идет на пользу правителям. Нужно держать народ в узде одного-единственного истолкования, иначе все пойдет прахом. Один взгляд на вещи - один король, одна версия происходящего - одна религия, одно мнение - одно верховное божество. Многозначность опасна. Это бунт. Недаром при каждом появлении твоего чревовещателя случается какое-нибудь несчастье.
- Чревовещателя! Надо же так все извратить! В чем ты обвиняешь моего Заратустру?
- Из-за него твои нибелунги потерпели поражение от моего брата Гунтера, короля бургундов!..
... ...
- Смотрите, это Заратустра!
- Точно, он!
- Здравствуй, Заратустра!
- Как поживаешь?

- Все по-старому?
- Вот и хорошо!
- А у нас неприятности.
- Еле живы остались.
- Город пестрой коровы знаешь?
- Мы там спектакль давали...
- На площади, при ратуше...
- Развернули сцену, переоделись...
- Только начали играть...
- Как вдруг вбегает какой-то полоумный...
- И давай кричать: «Бог умер! Бог умер!»
- Все переполошились...
- А тот знай себе орет: «Бог умер! Они убили Его! Бедный Бог!»
- Люди спрашивают: «Да кто убил-то?»
- «Вы и убили! - отвечает. - Что Он вам сделал?»
- Провокатор!
- Что тут началось! Шум, крики, драка...
- Столпотворение!
- Ну, и нам перепало...
- Кретин!
- Под горячую руку...
- Насилу ноги унесли.
- А помешанный исчез...
- Идиот!
- Хочешь посмотреть наше представление, Заратустра?
- Очень интересная пьеса.
- Дебил!
- Ты заткнешься или нет?
- Тебе понравится.
- Давненько мы не играли для тебя...
- Ты становись там, ты иди сюда, ты оставайся здесь...
- Внимание, Заратустра, мы начинаем.
- Хаген - твой выход!
- Убей колдуна, Зигфрид! Убей колдуна, говорю я во второй раз. Скажу и в третий: Зигфрид, убей колдуна! Не хочешь сам - поручи мне. Я свято исполню твою волю...
... ...
- Он с кошкой?
- Как видишь.
- И молчит?
- Как всегда.
- В добром ли здравии ваша дикая кошечка, учитель?
- Отстань от него, Юзерушкин. Пусть себе сидит. Давай лучше поговорим.
- О чем, Вралик?
- Почему в заратустриной пещере столько женщин? Раньше он их сюда не допускал.
- Нашел тему! Они пролезут везде. Ты лучше скажи: похож ли этот молчальник на нашего сугубо трегубого Заратустру?
- Воистину это его тень.
- Тень тени.
- Оттенок тени теней.
- Полутень оттенка.
- Что сделала с ним безжалостная рука времени!
- У времени нет рук. Время - река.
- Гегельян в своем амплуа. Что ж, излагай.
- Ты прав, пусть поболтает, все равно не отстанет.
- Люди - это резервуары, заполняемые временем. Минута, день, год, век - единицы объема. Мы поглощаем не больше времени, чем вмещает наш персональный резервуар. Когда субстанция времени заполняет нас до краев - мы захлебываемся и тонем.
- Сколько жидкого времени помещается в твоем резервуаре?
- Литра полтора.
- Если пива, то больше.

- А мне интересно. Продолжай, Гегельян.
- Неужели, Поулина? С каких пор тебя стала интересовать эта дребедень?
- Она от нее без ума.
- С кем поведешься...
- Хватит вам! Лярусса, скажи им!
- Делать мне больше нечего! Иди к нам, в дурачка перекинемся.
- Чтобы яснее представить, что такое время, давайте мысленно устраним три видимых пространственных измерения и проявим сокрытое - измерение времени. Мы увидим бездонный колодец. Или трубу без начала и конца. Но аналогия с колодцем, как мне кажется, больше соответствует действительности. К его стенкам прикреплены люди - с помощью особых трубок. Через них в наш организм поступает время: секунда за секундой, день за днем, год за годом. Человек растет, живет, работает, женится, рожает детей - а время непрерывно и равномерно заполняет весь его организм. Причем субстанция времени в разные периоды нашей жизни действует на нас различно. Или человек по-разному реагирует на время, вводимое в его организм. В пору младенчества и детства время помогает нам расти и развиваться; в годы юности и зрелости благодаря времени мы обретаем самость, становимся кем-то и чем-то; ближе к старости время действует на нас разрушительно: подтачивает дух и разъедает плоть. Наконец...
- Ты прекратишь или нет, в конце-то концов? Нагнал на всех злую тоску! Тоже мне, мыслитель. Посмотри на Заратустру: тебя ждет та же участь. Если, конечно, мы с Шоколадзе и Неолидом не надаем тебе по шее для профилактики.
- Что ты на него взъелся? Пусть треплется. Старик забавен.
- Время переполняет нас, время выплескивается из нас, время поглощает нас... Мы есть там, где время, и время есть там, где мы...
- Он не оставляет нам никакой надежды. Что в этом забавного?
- Версия Гегельяна, безусловно, имеет право на существование. Меня только не устраивают трубки, посредством которых нас якобы накачивают временем. Это некрасиво. А неэстетичность, я в этом убежден, противоречит функциональности. Не случайно в нашем организме почти все трубки находятся внутри. Лично я предпочел бы получать временное довольствие каким-нибудь иным способом. И вообще: колодец - достаточно ущербная и неглубокая аналогия.
- Браво, Непапин! Не ожидал!
- Откуда что взялось!
- Это называется - уел! А, Гегельян?
- Возражение принимается. Колодец и трубки побоку. Если позволите ответить с ходу, навскидку, то время - это океан, который мы впитываем всеми своими порами. Ну как, Непапин? Кажется, глубже некуда. Прочее остается по-прежнему. Годится?
- Более-менее.
- Опять! Нет, это выше моих сил!
- Ты о чем?
- Видеть не могу, как его пушистая тварь исчезает прямо на глазах...
... ...
- Опять! Нет, это выше моих сил!
- Ты о чем?
- Видеть не могу, как его пушистая тварь исчезает прямо на глазах...
... ...
- А, это ты, проклятый чернокнижник! Теперь я разделаюсь с тобой. И с твоей драной кошкой. Твой покровитель не придет тебе на помощь. На сей раз чутье подвело тебя. Ты появился не в добрый для себя час и совсем не в безопасном месте. Стало быть, ты приносишь несчастье не только другим, но и самому себе. Ты и пророк чужой смерти, и предвестник собственной погибели. В ножнах у меня, конечно, не Бальмунг, которым кичится твой Зигфрид, не Нэглинг, даже не Хрунтинг - но он, мой безымянный меч, еще никогда не подводил меня...
... ...
- В ножнах у меня, конечно, не Бальмунг, которым кичится твой Зигфрид, не Нэглинг, даже не Хрунтинг, но он, мой безымянный меч, еще никогда не подводил меня. Не ты первый и, даст Бог, не ты последний почувствуешь на своей шкуре его раскаленную ненавистью сталь. Я прикончу и Зигфрида, чья смерть тоже будет на твоей совести. Даже Кримхильда не выдержала. Когда она обратилась ко мне с просьбой неотлучно находиться при нем, я живо почуял, что к чему. И не ошибся. Она плакала, она рыдала, открывая мне тайну

его неуязвимости. Я не верил своим ушам, но Кримхильда рассказала мне все. Еще ни одна жена не предавала мужа с такой искренней и нежной любовью. Она била себя в грудь, она рвала на себе волосы, но, готов поклясться, ее глаза улыбались. Хотя я не знаток сложной женской натуры, мне могло и показаться... Молись, колдун, если есть кому, и радуйся: ты умрешь, как воин. Жаль, что ты безумен и до тебя не дойдет величие этого события... Но хватит болтать! За дело, луч сражений! Ххэк! Боже праведный! Что случилось с моим мечом? Этого не может быть! Дьявол! Бес! Куда ты! Стой! Я задушу тебя голыми руками...

... ...

- Что ты там вякнул про надежду? Гегельян, кажется, он прав.

- Позвольте усомниться. Жить без надежды - это не порок, а высшая добродетель. Человек, лишенный надежды, получает право рассчитывать только на себя, и это идет ему на пользу. Тем более что ваша пресловутая надежда сплошь и рядом подменяется таким внесистемным и абсолютно непродуктивным понятием, как «авось». По аналогии с одеждой - одеянием тела, надежда - одеяние души. Но даже от мороза мы прячемся не целиком: лицо остается открыто всем ветрам. В противном случае мы бы не смогли полноценно общаться с окружающим миром. Так и лицо души не следует закрывать пеленой надежды: оно должно видеть реальность такой, какова она есть, - это необходимый минимум...

- Хватит!

- Достал!

- Надоело!

- И немудрено. Мыслительный процесс вам в тягость, умственное напряжение раздражает вас, а последовательное рассуждение о вещах отвлеченных терзает душу. Между тем житье-бытье человека разумного подвешено на семи растяжках...

- Он нас точно уморит.

- Сказано тебе: заткнись!

- Нет, пусть договорит.

- С какой стати?

- Слушать чужой бред - моя слабость. Продолжай, Гегельян.

- Ладно. Черт с ним.

- И с ним.

- Нам даны не только три пространственных и временное измерения (то есть уже четыре), - нам предоставлена дополнительная возможность скользить по эмоциональной плоскости (пять). Однако не все пользуются этой возможностью в полном объеме: часть из нас не принадлежит ни к живым, ни к мертвым и в критические для себя дни чувствует только элементарную физическую ущербность. В область мысли (шесть) вообще забираются немногие, остальные же, если и попадают туда, то исключительно пошлой, донельзя истоптанной стежкой, ибо их мыслительный процесс прочно втиснут в рамки общепринятого и общедоступного. Ну, а в сферу истины (семь) подавляющему большинству из нас путь заказан. Это при том, что проникнуть туда совсем несложно. Достаточно осознать, что мы находимся там отродясь, и она раскроется, как счастливая женщина. Ведь истина - в самом деле сфера, центр которой везде, а окружность нигде. Так, во всяком случае, утверждала главная жрица оракула Бездонной Полулитры, а я им верю. Обеим...

- Постойте! У меня идея!

- Какая, Шоколадзе?

- Сколько нас здесь? Предлагаю разыграть «Тайную вечерю».

- Так. Восемь мужчин, четыре женщины и одна кошка. Итого... тринадцать.

- Гениально!

- Кто будет Учителем?

- Как кто? Гегельян. Он любит всех поучать.

- Пойдет. А кто - предателем?

- Заратустра! Своим поведением он ежеминутно предает нас.

- Как это?

- Хотя бы так: его упорное молчание толкает нас в пучину ложных предположений. Разве это не предательство?

- Еще какое!

- Нет, это скучно!

- Тебе, Тапочка, ничем не угодишь.

- И сама не предлагает, и другим не дает...

- А ты просил?

- Вроде нет...

- Тогда заткнись. Внимание! Предлагаю устроить праздник осла.
- Отлично! А кто будет, прошу прощения, ослом?
- Или ослицей?
- Либо кошка Мошка...
- Либо?
- Мы сами!
- Разом?!
- Поочередно.
- Принимается! Начать можно с Катерпиллер.
- Или Вралика.
- А по-моему, лучшей кандидатуры, чем сын сапожника, не найти...
... ...
- Если бы я знал, что это всего-навсего актеры, я все равно велел бы их перебить. Сумасшедший чародей водился с ними, а его влияние подобно тлетворному туману. Только не следует думать, что мы совершили подвиг. Невелика слава - расправиться с безоружными босяками.
- Никто так не считает, Хаген. Но разве ты не был изумлен, когда навстречу нам вышли... мы сами в полном боевом облачении?
- Ты прав. Я чуть не остолбенел от неожиданности. Особенно меня смутил Зигфрид.
- Еще бы!
- Что я должен был подумать? Что он, словно Один, воскрес из мертвых? Я не мог поверить своим глазам: своими руками проткнуть человека, бросить его на съедение псам, а спустя пару месяцев встретить его целым и невредимым! Если бы это оказался именно он, а не его бутафорский двойник, мы бы с вами сейчас охотились в пределах Вальгаллы. В открытой схватке Зигфриду не было равных. Когда я велел вам атаковать... нас самих, я был уверен, что это наше последнее сражение. Похожее чувство охватило меня несколько раньше, при нападении на подлинного Зигфрида. Но по другой причине: я не был уверен в своем оружии. К счастью, в тот раз все обошлось.
- Нет, Хаген, наша последняя битва уже состоялась. Мы потерпели поражение. Бургунды больше не существуют. Если бы Зигфрид был жив...
- Перестань! Разве мало побед мы одержали без нибелунгов? Дело вовсе не в нем.
- Ты имеешь в виду...
- Да, дьявол меня побери! Клянусь, я найду его, что бы мне это ни стоило! Где бы он ни скрывался, на том или на этом свете, в этом или других мирах, - а так мне пытались объяснить его неожиданные появления и исчезновения, - я пойду, побегу, поплыву, полечу за ним! И если я его встречу... то есть когда я его встречу, он проживет не более мгновения, - вполне достаточно, чтобы снести ему череп... А вы, жалкая горстка доблестных хранителей клада, пойдете со мной? Или мне придется предоставить вас самим себе?
- Мы, конечно, не покинем тебя, Хаген. Но чем гоняться за привидениями, лучше было бы покориться судьбе. На наш век золота хватит: часть сокровищ все еще при нас.
- Пропади они пропадом! Мне золото больше не понадобится. По крайней мере, до поры до времени. Впервые я вынужден усомниться в силе и могуществе клада нибелунгов. Просто зло берет, как подумаю, какой ценой он нам достался. А для чего? Чтобы оставить его в земле до лучших времен, которые никогда не наступят? Подумать только! Меня, видевшего смерть трех королей, больше не интересует то, чем я жил всю жизнь. Теперь я думаю только о том, где теперь... кошка колдуна. Он всегда появляется вместе с ней. И вместе с ней исчезает. Сдается мне, если ее выследить, она выведет нас к нему. Э, да вот же она... летит. Точно, летит. Что ж, в последнее время я научился ничему не удивляться.
- Кажется, она движется в сторону пещеры, что на вершине горы.
- Не туда, а оттуда.
- Если это и кошка, то летит она совершенно в другую сторону...
- И не кошка это вовсе...
- И никуда не летит...
... ...
- Мошка решительно отказывается играть ослицу.
- Я тоже.
- Тебе и не удалось бы.
- Почему?
- Ты можешь быть только ослом.
- За осла ответишь!

- Или козлом.
- Ответишь и за козла.
- Перестаньте! Играть осла - не такая уж трудная роль.
- Козла тоже.
- Надо только время от времени кричать «Да!»
- По-немецки и ясно.
- Или блеять.
- Йес! Правильно?
- Не совсем. Но ты на верном пути.
- Кстати, Гегельян, судя по тому, как ты препарировал надежду, вера тебе чужда.
- Ты опять за свое...
- Он нас уморит.
- Это не совсем так. Все люди верят, причем все верят в Бога: одни - явно, другие - не отдавая себе отчета, третьи - по-своему определяя объект веры. Без нее не проживешь, так уж мы устроены.
- И все-таки я прав. Что у нас осталось? Любовь?
- Какая именно?
- Платоническая, естественно. Что ты скажешь о ней?
- Тоже ничего утешительного. Древние поклонялись двум богиням любви: пошлой, или общедоступной, которая оказывала покровительство разнополым влюбленным, и небесной, которая освящала, если можно так выразиться, однополые взаимоотношения. Надо ли говорить, кому и чему отдавал предпочтение великий проповедник платонической любви?
- Какая гадость!
- Какая мерзость!
- Какая гнусность!
- Какая...
- Помогите!
- Кто кричал?
- Не я...
- Не я...
- Не я...
- Не мы...
- Это снаружи...
- Или внутри...
- Неужели Заратустра?
- Посмотрите, что с ним?
- Он встал...
- Не может быть...
- Он протянул руки...
- Невероятно...
- Он силится что-то сказать...
- Невообразимо...
- Слышите шаги?
- К пещере кто-то подходит...
- Кто это может быть?
- Вроде все в сборе...
- Шаги приближаются...
- Это Заратустра!!!
- Быть не может!
- Их двое?!
- Раздвоение личности?!
- Скорее - удвоение.
- Как они похожи!
- Как две капли воды...
- Как двойняшки...
- Что же теперь будет?
- Сейчас увидим.
- Сейчас услышим.
- Сейчас узнаем.

- Я ждал тебя...
- Я тебя искал...
- Почему ты так долго не приходил?
- Я учился забывать...
- Это трудно.
- Я проникал в сокровенное...
- Это невозможно...
- Я постигал непостижимое...
- Это не нужно...
- Я вернулся к себе...
- Это главное...
- Ну, здравствуй.
- Здравствуй.
- Смотрите, они берутся за руки...
- Они совмещаются...
- Они сливаются...
- Лившиц!!!
- Здравствуйте, друзья.
- Наконец-то!
- Здравствуйте... Заратустра.
- Без тебя было так скучно.
- Теперь повеселимся!
- Развеемся!
- Разойдемся!
- То, что сейчас случится, едва ли вас обрадует.
- А что случится сейчас?
- Я намерен сойти с ума.
- Брось шутить.
- Я не шучу.
- Ты нас разыгрываешь.
- И не думал.
- Ты над нами издеваешься.
- Это не в моем стиле.
- Человек не может добровольно сойти с ума.
- Человек может все.
- Зачем тебе это?
- Мне больше незачем жить.
- Тогда убей себя.
- Самоубийство не выход.
- Тогда попроси кого-нибудь, и тебя убьют.
- Преступление тоже не выход, точнее - это выход в никуда.
- Ты станешь обузой самому себе и окружающим.
- Неправда. Животные не в тягость никому.
- Мы отказываемся тебя понимать.
- Я вернулся к самому себе. Теперь я могу уйти. Прощайте.
- Если так, то прощай.
- Не поминай лихом.
- Мы любили тебя.
- Запомните на прощанье: умирать не стоит.
- А сходить с ума?
- Все мы сходим с ума. Мой способ самый совершенный.
- А приносить себя в жертву?
- Все мы жертвуем собой. Мой способ самый безболезненный.
- А бросать мир на произвол судьбы?
- Все мы бросаем мир на произвол судьбы. Мой способ самый благородный.
- А как же мы? Мы без тебя умрем.
- Значит, будете жить вечно.
- Прощай, Лившиц...
- Прощайте, друзья...
... ...

- Вино... Кровь... Вино... Кровь... Вино...

... ...

- Они ничего не поняли. Разве Бог может умереть? Какие они глупые! Его нельзя убить. Только Он Сам может покончить с Собой. Но это совсем не страшно. Он же Бог. Если Он и убивает Себя, то не окончательно, не навсегда, не на вовсе. Не бойтесь, без Бога мы не останемся. Просто сначала Он создал мир и ушел на покой. Потом возлюбил людей и позволил Себя распять. А теперь... теперь Он стал вином нашей жизни и кровью нашей души и больше ни во что не вмешивается... И мы...

Трек 10

ИНКУБАТОР

Один из его отсеков. Утро. КУРЫ - КРАСНУХА, СИНЮХА, ЧЕРНУХА и ДРУГИЕ - спят на своих рабочих местах. Раздается крик ПЕТУХА ПЕТРОВИЧА. КУРЫ просыпаются.

Время от времени по сцене прокатываются эллипсоиды, заостренные с одной стороны, закругленные - с другой. Это ЯЙЦА.

ЧЕРНУХА *(потягиваясь)*. Петуха бы!

КРАСНУХА. Ты хоть перья-то расправь! Петуха ей подавай.

ЧЕРНУХА. А тебе-то что? Петух с утреца - самое милое дело.

СИНЮХА. Поклевать бы чего.

КРАСНУХА. А ты? Не успела глаза продрать - сразу за просо. Посмотри, на кого ты похожа?

СИНЮХА. Для кого красоту-то наводить? Для Петровича? Так он же каплун!

(КУРЫ смеются.)

КРАСНУХА. Зачем для Петровича? Для себя. *(Чистит перышки.)* Разве приятно - распустехой-то ходить?

ЧЕРНУХА. Как ни прихорашивайся - конец один.

СИНЮХА *(со смехом)*. Петуший!

ЧЕРНУХА. Оттопчут - и все дела!

(КУРЫ смеются.)

КРАСНУХА *(обиженно)*. Да ну вас! Вечно испортят настроение.

Входят ПЕТУХАН, ПЕТРОВИЧ, ХОХЛАЧ, КВОХТУН, ПЕТУШОК и другие ПЕТУХИ.

ПЕТУХАН. Привет, девки! Соскучились, поди?

ЧЕРНУХА. Уж не по тебе ли?

ПЕТУХАН. А хоть и по мне!

СИНЮХА. Да кому ты нужен?

ЧЕРНУХА. Петух ощипанный.

ПЕТУХАН. Цыц, помет куриный! Раскудахтались! Мало я вас топтал.

СИНЮХА. А то не мало: раз в день.

ЧЕРНУХА. И то не всякий.

ПЕТУХАН. А ну, петухи, налетай! Учтем курью критику.

ПЕТУХИ игриво подходят к КУРАМ.

КРАСНУХА. Ни стыда, ни совести!

ПЕТРОВИЧ. Помалкивай, цыпочка. Нечего курочку из себя строить. Сама-то, небось, больше всех хочешь.

КРАСНУХА. Не подходи: клюну!

ПЕТУХАН. С тебя и начнем. Петрович, хватай ее!

ПЕТУШОК. Прекратите!

ПЕТУХАН. Чего-чего?

ПЕТРОВИЧ. Подумать только: у куренка голосок прорезался!

КВОХТУН. На своей улочке и курочка храбра.

ХОХЛАЧ. Да ведь не поет курица петухом, а если споет - так на свою же голову.

ПЕТУШОК *(робея)*. Это неправильно!

ПЕТУХАН. Что именно?

ПЕТУШОК. Каждый петух должен жить со своей курицей...

ПЕТУХАН. Рехнулся.

ХОХЛАЧ. Клюнул что-нибудь лишнее.

КВОХТУН. Клюкнул.
ПЕТРОВИЧ. Импотент, наверное.

ПЕТУХИ и КУРЫ смеются.

ПЕТУХАН. Вот тебе, Петрович, и помощник.
ХОХЛАЧ. Евнух куриный.
ПЕТУШОК. Куда деваются наши яйца?
КВОХТУН. Куда надо. Ты лучше скажи, почему одни яйца белые, другие - коричневые?
ПЕТУХАН. Это зависит от петуха.

ПЕТУХИ и КУРЫ снова смеются.

ПЕТУШОК *(робея).* Вы не ответили на мой вопрос.
ПЕТУХАН. На какой?
ПЕТУШОК. Насчет яиц.
ПЕТУХАН. Не твоего куриного ума дело.
ПЕТРОВИЧ. Всяк петушок - знай свой шесток.
КВОХТУН. Наше дело петушье - топтать кур; курья забота - нести яйца. А они пусть себе катятся. Своей дорогой.
ПЕТУШОК *(более смело).* Как вы не понимаете: нельзя так относиться к своим яйцам. Это же наши будущие дети. Мы должны о них заботиться, кормить, воспитывать. Пусть петухи и куры живут семейно, парами, со своими цыплятами, любят друг друга... а не так, как сейчас...
ПЕТУХАН. Ну все, прокукарекал свое - и вали, покуда цел. Я с тобой потом разберусь.
КВОХТУН. Яйца курицу не учат. Подрастешь - получишь право голоса.
ПЕТРОВИЧ. А пока помалкивай. Курица кудахчет, а петух молчит.
ХОХЛАЧ. Курятина ему, видите ли, не нравится. Зато нам - в самый раз. Ах, какие девочки! Какие ножки!
КУРОЧКА *(робея).* А я... с ним согласна.
ПЕТУХАН. Тебя не спросили, несушка половозрелая!
ПЕТУШОК. Не смей... те оскорблять мою невесту!
ПЕТУХАН. Что ты сказал? Невесту?.. Ах ты цыпленок пареный!

(По инкубаторской радиосети разносится: «Двадцать тысяч семьсот тринадцатый, мать твою! Где тебя носит! С ведрами на выход!»)

ПЕТУШОК *(пользуясь ситуацией).* Слышите? Это голос нашего куриного бога. Слышите? Он подтверждает мои слова! Он согласен со мной! Спасибо тебе, куриный бог мой, за то, что ты не оставил меня!

ПЕТУХИ и КУРЫ потрясены.

Тот же отсек некоторое время спустя.

ПЕТРОВИЧ. Куры отбились от крыльев.
ХОХЛАЧ. Цыплята осточертели...
ПЕТРОВИЧ. Снуют туда-сюда - голова кругом.
КВОХТУН. С каждым днем еды все меньше. Скоро совсем клевать нечего будет.
ХОХЛАЧ. Кругом скорлупа, не пройти.
ПЕТРОВИЧ. Главное - этот ощипок. От его куроучения спасу нет...
ПЕТУХАН. Носится со своим богом как курица с яйцом.
ХОХЛАЧ. Ты бы все же полегче. Беду накличешь.
ПЕТУХАН. Ладно тебе, раскудахтался. И так ничего хорошего.
ПЕТРОВИЧ. Он-то молоденькую себе подцепил...
ПЕТУХАН. Нет, почему мы должны ему верить? Речи куриного бога непонятны. Каждый петух, даже каждая курица могут понимать их по-своему. А может, он просто водит нас за клюв?

(Голос из радиосети: «Почему воду не подключили, мать вашу так!»)

ХОХЛАЧ. Вот тебе и водит за клюв. Прости ему, куриный бог, он не ведает, что кудахчет.
ПЕСТРЫЙ. Прямо мороз по коже.
ПЕТУХАН. Немудрено. Она же у вас куриная.
КВОХТУН. Ты что, очумел? Мало нам напастей.
ПЕТРОВИЧ. Дождешься - начнется куриный мор.

ПЕТУХАН. Если и начнется, то не из-за меня, а от недостатка пищи и воды. Вы лучше скажите, что означают слова куриного бога?

ПЕТРОВИЧ. Не нам, петухам, судить об этом.

ПЕТУХАН. А кому? Этому шалтаю-болтаю? Чем мы хуже него? *(Его осеняет.)* Я знаю, что сказал куриный бог.

КВОХТУН. Так. Еще пророк выискался.

ПЕТРОВИЧ. Мало нам одного.

ХОХЛАЧ. Свихнулся, не иначе. На почве религии.

ПЕТРОВИЧ. Не хочешь прилечь или водички глотнуть?

ПЕТУХАН. Заткнитесь! Я знаю, что говорю. Куриный бог только что сказал мне: «Петухан, не слушай этого полудохлого цыпленка. Пусть твои петухи и куры снова заживут по-старому. Будь у них *(пауза)* королем, а Курочку *(пауза)* возьми себе».

ПЕТРОВИЧ. Ну, ты даешь, Петухан!

ПЕТУХАН. Молчать! Как ты смеешь так говорить со своим королем?!

Другая сторона отсека.

ПЕТУШОК *(в раздумье)*. Курочка считает меня умным, смелым, благородным. Она гордится мной, а я... Что я могу? Цыплята плодятся не по дням, а по часам. Все захламлено скорлупой. Запасы еды и воды пополняются медленно. Пришлось ограничить пайки. Куры и петухи недовольны. Раньше, когда не было цыплят, нам всего хватало. А теперь... Куриный бог мой, вразуми меня! Население растет. Где брать еду? Где брать воду? Что делать?

(Голоса из радиосети: «Двадцать тысяч семьсот тринадцатый, что со вторым отсеком?» - «Я не знаю». - «Не знает он! Не знаешь - сходи посмотри!»)

Куриный бог! Я слышу тебя. Я готов исполнить твою волю. Но, кажется, я разучился понимать твои слова... Вразуми меня, куриный бог мой...

Входит КРАСНУХА.

КРАСНУХА. Все ходишь, мечтаешь - а там такое творится!

ПЕТУШОК. Что случилось?

КРАСНУХА. Петухан со своей стаей...

ПЕТУШОК. Не квохчи. Говори толком.

КРАСНУХА. Петухан сказал, что только он понимает речи куриного бога...

ПЕТУШОК. Куриный потрох!

КРАСНУХА. Не ругайся. Дескать, бог назначил его королем, повелел разогнать семьи, кур снова сделать общими, цыплят сдать вместе с яйцами. А твою Курочку...

ПЕТУШОК. Что?

КРАСНУХА. Петухан взял себе...

ПЕТУШОК. Не может быть! Подонок! Что же она? Что остальные?

КРАСНУХА. Что-что! Ничего. Ты туда беги! Потом спрашивать будешь!

ПЕТУШОК и КРАСНУХА уходят.

Другая сторона отсека.

ПЕТУХАН *(сидя на королевском насесте)*. О, великий куриный народ! Мы, милостивый король Петухан первый, во исполнение воли куриного бога...

Входит ПЕТУШОК.

ПЕТУШОК. Ты не имеешь права говорить от его имени!

Подручные королевские ПЕТУХИ хотят схватить его. ПЕТУХАН их останавливает.

ПЕТУХАН. Не успел явиться, как уже надерзил своему королю.

ПЕТУШОК. Ты мне не король!

ПЕТУХАН *(сделав вид, что не слышит)*. Но мы не станем карать тебя за непослушание. Пока не станем. Мы даже готовы вступить с тобой в дискуссию - чтобы доказать всему куриному народу пагубность твоих заблуждений. Итак, отвечай нам: что принесли петухам и курам твои реформы?

ПЕТУШОК. Свободу. Возможность создавать семьи, растить цыплят, жить по своему разумению...

ПЕТУХАН. Все это хорошо. Но разве ты сделал их счастливее?

ПЕТУШОК. Счастье - это проблема, которую каждый петух и каждая курица решают самостоятельно...

ПЕТУХАН. Вздор! Что понимают в счастье твои куриные мозги? Счастье - это вдоволь пищи и воды. Счастье - это сытая беспроблемная жизнь. Счастье - это физическая доступность любого петуха любой курице. Где просо? С тех пор, как ты решил осчастливить их, еды постоянно не хватает. Где вода? Несушки, которые сутками работают на насестах, не могут даже вдоволь напиться. А эти твои половые ограничения... И ты еще смеешь говорить о свободе!

ПЕТУШОК *(явно смущен)*. Я исцелил свой народ от куриной слепоты. Я придал смысл его куриной жизни...

ПЕТУХАН. Курам на смех! У жизни нет никакого смысла. Ты бы сперва спросил, чего хочет куриный народ: твоего смысла или моего счастья. Петушина ты, простофиля! Когда у них не останется еды, им будет все равно: есть у жизни смысл или нет. Как говорится, голодной курице просо снится.

ПЕТУХИ и КУРЫ аплодируют. ПЕТУШОК смущенно молчит.

Молчишь? Мокрая ты курица, а туда же: петушиться вздумал.

ПЕТУХИ и КУРЫ смеются.

Мы помилуем тебя, если ты всенародно отречешься от своих заблуждений. В противном случае...

ПЕТУШОК *(овладевая собой)*. То, что творишь ты, - это произвол. А петухи и куры добровольно, без принуждения, избрали иной путь. Они были послушны гласу куриного бога. Неужели ты думаешь скрыться от его гнева? Он настигнет тебя повсюду. Ты еще ответишь за свои злодеяния. Где моя Курочка? *(Бросается на ПЕТУХАНА.)* Я задушу тебя голыми крыльями!

ПЕТУХИ хватают ПЕТУШКА.

ПЕТУХАН. Удача не курица, не прикормишь. Если кого и покарает куриный бог, то тебя первого. Заклевать его!

(С обратной стороны отсека слышатся шаги.)

ПЕТУШОК. Стойте! Слышите? Это куриный бог! Он идет мне на помощь. Уж он-то отделит просо от шелухи. Куриный бог, я, твой заблудший сын, жду твоего пришествия с благоговением и страхом! Внемлите мне! Сейчас мы узрим нашего бога!

Двери отсека открываются. Входит ЛИВШИЦ.
ПЕТУХИ, КУРЫ и ЦЫПЛЯТА в ужасе мечутся по отсеку.

ЛИВШИЦ. Мать честная, что здесь творится!

(Голос из радиосети: «Двадцать тысяч семьсот тринадцатый, что там у тебя?»)

ЛИВШИЦ *(снимая трубку с телефонного аппарата, установленного в отсеке)*. Здесь сам черт ногу сломит. Куры, петухи, цыплята, горы скорлупы... Так, хорошо, будет сделано. *(Кладет трубку.)* Все, ребятушки-цыплятушки, райская жизнь кончилась. *(Открывает задвижки.)* И не рада бы курочка на стол, да тащат за хохол.

(Внезапно двери отсека захлопываются. Из открытых задвижек начинает бить вода.)

Вы что же, свиньи, делаете! Я же еще здесь! *(Тщетно пытается закрыть задвижки. Бросается к телефону.)* Эй вы! Остановите воду! Я же еще не вышел! *(Никто не отзывается.)* Скоты! Будьте вы прокляты!

(Вода, постепенно заполняя отсек,
смывает со сцены ПЕТУХОВ, КУР, ЦЫПЛЯТ и ЛИВШИЦА.)

Утро следующего дня. КУРЫ спят на своих рабочих местах. Раздается крик ПЕТУХА. КУРЫ просыпаются. Время от времени по сцене прокатываются эллипсоиды, заостренные с одной стороны, закругленные - с другой. Это ЯЙЦА.

ПЕСТРУХА *(потягиваясь)*. Петуха бы...

Трек 11

ЧТО УДИВИТЕЛЬНО:

побежали все без исключения, скопом, и этому никто не удивился, то есть не тому, что побежали, а тому, что все, хотя то и другое было достойно удивления. Но удивляться было некому. Может быть, поэтому все разом встрепенулись и понеслись, словно заслышав зов

боевой либо какой-то иной трубы, а ведь не прозвучало не только никакого зова, не только никакой трубы, тем более - боевой, но даже сколько-нибудь приличного трубного гласа. Люди выбегали из подъездов, ворот, дверей, улиц, переулков, проспектов, тупиков, арок, подворотен по собственному хотению, запросто, без какого-либо умысла или сигнала. Да если бы и существовал чей-то и наверняка злой умысел или прозвучал старый знакомый, инстинктом изжеванный сигнал, никто бы не тронулся с насиженного места, кроме, быть может, людей психически дисциплинированных, изувеченных тяжкой трудовой наследственностью, распухшим до метастаз чувством долга либо возрастом, близким к пенсионному. Однако побежали именно что все, заодно с пенсионерами.

Побежали дети, подростки, юноши, девушки и - скорее всех - грудные младенцы, до умиления споро перебиравшие своими не приспособленными к бегу ножками. И вообще: сверхъестественные беговые наклонности в чистом виде и полной мере обнажили, помимо профессиональных спортсменов, милиционеров, налоговиков, рэкетиров, бомжей, охотников, браконьеров, сутенеров, военных, военно-морских и военнообязанных, лица далеко не спортивной, точнее - антиспортивной ориентации, не только не любители, но те, кто в иных условиях просто отказались бы возложить на свои ничуть не крепкие спины отнюдь не легкую ношу столь не свойственного не здоровякам лидерства.

Побежали домохозяйки с наволочками, полотенцами и гладильными досками наизготовку, поварихи с уполовниками, сковородниками и наборами разделочных ножей, домработницы с пылесосами наперевес, половыми тряпками и совками с мусором, банщицы с мылом и мочалом в руках и шайками подмышкой. Побежали беременные женщины, со сроком беременности от намедни до не сегодня-завтра; иные дамы брюхатой наружности, с естественным в их положении единодушием поминая своих матерей и матерей своих будущих детей, прямо на бегу энергично разрешались от бремени, а роды, без каких-либо осложнений для рожениц, принимали - под категорическим надзором скачущих невдалеке астрологов и астрологинь - бежавшие вокруг да около акушеры и гинекологи. Новорожденные чуть ли не сами отрывались от пуповины, плотно упаковывались в памперсы, распашонки и пинетки и, не успев как следует хватить материнского молока, с радостным плачем вставали на ноги, дабы присоединиться к своим счастливым и одновременно бегущим родителям.

Побежали больные простатитом и псориазом, почечуем и полиомиелитом, проказой и пороком сердца, равно как и все остальные из когорты хворых, недужных и увечных - этих было особенно много, хотя стороннему, постороннему либо потустороннему наблюдателю, если таковые неслучайно обнаружились бы, это могло и показаться - ведь убогие телом и душой обычно ведут себя и себе подобных гораздо осмотрительнее по улицам более-менее здоровых заселенных пунктов, каковым, вне всякого сомнения, считался город Йорск.

Побежали золотоискатели, златоусты, золотари, нищие, нищеброды, бродяги, побродяжки, попрошайки, проститутки, шлюхи, ночные фиалки, камелии, жрицы свободной любви, путаны, кидалы, девки, девицы легкого поведения и вообще все девицы, в том числе старые, не очень старые и очень не старые девы. Побежали воспитатели детских садов и яслей, нянечки и няни, санитарки, санитары и медбратья, докторши, доктора и кандидаты в доктора решительно всех наук, вплоть до медицинских. Побежали учительницы, учителя и учители в сопровождении всемогущей кучки специалисток из отдела образования - последние в силу своей выдающейся духовности, душевности и особенно телесности придавали неразберихе, возникшей в связи с поголовной круготней, сухомлинский статус и отличались сугубо педагогической стремительностью и целеустремленностью бега.

Побежали сантехники, слесари, слесари-сантехники, электрослесари, электротехники и просто техники; побежали алкоголики, пивоголики, трудоголики, женоголики и шлюхоголики с наркоманами; побежали психиатры, психологи, парапсихологи, психоаналитики, психи-аналитики, психо-драматурги, психованные поэты, писатели и просто психи, начиная с настоящих буйных (их было довольно мало), заканчивая полными идиотами, не уступавшими буйным ни количеством, ни качеством. Побежали транс, би- и сексуалы как таковые совокупно с трансвеститами и трансвеститками, гомосечками и лесбиянами, садистами и мазохистами, садомазохистками и разномастными извращенками на ниве целомудрия и почве феминизма; побежало не только анормальное, аномальное и коммунальное в аморальном смысле йорское население обоего пола, но и персоны, с некоторых пор уцененные до полной ущербности, пресловутый третий пол, а именно - падкие на женщин мужчины и западающие под мужчин женщины.

Побежали бездельники, лодыри, лентяи, дуракаваляки, жены-неумехи и безрукие мужья, то есть, конечно же, с руками, только вставленными, как водится сплошь и рядом, не

тем концом, а если и тем, то не туда. Побежали толстые, растолстевшие, жирные, зажиревшие, откормленные, отъевшиеся, слоноподобные, еле передвигающие свои многопудовые, лопающиеся от жира и сала телеса. Побежали сытые, истекающие счастьем, довольством, самодовольством, достатком и процветанием директора, генеральные директора, их заместители, помощники, референтши, секретарки; побежали управляющие, менеджеры, узкие и широкие специалисты по маркетингу, консалтингу, лизингу, холдингу, брифингу, блюмингу, салингу, фитингу, митингу, шизингу и френингу. Побежали нувориши, шефы, боссы, бонзы, патроны с патронташами, новые йорские и, конечно, новые нейорские, так называемые гости города, с незапамятных времен ставшие его хозяевами; побежали бандиты, гангстеры, мафиози, братаны, братки, организованные, дезорганизованные и реорганизованные преступники, нарко- торговцы, бароны и дилеры. Побежали карьеристы, чиновники, чинодралы, чинуши, коррупционеры, взяткодатели и взяткобратели: одни, повинуясь благоприобретенной инерции, черт знает откуда извлекали толстые и тонкие пачки разнолико отделанных купюр разной степени параллелепипедности, а другие, не отдавая себе отчета, Бог знает куда сплавляли благополученное, хотя о даче и приеме взяток в момент непосредственно приема и дачи никто, по-видимому, уже не помышлял.

Словом, побежали все.

Не стали исключением и животные, было бы и странно, если бы стали. Побежали коты и кошки, псы и собаки, полноправные хозяева как городских квартир, так и домов сельского типа, в былые времена обильно понатюпанных в Йорске, изрядной, приходится признать, тмутаракани. Из полудеревенских дворов выбегали быки и коровы, лошади и козлы, утки и гуси, куры, цыплята и петухи, издававшие неоднозвучное хряканье в полном согласии со своей породой / беспородностью, полом и возрастом. Из экзотических тварей в Йорске проживали две Мартышки, одна очковая змея по имени Тамара и три безымянные золотые рыбки, но и они, несмотря на расовую принадлежность к иной, не йорской цивилизации, тоже побежали: рыбки, как все аквариумное поголовье, вместе с аквариумом, змея - на своих двоих. Побежали крысы, мыши, муравьи, тараканы, мокрицы, двухвостки, колорадские и другие жуки и жучихи, стрекозы и стрекозявки, божьи коровки, Божьи комары и бабочки. Насекомые, будучи окрыленными, вроде могли бы и полететь, но они все-таки побежали, а вслед за и вместе с ними - воробьи, галки, сойки, зяблики, ласточки, грачи, вороны (с ударением на оба первых слога) и прочие виды и подвиды крылатых и разнокрылых, исхитрившиеся воздержаться от издохновения, невзирая на острую нехватку незараженной пищи и обеззараженной воды.

Побежали и неодушевленные: предметы, вещи, утварь, инвентарь, аксессуары учрежденческие, садово-огородные, пожарные, сортирные. Побежали столы, стулья, почтовые ящики, скамейки, урны, рекламные плакаты, вывески, объявления: частные и нечастные, исполненные мастером и фломастером. Побежали книги, газеты, журналы, деловые и любовные письма и записки, рулоны офисной и пачки туалетной бумаги - чего-чего, а этого в Йорске хватало. Побежала еда: в консервных и стеклянных банках, в бумажных и целлофановых пакетах, в мешочках и мешках, на развес, на вынос и на разлив, оптом, мелким оптом и в розницу. Побежали кастрюли, тарелки, ложки, вилки, ножи, соусники, сотейники, салатники, солонки, сахарницы, супницы, перечницы, рюмки, стопки, фужеры, бокалы, стаканы, стаканчики, подстаканники плюс бутылки, от полуторалитровых до мерзавчиков с жидкостями разной степени градусности и безградусности.

Побежали трава, травка, травушка-муравушка, кусты, кустарники, кустики, цветы и овощи, поодиночке и целыми клумбами, цветниками и грядками. Побежали деревья: новопосаженные деревца, - лихо отрываясь от родимой йорской почвы; дерева с солидным сроком посадки, - насилу выпрастывая из земли свои разветвленные корни; те, кто после бешеных попыток вырваться на свободу, обречен был век воли не видать, горько плакали деревянными слезами от бессилия влиться в общейорскую ко- и кампанию.

Порывались бежать чугунные заборы, автобусные и трамвайные остановки, дома, дома престарелых, культуры и ребенка; норовили тронуться в путь учреждения, организации и офисы, детские сады и школы, столбы электроосвещения и трамвайного электроснабжения, станции и подстанции, заводы и фабрики. Но сверхгабаритники, в силу своей профессиональной неуклюжести, громоздкости, а главное, ответственности за порученное дело, все-таки не дерзнули отложиться от своих бетонных оснований и фундаментов. В самом деле: не могли же, скажем, опоры электропередач отбросить собственные провода на произвол судьбы и пуститься вскачь! Это было бы слишком рискованно для всех, и со всех сторон. Йорский крупняк мог позволить себе только едва заметное глазу нетерпеливое подрагивание, схожее, если бы речь шла о людях, с топтанием на месте или перемина-

нием с ноги на ногу. Даже такие телодвижения отдельных зданий и сооружений не сошли им с рук: самые недоразвитые квартиры, улицы и кварталы остались без света, тепла, газа, канализации, телефона и радиосигнала, а кое-какие конструкции скорчились и рухнули наземь за отсутствием капитального обслуживания и полноценного ремонта. Кроме самих строений, никто не пострадал, тем более что внезапное и, само собой разумеется, временное отсутствие коммуникационных удовольствий и коммунальных развлечений актуальности не получило: все бежали, включая тачки, автомобили, автобусы, трамваи и, в некотором смысле, троллейбусы, каковых в Йорске не было, но могло бы и быть.

Побежали идеи, принципы, убеждения, концепции, правила жизни и поведения, понятия, положения, постулаты, позиции, философии, системы, подсистемы, мировоззрения, миропонимания, миросозерцания, взгляды на вещи, точки зрения, образы мыслей, собственно мысли и прочие отвлеченности, сопровождаемые тьмой-тьмущею своих же трактовок и интерпретаций. Побежали идеологии, религии, веры, верования, вероучения, вероисповедания, догмы, догматы, кредо, символы веры, их смеси, слияния и хитросплетения. В отличие от органических веществ и неорганических существ, бежавших деловито, спокойно и более-менее молча, все эти эфемерности, химеры, иллюзии, тени, миражи, обманы чувств и призраки бытия запрудили улицы и переулки бесперебойным шумом, гамом, воплем, взвизгом, стоном и междусобойной грызней. Так, одно позабытое-позаброшенное убеждение не на шутку сцепилось с другим вышвырнутым на свалку принципом и, доказывая свою правоту, до хрипоты орало благим матом и его неблагими разновидностями; стоявший на своем принцип, брызгая философической слюной, тоже, мягко говоря, не гнушался пищеварительных выражений и, если бы не внушительный вид противного ему убеждения, того и гляди пустил бы в дело свои экзистенциальные кулаки. Гарцующие как попало, вкось и вкривь споры, дискуссии, диспуты, полемики, препирательства, пререкания, перепалки, прения и словопрения, возбужденные интеллигибельной шпаной, к счастью, не произвели на йорское население, занятое преимущественно бегом, сколько-нибудь оглушительного впечатления, иначе могло произойти неизвестно что.

Побежал и Лившиц. Без особой охоты, но побежал. Он как раз дописывал текущий кусок настоящего текста и вдруг соскочил со стула, наскоро оделся, непроизвольно прихватил с собой ломоть колбасного сыру и, не выключив света, не дописав текста, не заперев квартиры, не попив чаю с булочкой, выскочил на улицу...

Многомильная пробежка по проспекту Тленина, улице Мира или Антимира (Лившиц точно не помнил), через Татаринский мост, минуя первую, вторую, третью и прочие Десадовые, еще один мост через великую речку Орал, отсекавшую от евразийской части города его азиопскую половину, затем по Йорскому тракту на вокзал и далее к древнегородскому то ли Гудериану, то ли Гордону, не оставила в памяти Лившица никаких следов, помимо смутных. Все и вся бежало, не ощущая ни усталости, ни напряжения сил, ни необходимости в отправлении физических надобностей и потребностей в еде и воде.

Остановился, отдышался, опомнился и огляделся он одновременно, внезапно и вместе с остальными. Неживое народонаселение Йорска, с металлокерамическим скрежетом прильнув друг к другу, сгрудилось как смонтированное; живое - столпилось у какого-то округлого сооружения, выкрашенного черной краской. За дальностью расстояния Лившиц, как ни старался, ничего разглядеть не мог, но это в самом деле был финиш. Полная финита. Подлинный финал. Убеждать в этом никого не приходилось, всем и так все было ясно. Железная дорога, распростертая под бетонированной эстакадой, путаница электрических проводов почти под ногами сонмища людей и животных, железнодорожные составы, преимущественно товарняк, размеренно и разносторонне постукивавшие на стыках своей чугунной многоколесицей, космическое ощущение свободы внизу, по одну сторону от шпальнорельсовых перекрестков, и герметическая зависимость всех ото всех, от всего и еще от чего-то, не поддающегося осмыслению, вверху, где скопилась масса одушевленной плоти и крови, - все это существовало с достаточной степенью убедительности. На секунду-другую из разношерстной кучималы всплыли жена и сын Лившица, и он заволновался, пытаясь пробиться к ним. Они живы, они здесь, они почти рядом, подумалось ему, значит, беспокоиться не о чем. Но ни приблизиться к ним, ни взять себя в руки он уже не мог.

Точкой назначения оказался открытый маслопровод, метров двадцать в поперечнике. Из толпы, стиснутой вокруг его врезанной в землю горловины, время от времени выдавливались люди и звери и по одному, по два, по четыре, по шесть и т.д. падали в бездонную купель, заполненную нефтеносным киселем. Это был единственный шанс оказаться по ту сторону железнодорожной ткани, избежать неочевидной, но неизбежной угрозы, неотвратимо сгущавшейся по эту сторону пространства-времени. Умение плавать ничего не дока-

зывало. Утонуть могли все, выплыть - единицы. Кому на роду была написана иная смерть, узнавали об этом, только оставшись в живых. Время поджимало, и те немногие, кто еще помнил молитвы, в спешке забывали помолиться. Людям оставалось только неизвестно чего ждать и неизвестно сколько терпеть. Делать было нечего, идти - некуда, любить - некого, верить - незачем, надеяться - не на что.

Теперь, когда опасность почувствовали все, искомый маслопровод оказывался выходом к свету и входом в темноту, дорогой, исхоженной в оба конца, и безвыходным тупиком, коридором жизни для одного из десяти и лабиринтом смерти для остальных девяти. Лившиц сделал такой вывод на глазок, издали наблюдая за теми, кому удавалось выползти на тот берег, вырваться из масляного плена, не захлебнуться в мутной, тягучей и до омерзения ароматной автомоторной субстанции. Постепенно там, на свободе, завязалось некоторое подобие жизнедеятельности: живые (кажется, это были мужчины), придя в себя, вылавливали трупы (кажется, это были женщины и дети), всплывавшие на том конце трубы, и сволакивали их в одно место.

В последнее мгновение, до того как соскользнуть под напором толпы в индустриальную трясину, Лившиц вроде бы разглядел на той стороне своих. Обрадоваться он не успел, мимоходом скормил колбасный сыр первой попавшейся лошади и вместе с ней канул в маслопровод.

И только здесь обрадовался...

... ...

В опустошенном Йорске хозяйничали нибелунги. В поисках еды, вина и женщин они перевернули весь город. Вино и еда нашлись в подвалах белого дома, женщин отыскать не удалось даже там. Мужчин и детей - тоже. Нибелунги разбрелись по этажам и кабинетам, и мэрия... перестала существовать.

Водка сказалась быстро. Водка, усугубленная пивом и шампанским, еще быстрее. Воины, не привычные к ершистым коктейлям, принялись крушить все подряд, бить стекла, выбрасывать что попало из окон. Под боевой клич пирующих мониторы и телевизоры звонко лопались об асфальт. Все были счастливы. Кроме Яши Бейжидова. Захмелевший Хаген приказал ему во что бы то ни стало найти хотя бы несколько женщин и пригрозил в случае чего употребить его самого. Солдаты вразнобой заржали, смакуя плоскую шутку своего командира, а Яша безо всякой надежды на успех поплелся исполнять приказание, с тревогой размышляя о том, насколько серьезны намерения Хагена.

Дух великого Ё витал над Йорском...

Трек 12

ТЫ БЫЛА

настоящей женщиной, и я любил тебя. Ты была... Была? Почему я говорю о тебе в прошедшем времени? Может быть, потому, что моя память умерла вместе со мной? Или потому, что всякая память мертва в принципе, а мы, вспоминая о чем-то или о ком-то, просто переносим прах минувшего из одной могилы в другую? Мне бы не хотелось так думать, но я, в своем нынешнем состоянии (точнее - в отсутствие какого-либо, тем более своего, состояния), не могу позволить себе думать иначе. Я теперь вообще ничего не могу себе позволить: какой бы то ни было выбор, всякая возможность выбора, мысль о такой возможности для меня исключены. А значит, я свободен - ровно настолько, насколько может быть свободен математически абсолютный нуль, стремительно исчезающий в поле абсолютного же отрицания.

Ты осталась в настоящем, по ту сторону моего небытия, о котором ты ничего не знаешь и, слава Богу, не узнаешь никогда. Ты жива, будешь жить вечно и, видимо, постепенно забудешь меня, если уже не забыла, ну, и если, конечно, я не воскресну из мертвых и не вернусь к тебе в своей новой ипостаси - буквально: новая плоть и новая кровь. Но это вряд ли, ибо я ушел навсегда, навечно, на всю жизнь - твою и мою жизнь, ведь иной жизни, вне тебя, у меня не было, и умер я тоже без тебя. Еще неизвестно, как бы ты приняла меня, вернись я домой, ибо живые, насколько я теперь знаю, не доверяют нам, ушедшим куда следует, - поэтому мы, мертвые, никогда не воскресаем и никогда не возвращаемся к живым. Стало быть, и я не вернусь к тебе. Хотя отсюда, где меня уже нет, - ни для кого на свете, в том числе и для меня самого, - действительно не возвращаются. Никто и никогда.

Мне нравилось (понравилось) в тебе все: твоя походка, твоя осанка, фигура, оставшаяся девичьей после нашей без малого двадцатипятилетней жизни под одной крышей, в одной постели, в одном состоянии полулюбви-полувражды. (Вражда, конечно, не совсем то сло-

во, лучше было бы сказать «соперничество» или «состязание», непрерывное, бескомпромиссное и крайне утомительное, но, сама понимаешь, слова теперь интересуют меня лишь постольку-поскольку.) Содержать свое тело, так сказать, в конкурентоспособной форме стало для тебя смыслом существования, и приблизительно раз в пять лет ты легко, без видимых усилий, надевала свое выпускное платье и гордо расхаживала по нашей тесной квартирке от одного своего отражения к другому, всесторонне оценивая себя и позволяя оценить себя мне и нашему чаду, чьи реплики в твой адрес из-за его мальчишеской, а позднее - юношеской вредности с каждой пятилеткой становились более скептическими, зато компенсировались моими восхищенными взглядами и восклицаниями. (Впрочем, даже если бы ты растолстела, я все равно любил бы тебя.) В моей искренности ты не сомневалась (я всегда был искренен с тобой) и целый день, а порой и ночь светилась от счастья; в такие дни я тоже бывал счастлив, особенно по ночам. Мне нравилось видеть тебя такой, нравилось отражаться в твоих отражениях, отражать их (и так до бесконечности), однако сам по себе, по своей доброй воле, я редко дарил тебе подобные минуты, потому что всегда был слишком погружен в себя. Это меня и спасло. Это меня и погубило. Спасло - потому что мои хронические самопогружения постепенно вызволили меня из твоих рук, перевели в иное, до поры до времени свежее качество: я в конце концов стал самим собой. Погубило - потому что мои свежеобретенные качества, говоря точнее, их воплощения с рук мне не сошли, - если уж я оказался здесь. Если я здесь, значит, меня уже нет. Я не сразу это понял, но когда понял, все сразу же стало на свои места, ибо всяческое заблуждение, тем более облаченное в розовую униформу надежды, нам, мертвецам, противопоказано. Медицинских (считай - потусторонних) показаний верить и любить у нас тоже нет. Вот почему я не верю, что ты будешь меня помнить. Вот почему я говорю, что любил тебя. Любил. Любил...

Отчаявшись проникнуть в твою душу, я тщательно изучал твое прекрасное тело, круглосуточно принимая исходившую от него - даже в твое отсутствие - информацию о твоем микро- и макрокосме. Тело женщины - это и есть ее душа, ее, женщины, подлинная сущность, и наоборот, сущность женской души исключительно телесна. К счастью, я успел усвоить эту, безусловно, азбучную истину: в этом заключался мой мужской долг, ибо ты была настоящей женщиной. Говорю, к счастью, потому что, во-первых, далеко не всем мужчинам это удается, а во-вторых, все действительно необходимое для жизни и смерти открылось мне до моего исчезновения из мира живых. (Так мне оказалось легче умереть; переход в никуда оказался не таким уж сложным, тогда как обретение себя в рамках той жизни давалось мне с известным трудом.) Головокружительный изгиб твоей гордой талии (плавно, но не без достойной восхищения крутизны, переходящей в соразмерные талии бедра), по которой почти ежедневно (и еженощно) скользила моя нетерпеливая рука, рассказывал мне о твоем внутреннем мире больше, чем наши нескончаемые ночные разговоры. Как ты ни противилась - ты была (опять была...) и осталась, несмотря на супружеский стаж, восхитительно целомудренной, - я со временем стал подлинным знатоком твоего тела и, если бы сделался скульптором (предпосылки к тому имелись), смог бы создать твое глиняное подобие вслепую: доводя слепок до совершенства, я бы отшлифовал губами предварительную работу рук, и там, где дрогнула бы рука, губы не спасовали бы.

Ты никогда не была доступной. Из тысячной нашей ночи ты выходила такой же, какой пребывала до первой. (Говорят, есть такие цветы, целомудренно сохраняющие себя в дневное время.) Все твое тело - а значит, душа - органически восставало против монотонной рутины супружества. Мне снова и снова приходилось добиваться тебя, ибо всякий раз, чуть ли не каждый день и, естественно, каждую ночь, ты оказывалась совсем иной, порою едва знакомой, почти чужой, но - всегда - прекрасной и желанной. Только эти два обстоятельства были постоянной составляющей моих взаимопересечений с тобой - своей и не своей одновременно; прочее подвергалось самым нежданным и, как правило, взаимоисключающим переменам. Добиваясь тебя, овладевая тобой - при этом я имел право использовать любые средства, кроме бряцания мышцами, - я, можно сказать, обладал сотнями самых разных женщин, и это лишало смысла возможную измену, ставило под сомнение даже намек на нее - естественно, с моей стороны. Что могла бы дать мне другая, до кончиков ногтей чужая женщина? Я был влюбчив и в своих непроизвольных мечтах - мало ли что приходит в голову - имел опыт со многими, но наяву - только с тобой. Я не мог себе представить, что способен отдаться другой женщине так, как отдавался тебе. Изменяла ли ты мне? Думаю, нет, хотя любить тебя в течение почти четверти века и быть вполне уверенным в чем бы то ни было невозможно в принципе. (Теперь мне кажется, что я простил бы тебе всякую измену. Точно: простил бы.) Ты так ни разу и не сказала, что любишь меня, и только смеялась в ответ на мои «прямые и решительные» вопросы. «Мучайся!» - улыбаясь го-

ворила ты. И я мучился. Наверное, все-таки любила. Наверное.

Сказав, что отдавался тебе, я не оговорился, ибо не женщины отдаются мужчинам, но мы - женщинам, а они, отдаваясь, беспощадно овладевают нами. В любви мужчина более беззащитен, чем женщина: он передает ей на сохранение собственную душу, и редкая хранительница удерживается от искушения злоупотребить этим поистине бесценным даром. Чтобы стать (или остаться) самим собой, мужчине приходится - зачастую в течение целой жизни - по крупицам выпрастывать свое «я» из таких нежных, милых, уютных, но таких цепких женских ручек, а владычица мужской души (моей владычицей была ты), всеми силами удерживая мужчину на старте, в середине, а то и на финишной (что всего обиднее) прямой становления, в конечном счете, тоже теряет самое себя. В проигрыше и тот, и другая, а вину за обоюдное поражение женщина склонна взваливать на мужчину. И как же часто она бывает права! В девяноста девяти случаях из ста. Ты, по крайней мере, всегда была права.

Совершал ли я глупости? Бог ты мой! я все делал не так, - ты же была истинной женщиной, - и как раз моя очередная глупость выглядела наименее глупой из того, что я вытворял, например, в припадке ревности - ты, не скупясь, играючи снабжала меня соответствующими поводами. Однажды я даже взобрался по пожарной лестнице, дабы через окно третьего этажа общаги застигнуть тебя на месте преступления. Увиденное меня удивило и, представь себе, разочаровало: ты с помощью «дралоскопа» (студенческий аналог копировального аппарата в эпоху отсутствия таковых) самозабвенно чертила (дипломная работа), и я, задохнувшись от нежности, едва не соскользнул с лестницы прямо в сугроб - в тот год зима оказалась на редкость снегообильной. В тот год... В тот год ты решила забрать сына и уйти от меня к другому - шестилетие, в самом деле, критический возраст всякого брака. Когда я понял (это случилось мгновенно), что не смогу обойтись без вас, что мне нужна только ты, то вцепился в тебя руками, впился губами - неизбежность вечной разлуки почему-то не извратила нашу интимную жизнь, наоборот, сообщила ей большую интенсивность и яркость. В перерывах я читал тебе моих любимых юмористов начала прошлого века, ты смеялась и казалась совершенно счастливой; увлекшись, я забывал о предстоящем и тоже ощущал нечто подобное, а когда вспоминал, то, глядя в твои смеющиеся глаза цвета спелого крыжовника, обмирал от ужаса. В дальнейшем мы частенько оказывались на грани развода, не реже одного раза в год, всегда по твоей инициативе, но дело всякий раз оканчивалось ничем: ты отчего-то не хотела сама подавать заявление, а я, не постигая, в чем тут дело, тоже не собирался идти в суд.

Конечно, мы ссорились, и не помню случая, чтобы я выходил победителем из наших довольно частых, зачастую предельно жестких перепалок; слава Богу, что не выходил. Предмет ссор: в основном, деньги, которых никогда не было и всегда не хватало. Счастье, действительно, не в них - вообще соотнесение такой бескостной идеи, как счастье, с чем-либо шершаво материальным, вроде купюр, недопустимо; понятие счастья несовместимо также и с идеей денег - но если наличность находится под рукой в случае необходимости, это удача. Говоря точнее, в этом состоит смысл денежного довольствия, отпускаемого нам жизнью. Мистическое же значение денег заключается в том, что они были, есть и будут только у тех, кому это написано на роду, и как бы ни пилили нас жены относительно количества и качества зарабатываемых нами дензнаков, ничего здесь поделать нельзя. Видишь, насколько эта тема растворилась во мне, если я, фактически не существующий, по-прежнему ощущаю ее привкус. Я не был (так и не стал) добытчиком, поначалу мне претила даже мысль об этом, ибо проверенные способы зарабатывания средств почти не пересекались с моим образом жизни. Впрочем, понемногу наше благосостояние получило устойчивую тенденцию к росту (вопреки, а стало быть, благодаря тебе я все же кое-чему научился); мы обзавелись необходимым, даже стали баловать себя ранее недоступным, но наши денежные ссоры, быть может, не столь испепеляющие, как раньше, так никогда и не прекратились, поскольку ты продолжала - легко и непринужденно - множить наши семейные траты (сказывалось нерабоче-крестьянское происхождение твоей прабабушки, доставшееся тебе по наследству, плюс элитарность женского сословия в целом плюс твоя красота), а перейти от относительного достатка к абсолютному избытку мне было и не по силам, и не по возможностям. Другой объект / субъект для ссор: наш сын, и чем старше он становился, тем чаще мы ссорились из-за него, но сейчас речь не о нем.

Ты никогда не понимала меня; скорее всего, это меня и спасло. (И погубило тоже, но я уже об этом говорил.) Мои интересы были тебе безразличны, моих увлечений ты не принимала всерьез, мои занятия высмеивала и выражалась при этом как-то по-особенному страстно и зло. Но ты терпела меня вместе с моими интересами, увлечениями, занятиями,

и я бесконечно благодарен тебе за это. Мне стоило немалого труда и многих лет убедить тебя в своей, говоря условно, гениальности; я бы даже назвал этот биологически и технически сложный процесс делом всей моей жизни, своеобразным подвигом, ибо все другие мои, исключительно важные, в моем понимании, делишки уж наверное не заслужили статуса подвижничества. На свои бугорки и пригорки я взобрался опять же вопреки, то есть опять же благодаря тебе. Я ничего не стремился тебе доказать (или сначала себе, а потом тебе), как это обычно бывает в подобных случаях, просто ты изначально была для меня истиной в последней инстанции, твое мнение значило для меня больше профессиональной оценки знатоков, твое одобрение служило главной наградой. Мое, как тебе казалось, ничегонеделание раздражало тебя, ты постоянно мешала мне, отвлекала, не давала сосредоточиться и, не щадя моего самолюбия, высказывалась о моих достижениях (пусть даже мнимых), если я приставал к тебе с такого рода просьбами. Часто, слишком часто твои косвенные замечания о моей текущей работе выводили меня из равновесия, ставили в тупик, заставляли яростно отбиваться, однако впоследствии, исследуя твою ответную реакцию на мою защитную («Я же тебе говорила, что ничего в этом не понимаю!»), я нехотя принимал к сведению сказанное тобою - все, без исключения, даже если твои слова не имели отношения к сути дела. Веди ты себя иначе, я бы мог, наверное, добиться большего, но рассматривать всерьез подобные допущения, либо, упаси Боже, искать тебе замену (постоянную или, что еще хуже, временную, где-нибудь на стороне) мне даже в голову не приходило. Тем более что у меня был случай проверить, каким неблагоприятным образом твое негаданное отсутствие может сказаться на моей жизнедеятельности. Ты отправилась в отпуск, и я две недели бездельничал, как подросток; по приезде ты обрушила на меня свои беспредельные впечатления и нескончаемые просьбы, и я вздохнул с облегчением: все сразу же встало с ног на голову, то есть пошло своим чередом, как всегда и как надо.

Ты была другим моим «я» (несомненно, большим и лучшим, чем «я» основное), моим шестым чувством, взглядом в сторону, боковым зрением, авангардом и арьергардом, моим, если не головным, то спинным мозгом. Твое изощренное чутье удержало меня от сотен необдуманных шагов и, наоборот, не раз позволяло мне выбираться из трясины, куда я своевольно попадал («Я тебя предупреждала!»). Ты брала под контроль ситуации, созданные моей недальновидностью, и почти всегда угадывала, как мне из них выйти с наименьшими потерями либо с наибольшими приобретениями. Когда дело касалось меня, - а всякое мое дело касалось тебя, - все твое существо мобилизовалось, мозг работал энергично и мощно, извлекая из своих глубин одну версию происходящего за другой. Истолкованиям ситуаций и положений, в какие я вляпывался, не было числа: всякую мою неудачу (их было не так уж мало) ты с помощью логических многоходовок старалась превратить в подобие победы, а в иной моей победе пыталась разглядеть слабые места, изобретая средства для их нейтрализации. Очень часто, выговорившись подле тебя и забыв у телевизора об очередной неприятности, я слышал твой голос, зовущий меня из спальни, а придя на зов, получал четкую, аналитически безупречную раскладку происшедшего (с вариантами), а главное, исчерпывающие рекомендации касательно того, как мне отныне следует жить. Бывало, я спорил, бывало, отказывался или не решался поступать в соответствии с твоими предписаниями, но всякий раз на практике убеждался в их самодостаточности. И без того склонный выстраивать логические каркасы, я с твоей помощью донельзя расширил свой аналитический потенциал, и вместе мы составляли взаимодополняющий друг друга дуэт, для характеристики которого пресловутое понимание с полуслова не подходило: для нас это был слишком грубый инструмент, что-то вроде топора для резьбы по дереву. Благодаря интуиции, развившейся у меня благодаря тебе (прости мне, пожалуйста, эту тавтологию, шагающую, как и я, прямиком в дурную бесконечность), я надеюсь не упустить мгновения, когда до сакраментального оклика в мой адрес останется...

- Двадцать тысяч семьсот тринадцатый, с вещами на выход!

...не останется ничего...

Трек 13

СГОРЕВШАЯ РУКОПИСЬ

...вероучение зиждется на заранее предопределенной смерти Спасителя. И хотя Он, смертью смерть поправ, воскрес, свершилось предустановленное свыше. Его явление, земная жизнь и смерть были предопределены. Творец не мог не знать, какую участь Он Сам предуготовил Спасителю, другими словами - Самому Себе. Он послал на смерть воплощенную часть Самого Себя, - следовательно, совершил Самоубийство...

... ...

...погибло Слово, с Которого все началось. Оно потеряло изначальную форму, распалось на куски, разлетелось по Вселенной...

... ...

...С одной стороны, нам указали путь к спасению; с другой - покончили с человеческой сущностью как таковой. Предсмертный крик Спасителя не был услышан. На указанный Им путь вступили немногие, вольно или невольно, - стало быть, по воле Творца, - избрали для себя иную участь. Он покончил с Собой, со Своими человеческими образом и подобием, и мы зажили по своему разумению, то есть продолжили жить так, как это было предписано свыше...

... ...

...будучи всемогущим и всеведущим, Творец перебрал все варианты сотворения мира, выбрал наилучший, после чего приступил к акту творения. При этом возможные разновидности всевозможных миров, помысленные Им в качестве вариантов, тут же начали поочередно воплощаться, накладываясь один на другой, пока Он не остановился на наилучшем. Его инструмент - животворящая Мысль, ее проявление - Слово, с помощью которого Он всего лишь закрепил зарождающийся универсум, вдохнул в него жизнь. Бесконечное множество иных миров (параллельных, перпендикулярных и пр. нашему, основному) не удостоилось такой чести, хотя и осталось существовать - к сожалению, ибо даже малейший интерес к ним пагубен для нас. Вот почему не стоит заниматься оккультизмом, спиритизмом и прочей хиромантией. Проникновение в запредельные реальности, созданные Творцом не для нас, не сулит нам ничего хорошего...

... ...

...ибо наилучший или, говоря точнее, оптимальный мир не является идеальным. Зло, заложенное в этой самой неидеальности, наряду с добром, внедрено в основу мироздания. Создание универсума стало первородным грехом Самого Творца. Он не мог не явить Себя миру, способному в образе человеческом постичь Его, оценить Его славу и величие, но вместе с тем Он не смог вынести всего зла, явленного из небытия Своей творческой мыслью. Ему оставалось либо уничтожить сотворенное, на что Он пойти не мог, либо покончить с Собой. Он избрал второе, причем все это было продумано заранее, до произнесения Слова...

... ...

...даже Сам Создатель не может покончить с Собой окончательно, раз и навсегда, - просто Он убрал из этой жизни Свое воплощение в образ и подобие человеческие. Роль Творца в жизни универсума завершилась. Шесть дней творения не равны шести земным дням. На седьмой день, длящийся до сих пор, Он решил отдохнуть от трудов праведных, из любви к нам отошел в мир иной, Своим Самоубийством уберег нас от более страшных бед. Причинив зло миллиардам ни в чем не повинных тварей, Творец принял на Себя Свой Собственный грех, раскаялся в содеянном и отомстил Самому Себе...

... ...

...в качестве Создателя Он отошел от земных дел; в качестве Спасителя покончил с Собой... остается только единый Дух, без Которого мир перестал бы существовать, - безликая, индифферентная сила, находящаяся по ту сторону добра и зла. Перед лицом такой оставленности на произвол судьбы возрастает персональная ответственность каждого из нас как за свою жизнь, так и за судьбы мира...

... ...

...Он не мог, вопреки ходячему заблуждению, списать все грехи мирового устройства на падшего ангела. Творцу не к лицу бороться со Своим творением. Вероятно, Его и наш враг просто «заведует» пеклом, если оно вообще существует. Не то бы грешники, в течение земной жизни исполнявшие волю царя тьмы, попав в ад, были бы обласканы им, а не терзаемы...

... ...

...Существование рая тоже проблематично. Завет плодиться и размножаться, полученный прародителями до пресловутого грехопадения, звучит странновато: как можно плодиться и размножаться, не ведая половых различий? Ответ один: как животные, слепо подчиняясь инстинкту. Прародители, бессознательно выполняя Его волю, отказались от такого зомбического Эдема, иначе бы полулюди-полуживотные до сих пор бродили бы в его чудовищных окрестностях...

... ...

...ни Он Сам, ни Его враг не вмешиваются в нашу жизнь. Отсюда два вопроса, вставшие

перед нами со дня творения: как распорядиться предоставленной нам свободой воли и каким образом она согласуется с предопределением. С одной стороны, все предопределено; с другой, кое-что делаем и мы сами. Предопределено все, что не зависит от нас: время и место рождения, родители, пол, таланты и способности, глупость, ум, мудрость и пр. Предопределен набор возможностей (этических, профессиональных, личностных и т.д.). В области нравственной нам предложен весь спектр состояний - от святого до законченного злодея. И только от нас зависит выбор того или иного пути. Выбор ежесекундный, ежемгновенный. С каждым нашим шагом он сужается...

... ...

...в нашем распоряжении прощальный дар Творца: путь, пройденный и заповеданный Спасителем. И только от нас зависит, вступим мы на него или нет. Против нас: очень и очень многое...

Трек 14

САМОЕ ТРУДНОЕ

- отделить сон от яви. Да-да, все верно, одно перетекает в другое с той же очевидностью, с какой бодрствование разрешается сном, и границы между ними нет и не может быть. Но речь не об этом. Сложно отслоить непосредственно сновидение - если, конечно, есть основания ему довериться - от последующих размышлений о нем, до неузнаваемости размывающих его первоначальные контуры. Закрепить в памяти содержимое сна почти невозможно: по пробуждении водянистые подробности сновидения, постепенно улетучиваясь, подменяются тщедушной логикой бодрствования - точно так же выемки и щербины в мраморе античной статуи заливаются гипсовым ганчем. Реконструкция / реставрация сна очень похожа на вполне кинематографический процесс нисхождения живописи в концептуальную пачкотню, ибо распотрошить румяный шедевр много проще, чем облечь плотью либо напитать кровью худосочный каркас будущей картины.

Это был фильм Великого Режиссера, или, говоря точнее, середина и финальная, стало быть, кульминационная часть картины. Все в ней подчинялось прочному художественному замыслу, все находилось на своем месте, ничего лишнего, никакой псевдоэмоциональной позолоты, - элегантная, слегка нарочитая лаконичность (лаконичность гения) светилась в каждом кадре. В фильме почти не было музыки - еще один признак гениальности. Первые аккорды зазвучали, кажется, только вместе с титрами, многословным и весьма дезинформативным обрамлением всякой ленты. Но в нашем случае зритель - единственный, для кого была поставлена картина, - потрясенный увиденным, долго не мог оторвать взгляда от бледной вереницы строк, и если бы не пробуждение...

Помнится, в фильме вовсе не было рапида, ибо Великий Режиссер в отличие от киноремесленников даже в молодости не злоупотреблял вышедшими в тираж изобразительными средствами. Да и что мог дать замедленный показ, если действие совершалось неявно, хотя и несокрыто для зрителя? Если камера не столько изображала или повествовала, сколько сосредоточенно исследовала: солнце, безоблачное небо, мягкую землю, скрюченные кусты, мужчину и женщину, неуклонно двигавшихся на запад, навстречу ускользающему закату? Камера скользила медленно, несуетно, задумчиво - и на экране возникали то рыхлые ткани суховатой почвы, то ослепительная первооснова небесной голубизны, то прекрасное лицо героини, подретушированное бессонницей и пылью.

В подборе актеров тоже чувствовалась опытная рука. С одной стороны, они были достаточно профессиональны, достаточно известны, чтобы обеспечить ленте не только зрительскую аудиторию, но и внимание дотошной критики, с другой, еще не раскрылись в своем ремесле окончательно, не добрались до той степени искушенности и мастерства, до той полноты искусства, когда актер, каким бы великим он ни был, за годы съемок и постановок добирается, если повезет, до своей творческой сути, то есть в каждом фильме или спектакле играет одну и ту же изученную до мелочей роль, - самого себя.

Персонажи картины, он и она, явно супружеская пара, в самом деле были прекрасны. Можно было бы сказать, - красивы, но, во-первых, красота (и как слово, и как понятие) невесть с каких пор пропиталась затхлым запахом статики, а во-вторых, прекрасное и красивое, несмотря на семантическое родство, произрастают не из одного корня. Более того. Одно исключает другое. Красота - это мускулатура здорового стада, она однозначна и функциональна; прекрасное же нечасто прорывается наружу, это - истечение духа или чистая интеллигенция в том смысле, в каком ее понимали в старорежимные, доисторически нематериальные времена. Красивое - во всех сферах искусства - раз и навсегда оккупировала

голубая с розовой режиссура, резво шагающая пошлой дорогой мелодраматического садизма; настоящие же художники, каковым, несомненно, считался Великий Режиссер, в своих поисках всегда и везде пробирались неторными тропами прекрасного и, следовало бы добавить, трагического.

Мужчина и женщина ступали с заметным трудом: мягкая почва чуть ли не расползалась под их осторожными и порою неверными шагами. Похоже, он и она старались уйти как можно дальше от кого-то или от чего-то, говоря точнее, он уводил их от кого-то или от чего-то, - об этом в фильме умалчивалось, хотя, вполне возможно, подразумевалось или, если соблюсти чистоту воспроизведения сна, оставалось за кадром. Кое-что в экранном существовании главных героев настораживало зрителя, привыкшего к многослойным нюансам в работах Великого Режиссера. Например, то, как мужчина и женщина изредка смотрели друг на друга, но так и не решились оттенить тусклые блики обоюдных взглядов хотя бы парой ничего не значащих слов. Когда он делал маленький глоток из фляжки (это было крайне редко), помутневшие от жажды глаза женщины не выражали ни малейшего желания освежиться. Однажды она даже попыталась вылить на землю столь драгоценную в пустыне воду, и по тому, как он, с осторожной ловкостью, выхватил фляжку из рук своей спутницы, можно было судить о весьма непростой ситуации, в какую они угодили - похоже, не по своей воле.

Кстати говоря, оружия у них не было, по крайней мере - не было видно.

И вдруг - надо полагать, это был ход Великого Режиссера, а отнюдь не изломанная архитектоника сновидения - невдалеке от мужчины и женщины объявились какие-то черные люди: семь - восемь небритых мужчин, не в униформе, но в похожих рубашках с длинными, не по летнему сезону рукавами, обыкновенного покроя штанах и походного вида башмаках. Черные люди шагали в некотором отдалении от мужчины и женщины и, казалось, совсем их не замечали. Мужчина и женщина тоже будто бы не обратили внимания на своих нежданных провожатых, продолжая устало идти своей дорогой. Впрочем, их в известной степени вынужденные движения мало-помалу стали более четкими, уверенными, словно цель путешествия была, в общем, достигнута, и оставшиеся, строго расчисленные до места назначения шаги уже ничего не решали. Мужчина и женщина даже перестали обмениваться взглядами - в этом и раньше не было особого смысла, а теперь нужда в такого рода общении и вовсе отпала.

Камера резко взмыла вверх - и перед зрителем развернулась, если воспользоваться физическими терминами, векторная диаграмма сил, движущихся в плоскости экранного пространства-времени. Две группы людей, большая и меньшая, казалось, того и гляди, разойдутся в разные стороны - настолько они были внутренне / внешне обособлены одна от другой. Заставив камеру вернуться в исходное положение, Великий Режиссер усугубил это впечатление еще одним прозрачным приемом: мужчина и женщина, появляясь на экране отдельно от черных людей, двигались в одном направлении, слева направо; черные же люди, дождавшись своей очереди попасть в кадр, - в другом. Полярная настроенность нечаянных со-путников подчеркивалась все более скорым переключением кадра с одной группы людей на другую: быстрее, быстрее, еще быстрее, вплоть до мельтешения - камера снова взлетает вверх, и... полная неожиданность: мужчина и женщина по-прежнему идут вместе с черными людьми, только уже не на запад, а на восток, неуклонно и неотвратимо, навстречу восходящему, но так и не взошедшему в этом фильме солнцу...

Черным людям оружие также не понадобилось.

Миниатюрная железнодорожная станция - так себе полукирпичное-полуфанерное строение об одном этаже, очерченное по периметру палисадником, с входными калитками - возникла в кадре тоже с достаточной степенью внезапности, отчего экранное напряжение, нагнетаемое условным противостоянием между мужчиной и женщиной и черными людьми, было отчасти снято. Оно и вовсе рассеялось... почти рассеялось, пока зритель рассматривал пассажирский состав, пыхтевший на первом пути, и очень узкую покатую дорожку между поездом и низким штакетником - ввиду явной опасности оказаться под колесами пассажиры, проходя по ней на перрон, были вынуждены отталкиваться пальцами от закопченной поверхности грязно-зеленых вагонов. Мужчина с женщиной сели в первый попавшийся, черные люди тоже разбрелись кто куда - никакого преследования, тем более конвоирования одних другими в таком раскладе не наблюдалось, и зритель даже ощутил привкус разочарования от несбывшегося ожидания трагической развязки. Только абсолютное доверие к Великому Режиссеру удержало его от пробуждения, заставило продолжать просмотр. Мужчина встряхнул фляжку, проверяя, осталась ли там вода, отвинтил колпачок, вопросительно взглянул на женщину, и та с жадностью припала к узкому гор-

лышку. Он допил остатки и выбросил обе фляжки в раскрытое вагонное окно. Больше необходимости в них не было. Зрителю снова стало не по себе.

Похоже, его состояние передалось персонажам картины, ибо женщина в инстинктивном страхе за мужчину несколько раз за ночь просыпалась - это происходило в каком-то доме, куда Режиссер поместил их, своевольно вырезав из фильма проезд по железнодорожной дороге. Дождавшись, когда глаза привыкнут к темноте, женщина различала на соседней кровати спящего мужчину, успокаивалась и снова засыпала. Увы, несколько часов спустя, при очередном пробуждении, ее опасения подтвердились: постель мужчины оказалась пустой. Придя в себя, она встала, наскоро оделась и, непричесанная, неубранная, отправилась на поиски, с трудом осваиваясь в кромешной тьме спящего дома.

Спали, однако, не все, или даже вообще никто не спал. Женщина вслепую бродила по дому, натыкалась на двери, открывала их, и в каждой комнате черные мужчины, сидя за колченогими столами, выпивали и закусывали, а такие же черные женщины осторожно вносили в комнаты огромные сковороды с жареным мясом и уносили оттуда грязные тарелки, пустые бутылки и порожние консервные банки, грубо вскрытые широкими ножами. Стоя под электрической лампочкой, своим голым уродством довершавшей омерзительную гармонию комнатного убожества, женщина до рези в глазах вглядывалась сквозь электросвет в каждого черного человека. Мужчины среди них не оказалось. Черные люди, среди которых она узнавала кое-кого из своих провожатых, улыбались, жестами приглашали ее присоединиться к ним, а черные женщины равнодушно сновали мимо, окидывали ее нелюбопытными - неженскими - взглядами и негромко переговаривались на непонятном языке. Женщина отказывалась от угощения, закрывала двери, снова отступала во тьму, ощупью находила другие двери, но везде было одно и то же: черные мужчины, занятые вином и едой, улыбки, приглашения сесть за стол и неустанная беготня черных женщин. (Скорее всего, женщина всякий раз входила в одну и ту же комнату, но она этого так и не поняла. Не понял этого и зритель.)

Беспокойство за мужчину все-таки не отняло у нее ни бодрости, ни душевного равновесия. Он не мог ее оставить, он никогда не отлучался без предупреждения, всегда оставлял записку или какой-нибудь знак, значит, случилось что-то непредвиденное, возможно, его вызвали по срочному делу, и, покончив с ним, он, чтобы лишний раз не возвращаться, решил зайти на почту или телеграф. Ну, конечно! Они же намеревались дать телеграмму, отправить письмо, заказать междугородный разговор, словом, сделать что-то в этом роде.

Дом просыпался, если вообще спал, ибо черные мужчины и черные женщины, выходившие из многочисленных комнат, выглядели так, будто ночь не в силах была оказать на них своего обычного действия. Не обращая на чужую женщину внимания, черные люди взялись за свои утренние дела: женщины погрузились в хлопоты по хозяйству, мужчины выволокли в прихожую огромные, судя по всему, очень тяжелые чемоданы желтой кожи, перетянутые красными ремнями, и принялись громко спорить, сопровождая свои непонятные речи непрерывной жестикуляцией. Снующие туда-сюда женщины, деятельно переживая происходящее, тоже отваживались на реплики, но их никто не слушал. Наконец черные люди пришли к согласию, по двое, по трое взялись за чемоданы, вышли на улицу и, к удивлению женщины, не без интереса наблюдавшей за происходящим, сбросили их с высокой насыпи прямо к железной дороге. Чемоданы грузно скатились к рельсам, где и остались лежать, напрочь разрушая своей перечеркнутой красным желтизной унылое совершенство пристанционного пейзажа.

Это был откровенный вызов, намеренный выплеск информации, явный намек на то, о чем женщина уже знала, но еще не отдавала себе отчета. И зритель это понял.

- Этого не может быть, - сказала она вслух и не поверила самой себе, ибо это могло быть, это должно было случиться, и это случилось: в одном из чемоданов лежал ее мужчина, расчлененный черными людьми минувшей ночью.

Ощутив это, она не стала кричать, биться в истерике, рвать на себе волосы, раздирать одежды - этого ей не позволил бы Великий Режиссер, ибо подобная несдержанность противоречила его вкусу, чувству меры и стиля, - но просто сошла с ума в то же мгновение, как мысль о гибели мужчины сожгла ее сердце.

- Зачем вы убили его, - ни к кому не обращаясь, тихо промолвила она, - ведь это я хотела умереть...

Черные люди не слышали ее, ибо чужое горе в них не проникало. Впрочем, дом уже опустел, черные мужчины и женщины исчезли, комнаты и коридоры были чисто прибраны, вычищены, почти вылизаны, не осталось никаких следов ночлега, а желтые с красным чемоданы из кожи, валявшиеся под насыпью, в счет, разумеется, не шли.

Женщина брела по дому куда глаза глядят, натыкалась на шкафы, столы, стулья, стены, дверные косяки и безучастно повторяла:

- Зачем вы убили его - ведь это я хотела умереть...

Порою слова, ставшие причиной и следствием ее безумия, слегка видоизменялись:

- Зачем вы так - ведь это я хотела умереть...

Женщина переходила на шепот, но эхо фразы, мысленно произносимой зрителем вслед за нею, едва не оглушало его.

- Зачем вы убили его - ведь это я хотела умереть... Зачем вы так - ведь это я хотела умереть... - твердила женщина, и ее голос долго пульсировал в самом сердце печальной музыки - Великий Режиссер ввел ее в действие как раз вовремя: кажется, она зазвучала сначала внутри самого зрителя, не успевшего уловить первых аккордов, и только спустя некоторое время - с экрана...

- Зачем вы убили его - ведь это я хотела умереть...

- Зачем вы так - ведь это я хотела умереть...

Пошли титры, фильм приближался к концу, вскоре он кончился, а слова женщины, продолжая звучать, так и застряли в памяти зрителя, и когда он, а если быть точным, когда она наконец заставила себя проснуться, ее глаза были полны слез...

... ...

- Зачем вы убили его / зачем вы так - ведь это я хотела умереть...

Бонус:
Трек 15

13 ЯНВАРЯ 3000 ГОДА

Мало мне бортового журнала - еще и дневник завел. А зачем? Для чего? Трудно сказать. Тянет к клавиатуре, и все тут. Привычка, наверное. Теперь боюсь спутать одно с другим, бывает, что и путаю. Вчера чуть было не занес в журнал один никчемный, но забавный разговор. Слава Лоху, вовремя опомнился. А то изволь потом объясняться с Верхорылыми, что, зачем да почему.

Итак, вечер. Каюрт-компания. Тихая музыка. Беседа о том о сем. Все уже собирались расходиться, когда Шоколадзе снова завелся. Он просто помешан на женщинах. Неудивительно: его предки были археолохами. Так что к женщинам у него почти профессиональный интерес: генетическая предрасположенность к раскопкам. Он сказал, что в древности женщины применялись в качестве одушевленных колбагрегатов, из которых впоследствии появлялись живые существа. Нет, не «появлялись», он употребил какое-то другое слово. «Ро...», как там, дай Лох память, «...дились», что ли? Точно: «Родились». Дескать, ему открылся тайный смысл отрывка из древнего манускрипта, датируемого каким-то там веком, лет за пятьсот до последней ревоклизмы. И прочел: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку». Завязался не лишенный некоторого интереса разговор, кого именно или что «родила царица». Все развеселились. Кроме Шоколадзе. Он мнит себя серьезным ученым, поэтому начисто лишен чувства юмора. Вралик сказал, что женщины - существа вымышленные, в лучшем случае - легендарные. На это, мол, указывает рифмическая структура текста. Говорить в рифму - речевая роскошь, в этом некогда упражнялись так называемые поэты, иными словами, профессиональные болтуны, которые и выдумали женщин. Непапин - откуда что взялось! - выдал из того же, как он выразился, источника: «И царица молодая, дела вдаль не отлагая, с той же ночи понесла...» Явно насмехаясь над Шоколадзе, он спросил: «Кого или что именно понесла царица?» Если сопоставить две цитаты, то логично считать женщин чем-то вроде носильщиков, переносчиков или разносчиков «неведомых зверушек». Вот тебе и молчун! Все буквально катались по полу от смеха. Бедный Шоколадзе побледнел, резко поднялся и, не сказав ни слова, выскочил из каюрт-компании.

Точку, как всегда, поставил я. Сказал, что все они несут дичь - уши вянут - и предложил разнести свои чересчур грамотные тела по каюртам. Все опять засмеялись, даже зааплодировали. И разошлись. Это очень важно - уметь вовремя поставить точку. Что я и делаю.

23 января. Опять о женщинах. Шоколадзе (и как ему не надоест?) выдвинул очередную версию, что когда-то женщины были чем-то вроде биомастеров, предназначенных для обслуживания и развлечения мужчин. Эти механизмы будто бы готовили еду, убирали помещения, стирали, гладили, а еще танцевали, пели и даже раздевались (с какой целью???) под музыку в специальных местах, посещаемых исключительно мужчинами. Этого не было, возразил Юзерушкин, потому что быть не могло. Никакой, даже самый совершенный био-

мастер не смог бы управиться с таким количеством разноплановых работ. Современные модели выполняют одну-две, максимум три родственные задачи: например, обезжиривают, моют и сушат посуду. И это при нашем уровне биотроники, который был немыслим в то время, когда создавались эти дурацкие байки о женщинах. Хазаров добавил, что дошедшие до наших дней славословия в честь женщин сочинены как раз поэтами и являются скорее молитвами и заклинаниями, нежели достоверной информацией. Кроме того, довершил Гегельян, в старинных книгах соответствующего содержания женщин еще и проклинают всеми возможными способами. В языке зафиксированы отголоски этих проклятий: слова так называемого женского рода - все, что осталось от женщин, если они когда-либо существовали. Теперь эти выражения относят к мужчинам, когда те ведут себя не совсем по-мужски. И давай цитировать: «Проститутки, шлюхи, ночные фиалки, камелии, путаны, кидалы...» Его резко оборвал взбешенный Шоколадзе (таким я его еще не видел). Он привел другую цитату: «Ты была настоящей женщиной, и я любил тебя». («Была» - надо же!) Что значит «любил»? - спросил он. Сейчас это слово имеет исключительно утилитарный смысл. Немыслимо, однако, чтобы оно употреблялось по отношению к механизму... Нет, я, видимо, неправ, подумав, сказал он: женщины не могли быть биомастерами, иначе мужчины прошлого...

Резкий сигнал тревоги, разнесшийся по космоглоту, не дал ему закончить, иначе Шоколадзе договорился бы Лох знает до чего.

29 января. Уже несколько суток мы исследуем объект, очень похожий на астроплатформу, по всему видать, неземного происхождения. Живых существ обнаружить не удалось, и я, исходя из полученных данных, предположил, что платформа законсервирована. Неужели контакт между инопланетными цивилизациями снова не состоится? Все в напряжении, мы на пороге тайны, высказываются различные предположения, которые я отношу скорее на счет нервной реакции экипажа, нежели на попытку осмыслить происходящее.

Мы медленно облетали платформу, как вдруг... на мониторе появился еще один объект, сразу же опознанный приборами как астроглот...

2 февраля. Космоглоты - наш и чужой - зависли друг против друга. Расстояние между ними и нами - не более ста парсекометров. Команда в полной боевой готовности: каждый вооружен, как минимум, шмайсер-бластером. Указательный палец моей правой руки - над пусковым сенсерокнопом. Малейшее движение чужака - и мы атакуем. Рука затекла. Связь со своими исключена: инопланетяне непременно засекут радионить, и тогда может произойти непоправимое. Наши осциллокаторы тоже переведены в режим максимальной чувствительности...

Уклониться от противостояния невозможно: если иноземная цивилизация враждебна, им незачем знать дорогу к нашей планете...

10 февраля. Не знаю, как долго это продолжалось бы, но сегодня ровно в 16.00 по нашей бортовой громкоговорящей сети неожиданно раздался мелодичный голос, размеренно и внятно произносящий слова на непонятном языке...

Слава Лоху, я не коснулся сенсерокнопа...

20 февраля. С помощью автовербального дралингофона языковой барьер преодолен. Мы все лучше и лучше понимаем друг друга. Установлен и телеконтакт. Эти чужепланетяне очень похожи на нас, но есть и кое-какие отличия. Например, пышные волосы на головах, гладкие щеки и подбородки, узкие плечи, широкие бедра, выпуклости (видимо, развитая мускулатура) в районе грудной клетки, которые угадываются даже через плотные скафандры. Больше всех возбужден Шоколадзе: он то и дело срывается в мыслеотеку звездоглота и возвращается оттуда еще более взвинченный.

Сегодня он, смущаясь и нервничая, подошел ко мне, отвел в сторону и сказал, что если женщины существуют, то они должны выглядеть, как эти гуманоиды... И начал показывать какие-то рисунки. Не выдержав, я послал его... в мыслеотеку. Зря, конечно. Но он почему-то не обиделся.

1 марта. Приходится признать, что они будут посообразительнее нас. Это меня несколько обескураживает. Мне не нравится, что мы идем у них на поводу. Они первыми вышли на контакт, первыми заговорили на нашем языке, они же предложили использовать законсервированную платформу в качестве полигона для взаимного изучения. Предварительно туда высадятся, конечно, капитаны звездоглотов, без оружия, и это тоже их предложение. Нам нечего возразить, и это действует мне на нервы. Информация о контакте будет передана Верхорылым только по завершении исследований. Надо ли говорить, что и это было предложено пришельцами? Главное условие: ни в коем случае не причинить вреда друг другу в течение эксперимента...

15 марта. Первым предварительный тест-контроль прошел, конечно, я. Глядя в огромные, обрамленные густыми ресницами глаза гуманоида, я почему-то не испытываю желания возражать, настаивать на своем, предлагать какие-то иные варианты. Почему-то стесняясь, я сбросил скафандр, разделся и прошел в барокапсулу. Находиться там, зная, что за тобой наблюдает пришелец, было, с одной стороны, неловко, с другой - необыкновенно... приятно. Также приятно было испытывать кое-какие непривычные ощущения... Когда пришла очередь инопланетного капитана, эти ощущения возросли настолько, что мне стало совестно. Такого раньше со мной никогда не было...

Кажется, он тоже взволнован. Неужели он чувствует то же, что и я?

16 марта. Их строение почти не отличается от нашего, за исключением некоторых деталей... Но технические подробности - в журнале эксперимента, здесь только размышления.

Впрочем, до размышлений ли тут, если мной владеют ранее неведомые эмоции? А эмоции в науке - вещь непродуктивная.

17 марта. Напрасно мы смеялись над Шоколадзе. Он оказался прав...

22 марта. Это действительно женщины...

31 марта. Она - в первый раз произношу это удивительное слово - она прекрасна! Она восхитительна! Она...

1 апреля. Все получилось... Конечно, не сразу, как говорится, методом проб и ошибок... Но природа все-таки подсказала нам, что к чему. И слава Лоху, что мы, по ее совету, предварительно задраили иллюминаторы, отключили радиосвязь, а главное - телеаппаратуру...

Умница ты моя!

2 апреля. Я счастлив! Я ее люблю! Шоколадзе и тут прав.

5 апреля. Милая... Любимая... Желанная...

26 апреля. Она в ярости. В первый раз вижу ее такой. Говорит, что я причинил ей вред и тем самым нарушил основное условие контакта. Если первичный ущерб, нанесенный мною, был отчасти непреднамерен и даже предсказуем, то теперь... Будь у нее под рукой шмайсер-бластер, мне бы несдобровать... Я в полной растерянности: впервые вижу, как плачет женщина. Чувствую себя последним скотозавром.

Неизвестно, почему, но ее непрерывно тошнит...

5 мая. Наша палочка-выручалочка - Шоколадзе. Впрочем, у моей... тоже имеется консультант. «Советники», снабженные максимально возможной в наших условиях информацией, высадились на платформу. Теперь сложившееся положение мы обсуждаем вчетвером. Дело делом, а между тем Шоколадзе регулярно посматривает на свою партнершу. Да и она вроде не спешит отворачиваться. Вот вам и вторая пара...

Как удалось установить, ничего страшного не произошло. У нас будет ребенок... И без всякого колбагрегата... Что-то не верится...

19 сентября. Оба космоглота пристыкованы к станции и временно законсервированы. Экипажи обживают помещение и делают робкие попытки ужиться друг с другом. В прямом и переносном смысле. Удивительное совпадение: мужчин оказалось столько, сколько женщин. Не знаю, как бы мы вышли из положения при дисбалансе. Пары сложились стихийным, но неизбежным образом. Увлеченные друг другом астролетчики разом забыли о своих служебных обязанностях. С трудом удается поддерживать порядок и дисциплину. Один я бы, конечно, не справился... Но ей и без того несладко... Честно говоря, мне тоже ни до чего нет дела. И ни до кого. Кроме нее... И нашего будущего сына... Или дочери...

31 декабря. Я и не предполагал, что она так хорошо усвоила наш язык (вплоть до патерных слов и выражений), поэтому был слишком поражен услышанным. По-видимому, когда боль становилась непереносимой, она принималась ругаться по-своему. Но увиденное потрясло меня еще больше. Мне до слез жаль ее, жаль, что я причинил ей столько страданий. Правда, мне тоже досталось: в самые напряженные моменты она своими длинными ногтями впивалась в мою руку, так что даже кровь выступила, - но это не идет ни в какое сравнение с ее мучениями. Шоколадзе со своей (она тоже ждет ребенка)... выступали в роли акушинженеров.

За всеми этими хлопотами мы начисто забыли про Новый год. Впервые за весь полет. Зато теперь у меня есть сын... И дочь... Первые люди - в полном и прямом смысле этого слова - во Вселенной...

10 января 3001 г. Все лихорадочно изобретают: детское питание, одежду, спальные и туалетные принадлежности, игрушки, лекарства - без них тоже, видимо, не обойтись, мало ли что... Мы ведь не у себя дома...

8 февраля. И антидетородные препараты... Молодец, Шоколадзе! Кстати говоря, он тоже стал отцом...

24 марта. Дети заболели. Наверное, простыли, ведь каюрта постоянно проветривается кондициоблоком. Я не нахожу себе места. Кто же знал... Она не отлучается от них ни на минуту, не спит ночами, похудела, спала с лица.

Когда они кашляют, я непроизвольно пытаюсь откашляться вместе с ними...

9 мая. Мне нравится смотреть, как она их кормит... Сначала одного, потом другого.

Малыши уморительно причмокивают...

18 июня. Не помню, по какому поводу я похвалил ее помощницу... Напрасно. Пришлось просить прощения... Это происходит все чаще и чаще, потому что я то и дело попадаю впросак. А население платформы растет. Нужно будет устроить что-то вроде детского питомника...

9 сентября. Девочка - вылитая мама. Мальчик - вылитый я. То есть нет: девочка похожа на меня, а вот мальчик... Так утверждает она, а я стараюсь с ней не спорить. Ни по какому поводу. Так спокойнее...

11 ноября. Они заговорили. Сначала, конечно, девочка. Первым она произнесла слово «мама». С мальчиком и «папой» все обстояло немного сложнее... Хорошие вы мои...

31 декабря. Новогодняя ночь. День рождения моих двойняшек. Уложив детей, мы собрались в каюрт-компании. Я сказал несколько слов. Контакт между двумя цивилизациями можно считать успешным. Мы поняли и взаимно дополнили друг друга. Наша миссия завершена... Я поднял бокал с бананасовым соком... Мы дружно выпили.

Когда до нас дошел смысл сказанного, все разом погрустнели...

1 января 3002 г. Не представляю, как я буду обходиться без них. Без нее...

5 января. Мы наконец вспомнили, что обязаны сообщить о контакте Верхорылым (каждый экипаж - своим). Как раз вовремя. Переполох, связанный с нашим исчезновением, конечно, давно улегся, но они (и на той, и на другой планете) снарядили по астроглоту. И только организационные неурядицы помешали тем и другим (мы, действительно, очень похожи) отправиться на поиски значительно раньше. Выслушав наши доклады, Верхорылые отдали приказ о немедленном возвращении... Мы так и полагали...

6 января. Драма. Трагедия. Катастрофа. Пары не хотят разлучаться. Тем более при наличии детей. Собрание за собранием, грозящие перерасти в вооруженное восстание. Горячие головы предлагают захватить космоглоты и отправиться на поиски уютного местечка во Вселенной.

Только Шоколадзе грустно помалкивает, словно он один знает, чем все это кончится...

9 января. Не спрашивая позволения у Верхорылых (это бесполезно), мы, капитаны астроглотов, решили принять ответственность на себя и не разбивать сложившиеся пары. Пусть сами думают, куда им лететь. При одном условии: каждый космоглот должен быть укомплектован полным штатом специалистов, необходимых для полета. После недолгих споров команды разделились (к счастью, количество пар - без нашей - оказалось четным) на две абсолютно равные половины, ибо даже намек на возможную разлуку гасил всяческие разногласия. На меня и на нее избегают смотреть...

10 января. Мы с нею расстаемся. Навсегда...

15 января. Понемногу все утряслось. Начались работы по консервированию астроплатформы и расстыковке космоглотов. Наша девочка уже начинает ходить...

22 февраля. Она намерена забрать с собой обоих: и мальчика, и девочку. Говорит, что она мать и т.д. Но я ведь как-никак отец. Она ничего не хочет слышать. Только плачет...

3 апреля. Наша последняя ночь...

4 апреля. Платформа законсервирована. Астроглоты с экипажами на борту готовы к отлету. Перед посадкой ко мне подошел Шоколадзе. Мы обнялись. Мне будет его не хватать... Я сидел у телемонитора, смотрел на нее, на ее заплаканное лицо и не знал, что сказать... Вчера я в последний раз поцеловал сына и тоже не мог удержаться от слез. Он крепко спал и ничего не почувствовал. Дочку она все-таки оставила мне. Сказала, что малышка очень похожа на нее и что ради меня...

Она поднесла к телемонитору сына, я - дочь: малыши весело замахали друг другу...

... ...

Они переговаривались до тех пор, пока радиоволны, связывающие их во Вселенной, окончательно не испустили дух. После чего Лившиц выключил телемонитор и замер в кресле. Он смотрел на маленькую Танюшку, мирно посапывавшую в кроватке, и умирал от тоски...

Алексей НИКОЛАЕВ

ТЕОДИЦЕЯ

Текст в переработке